

С. Я. МАРШАК

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

С. Я. МАРШАК

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья В. В. Смирновой

Составление

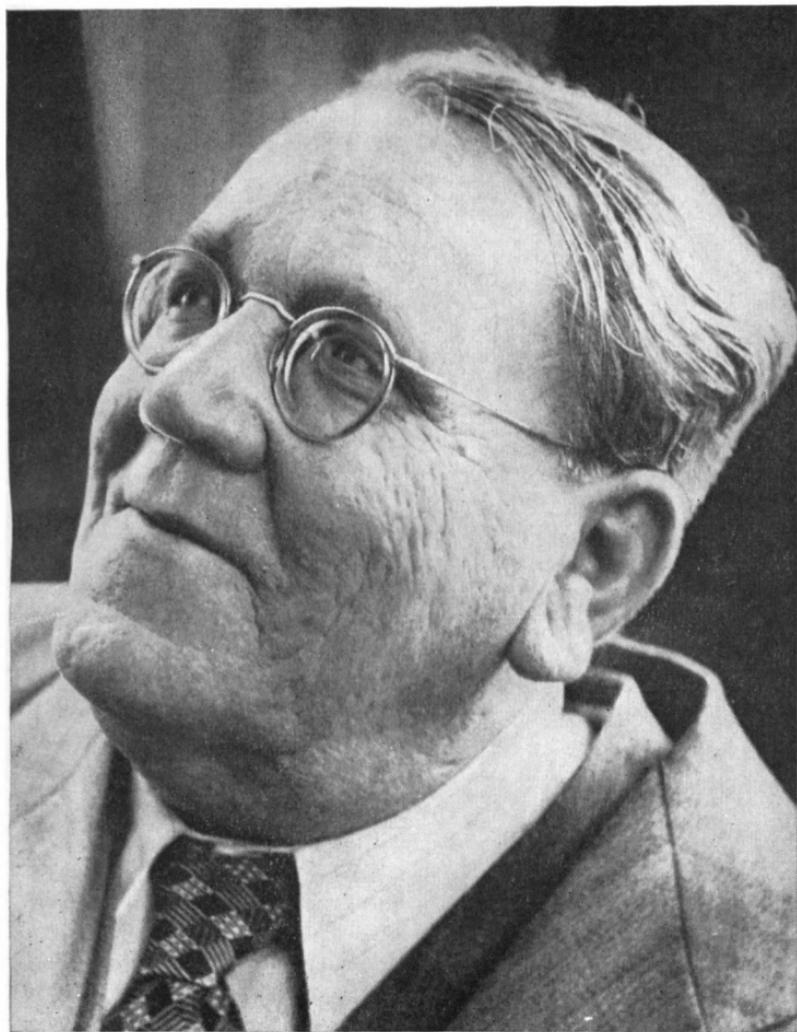
В. В. Смирновой и М. Л. Гаспарова

Подготовка текста и примечания

М. Л. Гаспарова

Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964) — широко известный советский поэт. Творчество его многообразно: он снискал заслуженную славу и как лирик, и как сатирик, и как переводчик, и как автор ставших классическими стихов для детей. Настоящее издание содержит лучшие его произведения, написанные во всех этих жанрах. С особенной полнотой представлено его лирическое творчество. В каждом из разделов книги стихи впервые расположены в хронологическом порядке — это позволяет проследить творческое развитие поэта. Свыше шестидесяти стихотворений, напечатанных здесь, не включалось в прежние собрания сочинений Маршака; значительная их часть печатается впервые. Широко представлены варианты и другие редакции — по ранним изданиям и рукописям.

© Издательство «Советский писатель», 1973

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

1

Самуил Яковлевич Маршак родился в Воронеже 3 ноября (22 октября) 1887 года. Его отец, Яков Миронович Маршак, работал техником на мыловаренном заводе; талантливый изобретатель, химик-самоучка, он не мог удовлетвориться такой работой и много скитался с семьей по разным городам в поисках настоящего дела. Он сумел привить своим детям с ранних лет стремление к знанию, уважение к человеческому труду, ко всякому мастерству. Детство будущего поэта и первые школьные годы прошли в маленьком городе Острогожске, недалеко от Воронежа, в рабочем поселке около завода. Семья была большая, жили небогато, но дружно. В доме был тот необходимый для детей ласковый уют, о котором поэт не раз вспоминал потом в своих стихах. Здесь ценили книгу и по вечерам часто читали детям вслух. Книги давали богатую пищу воображению, такому живому в этом подвижном и веселом мальчике, который очень рано полюбил стихи и сам стал сочинять их. Десяти лет он поступил в Острогожскую гимназию. О своих детских годах он рассказал впоследствии в повести «В начале жизни».¹

Летом 1902 года в жизни юного поэта произошел тот «случайный и неожиданный поворот», о котором он говорит в автобиографии, который имел большое значение для его будущего: известный ученый-востоковед и меценат Д. Г. Гинцбург заинтересовался одаренным мальчиком и пригласил его к себе. В его доме Маршак познакомился с известным искусствоведам и художественным критиком В. В. Стасовым, который принял горячее участие в его судьбе.

---

¹ См.: С. Маршак, Собр. соч. в восьми томах, М., 1968—1972, т. 6, с. 9—180 (в дальнейшем ссылки на это издание будут даваться сокращенно: Собр. соч.).

Маршак был переведен в пестербургскую третью гимназию, учился, часто бывал у Стасова — дома и в Публичной библиотеке, посещал с ним вместе театры и концерты, встречался с известными художниками, музыкантами, писателями. В декабре 1902 года в Обществе поощрения художеств была исполнена «Кантата в память Антокольского» — музыка Глазунова и Лядова, слова С. Маршака, — это было первое общественное выступление юного поэта.

Но петербургский климат был вреден для мальчика, и он часто болел. Летом 1904 года на даче у Стасова в Парголово Маршак познакомился с Горьким. В этот знаменательный для поэта день в гостях у Стасова были Горький, Шалапин, Репин и Глазунов, и Маршак приветствовал их шутивным «всличаньем» — «Трем богатырям со четвертым». Узнав от Стасова о болезни Маршака, Горький сразу предложил ему поехать на юг, в Ялту, где жила тогда Е. П. Пешкова с детьми. Два года (1904—1906) Маршак жил и учился в Ялте. Но в 1906 году Пешковы покинули Ялту, и продолжать там учебу Маршаку не пришлось. Он вернулся в Петербург, где теперь жила его семья. Стасов умер, Горький был в это время за границей. Счастливая пора «вундеркиндства» для Маршака кончилась, начиналась трудная юность.

Маршаку было девятнадцать лет. Гимназии он не закончил, в университет поступить не мог. Надо было думать о заработке. Он жил уроками и мелкими литературными заработками, печатаясь в самых разных изданиях — в журнале «Еврейская жизнь», во «Всеобщей газете», «Всеобщей иллюстрации», «Биржевых ведомостях», «Сатириконе» (где одно время был сотрудником редакции). В основном он печатал тогда стихотворные и прозаические фельетоны и очерки, лирика его представлена всего какими-нибудь двумя-тремя десятками стихотворений, большей частью подражательных и еще несмелых, но уже тогда выражавших тягу поэта к классической поэзии. Он явно шел по следам Фета и Бунина. Эти его ранние лирические стихи не привлекли широкого внимания, тем более что на «гребне» современной поэзии были тогда символисты и модернисты всех мастей.

В 1911 году Маршак со своим другом поэтом Яковом Годиным и группой молодежи совершил длительное путешествие по Ближнему Востоку: из Одессы — в Турцию, в Константинополь, в Грецию, Сирию и Палестину. Он поехал туда корреспондентом петербургской «Всеобщей газеты» и «Синего журнала». Лирические стихотворения, навеянные этой поездкой, принадлежат к числу наиболее удачных в творчестве молодого Маршака («Мы жили лагерем в палатке...» и другие).

В этой поездке Маршак познакомился со своей будущей женой, С. М. Мильвидской, и вскоре по возвращении они поженились.

Осенью 1912 года Маршак с женой уехали в Англию. Там они поступили в Лондонский университет (он — на факультет искусств, она — на факультет естественных наук). Но прежде им пришлось усиленно заняться изучением английского языка. С этой целью Маршак даже бродил пешком по южной Англии. Занимаясь в университетской библиотеке, Маршак отдался изучению английской поэзии. Именно в это время он увлекся поэзией Блейка и начал переводить его стихи.

Во время своих пеших путешествий по Англии они набрали на «лесную школу» — это была «Школа простой жизни», основанная педагогом Филиппом Ойлером. Здесь им так понравилось, что в начале 1914 года они поселились в Тинтерне, возле этой школы, и Маршак принимал живое участие в работе и жизни детей и воспитателей. В этом же году Маршак весной ходил и ездил по Ирландии. Интересны своеобразные путевые дневники его — ежедневные письма жене и сестрам, которые он посылал из разных мест, где побывал, — в них были и описания природы, и бытовые зарисовки, и наблюдения над особенностями народной речи.

В июле 1914 года, перед началом первой мировой войны, Маршаки вернулись в Россию.

Из-за плохого зрения Маршак был освобожден от военной службы. Некоторое время он жил в Воронеже (где должен был призваться), работал по оказанию помощи беженцам из западных губерний, помогал устраивать детские площадки. Все время продолжал начатую еще в Англии работу над переводами английских народных баллад и стихотворений Блейка. В 1915 году в журнале «Северные записки» напечатаны первые переводы из Блейка, а позже — английских баллад.

С 1918 года началась непосредственная работа Маршака с детьми — сначала в детской колонии на берегу Онежского озера, около Петрозаводска, а после в Екатеринодаре (куда он переехал осенью к семье). После утверждения на Кубани Советской власти он принял большое участие в просветительских начинаниях городского совета — читал лекции по английской литературе, сотрудничал в газете, сочинял тексты для массовых праздников. Там же он вместе с группой педагогов создавал «Детский городок» для детей, оставшихся без дома и без родных, работал в детском театре, писал для него пьесы-сказки. Это живое общение с детьми во многом предопределило его будущую работу в детской литературе. Сборник пьес

сказок, написанных им вместе с поэтессой Е. Васильевой, вышел в Краснодаре в 1922 году.

Осенью 1922 года, вызванный телеграммой Луначарского в Москву, Маршак покинул Краснодар. Вскоре он переехал в Петроград, где стал работать в Театре юных зрителей, там были поставлены и некоторые его пьесы.

Поиски пьес привели в Показательную библиотеку детской литературы при Педагогическом институте дошкольного образования, где под руководством О. И. Капицы велась большая исследовательская работа по детскому чтению. Вскоре при этой библиотеке была организована «студия детских писателей», ставшая — по воспоминаниям некоторых участников — «колыбелью детской литературы». ¹ Многие из участников этой студии вошли впоследствии в детскую литературу как признанные мастера (Е. Данько, Е. Шварц, В. Бианки, Е. Верейская и др.). Здесь впервые Маршак осмысливал коренные вопросы детской литературы, читал свои первые стихи для детей. В 1923 году в печати появились первые детские книжки Маршака: это были подписи к картинкам «Детки в клетке», переводы с английского («Дом, который построил Джек») и оригинальные стихи для самых маленьких («Сказка о глупом мышонке», «Пожар»). Осенью 1923 года Маршак был приглашен литературным консультантом в детский альманах «Воробей» (вскоре превратившийся в журнал «Новый Робинзон»). Два года работы в «Новом Робинзоне», куда Маршак привлек писателей, уже известных в литературе (А. Чапыгин, Н. Тихонов, К. Федин, В. Каверин, Б. Лавренев, Б. Пастернак, И. Груздев), а также раньше не писавших вообще (Б. Житков, В. Бианки), утвердили его в новой роли организатора литературы для детей. Позднее он вспоминал: «Редактором или, как меня официально именовали, консультантом детского журнала, а потом Государственного издательства я стал, сам того не ожидая, — так же, как и детским писателем». ² Конечно, считать его приход в детскую литературу случайным никак нельзя, — ведь у него уже был большой запас впечатлений и наблюдений над детьми и непосредственной работы с детским коллективом. Не приходится удивляться и тому, что, числясь всего лишь «консультантом» издательства, Маршак сразу возглавил детскую редакцию и стал в ней идейным и художественным центром. Но он был не только организатором и редактором, — он сам явился нова-

---

¹ См.: Е. Привалова, Таким я помню его. — «Детская литература», 1969, № 4, с. 26; «Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о С. Я. Маршаке», М., 1971, с. 156 (в дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в сокращении: Восп.).

² «Дом, увенчанный глобусом». — Собр. соч., т. 7, с. 560.

тором в детской поэзии, и его стихи были живым подтверждением его идей.

В 1927 году возобновилось знакомство Маршака с Горьким. Горький, живший тогда за границей, с большим интересом следил за работой Маршака, читал новые детские книги, выпускавшиеся ленинградской редакцией (так, он горячо принял «Республику Шкид» Белых и Пантелеева, «Рассказ о Великом Плана» М. Ильина), — он видел, что Маршак начинает осуществлять то, о чем давно уже мечтал он сам. Дважды Горький поддержал Маршака в его борьбе за новую литературу для детей, защищая его от нападок педологов и «титулованных бюрократов». ¹

После возвращения Горького из-за границы Маршак стал его ближайшим помощником во всем, что касалось детской литературы. На Первом съезде советских писателей в 1934 году, где Горький делал основной доклад, содокладчиком его — «О большой литературе для маленьких» — был Маршак. ² Когда по инициативе Горького было создано специальное издательство детских книг, Маршак помогал Горькому в составлении проекта изданий. ³ В этом новом Детиздате Маршак не занимал никаких постов, числился по-прежнему консультантом, продолжая главным образом работать в ленинградской редакции.

В 1935 году первый большой сборник Маршака «Сказки, песни, загадки» подвергся резкой критике за «формалистические» рисунки В. Лебедева. ⁴ В 1937 году дружный коллектив авторов и редакторов ленинградской редакции распался, она перестала существовать. Осенью 1938 года Маршак переехал в Москву. Оставаясь и здесь консультантом Детиздата, помогая редакциям своими советами, он, по существу, весь отдался своей литературной работе. В 30-е годы он вновь с увлечением погружается в английскую поэзию, переводит английские народные баллады и стихи Роберта Бернса. В то же время он продолжает писать для детей, публикует в газетах ряд статей о детской литературе и много публицистических стихов, отзываясь на все крупные события и даты в стране, в особенности на все, что связано с жизнью детей. Можно сказать, что ни одно начало учебного года не обходилось без его стихотворного приветствия.

---

¹ См.: «Человек, уши которого заткнуты ватой», «О безответственных людях и о детской книге наших дней». — М. Горький, Полн. собр. соч., т. 25, М., 1953, с. 112—115, 167—176.

² См.: «Первый съезд советских писателей», М., 1934.

³ См. об этом в письмах и воспоминаниях Маршака. — Собр. соч., т. 7, с. 231—249, 312; т. 8, с. 131, 422.

⁴ В 1971 году сборник переиздан с теми же рисунками.

В годы Великой Отечественной войны публицистическая деятельность Маршака приобрела боевое звучание и силу. Это были стихи для военных плакатов, сатирические антифашистские памфлеты, стихотворные подписи к газетным карикатурам. Как и в детской литературе, он работал в тесном содружестве с художниками, чаще всего с Кукрыниксами. Вместе с художниками свою первую литературную премию, полученную за военные стихи (в 1942 году), Маршак отдает на постройку танка. Несколько раз он выезжал на фронт, выступал перед бойцами.

Во время войны он публикует первые переводы сонетов Шекспира. Написаны пьеса-сказка «Двенадцать месяцев», «Круглый год», вышли в свет сатирические книги «Урок истории», «Черным по белому» и «Капут». Наконец, после почти тридцатилетнего перерыва, Маршак вновь выступает перед читателями как лирический поэт. Его итоговый сборник «Стихи 1941—1946 годов» (М., 1946) включает раздел «Из лирической тетради», в который вошли такие стихотворения, как «Словарь», «Все то, чего коснется человек...», «Когда, изведав трудности ученья...» и другие.

Послевоенные годы приносят Маршаку тяжелые личные утраты: в 1946 году умирает от туберкулеза его младший сын-студент, в 1953 году он хоронит жену и брата, талантливого писателя М. Ильина. Но и в это тяжкое время Маршак не утрачивает своей энергии, напротив — работает с такой ненстойвой напряженностью, словно ищет опору в непрерывной, берущей все силы работе. Он работает дни и ночи, буквально изнуря себя, — переводит, правит корректуры (а правка для него — это значит новые и новые варианты), пишет статьи, стихи в газеты, выпускает «Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака» (1948), готовит сборники детских стихов.

В 50-х годах Маршак четырежды выезжал за границу: в 1955 году — в Шотландию на фестиваль памяти Бернса и в Англию на конференцию по истории театра, в 1957 — в Стратфорд на конференцию шекспироведов, в 1959 — в год бернсовского юбилея — снова в Шотландию. Эти поездки оживили в нем память о молодых годах, когда он пешком бродил по дорогам Англии, и принесли ему гордую радость сознания, что он научил миллионы советских людей любить Бернса и Шекспира.

По-прежнему регулярно выходили его стихи для детей — теперь уже не тоненькими цветными книжками, а толстыми сборниками — «Сказки, песни, загадки»; он много переводил для детей из английской поэзии, из разноплеменных поэтов Советских республик; он, как и раньше, числился «главой» детской литературы, был председателем Комиссии по детской литературе в Союзе писателей СССР.

Когда в 1948 году А. А. Фадеев призвал группу детских писателей и критиков поработать над улучшением школьных учебников по литературе, Маршак взял на себя хрестоматию для младшего возраста, собрал у себя дома своих прежних ленинградских единомышленников — Т. Габбе, Л. Чуковскую, И. Халтурина, а из москвичей А. Барто — и принялся за дело с былой энергией. К сожалению, работа эта не могла быть завершена, и от нее осталась только статья Маршака, критикующая школьные учебники.¹

В 1960 году Маршак потерял своего самого близкого друга — умерла Т. Г. Габбе, которая в течение многих лет была его первым и главным редактором, с которой он делился всеми своими замыслами. Ее памяти он посвятил несколько стихотворений, едва ли не лучших в его лирике. Он пережил ее всего на четыре года, продолжая работать почти судорожно, больной, очень одинокий в своей большой, заставленной книжными шкафами квартире, среди рукописей и корректур, оживляющийся только при чтении стихов — своих и чужих, — только в труде обретающий вновь ту энергию и страстность, которые так любимы в нем были всеми, кто его знал. Он всегда любил живое общение с людьми, его квартира видела ежедневно самых разнообразных посетителей; а в эти последние годы он в особенности жаждал встреч с молодежью, поэтами, друзьями, уставал от них и все-таки был им рад, слушал стихи и читал сам, размышляя вслух о поэзии, о жизни и смерти, о счастье творчества. Почти ослепший, почти потерявший слух, он продолжал работать до последнего дня — одержимый одной страстью, одной любовью, все отдавший литературе.

Он умер 4 июля 1964 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На мраморном надгробье работы скульптора Никогосяна он изображен таким, каким больше всего запомнился всем знавшим его: с пером в руке, склоненный над книгой.

Маршак работал в литературе шестьдесят лет. Свой труд и свой талант он щедро отдавал людям, своей социалистической родине. Популярность его в нашей стране огромна, несколько поколений советских людей помнят его стихи с детства, а выросши — благодарны ему за то, что он «подружил» их с Бернсом и другими английскими поэтами. Он был человеком высокой культуры, прекрасно знал и любил литературу, музыку, театр, живопись, особенно графику, всегда живо интересовался тем, что происходит в наши дни

---

¹ «Высокой страсти не имея». — Собр. соч., т. 7, с. 486.

в науке и технике, умел почувствовать то главное, чем жила страна, пульс времени. Он любил людей, которые были мастерами своего дела, любил труд и сам трудился всю жизнь, не жалея себя, и своим упорным, постоянным вдохновенным трудом заслужил общественное признание и почетное место среди советских писателей.

О Маршаке написано немало статей и несколько книг. Тем не менее можно сказать, что изучение творчества его только начинается. Эта статья (как и вся книга) является попыткой показать творческий путь Маршака, особенности его многогранной работы в литературе, истоки, питавшие его поэзию, его новаторство и традиционность.

«...Критики делят меня на детского поэта, переводчика, лирика и не видят, что я один и тот же и в детских стихах и в своем... Настоящая поэзия требует всего человека...»¹ — говорил он, — и это, конечно, верно. Больше всего он хотел быть лириком и чаще всего был им — и в детских стихах, и в переводах, и даже в своих публицистических стихах. Лирическими стихотворениями он начинал свою жизнь в литературе, лирика стала для него основной и в творчестве последних лет. Сборник «Избранная лирика» (1962), удостоенный Ленинской премии, был для него главным итогом его творческого пути. Но в анализе его поэзии в данной статье мы все же придерживаемся привычного деления — во-первых, потому, что советский читатель прежде всего узнал Маршака как детского поэта, затем — как переводчика и уж потом — как лирика; а во-вторых, потому, что в каждом роде его литературной деятельности проявились разные грани его творческой личности. Поэтому, прежде чем определить его роль и значение в советской поэзии, естественно рассмотреть, что им создано на всех участках его «многопольного хозяйства».

2

Маршак пришел в детскую литературу в то время, когда уже намечалась перестройка всего дела образования и воспитания в нашей стране, когда начиналась борьба за детскую книгу как важное орудие воспитания.

У нас нет еще истории советской детской литературы, как нет и вообще истории детской литературы в России. Мы знаем, что о книгах для детей много думали и писали в XIX веке великие русские критики, революционные демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов, по-своему резко высказывался Писарев, писал Герцен в

---

¹ Восп., с. 399.

письмах сыну; о детском чтении заботился Лев Толстой, создавая «Азбуку» и книги «Круга чтения»; многие русские писатели оставили прекрасные книги для детей. Детская литература всегда составлялась из тех доступных детям книг, которые отбирались из всей мировой литературы, и из книг, написанных специально для детей современными писателями. В этой собственно детской литературе были свои кризисы, свои периоды подъема и упадка, — и об этом написано немало книг и статей. Начало XX века было периодом упадка: распад, наблюдавшийся во всей русской литературе, не мог не отразиться и на детской книге. О плохом состоянии нашей детской литературы в эти годы много писал еще до революции Корней Чуковский, остроумно и резко высмеивавший Чарскую, «Пинкертонов», журнал «Задушевное слово». Горький, всегда много думавший о детях и о детском чтении, намеревался уже в 1916 году организовать при издательстве «Парус» детский отдел с широкими планами и начал готовить альманах для детей, призвав к участию в нем таких мастеров, как Алексей Толстой, Валерий Брюсов, Александр Бенуа, Илья Репин, и других писателей и художников, сам написал для него сказку, а редактором-составителем сделал Чуковского. Горький создал и первый советский детский журнал «Северное сияние», который начал выходить в 1919 году.

Но для того, чтобы бороться с «буржуазной, мещанской и пошлой книгой», как называл тогдашнюю детскую литературу Чуковский, мало было только отрицать ее и высмеивать, — надо было создавать что-то новое, настоящее, художественное. «Лучшая полемика — не словом, а творчеством» — так говорил Горький Чуковскому.¹

Приехав в 1922 году в Петроград из Краснодара, полный впечатлений и мыслей, навеянных Детским городком, где он непосредственно работал с детьми, познакомившись с Чуковским и работниками библиотеки Пединститута дошкольного образования, Маршак увлекся открывшимися перед ним возможностями новых, революционных путей в детской литературе.

Первыми стихотворными книжками Маршака для детей были «Детки в клетке», «Сказка о глупом мышонке», «Пожар», «Дом, который построил Джек». Уже в них выявились основные качества его стихов для детей: конкретность, вещьность, лаконизм, энергичный мажорный стих, и ожидаемые, памятью детства рожденные сопоставления и интонации, музыкальность, юмор и та близость к русскому и английскому фольклору, которая всю жизнь питала его поэзию.

---

¹ И. Лупанова, Полвека, М., 1969, с. 12.

Это были стихи для детей младшего возраста — самое трудное для детского поэта, потому что они были адресованы детям, которые еще не умели читать сами, для которых книжка была лишь одной из игрушек, была игрою со словом и с картинкой, изображавшей окружающий ребенка мир. Очень хорошо понимая, что у ребенка все начинается с игры, Маршак стремился к тому, чтобы книжка, с которой ребенок знакомился впервые, выделялась из всех окружающих его предметов как своеобразное чудо, как некая цельность, самостоятельная и живая, таинственная и увлекательная, открывающая ребенку мир. «Детки в клетке» и были такой цельной книжкой: хотя это были лишь подписи под страничной картинкой, в целом перед ребенком был зоологический сад, одно из любимейших детских развлечений. Книжки о зверях, которых дети видели в зоопарке, бывали и раньше, и на картинках в них бывали и слон, и тигр, и жираф, и медведь, а подписи свидетельствовали о том, кто они такие. Но и картинки и названия зверей годились только на то, чтобы быть принятыми «к сведению» — они не будили воображения, не доставляли радости. Маршак же показывал свой зоопарк по-новому, неожиданно, заставлял разглядывать зверей с удивлением, с интересом, открывая их свойства по-детски, весело, с улыбкой:

Дали туфельки слону.
Взял он туфельку одну
И сказал: «Нужны пошире,
И не две, а все четыре!»

(«Слон»)

Маршак упорно добивался в этих стихах предельной краткости и выразительности. Это давалось ему не сразу: из шести двустиший о тигренке удержалось в книжке только последнее, все остальные были постепенно сокращены. Вот еще характерный пример:

Высоко голову задрал
И растопырив ноги,
Большой раскрашенный жираф
Стоял среди дороги.
И говорил себе жираф:
«Как я высок и величав!»
Но вот нашел он между трав
Цветочек у дороги.
Хотел сорвать его жираф.
Да помешали ноги.

И с грустью глядя на цветок,
Он думал: «Слишком я высок». ¹

Казалось бы, все понятно в этом стихе, все объясняет рисунок. Но Маршак предпочел совсем новую редакцию — вместо двенадцати строк всего четыре:

Рвать цветы легко и просто
Детям маленького роста.
Но тому, кто так высок,
Нелегко сорвать цветок.

(«Жираф»)

Краткость, юмор, неожиданное озорство, и при этом очень меткое слово, разнообразие интонаций, оригинальность неброских, но очень точных рифм.

У нас просторный водоем.
Мы с братом плаваем вдвоем.

(«Белые медведи»)

Все рассчитано на то, чтобы ребенок произносил каждую строчку, каждое слово с удовольствием, чтобы книжка доставляла ему радость, была для него праздником.

По такому принципу «цельной» книжки был создан в 1925 году Маршаком и художником В. Лебедевым «Цирк» — настоящее цирковое «антре», яркое, праздничное, буффонное, с вступлением, пародирующим веселые цирковые зазывания, афиши, концераны:

Веселые сцены!
Дешевые цены!
Полные сборы!
Огромный успех!
Кресло — полтинник,
Ложки — дорожки,
Выход обратно —
Бесплатно

для всех!

К таким «праздничным» книжкам относится и «Мороженое» (тоже с рисунками Лебедева) — явное воспоминание детства, кар-

---

¹ Вариант хранится в архиве поэта.

тинка, милая детскому сердцу. Как точно, как виртуозно изображено священнодействие мороженщика, за которым жадно следят дети:

Взял мороженщик лепешку,
Сполоснул большую ложку,
Ложку в банку окунул,
Мягкий шарик зачерпнул,
По краям пригладил ложкой
И накрыл другой лепешкой.

А толстяк, превратившийся в сугроб, — это даже не фантастика, это просто ожившая метафора.

От принципа цельной, законченной книжки Маршак не отступал и тогда, когда содержанием книги была не серия отдельных моментов, объединенных только единым местом действия, а целая история, сюжетный рассказ. И прежде всего, думая о своих маленьких читателях, он использует в своей книжке сказку. «Сказка о глупом мышонке» написана в ритме колыбельной, певуча, монотонна и полна повторов, таких характерных и для сказки и для колыбельной песни. Но вспомним, сколько новых персонажей выводит Маршак в этой сказке и как своеобразно характеризует их!

Сказочная интонация слышится и в «Усатом-полосатом» — книжке для самых маленьких: основа повествования здесь прозаическая, а в нее врываются стихотворные строчки.

Маршак не раз говорил, что стихи для самых маленьких — труднейший жанр детской литературы. Но опыт детского фольклора, народной песенки, «считалки» помогал ему. Он знал, что дети часто запоминают стихи, повторяют их, радуются им, еще не до конца понимая их смысл, — так, как выкрикивают «считалки», бессвязные и кажущиеся нелепыми.

Во второй половине 20-х годов появились три новые книжки Маршака, наиболее характерные для него и ставшие наиболее известными, — это «Багаж» (1926), «Почта» (1927), «Вот какой рассеянный» (1930).

Еще в те годы критика отмечала в стихах Маршака «схематичность» как свойство, положительное для детской книжки.¹ Маршак вводит в стихи простейшие предметы из окружения ребенка и, как бы играя с ними, выявляет их свойства. Вводя новые незнакомые пред-

¹ Известный советский психолог Л. Выготский, много занимавшийся психологией детей как раз в 20-е годы, справедливо писал, что «ребенок рисует не явление, а схему», в которую вкладывает свой опыт, зависящий от возраста, развития, одаренности (см.: Л. Выготский, Психология искусства, М., 1968, с. 329).

меты, он подчеркивает их повторами, играя теперь уже самими словами:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Корзину,
Картину,
Картонку

И маленькую собачонку.

(«Багаж»)

Даже по начертанию это стихотворение необычно: оно не укладывается в привычные строфы.

Новое в «Багаже» — сатиричность, которая была понятна детям (не всегда взрослым) и которую он впоследствии сделал такой острой в «Мистере Твистере» и других политических стихах.

«Почта», не менее известная, чем «Багаж», написана совсем в другой тональности: здесь не сатирическое, а скорее лирическое отношение к вещам и людям. Теперь странно вспомнить, что когда-то Маршака упрекали за «отсутствие познавательного элемента» в «Почте». Уже в самом кругосветном путешествии письма — из Ленинграда через Берлин, Лондон, Бразилию обратно в Ленинград — дано не только ощущение обширности мира, но — и это очень важно для ребенка — представление о том, что почта связывает нас с другими городами и странами, даже самыми далекими. В композиции «Почты» есть тоже что-то от сказки — и круговой сюжет, и то, что письмо все время догоняет и не может догнать адресата. А в промежутках показаны все пути, по которым идет почта — в поездах, на кораблях и по воздуху, — и показано это очень просто и поэтически:

Письмо
Само
Никуда не пойдет,
Но в ящик его опустит —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Почтальоны даны плакатно — как и персонажи многих маршаковских сказок и даже реалистических картин (вроде «Неизвестного героя»).

«Рассеянный с улицы Бассейной» вошел уже в поговорку. Это стихотворение сатирическое, но насмешка здесь добродушная; рас-

сеянность героя преувеличена до нелепости («вместо шапки на ходу он надел сковороду»), но она никому не мешает, безобидна и вызывает только смех и весело-доброжелательное отношение к «рассеянному», какое бывает, когда шутят над близким и хорошим человеком. Даже повтор «вот какой рассеянный» не звучит здесь как «дразнилка».

Все эти произведения 20-х годов показывают, как творчески преобразовал Маршак то, что почерпнуто было им в русском и английском фольклоре, как хорошо понимал он возможности и потребности своего маленького читателя, как настойчиво и незаметно учил ценить слово, любить стих, чувствовать его. Как в народных «считалках» и «дразнилках», он доставлял детям удовольствие от игры словом, от чувства владения словом, от понимания его значимости, весомости, красоты. Примером может служить стихотворение «Мяч» (1926) — одновременно и «считалка», и песенка, под которую удобно играть мячом, и, в сущности, целый рассказ о мяче.

Пожалуй, самым большим успехом у читателей в первые годы работы Маршака в детской литературе пользовался «Пожар» (1923). Здесь была и непослушная девочка Лена, выпустившая огонь из печки, и пожарный Кузьма, героически боровшийся с огнем и, подобно пушкинскому кузнецу из «Дубровского», спасающий кошку; это была картина вполне реалистическая, где показан и труд пожарных, быстрых, ловких и смелых, и помощь народа, и позднее раскаяние ребенка. Но сильнее всего пленяют нас в этом стихотворении даже не эти картины, а сам стих, сильный, мажорный, мускулистый:

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В щелку красную глядит,
А в печи огонь гудит.
Приоткрыла печку Лена —
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,
Побежал по стульям с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Этот образ «живого» огня, с которым борется и который побеждает человек, — главное в стихотворении.

Борьба с огнем особенно сильно ощущается в первоначальной редакции стихотворения — тут она окружена помощью и сочувствием народа, и сила пожарных не столько в технике (как в последней редакции, где автор старался показать современный пожарный выезд), сколько в ловкости, смелости и опыте. Старый «Пожар» — явное провинциальное, каким, очевидно, автор наблюдал его в детстве, а в последнем варианте видно стремление приспособиться к современности.

Современность входила и в ранние детские стихи Маршака, не через сказку — сказку, звучащую и традиционно и ново. Такова была сказка «Вчера и сегодня» (1925), где велся спор между вещами, олицетворяющими старое и новое время: лампа керосиновая и свечка стеариновая спорили с электрической лампочкой, чернильница — с пишущей машинкой, а коромысло удивлялось:

Речка спятила с ума —
По домам пошла сама.

Опять, как и во многих его стихах, тут действовали вещи, знакомые детям, но сказка заставляла их оживать, выражать отношение к тому новому, что входило в жизнь, — и эти изменения становились понятными и доступными даже маленьким читателям. По поводу этой сказки Алексей Максимович Горький, зная споры Маршака с педологами, говорил ему шутя: «Ну, что, позволили наконец разговаривать чернильнице со свечкой? Сошлитесь на меня. Я сам слышал, как они разговаривали — ей-богу...»¹

В начале 1931 года была опубликована «Война с Днепром» — о постройке гидростанции на Днепре. По сути это рассказ о борьбе с природой во имя больших и нужных человеку целей. Автор показывает в работе все важнейшие инструменты — подъемный кран, экскаватор, лебедки. А человек дан не только героем труда, но и преобразователем, повелителем всего этого. Императивность здесь ощущается уже в самом интонационном построении стиха:

Человек сказал Днепру:
«Я степой тебя запроу,
Чтобы,
Падая
С вершины,
Побежденная
Вода

---

¹ Собр. соч., т. 7, с. 215.

Быстро
Двигала
Машины
И толкала
Поезда».

Маршак, подобно шахматисту, в поэзии жил всегда в постоянном пылу «вариаций»: он любил менять не только отдельные эпитеты в своих стихах,¹ но и целые ситуации внутри тем, и самые темы. «Рассказ о неизвестном герое» (1937) в какой-то мере есть вариация темы «Пожара» — с иным замыслом: показать героя, который не стремится к славе, а просто не может пройти мимо чужой беды. Но герой, абсолютно лишенный каких-либо индивидуальных черт, остается до конца «неизвестным» и читателю. Он словно сошел с плаката «ГТО». Вариацией, точнее — продолжением «Почты» стала «Почта военная» (1943—1944). Ее замысел возник во время поездок Маршака на фронт в годы Отечественной войны, где он встретился с полковыми почтальонами и познакомился с их трудной и опасной работой.²

Развивая свою идею «книжки-картинки», Маршак очень изобретателен в обыгрывании простейших вещей, которые, по его мнению, должны попадать в поле зрения ребенка. Так, из темы «календарь» он сделал книжку «Круглый год» (1945), дав двенадцать лирических миниатюр, в которых отражается и то, что делается в природе, и то, что происходит обычно в жизни ребенка. Он сочинил одну за другой несколько азбук: «Веселая азбука», «Живые буквы» (1939 и 1940) — первая на каждую букву называла самые разнообразные вещи, зверей, насекомых, птиц, а вторая — только профессии людей.

В стихотворении «Праздник леса» (1930) автор сам отвечает на вопрос: «Что мы сажаем, сажая леса?», все расширяя представление ребенка о том, что выходит из леса. Сначала это очень конкретные вещи: детали корабля, на котором каждый ребенок мечтает в детстве уплыть в неизвестные страны; крылья самолета, который унесет тебя в облака; детали быта, которые окружают ребенка, — стол и стул, линейка, пенал и тетрадь, потому что бумага тоже делается из дерева. Затем идет обобщение — представление о лесе

---

¹ Так, в стихотворении «Дождь» от варианта к варианту многократно меняются эпитеты: «хозяин-дождь», «незримый», «весенний», «стеклянный», «веселый», «пролетный».

² См.: Собр. соч., т. 8, с. 194.

как о чаще, где живут звери и птицы, и, наконец, почти неуловимое ощущение —

Свежесть лесную,
И влагу,
И тень, —
Вот что сажаем
В сегодняшний день.

В другом стихотворении — обратный ход:

Берете книгу и тетрадь.
Садитесь вы за стол.
А вы могли бы рассказать,
Откуда стол пришел?

(«Стол»)

К циклу стихов о лесе относится также «Песня о желуде». В ней есть четверостишие, удивительное по емкости и точности:

В этот гладкий коробок
Бронзового цвета
Спрятан маленький дубок
Будущего лета.

Это и загадка, и поэтический образ, и безупречный стих.

Хотя Маршак не любил уточнять возраст своего читателя, все же незаметно он как бы переходит вместе с ним на следующую ступень — в школу. Правда, и школа для него прежде всего — веселая: смешные приключения, сатирические картинки, шутки. Так появились «Знаки препинания» (1928), «Лодыри и кот» (1933), «Про одного ученика и шесть единиц» (1941), «Приметы» (1949). В школьный цикл Маршак впоследствии включал «Мастера-ломастера», написанного в 20-х годах.

Маршак всегда искал для своих произведений материал, соответствующий характеру его дарования и отвечающий запросам времени. Такой материал положен в основу одного из лучших произведений, к работе над которым он возвращался в течение многих лет, — поэмы «Мистер Твистер».

Однажды ему рассказали об одном американском туристе, который отказался поселиться в гостинице, где жили негры, и остался без ночлега. Так возник замысел «Мистера Твистера». В письме к исследовательнице своего творчества В. Разовой Маршак говорит: «Нелегко писать детям на политические темы, а мне хотелось добиться в этих книгах такой же конкретности, какая есть в „Глу-

пом мышопке" или в „Почте“». ¹ Конкретность вещей, пейзажа, людей, музыкальность, своеобразный ритм, лаконизм, чрезвычайно тщательный отбор слов, большая идея, по своей простоте доступная детям, действенность, которую поэт считал обязательной для детской книги, и расчлененность стихотворения на отдельные куски-главы, словно предназначенные для того, чтобы уместиться на одной страничке или на развороте, — все это, характерное вообще для детских стихов Маршака, присуще и «Мистеру Твистеру». «Мистер Твистер» удался Маршаку потому, что в основе его был и подлинный жизненный факт, и идея интернационализма в простейшем ее, доступном детям выражении (отношении белых к цветным), и, наконец, был простор для иронического повествования, для сатирического плакатного изображения капиталиста.

Как и все почти стихи Маршака, «Мистер Твистер» тоже переделывался много раз. Вводились главным образом дополнения: мотивировка поездки, мечты дочери, получившей имя Сюзи, о том, как она будет «живую ловить осетрину», появление в повести двух негрят, пожалевших мистера Твистера, и словоохотливый чистильщик обуви, который растолковывает детям, кто такой Твистер. И конечно же отступлением от первоначального «игрового» принципа была отмена «заговора швейцаров», обычной для сказки хитрости, благодаря которой одолевают противника, шуточного розыгрыша, так хорошо понятного детям. Без него вещь теряет в финале то веселое торжество, которое дает детям ощущение превосходства над осмеянным, одураченным мистером Твистером. ²

Вернувшись к лирике в послевоенные годы, Маршак и для детей написал лирическую «книжку-картинку» с рисунками В. В. Лебедева — «Разноцветная книга» (1946). От прежних его книжек этого рода она отличается отсутствием действия, описательностью, мягким, лирическим юмором. Для школьников Маршак пишет «повести в стихах», как «Ледяной остров» (1947), где поэт пробует себя в жанре высокой героики, рассказывая о подвиге врача, с опасностью для жизни прилетевшего на зимовку, на Крайний Север, чтобы спасти зрение заболевшему радисту. Для старших ребят он пишет «Быль-небылицу», своеобразную «притчу», в которой рассказывается детям о прошлом устами старика-рабочего. Маршак и тут верен себе — он

---

¹ Собр. соч., т. 8, с. 418.

² Трудно согласиться с Б. Галановым, который в своей «Книжке про книжки» (М., 1970, с. 5—27) безоговорочно принимает все эти изменения. По свидетельству самого Маршака, он впоследствии сам не одобрял некоторые из них (см.: Собр. соч., т. 8, с. 461; Восп., с. 400).

отталкивается от конкретных вещей (дом, завод) и на них демонстрирует изменения, происшедшие за годы революции. Для пионерской кантаты, написанной композитором С. Прокофьевым, он сочинил «Зимний костер» — о походе пионеров в лес, с рядом лирических зимних пейзажей.

В 40—50-х годах Маршак пишет и откровенно поучительные стихи: «Приметы» — против суеверия, «Что такое год» — против лени, «Ежели вы вежливы» — против грубости, «Чего боялся Петя» — против трусости, «Большой карман» — против жадности, «Угомон» — против шалостей, «Четыре глаза» — против нечувственности. Эти поучения преподаются с обычными для Маршака юмором, веселой иронией.

Идейные воспитательные основы поэзии Маршака были всегда ясны. В своей работе для детей он исходил прежде всего из того, что видел в ребенке человека не только в будущем, но в настоящем, человека, который открывает для себя мир и которому поэт должен помочь не только увидеть и понять этот мир, но и научиться в нем действовать. Не применяя революционных фраз и лозунгов, Маршак в своих стихах учит ребенка новому отношению к природе, к вещам, созданным человеком, к труду как основе жизни, к человеку, который своими всемогущими руками переделывает мир, к родной земле, к народам всей земли, — словом, тому отношению к миру, которое мы называем нашей новой, революционной коммунистической идеологией. Радость труда — мощный двигатель детской поэзии Маршака. Жизнерадостность, энергия, юмор, мажорность характерны для его детских стихов.

Наиболее энергичная деятельность Маршака как детского поэта относится к 20—30-м годам. В этот период он наиболее изобретателен, нов, неожидан как поэт и создает ту «школу Маршака», которую не может обойти и сейчас ни один поэт, пишущий для детей. Маршак был новатором в поэзии для детей, в самой специфической ее области — для младшего возраста. Он создавал особый тип «книжки-картинки» для самых маленьких, обыгрывая словесно и в действии простейшие вещи из окружения ребенка, приучая ребенка к стихотворному ритму, используя излюбленные детьми «считалки», «тараторки»; он по-своему применяет фольклорные приемы, избегая, однако, словесных оборотов, прямо заимствованных из фольклора.¹

¹ В этом смысле он отличен от Чуковского, который широко пользуется в своих детских стихах именно словесными оборотами фольклора. «Жил да был Крокодил», «Как у наших у ворот чудодерево растет», «Хожу-брожу не по лесам, а по усам да волосам», «Лежит-лежит копеечка у нашего колодца», «Вот и стал таракан победителем» — таких чисто русских фольклорных оборотов у Маршака не встретишь.

Маршак перепробовал все формы детского фольклора — песню, сказку, загадку, считалку, прибаутку, шуточные стихи, возродил балладу в детской поэзии, и все они служат у него новым, современным задачам. Он канонизировал игру в детской книжке — словесную, предметную, действенную. Создание детского характера, образа ребенка в стихах не было задачей Маршака, хотя он высоко ценил, например, стихи Льва Квитко, где так живы образы ребят: он прекрасно перевел его «Лошадку», «Жучка» и «Письмо Ворошилову».

Впервые в нашей литературе и теоретически — в статьях и речах, — и практически — в своих детских стихах — Маршак способствовал тому, что детская литература у нас была поднята на уровень «большой литературы», и тем самым помогал осуществляться заветам великих революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, говоривших об уважении к ребенку как к человеку и о необходимости подлинной поэзии для его воспитания.

Детские стихи Маршака переведены на все языки народов СССР, их много переводили и издавали и за рубежом.

8

Значительную часть в поэтическом наследии Маршака составляют переводы.

Работая над переводами чуть ли не с детских лет, Маршак много думал о мастерстве переводчика. Известны его многочисленные высказывания об этом — в статьях, беседах с поэтами, письмах. Как деятель советской литературы, как человек большой культуры, Маршак понимал великое значение работы переводчиков, особенно в наше время. Недаром он называл ее «службой связи»: «Без этой службы связи Шекспир был бы известен только в Англии, Гете — только в Германии, Лев Толстой — только в России... народы не будут знать литературы других стран без помощи художественного перевода».¹

Он писал Корнею Чуковскому: «Я то и дело получаю письма с просьбой разъяснить всякого рода невеждам, что перевод — это искусство, и очень трудное и сложное искусство... Слова Верлена «музыка прежде всего» должны относиться и к переводам. Мне лично всегда было важно — прежде всего — почувствовать музыкальный строй Бернса, Шекспира, Вордсворта, Китса, Кипплинга, Блейка, детских английских песенок...»² Но, конечно, не только музыкаль-

¹ Собр. соч., т. 7, с. 212.

² Восп., с. 106.

ный строй иноязычной поэзии пленял Маршака-переводчика. Для него важна была созвучность, внутреннее соответствие с чувствами и мыслями поэта, которого он переводил. «Я почти никогда не переводил не „по любви“»,¹ — писал он. Но именно поэтому он был против буквалистского перевода, и если Жуковский когда-то сказал, что «переводчик в стихах — соперник», то Маршак ощущал себя «соавтором» другого поэта. «...В переводе нельзя рабски следовать за подлинником, нельзя попадать в плен к особенностям, к строю чужого языка, хоть это всегда очень соблазнительно, как линия наименьшего сопротивления. Если строй чужого языка подчиняет себе переводчика, то перевод получается ремесленный, — писал он. — Когда переводишь стихи, следует смотреть не только в книгу, откуда переводишь, но и в окружающую жизнь и в себя. Многие стихи были бы хуже переведены, если бы тот, кто их переводил, не пережил сам ничего похожего».²

М. Л. Гаспаров, внимательно изучавший переводы Маршака, говорит: «Переводы Маршака были встречены критикой с безоговорочным восторгом. Они пришлись как раз ко времени. Около середины 30-х годов в истории советского перевода произошел важный перелом. Тот стиль перевода, который держался приблизительно с начала века, был заклеен как буквалистский, и взамен его выдвинулся иной стиль перевода, обычно называемый творческим. Грубо говоря, буквалистский перевод — это перевод, который насилует традиции своей литературы в угоду подлиннику, а творческий — это перевод, который насилует подлинник в угоду традициям своей литературы, — в истории перевода чередование этих стилей неизбежно...»³

Следуя своему творческому методу, Маршак сознательно опускал в своих переводах то, что было чуждо ему и его читателю-современнику. Так, он устранил из поэзии Блейка то, что характерно было для человека XVIII века — слезы: слезы горя и слезы радости, стихи Бернса освободил от местных примет, отчасти лишил его «просто-народности, песенности; в сонетах Шекспира постоянно отклонялся от конкретных образов, почерпнутых из области политики, экономики, юриспруденции, военного дела, религии и т. п.»⁴

Переводами Маршак начал заниматься рано. Еще ребенком, в одиннадцать лет он перевел оду Горация; при первом знакомстве

---

¹ Собр. соч., т. 7, с. 551—552.

² Там же.

³ М. Гаспаров, Маршак и время. Готовится к печати.

⁴ Подробнее см. об этом в статье Н. Автономовой и М. Гаспарова «Сонеты Шекспира — переводы Маршака». — «Вопросы литературы», 1969, № 2, с. 100—112.

с Горьким юный Маршак читал свой перевод стихотворения Мицкевича; в Англии в 1913—1914 годах он увлекается поэзией Вильяма Блейка и начинает работать над переводами его стихов. Это, можно сказать, была его первая любовь в английской поэзии, и впоследствии Маршак возвращался к поэзии Блейка, как к своей молодости. И если говорить о происхождении в поэзии Маршака «лирических эпиграмм», то естественно протянуть к ним ниточку от афоризмов и четырехстиший Блейка:

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,
Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».

Блейк не мог не пленить Маршака и своей бедственной биографией, и своей разносторонней одаренностью — он был и поэт, и художник-гравер. Сам Маршак в то время, когда познакомился с поэзией Блейка, бродил пешком по дорогам Англии, знал нужду, был неизвестен как поэт, и лирика Блейка была для него опорой. Вероятно, Блейк поразил его еще и тем полным отсутствием рассудочности, той непосредственностью, которые не всегда доносят до нас переводы Маршака. Маршак всю жизнь мечтал о книге своих переводов из Блейка, в 1963 году он готовил эту книгу к изданию, но вышла она уже после смерти автора. Свои переводы он перерабатывал, совершенствуя, по многу раз. Так, например, знаменитый «Тигр», уже и в первом варианте показавший мастерство и чуткость переводчика, в окончательном виде стал значительно ярче, сильнее. Достаточно обратить внимание, скажем, на замену эпитетов в первой и последних строфах: «стройный образ твой» и «страшный образ твой» — на «соразмерный образ твой» и «создан грозный образ твой». Смысловой основой стихотворения становится предпоследняя строфа, звучащая в окончательном переводе совершенно по-новому:

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

За переводы стихов Роберта Бернса Маршак взялся примерно в середине 30-х годов, уже зрелым поэтом. Бернс для Маршака той поры был автором, наиболее «соответствующим ему в опыте чувств»: жизнерадостным, демократичным, революционером, полным веселого юмора, сатиричным, даже озорным. Все это не только нравилось

Маршаку, но находило живой отклик в нем самом. Маршак сумел раскрыть для читателя всю глубину народных чувств, выраженных в песнях и стихах Бернса, всю ясность и простоту их выражения. Все, что, по словам самого Бернса, «для сыновей и дочерей труда имеет глубоко серьезное значение: горячая надежда, мимолетные встречи, нежные прощания составляют самую радостную часть их существования», — все это передано в переводах Маршака так, как будто пережито им самим. Стихи Бернса о любви возмещали Маршаку то, чего не было в его собственной лирике, чего не могло быть в детских стихах — поэзию любви, нежности, страсти, счастья. И какого-то отчаянного веселья, хмеля молодости, удал, к которой в свои молодые годы так тянулся Маршак. Привлекали переводчика и народные истоки поэзии Бернса. «Прирожденный горожанин, детство и юность которого не ступали босыми ногами по росной траве, не знали трудовой близости к природе, не насытили память запахами хлебов и трав, отголосками полевых песен, он обрел в поэзии Бернса ее «почвенность», реальность народной жизни, — то, чего ему решительно не доставало для приложения своих сил. И он вошел в поэтический мир шотландского поэта, чтобы раскрыть этот мир и для нас в наибольшей полноте и цельности... Маршаку удалось... найти как раз те интонационные ходы, которые, не утрачивая самобытной русской свойственности, прекрасно передают музыку слова, сложившуюся на основе языка, далекого по своей природе от русского. Он сделал Бернса русским, оставив его шотландцем»¹ — это свидетельство большого русского поэта, близкого как раз к той крестьянской среде, земледельческому труду, которых не знал Маршак, носителя той народной речи, которую так ценил Маршак.

Стихи Бернса в переводах Маршака так вошли в наш обиход, что цитировать «Честную бедность», или «Джон — Ячменное Зерно», или «Дерево свободы» представляется таким же излишним, как «Люблю грозу в начале мая...» Тютчева: кажется, что их знает и помнит всякий. Но не только лирика Бернса, а и крупные его произведения, как «Тэм О'Шентер», кантата «Веселые нищие», в переводах Маршака широко известны советскому читателю.

Популярность Бернса в нашей стране нашла отклик и в самой Англии. Когда в английской печати было опубликовано мнение о Бернсе как о «второстепенном» поэте, имеющем лишь ограниченное, региональное значение, известный общественный деятель, депутат от родного округа Бернса Эйршира Эмрис Хьюз, впоследствии

---

¹ А. Твардовский, О поэзии Маршака. — С. Маршак, Собр. соч., т. 5, с. 618—620.

лично знавший Маршака, выступил в печати с протестом, указывая на широкую известность Бернса в Советском Союзе благодаря русским переводам Маршака и переводам на украинский и грузинский языки.

Из английских поэтов-романтиков Маршак любил Вордсворта и Китса. Когда в 1955 году Маршак побывал в Шотландии и посетил домик поэта, он написал стихи «На родине Бернса», которые начинались так:

Всё это было мне знакомо —

знакомо, конечно, и по Бернсу, и по стихотворению Китса, которое задолго до этого переведено Маршаком так, что, думается, он сам был там:

Прожившему так мало бранных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою,
Кружится голова моя от хмеля,
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И всё же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

*(«Стихи, написанные в Шотландии,
в домике Роберта Бернса»)*

Переводы из Китса читаешь, как дневник самого Маршака, — и «Кузнечик и сверчок», и «Сонет о сонете» и «Чему смеялся я сейчас во сне?», и «Тому, кто в городе был заточен» были словно выражением его собственных дум и переживаний.

Из Вордсворта он перевел поэтический цикл «Люси» — четыре стихотворения, в которых целая повесть об утраченной любви:

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,

Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

Читатель хорошо знает и «Вересковый мед» Стивенсона, и прелестные переводы детских стихов Киплинга «На далекой Амазонке», «Есть у меня шестерка слуг...», «Кошка чудесно поет у огня...» и другие. Маршак перевел также детские стихи Эдварда Лира, Льюиса Кэрролла, знаменитые стихи Милна «Баллада о королевском бутерброде». Вообще для детей Маршак перевел множество английских народных песенок, шуток, тех самых «Nursery Rhymes», которыми он так пленился еще в дни молодости, когда жил в Англии.

Из английской народной поэзии Маршак перевел много баллад, среди которых особенно известны «Король и пастух», баллады о Робине Гуде, «Королева Элинор» и другие. Переводя «Балладу о мельнике и его жене», Маршак не побоялся даже соревноваться с Пушкиным, который перевел, вернее пересказал, одну из глав баллады — «Воротился ночью мельник...».

Самым значительным переводческим трудом Маршака была многолетняя работа над сонетами Шекспира, которые он начал печатать еще во время войны и впервые опубликовал полностью в 1948 году. Сонеты многократно переиздавались, стали, по выражению А. А. Фадеева, «фактом русской поэзии»,¹ но эта огромная работа до сих пор не изучена как следует.²

Сам Маршак так говорил об этой своей работе: «Я адресую сонеты читателю XX века, и мне очень важно, чтобы до него дошел весь внутренний жар, таящийся в оригинале, и то удивительное сочетание глубокой мысли и простодушия, которое заключено во многих строчках Шекспира... Не в передаче стилистических архаизмов

---

¹ Восп., с. 7.

² Одним из первых серьезных опытов исследования переводов Маршака является цитированная статья Н. Автономовой и М. Гаспарова, где ставится ряд важнейших теоретических проблем перевода. Авторы статьи, обнаруживая значительные отклонения переводов от образной системы Шекспира, хотя и считают Маршака «победителем» в борьбе между заданием оригинала и возможностями своего языка и литературной традицией, указывают, однако, что «об идеологии Шекспира по переводам Маршака судить можно, но о стиле Шекспира — никогда» («Вопросы литературы», 1969, № 2, с. 100—112).

я видел свою задачу, а в сохранении того живого, что уцелело в сонетах до наших дней, что, конечно, переживет нас, наших детей и внуков». ¹ Еще лучше сказал он об этом в стихах:

Я перевел Шекспировы сонеты,
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты.

Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: «потрясай копьём».

Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила,
Свергались троны, падали цари. . .

А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.

(«1616—1949»)

Одна из особенностей переводов Шекспира Маршаком — то, что сонеты Шекспира стали для него своеобразным «лирическим дневником». Через них он говорил о своем, затаенном глубоко в сердце. Комментируя содержание отдельных сонетов, он часто связывал их со своими переживаниями. Так, сонет «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть. . .» он читал с такой страстью, как будто это было его собственное стихотворение, его гнев и его презрение.

В огромном переводческом хозяйстве Маршака есть и вещи случайные — заказные или такие, которые составляли его своеобразный переводческий «тренаж». «По любви» он переводил главным образом английских поэтов прошлого, которых хорошо знал. Из немецкой поэзии он переводил Гейне (хотя Гейне, с его едкой иронией, с резкими переходами от нежности к насмешке, с неожиданными изломами ритма, в сущности не был созвучен Маршаку), Гете и нескольких других поэтов. В послевоенные годы появилось много переводов Маршака из поэзии народов СССР — армянской, белорусской, грузинской, литовской, латвийской, еврейской, украинской, узбекской.

---

¹ Собр. соч., т. 8, с. 258.

Завершить разговор о переводах Маршака хочется словами Алёксандра Твардовского:

«Я, читатель, допустим, не знаю языка оригинала, но данное произведение на русском языке волнует меня, доставляет мне живую радость, воодушевляет меня силой поэтического впечатления, и я не могу предположить, что в оригинале это не так, а как-нибудь иначе, я принимаю это как полное соответствие с оригиналом и отношу мою признательность и восхищение к автору оригинала наравне с автором перевода — они для меня как бы одно лицо. Словом, чем сильнее непосредственное обаяние перевода, тем вернее считать, что перевод этот точен, близок, соответствует оригиналу».¹

4

В юности Маршаку пришлось много заниматься газетной подцензурной: писать сатирические фельетоны на злобу дня во «Всеобщую газету», «Биржевые ведомости» и другие петербургские газеты до революции, и позже — в газету «Утро юга» — в первые годы революции.

Уэллер, Д-р Фрикен, Науди — вот некоторые из псевдонимов Маршака-фельетониста. В 1919 году в Екатеринодаре вышел сборник «Д-р Фрикен. Сатиры и эпиграммы». Исследовательница творчества С. Маршака В. Разова отмечает в своей диссертации политическую незрелость его ранней сатиры, стихийный демократизм, отсутствие четких идейных позиций.² Можно добавить к этому, что наиболее острые и смешные фельетоны были им написаны на темы искусства и литературы. Таковы: «Жалоба» — о переводческой магии, охватившей всех в те годы, «Эдип, разреши...» — об увлечении Леонидом Андреевым, «Освободители искусства» — о новейших «художественных манифестах», «Ананасы всмятку» — пародия на Игоря Северянина, «Реформа театра».

В конце 30-х годов Маршак вновь возвращается к жанру газетного фельетона и активно работает в нем вплоть до конца своей творческой деятельности. Поначалу это были отклики на выдающиеся события времени — полет на полюс, спасение из льдов «Седова», потом — стихи к календарным праздникам, к началу школьного года. Многим из этих газетных стихов суждено было остаться забытыми в подшивках старых газет, однако среди них были и такие, которые

---

¹ Собр. соч., т. 5, с. 614.

² См.: В. Д. Разова, Поэзия С. Я. Маршака. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1964.

по праву заняли свое место среди лучших страниц поэтического наследия Маршака (например, «Наш герб», напечатанный впервые в «Комсомольской правде» и вошедший потом в школьные хрестоматии).

Сатирический талант Маршака особенно проявился в годы Великой Отечественной войны. Маршак работал чаще всего с художниками Кукрыниксами: они вместе придумывали лозунги, карикатуры, подписи к которым делал Маршак, создавали вместе плакаты, замечательные своим лаконизмом и выразительностью.

Бьемся мы здорово,
Рубим отчаянно —
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

*(«Бьемся мы
здорово. . .»)*

Враги кричали: «Нет конца
У ленинградского кольца!»
Мечом рассек его боец —
И вот кольцу пришел конец.

(«Ленинградское кольцо»)

К. И. Чуковский справедливо утверждал, что работа над стихами для детей помогла Маршаку в создании этих военных агитплакатов.

Порой и в сатирических стихах Маршак достигал виртуозного словесного мастерства:

Кули таскать? Рубить дрова?
За это платят скудно.
Притом дрова — не голова.
Рубить их очнь трудно!

Лудить, паять, кроить, дубить
Труднее, чем дубасить.
Носить трудней, чем доносить,
И легче красть, чем красить.

(«Безработные пальцы»)

Часто для своих сатирических стихов Маршак брал «мотивы» из литературы — эти пародии, пожалуй, удавались ему больше других. Таковы «Шнабель и его сыновья» или «Разговор ефрейтора с генеральским мундиром»; таково одно из лучших сатирических стихотворений Маршака «Голливуд и Гайавата» — о запрещении в Америке фильма по поэме Лонгфелло.

Те, кто любят в день погожий
Слушать древние сказанья,
Спросят, может быть, за что же
Гайавате наказанье?

Я отвечу им: Поквана —
Трубка Мира виновата
В том, что вынужден с экрана
Удалиться Гайавата.

Есть еще один литературный жанр, в котором Маршак был настоящим виртуозом, — это надписи на книгах, на портретах, шуточные приветствия, мадригалы, эпиграммы. Произведения этого рода обычно рассчитаны на единственного читателя и существуют в одном экземпляре — на титульном листе книги, на обороте фотографии, на почтовом листке бумаги. К. И. Чуковский впервые напечатал некоторые блестящие образцы этой поэзии Маршака в одном из выпусков альманаха «Прометей», он восхищается ими и в своих воспоминаниях.¹ Много надписей на книгах, эпиграмм и экспромтов опубликовала переводчица Рита Райт.² В этих шуточных стихах Маршак предстает перед нами в новом облике, который не угадаешь по его «серьезным» стихам: здесь он и «домашний», и светский, и веселый, и иронический, язвительный и добродушный, великолепный пародист, изобретательный без конца — и всегда мастер стиха. Эти его импровизации так блестящи по форме, отточены, что кажется, будто он трудился над ними, как и над большими своими произведениями. А это были действительно импровизации. Он брал в руки перо, раскрывал книгу и на первой странице быстро, без помарок писал:

Вам сочинения Шекспира
Дарю в залог любви моей.
Пусть не похожи Вы на Лира
За неименьем дочерей,

Пусть на Отелло не похожи —
Не задушили Вы жены,
Притом Отелло — чернокожий,
А Вы несколько не черны. . .

(И. И. Халтурину)

---

¹ Восп., с. 112—115.

² Там же, с. 264—266.

Сатира, пародия, шуточные стихи были характерны для его творчества, заложены в самом его характере (отсюда и легкость, с которой такие стихи появлялись на свет), и в этой грани его таланта, как и во всех других, есть что-то от традиций русской классической поэзии.

5

Сложилось мнение, что Маршак пришел к лирике уже в старости — на пороге своего шестидесятилетия. В книгах «Избранная лирика» (1962) и «Лирические эпиграммы» (1964) собраны лишь стихотворения, написанные им в последние два десятилетия жизни. Однако, несмотря на причудливость творческой судьбы, часто и надолго отрывавшей его от лирической поэзии, Маршак был с детских лет и до конца жизни лириком и больше всего хотел быть им. В юности он писал сатирические фельетоны — для заработка, а лирические стихи — для себя: «Я больше всего любил в поэзии лирику, а в печать отдавал чаще всего сатирические стихи»,¹ — читаем мы в его автобиографии.

Ранняя лирика Маршака не имела успеха. Эти незрелые стихи были в большинстве своем подражательны. Он пытался освоить приемы «новейшей поэзии», но лучшие его стихи раннего периода восходят к классическим традициям русской литературы. «Разобраться в новых для меня литературных течениях было нелегко, но они не поколебали той основы, которую прочно заложили в моем сознании Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет»,² — пишет он в цитированной выше автобиографии. Этой классической основе своей лирики Маршак остается верен навсегда.

В лирике молодого Маршака заметно влияние Фета и в особенности Бунина. Так, стихотворение о светляке, написанное в 1909 году, но не опубликованное в то время, вероятно, навеяно стихотворением Фета «Я повторял: „Когда я буду...“»:

Подними чуть заметный зеленый огонь.
Вот он здесь — на траве, под листвою.
Осторожно возьми, положи на ладонь
И другою ладонью прикрой.

Ты взяла огонек и прикрыла слегка,
И горят твои ручки насквозь.

---

¹ Собр. соч., т. 1, с. 9.

² Там же, с. 8.

А теперь к голове подними светляка
И в воздушные волосы брось.

У тебя в волосах, как алмаз, он царит.
Ты боишься его потерять...
А каким он задумчивым блеском горит,
Ускользя за темную прядь.

(«Подними чуть замгнутый зеленый огонь...»)

Это была та же тема, та же композиция — это была попытка вариации, дерзание соперничества, свидетельствующее о том, как крепко он был уверен в своем лирическом призвании. У Бунина он учился строгости, чеканности стиха, — Бунин, несомненно, соблазнял юного поэта своей независимой и гордой отчужденностью от суетного литературного круга. Но Бунин был для него недосыгаем своей глубокой близостью к природе, удивительным проникновением в ее тайны, яркой живописностью русского деревенского пейзажа, печалью обветшавших «дворянских гнезд». Маршак не знал ни русской деревни, ни стародворянского быта, у него чаще всего природа и обстановка дачные, но порой — по настроению — стихи напоминают бунинские:

На кровлях тихих дач и в поле на земле
Садятся стаи птиц. В покойную погоду
Чернеют их рои в осенней светлой мгле
И, как неслышный дым, плывут по небосводу.

И роща бедная, умильно дорожа
Цветными листьями на тонких черных прутьях,
Не ропщет, не шумит и слушает, дрожа,
Разгул ветров на перепутьях.

Опять поет рояль на даче, в глубине,
И в песне слышится прощальное признание:
«Увидимся к весне. Увидимся во сне.
Прости и помни обещанье!»

(«На кровлях тихих дач и в поле на земле...»)

Эти темы и настроения на фоне поэзии начала века, где господствовали модернисты различного толка, были, очевидно, не ко времени. Издать сборник лирических стихов в молодости ему так и не удалось — большинство из них так и остались неопубликованными до настоящего времени или затерялись в разных периодических изданиях.

Уехав в 1912 году в Англию и увлекшись английской поэзией, Маршак не оставлял лирики. Целый ряд лирических стихотворений мы находим и среди автографов 1921—1922 годов. Среди сохранившихся автографов есть стихи, строфы из которых он сохранил для будущего. Так, «Звезды в окне» — это две строфы из стихотворения «Ни в чем заметной перемены...», написанного в 1921 году, опубликованного впервые только в посмертном собрании сочинений. Вот одно из стихотворений тех лет:

Не в покаянье, не в мольбе
Твой милосердный взор мне нужен.
Я одинок и безоружен,
Когда не помню о тебе.

Когда с тобой нет тайной связи,
Мне дик и страшен путь земной,
И восстают цари и князи,
Глумясь неправо надо мной.

. . . . .

И тяжкий камень неподвижен
Над гробом матери моей.
Я смертью немощной унижен,
Дрожу во прахе перед ней. . .

(«Не в покаянье, не в мольбе. . .»)

В конце 1922 года, после возвращения из Краснодара в Петроград, Маршак собирался опубликовать свой лирический сборник.¹ Публикация не состоялась — слишком очевидно было несоответствие тематики этих стихотворений общему духу поэзии первых послереволюционных лет. Большая работа в детской литературе, увлечение переводами почти на двадцать лет оторвали Маршака от лирики. Но лирическая струя чрезвычайно сильна и во многих его детских стихах, и в особенности — в переводах, где он всегда находил возможность выразить самого себя.

Поэтому первое выступление Маршака с оригинальной лирикой в 1946 году не удивило никого из знавших его как детского поэта и переводчика.

---

¹ В архиве С. Я. Маршака сохранилась тетрадь с несколькими переписанными в нее стихотворениями этих лет, которые, возможно, готовились к печати.

Н. Вильям-Вильмонт уже тогда верно подметил особенности маршаковской лирики и связь ее с переводами: «Маршак-переводчик любит отыскивать в поэзии прошлого то, что выживает, что составляет как бы «сквозные» переживания человечества. Судя по «Лирической тетради», поэт в какой-то мере прилагает ту же мерку и к собственным чувствам и мыслям. Следует признать, что и в этом жанре Маршаку порою удаются замечательные стихотворения. Тому примером его «Словарь». Можно сказать много хорошего об этих стихах. В самом подборе слов — сколько выстраданной, затаенной печали! И эти стихи не исключение. Рядом с ними можно назвать другие из того же цикла... „Декабрь“, „И поступь и голос у времени тише...“». ¹

В этом первом отклике на лирику Маршака звучит и опасение, что Маршак «сужает себя как поэта, ограничивая область своей лирики размышлениями на „вечные темы“». Действительно, в зрелой лирике Маршака, в сущности, господствуют три темы: время (вечность), природа, поэзия (искусство слова).

Многократно варьируется тема безвозвратно уходящего времени и часового механизма, который его отсчитывает. Ощущение невозвратимости каждого часа и постоянного полета времени свойственно Маршаку в высшей степени:

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата.
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

(«Порой часы обманывают нас...»)

Отсюда и чувство неудовлетворенности, сожаление о безвозвратно упущенном («Ты много ли видел на сьете берез?..», «А много ль рассветов ты встретил в лесу?..» — спрашивает себя поэт), а иногда и горькос раскаяние:

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз, —
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

(«Ты много ли видел на свете берез?..»)

Поэт постоянно возвращается к мысли о быстротечности жизни, неизбежности конца:

---

¹ «Литературная газета», 1947, 8 февраля.

Возраст один у меня и у лета.
День ото дня понемногу мы стынем. . .
Всё же и я и земля, мне родная,
Дорого дни уходящие ценим.
Вон и береза, тревоги не зная,
Нежится, греясь под солнцем осенним.

(«Возраст один у меня и у лета. . .»)

Года четыре был я бессмертен,
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте,
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти.

(«Года четыре был я бессмертен. . .»)

В последние годы в его стихах часто звучат мотивы одиночества, даже безнадежности, — время не щадит ничего, и за спиной все больше утрат, дорогих могил.

Люди пишут, а время стирает,
Всё стирает, что может стереть. . .

*(«Люди пишут,
а время стирает. . .»)*

Однако у времени в стихах Маршака есть постоянный спутник — вечность. Они не противопоставлены: они относятся друг к другу как минутная и часовая стрелка на циферблате часов. В вечности находит себе место все, что творит человек в своей борьбе со временем, — в том числе и подлинная поэзия. Настоящие стихи пишутся для вечности — таково было глубочайшее убеждение Маршака.

Так в поэзии Маршака тема времени и вечности становится темой борьбы со всепобеждающим временем, его преодоления деятельностью, творческим трудом:

Чтоб наша совесть не казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час. . .

*(«На всех часах
вы можете прочесть. . .»)*

Та же мысль — и в программном стихотворении «Не знает вечность ни родства, ни племени...». В надежде «быть усыновленным вечностью» человек находит себе опору, заполняя трудом каждый час, каждое мгновение.

В стихотворении «Нас петухи будили каждый день...» поэт словно прослеживает «эволюцию» земных часов — от солнечных часов до «механизмов, вделанных в грунт», за которыми следят ученые, до башенных часов, которые и ночью «отбивают время». Невольно вспоминаются «Солнечные часы» И. Буннина:

Те часики с эмалью, что впотьмах
Бежали так легко и торопливо,
Давным-давно умолкли. И крапива
Растет в саду на мусорных холмах.

Тот маятник лучистый, что спесиво
Соразмерял с футляром свой размах,
Лежит в пыли чердачного архива,
И склеп хранит уж безымянный прах.

Но мы служили праведно и свято,
В полночный час нас звезды серебрят,
Днем солнце защищает — до заката.

Позеленел наш медный циферблат,
Но стрелку нашу в диске циферблата
Ведет сам бог. Со всей вселенной в лад.

У Буннина при всей печали о прошедшем времени, при всем сознании тщеты его — простой вывод, заключенный в последних строках. У Маршака же с временем идет постоянная борьба — он хочет победить его трудом. В стихах, посвященных памяти жены, он пишет:

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет...

(«Сколько раз пытался я ускорить...»)

Слышать, как идет время, — это и в самом деле нужно человеку, чтобы проверять самого себя, чтобы идти с ним в ногу, чтобы жить тем, чем оно наполнено.

Теме времени в стихах Маршака сопутствует тема вечности. Веч-

ности «чужда боль рождений и смертей», ошибки и заблуждения столетий, и поэт спасается от этого сознания постоянным требованием:

Пока у нас в руках частица времени,
Пусть оно работает для нас!

*(«Не знает вечность
ни родства, ни племени. . .»)*

В одном из своих последних стихотворений он говорит:

Нет, будет мир существовать,
И пусть меня в нем нет,
Но я успел весь мир обнять,
Все миллионы лет.

Я думал, чувствовал, я жил
И всё, что мог, постиг,
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

*(«Исчезнет мир
в тот самый час. . .»)*

Вторая тема, живущая в лирике Маршака, — природа. Тема вечная для лирической поэзии, главная — для Бунина, учителя Маршака. Лес, сосна, береза, птицы, цветы, ночная гроза, дождь, дорога, море, зима, весна — все это живет в стихах Маршака. Но если в ранних стихах поэт воспринимал природу непосредственное, то в последние десятилетия она радовала его как бы со стороны.

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло, —

(«Цветная осень — вечер года. . .»)

эти строки, звучащие почти символически, можно было бы взять эпиграфом ко многим его стихам о природе. Стекло как преграда, отделяющая поэта от живой жизни, которую он видит только через окно, — образ, часто встречающийся в поздней лирике Маршака: «Декабрьский день в моей оконной дали», «Так много звезд теснится в раме Меж переплетами окна», «Смотрит из снежного леса Сквозь изморозь елка другая», «Шумят деревья за моим окном», «За окнами сумрак ранний». И даже более тесное соприкосновение с природой будит лишь воспоминания о прошлом.

Этот лес полвека мне знаком,
Был ребенком, стал я стариком.
И теперь брожу, как по следам,
По своим мальчишеским годам.

(«Бор»)

И в то же время он тосковал по непосредственности живой жизни, жаждал естественной, живой речи:

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах —
Приятно вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера,
Простую речь: «А скоро будет дождь!»

Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой, —
С дождем, который скоро прошумит.

(«Когда вы долго слушаете споры...»)

Взгляд Маршака на природу, как уже говорилось, — это взгляд горожанина.

Невесело, должно быть, этой птице
Скакать по бревнам на пустом дворе, —

это ведь очень городское восприятие, так же, как и впечатление от снежного дня:

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

(«Как поработала зима!...»)

Лес поэт сравнивает с «многоэтажным домом», с «высокой лабораторией», где постоянно в тишине идет незримая работа.

Поздняя лирика Маршака по преимуществу медитативна, рассудочна, почти лишена живых эмоций. Чувству непосредственно, то есть человеческим отношениям — любви, дружбе, посвящены очень немногие стихи. Среди них прежде всего выделяется цикл стихотворений, посвященных Тамаре Григорьевне Габбе, где создан женский образ большого обаяния и прелести:

То существо, чье мужество и сила
Так слиты с добротой, простой и милой, —
А доброта, как солнце, греет свет.

(«Последний сонет»)

Прощаясь с ней, поэт говорит:

Ты, умирая, силы мне дала,
Веселье, чтоб его раздал я многим,
И вот проходят все мои дела
Перед твоим судом, простым и строгим.

(«Надпись на урне»)

Лирику Маршака можно назвать «безлюбвной» — у него нет стихов о живой любви — только память о любви к ушедшим. Свое сердце Маршак закрыл от читателя, а был он человек страстный, способный и на гнев, и на ненависть, и на отчаяние.

Гораздо охотнее и чаще говорил он в стихах о том, чем был занят больше всего — о поэзии, об искусстве слова, о творчестве. Этой теме посвящены его лучшие стихи — «Словарь», «Всё то, чего коснется человек. . .»:

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

(«Все то, чего коснется человек. . .»)

Таковы и «Тебе пишу я этот дифирамб, Мой конь крылатый — пятистопный ямб. . .», «Когда, изведав трудности ученья, Мы начинаем складывать слова. . .», «Дон-Кихот», равно трогающий и ребенка и взрослого, и главное — его «Лирические эпиграммы». Эпиграмматическая форма вообще была свойственна Маршаку, а под конец жизни «лирические эпиграммы» стали для него излюбленной формой выражения. Он замечал и сам: «На старости лет не хочется писать много-словно. . . То ли свойственное возрасту стремление к наибольшей лаконичности, то ли четверостишия мои — последние капли пересыхающего потока». ¹ В какой-то мере это было так — педаром сам поэт чувствовал это. Но отшлифованность, отделка каждого четверостишия свидетельствуют и о другом: Маршак хотел, чтобы не пропала

---

¹ Собр. соч., т. 8, с. 435, 446.

ни одна из любимых его мыслей об искусстве, о поэзии, о слове, он хотел хотя бы в форме афоризма передать людям то, что им было найдено, обдуманно, выношено за многие годы работы. Он считал эти свои мысли важными, нужными, не уставал повторять их при встречах с людьми, причастными литературе, и, уходя из жизни, запечатлел их в стихах.

Питает жизнь ключом своим искусство,
Другой твой ключ — поэзия сама.
Заглох один — в стихах не стало чувства,
Забут другой — строка твоя нема.

(«Питает жизнь ключом своим искусство...»)

Порою эти четверостишия становятся подлинными эпиграммами, остроумными и язвительными:

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал, тот не начинающий.

(«Начинающему поэту»)

В лирике Маршака есть целый ряд стихов-воспоминаний. Лучшие из них — о детстве, о родных и близких. Есть стихи о встречах со Стасовым, с Горьким, Шалапиным. Они писались в 1951—1954 годах. Маршак в них старался быть «исторически» точным, дать больше подробностей, примет времени, и, может быть, поэтому они менее эмоциональны, лишены ярких образов, единственного, неповторимого впечатления — личного, маршаковского.

Сам Маршак, хоть и очень ревниво относился к отзывам о своей лирике, говорил о ней мало. «Мне думается, лирика всегда должна являться результатом большой сосредоточенности, бережного накопления мыслей и чувств. Этому пути я стараюсь держаться и в своей оригинальной лирике и в переводах»,¹ — писал он в 1955 году.

Маршак не любил датировать свои стихи, даже в рукописях. Составляя свои сборники, он не придерживался хронологии их написания, руководствуясь то жанровыми признаками, то тематической близостью стихов, то каким-то своим внутренним требованием композиции. Вообще он словно не хотел, чтобы его творчество рассматривалось во времени, как процесс. Он словно искал тот «идеальный вариант», который был бы пригоден для любого времени. Конечно, при этом он стирал следы того времени, когда были написаны стихи.

---

¹ Собр. соч., т. 8, с. 280.

Тем самым порой стирались и черты индивидуальности. Свои позднейшие лирические стихи он как бы «очищал» от всего личного, от всех конкретностей чувства, все больше уходил от чувства в слово. Старость, болезни, страстное желание успеть еще что-то сделать все больше лишали его возможности участия в живой жизни. Он жил уже всецело в мире поэзии, и вся жизнь его была — в стихе. Его беседы с молодыми поэтами были полны «мыслей вслух», воспоминаний, неожиданных сопоставлений, и всегда — о поэзии, и всегда сопровождалась стихами — своими и чужими. Он знал очищающую силу поэзии и любил «окунуться» в ее чистые, светлые воды, — таким он останется в памяти всех знавших его.

Маршак был одним из самых последовательных продолжателей классической русской поэзии. Он хорошо знал и любил русских поэтов — от Державина и Пушкина до Блока и Хлебникова, глубоко изучил мировую поэзию прошлого. Его собственное творчество впитало в себя лучшие традиции русской и мировой литературы. Он был новатором в детской литературе, одним из лучших представителей советской переводческой школы, деятельным публицистом, автором статей и стихов на злободневные темы, он был сатириком в годы войны и мастером философской лирики в последние годы. Он писал и для театра — его драматические сказки были поставлены Художественным, Малым, Вахтанговским театрами и многими театрами кукол. Его творческий путь нельзя вычертить, как кривую подъемов и спадов, кризисов и прозрений, — он весь в переходах от одного жанра к другому, в совершенствовании и развитии их.

Просветитель по самой своей природе, он постоянно искал путей, чтобы передать свои знания и свою любовь к поэзии всем, начиная с детей и кончая поэтами-профессионалами. Он был нужен нашему времени — и знал это, и хотел быть ему нужным, откликаясь на зов его.

Он создал свою «школу редактора», знал, как никто, все тонкости всего писательского дела, полиграфию, книжную графику и мог быть примером для каждого литератора — образцом высокой требовательности к печатному слову. Он был деятелем культуры в лучшем и полном смысле этого слова.

Влияние Маршака на всю нашу многонациональную поэзию велико и плодотворно. Многие писатели вспоминают с благодарностью о том, что Маршак научил их любить и ценить слово, а среди молодых переводчиков и поэтов, пишущих для детей, трудно найти того, в ком не чувствовалась бы «школа Маршака».

Вера Смирнова

I

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1945—1964

1

Всё то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесьё.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет Петровский век,
В углу между Фонтанкой и Невую...
Всё то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

1945

Бывало, в детстве под окном
Мы ждем, — когда у нас
Проснется гость, прибывший в дом
Вчера в полночный час.

Так и деревья. Стали в ряд,
И ждут они давно, —
Когда я брошу первый взгляд
На них через окно.

Я в этот загородный дом
Приехал, как домой.
Встает за садом и прудом
Заря передо мной.

Ее огнем озарены,
Глядят в зеркальный шкаф
Одна береза, две сосны,
На цыпочки привстав.

Деревья-дети стали в ряд.
И слышу я вопрос:
«Скажи, когда ты выйдешь в сад
И что ты нам привез?»

1945 (?)

Вот однокрылая сосна...
Прижатая к сосне-соседке,
Сухие, немощные ветки
Давно утратила она.

Зато единственным крылом
Она в метели и морозы
Прикрыла голый ствол березы.
И так стоят они втроем...

1945 (?)

И поступь и голос у времени тише
 Всех шорохов, всех голосов.
 Шуршат и работают тайно, как мыши,
 Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
 Не требуя крупных монет.
 Глядишь — на счету его круглые сутки,
 И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
 Путем неуклонным своим.
 Так поезд несется просторами ночи,
 Пока мы за шторами спим.

1945 (?)

5. ВСТРЕЧА В ПУТИ

Всё цветет по дороге. Весна
 Настоящим сменяется летом.
 Протянула мне лапу сосна
 С красноватым чешуйчатым цветом.

Цвет сосновый, смолою дыша,
 Был не слишком приманчив для взгляда.
 Но сказал я сосне: «Хороша!»
 И была она, кажется, рада.

1945 (?)

6. ДОЖДЬ

По небу голубому
 Проехал грохот грома,
 И снова всё молчит.

А миг спустя мы слышим,
 Как весело и быстро

По всем зеленым листьям,
По всем железным крышам,
По цветникам, скамейкам,
По ведрам и по лейкам
Пролетный дождь стучит.

1945 (?)

7

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

Весь этот мир — как на ладони,
Но мне обратно не идти.
Еще я с вами, но в вагоне,
Еще я дома, но в пути.

1945 (?)

8

Декабрьский день в моей оконной раме.
Не просветлев, темнеет небосклон.
Торчат, как метлы, ветви за домами.
Забитый снегом, одичал балкон.

Невесело, должно быть, этой птице
Скакать по бревнам на пустом дворе.
И для чего ей в городе ютиться
Назначено природой в декабре?

Зачем судьба дала бедняжке крылья?
Чтобы слетать с забора на панель
Иль прятать клюв, когда колючей пылью
Ее под крышей обдаёт метель?

1945 (?)

Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значенье —
«Вода», «огонь», «старик», «олень», «трава», —

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

1945 (?)

Как птицы, скачут, и бегут, как мыши,
Сухие листья кленов и берез,
С ветвей срываясь, устилают крыши,
Пока их ветер дальше не унес.

Осенний сад не помнит, увядая,
Что в огненной листве погребена
Такая звонкая, такая молодая,
Еще совсем недавняя весна,

Что эти листья — летняя прохлада,
Струившая зеленоватый свет...
Как хорошо, что у деревьев сада
О прошлых днях воспоминанья нет.

1945 (?)

11. ЧАСЫ

Часы за шумом не слышны,
Но дни и годы к нам приводят.
Выходит лето из весны
И в осень позднюю уходит.

1945 (?)

12. НАДПИСЬ НА ЧАСАХ

Дорого вовремя время.
Времени много и мало.
Долгое время — не время,
Если оно миновало.

1945 (?)

13. ЗВЕЗДЫ В ОКНЕ

Так много звезд теснится в раме
Меж переплетами окна.
Они сверкают вечерами,
Как золотые письма.

В оконном тесном полукруге,
Припоминая, узнаешь
Многоугольники и дуги —
Вселенной огненный чертеж.

1945 (?)

14. СЛОВАРЬ

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

1945 (?)

15. ДОМ В ЛЕСУ

Где вплотную, высок и суров,
Подступает к дороге бор, —
Ты увидишь сквозь строй стволов,
Словно в озере, дом и двор.

Так и тянет к себе и зовет
Теплым дымом домашний кров.
Не твоя ли здесь юность живет
За тремя рядами стволов?

1945 (?)

16

Не знает вечность ни родства, ни племени,
Чужда ей боль рождений и смертей.
А у меньшей сестры ее — у времени —
Бесчисленное множество детей.

Столетия разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пушкой оно работает для нас!

Пусть мерит нам стихи стопою четкою,
Работу, пляску, плаванье, полет
И — долгое оно или короткое —
Пусть вместе с нами что-то создает.

Бегущая минута незаметная
Рождает миру подвиг или стих.
Глядишь — и вечность, старая, бездетная,
Усыновит племянников своих.

1945 (?)

17. НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПЕРЕВОДОВ

В одно и то же время океан
Штурмует скалы севера и юга.

Живые волны — люди разных стран —
О целом мире знают друг от друга.

1945 (?)

18

Бремя любви тяжело, если даже несут его двое.
Нашу с тобою любовь нынче несу я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем — сам я сказать не могу.

1945 (?)

19

Тебе пишу я этот дифирамб,
Мой конь крылатый — пятистопный ямб.
Стих Дантовых терцин и драм Шекспира,
Не легковесен ты и не тяжел,
Недаром ты века победно шел
Из края в край, звуча в сонетах мира.

Передаешь ты радость, гнев и грусть,
Тебя легко запомнить наизусть,
Ты поэтичен в самой трезвой дозе,
И приближаешься порою к прозе.
Невыносим тебе казенный штамп,
Размер свободный — пятистопный ямб.

Чуждаешься ты речи сумасбродной,
Не терпишь ты и классики холодной.
Несут поэта, о волшебный стих,
И в ад и в рай пять легких стоп твоих.

1945 (?)

«Подоткни мне одеяло,
 Подверни со всех сторон.
 Ты слышишь, Ник в трубе смеется.
 Над кем в трубе смеется он?»

«Я заверну тебя, мой мальчик,
 Со всех сторон я заверну,
 Чтоб старый Ник в трубе каминна
 Не мог тревожить тишину».

«Ту дверь оставь открытой, мама,
 Оставь ее на полчаса.
 Иногда мне так страшно думать
 И слышать ночью голоса».

«Открыта дверь, мой милый птенчик,
 Открыта будет на вершок.
 [То с моря ветер скрипнул ставней,]
 На крыше скрипнул петушок».

«Посиди со мною, мама,
 И на один вопрос ответь:
 Для чего родиться надо,
 Если надо умереть?»

«Дай обниму тебя, [мой мальчик],
 Со мной не бойся темноты.
 О чем ты спрашиваешь, мальчик,
 Не больше знаю я, чем ты».

Она осталась у постели.
 То дождь, то град стучал в стекло.
 Трудились мыши.

С этой ночи
 Четыре века протекло.

Менялся мир. Но в сером свете
 Стоит все тот же серый дом.
 Никто ни разу не ответил
 Нам на вопросы перед сном.

1945 (?)

21

Чистой и ясной свечи не гаси,
Милого, юного сына спаси.

Ты поддержи над свечою ладонь,
Чтобы не гас его тихий огонь.

Вот он стоит одинок пред тобой
С двадцатилетней своею судьбой.

Ты оживи его бедную грудь,
Дай ему завтра свободно вздохнуть.

1946

22

Вся жизнь твоя пошла обратным ходом,
И я бегу по стершимся следам
Туннелями под бесконечным сводом
Ко всем тебя возившим поездам.

И, пробежав последнюю дорогу,
Где с двух сторон летят пески степей,
Я неизменно прихожу к порогу
Отныне вечной комнаты твоей.

Здесь ты лежишь в своей одежде новой,
Как в тот печальный вечер именин,
В свою дорогу дальнюю готовый,
Прекрасный юноша, мой младший сын.

1946

23

Не маленький ребенок умер, плача,
Не зная, чем наполнен этот свет,
А тот, кто за столом решал задачи
И шелестел страницами газет.

Не слишком ли торжественна могила,
С предельным холодом и тишиной,
Для этой жизни, молодой и милой,
Читавшей книгу за моей стеной?

1946

24. ДОБРОЕ ИМЯ

Памяти писателя Шолом Алейхема

Потомков ты приветствуешь веселым
Простонародным именем, поэт.
«Шолом алейхем» и «алеихем шолом» —
Таков привет старинный и ответ.

«Шолом алейхем» — мира и здоровья!
Нет имени щедрее и добрей. . .
Еще вчера земля дымилась кровью
Растерзанных детей и матерей.

Прошла война по городам и селам,
Воронками изрыла пыльный шлях,
Где из местечка в город ездил Шолом,
Длинноволосый, в шляпе и очках.

Где в таратайке — юноша сутулый —
Под сонный скрип немазанных колес
Он балагурил с рыжим балагулой
И отвечал вопросом на вопрос.

В родной его Касриловке-Воронке,
Стирая память дедовских времен,
Война смела домишки, и лавчонки,
И синагогу, и резной амвон. . .

Но в день, когда друзья собрался вместе
Во имя жизни, смерти вопреки,
Победные и радостные вести
Мы принесли к могиле, как венки.

В боях за жизнь, в борьбе с фашистским
рейхом

Сломила недругов твоя страна.
Ты слышишь ли, старик Шолом Алейхем?
Победой правды кончилась война!

Ты говоришь с потомками своими
Не на одном, на многих языках.
И пусть твое приветливое имя
Живет и светит в будущих веках!

1946

25

Под деревом — какая благодать!
Под деревом со всей его листвою,
Готовой каждый миг затрепетать,
Подобно рою птиц над головою,

Под деревом хотел бы я найти
Заслуженный покой в конце пути.

1946 или 1947

26. ПЕШЕХОД

В пути с утра до первых звезд,
От бурь не знает он защиты,
Но много дней и много верст
Его терпению открыты.

Пронесся поезд перед ним,
Прошел, стуча на каждой шпале,
Оставив в небе редкий дым
Да бледный след на тусклой стали.

Звенит встревоженная тишь.
Гудит смятенная дорога.
Но он спокоен: не намного
Опредишь.

(1908, 1947)

27. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ НА СЕВЕРЕ

На неизвестном полустанке,
От побережья невдали,
К нам в поезд финские цыганки
Июньским вечером вошли.

Хоть волосы их были русы,
Цыганок выдавала речь
Да в три ряда цветные бусы
И шали, спущенные с плеч.

Блестя цепочками, серьгами
И споря пестротой рубаш,
За ними следом шли цыгане
С кривыми трубками в зубах.

С цыганской свадьбы иль с гулянки
Пришла их вольная семья.
Шуршали юбками цыганки,
Дымили трубками мужья.

Водил смычком по скрипке старой
Цыган поджарый и седой,
И вторила ему гитара
В руках цыганки молодой.

А было это ночью белой,
Когда земля не знает сна.
В одном окне заря алела,
В другом окне плыла луна.

И в этот вечер полнолуны,
В цыганский вечер, забрели
В вагон гадалки и плясуньи
Из древней сказочной земли.

Полынью пахло, пахло мятой,
Влетал к нам ветер с двух сторон,
И полевого аромата
Был полон дачный наш вагон.

(1947)

28. ДОН-КИХОТ

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге. . .
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

(1947)

29. ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Нахмурилась елка, и стало темно.
Трещат огоньки, догорая.
И смотрит из снежного леса в окно
Сквозь изморозь елка другая.

Я вижу: на ней зажигает луна
Одетые снегом иголки,
И, вся разгораясь, мигает она
Моей догорающей елке.

И жаль мне, что иглы на елке моей
Метель не засыпала пылью,

Что ветер ее не качает ветвей,
Простертых, как темные крылья.

Лесная дикарка стучится в стекло,
Нарядной подружке кивая.
Пусть доверху снегом ее занесло —
Она и под снегом живая!

(1947)

30. КОРАБЕЛЬНЫЕ СОСНЫ

Собираясь на север, домой,
Сколько раз наяву и во сне
Вспоминал я о статной, прямой
Красноперой карельской сосне.

Величав ее сказочный рост.
Да она и растет на горе.
По ночам она шарит меж звезд
И пылает огнем на заре.

Вспоминал я, как в зимнем бору,
Без ветвей от верхушек до пят,
Чуть качаясь в снегу на ветру,
Корабельные сосны скрипят.

А когда наступает весна,
Молодеют, краснеют стволы.
И дремучая чаща пьяна
От нагревшейся за день смолы.

(1947)

31

Замерзший бор шумит среди лазури,
Метет ветвями синеву небес.
И кажется — не буря будит лес,
А буйный лес, качаясь, будит бурю.

(1948)

82. ГОЛОС В ЛЕСУ

Едва остановится дачный
У первой платформы лесной,
Вы слышите голос прозрачный,
Рожденный самой тишиной.

В лесу над росистой поляной
Кукушка встречает рассвет.
В тиши ее голос стеклянный
Звучит, как вопрос и ответ.

В двух звуках, кукушкой пропетых,
Не радость слышна, не печаль.
Она говорит нам, что где-то
Есть очень далекая даль.

(1948)

83. ЛЕС

Многоэтажный этот дом
Не знает праздного безделья.
Упорным занят он трудом
От купола до подземелья.

Здесь ловят солнце зеркала
В лаборатории высокой.
И движутся внутри ствола
Добытые корнями соки.

Бормочут листья в полусне,
Но это мнимая дремота.
В глуши, в покое, в тишине
Идет незримая работа.

(1948)

84. ПАМЯТИ МИХОЭЛСА

Мы помним плач и шорох похоронный,
И в сумерках мерцанье фонарей,
И скорбную толпу на Малой Бронной —
Там, где висят афиши у дверей.

Вот он лежит, недвижимый и суровый.
Но этой смерти верится с трудом!
Здесь много лет я знал его живого,
Но как переменялся этот дом!

Не будь афиш, расклеенных у входа,
Никто бы стен знакомых не узнал.
Великая трагедия народа
Вошла без грима в театральный зал...

Ты, сочетавший мудрость с духом юным,
Читавший зорко книги и сердца, —
Борцом, актером, воином, трибуном
С народом вместе шел ты до конца.

Вот отчего весь день на Малой Бронной
У дома, где недвижно ты лежал,
С такой тоской народ разноплеменный
Народного артиста провожал.

Не на поминках скорбных, не на тризне
Мы воздаем любимому почет.
Как факел, ты пылал во славу жизни,
И этой жизни смерть не оборвет!

1948 или 1949

О ней поют поэты всех веков.
Нет в мире ничего нежней и краше,
Чем этот сверток алых лепестков,
Раскрывшийся благоуханной чашей.

Как он прекрасен, холоден и чист —
Глубокий кубок, полный аромата.
Как дружен с ним простой и скромный лист,
Темно-зеленый, по краям зубчатый.

За лепесток заходит лепесток,
И все они своей пурпурной тканью
Струят неиссякающий поток
Душистого и свежего дыханья.

Я это чудо видел на окне
Одной абхазской деревенской школы.
И тридцать рук в дорогу дали мне
По красной розе, влажной и тяжелой.

Охапку роз на север я увез,
Цветы Кавказа — в Ленинград далекий.
И пусть опали тридцать красных роз —
На память мне остались эти строки.

(1949)

86

Незнакомый полустанок.
Поезд из виду исчез.
И полозья легких санок
Мчат приезжих через лес.

Покидая хвойный полог,
Резвый конь гостей унес
Из-под свода хмурых елок
В рощу голую берез.

Вдаль бегут стволы, белея.
И от этих белых тел
Над березовой аллеей
Самый воздух посветлел.

(1949)

37. ВЧЕРА Я ВИДЕЛ

Шумят деревья за моим окном.
Для нас они — деревья как деревья,
А для других — укромный, мирный дом
Иль временный привал среди кочевья.

Вчера я видел: съжившись в комок,
На дереве у моего окошка
Сидел хвостатый рыженький зверек
И чистился, чесался, точно кошка.

Лизал он шерстку белую брюшка,
Вертя проворной маленькой головкой.
И вдруг, услышав шорох, в два прыжка
На верхней ветке очутился ловко.

Меж двух ветвей повис он, словно мост,
И улетел куда-то без усилья.
Четыре лапы и пушистый хвост
Ему в полете заменяют крылья.

Моя сосна — его укромный дом
Иль временный привал среди кочевья.
Теперь я знаю: за моим окном
Не только мне принадлежат деревья!

(1949)

38. ГРОЗА НОЧЬЮ

Грянул ночью гром весенний,
Грозен, свеж, неукротим.
Словно тысячи ступеней
Разом рухнули под ним.

«Граждане! Встречайте лето!» —
Прогремел тяжелый гром.
И улыбкой — вспышкой света —
Озарилось всё кругом.

И вослед ночному грому,
Услыдав его сигнал,
По воде, земле и дому
Первый ливень пробежал.

Май 1949

39. ПУШКИНСКАЯ ДУБРАВА

Три вековых сосны стоят на взгорье,
Где молодая роща разрослась.
Зеленый дуб шумит у Лукоморья.
Под этим дубом сказка родилась.

Еще свежа его листва густая
И корни, землю взрывшие бугром.
И та же цепь литая, золотая
Еще звенит, обвив его кругом.

Нам этот дуб священной год от года.
Хранит он связь былых и наших дней.
Поэзия великого народа
От этих крепких родилась корней.

У Лукоморья поднялась дубрава.
И всей своей тяжелою листвой
Она шумит спокойно, величаво,
Как славный прадед с цепью золотой.

1949

40. ПУШКИН

У памятника на закате летом
Играют дети. И, склонив главу,
Чуть озаренную вечерним светом,
Он с возвышенья смотрит на Москву.

Шуршат машины, цепью выбегая
На площадь из-за каждого угла.
Шумит Москва — родная, но другая —
И старше и моложе, чем была.

А он всё тот же. Только год от года
У ног его на площади Москвы
Всё больше собирается народа
И всё звучнее влажный шум листвы.

Участник наших радостей и бедствий,
Стоит, незыблем в бурю и в грозу,
Там, где играл, быть может, в раннем детстве,
Как те ребята, что спуют внизу.

1949

41. БЕССМЕРТИЕ

По-русски говорим мы с детства,
Но волшебство знакомых слов
Мы обретаем, как наследство,
В сиянье пушкинских стихов.

Поэт не стал далекой тенью,
Святыней, отданной в музей.
Он шумно празднует рожденье
Среди бесчисленных друзей.

Его страницы открывая,
Мы слышим гул и плеск морской,
И нас поит вода живая
Из трех ключей в степи мирской.

Он будет жить при наших внуках
И правнуков переживет,
И наш потомок в милых звуках
Себя и родину найдет.

И всё же тех десятилетий,
Что отнял вражеский заряд
У лучшего певца на свете,
Тысячелетья не простят!

1949

42. 1616—1949

Я перевел Шекспировы сонеты.
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты.

Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: «потрясай копьём».

Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила.
Свергались троны, падали цари. . .

А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.

1949

43. НАДПИСЬ НА КНИГЕ СОНЕТОВ

Ему и ей посвящены сонеты.
Но, не щадя восторженных похвал,
Ни друга, ни красавицы воспетой
Поэт в стихах ни разу не назвал.

Он им воздвиг высокий пьедестал,
Чтобы избавить от холодной Леты,
Но имени и явственной приметы
На мраморной плите не начертал.

А если бы сонетами своими
Он обессмертил дорогое имя, —
То, может быть, в грядущие века
Друзьям поэта отвела бы главку,
Стараясь посадить их на булавку,
Шекспироведа тощая рука.

1949 (?)

Бьют вразброд часы стенные.
 Часовщик, прищутив глаз,
 Крутит винтики стальные,
 Чинит часики для нас.

Напоследок, щелкнув дверцей,
 Он пружину заведет,
 Чтоб опять стучало сердце
 Дни и ночи напролет.

Чтобы маленькая стрелка
 Стрекотала на бегу
 И вертелась, точно белка,
 В самом маленьком кругу.

Чтобы мерила минутки
 Стрелка длинная для нас,
 А другая дважды в сутки
 Отмечала каждый час.

Чтоб они не отставали
 От других своих подруг —
 Тех, что в школе, на вокзале
 И в Кремле обходят круг.

1949 (?)

45. ВОКЗАЛ

Нам открывается страна
 С вокзального порога.
 Отворишь дверь — и вот она,
 Железная дорога!

Дают свистки кондуктора,
 Поют рожки на стрелке,
 И ударяют буфера
 Тарелками в тарелки.

Зеленый, красный свет горит.
И каждый миг сигналом
Вокзал с дорогой говорит
И поезда с вокзалом.

(1950)

46. В Поезде

Очень весело в дороге
Пассажиру лет семи.
Я знакомлюсь без тревоги
С неизвестными людьми.

Всё мне радостно и ново —
Горько пахнувшая гарь,
Долгий гул гудка ночного
И обходчика фонарь.

В край далекий, незнакомый
Едет вся моя семья.
Третьи сутки вместо дома
У нее одна скамья.

Тесновато нам немножко
Это новое жильё,
Но открытое окошко
Перед столиком — мое!

Предо мной в оконной раме
Ближний лес назад идет.
А далекий — вместе с нами
Пробирается вперед.

Словно детские игрушки,
Промелькнули на лету
Деревянные избушки,
Конь с телегой на мосту.

Вот и домик станционный,
Сеть густая проводов,
И бессчетные вагоны
Мимолетных поездов.

В поздний час я засыпаю,
И, баюкая меня,
Мчится поезд, рассыпая
Искры красного огня.

Я прислушиваюсь к свисту,
К пенью гулкому колес,
Благодарный машинисту,
Что ведет наш паровоз.

Лет с тех пор прошло немножко...
Становлюсь я староват
И местечко у окошка
Оставляю для ребят.

(1950)

47

Меня волнует оклик этот вещей.
Доверено часам — бездушной вещи
Участвовать во всех делах людей
И, возвещая время с площадей,
Служить работе, музыке, науке,
Считать минуты встречи и разлуки.
И всё, что нам не удалось успеть,
На полуслове прерывает медь.

(1950)

48

На всех часах вы можете прочесть
Слова простые истины глубокой:
Теряя время, мы теряем честь.
А совесть остается после срока.

Она живет в душе не по часам.
Раскаянье всегда приходит поздно.
А честь на час указывает нам
Протянутой рукою — стрелкой грозной.

Чтоб наша совесть не казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час.
Пушкой, как стрелки в полдень, будут вместе
Веленья нашей совести и чести!

(1950)

49

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Пенагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

(1950)

50

Нас петухи будили каждый день
Охрипшими спросонья голосами.
Была нам стрелкой солнечная тень,
И солнце было нашими часами.

Лениво время, как песок, текло,
Но вот его пленили наши предки,
Нашли в нем лад, и меру, и число.
С тех пор оно живет в часах, как в клетке.

Строжайший счет часов, минут, секунд
Поручен наблюдателям ученым.
И механизмы, вделанные в грунт,
Часам рабочим служат эталоном.

Часы нам измеряют труд и сон,
Определяют встречи и разлуки.
Для нас часов спокойный, мерный звон —
То мирные, то боевые звуки.

Над миром ночь безмолвная царит.
Пустеет понемногу мостовая.
И только время с нами говорит,
Свои часы на башне отбивая.

(1950)

51. ЛАНДЫШ

Чернеет лес, теплом разбуженный,
Весенней сыростью объят.
А уж на ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

Бутонов круглые бубенчики
Еще закрыты и плотны,
Но солнце раскрывает венчики
У колокольчиков весны.

Природой бережно спеленатый,
Завернутый в широкий лист,
Растет цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску,
И всё свое благоухание
Он отдал горькому цветку.

(1951)

52. «СОЛНЫШКО»

Мы солнца в дороге не видели днем —
Погода была грозовая.
Когда же оно засверкало огнем,
Ты спутникам что-то сказала о нем,
По-детски его называя.

Пуškai это бурное море огня
Зовут лучезарным светилом,
Как в детстве, оно для тебя и меня
Останется солнышком милым.

И меньше не станет оно оттого,
Что где-то на малой планете
Не солнцем порой называют его,
А солнышком взрослые дети.

(1951)

53. ГРОЗА НОЧЬЮ

Мгновенный свет и гром впотьмах —
Как будто дров свалилась груда...

В грозе, в катящихся громах
Мы любим собственную удаль.

Мы знаем, что таится в нас
Так много радости и гнева,
Как в этом громе, что потряс
Раскатами ночное небо!

(1951)

54. ГРОМ В ГОРОДЕ

Целый день он с нами прожил,
Шалый гром, бродячий гром.
Он в садах детей тревожил
Громяющим багром.

Задремавшего ребенка
Увозили под навес,
И гремел ему вдогонку
Гром, скатившийся с небес.

Пригрозил он стадиону
И базары припугнул.
Целый день по небосклону
Перекатывался гул.

А потом, поднявшись выше,
Он во всю ударил мощь,
И по улицам, по крышам
Поскакал весенний дождь.

(1951)

55. П. П. КОНЧАЛОВСКОМУ

Поэт, — ни в чем он не находит прозы.
Не увядает мир его цветной,
Где влажная сирень, тугие розы
Живут в соседстве с доброй ветчиной.

И терпкое вино, и дичь на блюде,
И сказочные россыпи цветов,
И радостно увиденные люди
Живут, поют на тысяче холстов.

Весь этот мир так голосист и звонок,
В нем птиц и пчел не умолкает гул,
Как будто бы смеющийся ребенок
Пред нами дверь веранды распахнул.

1951 (?)

56. ПАМЯТНИК

С твоей печальной матерью вдвоем
Я побывал на кладбище твоём,
Где круглый мрамор, вделанный в гранит,
Прекрасный облик юноши хранит.

Был вечер на кладбищенском дворе,
Холодный, сизый вечер в октябре.
Ударил в гулкий колокол звонарь,
И за стеной зажегся твой фонарь.

Один из фонарей на мостовой,
Он озаряет черный камень твой,
Когда ты остаешься здесь один
Глухой осенней ночью, милый сын.

1951 или 1952 (?)

Когда холмы, поля, луга
 Обнажены весной,
 Зимы последние снега
 Лежат в глуши лесной.

Так, не спеша, питает снег
 Потоки полноводных рек,
 И реки не уносят зря
 Земли награбленной в моря,
 И не беснуются весной,
 И не мелеют в летний зной.
 И медленно вокруг стволов
 Темнеет снеговой покров.

1951 или 1952 (?)

Кто морю возвратил тепло и свет?
 Зазеленело море, засинело.
 А вот сверкнули крылья чайки белой:
 «Не нужен ли в придачу белый цвет?»

Уступы гор снежок разрисовал.
 Стоит зима на голых склонах скал.
 Оттуда молодежь скользит на лыжах.
 Пониже блещет осень в рощах рыжих.
 Сквозь них ручей несется, как весной,
 А там — внизу, у моря, — летний зной.

Уходит в небеса морской простор. . .
 Всю силу зренья исчерпал мой взор,
 Ничто ему в дороге не мешало,
 И видит он, что видит очень мало.

1951 или 1952 (?)

Какие гости в комнате моей!
 Узбекские, туркменские тюльпаны.
 Они пришли в одежде пестротканой
 К нам из садов, из парков, из степей.

Вот розовый с каемкою узорной.
 Вот золотой — шесть языков огня.
 А есть цветок почти как уголь черный,
 Лоснистый, точно кожа у коня.

В диковинных цветах земли восточной
 Я удалое племя узнаю.
 Поддерживает чашу стебель прочный,
 Пробившийся на свет в степном краю.

В кувшине на столе прожив неделю,
 Земли, корней лишенные цветы
 Не съжились ничуть, не побледнели
 И сохранили свежесть красоты.

Вот первый лепесток пропал без вести,
 За ним другому отлететь пришлось.
 Но братья-лепестки не вянут вместе,
 Живут в семье, а умирают врозь.

(1952)

Пустынный двор, разрезанный оврагом,
 Зарос бурьяном из конца в конец.
 Вот по двору неторопливым шагом
 Идет домой с завода мой отец.

Лежу я в старой тачке, и спросонья
 Я чувствую — отцовская рука
 Широкою горячею ладонью
 Мои волосы касается слегка.

Заходит солнце. Небо розовато.
Фабричной гарью тянет. Но вовек
Не будет знать прекраснее заката
Лежащий в старой тачке человек.
(1952)

61

Когда мы попадаем в тесный круг,
Где промышляют тонким острословьем
И могут нам на выбор предложить
Десятки самых лучших, самых свежих,
Еще не поступивших в оборот
Крылатых слов, острог и каламбуров, —

Нам вспоминается широкий мир,
Где люди говорят толково, звучно
О стройке, о плотях, об урожае,
Где шутку или меткое словцо
Бросают мимоходом, между делом,
Но эта шутка дельная острой
Всего, чем щеголяет острословье.

И нам на ум приходит, что народ,
Который создал тысячи пословиц,
Пословицами пользуется в меру
И называет золотом молчанье.
(1952)

62

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах, —
Приятно вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера,
Простую речь: «А скоро будет дождь!»

Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой —
С дождем, который скоро прошумит.
(1952)

Скрипели возы по дорогам.
 Едва шелестела листва.
 А в скошенном поле за стогом
 Сверкала огнями Москва.

Мерцала огней вереница,
 А в поле была тишина,
 И тенью бесшумная птица
 Над полем кружила одна.

Простора открылось так много
 С тех пор, как скосили траву.
 И странно в пути из-за стога
 Увидеть ночную Москву.

Пронизан и высушен зноем,
 Вдали от гудящих дорог,
 Дремотой, довольством, покоем
 Дышал этот сумрачный стог.

И только огней вереница —
 Граница небес и земли —
 Давала мне знать, что столица
 Не спит за полями вдали.

(1952)

64. ВЛАДИМИР СТАСОВ

1

Пыль над Питером стояла,
 Будто город дворник мел.
 От Финляндского вокзала
 Дачный поезд отошел.

Закоулочки невзрачные,
 Крик торговцев городских,
 И цветные платья дачные
 Петербургских щеголих.

В переулках мало зелени.
Поглядишь — недалеке
Меж домами, как в расщелине,
Дремлет дачник в гамаке.

Но сильнее веет хвойною
Крепкой свежестью в окно.
С косогора сосны стройные
Смотрят вниз на полотно.

Вот и Парголово. Здание
Неприметное на взгляд.
Таратайки в ожидании
Чинно выстроились в ряд.

Не извозчик с тощей клячею
Ждет у станции господ.
Тот, кто сам владеет дачею,
Возит с поезда народ.

Гонит мерина саврасого
Мимо сосен и берез.
«Далеко ли дача Стасова?» —
Задаю ему вопрос.

Кто не знает седовласого
Старика-богатыря!
Только дачи нет у Стасова,
Откровенно говоря.

«Вы племянник или внук его?»
— «Нет, знакомый». — «Ну, так вот.
Он на даче у Безрукова
Лето каждое живет.

Человек, видать, заслуженный.
Каждый день к нему друзья
Ездят в дом к обеду, к ужину.
А Безруков — это я!»

Сосновый двухэтажный дом.
 Стеклянная терраса.
 Здесь наверху, перед окном,
 Сидит и пишет Стасов.

Громит он недругов в статье,
 Ударов не жалея, —
 Хотя на отдыхе, в семье
 Нет старика добрее.

Дождь барабанит в тишине
 По зелени садовой.
 А он племянницам и мне
 Читает вслух Толстого.

Или в гостиной, усадив
 Кого-нибудь за ноты,
 Знакомый слушает мотив
 Из «Арагонской хоты».

Во дни рождений, именин
 На стасовском рояле
 Когда-то Римский, Бородин
 И Мусоргский играли.

Тревожил грузный Глазунов
 Всю ширь клавиатуры,
 И петь весь вечер был готов
 Под шум деревьев и кустов
 Шаляпин белокурый.

Сосновый двухэтажный дом,
 Что выстроил Безруков,
 В иные дни вмещал с трудом
 Такую бурю звуков.

Открыты были окна в сад
 И в полевые дали.
 И все соседи — стар и млад —
 Под окнами стояли.

Вечерний свежий шум берез
Был слышен в перерывах,
Да раздавался скрип колес
Пролеток говорливых.

Шумел на улице раск —
Под окнами, у двери.
А тот, над кем был потолок,
Был в ложе иль в партере.

Сидела публика кружком,
А у рояля Стасов
Стоял, узорным кушаком
Рубаху подпоясав.

Смотрел он из-под крупных век,
Восторжен и неистов. . .
Он прожил долгий, бурный век.
Родился этот человек
В эпоху декабристов.

Он никогда не отступал
В неравном поединке.
Он за «Руслана» воевал
С гонителями Глинки.

Могучей кучки атаман,
Всегда готовый к спорам,
С врагом он бился, как Руслан
С коварным Черномором.

Он был рожден на белый свет,
Когда войны великой след
Был свеж в душе народа:
Прошло всего двенадцать лет
С двенадцатого года.

При этой жизни в даль и глушь
Был сослан цвет России.
При ней страницы «Мертвых душ»
Печатались впервые.

Ей рубежами служат две
Немеркнувшие даты —
Год двадцать пятый на Неве
И год девятьсот пятый.

8

Публичная библиотека.
Щитами огорожен стол
Перед окном. Почти полвека
Владимир Стасов здесь провел.

Осаинный, в сюртук одетый,
Сидит он за столом своим.
Стеной петровские портреты
Стоят на страже перед ним.

Вот бюст Петра. Вот вся фигура.
Внизу латинские слова
О том, что тиснута гравюра
В такой-то год от рождества.

Вот на коне перед Сенатом
Застыл он, обращен к Неве,
В плаще широком и крылатом,
С венком на гордой голове.

Спокоен лик его недвижимый,
Но столько в нем таится сил,
Что этот зал палаты книжной
Он в бранный лагерь превратил.

Недаром меж бесчисленных полок,
Похожих на рельефы гор,
Поэт, историк, археолог
Ведут ожесточенный спор.

И, убеленный сединами,
Хранитель этих тысяч книг
Воюет, боевое знамя
Не опуская ни на миг.

Сейчас он прочитал газету
И так на критика сердит,
Что всем пришедшим — по секрету —
Об этом громко говорит.

Вокруг стола стоит ограда —
Щиты с портретами Петра.
Но за ограду без доклада
Народ является с утра.

Тут и художник с целой шапкой
Задорно вьющихся волос,
И композитор с толстой папкой:
Сюда он оперу принес.

Но гаснет в небе цвет медовый
Холодной питерской зари.
Внизу — на Невском, на Садовой —
Заговорили фонари.

И Стасов, бодрый и веселый,
Как зимний день седоволос,
В старинной шубе длиннополой
Выходит в сумрак, на мороз.

Пешком доходит до Фонтанки
И, поглядев на лед реки,
Садится, не торгуясь, в санки
И долго едет на Пески.

Скользят по Невскому полозья.
В домах зажегся робкий свет.
И лихо пляшут на морозе
Мальчишки с кипами газет.

Бежит седая лошаденка,
Бросая снег из-под копыт,
А замороженная конка
На перекрестке ей грозит.

Но слышен бас: «Правей, разиня!»
И два могучих рысака
В блестящей сбруе, в сетке синей,
Взметают снега облака.

Ворча: «Куда вас носит, леших!»,
Извозчик убавляет рысь.
И тут же сам орет на пешех:
«Чего заснул? Поберегись!»

Просторы Невского покинув,
Он едет улицей немой,
Где двери редких магазинов
Скрежещут яростно зимой.

Но вот подъезд большого дома.
Выходит из саней седок.
Идет по лестнице знакомой
И сильно дергает звонок.

Проехавшись по первопутку,
Он стал румяней и бодрей
И, как всегда, встречает шуткой
Своих домашних у дверей.

Ложится в тесном кабинете
На узкий дедовский диван.
Но сна не любит он, как дети, —
Неугомонный великан. . .

За много месяцев до смерти,
Прослушав реквием в концерте,
Он мне сказал, что умирать
Он не согласен. Так ребенок
На близких сердится спросонок,
Когда ему отец и мать
Напомнят, что пора в кровать.

Хотел он жить и слушать Баха,
И Глинку, и Бородина,

И ставить в тот же ряд без страха
Неведомые имена.

Полвека нет его на свете,
Но он такой прорезал путь,
Что, вспомнив прошлое столетье,
Нельзя его не помянуть.

(1954)

65. НАЧАЛО ВЕКА

Шумит-бурлит людской поток
На площади вокзальной.
Солдат увозят на Восток
И говорят — на Дальний.

Дрались их деды в старину
Не раз в далеких странах,
Вели за Альпами войну,
Сражались на Балканах.

Но дальше этих дальних стран
Восточный край державы.
Через Сибирь на океан
Везут солдат составы.

Далеким пламенем война
Идет в полях Маньчжурии.
И глухо ропщет вся страна,
Как роща перед бурейю.

А здесь — у входа на вокзал —
Свистят городовые. . .
В те дни японец воевал
Со связанной Россией.

Я помню день, когда войне
Исполнилось полгода.
Кого-то ждать случилось мне
Среди толпы народа.

Ломились бабы, старики
К вокзальному порогу,
Несли мешки и узелки
Солдатам на дорогу.

Вдруг барабан издалека
Сухую дробь рассыпал.
И узелок у старика
Из рук дрожащих выпал.

И, заглушая плач детей,
Раздался у вокзала
Припев солдатский «Соловей»
И посвист разудалый.

Под переливы «Соловья»
Идут — за ротой рота —
Отцы, мужья и сыновья
В открытые ворота.

И хлынул вслед поток живой
Наперекор преградам,
Как ни вертел городской
Конем широкозадым.

Коня он ставил поперек,
Загородив дорогу,
Но путь пробил людской поток
К воротам и к порогу.

Скользя глазами по толпе,
Бежавшей вдоль перрона,
Смотрел полковник из купе
Блестящего вагона.

Взглянув с тревогой на народ,
Стекло он поднял в раме. . .

Был пятый год, суровый год
Уже не за горами.

(1954)

66. МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ

Он сухощав, и строен, и высок,
Хоть плечи у него слегка сутулы.
Крыло волос ложится на висок,
А худобу и бледность бритых щек
Так явственно подчеркивают скулы.

Усы еще довольно короткие,
Но уж морщинка меж бровей змется.
А синих глаз задорные зрачки
Глядят в упор сквозь длинные ресницы.

На нем воротничков крахмальных нет.
На мастера дорожного похожий,
Он в куртку однобортную одет
И в сапоги обут из мягкой кожи.

Таким в дверях веранды он стоял —
В июльский день, безоблачный, горячий, —
И на привет собравшихся на даче
Басил смущенно: «Я провинциал!»

Провинциал. . . Уже толпой за ним
Ходил народ в театре, на вокзале.
По всей стране рабочие считали
Его своим. «Наш Горький! Наш Максим!»

Как бы случайно взятый псевдоним
Был вызовом, звучал программой четкой,
Казался биографией короткой
Тому, кто был бесправен и гоним.

Мы, юноши глухого городка,
Давно запоем Горького читали,
Искали в каждом вышедшем журнале,
И нас пьянила каждая строка.

Над речкой летний вечер коротая
Иль на скамье под ставнями с резьбой,
Мы повторяли вслух наперебой
«Старуху Изергиль» или «Пиляя».

Товарищ мой открытку мне привез,
Где парень молодой в рубашке белой,
Назад откинув прядь густых волос,
На мир глядел внимательно и смело.

И вот теперь, взаправдашний, живой,
В июльский день в саду под Петроградом,
Чуть затенен играющей листвою,
Прищурясь, он стоит со мною рядом.

Тот Горький, что мерещился вдали
Так много лет, — теперь у нас всецело.
Как будто монумент к нам привезли,
И где-то лошадь разом опустела.

О нет, не монумент!.. Глухим баском,
С глубоким оканьем нижегородца
Он говорит и сдержанно смеется —
И точно много лет он мне знаком.

Не гостем он приехал в Петроград,
Хоть и зовет себя провинциалом.
Вербует он соратников отряд
И властно предъявляет счет журналам.

Так было много лет тому назад.

(1954)

67. ШАЛЯПИН

В тот зимний день Шаляпин пел
На сцене у рояля.
И повелительно гремел
Победный голос в зале.

Дрожал многоэтажный зал,
И, полный молодежи,
Певцу раек рукоплескал,
Потом — партер и ложи.

То — Мефистофель, гений зла, —
Он пел о божестве злата,
То пел он, как блоха жила
При короле когда-то.

Казалось нам, что мы сейчас
Со всей галеркой рухнем,
Когда величественный бас
Затягивал: «Эй, ухнем!»

«Шаляпин»... Вижу пред собой,
Как буквами большими
Со стен на улице любой
Сверкает это имя...

Печален был его конец.
Скитаясь за границей,
Менял стареющий певец
Столицу за столицей.

И всё ж ему в предсмертный час
Мерещилось, что снова
Последний раз в Москве у нас
Поет он Годунова,

Что умирает царь Борис
И перед ним холсты кулис,
А не чужие стены.

И по крутым ступенькам вниз
Уходит он со сцены...

(1954)

68. ЯЛТА

Вот набережной полукруг
И городок многоэтажный,
Глядящий весело на юг,
И гул морской, и ветер влажный.

И винограда желтизна
На горном склоне каменистом, —
Всё, как в былые времена,
Когда я был здесь гимназистом,

Когда сюда я приезжал
В конце своих каникул летних
И в белой Ялте замечал
Одних четырнадцатилетних.

Здесь на верандах легких дач
Сидел народ больной и тихий.
А по дорогам мчались вскачь
Проводники и щеголихи.

Я видел Ялту в том году,
Когда ее покинул Чехов.
Осиротевший дом в саду
Я увидал, сюда приехав.

Белеет стройный этот дом
Над южной улицей узкой,
Но кажется, что воздух в нем
Не здешний — северный и русский.

И кажется, что не дыша
Прошло здесь пять десятилетий,
Не сдвинув и карандаша
В его рабочем кабинете.

Он умер, и его уход
Был прошлого последней датой...
Пришел на смену новый год —
Столетия нынешнего пятый.

И тихий ялтинский курорт
Забушевал, как вся Россия.
И Ялтой оказался порт,
Суда морские, мастерские.

Идет народ по мостовой.
Осенний ветер треплет знамя.
И «Варшавянку» вместе с нами
Поет у пристани прибой.

(1954)

69. ДОН

Четыре года было мне,
Но помню, как сквозь сон:
Стучат копыта в тишине,
Мы едем через Дон.

Мы едем долго — Дон широк.
Потом пошли сады.
В саду и дали мне глоток
Живой донской воды.

А кто испил воды донской,
Связал себя навек
С широкой синею рекой,
Красою русских рек.

1954 (?)

70

Есть такой небольшой городок,
Где полвека назад на слободке
В каждом доме стучал молоток
По колодке, по новой подметке.

Был за этой слободкой завод.
Много лет он стоял недостроен.
По соседству ютился народ,
Промышлявший отходами боеи.

По большому пустому двору
Летом целые дни и недели,
Извиваясь, крутясь на ветру,
Пузыри и кишки шелестели.

Рыжий мальчик, сидевший на тыне,
Точно всадник лихой на седле,
Караулил арбузы и дыни,
Что лежали кругом на земле.

На слободке убогой и пьяной,
Где по праздникам били стекло,
Во дворе меж густого бурьяна
Наше раннее детство прошло.

Помню, брызнуло с треском окошко
В день, когда одноглазый сосед
Бил сапожной колодкой Митрошку,
Кавалера семнадцати лет.

А в хибарке, стоявшей напротив,
Была рыжую девушку мать.
Но за что она была Авдотью —
В это время не мог я понять.

В девяностых годах это было.
Мой отец на заводе служил,
Где варили казанское мыло.
На заводском дворе он и жил.

Был заводишко тесным и темным,
Но тогда этот мрачный подвал
Нам казался заводом огромным.
Полподвала помост занимал.

На помосте отец и рабочий —
Рябоватый Василий Козлов —
Проводили бессонные ночи
У наполненных мылом котлов.

Днем и ночью кипящее мыло,
Точно синее море, бурлило,
Расходилось, сходилось опять,
Угрожая волною обдать.

Очень жаркой, пахучей и едкой
Эта мыльная пена была.
И отец мой в ожогах нередко
Возвращался домой от котла.

Мыло скоро твердело и стыло.
Не могу я припомнить отца
Без налетов казанского мыла
От подметок сапог до лица.

Как, бывало, грушу я украдкой
И сержусь и ропщу на судьбу,
Увидав, что волос его прядка
Прилипает от мыла ко лбу.

Редко видел я лоб этот кроткий
Без морщины тревог и забот
В те часы, когда вечер короткий
Оставлял нам для встречи завод.

Больно дрались отцы на слободке.
Мы не знали ни палки, ни плетки.
Наш отец нас ни разу не бил.
Человек он был строгий, но кроткий.
И хорошую книжку любил.

1954 (?)

71

Вспоминаю этот вечер давний.
Наглухо закрыты наши ставни.
Колотушка сторожа слышна.
И такая в мире тишина!

В темноте укачивая брата,
Что-то тихо напевает мать.
А отец отправился куда-то
Заработков по свету искать.

Мы его недавно провожали.
Клокотал огромный паровоз.
В эти годы на любом вокзале
Люди много проливали слез.

Лишь недавно вытянулись в струнку
Полосы стальные вдоль пути.
Да не все поверили в чугунку —
Долго ль с рельсов поезду сойти!

Поезда мы видели не часто, —
Далеко от города вокзал, —
И, как чудо, паровоз глазастый
Каждый раз пред нами вырастал.

Каждому родного человека
Было страшно отпускать в вагон.
Может, он воротится калекой,
Или вовсе не вернется он!

Подошел вагон темно-зеленый.
Запыленных окон длинный ряд.
Мужики, солдаты из вагона
Сонным взглядом на вокзал глядят.

Прижимаясь к стеклам, смотрят дети
На перрон, где надпись «Кипяток».
Но дают неумолимый третий
К отправленью поезда звонок.

Вот отец мелькнул в окне вагонном...

. . . . .

1954 (?)

Мне прислал мой отец непонятный рецепт,
Не добавив к нему ни строки.
Беск [онечно] встр [евожился] я об отце,
Но узнал я, что это очки.

Были в очень красивой оправе очки,
Но, примерив одну из пар,
Безутешно заплакал я от тоски,
Оттого, что отец мой стар.

1954 (?)

73

«Я гордая, я упрямая», —
Ты мне говорила в бреду.
И более верных, жена моя,
Я слов для тебя не найду.

Ты в истину верила твердо.
И я, не сдаваясь судьбе,
Хотел бы упрямо и гордо
Быть верным тебе и себе.

1954 (?)

74

С. М.

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

(1955)

Грянул гром неожиданно, наобум —
 Яростный удар и гул протяжный.
 А потом пронесся легкий шум,
 Торопливый, радостный и влажный.

Дождь шумел негромко, нараспев,
 Поливая двор и крышу дома,
 Шепотом смиряя буйный гнев
 С высоты сорвавшегося грома.

(1955)

О том, как хороша природа,
 Не часто говорит народ
 Под этой синью небосвода,
 Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
 Что серебрится вдалеке, —
 Народ беседует о рыбе,
 О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
 На розовеющую гладь,
 Порой одно он скажет слово,
 И это слово — «Благодать!».

(1955)

Вечерний лес еще не спит.
 Луна восходит яркая.
 И где-то дерево скрипит,
 Как старый ворон каркая.

Всё этой ночью хочет петь.
А не способным к пению
Осталось гнуться да скрипеть,
Встречая ночь весеннюю.

(1955)

78

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

Вокруг белеющих прудов —
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

(1955)

79

Текла, извивалась, блестела
Река меж зеленых лугов.
А стала недвижимой и белой,
Чуть-чуть голубее снегов.

Она покорила оковам.
Не знаешь, бежит ли вода
Под белым волнистым покровом
И верстами крепкого льда.

Чернеют прибрежные ивы,
Из снега торчат тростники,
Едва намечая извивы
Пропавшей под снегом реки.

Лишь где-нибудь в проруби зыбко
Играет и дышит вода,
И в ней красноперая рыбка
Блеснет чешуей иногда.

(1955)

80. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

По скользкому асфальту проходя,
По площадям, блестящим от дождя,
Где, отражаясь, как в ночном стекле,
Бегут огни, — я думал о земле.

Земля под этой ровной мостовой
Не порастет весеннею травой.
Пусть эта площадь глаже хрустала,
Там, под асфальтом, — черная земля.

(1955)

81. МИНУТА

Дана лишь минута любому из нас.
Но если минутой кончается час,
Двенадцатый час, открывающий год,
Который в другое столетье ведет, —
Пусть эта минута, как все, коротка,
Она, пробегая, смыкает века.

(1955)

82

Мы видим движенье секунд и минут,
А годы для нас незаметно идут.
Но как же безмерно велик человек,
Которому видно, как движется век.

(1955)

Я не смыкал часами ночью глаз
 И мог бы рассказать про каждый час.
 Двенадцать. Это звонкий час похмелий.
 Кто слишком юн и слишком стар — в постели.

Час. Это час подруг, а не супруг.
 Другим мешает спать томительный недуг,
 Поездка дальняя, или ночная смена,
 Или домашняя супружеская сцена.

Два. Это час для поздних расставаний,
 А для проснувшихся — такой пустой и ранний.
 Три. Это час, когда обычно спят.
 Не спит, кто занят, болен, виноват.

Четыре. В дни, когда за дверью лето, —
 Счастливый час прекрасного рассвета.
 А если за окном стоит зима, —
 Такая скучная бледнеющая тьма.

Первая половина 1950-х годов

84. ЧАСЫ

Часы бывают разные у нас.
 Одни правдиво отбивают час.
 Они верны, точны, неумолимы.
 А есть часы — лжецы и подхалимы.

Услужливо они владельцу лгут,
 Что может он спокойно до занятий
 Полчасика понежиться в кровати
 И поболтать за чаем пять минут.

Часы такие уверяют вас,
 Что не исчерпан времени запас.
 Они всегда угодливо-любезны,
 Но, в сущности, владельцу бесполезны.

А нужен ли рассказ или роман,
Который также вводит вас в обман
Приятной вам действительностью мнимой?
Нет, не нужны романы-подхалимы.

Первая половина 1950-х годов

85

Мне был известен каждый пенек
От речки до холма.
Но без меня который день
В лесу живет зима.

Что снегу намела метель!
Кусты погребены.
И строим памятником ель
Стоит в лучах луны.

Ручей застыл, овраг исчез.
Сосна лежит в снегу,
И этот хрупкий, звонкий лес
Узнать я не могу.

Первая половина 1950-х годов

86. ЗИМОЙ В МОСКВЕ

Когда столицу выбелит зима,
Среди ее высоких, новых зданий
Под шапками снегов стоят дома —
Хранители прадедовских преданий.

Удивлены домишки-старикки,
Что ночь полна гудков звонкоголосых,
Что не мерцают в окнах огоньки,
Что и зимою ездят на колесах.

Что до рассвета блещет ярче звезд,
Два берега соединив дугою,
Стальной узор — многопролетный мост
Над столь знакомой древнею рекою.

Первая половина 1950-х годов

87

Уже недолго ждать весны.
Но в этот полдень ясный,
Хоть дни зимы и сочтены,
Она еще прекрасна.

Еще пленяет нас зима
Своей широкой гладью,
Как бы раскрытой для письма
Нетронутой тетрадью.

И пусть кругом белым-бело,
Но сквозь мороз жестокий
Лучи, несущие тепло,
Ласкают наши щеки.

Первая половина 1950-х годов

88

Вошли с тобою мы на Садовой
В дождем омытый троллейбус новый.
Скрипел он кожей, еще упругой,
Шуршал резиной, надутой туго.

Как в двери новой своей квартиры,
Смеясь, в троллейбус шли пассажиры.
И был наполнен вагон весенний
Дыханьем свежей, тугой сирени.

Первая половина 1950-х годов

102

Проходя Морским каналом,
Океанский пароход
Тихо близился к причалам
Величавых невских вод.

Это было ночью белой,
Побледнели фонари,
А вода порозовела
От забрезжившей зарн.

И когда, от солнца тая,
Разошлась ночная мгла,
Заблестела золотая
Знаменитая игла.

Первая половина 1950-х годов

Зеленый, тонкий, длинный стебелек
Кончается крючком, где белый шарик
Качается, как маленький фонарик.
И это — нераскрывшийся цветок.

Первая половина 1950-х годов

Как лишний вес мешает кораблю,
Так лишние слова вредят герою.
Слова «Я вас люблю» звучат порою
Сильнее слов «Я очень вас люблю».

Первая половина 1950-х годов

92. НА РОДИНЕ БЕРНСА

Всё это было мне знакомо,
Но увидел я в первый раз
И стены глиняные дома
Почти без окон, как без глаз,
И серую солому крыши,
И в тесной комнате кровать
У стенки справа, в душной нише,
Где несню напевала мать
Тому, кто стал певцом и другом
Простых людей из деревень,
Кто горевал, разрушив плугом
Жилье зверька в несчастный день.

Здесь, в этой хижине крестьянской,
Куда входили через хлев,
Впервые слышал он шотландский,
В горах родившийся напев.

А так как тяжкие налоги
В те дни платили за окно,
Синело в спальенке убогой
Окошко мутное одно.
Квадрат, крестом пересеченный,
Чуть пропускал неяркий свет,
Но сквозь него весь мир зеленый
Впервые увидел поэт.

Так мало жил он в этом мире,
Где плугом землю бороздил,
Где с милой по лугам бродил
И на стекле окна в трактире
Алмазом строчки выводил. . .

А умер в городской квартире.

В два этажа был этот дом,
И больше окон было в нем,
Да и кровать была повыше,
Чем в прежнем доме — в узкой нише.

Но за решетчатым окном
Поэту в день его последний
Был виден только двор соседний,
А не полей волнистых ширь,
Не речка под зеленым кровом
И не болотистый пустырь,
Поросший вереском лиловым. . .

1955 или 1956

93. В ДОРОГЕ

В сумерки весенние
За листвой берез
Гулко в отдалении
Свистнул паровоз.

Дымными полотнами
Застилая лес,
Окнами бессчетными
Замелькал экспресс.

Слабо отраженные,
Чуть светясь во мгле,
Очерки оконные
Мчатся по земле.

Желтая вагонная
Жесткая скамья —
Жизнь моя бессонная,
Молодость моя.

По безвестным станциям —
Из конца в конец
По Руси постраниствовал
Вдоволь мой отец.

Скучной ночью длинною
Он смотрел в окно.
Перед ним пустынное
Стлалось полотно.

С тайною тревогою
Под немолчный шум
Много он дорогою
Передумал дум.

Не ему ли следуя,
Я живу в пути?
Всё куда-то еду я
Лет с пяти-шести.

Но теперь вагонная
Желтая скамья —
Словно обновленная
Молодость моя.

И легко мне с первыми
Встречными в пути
Будто давний прерванный
Разговор вести.

(1946, 1956)

94

Даже по делу спеша, не забудь:
Этот короткий путь —
Тоже частица жизни твоей.
Жить и в пути умей.

(1956)

95. БОР

Всех, кто утром выйдет на простор,
Сто ворот зовут в сосновый бор.

Меж высоких и прямых стволов
Сто ворот зовут под хвойный кров.

Полумрак и зной стоят в бору.
Смолы проступают сквозь кору.

А зайдешь в лесную даль и глушь,
Муравьиным спиртом пахнет сушь.

В чаще муравейники не спят —
Шевелятся, зыблются, кипят.

Да мелькают белки в вышине,
Словно стрелки, от сосны к сосне.

Этот лес полвека мне знаком.
Был ребенком, стал я стариком.

И теперь брожу, как по следам,
По своим мальчишеским годам.

Но, как прежде, для меня свои —
Иглы, шишки, белки, муравьи.

И меня, как в детстве, до сих пор
Сто ворот зовут в сосновый бор.

(1956)

96

Не знаю, когда прилетел соловей,
Не знаю, где был он зимой,
Но полночь наполнил он песней своей,
Когда воротился домой.

Весь мир соловьиною песней проshit.
То слышится где-то свирель,
То что-то рокочет, журчит и стучит
И вновь рассыпается в трель.

Так четок и чист этот голос ночной,
И всё же при нем тишина
Для нас остается немой тишиной,
Хоть множества звуков полна.

Еще не раскрылся березовый лист
И дует сырой ветерок,

Но в холоде ночи ликующий свист
Мы слышим в назначенный срок.

Ты издали дробь соловья улови —
И долго не сможешь уснуть.
Как будто счастливой тревогой любви
Опять переполнена грудь.

Тебе вспоминается северный сад,
Где ночью продрог ты не раз,
Тебе вспоминается пристальный взгляд
Любимых и любящих глаз.

Находят и в теплых краях соловьи
Над лавром и розой приют.
Но в тысячу раз мне милее свои,
Что в холоде вешнем поют.

Не знаю, когда прилетел соловей,
Не знаю, где был он зимой,
Но полночь наполнил он песней своей,
Когда воротился домой.

(1956)

97

Помнит соловей, что северное лето
Южного милей, хоть коротко оно.
Знает он, кому не спится до рассвета, —
Вот и прилетает под мое окно.

Оба мы певцы, но, видно, он смелее —
Он поет о счастье громко, во всю мочь.
Знал я скорбь и радость, — только я не смею
Заливаться, щелкать и звенеть всю ночь.

Соловью за песню нет построчной платы.
Соловью не надо дружеских похвал.
И нигде на свете ни один пернатый,
Позабыв о песне, критиком не стал.

(1956)

Картавая лягушечья семья
 Расквакалась меж камышей и кочек,
 Вдруг зазвучали звонкий молоточек
 И тоненькая флейта соловья.

И полилась в тиши за нотой нота
 Под гулкий шум поющего болота.

«Ах, соловей! Какой он молодец! —
 Подумал переимчивый скворец. —
 Как может петь он на лесной опушке
 На свой особый соловьиный лад,
 Когда кругом без устали галдят
 Бессчетные
 Болотные
 Лягушки!»

Но вот умолк недружный хриплый хор —
 Угомонились буйные лягушки,
 И огласился дремлющий простор
 Однообразным пением кукушки.

А соловей по-прежнему свистал,
 По-своему звенел, смеялся, плакал —
 С лягушкой вместе ночью он не квакал,
 С кукушкой на заре не куковал.

(1956)

99. НАЧАЛО ДНЯ

За окнами сумрак ранний
 На свет и на тьму похож, —
 Будто на синем плане
 Нового дня чертеж.

Вижу, привстав с постели,
 Как выступают из мглы
 Строгие лесенки елей,
 Сосен прямые стволы.

Слышу в тиши до рассвета
Первые грузовики.
Слышу, как в городе где-то
Пробуют голос гудки.

Тот, кто минуту свиданья
Ночи и дня подглядел,
Видел весь мир в ожиданье
Новых событий и дел.

(1956)

100

Морская ширь полна движенья.
Она лежит у наших ног
И, не прощая униженья,
С разбега бьется о порог.

Прибрежный щебень беспокойя,
Прибой влачит его по дну.
И падает волна прибоя
На отходящую волну.

Гремит, бурлит простор пустынный,
А с вышины, со стороны
Глядит на взморье серп невинный
Едва родившейся луны.

20 октября 1956

101

Шурша узорчатою шиной
На каждом толстом колесе,
Неслась машина за машиной
Через поселок по шоссе.

А на веревке, с перепугу
Тараща белые глаза,
Как ножка циркуля, по кругу
Сердито бегала коза.

Она сердилась, что колонны
Машин, бегущих из Москвы,
Тревожат мир ее зеленый
Ольховых веток и травы.

Поэт, не будь козе подобен.
Ты не коза, а человек.
Так не сердись, что неудобен
Индустриальный этот век.

Летя дорогой задымлённой,
Вдали мы видим пред собой
Большой и чистый мир зеленый,
А над зеленым — голубой.

15 ноября 1956

102

В полутьме я увидел: стояла
За окном, где кружила метель,
Словно только что с зимнего бала,
В горностаи одетая ель.

Чуть качала она головою,
И казалось, что знает сама,
Как ей платье идет меховое,
Как она высока и пряма.

(1957)

103

Апрельский дождь прошел впервые,
Но ветер облака унес,
Оставив капли огневые
На голых веточках берез.

Еще весною не одета
В наряд из молодой листвы,
Березка капельками света
Сверкала с ног до головы.

(1957)

Столько дней прошло с малолетства,
 Что его вспоминаешь с трудом.
 И стоит вдалеке мое детство,
 Как с закрытыми ставнями дом.

В этом доме все живы-здоровы —
 Те, которых давно уже нет.
 И всякая лампа в столовой
 Льет по-прежнему теплый свет.

В поздний час все домашние в сборе —
 Братья, сестры, отец и мать.
 И так жаль, что приходится вскоре,
 Распрощавшись, ложиться спать.

(1957)

Неужели я тот же самый,
 Что, в постель не ложась упрямо,
 Слышал первый свой громкий смех
 И не знал, что я меньше всех.

И всегда-то мне дня было мало,
 Даже в самые долгие дни,
 Для всего, что меня занимало, —
 Дружбы, драки, игры, беготни.

Да и нынче борюсь я с дремотой,
 И ложусь до сих пор с неохотой,
 И покою ночному не рад,
 Как две трети столетья назад.

(1957)

106. ИГРА

Прошло полвека с этих пор,
Но помню летний день,
От зноя побуревший двор,
Пригнувшийся плетень.

Здесь петухов охрипший хор
Поет нам по утрам,
Что за двором еще есть двор —
И нет конца дворам. . .

Когда же непроглядный мрак
Сомкнется за окном,
Свирепый, страшный лай собак
Разносится кругом.

А днем собакам лаять лень
И птицы не поют.
И только в травах целый день
Кузнечики куют.

Среди пустынного двора
У нас, ребят, идет игра.
Кладем мы кучку черепков,
Осколков кирпича —
И городок у нас готов:
Дома и каланча.

Из гладких, тесаных камней
Мы строим город покрупней,
А из дощечек и коры
Деревню — избы и дворы.

Дремучий лес у нас — бурьян,
Любой бугор — гора.
А есть и море-океан —
Овраг в конце двора. . .

За этой медленной игрой
Проводим мы весь день.

На свет родился наш герой
В одной из деревень.

Никто не ведает о нем.
Но вот приходит срок —
И мы учить его везем
В кирпичный городок.

Мы не в один заглянем дом,
Бродя по городку,
Пока квартиру со столом
Найдем ученику.

Куда потом его везти,
Еще не знали мы. . .
Бегут дороги и пути
Через поля, холмы.

Бегут и вдоль и поперек
Пустынного двора.
А этот двор, как мир, широк,
Пока идет игра!

(1958)

107

Я помню день, когда впервые —
На третьем от роду году —
Услышал трубы полковые
В осеннем городском саду.

И всё вокруг, как по приказу,
Как будто в строй вступило сразу.
Блеснуло солнце сквозь туман
На трубы светло-золотые,
Широкогорлые, витые
И круглый, белый барабан.

И помню праздник на реке,
Почти до дна оледенелой,
Где музыканты вечер целый
Играли марши на катке.

У них от стужи стыли руки
И леденели капли слез.
А жарко дышащие звуки
Летели в сумрак и в мороз.

И, бодрой медью разогрето,
Огнями вырвано из тьмы,
На льду речном пылало лето
Среди безжизненной зимы.

(1958)

108

Колышутся тихо цветы на могиле
От легкой воздушной струи.
И в каждом качанье негнущихся лилий
Я вижу движенья твои.

Порою печальна, подчас безутешна,
Была ты чужда суеты
И двигалась стройно, неслышно, неспешно,
Как строгие эти цветы.

(1958)

109

Как призрачно мое существованье!
А дальше что? А дальше — ничего...
Забудет тело имя и прозвание, —
Не существо, а только вещество.

Пусть будет так. Не жаль мне плоти тленной,
Хотя она седьмой десяток лет
Бессменно служит зеркалом вселенной,
Свидетелем, что существует свет.

Мне жаль моей любви, моих любимых.
Ваш краткий век, ушедшие друзья,
Исчезнет без следа в неисчислимых,
Несознанных веках небытия.

Вам всё равно, взойдет ли вновь светило,
Рождая жизнь бурливую вдали,
Иль наше солнце навсегда остыло
И жизни нет, и нет самой земли. . .

Здесь, на земле, вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля, и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.

За краткий век страданий и усний,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

(1958)

110

Когда забрезживший рассвет
Вернет цветам и листьям цвет,
Как бы проснувшись, рдеют маки,
Алеют розы в полумраке,
И птица ранняя поет. . .
Как праздник, утро настает.

Но, о заре еще не зная,
Стоит за домом тьма ночная.
Проснувшись в этот ранний час,
Ты видишь меж кустов знакомых
Тех странных птиц и насекомых,
Что на земле живут без нас.

Они уйдут с ночною тенью,
И вступит день в свои владенья.

(1958)

111. В ЛОНДОНСКОМ ПАРКЕ

Гайд-парк листвою сочною одет.
Но травы в парке мягче, зеленее.
И каждый из людей привносит цвет
В зеленые поляны и аллеи.

Вот эти люди принесли с собой
Оранжевый и красный — очень яркий.
А те — лиловый, желтый, голубой, —
Как будто бы цветы гуляют в парке.

И если бы не ветер, что волной
Проходит, листья и стволы колебля,
Я думал бы: не парк передо мной,
А полотно веселое Констебля.

(1958)

112

В столичном немолкнушем гуде,
Подобном падению вод,
Я слышу, как думают люди,
Идущие взад и вперед.

Проходит народ молчаливый,
Но даже сквозь уличный шум
Я слышу приливы, отливы
Весь мир обнимающих дум.

(1958)

113

Порой часы обманывают нас,
Чтоб нам жилось на свете безмятежней.
Они опять покажут тот же час,
И верится, что час вернулся прежний.

Обманчив дней и лет круговорот:
Опять приходит тот же день недели,
И тот же месяц снова настает —
Как будто он вернулся в самом деле.

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата.
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

(1958)

114

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико — Среда.

Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, — неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее — Среда.

Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

(1958)

115

Нет, нелегко в порядок привести
Ночное незаполненное время.
Не обкатать его, не утрясти
С пустотами и впадинами всеми.

Не перейти его, не обойти,
А без него грядущее закрыто. . .

Но вот доходим до конца пути,
До утренней зари — и ночь забыта.

О, как теперь ничтожен, как далек
Пустой ночного времени комок!

(1958)

116

Ты много ли видел на свете берез?
Быть может, всего только две, —
Когда опушил их впервые мороз
Иль в первой весенней листве.

А может быть, летом домой ты пришел,
И солнцем наполнен твой дом,
И светится чистый березовый ствол
В саду за открытым окном.

А много ль рассветов ты встретил в лесу?
Не больше, чем два или три,
Когда, на былинках тревожа росу,
Без цели бродил до зари.

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз, —
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

(1958)

117

Сегодня старый ясень сам не свой,
Как будто страшный сон его тревожит.
Ветвями машет, шевелит листвою,
А почему — никто сказать не может.

И листья легкие в раздоре меж собой,
И ветви гнутые скрипят, друг с другом споря.
Шумящий ясень чувствует прибой
Воздушного невидимого моря.

(1958)

118. СЧАСТЬЕ

Как празднично сад расцветила сирень
Лилового, белого цвета.
Сегодня особый — сиреневый — день,
Начало цветущего лета.

За несколько дней разделись кусты,
Недавно раскрывшие листья,
В большие и пышные гроздья-цветы,
В густые и влажные кисти.

И мы вспоминаем, с какой простотой,
С какою надеждой и страстью
Искали меж звездочек в грозди густой
Пятилепестковое «счастье».

С тех пор столько раз перед нами цвели
Кусты этой щедрой сирени.
И если мы счастья еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

(1958)

119

Ласкают дыханье и радуют глаз
Кустов невысоких верхушки
И держат букеты свои напоказ,
Как держат ребята игрушки.

(1958)

120. ПОЖЕЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ

Желаю вам цвести, расти,
Копить, крепить здоровье.
Оно для дальнего пути —
Главнейшее условие.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А всё хорошее, друзья,
Дается нам недешево!

(1958)

121. РОБЕРТУ БЕРНСУ

Тебе сегодня двести лет,
Но к этой годовщине
Ты не состарился, поэт,
А молод и доньне.

Зачем считать твои века,
Когда из двух столетий
Не прожил ты и сорока
Годов на этом свете?

С твоей страницы и сейчас
Глядят умно и резко
Зрачки больших и темных глаз,
Таящих столько блеска.

Всё так же прям с горбинкой нос
И гладок лоб широкий,
И пряди темные волос
Чуть оттеняют щеки.

И твой сюртук не слишком стар,
А кружева, белея,
Заметней делают загар
Твоей крестьянской шеи.

Поэт и пахарь, с малых лет
Боролся ты с судьбою.
Твоя страна и целый свет
В долгу перед тобою.

Ты жил бы счастливо вполне
На малые проценты
Того, что стоили стране
Твои же монументы.

Ты стал чертовски знаменит,
И сам того не зная.
Твоими песнями звенит
Шотландия родная.

Когда, рассеяв полумрак,
Зажжется свет вечерний,
Тебя шахтер или рыбак
Читают вслух в таверне.

В народе знает стар и мал
Крутую арку моста,
Где твой О'Шентер проскакал
На лошади бесхвостой.

Поют под музыку твой стих,
Сопровождая танцы,
В коротких юбочках своих
Праправнуки-шотландцы.

Ты с каждым веком всё родней
Чужим и дальним странам.
«Забуть ли дружбу прежних дней?» —
Поют за океаном.

Мила и нам, твоим друзьям,
Твоя босая муза.
Она прошла по всем краям
Советского Союза.

Мы вспоминаем о тебе
Под шум веселый пира,
И рядом с нами ты в борьбе
За мир и счастье мира!

(1959)

122

Возраст один у меня и у лета.
День ото дня понемногу мы стынем.
Небо могучего синего цвета
Стало за несколько дней бледно-синим.

Всё же и я, и земля, мне родная,
Дорого дни уходящие ценим.
Вон и береза, тревоги не зная,
Нежится, греясь под солнцем осенним.

(1959)

123

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь.

(1959)

124. ЭПИТАФИЯ

Не надо мне ни слез, ни бледных роз, —
Я и при жизни видел их немало.
И ничего я в землю не унес,
Что на земле живым принадлежало.

(1959)

125

Молодой, седой и статный,
Как березы стройный ствол,
В путь ушел ты невозвратный,
Раньше времени ушел.

Не в тайге, где ты когда-то
Партизаном воевал,
Не в боях на льду Кронштадта
Ты убит был наповал.

Ты, не знавший неудачи,
Скошен собственной рукой.
Погубил тебя на даче
Беспокойный твой покой.

Конец 1950-х годов

126. ПОСЛЕДНИЙ ФОНАРЬ ЗА ОГРАДОЙ

Я еду в машине. Бензинная гарь
Сменяется свежей прохладой.
Гляжу мимоездом на бледный фонарь —
Последний фонарь за оградой.

Стоит он в углу и не ведает сам,
Как мне огонек его дорог.
Высокий фонарь сторожит по ночам
Покрытый цветами пригорок.

В углу за оградой — убогий ночлег
Жены моей, сына и брата.

И падает свет фонаря, точно снег,
На плющ и на камень щербатый.

В столицу бессонную путь мой лежит.
Фонарь за домами затерян.
Но знаю: он вечный покой сторожит,
Всю ночь неотлучен и верен.

Конец 1950-х годов

127

Цените слух, цените зренье.
Любите зелень, синеву —
Всё, что дано вам во владенье
Двумя словами: я живу.

Любите жизнь, покуда живы.
Меж ней и смертью только миг.
А там не будет ни крапивы,
Ни звезд, ни пепельниц, ни книг.

Любая вещь у нас в квартире
Нас уверяет, будто мы
Живем в закрытом, светлом мире
Среди пустой и нищей тьмы.

Но вещи мертвые не правы —
Из окон временных квартир
Уже мы видим величавый,
Бессмертию открытый мир.

Конец 1950-х годов

128

Когда-нибудь, с течением веков,
Совсем не будет у людей фамилий,
А только имена — как у богов,
Что так недавно на Олимпе жили.

Как Афродита, Гера, Аполлон,
Да будет каждый оценен, замечен
И, если даже смертен будет он,
Оставленный им образ будет вечен.

Недаром, полюбив, мы и сейчас
По имени любимых называем.
Так пусть их будут множества. У нас
Источник нежности неисчерпаем.

Конец 1950-х годов

129

Пароход компании «Россия»
К белоснежной Ялте подошел.
С палубы увидел я впервые
Слева город, справа длинный мол.

В гимназической фуражке летней,
Обвязав багаж свой ремешком,
Пассажир четырнадцатилетний,
Я иду по городу пешком.

Дохожу, как в повести старинной,
До узорных кованых ворот.
Спрашиваю: «Здесь Екатерина
Павловна у доктора живет?»

Конец 1950-х годов

130. ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

У вдохновенья есть своя отвага,
Свое бесстрашье, даже удалство.
Без этого поэзия — бумага
И мастерство тончайшее мертво.

Но если ты у боевого стяга
Поэзии увидишь существо,

Которому к лицу не плащ и шпага,
А шарф и веер более всего,

То существо, чье мужество и сила
Так слиты с добротой, простой и милой, —
А доброта, как солнце, греет свет, —

Такою встречей можешь ты гордиться
И перед тем, как навсегда проститься,
Ей посвети последний свой сонет.

Конец 1950-х годов

131

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи, — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

(1960)

132. НАДШИСЬ НА КАМНЕ

Не жди, что весть подаст тебе в ответ
Та, что была дороже всех на свете.
Ты погрустишь три дня, три года, десять лет,
А перед нею — путь тысячелетий.

1960

133

Ты уже там, на другой стороне,
Но протяни свою руку,
Чтобы по-твоему вынести мне
Ту же предсмертную муку.

1960

127

Чудес, хоть я живу давно,
 Не видел я покуда.
 А впрочем, в мире есть одно
 Действительное чудо:

Помножен мир (иль разделен?)
 На те миры живые,
 В которых сам он отражен,
 И каждый раз впервые.

Всё в мире было бы мертво —
 Как будто мира самого
 Совсем и не бывало, —
 Когда б живое существо
 Его не открывало.

1960

135. БЕССМЕРТИЕ

Года четыре был я бессмертен,
 Года четыре был я беспечен,
 Ибо не знал я о будущей смерти,
 Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
 В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
 Миг этот будет всегда предстоящим —
 Даже за час, за мгновенье до смерти.

1960

Полные жаркого чувства,
 Статуи холодны.
 От пламени стены искусства
 Коробиться не должны.

Как своды античного храма —
Души и материи сплав —
Пушкинской лирики мрамор
Строен и величав.

1960

137

Бывало, полк стихов маршировал,
Шеренги шли размеренно и в ногу,
Рифмованные, звонкие слова
Литаврами звенели всю дорогу.

Теперь слова подчас идут вразброд.
Не слышен четкий шаг стихотворенья.
Так шествует — назад, а не вперед —
Разбитое в бою подразделение.

Свободный строй стиха я признаю.
Но будьте и при нем предельно кратки
И двигайтесь в рассыпанном строю,
Но в самом строгом боевом порядке.

1960

138

Кто создает, тот мыслит щедро.
Он не боится, что Земля
Скудеет, истощая недра
И хлебородные поля.

1960 (?)

139

Т. Г.

Всё лучшее ты отдавала даром,
Делилась счастьем и душевным жаром,
Нежданым кладом, что нашла сама,
Игрой живого, быстрого ума,

Делилась хлебом, воздухом и светом,
Дарила всех заботой и советом,
Дарила просто, весело, шутя,
Рассыпанных сокровищ не жалея, —
Так, как дарить умеет только фея
И радостное, доброе дитя.

Начало 1960-х годов

140

Т. Г.

Всем, чем судьба моя богата,
Покоем в буйной суете
Обязан я твоей крылатой,
Твоей высокой доброте.

Начало 1960-х годов

141

Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озерную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый легкий твой всплеск услышать.

А была ты и звонкой и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.

Ты жила и дышала любовью,
Ты, как щедрое солнце, зашла,
Оставляя свое послесловье —
Столько света и столько тепла!

(1962)

142. НАДПИСЬ НА УРНЕ

С тобою вместе враг твой был сожжен.
Удавом он сдавил при жизни тело.
Но до конца не мог коснуться он
Того, что и по смерти не истлело.

Ты горстью пепла стала, ты мертва.
Но помню, как у смертного порога
Произнесла ты медленно слова:
«Люблю я сильно, весело и строго».

Ты, умирая, силы мне дала,
Веселье, чтоб его раздал я многим.
И вот проходят все мои дела
Перед твоим судом, простым и строгим.

(1962)

143. РАССВЕТ В ФИНЛЯНДИИ

Скамья над обрывом намокла,
Покрылась налетами льда.
Зарей освещенные стекла
Вдали отразила вода.

Взлетела случайная птица
И села на крышу опять.
Раскрыть свои крылья боится —
Ночное тепло растерять.

(1962)

144

Трепал сегодня ветер календарь.
Перелистал последнюю неделю,
Пересмотрел июнь, потом январь,
А вслед за тем перелетел к апрелю.

Мелькнуло два иль три счастливых дня,
Но не открыл он ни единой даты,
Не вызывавшей в сердце у меня
Воспоминаний горестной утраты.

(1962)

145. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Как и сама ты предсказала,
Лучом, дошедшим до земли,
Когда звезды уже не стало,
Твои стихи до нас дошли.

Тебя мы слышим в каждой фразе,
Где спор ведут между собой
Цветной узор славянской вязи
С цыганской страстной ворожкой.

Но так отчетливо видна,
Едва одета легкой тканью,
Душа, открытая страданью,
Страстям открытая до дна.

Пусть безогляден был твой путь
Бездомной птицы-одиночки, —
Себя ты до последней строчки
Успела родине вернуть.

(1962)

146

Ты бойся долгих дней, когда пустой и мелкой
Становится душа и плоским разум твой, —
Как будто на часах нет стрелки часовой
И время мерится одной минутной стрелкой.

1962

147

Насвистывая песню, почтальон
За домом дом обходит всю округу.
И хорошо, что знать не знает он,
Что пишут в письмах граждане друг другу.

1962

148

Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить пешком.
Но радостно мне знать, что я знаком
С читателем двухтысячного года!

1962

149

Стояло море над балконом,
Над перекладиной перил,
Сливаясь с бледным небосклоном,
Что даль от нас загородил.

Зеленый край земли кудрявой
Кончался здесь — у синих вод,
У независимой державы,
Таящей всё, что в ней живет.

И ласточек прибрежных стайки,
Кружась, не смели залетать
Туда, где стонущие чайки
Садились на морскую гладь.

1962

Тесссли

В искусстве с незапамятных времен
 Царил классический, официальный тон
 И простота была лишь театральной.
 Но так в пути сдружился весь вагон,
 Что формы строгие выбрасывает вон,
 Как в летний день воротничок крахмальный.

1962 или 1963

Я сижу на скамье у обрыва,
 А внизу, в темноте, подо мной
 Плещет море широкой, ленивой
 И по-рыбьи холодной волной.

Но вдали показались, блистая, —
 В этой тьме ничему не сродни, —
 Как на бархате брошь золотая,
 В два ряда бортовые огни.

1962 или 1963

152. ЮНОСТЬ

Есть ходячая важность,
 Дубовость,
 Чугунность.
 Но не стоит робеть перед ней.
 Ты, безвестная, скромная, бедная юность,
 И богаче и много сильнеей.

Ты прочнее железа,
 Устойчивей дуба.
 Оттого-то не раз я видал,
 Как валлились дубы
 От руки лесоруба
 И как плавило пламя
 Металл.

1962 или 1963

153. ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Когда был черный этот лес
Прозрачным, оголенным,
Казалось чудом из чудес,
Что будет он зеленым.

Но чудо каждую весной
Бывает в самом деле.
Смотри, деревья пух сквозной,
Расправившись, надели.

Стоят, стряхнув зимы покров,
Не горбясь, не сутулясь,
Как сестры, что под отчий кров
Невестами вернулись.

(1963)

154

Бывают и часы календарем,
Когда сменяют стрелки мимоходом
Седой Декабрь — морозным Январем
И старый год — веселым Новым годом.

(1963)

155. РАЗГОВОР С МАЛИНОВКОЙ

«Ты думал, мир не тот, не тот,
Какой ты видел в детстве?» —
Щебечет птица, что живет
В саду — со мной в соседстве.

— Да, многого не узнаю
Я в наши дни, но всё же
Вы на прабабушку свою,
Малиновки, похожи.

Я с ней отлично был знаком,
Когда в лесу весеннем
По скользким веткам босиком
Взлезал, как по ступеням.

(1963)

156. ПЕСНЯ

Небо. Море.
Море. Небо.
Позабудешь о земле, —
Словно ты на ней и не был,
Век провел на корабле.

Но когда впотьмах на койку
Заберешься, как в жилье,
Видишь землю, землю только,
Только землю. Да ее.

(1963)

157. НОЧНОЙ КОСТЕР

Горел костер под небом Крыма,
Стреляя звездами во тьму,
А мне смолистый запах дыма
Напомнил Горького в Крыму.

Он слушал буйный шум прибоя
И треск обугленной коры
И, верно, видел пред собою
Свои походные костры.

(1963)

158. ЖАВОРОНОК

Так беззаботно, на лету
Он щедро сыплет трели,
Взвиваясь круто в высоту
С земли — своей постели.

Среди колосьев он живет.
Его домишко тесен,
Но нужен весь небесный свод
Ему для звонких песен.

(1963)

159

Прославленный Василий Теркин твой
Не может быть никем повышен в чине.
А почему? По той простой причине,
Что он по самой сути рядовой.

Август — сентябрь 1963

160. К ПОРТРЕТУ

Т. Г.

У твоей постели скромной
Столик с лампою на нем.
Ты же кажешься бездомной,
Ты уходишь с каждым днем.

В этот горький полдень вешний
На тебя ложится свет.
И ему такой нездешний
Посылаешь ты привет.

Октябрь 1963

161

Исчезнет мир в тот самый час,
Когда исчезну я,
Как он угас для ваших глаз,
Ушедшие друзья.

Не станет солнца и луны,
Поблекнут все цветы.
Не будет даже тишины,
Не станет темноты.

Нет, будет мир существовать,
И пусть меня в нем нет,
Но я успел весь мир обнять,
Все миллионы лет.

Я думал, чувствовал, я жил
И всё, что мог, постиг,
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

Октябрь 1963

162

Владеет морем полная луна,
На лоно вод набросившая сети.
И сыплет блески каждая волна
На длинный берег, спящий в бледном свете.

А кипарисы темные стоят
Над морем, не пронизаны лучами, —
Как будто от луны они таят
Неведомую ношу под плащами.

1963

163

Говорило яблоко
Веточке своей:
«Дай мне волю, веточка,
Отпусти скорей.

Круглое, румяное,
С горки покачусь
И опять на яблоню
К ночи ворочусь».

Отвечала веточка:
«Погоди три дня.
Ты еще румянее
Станешь у меня.

Я тебя, желанное,
Медом напою,
Покачаю вечером
Колыбель твою.

А сорвешься с дерева —
Доброго пути, —
Яблоку на яблоне
Больше не расти».

1963

164

Всё мне детство дарило,
Чем богат этот свет:
Ласку матери милой
И отцовский совет,

Ночь в серебряных звездах,
Летний день золотой
И живительный воздух
В сотни верст высотой.

Всё вокруг было ново:
Дом и двор, где я рос,
И то первое слово,
Что я вслух произнес.

Пусть же трудно и ново
И свежо, как оно,
Будет каждое слово,
Что сказать мне дано.

1963

165

«Инкогнито к нам едет ревизор. . .»
Среди ребят, сидящих в первом классе,
Не различит и самый острый взор,
Что может быть и Пушкин в этой массе.

1963 или 1964

166

Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья.
Какого бы ты счастья ни достиг,
Ты прошлому отдашь без промедленья
Еще живой и неостывший миг.

1963 или 1964

167

Свои стихи, как зелье,
В котле я не варил
И не впадал в похмелье
От собственных чернил.

Но четко и толково
Раскладывал слова,
Как для костра большого
Пригодные дрова.

И вскоре — мне в подарок,
Хоть я и ожидал, —
Стремителен и ярок,
Костер мой запылал.

1963 или 1964

168

Все те, кто дышит на земле,
При всем их самомнении —
Лишь отражения в стекле,
Ни более, ни менее.

Каких людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркал
Как будто тряпкой смыло.

Я знаю: мы обречены
На смерть со дня рождения.
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?

И неужели только сон —
Все эти краски, звуки,
И грохот миллионов тонн,
И стон предсмертной муки? ..

1964

Лирические эпиграммы

169

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

(1964)

170

Дождись, поэт, душевного затишья,
Чтобы дыханье бури передать,
Чтобы легло одно четверостишие
В твою давно раскрытую тетрадь.

(1962)

171

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

(1962)

172

«О чем твои стихи?» — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

(1964)

173

Так много ласточек летало
Почти с тех пор, как мир стоит,
Но их не помнят, их не стало,
А эта ласточка летит.

(1963)

174

Мы принимаем всё, что получаем,
За медную монету, а потом —
Порою поздно — пробу различаем
На ободке чеканно-золотом.

(1962)

175

За несколько шагов до водопада
Еще не знал катящийся поток,
С каких высот ему сорваться надо...
И ты готовься совершить прыжок.

(1962)

176

Только ночью видишь ты вселенную.
Тишина и темнота нужна,
Чтоб на эту встречу сокровенную,
Не закрыв лица, пришла она.

(1962)

177

Существовала некогда пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни пригодится тот,
Кто, жить готовясь, в детстве не живет.

(1964)

178

Он взрослых изводил вопросом «Почему?».
Его прозвали «маленький философ».
Но только он подрос, как начали ему
Предносить ответы без вопросов.

И с этих пор он больше никому
Не досаждал вопросом «Почему?».

(1964)

179

Человек ходил на четырех,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.

Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.

(1962)

180

Власть безграничная природы
Нам потому не тяжела,
Что чувство видимой свободы
Она живущему дала.

(1964)

181

Как ни цветиста ваша речь,
Цветник словесный быстро вянет.
А правда голая, как меч,
Вовек сверкать не перестанет.

(1964)

182

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Всё, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

(1964)

183

И час настал. И смерть пришла, как дело,
Пришла не в романтических мечтах,
А как-то просто сердцем завладела,
В нем заглушив страдание и страх.

(1964)

184

Сменялись в детстве радугой дожди,
Сияньем солнца — сумрачные тени.
Но в зрелости не требуй и не жди
Таких простых и скорых утешений.

(1964)

У одного советского министра
 Спросила мать, живущая в деревне:
 «Ты кем сейчас работаешь, сынок?»
 Он ей назвал свой пост и учреждение,
 Но мать, не успокоившись, спросила:
 «А это в помещении, сынок?»
 — «Да, у себя, в служебном кабинете».
 — «Ах, в помещенье? Ну и хорошо».

(1963)

Как обнажаются судов тяжелых днища,
 Так жизнь мы видели раздетой догола.
 Обеды, ужины мы называли пищей,
 А комната для нас жилплощадью была.

Но пусть мы провели свой век в борьбе суровой,
 В такую пору жить нам довелось,
 Когда развеялись условностей покровы
 И всё, что видели, мы видели насквозь.

(1964)

Стебли трав, пробившись из земли,
 Под плитой тяжелой не завяли,
 Сквозь кору асфальта проросли
 И, глядишь, — тюрьму свою взорвали.

(1964)

Человек — хоть будь он трижды гением —
 Остается мыслящим растением.
 С ним в родстве деревья и трава.

Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рождения
Сила, стойкость, жизненность растения.

(1964)

189

Зверь в укротителе не должен чують мясо.
Могучий лев испытывает страх
Перед неведомым, когда живую массой
У дрессировщика лежит он на плечах.

(1964)

190

Всё умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

(1964)

191

Нужна нам отвага
Для первого шага.
А кто упадет, но рискнет на второй,
Тот дважды герой.

(1964)

192

Расти, дружок, и крепни понемножку,
И помни, что живое существо
Перерасти должно хотя бы кошку,
Чтобы она не слопала его.

(1964)

193

Как вежлив ты в покое и в тепле.
Но будешь ли таким во время давки
На поврежденном бурей корабле
Или в толпе у керосинной лавки?

(1964)

194

Определять вещам и людям цену
Он каждый раз предоставлял другим.
В театре жизни видел он не сцену,
А лысины сидящих перед ним.

(1964)

195

Ты меришь лестницу числом ее ступеней,
Без мебели трудней на глаз измерить зал.
Без лестницы чинов, без множества делений
Большим бы не был чином генерал.

(1964)

196

Не для того, чтоб жить, он ест и пьет, —
Во всем он алчно ищет наслажденья.
Ни святости любви не признает,
Ни платы за любовь — деторожденья.

На склоне лет бесплоден он, как мул,
Плоть износил, хоть он ее и нежил,
Дух оскорбил, природу обманул
И прожил жизнь, как будто бы и не жил.

(1964)

197

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети.
И всё же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

(1964)

198

К искусству нет готового пути.
Будь небосвод и море только сини —
Ты мог бы небо с морем в магазине,
Где краски продают, приобрести.

(1964)

199

Без музыки не может жить Парнас.
Но музыка в твоём стихотвореньи
Так вылезла наружу, напоказ,
Как сахар прошлогоднего варенья.

(1964)

200

Красиво пишет первый ученик,
А ты предпочитаешь черновик.
Но лучше, если строгая строка
Хранит веселый жар черновика.

(1962)

201. О МОДЕ

Ты старомоден. Вот расплата
За то, что в моде был когда-то.

(1964)

202. О РИФМЕ И ПРОЧЕМ

Нужна ли рифма, например?
Ведь нет же рифмы у Гомера.
А для чего стихам размер?
Пожалуй, можно без размера.

Стихам не нужно запятых.
Им ни к чему тире и точки.
Не упразднить ли самый стих?
Но как считать мы будем строчки?

(1964)

203

Пускай стихи, прочитанные просто,
Вам скажут всё, о чем сказать должны.
А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста.

(1964)

204

Литература, скажем, это — ванна.
И у нее имеются два крана.
Нагреть такую ванну — труд бесплодный:
Так много льют в нее воды холодной!

(1964)

205

Искусство строго, как монетный двор.
Считай его своим, но не присваивай.
Да не прельстится шкуркой горностаевой
Роль короля играющий актер.

(1964)

206

У Пушкина влюбленный самозванец
Полячке открывает свой обман,
И признается пушкинский испанец,
Что он — не дон Диего, а Жуан.

Один к покойнику свою ревнует панну,
Другой к подложному Диего — донну Анну...
Так и поэту нужно, чтоб не грим,
Не маска лживая, а сам он был любим.

(1964)

207

Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром,
Не сразу он из ряда вышел вон.
Века прошли, пока он целым миром
Был в звание Шекспира возведен.

(1962)

208

О том, что жизнь — борьба людей и рока,
От мудрецов древнейших слышал мир.
Но с часовой стрелкою Востока
Минутную соединил Шекспир.

(1962)

Да будет мягким сердце, твердой — воля!
 Пусть этот нестареющий наказ
 Напутствием послужит каждой школе,
 Любой семье и каждому из нас.

Как часто у тиранов на престоле
 Жестоким было сердце, слабой — воля.

(1964)

Питает жизнь ключом своим искусство.
 Другой твой ключ — поэзия сама.
 Заглух один — в стихах не стало чувства.
 Забыт другой — струна твоя нема.

(1962)

Над прошлым, как над горною грядой,
 Твое искусство высится вершиной,
 А без гряды истории седой
 Твое искусство — холмик муравьиный.

(1962)

Дыхание свободно в каждой гласной,
 В согласных — прерывается на миг.
 И только тот гармонии достиг,
 Кому чередование их подвластно.

Звучат в согласных серебро и медь,
 А гласные даны тебе для пенья.
 И счастлив будь, коль можешь ты пропеть
 Иль даже продышать стихотворенье.

(1964)

213

Четыре строчки источают яд,
Когда живет в них злая эпиграмма,
Но раны сердца лечат «Рубайат» —
Четверостишья старого Хайяма.

(1962)

214

Мы любим в детстве получать подарки,
А в зрелости мы учимся дарить,
Глазами детскими смотреть на праздник ярким
И больше слушать, меньше говорить.

(1964)

215

Ни сил, ни чувств для ближних не щадит.
Кто отдает, тот больше получает.
Нет молока у матери в груди,
Когда она ребенка отлучает.

(1964)

216

Пускай бегут и после нас,
Сменяясь, век за веком, —
Мир умирает каждый раз
С умершим человеком.

(1964)

217

Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное *сейчас*,
Пока живут потомки.

(1964)

1

Как быстро палящее солнце зашло,
Исчезло в морской глубине,
Оставив безоблачной ночи тепло
И свет приглушенный — луне.

2

Должно быть, ветер понемножку
На этот склон земли нанес,
Чтоб зелень ласковою кошкой
Легла на каменный откос.

3

Над городом осенний мрак навис.
Ветвями шевелят дубы и буки,
И слабые, коротенькие руки
Показывает в бурю кипарис.

(1962)

221

У ближних фонарей такой бездумный взгляд,
А дальние нам больше говорят
Своим сияньем, пристальным и грустным,
Чем люди словом, письменным и устным.

(1964)

222

Сон сочиняет лица, имена,
Мешает с былью пестрые виденья.
Как волны подо льдом, под сводом сна
Бессонное живет воображенье.

(1964)

Как хорошо проснуться утром дома,
 Где всё, казалось бы, вам издавна знакомо,
 Но где так празднично в явь переходит сон, —
 Как будто к станции подходит ваш вагон.

Вы просыпаетесь от счастья, словно в детстве.
 Вам солнце летнее шлет миллион приветствий,
 И стены светлые, и ярко-желтый пол,
 И сад, пронизанный насквозь жужжаньем пчел.

(1964)

Березка тонкая, подросток меж берез,
 В апрельский день любит себя собою,
 Глядясь в размытый след больших колес,
 Где отразилось небо голубое.

(1964)

Ведерко, полное росы,
 Я из лесу принес,
 Где ветви в ранние часы
 Роняли капли слез.

Ведерко слез лесных набрать
 Не пожалел я сил.
 Так и стихов моих тетрадь
 По строчке я копил.

(1964)

**226. КАНТАТА В ПАМЯТЬ АНТОКОЛЬСКОГО
ИЗ ВИБЛИИ**

Рече господь: «Да будет муж великий!
Его весь мир недаром ждет.
Я одарю его высокою душою,
И под его творящую рукою
Холодный мрамор оживет!»

И вот явился он. К своей желанной цели
Чрез край неведомый повел он свой народ,
И мощно раздалось над смолкнувшей землею
Его «вперед», бесстрашное «вперед».
И встал он, и пошел. И на пути великом
Погибших воскрешал, и камню душу дал,
И сердце в нем зажег.

Свершен высокий подвиг,
И гений пал!..

И застонал народ: «Кого похоронил я?
Кто одинок в сырой земле лежит,
И чья рука протянута недвижно,
Чью грудь огонь не оживит?

Но не исчезнет он из памяти народной.
О нет! И будет он как радуга сиять,
И яркою звездой путеводной
Наш мрачный путь он будет освещать!»

1902

227. ПЕРВЫМ БОРЦАМ

...И были вы — в краях зимы
Случайно залетевшей птицей...
Блеснув обманчивой зарницей
Над царством холода и тьмы,

Вы нам на миг надежду дали...
Исчез мгновенный светлый луч —
И снова царство грозных туч!..
И вас мы горько проклинали...

За то, что ваш ничтожный блеск
Казался нам гонцом рассвета,
За ваш обман!..
...Но слышен треск...

Я вижу, искры тлеют где-то —
И там, где спал угрюмый лес,
Занялся ярко край небес —
И стал он огненного цвета...

Огонь бушует... Лес горит!..
И вьются огненные змеи...
В объятьях страшных цепenea,
Столетний дуб едва стоит...

В огне проснулись зверь и птица...
Бушует пламя всё сильнее —
Казалось, небо загорится!..
...И одинокая зарница
Мелькнула в памяти моей...

1905
Ялта

228

«Нам с тобой не по дороге!» —
Так на жизненном пороге
Я товарищу сказал...
И пошел к заре багровой —
Там торжественный и новый
День сияющий вставал...

Я ушел без сожаленья...
Много света, вдохновенья
Ожидало впереди...
В полдень радостный я снова
Отстранил рукой другого:
«Нам не вместе. Уходи!»

Вот на небе загорелся,
Ярким пурпуром оделся,
Разливается закат. . .
Мы идем вперед. . . Но где же
Наши братья? Реже, реже
Всё становится наш ряд. . .

«Нам с тобой не по дороге»,
— «Нам с тобой не по дороге! . .»
Я, как зверь в лесной берлоге,
Одинок. . . Я вижу тьму. . .
Тяжело. . . Тоска и горе! . .
Ночь простерлась на просторе. . .
Страшно ночью одному!

18 мая 1906
Илга

229. ИЗ «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ»

Луч струится с небосклона —
Милый мчится с гор Хермона
Ясен, светел, как корона. . .

Строен, как олень.

Это он, кого ишу я,
Это он, кого, тоскуя,
Жду я с лаской поцелуя. . .

Загорись, мой день!

Разбегайся, тьма ночная,
И печаль мою умчи. . .

О, идет он, вестник мая!
О, идет! Горят, сверкая,
Взора гордого лучи! . .

О, когда б ты был мне братом, —
Не ночами, не с закатом,
С сердцем, трепетом объатым,
Вышла б я к тебе! . .

Как несутся гребни вала, —
Побежала, задрожала
И к груди тебя прижала
В страсти и мольбе!

Только солнце загорится
На вершинах снежных гор, —
За тобою, как орлица,
Полетела б на простор!
И едва лишь робким светом
Озарится спящий сад,
Мы сошли б к цветам с приветом:
Расцвели ли ранним летом,
Распустился ль стройных лилий
Белоснежный аромат?

1906

230

Утро. Море греет склоны,
А на склонах реет лес.
И разбросаны балконы
В синем зареве небес.

На веранде над оливой
За оградою сквозной
Платье легкое стыдливой
Замелькало белизной.

Тонких чашек звон задорный
С вышины сорвался вниз.
Там на скатерти узорной
Блещет утренний сервиз.

1906

231

В долинах ночь еще темнеет,
Еще светлеет звездный дол
И далеко крылами веет
Пустынный ветер, как орел.

Среди колонн на горном склоне
Стоишь, продрогший, в забыты. . .
А при дороге ропшут кони
И возмущенные ручьи.

Опять дорога. Мрак и тряска.
Но с моря выглянет рассвет,
И кони, упряжь и коляска
На скалы бросят силуэт.

1906 (?)

232. КАЧЕЛИ

Я. Годину

На закате недвижимо
Закружился светлый сад...
Стой смелей! — вперед летим мы...
Крепче стой! — летим назад.

Как игра весны и бури —
Наша радость и испуг.
От лазури до лазури
Описали полукруг.

Очертили коромысло...
В бледном небе ты повисла
С легким криком и мольбой...

И нырнула станом стройным
Вниз — и ястребом спокойным
Я поднялся над тобой.

(1907)

233. В ПОЕЗДЕ

Где-то мы застигнули
В поле огоньки.
Вмиг они отпрыгнули,
Миг — и далеки.

И скользят сцепления
Рельсовых полос —
Прямо под движение
Тысячи колес.

Минули уверенно
Станций мимолет. . .
На одной, затерянной,
Дождик ночью льет.

Ветер по прогалинам.
Паровозный свист.
За столом заваленным
Спит телеграфист.

1907

234. БЕЛАЯ НОЧЬ

Это не дома, а корабли.
Мачты, флаги темных кораблей —
Тучи перетянуты вдали.
Полночь звезд светлей.

Улица открыта и пуста.
Стало белым золото креста.
Над Невой светлеет высота.

Дремлет пристань. В лодку мы сошли.
Тихо и волнисто на мели.
Но пугливо встречен был волной
Плеск весла над гулкой глубиной.

1907

235. ИЗ ЦИКЛА «ГОРОДСКИЕ»

Всё здесь давит. Как в могиле —
Жизнь за каменным пределом.
Днем пугает окрик грозный,
Ночью призраки томят.
Отчего же вы не смыли
На стекле оледенелом
Этот легкий и морозный
Светло-огненный закат?

(1908)

236. ГАЛЕРЕИ

Светлые рамы картин касались холодного пола.
Я издали золотой круг галерей оглядел —
Ближе дробились в луче блестящие темные фоны.

Надпись: художник и год. Город, столетье и школа.
Темные залы — века. Двери — столетий предел.
Живы великие дни, но пред ними воздвиглись колонны —
Памятник новым векам... А в далеком углу,

за картиной,
Там, где окно и лучи, полдень струится, как дождь.
Это — живущее. Мы...
Двое неслышно проходят, —

Девушки в шарфах цветных.

(1908)

237. ПЕРВЫЙ ЧАС СНА

Почти до глаз — румянец щек...
Так сладко-сладко спать!
Умолк задумчивый сверчок
И затрещал опять.

Так высоко взошла луна.
Огонь совсем погас...
Хотя часы во время сна
Звонили много раз.

(1908)

238

За лесом целый небосклон
Сияньем моря отражен.

И в самой светлой полосе
На узкой каменной косе,

От солнца близкого черна,
Дымится рощица одна.

(1908)

Дождь до заката. Капли на закате.
И ночью ветер. А в рассветный час
Аллея на высоком скате
Вся ожидала нас.

Вся ожидала. Нет в аллее никого.
Мы тихо вверх пошли до спуска, до беседки.
Волос и края платья твоего
Касались плачущие ветки.

Сошли по лестнице. Здесь капли слез осенних
Повисли в воздухе. Деревья далеки...
«Влюбленных встретили мы ночью
на ступенях», —
Про нас сказали у реки.

Нам было грустно. Я умолк, грустя.
Я вел тебя до самого балкона.
Ты вышла радостно, дитя,
А возвращалась утомленно.

(1908)

240. НА РАССВЕТЕ

Калитка в чаще — белые березы.
А занавески — бархатные ели.
Когда рассвет смахнул на листья слезы?
Не спали ночь. Ходили в лес. Не подглядели.

Кукушки — две — скликались утром звонко
За речкой и за рощицей еловой.
Склонилась ты, и выпала гребенка.
Мой бедный друг! Ресницы спят. Застыло слово.

А дальше звон кукушек приутих.
Как поцелуй, мерцало щебетанье.
Вся ночь была — как позабытый миг:
И наша дрожь, и вдруг — рассвет, и ожиданье.

Мы тихо шли к реке на берега.
Как будто плеск мы слышали впервые.
Скрипит паром. . . Доносятся рога. . .
Пришли домой. Свежа постель. И спят родные.

(1908)

211

Закатные храмы осенних садов
Оставлены шумной толпой,
Зашедшей на миг, не собравшей плодов,
Беспечной, веселой, слепой,

Ушедшей в ворота, к обрыву пути,
Где резвый стоит водопой.

В закатные храмы с подругой зайти
Под гроздь осенней листвы. . .
Какой пестротой начинают цвести
Кусты одичалой травы.

Как падают груши — беззвучно почти —
В заросшие узкие рвы. . .

Тяжка запоздалая наша тоска,
Как труп, уносимая в глушь.
Но будет обратно дорога легка
Для двух успокоенных душ,

И будет за нами — как шелест цветка —
Паденье неслышное груш.

(1908)

212

На кровлях тихих дач и в поле на земле
Садятся стаи птиц. В покойную погоду
Чернеют их рои в осенней светлой мгле
И, как неслышный дым, плывут по небосводу.

И роща бедная, умильно дорожа
Цветными листьями на тонких черных прутьях,
Не ропщет, не шумит и слушает, дрожа,
Разгул ветров на перепутьях.

Опять поет рояль на даче, в глубине,
И в песне слышится прощальное признание:
«Увидимся к весне. Увидимся во сне.
Прости и помни обещанье!»

1908

243

Луна осенняя светла,
Аллея дремлет кружевная.
Природа глухо замерла,
Предчувствуя, припоминая.

Шуршанье листьев, стон лесной —
Последний отзвук летней неги. . .
Но всё бледнеет пред луной —
Как бы в мечтах о первом снеге. . .

1909

244

Подними чуть заметный зеленый огонь.
Вот он здесь — на траве, под листвою.
Осторожно возьми, положи на ладонь
И другую ладонью прикрой.

Ты взяла огонек и прикрыла слегка,
И горят твои ручки насквозь.
А теперь к голове подними светляка
И в воздушные волосы брось.

У тебя в волосах, как алмаз, он царит.
Ты боишься его потерять. . .
А каким он задумчивым блеском горит,
Ускользая за темную прядь.

1909

245. ОЖИДАНИЕ

На закате в тихой роще,
В темной спрятавшись листве,
Ожидала каждый раз,
Шарф на светлой голове
Опуская ниже глаз...

Тень прямой и строгой ветки,
Отлетев от ветерка,
Набегала на лицо...
И открытая рука
Обнимала деревцо.

(1910)

246

Как будто поезд перенес
Меня к жилью в ограде синей...
Здесь прекратилась цепь берез.
Живая травка по равнине.

Направо — стройно и легко
Резные светятся ворота.
И дом за ними — далеко —
С дверями, ждущими кого-то.

Вот синь вечерняя легла.
Исчез за домом путь гористый.
Рука ворота отвела,
Открылся двор, пустой и чистый.

Оттуда вывезли песок —
Гуськом — просторные повозки.
Опять ворота на замок.
Смолкает скрип. Шумят березки...

Не ждать ли женщину на миг?
Здесь не пройдет ль на закате,
Без рукоделья и без книг,
Еще в дневном нарядном платье?

Пойдет к полям, в лесок свернет...
Потом задумчиво вернется
И снова двери распахнет —
Пред тем, как в сумраке замкнется...

(1910)

247. ЗИЖНЯЯ ЛУНА

В начале ночи озарилась
Небес далеких сторона:
Луна над холодом явилась...
Над зимним сумраком — луна!

Неслышным ветром закачало
Рон снежинок-мотыльков...
А там опять луна упала,
Как чайка, в пену облаков.

(1910)

248. ЧАЙКИ

Туманный полдень. Тень печали —
На корабле. Замедлен бег.
А за кормой над зыбью дали
Как бы кружится легкий снег.

Нет, это чайки. Странно дики
И нарушают смутный сон
Их нарастающие крики,
Короткий свист и скорбный стон.

Всё ближе реют, обнимая
Седыми крыльями простор,
То с первым ветром отлетая,
То вновь скользя наперекор.

Поджаты трепетные лапки,
Наклонено одно крыло...
Нам скучен день, сырой и зябкий,
А им — привольно и светло...

Но вот взгляни: в тревожном гуле,
Как бы в глубокой тишине,
Они устали и заснули
И закачались на волне.

26 ноября 1911
Салоники — Афон

249. В АРХИПЕЛАГЕ

Ты вся полна ночным виденьем.
Каким неведомым волненьем
Твой взор надолго утолен?
Что это было? Сумрак лунный,
Туман. И в пене белорунной —
Морская даль и небосклон.

Одно усилие нужно было —
И ты нежданно различила
Гористый остров сквозь туман. . .
Там — берег, низкий и безлюдный. . .
И выростала тенью чудной
Скала — как скованный Титан!

Тебе казалось: остров бледный,
Утес над глубию заповедной,
Легко-волнистые хребты
Скрывали зыбкую дорогу
К богам стихий, к морскому богу,
К богине нашей красоты. . .

1911

250

Мы жили лагерем в палатке,
Кольцом холмов окружены.
Кусты сухие в беспорядке
Курились, зноем сожжены.

Лишь ранним утром с небосвода
Там раздавался крик орла,
А днем безмолвная природа
Заката пышного ждала.

И не давая в тяжком зное
Всему живому изнемочь,
Врата блаженства и покоя
Нежданно открывала ночь.

Всё к звездам возводило очи.
Размеренно дышала грудь.
И путник ждал прихода ночи,
Чтоб продолжать урочный путь...

Но вот вослед поре безводной
Там наступал черед дождей.
И первый дождь весь край бесплодный
Преображал, как чародей.

Казалось, землю покрывая
Ковром, с небесной высоты
Лилась не влага дождевая,
А листья, травы и цветы...

1911

251

Давно скитаюсь, в пылкой радости
И в тихой скорби одинок.
Теперь узнал я полный сладости
И верный древности Восток.

И навсегда — в одном из плаваний —
Я у себя запечатлел,
Как бездна звезд мерцала в гавани
И полумесяц пламенел.

Мне нравилось от борта темного
К огням прибрежным плыть в челне,
В пустыне города огромного
Бродить всю ночь, как бы во сне.

У трапа лодочники властные,
Шумя, сдвигали челноки.
Мелькали греческие красные,
Как у пиратов, кушаки.

1911

252

Грущу о севере, о вьюге,
О снежной пыли в час ночной,
Когда, открыв окно в лачуге,
Я жадно слушал стон лесной. . .
Грущу о севере — на юге.

Я помню холод ледяной,
И свет луны печально-чистый,
И запоздалых тучек рой,
Сквозной, и легкий, и волнистый,
И темный холод под луной.

Юг благодатный, луг цветистый,
Густая зелень, синь небес, —
Как мне милей закат огнистый,
Когда он смотрит в редкий лес —
В мой лес туманный и пушистый.

Синеет юг, страна чудес.
Звенят и блещут волн каскады. . .
Но разве в памяти исчез
Усталый звон из-за ограды —
При свете гаснущих небес! . .

1911

о. Родос

253. НА СЕВЕР

Здравствуй, зимнее ненастье,
По волнам лечу к тебе.
Ропщут трепетные снасти
С ветром северным в борьбе.

Ледяная, здравствуй, нега!
В снежном крае ждет мой друг.
И легко, как в день побега,
Покидаю светлый юг.

Гаснет солнце золотое
Меж темнеющих зыбей.
Завтра выплывет другое —
И туманней и бледней.

Только светлое участие
Мне рассеет эту тьму.
Здравствуй, северное счастье!
Зимовать — не одному...

1911

251

В туман одиноко я вышел,
К далекому звону побрел,
Но в сумраке гула не слышал,
Весь город туманом зацвел.
Куда ты? В синеющем снеге
У снежного сквера засни —
Дорогу замкнули телеги.
Туман преградили огни.
И вспомни весну и опушку,
И вспомни, как месяц плывет,
Затеплив верхушку,
И в чашу зовет.
Всю чашу пройдешь и проснешься,
Не слыша ветвей и шагов,
Стоишь на откосе
Морских берегов.
А в чаще как будто и не был,
И мгла не ждала на пути...
Ты можешь по заводи к небу
С прибрежного камня сойти.

1911

255. ПУТНИК

Темно. И снег неслышно реет.
Я здесь в лесу брожу давно
И вижу: сумрачно желтеет
Сквозь сосны стройное окно.
Как подойду — покой нарушу?
Как постучу — встревожу сон? ..
И глубоко пугает душу
Глухой покой со всех сторон.
Мне страшен лес, седой и пышный, —
Волшебно-странный мой ночлег.
И этот легкий и неслышный,
Какой-то мягкий, теплый снег...
Окно погасло безотрадно
Невдалеке передо мной.
А я теперь пошел бы жадно
На свет, и негу, и покой!

1911

256. РАССВЕТ

Рассвет — за окнами — неожиданный...
Тускнеют мутно купола,
Синеет зданий строй туманный,
Но высь небесная светла.

Там только нет дневного блеска —
Но тает, тает синева...
Вот просветлела занавеска
И проступили кружева.

И сновиденьем мимолетным
В мечтах осталась ночь без сна...
Рассветом ранним, беззаботным
Дышу у бледного окна.

Легко вдали мелькнула птица,
Донесся грохот колеса...
И наяву мне что-то снится,
Так много снится в полчаса...

1911

Здесь мой приют. Здесь Пушкин пятитомный,
 «Архивный» Тютчев, Фета первый том.
 Здесь мой приют приветливый, но скромный —
 Пять бедных полок. Стол перед окном. . .
 Вот наконец, убогий и бездомный,
 Я отыскал нежданно «стол и дом».
 Проник сюда по лестнице укромной
 И овладел пустынным этажом.

Давно пора наедине с собою
 Мне помечтать, подумать, почитать.
 Пора отжаться тихому покою,
 Изведать ясность, тишь и благодать.
 Чего другого, этого я стою.
 Довольно грудь сомненьями терзать,
 Порывами и внешней суетою. . .
 Давно пора смириться и устать.

1912 (?)

Плоды в верхушках темных утопают
 Меж листьев пламенных над плитами оград.
 Деревья шумно ветви поднимают
 И опускают тише. Дышит сад.

А над верхушками, листвы не задевая,
 Но смело мчась, но радостно кружась,
 Летают птицы, вечер зазывая
 И радуясь, что звездочка зажглась.

Заносят в дом корзины винограда,
 Проносят в двери, в окна подают. . .
 Три странника снаружи за оградой
 Благословенье осени поют.

В беседке девушка рассказывает что-то
 Чудесное о царствах — жениху.

И гул кругом от птичьего полета,
От ветра сильного, от листьев наверху...

И слушает он вымыслы о счастье
В саду невесты, странном и чужом,
Когда с заходом близится ненастье,
Но светит солнце пристальным лучом.

Три странника поют тоскливым хором
В закатный сад из сумеречной мглы.
Угасший сад. Над каменным забором
Шумят, как реки, гнутые стволы.

Между 1912 и 1914

259. ИЗ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА

АНГЛИЯ

Вдали от Лондона синеющий туман
Лениво стелется вдоль вянущих опушек.
Не молкнут выстрелы в глуши лесных полян.
Голубоватый дым блуждает меж верхушек...
Где царство Осени? Где поздняя тоска?
Лихой мотоциклет стремится по дороге,
Автомобильный рог трубит издалека.
Бродяга тянется, озябший и убогий.
Но парки замерли. Меж дремлющих аллей,
Где летом прятался таинственный любовник,
Где летом ликовал влюбленный соловей, —
Уныло возится покинутый садовник.
А где-то вдалеке от этих скудных мест
Столпились всадники, моторы и телеги.
Там — постоялый двор, крыльцо и длинный шест
С блестящей вывеской, гласящей о ночлеге...
Там ярко топится чудовищный камин,
Мундиры красные толпятся перед стойкой,
Хозяйка резвая беседой правит бойкой,
Хозяин, толстый плут, по капле цедит джин...

Между 1912 и 1914

Я вышел в ночь. Ни звездочки единой.
 Ни одного в окрестности огня.
 Едва туман белеет над долиной.
 Весь мир уснул. И далеко до дня.

Встает мой край пустыней неизвестной.
 В полночной тьме пропал и небосклон.
 Но слышу я: внизу, в долине тесной
 Несется пенье, скорбное, как стон.

Кто там поет? Не жители селений.
 Кто стал бы сон тревожить в тишине?
 Из-за горы сначала вышли тени,
 Затем огни проплыли в глубине.

И стало пенье глуше и печальней.
 Долина вновь исчезла в море тьмы.
 И запоздалой песни отклик дальний
 Передают окрестные холмы. . .

30 марта 1914
Тинтерн

Луна ушла. Ее кочевья —
 Меж серебристых, легких туч.
 В туманный дол глядят деревья,
 Как стадо ланей с горных круч.

А здесь над домом в беспорядке
 Толпятся гнутые стволы.
 Уснувший тис колеблет складки
 Своей одежды, полной мглы. . .

8 апреля 1914
Тинтерн

Она сидит у колыбели.
 Ребенок дышит в сладком сне.
 А за окном чернеют ели.
 Снега темнеют при луне.
 На край покойной колыбели
 Склонилась, дремлет, не поет.
 Там, за окном, трепещут ели.
 Лежат снега. Луна плывет.

1914 или 1915

С малюткой я пережил снова
 Счастливое детство мое.
 В сиянии дня золотого
 В саду забавлял я ее.

Забывшись невольной дремотой
 Под ласками летнего дня,
 Я видел, как маленький кто-то
 Поднявшись, стоит у плетня.

Здоровой и голенькой крошке
 Привольно [в саду], как в раю.
 Нетвердые смуглые ножки
 Чуть держат малютку мою.

Опять погружался я сладко
 В дремоту, забыв про нее,
 Не знал я, не ведал, как кратко,
 Как призрачно счастье мое! . .

1915

Запахло вагонной печкой
 И углем железнодорожным.
 Далекое стало возможным:

Чугунный мост над речкой
С бегущими быстро столбами,
И станция в блеклой раме
Берез и кленов,
И степь за цепью вагонов. . .
Простор, покой и прохлада.
И сердце беспечно и радо,
В нем нет ни страстей, ни тревоги.
Оно — на свободе, в дороге!

Ноябрь 1921

265

На земле так редко голубое.
Но зато взгляни: со всех сторон
В эту ночь вокруг и над тобою
Голубой и нежный небосклон.

Дышит город тягостно и бурно.
Горний мир и радостен и прост:
Весь он — полог легкий и лазурный,
И на нем простой узор из звезд.

Подчинись небесному покою,
Возвратись к небесной простоте.
О душа, гонимая тоскою,
Отдохни на крыльях в высоте!

Февраль 1922

266

Огонь в ночи, огонь небесный
Твоих касается ресниц;
То там, то здесь во тьме окрестной
Играют проблески зарниц.

Встают неведомо откуда
Зубцы огня — и вновь их нет.
И каждый раз страшит, как чудо,
Неуловимый этот свет.

Смотри, как борются зарницы,
Стремясь продлить свой краткий миг, —
Как будто жаждет в мир явиться
Не явленный доныне лик.

Май 1922

267

После яркого вокзала
Ночь опять прильнет к окну,
И вернется дух усталый
В темноту и тишину.

Полустанка свет и шорох
Будут длиться пять минут,
Но в больших, немых просторах
Ночи жизни пробегут.

19 августа 1922

268

Я странствовал довольно по земле,
Теперь пойду по воздуху. Короче
Воздушный путь. Дождусь я лунной ночи,
Как ветра ждет матрос на корабле.
И вот иду. По крышам, как лунатик,
Я обхожу осенний Ленинград.
Вон Летний сад. . .

1925 (?)

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

---

269. ПОРОСЯТА

Весной поросята ходили гулять.
Счастливей не знал я семьи.
«Хрю-хрю», — говорила довольная мать,
А детки визжали: «И-и!»

Но самый визгливый из всех поросят
Сказал им: «О, братья мои!
Все взрослые свиньи «хрю-хрю» говорят,
Довольно визжать вам «и-и»!

Послушайте, братья, как я говорю.
Чем хуже я взрослой свиньи?»
Бедняжка! Он думал, что скажет «хрю-хрю»,
Но жалобно взвизгнул: «И-и!»

С тех пор перестали малютки играть,
Не рылись в грязи и в пыли.
И всё оттого, что не смели визжать,
А хрюкать они не могли!

Мой мальчик! Тебе эту песню дарю.
Рассчитывай силы свои.
И, если сказать не умешь «хрю-хрю», —
Визжи, не стесняясь: «И-и!»

(1923)

270. АЭРОПЛАН

По Уэллсу

Пошел Антоша в Летний сад
Однажды в воскресенье
И увидел, что Петроград
В тревоге и смятенье.

Вот скачет конь по мостовой,
А там из экипажа
Летит седок вниз головой
И валится поклажа.

Велосипед забыт и смят.
Оставлены калоши.
«Спасайся!» — в ужасе кричат
Прохожие Антоше.

И видит мальчик, что летит
Диковинная птица.
На солнце хвост ее блестит,
А нос ее вертится.

Летая медленно кругом,
Не шевелит она крылом,
Над городом грохочет
И бомбу бросить хочет.

«Слушай!» — крикнул мальчуган.
«Что?» — спросил аэроплан.
«Перестань жужжать и злиться
И скажи, смешная птица,
Для чего ты в Петроград
Хочешь бросить свой снаряд?»

Изумленная вопросом,
Завертела птица носом
И промолвила в ответ:
«Облетела я весь свет,
Всюду бомбы я бросала,
Разгромила три вокзала,

Восемнадцать городов,
Двадцать восемь поездов. . .»

«Это гадко и жестоко!
Разве галка и сорока,
Канарейка, воробей
Нападают на людей?»

«Что же делать мне, мой милый?» —
Птица ласково спросила.
«Ты дождись весенних дней
И гнездо на ветке свей!»

Птица носом покачала
И, подумав, отвечала:
«Ах, мой мальчик, никогда
Я не строила гнезда!»

«Помогу тебе я, птица,
Вместе будем мы трудиться,
И уж как-нибудь вдвоем
Мы гнездо тебе сошьем!»

Только солнышко проснется
И проглянет сквозь туман,
На дворе гудит и вьется
Над гнездом аэроплан.

В ожиданье милых деток
Он с Антошей день за днем
Из травы и тонких веток
Терпеливо строит дом.

У соседки, у наседки
Летом вылупились детки,
И у толстой, серой утки —
Желторотые малютки.

Есть цыплята у фазана,
Деток вывели скворцы,

И в гнезде аэроплана
Тоже возятся птенцы.

Весь день аэропланчики
Трещат, как барабанчики,
На месте не стоят.
У всех у них колесики,
У всех вертятся носики
И хвостики торчат.

Стоит на улице народ
И смотрит вверх, разинув рот.
А злая собачонка
Юлит и лает звонко. . .

Смотрите! Огибая
Адмиралтейский шпиг, —
Несется в небе стая
Стальных жужжащих птиц.

Она с какой-то ношей
Кружится в вышине.
Наш маленький Антоша —
У птицы на спине!

1923

271. СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

Пела ночью мышка в норке:
«Спи, мышонок, замолчи!
Дам тебе я хлебной корки
И огарочек свечи».

Отвечает ей мышонок:
«Голосок твой слишком тонок.
Лучше, мама, не пищи,
Ты мне няньку понщи!»

Побежала мышка-мать,
Стала утку в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя утка,
Нашу детку покачать».

Стала петь мышонку утка:
«Га-га-га, усни, малютка!
После дождика в саду
Червяка тебе найду».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Слишком громко ты поешь!»

Побежала мышка-мать,
Стала жабу в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя жаба,
Нашу детку покачать».

Стала жаба важно квакать:
«Ква-ква-ква, не надо плакать!
Спи, мышонок, до утра,
Дам тебе я комара».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Очень скучно ты поешь!»

Побежала мышка-мать
Тетю лошадь в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя лошадь,
Нашу детку покачать».

«И-го-го! — поет лошадка. —
Спи, мышонок, сладко-сладко,
Повернись на правый бок,
Дам овса тебе мешок».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Очень страшно ты поешь!»

Побежала мышка-мать
Тетю свинку в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя свинка,
Нашу детку покачать».

Стала свинка хрипло хрюкать,
Непослушного баюкать:
«Баю-баюшки, хрю-хрю.
Успокойся, говорю».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Очень грубо ты поешь!»

Стала думать мышка-мать:
Надо курицу позвать.
«Приходи к нам, тетя клуша,
Нашу детку покачать».

Закудахтала наседка:
«Куд-куда! Не бойся, детка!
Забирайся под крыло:
Там и тихо и тепло».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Этак вовсе не уснешь!»

Побежала мышка-мать,
Стала щуку в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя щука,
Нашу детку покачать».

Стала петь мышонку щука —
Не услышал он ни звука:
Разевает щука рот,
А не слышно, что поет. . .

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Нет, твой голос нехорош.
Слишком тихо ты поешь!»

Побежала мышка-мать,
Стала кошку в няньки звать:
«Приходи к нам, тетя кошка,
Нашу детку покачать».

Стала петь мышонку кошка:
«Мяу-мяу, спи, мой крошка!
Мяу-мяу, ляжем спать,
Мяу-мяу, на кровать».

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
«Голосок твой так хорош.
Очень сладко ты поешь!»

Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать,
Ищет глупого мышонка,
А мышонка не видать. . .

1923

272. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Лампа керосиновая,
Свечка стеариновая,
Коромысло с ведром
И чернильница с пером.

1

Лампа плакала в углу,
За дровами на полу:
«Я голодная,
Я холодная!»

Высыхает мой фитиль.
На стекле густая пыль.
Почему —
Я не пойму —
Не нужна я никому?

А бывало, зажигали
Ранним вечером меня.
В окна бабочки влетали
И кружились у огня.

Я глядела сонным взглядом
Сквозь туманный абажур,
И шумел со мною рядом
Старый медный балагур.

Познакомилась в столовой
Я сегодня с лампой новой.
Говорили, будто в ней
Пятьдесят горит свечей.

Ну и лампа! На смех курам!
Пузырек под абажуром.
В середине пузырька —
Три-четыре волоска.

Говорю я: „Вы откуда,
Непонятная посуда?
Любопытно посмотреть,
Как вы будете гореть.
Пузырек у вас запаян.
Как зажжет его хозяин?“

А гражданка мне в ответ
Говорит: „Вам дела нет!“

Я, конечно, загудела:
„Почему же нет мне дела?
В этом доме десять лет
Я давала людям свет
И ни разу не коптела!
Почему же нет мне дела?“

Да при этом, — говорю, —
Я без хитрости горю.
По старинке, по привычке,
Зажигаюсь я от спички,
Вот как свечка или печь.
Ну, а вас нельзя зажечь.
Вы, гражданка, самозванка!
Вы не лампочка, а склянка!“

А она мне говорит:
„Глупая вы баба!
Фитилек у вас горит
Чрезвычайно слабо.
Между тем как от меня
Льется свет чудесный,
Потому что я родня
Молнии небесной!

Я — электрическая
Экономическая
Лампа!

Мне не надо керосина.
Мне со станции машина
Шлет по проволоке ток.
Не простой я пузырек!
Если вы соедините
Выключателем две нити,
Зажигается мой свет.
Вам понятно или нет?“»

•

Стеариновая свечка
Робко вставила словечко:
«Вы сказали, будто в ней
Пятьдесят горит свечей?
Обманули вас бесстыдно:
Ни одной свечи не видно!»

Перо в пустой чернильнице,
Скрипя, заговорило:
«В чернильнице-кормилице
Кончаются чернила.

Я, старое и ржавое,
Живу теперь в отставке.
В моих чернилах плавают
Рогатые козявки.

У нашего хозяина
Теперь другие перья.
Стучат они отчаянно,
Палят, как артиллерия.

Запятые,
Точки,
Строчки, —
Бьют кривые молоточки.

Вдруг разъедется машина —
Едет вправо половина. . .
Что такое? Почему?
Ничего я не пойму!»

Коромысло с ведром
Загремело на весь дом:

«Никто по воду не ходит,
Коромысла не берет.
Стали жить по новой моде —
Завели водопровод.

Разленились нынче бабы.
Али плечи стали слабы?

Речка спятила с ума —
По домам пошла сама!

А бывало, с перезвоном
К берегам ее зеленым
Шли девицы за водой
По улице мостовой.

Подходили к речке близко,
Речке кланялися низко:
«Здравствуй, речка, наша мать!
Дай водицы нам набрать!»

А теперь двухлетний внучек
Повернет одной рукой
Ручку крана, точно ключик, —
И вода бежит рекой. . .

Нынче в людях мало смысла —
Пропадает коромысло!»

(1925)

273. БАГАЖ

Дама сдавала в багаж
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.

Выдали даме на станции
Четыре зеленых квитанции
О том, что получен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,

Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.

Вещи везут на перрон.
Кидают в открытый вагон.
Готово. Уложен багаж:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка

И маленькая собачонка.

Но только раздался звонок,
Удрал из вагона щенок.

Хватились на станции Дно:
Потеряно место одно.
В испуге считают багаж:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка...

«Товарищи! Где собачонка?»

Вдруг видят: стоит у колес
Огромный взъерошенный пес.
Поймали его — и в багаж,
Туда, где лежал саквояж,

Картина,
Корзина,
Картонка,

Где прежде была собачонка.

Приехали в город Житомир.
Носильщик пятнадцатый номер
Везет на тележке багаж:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку,
А сзади ведут собачонку.

Собака-то как зарычит,
А барыня как закричит:
«Разбойники! Воры! Уроды!
Собака — не той породы!»

Швырнула она чемодан,
Ногой отпихнула диван,
Картину,
Корзину,
Картонку...
«Отдайте мою собачонку!»

«Позвольте, мамаша! На станции,
Согласно багажной квитанции,
От вас получили багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.

Однако
За время пути
Собака
Могла подрасти!»

(1926)

274. ПОЧТА

Борису Житкову

1

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
    Это он,
    Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку —
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Всё разнес по адресам.

2

«Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!»

«Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!»

«Где же этот гражданин?»
— «Улетел вчера в Берлин».

Житков за границу
 По воздуху мчится —
 Земля зеленеет внизу.
 А вслед за Житковым
 В вагоне почтовом
 Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
 Разложены с толком,
 В дороге разборка идет,
 И два почтальона
 На лавках вагона
 Качаются ночь напролет.

Открытка —
 В Дубровку,
 Посылка —
 В Покровку,
 Газета —
 На станцию Клин.
 Письмо —
 В Бологое.
 А вот заказное
 Пойдет за границу — в Берлин.

Идет берлинский почтальон,
 Последней почтой нагружен.
 Одет таким он франтом:
 Фуражка с красным кантом.

На темно-синем пиджаке
 Лазурные петлицы.
 Идет и держит он в руке
 Письмо из-за границы.

Кругом прохожие спешат.
 Машины шинами шуршат,
 Одна другой быстрее,
 По Липовой аллее.

Подходит к двери почтальон.
Швейцару старому поклон.
«Письмо для герр Житкова
Из номера шестого!»

«Вчера в одиннадцать часов
Уехал в Англию Житков!»

б

Письмо
Само
Никуда не пойдет,
Но в ящик его опусти —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.
На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьет и не ест
И только одно
Говорит:

«Срочное.
Англия.
Лондон.
Вест,
14, Бобкин-стрит».

Бежит, подбрасывая груз,
 За автобусом автобус.
 Качаются на крыше
 Плакаты и афиши.

Кондуктор с лесенки кричит:
 «Конец маршрута! Бобкин-стрит!»

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
 Шагает быстро мистер Смит
 В почтовой синей кепке,
 А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,
 Стучит всячим молотком
 И говорит сурово:
 «Для мистера Житкова!»

Швейцар глядит из-под очков
 На имя и фамилию
 И говорит: «Борис Житков
 Отправился в Бразилию!»

Пароход
 Отойдет
 Через две минуты.
 Чемоданами народ
 Занял все каюты.

Но в одну из кают
 Чемоданов не несут.
 Там поедет вот что:
 Почтальон и почта.

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлен,
Шагает дон Базилио,
Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке — иностранное
Почтовое клеймо.

И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
    Это он,
    Это он,
Ленинградский почтальон.

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
«Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!»

Мой сосед вскочил с постели:
«Вот так чудо, в самом деле!
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной.

Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.

Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным.

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!»

(1927)

275. ПУДЕЛЬ

На свете старушка
Спокойно жила,
Сухарики ела
И кофе пила.

И был у старушки
Породистый пес —
Косматые уши
И стриженный нос.

Старушка сказала:
«Открою буфет
И косточку
Пуделю
Дам на обед».

Подходит к буфету,
На полку глядит,
А пудель
На блюде
В буфете сидит.

Однажды
Старушка
Отправилась в лес.

Приходит обратно,
А пудель исчез.

Искала старушка
Четырнадцать дней,
А пудель
По комнате
Бегал за ней.

Старушка на грядке
Полола горох.
Приходит с работы,
А пудель издох.

Старушка бежит
И зовет докторов.
Приходит обратно,
А пудель здоров.

По скользкой тропинке
В метель и мороз
Спускаются с горки
Старушка и пес.

Старушка в калошах,
А пес — босиком.
Старушка вприпрыжку,
А пес — кувырком!

По улице
Курица
Водит цыплят.
Цыплята тихонько
Пищат и свистят.

Помчался вдогонку
За курицей пес,
А курица пуделя
Клюнула в нос.

Старушка и пудель
Смотрели
В окно,
Но скоро на улице
Стало темно.

Старушка спросила:
«Что делать, мой пес?»
А пудель подумал
И спички принес.

Смотала старушка
Клубок для чулок,
А пудель тихонько
Клубок уволок.

Весь день по квартире
Катал да катал,
Старушку опутал,
Кота обмотал.

Старушке в подарок
Прислали кофейник,
А пуделю — плетку
И медный ошейник.

Довольна старушка,
А пудель не рад
И просит подарки
Отправить назад.

(1927)

276. КАК РУБАНОК СДЕЛАЛ РУБАНОК

Старый рубанок
Встал спозаранок,
Стал стругать-постругивать,
Сам себя поругивать:

«Брось ты, старый лапоть,
Дерево царапать!

Тонкой стружки не берешь —
Даром дерево дерешь.

А бывало, то ли дело,
Дернешь — стружка засвистела.
Засвистела, заплелась,
Белой лентой завилась...

Но в калеке мало толку:
Нужно на бок да на полку!»

Застучало долото:
«Это, дядя, ты про что?»

В доску брякнула киянка:
«Что нам делать без рубанка?»

Заскрипел коловорот:
«Всё пойдет наоборот!»

Свистнул тоненький зензибель:
«Без рубанка нам гибель!»

Старый дедушка-верстак
Крякнул грустно: «Это так».

Отвечал рубанок: «Братцы,
Что вам даром убиваться!
Век провел я в мастерской —
Мне пора и на покой.
Но себе я знаю цену
И хочу оставить смену.

Эх, сестра моя — пила,
Ты бы нынче в лес пошла,
Поглядела б на полянке,
Не растут ли там рубанки».

«Ладно», — взвизгнула пила,
Извернулась и пошла.
На полянке перезвон:
Это пилят старый клен.

Поперечная пила
Отхватила полствола,
Рвет кору и режет жилки,
Брызжут желтые опилки.

Только крикнул старый ствол —
И пошел, пошел, пошел.
Грянул наземь левым боком,
Утонул в снегу глубококом.

Эх, ты, клен, мой клен,
Ты и солнцем пален,
И морозом кален.
Уж как мы с тобой поладим,
Топором тебя поладим
С четырех сторон!

Едет из лесу пила,
Поперек саней легла.
«Эй, встречайте, принимайте,
Я вам клену привезла!»

«Хорошо, — сказал рубанок, —
Напилите мне болванок!»

Взяли дерево в тиски,
Распилили на бруски.

Говорит рубанок: «Ну-ка,
Поищу себе я внука,
Чтобы не был суковат,
Чтобы не был свилеват,
Чтобы не было в нем цвели,
Чтоб служил он нашей цели!

Вот хорошенький брусок:
Тут подошва, там носок.
Впереди мы ручку вставим,
Посреди железку вправим,
Заколотим тонкий клин,
А задок мы закруглим.

А ну, внучок,
Ложись на бочок,
Я тебя по краю
Малость постругаю.

А ну, дорогой,
Повернись на другой.
Экой ты шершавый,
Грязный да корявый.

А теперь с торца
Да с другого конца!

Обстругаю, как игрушку,
Сдуну бархатную стружку.
Ну-ка, снова набело.
Будешь гладкий, как стекло!

Тук-тук,
Тук-тук,
Не пугайся, милый внук:
Бьет киянка по стамеске,
Роет дырку для железки.
Не шатайся, не елочь.
Продолбим тебя насквозь.

Ловко сделана колодка,
Не рубанок, а находка:
И хорош,
И пригож,
И на дедушку похож!

Поглядеть на внука любо.
Только нет у внука зуба.
Ну-ка, ну-ка, молоток,
Ты ударь меня в задок,
Растряси мою колодку,
Широко раскрой мне глотку,
Выбивай железный клык
И кленовый мой язык.

Поработал я — и баста.
Будет внук теперь зубастый!

Ну, за дело, мой внучок,
Поработай, новичок,
Буковую доску
Выстругай до лоску.

Смелей берись,
Задком упрись.

Полетела стружка,
Стружка-завитушка!»

(1927)

277. ОТРЯД

1

Что там за прохожий
Идет по мостовой,
Что за краснокожий
С голой головой?

Легкая рубашка,
Короткие штаны,
На боку баклажка
С левой стороны.

Твердо он шагает,
Ростом невелик.
Встречному трамваю
Ехать не велит.

Занял
Всю дорогу,
Топают,
Как слон.
Слышите,
Как много
У него имен?

Ванька он
И Варька,

Танька он
И Ларька,
Колька
И Сережка,
Олька
И Алешка.
Фридрих и Алиса,
Тит и Василиса,

А люди говорят —
Зовут его Отряд.

•

Кто это такой
В поле над рекой
Жарится на солнышке
День-деньской?

Где его рубашка?
Где его штаны?
Где его баклажка
С левой стороны?

Вся его одежда —
Жареная кожа.
Только и всего —
И больше ничего.

•

Что это за лодки
По реке плывут?
Что это за глотки
Буденного поют?

По команде восемь рук
Опускают весла вдруг,
Загибают
Воду,
Прибавляют
Ходу.

Не зевай, рулевой,
А гляди перед собой!
Языком не мели —
Будет лодка на мели!

4

Что это за головы
Плавают в реке?
Чьи там руки голые
Машут вдалеке?
Что за суматоха там,
С фырканием и хохотом?

Люди говорят —
Купается Отряд.

5

Взялся он за дело —
Сразу во сто рук.
Так и загудело
На версту вокруг.

Как пошел он на луга
Сено сметывать в стога,
Встрепанное сено,
Сено по колено —
С васильками,
С кашкою,
С желтою ромашкою.

6

На пригорке — новый дом
Смотрит окнами кругом.
Всех он сосен выше.
Красный флаг на крыше.

А напротив, за поляной —
Белый город полотняный.
Если ветер набежит,
Целый город задрожит.

Домики
Не мазаны,
К палочкам
Привязаны,
Будто паруса
Рвутся в небеса.
Домики
Косые,
Жители
Босые.

Трубы говорят:
В лагере Отряд.

7

Что это под кленом
Весело горит?
Кто в лесу зеленом
Громко говорит?

Это весело горит
Старый пень косматый.
Это громко говорит
Пионервожатый.

Об отряде и о школе,
О работе завтра в поле,
О немецком комсомоле,
О советском ледоколе, —
Разве всё упомянуть, что ли,
Что он говорит!

Хорошая растопка —
Сосновая кора.
Давно кипит похлебка,
Хлебать ее пора.

Трещит в золе картошка,
Палит, как пулемет,
Обуглилась немножко —
Да как-нибудь сойдет!

Чернеет сук рогатый,
Дымится головня.
Выхватывай, ребята,
Картошку из огня!

(1928)

278. УСАТЫЙ-ПОЛОСАТЫЙ

Жила-была девочка. Как ее звали?
Кто звал,
Тот и знал.
А вы не знаете.

Сколько ей было лет?
Сколько зим,
Столько лет, —
Сорока еще нет.
А всего четыре года.

И был у нее... Кто у нее был?
Серый,
Усатый,
Весь полосатый.
Кто это такой? Котенок.

Стала девочка котенка спать укладывать.

«Вот тебе под спинку
Мягкую перинку.

Сверху на перинку
Чистую простынку.

Вот тебе под ушки
Белые подушки.

Одеяльце на пуху
И платочек наверху».

Уложила котенка, а сама пошла ужинать.

Приходит назад, — что такое?

Хвостик — на подушке,
На простынке — ушки.

Разве так спят? Перевернула она котенка, уложила,
как надо:

Под спинку —
Перинку.

На перинку —
Простынку.

Под ушки —
Подушки.

А сама пошла ужинать. Приходит опять, — что такое?

Ни перинки,
Ни простынки,
Ни подушки
Не видать,
А усатый,
Полосатый
Перебрался
Под кровать.

Разве так спят? Вот какой глупый котенок!

Захотела девочка котенка выкупать.

Принесла
Кусочек
Мыла,
И мочалку
Раздобыла,
И водицы
Из котла
В чайной
Чашке
Принесла.

Не хотел котенок мыться —
Опрокинул он корытце
И в углу за сундуком
Моет лапку языком.

Вот какой глупый котенок!

Стала девочка учить котенка говорить:

«Котик, скажи: мя-чик».
А он говорит: «Мяу!»

«Скажи: ло-шадь».
А он говорит: «Мяу!»

«Скажи: э-лек-три-че-ство».
А он говорит: «Мяу-мяу!»

Всё «мяу» да «мяу»! Вот какой глупый котенок!

Стала девочка котенка кормить.

Принесла овсяной каши —
Отвернулся он от чашки.

Принесла ему редиски —
Отвернулся он от миски.

Принесла кусочек сала.
Говорит котенок: «Мало!»

Вот какой глупый котенок!

Не было в доме мышей, а было много карандашей.
Лежали они на столе у папы и попали котенку в лапы.
Как помчался он вприпрыжку, карандаш поймал, как мышку,

И давай его катать —
Из-под стула под кровать,
От стола до табурета,
От комода до буфета.
Подтолкнет — и цап-царап!
А потом загнал под шкаф.

Ждет на коврике у шкапа,
Притаился, чуть дыша...
Коротка кошачья лапа —
Не достать карандаша!

Вот какой глупый котенок!

Закутала девочка котенка в платок и пошла с ним в сад.

Люди спрашивают: «Кто это у вас?»

А девочка говорит: «Это моя дочка».

Люди спрашивают: «Почему у вашей дочки серые щечки?»

А девочка говорит: «Она давно не мылась».

Люди спрашивают: «Почему у нее мохнатые лапы, а усы — как у папы?»

Девочка говорит: «Она давно не брилась».

А котенок как выскочит, как побежит, — все и увидели, что это котенок — усатый, полосатый.

Вот какой глупый котенок!

А потом,
А потом
Стал он умным котом.

А девочка тоже выросла, стала еще умнее и учится в первом классе сто первой школы.

(1929)

279. ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: «Не то!»
Стал натягивать гамашы —
Говорят ему: «Не ваши!»

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:

«Глубокоуважаемый
Вагоноуважаемый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважаемый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?»

Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

«Это что за полустанок?» —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Почесался и сказал:

«Это что за остановка —
Бологое иль Поповка?»
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

«Что за станция такая —
Дибуны или Ямская?»
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».

Закричал он: «Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!»

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

(1930)

280. ВЕСЕЛЫЕ ЧИЖИ

Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре
Веселых чижа:

Чиж — судомойка,
Чиж — поломойка,
Чиж — огородник,
Чиж — водовоз,
Чиж за кухарку,
Чиж за хозяйку,
Чиж на посылках,
Чиж — трубочист.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре
Веселых чижа:

Чиж с поварешкой,
Чиж с кочережкой,
Чиж с коромыслом,
Чиж с решетом.
Чиж накрывает,
Чиж созывает,
Чиж разливает,
Чиж раздает.

После работы
Брались за ноты
Сорок четыре
Веселых чижа.

Дружно играли:
Чиж — на рояле,
Чиж — на цимбале,
Чиж — на трубе,
Чиж — на тромбоне,
Чиж — на гармонии,
Чиж — на гребенке,
Чиж — на губе.

Ездили к тетке,
К тетке чечетке
Сорок четыре
Веселых чижа:

Чиж на трамвае,
Чиж на машине,
Чиж на телеге,
Чиж на возу,
Чиж в таратайке,
Чиж на запятках,
Чиж на оглобле,
Чиж на дуге.

Спать захотели,
Стелют постели
Сорок четыре
Усталых чижа:

Чиж — на кровати,
Чиж — на диване,
Чиж — на скамейке,
Чиж на столе,
Чиж — на коробке,
Чиж — на катушке,
Чиж — на бумажке,
Чиж — на полу.

Лежа в постели
Дружно свистели
Сорок четыре
Веселых чижа:

Чиж — трити-лити,
Чиж — тирли-тирли,
Чиж — дили-дили,
Чиж — ти-ти-ти,
Чиж — тики-рики,
Чиж — рики-тики,
Чиж — тютю-лютю,
Чиж — тю-тю-тю.

(1930)

281. МЕЛЬНИК, МАЛЬЧИК И ОСЕЛ

Восточная сказка

Мельник
На ослике
Ехал
Верхом.
Мальчик
За мельником
Плелся
Пешком.

«Глянь-ка, —
Толкует
Досужий народ, —
Дедушка
Едет,
А мальчик
Идет!»

Где это
Видано?
Где это
Слыхано? —
Дедушка
Едет,
А мальчик
Идет!»

Дедушка
Быстро
Слезает
С седла,
Внука
Сажает
Верхом
На осла.

«Ишь ты! —
Вдогонку
Кричит
Пешеход. —

Маленький
Едет,
А старый
Идет!

Где это
Видано?
Где это
Слыхано? —
Маленький
Едет,
А старый
Идет!»

Мельник
И мальчик
Садятся
Вдвоем —
Оба
На ослике
Едут
Верхом.

«Фу ты! —
Смеется
Другой
Пешеход. —
Деда
И внука
Скотина
Везет!

Где это
Видано?
Где это
Слыхано?
Деда
И внука
Скотина
Везет!»

Дедушка
С внуком
Плетутся
Пешком.
Ослик
На дедушке
Едет
Верхом.

«Тьфу ты! —
Хохочет
Народ у ворот. —
Старый
Осел
Молодого
Везет!

Где это
Видано?
Где это
Слыхано? —
Старый
Осел
Молодого
Везет!»

(1930)

282. ПРАЗДНИК ЛЕСА

Что мы сажаем,
Сажая
Леса?
Мачты и реи —
Держать паруса,
Рубку и палубу,
Ребра и киль —
Странствовать
По морю
В бурю и штиль.

Что мы сажаем,
Сажая
Леса?
Легкие крылья —
Лететь в небеса.
Стол, за которым
Ты будешь писать.
Ручку,
Линейку,
Пенал
И тетрадь.

Что мы сажаем,
Сажая
Леса?
Чашу,
Где бродят
Барсук и лиса,
Чашу,
Где белка
Скрывает бельчат,
Чашу,
Где пестрые
Дятлы
Стучат.

Что мы сажаем,
Сажая
Леса?
Лист,
На который
Ложится роса,
Свежесть лесную,
И влагу,
И тень, —
Вот что сажаем
В сегодняшний день.

(1930)

283. ВОЙНА С ДНЕПРОМ

Человек сказал Днепру:
«Я стеной тебя запру.

Ты
С вершины
Будешь
Прыгать,
Ты
Машины
Будешь
Двигать!»

«Нет, — ответила вода, —
Ни за что и никогда!»

И вот в реке поставлена
Железная стена.

И вот реке объявлена
Война,
война,
война!

Выходит в бой
Подъемный кран,
Двадцатитонный
Великан,
Несет
В протянутой руке
Чугунный молот
На крюке.

Идет
Бурильщик,
Точно слон.
От ярости
Трясется он.
Железным хоботом
Звенит
И бьет без промаха
В гранит.

Вот экскаватор
Паровой.
Он роет землю
Головой,
И тучей
Носятся за ним
Огонь
И пар,
И пыль,
И дым.

Где вчера качались лодки —
Заработали лебедки.

Где шумел речной тростник —
Разъезжает паровик.

Где вчера плескались рыбы —
Динамит взрывает глыбы.

На Днестре сигнал горит —
Левый берег говорит:

«Заготовили бетона
Триста тридцать три вагона.
Девятьсот кубов земли
На платформах увезли.
Просим вашего
Отчета:
Как у вас
Идет работа?»

За Днестром сигнал горит —
Правый берег говорит:

«Рапортует
Правый берег:
Каждый молот,
Каждый деррик,
Каждый кран
И каждый лом

Строят
Солнце
Над Днепром!»

Дни
И ночи,
Дни
И ночи
Бой
С Днепром
Ведет
Рабочий.
И встают со дна реки
Крутобокие быки.

У быков бушует пена,
Но вода им по колено. . .

Человек сказал Днепру:
«Я стеной тебя запроу,

Чтобы,
Падая
С вершины,
Побежденная
Вода
Быстро
Двигала
Машины
И толкала
Поезда.

Чтобы
Столько
Полных
Бочек
Даром
Льющейся
Воды
Добывали
Для рабочих
Много хлеба
И руды.

Чтобы
Углем,
Сталью,
Рожью
Был богат
Наш край родной.
Чтобы солнце
Запорожья
Загорелось
Над страной!

Чтобы
Плуг
По чернозему
Электричество
Вело,
Чтобы
Улице
И дому
Было
Вечером
Светло!»

(1930)

284. МЯЧ

Мой
Веселый,
Звонкий
Мяч,
Ты куда
Помчался
Вскачь?

Желтый,
Красный,
Голубой,
Не угнаться
За тобой!

Я
Тебя
Ладонью
Хлопал.
Ты
Скакал
И звонко
Топал.

Ты
Пятнадцать
Раз
Подряд
Прыгал
В угол
И назад.

А потом
Ты покатился
И назад
Не воротился.

Покатился
В огород,
Докатился
До ворот,
Подкатился
Под ворота,
Добежал
До поворота.

Там
Попал
Под колесо.
Лопнул,
Хлопнул —
Вот и всё!

(1926, 1933)

285. КОТ И ЛОДЫРИ

Собирались лодыри
На урок,
А попали лодыри
На каток.

Толстый ранец с книжками
На спине,
А коньки под мышками
На ремне.

Видят, видят лодыри:
Из ворот
Хмурый и ободранный
Кот идет.

Спрашивают лодыри
У него:
«Ты чего нахмурился,
Отчего?»

Замяукал жалобно
Серый кот:
«Мне, коту усатому,
Скоро год.

И красив я, лодыри,
И умен,
А письму и грамоте
Не учен.

Школа не построена
Для котят.
Научить нас грамоте
Не хотят.

А теперь без грамоты
Пропадешь,
Далеко без грамоты
Не уйдешь.

Не попить без грамоты,
Не поесть,
На воротах помера
Не прочесть!»

Отвечают лодыри:
«Милый кот,
Нам пойдет двенадцатый
Скоро год.

Учат пас и грамоте
И письму,
А не могут выучить
Ничему.

Нам учиться, лодырям,
Что-то лень.
На коньках катаемся
Целый день.

Мы не пишем грифелем
На доске,
А коньками пишем мы
На катке!»

Отвечает лодырям
Серый кот:
«Мне, коту усатому,
Скоро год.

Много знал я лодырей
Вроде вас,
А с такими встретился
В первый раз!»

(1933)

1

СЛОН

Дали туфельки слону.
Взял он туфельку одну
И сказал: «Нужны пошире,
И не две, а все четыре!»

(1923)

2

ЖИРАФ

Рвать цветы легко и просто
Детям маленького роста,
Но тому, кто так высок,
Нелегко сорвать цветок!

(1923)

3

ЛЕБЕДЕНОК

Отчего течет вода
С этого младенца?
Он недавно из пруда,
Дайте полотенце!

(1923)

4

АНТИЛОПА-КУДУ

Я — веселая малютка,
А зовут меня куду.
Я прислушиваюсь чутко:
Что за шум у нас в саду?

Я гляжу на всех с тревогой.
Дай мне травки — подойду.
Но рукою ты не трогай
Быстроногую куду!

(1923)

5

ВЕРБЛЮД

Бедный маленький верблюд:
Есть ребенку не дают.
Он сегодня съел с утра
Только два таких ведра!

(1923, 1924)

6

ЭКИМОССКАЯ СОБАКА

На прутике записка:
«Не подходите близко!»

Записке ты не верь —
Я самый добрый зверь.

За что сижу я в клетке,
Я сам не знаю, детки.

(1923, 1928)

7

БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ

У нас просторный водоем.
Мы с братом плаваем вдвоем.

Вода прохладна и свежа.
Ее меняют сторожа.

Мы от стены плывем к стене
То на боку, то на спине.

Держись правее, дорогой,
Не задевай меня ногой!

(1923, 1928)

8

ОБЕЗЬЯНА

Приплыл по океану
Из Африки матрос,
Малютку обезьяну
В подарок нам привез.

Сидит она, тоскуя,
Весь вечер напролет
И песенку такую
По-своему поет:

«На дальнем жарком юге,
На пальмах и кустах
Визжат мои подруги,
Качаясь на хвостах.

Чудесные бананы
На родине моей.
Живут там обезьяны
И нет совсем людей».

(1923, 1928)

9

ПИНГВИН

Правда, дети, я хорош?
На большой мешок похож.

На морях в былые годы
Обгонял я пароходы.

А теперь я здесь в саду
Тихо плаваю в пруду.

(1923, 1935)

ТИГРЕНОК

Эй, не стойте слишком близко —
Я тигренок, а не киска!

(1923, 1935)

СТРАУСЕНОК

Я — страусенок молодой,
Заносчивый и гордый.
Когда сержусь, я бью погой,
Мозолистой и твердой.

Когда пугаюсь, я бегу,
Вытягивая шею.
А вот летать я не могу,
И петь я не умею.

(1923, 1935)

КЕНГУРУ

Длиннохвостый кенгуру
Погулять зовет сестру,
А сестра сидит в мешке
У мамыши на брюшке.

(1923, 1935)

СОБАКА ДИНГО

Нет, я не волк и не лиса.
Вы приезжайте к нам в леса,
И там увидите вы пса —
Воинственного динго.

Пусть вам расскажет кенгуру,
Как в австралийскую жару
Гнал по лесам его сестру
    Поджарый, тощий динго.

Она в кусты — и я за ней,
Она в ручей — и я в ручей,
Она быстрее — и я быстрее,
    Неутомимый динго.

Она хитра, и я не прост.
С утра бежали мы до звезд,
Но вот поймал ее за хвост
    Неумолимый динго.

Теперь у всех я на виду
В зоологическом саду,
Верчусь волчком и мяса жду,
    Неугомонный динго.

(1923, 1935)

14

СЛОН

Африканец молодой
Обливается водой.

Вымыл голову и ухо —
И в лоханке стало сухо.

Для хорошего слона
Речка целая нужна.

Уберите-ка
Лоханку,
Принесите-ка
Фонтанку!

(1928)

ЗЕБРЫ

Полосатые лошадки,
Африканские лошадки,
Хорошо играть вам в прятки
На лугу среди травы!

Разлинованы лошадки,
Словно школьные тетрадки,
Разрисованы лошадки
От копыт до головы.

(1935)

СОВЯТА

Взгляни на маленьких совят —
Малютки рядышком сидят.
    Когда не спят,
    Они едят.
    Когда едят,
    Они не спят.

(1935)

ГДЕ ОБЕДАЛ, ВОРОБЕЙ?

«Где обедал, воробей?»
— «В зоопарке у зверей.

Пообедал я сперва
За решеткою у льва.

Подкрепился у лисицы.
У моржа попил водицы.

Ел морковку у слона.
С журавлем поел пшена.

Погостил у носорога,
Отрубей поел немного.

Побывал я на пиру
У хвостатых кенгуру.

Был на праздничном обеде
У мохнатого медведя.

А зубастый крокодил
Чуть меня не проглотил».

(1934)

303—310. ЗАГАДКИ

1

Музыкант, певец, рассказчик,
А всего — кружок да ящик.
(Патефон)

(1924)

2

Самый бойкий я рабочий
В мастерской.
Колочу я, что есть мочи,
День-деньской.

Как завиджу лежебоку,
Что валяется без проку,
Я прижму его к доске
Да как стукну по башке!

В доску спрячется бедняжка —
Чуть видна его фуражка.
(Молоток и гвоздь)

(1925)

В Полотняной стране
 По реке Простыне
     Плывет пароход
     То назад, то вперед.
 А за ним такая гладь —
 Ни морщинки не видать!

(Утюг)

(1925)

Принялась она за дело,
 Завизжала и запела.
     Ела, ела
     Дуб, дуб,
     Поломала
     Зуб, зуб.

(Пила)

(1925)

В избе —
 Изба,
 На избе —
 Труба.

Я лучинку зажег,
 Положил на порог,
 Зашумело в избе,
 Загудело в трубе.

Видит пламя народ,
 А тушить не идет.

(Печь)

(1925)

Синий домик у ворот.
Угадай, кто в нем живет.

Дверка узкая под крышей —
Не для белки, не для мыши,
Не для вешнего жильца,
Говорливого скворца.

В эту дверь влетают вести,
Полчаса проводят вместе.
Вести долго не гостят —
Во все стороны летят!

(Почтовый ящик)

(1926)

Что такое перед нами:
Две оглобли за ушами,
На глазах по колесу
И седёлка на носу?

(Очки)

(1928)

Всегда шагаем мы вдвоем,
Похожие, как братья.
Мы за обедом — под столом,
А ночью — под кроватью.

(Сапоги)

(1935)

311. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

Первое
Сентября!
Первое
Сентября!

Первое
Сентября —
Первый день
Календаря, —

Потому что в этот день
Все девчонки
И мальчишки
Городов
И деревень
Взяли сумки,
Взяли книжки,
Взяли завтраки
Под мышки
И помчались в первый раз
В класс!

Это было в Барнауле,
В Ленинграде
И в Торжке,
В Благовещенске
И в Туле,
На Дону
И на Оке,
В карачаевском
Ауле
И в таджикском
Кишлаке.

Это было
На морском
Берегу,
Там, где берег
Изгибается
В дугу,
Где ребята
По-татарски
Говорят,
Где на завтрак
Носят
Сладкий виноград.

Это было
На Алтае,
Между гор.
Это было
На Валдае,
У озер.

Это было
На Днестре,
Среди полей,
Там, где школа
За стволами
Тополей.

Кто успел
Прожить на свете
Восемь лет,
Тех сегодня
До обеда
Дома нет, —

Потому что в этот день
Все девчонки
И мальчишки
Городов
И деревень
Взяли сумки,
Взяли книжки,
Взяли завтраки
Под мышки
И помчались в первый раз
В класс!

(1935)

312. РАНО ВСТАВАТЬ, РАНО В КРОВАТЬ...

Рано
Вставать,
Рано
В кровать —

Завтра
На парте
Не будешь зевать.

Не бойся
Воды —
Мойся!
Стройся в ряды,
Стройся!

Трудный
И долгий
День впереди —
Каждую мышцу
С утра
Заряди!

Чистят
Ножи,
И кастрюли,
И трубы, —
Как же не чистить
До завтрака
Зубы?

Вовремя
Пей,
Вовремя
Ешь, —
Будешь
До старости
Крепок
И свеж.

Ешь
Не спеша.
Пусть работают скулы.
Мы — пионеры,
А не акулы!

В школе
Учись

И работай
В отряде.
Книг
Не марай
И не пачкай
Тетрадей.

Счету
Учись
Перед классной доской,
Строить
Учись
У себя в мастерской.

Вредно
Ребятам
Лежачее чтение:
Вредно
Для книги
И вредно
Для зренья.

Рано
В кровать,
Рано
Вставать —
И начинаем
Сначала
Опять.

(1935)

813. ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

День стоял веселый
Раннею весной.
Шли мы после школы —
Я да ты со мной.

Куртки нараспашку,
Шапки набекрень, —
Шли куда попало
В первый теплый день.

Шли куда попало —
Просто наугад,
Прямо и направо,
А потом назад.

А потом обратно,
А потом кругом,
А потом вприпрыжку,
А потом бегом.

Весело бродили
Я да ты со мной,
Весело вернулись
К вечеру домой.

Весело расстались —
Что нам унывать?
Весело друг с другом
Встретимся опять!

(1935)

314. ВОЛК И ЛИСА

Серый волк в густом лесу
Встретил рыжую лису.

«Лисавета, здравствуй!»
— «Как дела, зубастый?»

«Ничего идут дела.
Голова еще цела».

«Где ты был?»
— «На рынке».
— «Что купил?»
— «Свининки».

«Сколько взяли?»
— «Шерсти клок,
Ободрали
Правый бок,
Хвост отгрызли в драке!»

— «Кто отгрыз?»

— «Собаки!»

«Сыт ли, милый куманек?»

— «Еле ноги уволок!»

(1935)

815. ОТЧЕГО КОШКУ НАЗВАЛИ КОШКОЙ?

Монгольская народная сказка

У старика и старухи
Был котеночек черноухий,
Черноухий
И белощекий,
• Белобрюхий
И чернобокий.

Стали думать старик со старухой:
«Подрастает наш черноухий.
Мы вскормили его и вспоили,
Только дать ему имя забыли.

Назовем черноухого
«Тучей» —
Пусть он будет большой
И могучий.
Выше дерева,
Больше дома.
Пусть мурлычет он громче грома!»

«Нет, — сказала, подумав, старуха, —
Туча легче гусиного пуха.
Гонит ветер огромные тучи,
Собирает их в серые кучи.

Свищет ветер
Протяжно и звонко.
Не назвать ли нам «Ветром»
Котенка?»

«Нет, старуха, —
Старик отвечает, —
Ветер только деревья качает,
А стена остается в покое.
Не назвать ли котенка
«Стеною»?»

Старику отвечает старуха:
«Ты лишился на старости слуха!
Вот прислушайся вместе со мною:
Слышишь, мышка шуршит за стеною?
Точит дерево мышка-воришка. . .
Не назвать ли нам кошку — «Мышка»?»

«Нет, старуха, —
Старик отвечает, —
Кошка мышку со шкуркой съедает.
Значит, кошка
Сильнее немножко!
Не назвать ли нам кошку кошкой? . . .»

(1935)

316. СУНДУК

Норвежская народная сказка

За деревней
Была
Трясина.
На трясине
Росла
Осина.
Торчал на осине
Сук,
И висел на суку
Сундук.

Только ветром
Его качало,
Только градом
В него стучало,

А мохнатый лесной паук
Паутиной оплел сундук.

Шел дурак по трясине,
Увидал сундук на осине.
«Вот, — говорит, — удача!
Всех на свете я стану богаче:
Мне достался сундук с деньгами,
С изумрудами и жемчугами.
Заживу я теперь веселей,
Полтора ста куплю кораблей
И от палубы верхней до трюма
Нагружу их мешками изюма!»

Взял дурак у соседей пилу
И тихонько полез по стволу.
Подпилил на осине сук —
И свалился на землю сундук.
Так и грохнуло, будто из пушки.
Испугались в болоте лягушки.

Стал дурак отпирать замок,
Только ключ подобрать не мог.

«Вот, — говорит, — задача:
Надо ключ отыскать, не иначе.
Без ключа не открыть замка,
Без замка не открыть сундука!»

По дороге дурак пошел,
Медный ключ под кустом нашел,
Медный ключ с золотой бородкой.
Стал хвалиться дурак находкой.

«Вот, — говорит, — удача!
Всех на свете я стану богаче,
Полтора ста куплю кораблей
Апельсинов, конфет, кренделей.
То-то пир на весь мир я устрою,
Если только сундук открою!»

Ключ потер он рукой — блеснит.
Дунул в дырочку — ключ свистит.

Сунул ключик в замочную щелку,
А замок отомкнулся и щелкнул.

Огляделся дурак вокруг,
Заглянул осторожно в сундук.

«Вот, — говорит, — неудача!
Не намного я стану богаче,
Не намного я стану богаче —
Я нашел только хвост пороссячий...
Очень тоненький хвост да короткий.
Много ль проку в такой находке?»

Был бы хвост пороссячий побольше,
Так и сказка была бы подольше!

(1935)

317. ДРЕМОТА И ЗЕВОТА

Бродили по дороге Дремота и Зевота.
Дремота забегала в калитки и ворота,
Заглядывала в окна
И в щелочки дверей
И детям говорила:
«Ложитесь поскорей!»

Зевота говорила: кто спать скорее ляжет,
Тому она, Зевота, «спокойной ночи» скажет,
А если кто не ляжет
Сейчас же на кровать,
Тому она прикажет
Зевать, зевать, зевать!

(1935)

318. ВАПЬКА-ВСТАНЬКА

Уснули телята, уснули цыплята,
Не слышно веселых скворчат из гнезда.
Один только мальчик — по имени Вапья,
По прозвищу Встанья — не спит никогда.

У Ваньки у Встаньки — несчастные няньки:
Начнут они Ваньку укладывать спать,
А Ванька не хочет — приляжет и вскочит,
Уляжется снова и встанет опять.

Укроют его одеялом на вате —
Во сне одеяло отбросит он прочь,
И снова, как прежде, стоит на кровати,
Стоит на кровати ребенок всю ночь.

Лечил его доктор из детской больницы.
Больному сказал он такие слова:
«Тебе, дорогой, потому не ложится,
Что слишком легка у тебя голова!»

(1937)

319. ФЛАГ НАД ПОЛЮСОМ

Двадцать первого
Мая
Тридцать седьмого
Года
Спустилась
Машина стальная
На синие льды
С небосвода.

До вечера
Я и папа
Ловили полярные вести.
Достали глобус
Со шкапа
И Землю вертели вместе.

Кружились моря голубые.
Озера и горы пестрели.
На старый свой глобус
Впервые
Сегодня мы сверху смотрели!

Вот здесь
Океан Ледовитый —
Венком расположена строчка.
Вот полюс,
Отныне открытый, —
Совсем неприметная точка.

За эту далекую точку —
Морозом окованный полюс —
Беспомощно
И в одиночку
Отважные люди боролись.

Скрипят и грохочут
Торосы
На том океане суровом,
Где ночью прощались
Матросы
С погибшим в походе
Седовым. . .

Сюда —
Сквозь снега и метели,
Сквозь мутные волны туманов,
К поставленной
Сталиным цели
Привел самолет Водопьянов.

Закинут
Советский лагерь
Далёко в полярный холод.
Сверкают на красном флаге
Над полюсом
Серп и молот.

1937

320. РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,

Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же значков, —
Каждый
К труду-обороне
Готов!

Кто же,
Откуда
И что он за птица —
Парень,
Которого
Ищет столица?
Что натворил он
И в чем виноват?

Вот что в народе
О нем говорят.

Ехал
Один
Гражданин
По Москве —

Белая кепка
На голове, —
Ехал весной
На площадке трамвая,
Что-то под грохот колес
Напевая. . .

Вдруг он увидел —
Напротив
В окне
Мечется кто-то
В дыму и огне.

Много столпилось
Людей на панели.
Люди в тревоге
Под крышу смотрели:
Там из окошка
Сквозь огненный дым
Руки
Ребенок
Протягивал к ним.

Даром минуты одной
Не теряя,
Бросился парень
С площадки трамвая —
Автомобилю
Наперерез —
И по трубе
Водосточной
Полез.

Третий этаж,
И четвертый,
И пятый. . .
Вот и последний,
Пожаром объятый.
Черного дыма
Висит пелена.
Рвется наружу
Огонь из окна.

Надо еще
Подтянуться немножко.
Парень,
Слабея,
Дополз до окошка,
Встал,
Задыхаясь в дыму,
На карниз,
Девочку взял
И спускается вниз.

Вот ухватился
Рукой
За колонну.
Вот по карнизу
Шагнул он к балкону...
Еле стоит
На карнизе нога,
А до балкона —
Четыре шага.

Видели люди,
Смотревшие снизу,
Как осторожно
Он шел по карнизу...
Вот он прошел
Половину
Пути.
Надо еще половину
Пройти.

Шаг. Остановка.
Другой. Остановка.
Вот до балкона
Добрался он ловко,
Через железный
Барьер перелез,
Двери открыл —
И в квартире исчез...

С дымом мешается
Облако пыли.

Мчатся пожарные
Автомобили,
Щелкают звонко,
Тревожно свистят,
Медные каски
Рядами блестят.

Миг — и рассыпались
Медные каски.
Лестницы выросли
Быстро, как в сказке.
Люди в брезенте —
Один за другим —
Лезут
По лестницам
В пламя и дым...

Пламя
Сменяется
Чадом угарным.
Гонит насос
Водяную струю.
Женщина,
Плача,
Подходит
К пожарным:
«Девочку,
Дочку
Спасите
Мою!»

«Нет, —
Отвечают
Пожарные
Дружно, —
Девочка в здании
Не обнаружена.
Все этажи
Мы сейчас обошли,
Но никого
До сих пор
Не нашли!»

Вдруг из ворот
Обгоревшего дома
Вышел
Один
Гражданин
Незнакомый.
Рыжий от ржавчины,
Весь в синяках,
Девочку
Крепко
Держал он в руках.

Дочка заплакала,
Мать обнимая.
Парень вскочил
На подножку трамвая,
Тенью мелькнул
За вагонным стеклом,
Кепкой махнул
И пропал за углом...

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то
Лет двадцати.

Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего.

Многие парни
Плечисты и крепки,

Многие посят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же
Значков.
К славному подвигу
Каждый
Готов!

1937

321. СЕМЬ КРУГОВ

Пришел апрель. Звенит капель.
Ручьи бегут в Фонтанку.
На перекрестке карусель
Вертится под шарманку.

Поет шарманка петухом
И квакает лягушкой.
А мы в колясках и верхом
Несемся друг за дружкой.

Со всех берут по пятаку
На каждой остановке.
Но кто поймал на всем скаку
Колечко на веревке, —

Назад получит свой пятак
И семь кругов проедет так!

(1939)

322. ПЕСНЯ О ЕЛКЕ

Что растет на елке?
Шишки да иголки.
Разноцветные шары
Не растут на елке.

Не растут на елке
Пряники и флаги,
Не растут орехи
В золотой бумаге.

Эти флаги и шары
Выросли сегодня
Для советской детворы
В праздник новогодний.

В городах страны моей,
В селах
И поселках
Столько вспыхнуло огней
На веселых
Елках!

(1939)

323. ДОЖДЬ

Ветерок бежит по саду,
От реки несет прохладу,
А с прохладой вместе
Радостные вести:

«Вы послушайте, цветы,
Скоро-скоро с высоты
Гром из тучи грянет,
Дождь забарабанит
По цветам, по листьям,
По деревьям и кустам.
Только вы не бойтесь,
Хорошо умойтесь!»

1930-е годы

324

Ветром тучи нанесло,
Хлынул дождик проливной,
Целый день стучит в стекло,
Бьет по крыше надо мной.

Дождик, дождик целый день
Поливает дом и двор.
Мокнет нижняя ступень,
Барабанит о забор.

На закате из-за туч
Блещет солнце, заходя,
И горит веселый луч
В каждой капельке дождя.

1930-е годы

825. ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Вот портфель,
Пальто и шляпа.
День у папы
Выходной.
Не ушел
Сегодня
Папа.
Значит,
Будет он со мной.

Что мы нынче
Делать будем?
Это вместе
Мы обсудим.
Сяду к папе
На кровать, —
Станем вместе
Обсуждать.

Не поехать ли
Сегодня
В ботанический музей?
Не созвать ли
Нам сегодня
Всех знакомых и друзей?

Не отдать ли
В мастерскую
Безголового коня?

Не купить ли
Нам морскую
Черепашу для меня?

Или можно
Сделать змея
Из бумажного листа,
Если есть
Немного клея
И мочалка
Для хвоста.

Понесется змей гремучий
Выше
Крыши,
Выше тучи!..

«А пока, —
Сказала мать, —
Не пора ли
Вам вставать?»

«Хорошо! Сейчас встаем!» —
Отвечали мы вдвоем.

Мы одеты
И обуты.
Мы побрились
В две минуты.
(Что касается
Бритья —
Брился папа,
А не я!)

Мы постель убрали сами.
Вместе с мамой пили чай.
А потом сказали маме:
«До свиданья! Не скучай!»

Перед домом на Садовой
Сели мы в троллейбус новый.
Из открытого окна
Вся Садовая видна.

Мчатся стаями «победы»,
«Москвичи», велосипеды,
Едет с почтой почтальон.

Вот машина голубая
Разъезжает, поливая
Мостовую с двух сторон.

Из троллейбуса
Я вылез,
Папа выпрыгнул за мной.

А потом
Мы прокатились
На машине легкой.

А потом
В метро спустились
И помчались
Под Москвой.

А потом
Стреляли в тире
В леопарда
Десять раз;
Папа — шесть,
А я — четыре:
В брюхо,
В ухо,
В лоб
И в глаз!

Голубое,
Голубое,
Голубое
В этот день
Было небо над Москвою,
И в садах цвела сирень.

Мы прошлись
По зоопарку.

Там кормили сторожа́
Крокодила
И цесарку,
Антилопу
И моржа.

Сторожа
Давали свеклу
Двум
Задумчивым
Слонам.
А в бассейне
Что-то мокло...
Это был гиппопотам!

Покатался я
На понн, —
Это маленькие
Кони.
Ездил прямо
И кругом
В таратайке
И верхом.

Мне и папе
Стало жарко.
Мы растаяли, как воск.
За оградой зоопарка
Отыскали мы кноск.

Из серебряного крапа
С шумом
Брызнуло ситро.
Мне досталось
Полстакана,
А хотелось бы —
Ведро!

Мы вернулись
На трамвае,
Привезли домой
Сирень.

Шли по лестнице,
Хромая, —
Так устали
В этот день!

Я нажал звонок знакомый, —
Он ответил мне, звеня,
И затих...
Как тихо дома,
Если дома нет меня!

(1940)

326. СКАЗКА ПРО КОРОЛЯ И СОЛДАТА

Солдат заспорил с королем:
Кто старше, кто важней?
Король сказал: «Давай пойдем
И спросим у людей!»

Вот вышли под вечер вдвоем
С парадного крыльца
Солдат под ручку с королем
Из летнего дворца.

Идет навстречу свинопас,
Пасет своих свиной.
«Скажи, приятель, кто из нас,
По-твоему, важней?»

«Ну что ж, — ответил свинопас, —
Скажу я, кто важней из вас:
Из вас двоих важнее тот,
Кто без другого проживет!

Ты проживешь без королей?»
Солдат сказал: «Изволь!»
«А ты без гвардии своей?»
— «Ну нет!» — сказал король.

(1941)

827. ПРО ОДНОГО УЧЕНИКА И ШЕСТЬ ЕДИНИЦ

Пришел из школы ученик
И запер в ящик свой дневник.

«Где твой дневник?» — спросила мать.
Пришлось дневник ей показать.

Не удержалась мать от вздоха,
Увидев надпись: «Очень плохо».

Узнав, что сын такой лентяй,
Отец воскликнул: «Негодяй!

Чем заслужил ты единицу?»
— «Я получил ее за птицу.

В естествознании я слаб:
Назвал я птицей баобаб».

«За это, — мать сказала строго, —
И единицы слишком много!»

«У нас отметки меньше нет!» —
Промолвил мальчик ей в ответ.

«За что вторая единица?» —
Спросила старшая сестрица.

«Вторую, если не совру,
Я получил за кенгуру.

Я написал в своей тетрадке,
Что кенгуру растут на грядке».

Отец воскликнул: «Крокодил,
За что ты третью получил?!»

«Я думал, что гипотенуза —
Река Советского Союза».

«Ну, а четвертая за что?»
Ответил юноша: «За то,
Что мы с Егоровым Пахомом
Назвали зебру насекомым».

«А пятая?» — спросила мать,
Раскрыв измятую тетрадь.

«Задачу задали у нас,
Ее решал я целый час,
И вышло у меня в ответе:
Два землекопа и две трети».

«Ну, а шестая, наконец?» —
Спросил рассерженный отец.

«Учитель задал мне вопрос:
Где расположен Канин Нос?
А я не знал, который Канин,
И указал на свой и Ванин. . .»

«Ты очень скверный ученик, —
Вздыхнув, сказала мать. —
Возьми ужасный свой дневник
И отправляйся спать!»

—

Ленивый сын поплелся прочь,
Улегся на покой.
И захрапел. И в ту же ночь
Увидел сон такой.

Жужжали зебры на кустах
В июльскую жару.
Цвели, качаясь на хвостах,
Живые кенгуру.

В сыром тропическом лесу
Ловил ужей и жаб
На длинном Ванином Носу
Крылатый баобаб.

А где-то меж звериных троп,
Среди густой травы,
Лежал несчастный землекоп
Без ног, без головы.

На это зрелище смотреть
Никто не мог без слез...
«Кто от него отрезал треть?» —
Послышался вопрос.

«От нас разбойник не уйдет.
Найдем его следы!» —
Угрюмо хрюкнул бегемот
И вылез из воды.

«Я в порошок его сотру!» —
Воскликнул кенгуру.
«Он не уйдет из наших лап!» —
Добавил баобаб.

Вскочил с постели ученик
В шестом часу утра.
Пред ним лежал его дневник
На стуле, как вчера...

(1941)

328. ОТКУДА СТОЛ ПРИШЕЛ?

Берете книгу и тетрадь,
Садитесь вы за стол.
А вы могли бы рассказать,
Откуда стол пришел?

Недаром пахнет он сосной.
Пришел он из глуши лесной.
Вот этот стол — сосновый стол —
К нам из лесу пришел.

Пришел он из глуши лесной —
Он сам когда-то был сосной.

Сочилась из его ствола
Прозрачная смола.

У нас под ним — паркетный пол,
А там была земля.
Он много лет в лесу провел,
Ветвями шевеля.

Он был в чешуйчатой коре,
А меж его корней
Барсук храпел в своей поре
До первых вешних дней.

Видал он белку, этот стол.
Она карабкалась на ствол,
Царапая кору.

Он на ветвях качал галчат
И слышал, как они кричат,
Проснувшись поутру.

Но вот горячая пила
Глубоко в ствол его вошла.
Вздыхнул он — и упал...

И в лесопилке над рекой
Он стал бревном, он стал доской.
Потом в столярной мастерской
Четвероногим стал.

Он вышел из рабочих рук,
Устойчив и широк.
Где был на нем рогатый сук,
Виднеется глазок.

Домашним жителем он стал,
Стоит он у стены.
Теперь барсук бы не узнал
Родной своей сосны.

Медведь бы в логово залез,
Лису объял бы страх,

Когда бы стол явился в лес
На четырех ногах!..

Но в лес он больше не пойдет —
Он с нами будет жить.
День изо дня, из года в год
Он будет нам служить.

Стоит чернильница на нем,
Лежит на нем тетрадь.
За ним работать будем днем,
А вечером — читать.

На нем чертеж я разложу,
Когда пора придет,
Чтобы потом по чертежу
Построить самолет.

(1941)

829. КРУГЛЫЙ ГОД

ЯНВАРЬ

Открываем календарь —
Начинается январь.

В январе, в январе
Много снега на дворе.

Снег — на крыше, на крылечке.
Солнце в небе голубом.
В нашем доме топят печки.
В небо дым идет столбом.

ФЕВРАЛЬ

Дуют ветры в феврале,
Воют в трубах громко.
Змейкой мчится по земле
Легкая поземка.

Поднимаясь, мчатся вдаль
Самолетов звенья.
Это празднует февраль
Армии рождение.

МАРТ

Рыхлый снег темнеет в марте.
Тают льдинки на окне.
Зайчик бегаёт по парте
И по карте
На стене.

АПРЕЛЬ

Апрель, апрель!
На дворе звенит капель.

По полям бегут ручьи,
На дорогах лужи.
Скоро выйдут муравьи
После зимней стужи.

Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвел подснежник.

МАЙ

Распустился ландыш в мае
В самый праздник — в первый день.

Май цветами провожая,
Распускается сирень.

ИЮНЬ

Пришел июнь.
«Июнь! Июнь!» —
В саду щебечут птицы. . .
На одуванчик только дунь —
И весь он разлетится!

ИЮЛЬ

Сенокос идет в июле.
Где-то гром ворчит порой.
И готов покинуть улей
Молодой пчелиный рой. . .

АВГУСТ

Собираем в августе
Урожай плодов.
Много людям радости
После всех трудов.

Солнце над просторными
Нивами стоит,
И подсолнух зернами
Черными
Набит.

СЕНТЯБРЬ

Ясным утром сентября
Хлеб молотят села,
Мчатся птицы за моря,
И открылась школа.

ОКТЯБРЬ

В октябре, в октябре
Частый дождик на дворе.
На лугах мертва трава,
Замолчал кузнечик.
Заготовлены дрова
На зиму для печек.

Н О Я Б Р Ъ

День седьмого ноября —
Красный день календаря.
Погляди в свое окно:
Всё на улице красно.

Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.
Видишь, музыка идет
Там, где шли трамваи.

Весь народ — и млад и стар —
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

Д Е К А Б Р Ъ

В декабре, в декабре
Все деревья в серебре.

Нашу речку, словно в сказке,
За ночь вымости́л мороз,
Обновил коньки, салазки,
Елку из лесу привез.

Елка плакала сначала
От домашнего тепла.
Утром плакать перестала,
Задышала, ожила.

Чуть дрожат ее иголки,
На ветвях огни зажглись.
Как по лесенке, по елке
Огоньки взбегают ввысь.

Блещут золотом хлопушки.
Серебром звезду зажег
Добежавший до верхушки
Самый смелый огонек.

Год прошел, как день вчерашний.
Над Москвою в этот час
Бьют часы Кремлевской башни
Свой салют — двенадцать раз.

(1944)

330. ВЬЮГА

Вьюга снежная, пурга,
Напряди нам пряжи,
Взбей пушистые снега,
Словно пух лебяжий.

Вы, проворные ткачи —
Вихри и метели,
Дайте радужной парчи
Для косматых елей.

Потрудись, кузнец-мороз,
Скуй ты нам сегодня
Ожерелье для берез
К ночи новогодней!

(1945)

331. КАРУСЕЛЬ

Под шатром широким кругом
Мчатся кони друг за другом,
Стройные, точеные,
Сбрун золоченые.

Едут девочки в санях,
Руки в муфты прячут.
А мальчишки на конях
За санями скачут.

Едут девочки в санях,
Лаковых, узорных,
А мальчишки — на конях;
Серых или черных.

«Вот я шпоры дам коню,
Ваши санки догоню!»
— «Не гоните вы коня,
Не догоните меня!»

В блеске пестрых фонарей,
В удалой погоне
Пролетают всё быстрее
Всадники и кони.

А кругом бегут дома,
Тумбы и панели.
Площадь движется сама
Вроде карусели. . .

(1945)

332. СТАРУХА, ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!

Народная сказка

Под праздник, под воскресный день,
Пред тем как на ночь лечь,
Хозяйка жарить принялась,
Варить, тушить и печь.

Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой.
Старик старухе говорит:
«Старуха, дверь закрой!»

«Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне — пускай она стоит
Открытой сотню лет!»

Так без конца между собой
Вели супруги спор,
Пока старик не предложил
Старухе уговор:

«Давай, старуха, помолчим:
А кто откроет рот
И первый вымолвит словцо,
Тот двери и запрет!»

Проходит час, за ним другой.
Хозяева молчат.
Давно в печи погас огонь.
В углу часы стучат.

Вот бьют часы двенадцать раз,
А дверь не заперта.
Два незнакомца входят в дом,
А в доме темнота.

«А ну-ка, — гости говорят, —
Кто в домике живет?»
Молчат старуха и старик,
Воды набрали в рот.

Ночные гости из печи
Берут по пирогу,
И потроха, и петуха, —
Хозяйка — ни гугу.

Нашли табак у старика.
«Хороший табачок!»
Из бочки выпили пивка.
Хозяева — молчок.

Всё взяли гости, что могли,
И вышли за порог.
Идут двором и говорят:
«Сырой у них пирог!»

А им вослед старуха: «Нет!
Пирог мой не сырой!»
Ей из угла старик в ответ:
«Старуха, дверь закрой!»

(1946)

333. РАЗНОЦВЕТНАЯ КНИГА

ЗЕЛЕНАЯ СТРАНИЦА

Эта страница зеленого цвета,
Значит, на ней постоянное лето.
Если бы здесь уместиться я мог,
Я бы на этой странице прилег.

Бродят в траве золотые букашки.
Вся голубая, как бирюза,
Села, качаясь, на венчик ромашки,
Словно цветной самолет, стрекоза.

Вон темно-красная божья коровка,
Спинку свою разделив пополам,
Вскинула крылья прозрачные ловко
И полетела по божьим делам.

Вот в одинаковых платьях, как сестры,
Бабочки сели в траву отдыхать.
То закрываются книжечкой пестрой,
То, раскрываясь, несутся опять...

СИНЯЯ СТРАНИЦА

А эта страница — морская,
На ней не увидишь земли.
Крутую волну рассекая,
Проходят по ней корабли.

Дельфины мелькают, как тени,
Блуждает морская звезда,
И листья подводных растений
Качает, как ветер, вода.

На дне этой синей страницы
Темно, как в глубинах морей.
Здесь рыбы умеют светиться
Во мраке, где нет фонарей...

ЖЕЛТАЯ СТРАНИЦА

Вы любите, ребята,
Пересыпать песок.
В руках у вас лопата,
Ведерко и совок.

Как нитка золотая,
У вас из кулака
Бежит струя густая
Прохладного песка.

Садовая дорога
Усыпана песком.
Но плохо, если много
Песка лежит кругом.

Вот желтая страница —
Пустынная страна.
Песок по ней кружится,
Несется, как волна.

Неведомо откуда,
Неведомо куда
Бредут по ней верблюды —
Степные поезда.

Идут они в кочевье
Под музыку звонков.
Лежачие деревья
Растут среди песков.

Безлиственные сучья
К сухой земле пригнул
Живучий и колючий
Кустарник саксаул.

А ветер носит тучи
Горячего песка.
Идет песок летучий
На приступ, как войска. . .

БЕЛАЯ СТРАНИЦА

Это — снежная страница.
Вот прошла по ней лисица,
Заметая след хвостом.

Тут вприпрыжку по странице
В ясный день гуляли птицы,
Оставляя след крестом.

Здесь проехали полозья —
И сверкает на морозе
Серебристый гладкий след.

Там на утренней пороше
Отпечатались калоши, —
Это бродят внук и дед.

Цепь следов на снежной глади
Остается, как строка
В чистой, новенькой тетради
Первого ученика.

КРАСНАЯ СТРАНИЦА

Эта страница
Красного цвета.

Красное солнце.
Красное лето.

Красная площадь
Флаги полощет.

Что же на свете
Лучше и краше?

Разве что дети
Веселые наши!

НОЧНАЯ СТРАНИЦА

Пред вами — страница ночная.
Столица окутана тьмой.
Уходят на отдых трамваи,
Троллейбусы мчатся домой.

Спешат на ночлег пешеходы.
Нигде не увидишь ребят.
И только вокзалы, заводы,
Часы и машины не спят.

Скользят огоньки по аллее,
Спускаясь с московских холмов,
И с каждой минутой тусклее
Бессчетные окна домов.

Встречаясь на всех перекрестках,
Бегут фонари через мост.
А небо над городом — в блесках
Далеких, чуть видимых звезд.

Над старой зубчатой стеною,
Над всею Советской странюю
Горят, как огни корабля,
Рубины на башнях Кремля.

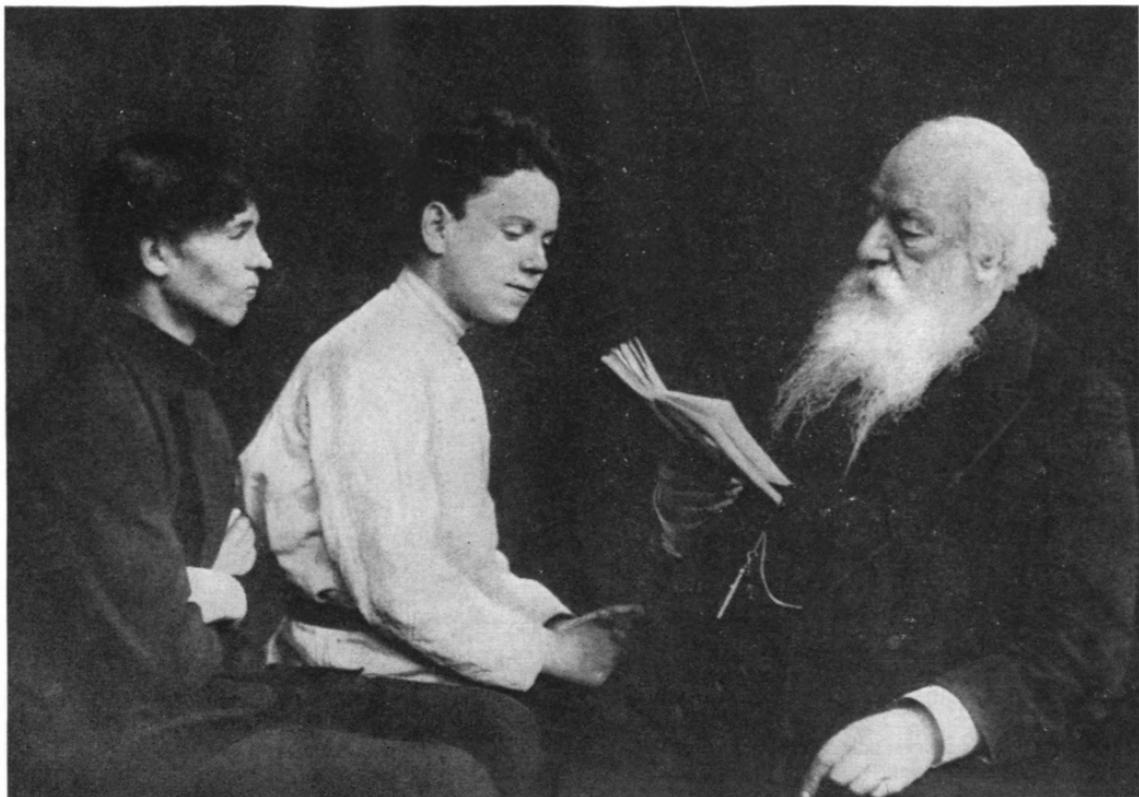
(1946)

34. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Воды обыкновенной
В стаканчик набери —
Пускать из мыльной пены
Мы будем пузыри.

Соломинку простую
Сейчас возьму я в рот,
Воды в нее втяну я,
Потом слегка подую
В соломинку — и вот,

Сияя гладкой пленкой,
Растягиваясь вширь,
Выходит нежный, тонкий,
Раскрашенный пузырь.

Горит, как хвост павлиний.
Каких цветов в нем нет!
Лпловый, красный, синий,
Зеленый, желтый цвет.

Взлетает шар надутый
Прозрачнее стекла.
Внутри его как будто
Сверкают зеркала.

Огнями на просторе
Играет легкий шар.
То в нем синее море,
То в нем горит пожар.

Он, воздухом надутый,
По воздуху плывет,
Но и одной минуты
На свете не живет.

Нарядный, разноцветный,
Он лопнул навсегда,
Расплылся незаметно,
Растаял без следа.

А был такой надменный,
Заносчивый такой!
Хвалился, что из пены
Родился он морской.

В нем столько красок было,
Была такая спесь,
А он — воды и мыла
Раздувшаяся смесь.

Его я не жалею...
По правде говоря,
Стихи о нем длиннее
Всей жизни пузыря!

(1947)

835. БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

Разговор в парадном подъезде

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений,
Как вдруг вдаль ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока всё быстрее
Бежали по панели,

Как забурила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как потемнели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки, —
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошел старик, очки протер,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса:

«Вы, верно, жители Москвы?»
— «Да, здешние — с Арбата».
— «Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?»

«Чей это дом? Который дом?»
— «А тот, где надпись «Гастроном»
И на стене газета».

«Ничей», — ответил пионер.
Другой сказал: «СССР».
А третий: «Моссосовета».

Старик подумал, покурил
И не спеша заговорил:

«Была владелицей его
До вашего рожденья
Аделаида Хитрово».
Спросили мальчики: «Чего?
Что это значит — «Хитрово»?
Какое учрежденье?»

«Не учрежденье, а лицо! —
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма. —

Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но, озорные дети,
С домовладелицей не раз
Катались мы в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади — на запятках.

Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках».

«Что значит, дедушка, «лакей»?» —
Спросил один из малышей.

«А что такое «камергер»?» —
Спросил постарше пионер.

«Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей,
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С «Владимиром» на шее».

«Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее? . . .» —
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

«Не понимаешь? Вот чудак!
«Владимир» был отличья знак.
«Андрей», «Владимир», «Анна» —
Так назывались ордена
В России в эти времена. . .»
Сказали дети: «Странно!

А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?»
— «Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.

Мой дед привез меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумачи давали! . . .»

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.
«Ну и гремит!» — сказал маляр.
Другой сказал: «Природа!..»

Казалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее,
И дождь сильнее захлестал,
Прохожих не жалея.

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

«Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Именья и средства».

«Да неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме —
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в «Гастрономе»?»

«Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,
А свой семиэтажный дом
Сдавать изволила внаем.

Этаж сенатор занимал,
Этаж — путейский генерал,
Два этажа — княгиня.

Еще повыше — мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой —
Фотограф в мезонинсе.

Для нас, людей, был черный ход,
А ход парадный — для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли.

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в «Гастрономе» торговал
Тит Титыч Разуваев.

Он приезжал на рысаке
К семи часам — не позже,
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке.
Но сам за кассою считал
Потертые копейки».

«А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным!» —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: «Точно!»

«Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял народ,
Его баржи тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых ведрах вдоль бортов,
На каждой их семерке,
Была фамилия «Багров» —
По букве на ведерке».

«Тут что-то, дедушка, не так:
Нет буквы для седьмого!»
— «А вы забыли твердый знак! —
Сказал старик сурово. —

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твердый,
А был в ходу он при царе,
И у Багрова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква «ять»...
Но это — только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы,
А дети продали завод,
Затон и пароходы...»

«Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки!»

«Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Всё продавали господа:
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда, —
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии.

Не знали мы, рабочий люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нем розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии. . .

Сад охраняли сторсжа.
И редко — только летом —
В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный маленький кадет
Как офицерик был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

Ну, мой скромнее не в пример.
Растет не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский».

«А может, выйдет генерал,
Коль учится примерно», —

Один из маляров сказал.
Другой сказал: «Наверно!»

«А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?»
— «В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской
И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошел,
А кончил забастовкой,
И уж последнюю из школ
Прошел я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За столько зим и столько лет!
Мы прожили недаром.
Хоть нелегко бывало нам,
Идем мы к новым временам
И не вернемся к старым!

Я не учен. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
«Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.

С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоем поедem в Химки. . .»
Вот он, суворовец — мой внук, —
С товарищем на снимке!»

Прошибла старика слеза,
И словно капель этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струей горячей света.

(1947)

336. ДЕТИ НАШЕГО ДВОРА

Дети нашего двора,
Вы — его хозяева.
На дворе идет игра
В конницу Чапаева.

Едет по двору отряд,
Тянет пулеметы.
Что за кони у ребят —
Собственной работы!

Что за шашки на боку!
Взмахом этой шашки
Лихо срубишь на скаку
Голову ромашки.

Если б можно было мне
Сделаться моложе, —
Я за вами на коне
Поскакал бы тоже!

Суховат и суковат
Этот конь сосновый,
Но я слышу, как стучат
Все его подковы!..

Дети нашего двора,
Чкаловского дома,
Улетали вы вчера
Вдаль с аэродрома.

Мчалась вихрем через двор
Ваша эскадрилья, —
Каждый — сам себе мотор,
И штурвал, и крылья.

Вы стрелой взлетали ввысь,
Заломив пилотки,
Или по морю неслись
На моторной лодке.

Видно, двор у нас такой —
Вам во всем послушный:
То он вам — простор морской,
То простор воздушный!..

На дворе у нас живут
Многие герои.
Но ребята признают
Правило такое:

Ты гордись своим отцом,
Знатным гражданином,
Но и сам будь молодцом,
А не только сыном.

Есть Чапаев на дворе.
Но своим Чапаем
Мы пока еще в игре
Не его считаем.

А Егоров Николай —
Из всего отряда
Самый истинный Чапай,
Лучшего не надо.

Он — боец передовой,
Бьется он геройски.
А Чапаев — рядовой
У Чапая в войске.

Пусть он прежде подрастет, —
Так мы рассуждаем, —
И придет ему черед
Быть у нас Чапаем.

Дети нашего двора,
Крепнут ваши крылья,
И вчерашняя игра
Завтра станет былью.

Тот, кто водит самолет
Дома по паркету,
Завтра в небо поведет
Самолет-ракету.

Кто построил на дворе
Мост через канаву —
Мост на Волге, на Днестре
Выстроит на славу.

Дети нашего двора,
Крепнут ваши крылья.
Ваша детская игра
Завтра станет былью.

Вы готовитесь в игре
Строить Днепрострои.
Вы растете на дворе,
Где живут герои.

В нашем доме с давних пор
Чкалов жил Валерий.
Выходил он к нам во двор
Вот из этой двери.

Поглядев на небосвод,
Подзывал он сына
И шагал с ним до ворот,
Где ждала машина.

Долго будет эта дверь
Гордостью квартала.
Наша улица теперь
Чкаловскою стала.

Дети нашего двора,
Моряки, пилоты,
И для вас придет пора
Боевой работы.

И, взлетая на простор
Или волны роя,
Вы припомните тот двор,
Где живут герои!

1947 или 1948

337. ЖИВЫЕ БУКВЫ

Алик — авиатор (это значит — летчик) —
Алым самолетом режет облака.

Боря — барабанщик.

Влас — водопроводчик.

Глеб — гранатометчик, меткая рука.

Дима —
Детский доктор. Ходит он в больницу.

Ева —
Ездит в цирке на коне верхом.

Женя —
Жница в поле.
Жнет она пшеницу.

Зинаида —
Зодчий.
Значит, строит дом.

Игорь — самый главный
Инженер завода —
Из фанеры строит новый пароход.

Костя капитаном будет парохода,
К берегам Камчатки Костя поплывет.

Леня — лучший лоцман. Он через пороги
Лодок, пароходов водит караван.

Миша машинистом служит на дороге,
Мчится днем и ночью — в бурю и в туман.

Николай — наборщик. Он за буквой букву
Набирает в строчки опытной рукой.

Осип —
Огородник,
Он копает брюкву.

Павел —
Пограничник,
Парень боевой.

Родион —
Рабочий,
Рудокоп в Донбассе.

Соня —
Санитарка.

Толя —
Тракторист.

Умная
Ульяна
Учит деток в классе.

Федя —
Физкультурник, первый футболист.

Харитон — художник. Он для вас картинки
Хорошо умеет кистью рисовать.

Цезарь вам картинки вытравит на цинке,
Цинковые доски передаст в печать.

Чарли — это черный мальчик-африканец.
Чужестранцам Чарли чистит башмаки.
Черною суконкой он наводит глянец,
Часто получая только тумачки.

Шура — славный штурман.
Штурмовал он льдины.
Шквал ему не страшен, в стужу он не мерз.

Щелкают копыта. Это с Украины
Щорс верхом несется, настоящий Щорс.

Эрик, мой приятель, чинит выключатель.
Это наш электрик, слесарь и монтер.

Юрий будет дельным
Юнгой корабельным.
Юрий любит бури и морской простор.

Яков — знаменитый маленький садовник —
Яблони и груши вырастил в саду,
Ягоду малину, ягоду крыжовник.
Я на днях учиться к Якову пойду!

(1940, 1948)

338. ВЕЛИКАН

Раз,
Два,
Три,
Четыре.
Начинается рассказ:
В сто тринадцатой квартире
Великан живет у нас.

На столе он строит башни,
Строит город в пять минут.
Верный конь и слон домашний
Под столом его живут.

Вынимает он из шкафа
Длинноногого жирафа,
А из ящика стола —
Длинноухого осла.

Полон силы богатырской,
Он от дома до ворот
Целый поезд пассажирский
На веревочке ведет.

А когда большие лужи
Разливаются весной,
Великан во флоте служит
Самым младшим старшиной.

У него бушлат матросский,
На бушлате якоря.
Крейсера и миноноски
Он ведет через моря.

Пароход за пароходом
Он выводит в океан.
И растет он с каждым годом,
Этот славный великан!

(1941, 1949)

339. НОВЫЙ ГОД

Дети спать пораньше лягут
В день последний декабря,
А проснутся старше на год
В первый день календаря.

И не в полночь — утром белым
Год начнется для ребят.
За окном обледенелым
Будет слышен скрип лопат.

Год начнется тишиною,
Нам знакомой с прошлых зим:
Шум за рамою двойною
Еле-еле уловим.

Но ребят зовет наружу
Зимний день сквозь лед стекла —
В освежающую стужу
Из уютного тепла.

Мы покинем кров домашний,
Чтоб на стрелки поглядеть,
Чуть взойдет над Спасской башней
Солнце, красное, как медь.

Заалет на рассвете
Самоцветная звезда.
И тогда мы с вами встретим
Год счастливого труда.

Добрым словом мы помянем
Года старого уход,
Начиная утром ранним
Новый день и Новый год!

(1949)

340. ПЕСНЯ О ЖЕЛУДЕ

С колпачком на голове,
Будто в путь готовый,
Он скрывается в листве
Дуба золотого.

Но, простившись со своей
Веткой-колыбелью,
Он уйдет на много дней
В сумрак подземелья.

Под землей он будет спать
В непогодь и стужу,
А когда-нибудь опять
Выбьется наружу.

В этот гладкий коробок
Бронзового цвета
Спрятан маленький дубок
Будущего лета.

Коль его не разгрызет
Белка острым зубом,
Сотни лет он проживет
Коренастым дубом.

Коль свинья его не съест,
Рылом землю роя,
Он деревьям наших мест
Будет старшиною.

Пусть растет он до небес,
С каждым годом выше.
Пусть раскинет свой навес
Многоскатной крышей.

Темно-бурый, как медведь,
Дюжий — в три обхвата,
Будет он листвою шуметь
Вырезной, зубчатой.

Ноябрь 1949

841. ПОЖАР

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Дозорный у будки
Поглядывал вокруг —
    На север,
    На юг,
    На запад,
    На восток, —
Не виден ли дымок.

И если видел он пожар,
Плывущий дым угарный,
Он поднимал сигнальный шар
Над каланчой пожарной.

И два шара,
И три шара
Взвивались вверх, бывало.
И вот с пожарного двора
Команда выезжала.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая,
И мчалась с грохотом вперед
Команда удалая.

Теперь не надо каланчи, —
Звони по телефону
И о пожаре сообщи
Ближайшему району.

Пусть помнит каждый гражданин
Пожарный номер: ноль-один!

В районе есть бетонный дом —
В три этажа и выше —
С большим двором и гаражом
И с вышкою на крыше.

Сменяясь, в верхнем этаже
Пожарные сидят,
А их машины в гараже
Мотором в дверь глядят.

Чуть только — ночью или днем —
Дадут сигнал тревоги,
Лихой отряд борцов с огнем
Несется по дороге. . .

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
«Печку, Леночка, не тронь.
Жжется, Леночка, огонь!»

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В щелку красную глядит,
А в печи огонь гудит.

Приоткрыла дверцу Лена —
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,
Побежал по стульям с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Но пожарные узнали,
Где горит, в каком квартале.
Командир сигнал дает,
И сейчас же — в миг единый —
Вырываются машины
Из распахнутых ворот.

Вдаль несутся с гулким звоном.
Им в пути помехи нет.
И сменяется зеленым
Перед ними красный свет.

В пять минут автомобили
До пожара докатили,
Стали строем у ворот,
Подключили шланг упругий,
И, раздувшись от натуги,
Он забил, как пулемет.

Заклубился дым угарный.
Гарью комната полна.
На руках Кузьма-пожарный
Вынес Лену из окна.

Он, Кузьма, — пожарный старый,
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Бился с пламенем не раз.

Ничего он не боится,
Надевает рукавицы,
Смело лезет по стене.
Каска светится в огне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий,
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.

Сунул голову в окошко,
Поглядел. . . «Да это кошка!
Пропадешь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне! . . .»

Широко бушует пламя. . .
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Черным облаком густым
Под ногами вьется дым.

Пламя ежится и злится,
Убегает, как лисица,
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

Вот уж бревна почернели. . .
Злой огонь шипит из щели:
«Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!»

«Замолчи, огонь коварный! —
Говорит ему пожарный. —
Покажу тебе Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!

Оставайся только в печке,
В старой лампе и на свечке!»

На скамейке у ворот
Лена горько слезы льет.

На панели перед домом —
Стол, и стулья, и кровать. . .
Отправляются к знакомым
Лена с мамой ночевать.

Плачет девочка навзрыд,
А Кузьма ей говорит:
«Не зальешь огня слезами,
Мы водой потушим пламя.
Будешь жить да поживать,
Только чур — не поджигать!
Вот тебе на память кошка.
Посуши ее немножко!»

Дело сделано. Отбой.
И опять по мостовой
Понеслись автомобили,
Затрубили, зазвонили.
Мчится лестница, насос,
Вьется пыль из-под колес.

Вот Кузьма в помятой каске.
Голова его в повязке,
Лоб в крови, подбитый глаз, —
Да ему не в первый раз.
Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром!

(1924, 1952)

312. КНИЖКА ПРО КНИЖКИ

1

У Скворцова
Гришки
Жили-были
Книжки —
Грязные,
Лохматые,
Рваные,
Горбатые,
Без конца
И без начала,
Переплеты —
Как мочала,
На листах —
Каракули.
Книжки
Горько
Плакали.

2

Дрался Гришка с Мишкой.
Замахнулся книжкой,
Дал разок по голове —
Вместо книжки стало две.

Горько жаловался Гоголь:
 Был он в молодости шеголь,
 А теперь, на склоне лет,
 Он растрепан и раздет.

У бедняги Робинзона
 Кожа содрана с картона,
 У Крылова вырван лист,
 А в грамматике измятой
 На странице тридцать пятой
 Нарисован трубочист.

В географии Петрова
 Нарисована корова
 И написано: «Сия
 География моя.
 Кто возьмет ее без спросу,
 Тот останется без носу!»

«Как нам быть? — спросили книжки. —
 Как избавиться от Гришки?»

И сказали братья Grimm:
 «Вот что, книжки, убежим!»

Растрепанный задачник,
 Ворчун и неудачник,
 Прошамкал им в ответ:
 «Девчонки и мальчишки
 Везде калечат книжки.
 Куда бежать от Гришки?
 Нигде спасенья нет!»

«Умолкни старый минус, —
 Сказали братья Grimm, —
 И больше не серди нас
 Брюзжаньем своим!»

Бежим в библиотеку,
 В свободный наш приют, —

Там книжки человеку
В обиду не дают!»

«Нет, — сказала «Хижина
Дяди Тома», —
Гришкой я обижена,
Но останусь дома!»

«Идем! — ответил ей Тимур. —
Ты терпелива чересчур!»

«Вперед!» — воскликнул Дон-Кихот.
И книжки двинулись в поход.

5

Беспризорные калекки
Входят в зал библиотеки.

Светят лампы над столом,
Блещут полки за стеклом.

В переплетах темной кожи,
Разместившись вдоль стены,
Словно зрители из ложи,
Книжки смотрят с вышины.

Вдруг
Задачник-
Неудачник
Побледнел
И стал шептать:

«Шестью восемь —
Сорок восемь,
Пятью девять —
Сорок пять!»

География в тревоге
К двери кинулась дрожа.
В это время на пороге
Появились сторожа.

Принесли они метелки,
Стали залы убирать,
Подметать полы и полки,
Переплеты вытирать.

Чисто вымели повсюду.
И за вешалкой, в углу,
Книжеч порванную грудю
Увидали на полу —

Без конца и без начала,
Переплеты — как мочала,
На листах — каракули...
Сторожа заплакали:

«Разнесчастные вы книжки,
Истрепали вас мальчишки!
Отнесем мы вас к врачу,
К Митрофану Кузьмичу.

Он вас, бедных, пожалеет,
И подчистит, и подкленит,
И обрежет, и сошьет,
И оденет в переплет!»

6. ПЕСНЯ БИБЛИОТЕЧНЫХ КНИГ

К нам, беспризорные
Книжки-калеки,
В залы просторные
Библиотеки!

Книжки-бродяги,
Книжки-неряхи,
Здесь из бумаги
Сошьют вам рубахи.

Из коленкора
Куртки сошьют,
Вылечат скоро
И паспорт дадут.

К нам, беспризорные
Книжки-калеки,
В залы просторные
Библиотеки!

7

Вышли книжки из больницы,
Починили им страницы,
Переплеты, корешки,
Налепили ярлыки.

А потом в просторном зале
Каждой полку указали:

Стал задачник в сотый ряд,
Где задачники стоят.

А Тимур — с командой вместе —
Занял полку номер двести.

Словом, каждый старый том
Отыскал свой новый дом.

8

А у Гришки неудача:
Гришке задана задача.
Стал задачник он искать.
Заглянул он под кровать,
Под столы, под табуретки,
Под диваны и кушетки.
Ищет в печке, и в ведре,
И в собачьей конуре.
Гришке горько и обидно,
А задачника не видно.

Что тут делать? Как тут быть?
Где задачник раздобыть?

Остается — с моста в реку
Иль бежать в библиотеку!

Говорят, в читальный зал
Мальчик маленький вбежал

И спросил у строгой тети:
«Вы тут книжки выдаете?»

А в ответ со всех сторон
Закричали книжки: «Вон!»

10. ОТ АВТОРА

Написал я эту книжку
Много лет тому назад,
А на днях я встретил Гришку
По дороге в Ленинград.

Он давно уже не Гришка,
А известный инженер.
У него растет сынишка,
Очень умный пионер.

Побывал у них я дома,
Видел полку над столом.
Пятьдесят четыре тома
Там стояли за стеклом.

В переплетах — в куртках новых,
Дружно выстроившись в ряд,
Блещут книги двух Скворцовых,
Точно вышли на парад.

А живется им не худо —
Их владельцы берегут.
Никогда они отсюда
Никуда не убегут!

(1924, 1952)

343. МАСТЕР-ЛОМАСТЕР

Я учиться не хочу.
Сам любого научу.
Я — известный мастер
По столярной части!

У меня охоты нет
До поделки
Мелкой.
Вот я сделаю буфет —
Это не безделка.

Смастерю я вам буфет —
Простоит он сотню лет.
Вытешу из елки
Новенькие полки.

Наверху у вас — сервиз,
Чайная посуда.
А под ней — просторный низ
Для большого блюда.

Полки средних этажей
Будут для бутылок.
Будет ящик для ножей,
Пилок, ложек, вилок.

У меня, как в мастерской,
Всё, что нужно, под рукой:
Плоскогубцы, и пила,
И топор, и два сверла,
Молоток,
Рубанок,
Долото,
Фуганок.

Есть и доски у меня.
И даю вам слово,
Что до завтрашнего дня
Будет всё готово!

Завизжала
Пила,
Зажужжала,
Как пчела.

Пропилила полдоски,
Вздроснула и стала,
Будто в крепкие тиски
На ходу попала.

Я гоню ее вперед,
А злодейка не идет.
Я тяну ее назад —
Зубья в дереве трещат...

Не дается мне буфет.
Сколочу я табурет,
Не хромой, не шаткий,
Чистенький и гладкий.

Вот и стал я столяром,
Заработал топором.
Я по этой части
Знаменитый мастер!

Раз, два —
По полену.
Три, четыре —
По колену.

По полену,
По колену,
А потом
Врубился в стену.

Топорище — пополам,
А на лбу остался шрам.
Обойдусь без табурета.
Лучше — рама для портрета.

Есть у дедушки портрет
Бабушкиной мамы.

Только в доме нашем нет
Подходящей рамы.

Взял я несколько гвоздей
И четыре планки.
Да на кухне старый клей
Оказался в банке.

Будет рама у меня
С яркой позолотой.
Заглядится вся родня
На мою работу.

Только клей столярный плох:
От жары он пересох.
Обойдусь без клея.
Планку к планке я прибью,
Чтобы рамочку мою
Сделать попрочнее.

Как ударил молотком —
Гвоздь свернулся червяком.

Забивать я стал другой,
Да согнулся он дугой.

Третий гвоздь заколотил —
Шляпку набок своротил.

Плохи гвозди у меня —
Не вобьешь их прямо.
Так до нынешнего дня
Не готова рама...

—

Унывать я не люблю.
Из своих дощечек
Я лучинок наколю
На зиму для печек.

Щепочки колючие,
Тонкие, горючие
Затрещат, как на пожаре,
В нашем старом самоваре.

То-то весело горят!
А ребята говорят:

«Иди,
Столяр,
Разводи
Самовар.

Ты у нас не мастер,
Ты у нас ломастер!»

(1927, 1952)

844. МИСТЕР ТВИСТЕР

Приехав в страну, старайтесь
соблюдать ее законы и обычан во
избежанне недоразумений. . .

(Из старого путеводителя)

1

Есть
За границей
Контора
Кука.
Если
Вас
Одолеет
Скука
И вы захотите
Увидеть мир —
Остров Таити,
Париж и Памир, —

Кук
Для вас
В одну минуту
На корабле
Приготовит каюту,
Или прикажет
Подать самолет,
Или верблюда
За вами
Пришлет,

Даст вам
Комнату
В лучшем отеле,
Теплую ванну
И завтрак в постели.

Горы и недра,
Север и юг,
Пальмы и кедры
Покажет вам Кук.

2

Мистер
Твистер,
Бывший министр,
Мистер
Твистер,
Делец и банкир,
Владелец заводов,
Газет, пароходов,
Решил на досуге
Объехать мир.

«Отлично! —
Воскликнула
Дочь его Сюзи. —
Давай побываем
В Советском Союзе!

Я буду питаться
Зернистой икрой,
Живую ловить осетрину,
Кататься на тройке
Над Волгой-рекой
И бегать в колхоз
По малину!»

«Мой друг, у тебя удивительный вкус! —
Сказал ей отец за обедом. —
Зачем тебе ехать в Советский Союз?
Поедем к датчанам и шведам.

Поедем в Неаполь, поедем в Багдад!»
Но дочка сказала: «Хочу в Ленинград!»
А то, чего требует дочка,
Должно быть исполнено. Точка.

8

В ту же минуту
Трещит аппарат:

«Четыре каюты
Нью-Йорк — Ленинград,
С ванной,
Гостиной,
Фонтаном
И садом.
Только смотрите,
Чтоб не было
Рядом
Негров,
Малайцев
И прочего
Сброда.
Твистер
Не любит
Цветного народа!»

Кук
В телефон
Отвечает:
«Есть!
Будет исполнено,
Ваша честь».

4

Ровно
За десять
Минут
До отхода
Твистер
Явился
На борт парохода.

Рядом —
Старуха
В огромных очках,
Рядом —
Девница
С мартышкой в руках.

Следом
Четыре
Идут
Великана,
Двадцать четыре
Несут чемодана.

б

Плывет пароход
По зеленым волнам,
Плывет пароход
Из Америки к нам.

Плывет он к востоку
Дорогой прямой.
Гремит океан
За высокой
Кормой.

Мистер
Твистер,
Бывший министр,
Мистер
Твистер,
Банкир и богач,
Владелец заводов,
Газет, пароходов,
На океане
Играет в мяч.

Часть парохода
Затянута сеткой.
Бегает мистер
И машет ракеткой.

В полдень, устав от игры и жары,
Твистер, набегавшись вволю,
Гонит киём костяные шары
По бильярдному полю.

Пенятся волны, и мчится вперед
Многоэтажный дворец-пароход.

В белых каютах
Дворца-парохода
Вы не найдете
Цветного народа:
Негров,
Малайцев
И прочий народ
В море качает
Другой пароход.

Неграм,
Малайцам
Мокро и жарко —
Брызжет волна,
И чадит кочегарка.

6

Мистер
Твистер,
Миллионер,
Едет туристом
В СССР.

Близится шум
Ленинградского
Порта.
Город встает
Из-за правого
Борта.
Серые воды,
Много колонн.
Дымом заводы
Темнят небосклон.

Держится мистер
Рукою за шляпу,
Быстро
На пристань
Сбегает
По трапу.

Вот, оценив
Петропавловский
Шпиль,
Важно
Садится
В автомобиль.

Дамы усажены.
Сложены вещи.
Автомобиль
Огрызнулся зловеще
И покатил,
По асфальту
Шурша,
В лица прохожим
Бензином
Дыша.

7

Мистер
Твистер,
Бывший министр,
Мистер
Твистер,
Миллионер,
Владелец заводов,
Газет, пароходов,
Входит в гостиницу
«Англетер».

Держит во рту
Золотую сигару
И говорит
По-английски
Швейцару:

«Есть ли
В отеле
У вас номера?
Вам
Телеграмму
Послали
Вчера».

«Есть, —
Отвечает
Привратник усатый, —
Номер
Девятый
И номер
Десятый.

Первая лестница,
Третий этаж.
Следом за вами
Доставят багаж!»

Вот за швейцаром
Проходят
Цепочкой
Твистер
С женой,
Обезьянкой
И дочкой.

В клетку зеркальную
Входят они.
Вспыхнули в клетке
Цветные огни,
И повезла она плавно и быстро
Кверху семью отставного министра.

8

Мимо зеркал
По узорам ковра
Медленным шагом
Идут в номера

Строгий швейцар
В сюртуке
С галунами,
Следом —
Приезжий
В широкой панаме,
Следом —
Старуха
В дорожных очках,
Следом —
Девнца
С мартышкой в руках.

Вдруг иностранец
Воскликнул: «О боже!»
«Боже!» — сказали
Старуха и дочь.
Сверху по лестнице
Шел чернокожий,
Темный, как небо
В безлунную ночь.

Шел
Чернокожий
Громадного
Роста
Сверху
Из номера
Сто девяносто.

Черной
Рукою
Касаясь
Перил,
Шел он
Спокойно
И трубку
Курил.

А в зеркалах,
Друг на друга
Похожие,

Шли
Чернокожие,
Шли
Чернокожие. . .

Каждый
Рукою
Касался
Перил,
Каждый
Короткую
Трубку
Курил.

Твистер
Не мог
Удержаться от гнева.
Смотрит
Направо
И смотрит
Налево. . .

«Едем! —
Сказали
Старуха и дочь. —
Едем отсюда
Немедленно прочь!
Там, где сдают
Номера
Чернокожим,
Мы на мгновенье
Остаться
Не можем!»

Вниз
По ступеням
Большими
Прыжками
Мчится
Приезжий
В широкой панаме.

Следом —
Старуха
В дорожных очках,
Следом —
Девушка
С мартышкой в руках. . .

Сели в машину
Сердитые янки,
Хвост прищемили
Своей обезьянке.

Строгий швейцар
Отдает им поклон,
В будку идет
И басит в телефон:

«Двадцать-ноль-двадцать,
Добавочный триста.
С кем говорю я? . .
С конторой «Туриста»?»

Вам сообщу я
Приятную весть:
К вашим услугам
Два номера есть —
С ванной, гостиной,
Приемной, столовой.
Ждем приезжающих.
Будьте здоровы!»

9

Вьется по улице
Легкая пыль.
Мчится по улице
Автомобиль.

Рядом с шофером
Сидит полулежа
Твистер
На мягких
Подушках из кожи.

Слушает шелест бегущих колес,
Туго одетых резиной,
Смотрит, как мчится
Серебряный пес —
Марка на пробке машины.

Сзади трясутся старуха и дочь.
Ветер им треплет вуали.
Солнце заходит, и близится ночь.
Дамы ужасно устали.

Улица Гоголя,
Третий подъезд.
«Нет, — отвечают, —
В гостинице мест».

Улица Пестеля,
Первый подъезд.
«Нет, — отвечают, —
В гостинице мест».

Площадь Восстания,
Пятый подъезд.
«Нет, — отвечают, —
В гостинице мест.

Прибыло
Много
Народу
На съезд.
Нет, к сожалению,
В гостинице
Мест!»

Правая
Задняя
Лопнула шина.
Скоро
Мотору
Не хватит бензина...

Мистер Твистер,
 Бывший министр,
 Мистер Твистер,
 Миллионер,
 Владелец заводов,
 Газет, пароходов,
 Вернулся в гостиницу
 «Англетер».

Следом —
 Старуха
 В дорожных очках,
 Следом —
 Девица
 С мартышкой в руках.

Только они
 Позвонили
 У двери —
 Вмиг осветился
 Подъезд в «Англетере».
 Пробило
 Сверху
 Двенадцать
 Часов.
 Строгий швейцар
 Отодвинул засов.

«Поздно! —
 Сказал им
 Привратник
 Усатый. —
 Занят
 Девятый,
 И занят
 Десятый.
 Международный
 Готовится
 Съезд.
 Нету свободных

В гостинице
Мест!»

«Что же мне делать?
Я очень устала! —
Мистеру
Твистеру
Дочь прошептала. —
Если ночлега
Нигде
Не найдем,
Может быть,
Купишь
Какой-нибудь
Дом?»

«Купишь! —
Отец
Отвечает,
Вздыхая. —
Ты не в Чикаго,
Моя дорогая.
Дом над Невою
Купить бы я рад. . .
Да не захочет
Продать Ленинград!

Спать нам придется
В каком-нибудь сквере!» —
Твистер сказал
И направился к двери.

Дочку
И мать
Поразил бы удар,
Но их успокоил
Усатый швейцар.

Одну
Уложил он
В швейцарской на койку,
Другой

Предложил он
Буфетную стойку.

А Твистер
В прихожей
Уселся
На стул,
Воскликнул:
«О боже!» —
И тоже
Уснул. . .

Усталый с дороги,
Уснул на пороге
Советской гостиницы
«Англетер»
Мистер
Твистер,
Бывший министр,
Мистер
Твистер,
Миллионер. . .

II

Спит —
И во сне
Содрогается он:
Снится ему
Удивительный сон.

Снится ему,
Что бродягой
Бездомным
Грустно
Он бродит
По улицам темным.
Вдруг
Самолета
Доносится стук —
С неба на землю
Спускается
Кук.

Твистер
Бросается
К мистеру
Куку,
Жмет на лету
Энергичную руку,
Быстро садится
К нему в самолет,
Хлопает дверью —
И к небу плывет.

Вот перед ними
Родная Америка —
Дом-особняк
У зеленого скверика.
Старый слуга
Отпирает подъезд.
«Нет, — говорит он, —
В Америке
Мест!»

Плотно
Закрылись
Дубовые двери.
Твистер
Проснулся
Опять в «Англетере».

Проснулся в тревоге
На самом пороге
Советской гостиницы
«Англетер»
Мистер Твистер,
Бывший министр,
Мистер Твистер,
Миллионер. . .

Снял он пиджак
И повесил на стул.
Сел поудобней
И снова заснул.

Утром
 Тихонько
 Пришел
 Паренек,
 Ящик и щетки
 С собой приволок.
 Бодро и весело
 Занялся делом:
 Обувь собрал,
 Обойдя коридор,
 Белые туфли
 Выбелил мелом,
 Черные —
 Черною мазью натер.
 Ярко, до блеска
 Начистил суконкой. . .

Вдруг на площадку,
 Играя мячом,
 Вышли из номера
 Два негритенка —
 Девочка Дженни
 И брат ее Том.

Дети
 На Твистера
 Молча взглянули:
 «Бедный старик!
 Он ночует на стуле. . .»

«Даже сапог
 Он не снял
 Перед сном!» —
 Тихо промолвил
 Задумчивый Том.

Парень со щеткой
 Ответил: «Ребята,
 Это не бедный старик,
 А богатый.

Он наотрез
Отказался вчера
С вами в соседстве
Занять номера.

Очень гордится
Он белою кожей —
Вот и ночует
На стуле в прихожей!

Так-то, ребята!» —
Сказал паренек,
Вновь принимаясь
За чистку сапог —
Желтых и красных,
Широких и узких,
Шведских,
Турецких,
Немецких,
Французских. . .

Вычистил
Ровно
В назначенный срок
Несколько пар
Разноцветных сапог.

Только навел
На последние
Глянец —
Видит:
Со стула
Встает
Иностранец,
Смотрит вокруг,
Достает портсигар. . .
Вдруг
Из конторы
Выходит швейцар.

«Есть, —
Говорит он, —
Две комнаты рядом

С ванной,
Гостиной,
Фонтаном
И садом.
Если хотите,
Я вас проведу,
Только при этом
Имейте в виду:
Комнату справа
Снимает китаец,
Комнату слева
Снимает малаец,
Номер над вами
Снимает монгол,
Номер под вами —
Муллат и креол! . . .»

Миллионер
Повернулся
К швейцару,
Прочь отшвырнул
Дорогую сигару
И закричал
По-английски:
«О'кэй!
Дайте
От комнат
Ключи
Поскорей!»

Взявши
Под мышку
Дочь
И мартышку,
Мчится
Вприпрыжку
По «Англетер»
Мистер Твистер,
Бывший министр,
Мистер Твистер,
Миллионер.

(1933, 1952)

845. ЕЖЕЛИ ВЫ ВЕЖЛИВЫ

Ежели вы
Вежливы
И к совести
Не глухи,
Вы место
Без протеста
Уступите
Старухе.

Ежели вы
Вежливы
В душе, а не для виду,
В троллейбус
Вы поможете
Взобратсья
Инвалиду.

И ежели вы
Вежливы,
То, сидя на уроке,
Не будете
С товарищем
Трещать, как две сороки.

И ежели вы
Вежливы,
Поможете
Вы маме
И помощь ей предложите
Без просьбы —
То есть сами.

И ежели вы
Вежливы,
То в разговоре с тетей,
И с дедушкой,
И с бабушкой
Вы их не перебьете.

И ежели вы
Вежливы,
То вам, товарищ, надо
Всегда без опоздания
Ходить на сбор отряда.

Не тратить же
Товарищам,
Явившимся заранее,
Минуты на собрание,
Часы на ожидание!

И ежели вы вежливы,
То вы в библиотеке
Некрасова и Гоголя
Возьмете не навеки.
И ежели вы
Вежливы,
Вы книжечку вернете
В опрятном, не измазанном
И целом переплете.

И ежели вы
Вежливы —
Тому, кто послабее,
Вы будете защитником,
Пред сильным не робея.

Знал одного ребенка я.
Гулял он с важной нянею.
Она давала тонкое
Ребенку
Воспитание.

Был вежлив
Этот мальчик
И, право, очень мил:
Отняв у младших
Мячик,
Он их благодарил,
«Спасибо!» — говорил.

Нет, ежели вы
Вежливы,
То вы благодарите,
Но мячика
У мальчика
Без спросу
Не берите!
(1953)

**316—317. ДВЕ ПЕСНИ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ
«ЛИРКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО»**

1

ПЕСНЯ ЧИПОЛЛИНО

Я — веселый Чиполлино,
Вырос я в Италии —
Там, где зреют апельсины,
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее.

Но под синим небосклоном
Не маслиной, не лимоном —
Я родился луком.
Значит, деду Чиполлоне
Прихожусь я внуком.

У отца — детишек куча,
Шумная семья:
Чиполлетто, Чиполлучча,
Чиполлотто, Чиполлоччьо
И последний — я!

Все мы выросли на грядках.
Очень мы бедны.
Оттого у нас в заплатках
Куртки и штаны.

Господа в блестящих шляпах
Наш обходят двор.

Видно, луковый наш запах
Чересчур остер.

А у бедных мы в почете,
Нет на всей земле
Уголка, где не найдете
Лука на столе!

По всему известна свету
Луковиц семья:
Чиполлучча, Чиполлетто,
Чиполлоччьо, Чиполлотто
И, конечно, я.

За высокою оградой
Зреет апельсин.
Ну, а мне оград не надо —
Я не дворянин.

Я — цибуля, я — чиполла,
Огородный лук.
Я на грядке кончил школу
Луковых наук.

Но не век бедняге луку
Жить в гнезде родном.
Хоть горька была разлука,
Я покинул дом.

Я иду туда, где лучше, —
В дальние края.
До свиданья, Чиполлучча,
Чиполлетто, Чиполлотто,
Братья и друзья!

2

ПЕСНЯ СИНЬОРА ПОМИДОРА

Я — синьор
Помидор.
Красен я и пышен.

А служу я с давних пор
У помещиц — Вишен.

Хоть и смотрят свысока
Две графини Вишни
На меня, на толстяка, —
Я у них не лишний!

Каждый год я от жильцов —
Свеклы и салата,
От бобов и огурцов —
Требую квартплаты.

Езжу к тыквам-беднякам
И к богатым дыням.
Первый грош беру я сам,
Два везу графиням.

А в имени у нас
Строгие порядки:
Тот, кто денег не припас,
Убирайся с грядки!

С каждым часом я расту,
Наливаюсь соком,
Потому что на посту
Нахожусь высоко!

Я не репа, не морковь —
Мелочь огородная.
У меня под кожей кровь
Очень благородная.

Я — холёный помидор
С кожей атласной,
И вступать со мною в спор
Овощам опасно!

(1953)

318. ГДЕ ТУТ ПЕТЯ, ГДЕ СЕРЕЖА?

Друг на друга так похожи
Комаровы-братья, —
Где тут Петя, где Сережа,
Не могу сказать я.

Только бабушка и мать
Их умеют различать.

Не могу я вам сказать,
Кто из них моложе.
Пете скоро будет пять,
И Сереже
Тоже.

Петя бросил снежный ком
И попал в окошко.
Говорят: в стекло снежком
Угодил Сережка.

Это кто разбил мячом
Чашку на буфете?
Петя был тут ни при чем,
А попало Пете.

Доктор смешивает их —
Так они похожи!
Пьет касторку за двоих
Иногда Сережа.

В праздник папа всю семью
Угощал мороженым.
Петя долю съел свою,
А потом — Сережину.

Поступили в детский сад
Петя и Сережа.
Пете новенький халат
Выдали в прихожей.

А Сереже говорят:
«Жадничаешь больно!
Получил один халат,
И с тебя довольно!»

Няня Петю без конца
Мягкой губкой мыла,
Чтобы смыть с его лица
Синие чернила.

Смыла губкой полосу
На щеке и на носу.
Только кончила купать —
Весь в чернилах он опять!

Няня мальчика журит:
«Петя! Это что же?!»
А Сережа говорит:
«Няня, я Сережа!»

К парикмахеру идут
Петя и Сережа.
Петю за руку ведут
И Сережу тоже.

Парикмахер через миг
Петю наголо остриг.

Голова его теперь
На арбуз похожа.
Только вышел он за дверь,
В дверь вошел Сережа...

Парикмахер говорит:
«Ты ж недавно был обрит!

Я еще твоих волос
Не стряхнул с халата,
А уж ты опять оброс.
Вон какой лохматый!

Видно, волосы растут
У тебя за пять минут!

Парикмахерских для вас
Хватит ли на свете,
Если в час по десять раз
Стричься будут дети? . . .»

Вот однажды к ним во двор
Перелез через забор
Озорной мальчишка —
Перепелкин Гришка.

Гришка — парень лет восьми,
Этакий верзила!
А пред младшими детьми
Хвастается силой.

Говорит он: «Эй, мальки!
Побежим вперегонки!

Объявляю летний кросс —
От крыльца к сараю.
Три щелчка мне дайте в нос,
Если проиграю!

Или я, ребята, вам
Три щелчка на память дам!»

Любит Гришка обижать
Тех, кто помоложе.
Но согласен с ним бежать
Комаров Сережа.

А уж Петя Комаров
У ворот сарая
Притаился между дров,
Гришку поджидая.

Раз-два-три-четыре-пять!
Гришка бросился бежать.

Добежал он, чуть дыша,
Обливаясь потом,
И увидел малыша,
Подбежав к воротам.

Был он очень удивлен,
Даже скорчил рожу,
Оттого что принял он
Петю за Сережу.

«Слишком тихо ты бежишь! —
Говорит ему малыш. —
Сядь-ка, длинноногий,
Отдохни с дороги!»

«Не хочу я отдыхать,
Побежим с тобой опять!
В десять раз быстрее
Бегать я умею!»

«Ладно! — Петя говорит. —
Добежим до дома.
Кто кого опередит,
Даст щелчка другому!»

Раз-два-три-четыре-пять!
Гришка кинулся бежать.

Всё быстрее и всё быстрее
Мчится он вприпрыжку...
А Сережа у дверей
Поджидает Гришку.

«Ну-ка, Гришка, где твой нос?
Проиграл ты этот кросс!»

—

Говорят, что с этих пор
Не ходил ни разу
К братьям маленьким во двор
Гришка долговязый.

(1954)

319. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

У последней
Точки
На последней
Строчке
Собралась компания
Знаков препинания.

Прибежал
Чудак —
Восклицательный знак.
Никогда он не молчит,
Оглушительно кричит:

«Ура!
Долой!
Караул!
Разбой!»

Притащился кривоносый
Вопросительный знак.
Задаёт он всем вопросы:

«Кто?
Кого?
Откуда?
Как?»

Явились запятые,
Девушки завитые.
Живут они в диктовке
На каждой остановке.

Прискакало двоеточие,
Прикатило многоточие
И прочие,
И прочие,
И прочие. . .

Заявили запятые:
«Мы особы занятые.
Не обходится без нас
Ни диктовка, ни рассказ».

«Если нет над вами точки,
Запятая — знак пустой!» —
Отозвалась с той же строчки
Тетя точка с запятой;

Двоеточие, мигая,
Закричало: «Нет, постой!
Я важней, чем запятая
Или точка с запятой,

Потому что я в два раза
Больше точки одноглазой.
В оба глаза я гляжу,
За порядком я слежу».

«Нет. . . — сказала многоточие,
Еле глазками ворочая, —
Если вам угодно знать,
Я важней, чем прочие.
Там, где нечего сказать,
Ставят многоточие. . .»

Вопросительный знак
Удивился: «То есть как?»
Восклицательный знак
Возмутился: «То есть как!»

«Так, — сказала точка,
Точка-одиночка. —
Мной кончается рассказ.
Значит, я важнее вас».

(1928, 1955)

350. О ЧЕМ РАЗГОВАРИВАЛИ ЛОШАДИ, ХОМЯКИ И КУРЫ

Сказка о куриной слепоте

«Зачем вспахали этот луг
От края и до края? —
Сказала, поглядев вокруг,
Двухлетняя гнедая. —

Узор цветов был так хорош
До этой глупой вспашки.
А после вспашки не найдешь
Ни кашки, ни ромашки!»

«Да, — отозвался вороной, —
Ковер наш изумрудный
Изрезал плугом, бороной
Хозяин безрассудный».

«Смешно, поистине смешно!
С ума сошел он, что ли? —
Сказали гуси. — Он зерно
Разбрасывает в поле!»

Пробились первые ростки,
Становятся всё выше. . .
«Живем!» — сказали хомяки
И полевые мыши.

Но вот, когда поспела рожь,
Пшеница пожелтела,
Колосья жнейкой сняли сплошь,
И поле опустело.

«Как поживешь да поглядишь,
На свете мало толка!» —
Друг другу жаловались мышь,
Хомяк и перепелка.

Пшеницу, рожь, овес, ячмень
Убрали люди с поля.

И было слышно в ясный день,
Как мельницы мололи...

«Зерно, отличное зерно
Отборнейшей культуры
Зачем-то в пыль превращено!» —
Негодовали куры.

Читатель! Что ни делай ты,
Тебя осудит кто-то,
Взглянув на дело с высоты
Куриного полета.

(1955)

351. ТИХАЯ СКАЗКА

Эту сказку ты прочтешь
Тихо, тихо, тихо...
Жили-были серый еж
И его ежика.

Серый еж был очень тих,
И ежика тоже.
И ребенок был у них —
Очень тихий ежик.

Всей семьей идут гулять
Ночью вдоль дорожек
Еж-отец, ежика-мать
И ребенок-ежик.

Вдоль глухих осенних троп
Ходят тихо: топ-топ-топ.

Спит давно народ лесной,
Спит и зверь и птица.
Но во тьме, в тиши ночной,
Двум волкам не спится.

Вот идут на грабежи
Тихим шагом волки. . .
Услыхали их ежи,
Подняли иголки.

Стали круглыми, как мяч, —
Ни голов, ни ножек.
Говорят: «Головку спрячь,
Съежься, милый ежик!»

Ежик съежился, торчком
Поднял сотню игол. . .
Завертелся волк волчком,
Заскулил, запрыгал.

Лапой — толк, зубами — щелк,
А куснуть боится.
Отошел, хромя, волк.
Подошла волчица.

Вертит ежика она:
У него кругом спина.
Где же шея, брюхо,
Нос и оба уха? . .

Принялась она катать
Шарик по дороге.
А ежи — отец и мать —
Колют волчьи ноги.

У ежихи и ежа
Иглы, как у елки.
Огрызаясь и дрожа,
Отступают волки.

Шепчут ежику ежи:
«Ты не двигайся, лежи.
Мы волкам не верим.
Да и ты не верь им!»

Так бы скоро не ушли
Восвояси волки,

Да слышался вдали
Выстрел из двустволки.

Пес залаял и умолк. . .
Говорит волчице волк:

«Что-то мне неможется.
Мне бы тоже съежиться.
Спрячу я, старуха,
Нос и хвост под брюхо!»

А она ему в ответ:
«Брось пустые толки!
У меня с тобою нет
Ни одной иголки.
Нас лесник возьмет живьем. . .
Лучше вовремя уйдем!»

И ушли, поджав хвосты,
Волк с волчицею в кусты.

В дом лесной вернутся еж,
Ежик и ежиха,
Если сказку ты прочтешь
Тихо,
Тихо,
Тихо. . .

(1956)

352. НЕ ТАК

Сказка

Что ни делает дурак,
Всё он делает не так.

Начинает не с начала,
А кончает как попало.

С потолка он строит дом,
Носит воду решетом,

Солнце в поле ловит шапкой,
Тень со стен стирает тряпкой,

Дверь берет с собою в лес,
Чтобы вор к нему не влез.

И на крышу за веревку
Тянет бурую коровку,
Чтоб немножко попаслась
Там, где травка разрослась.

Что ни делает дурак,
Всё он делает не так.

И не вовремя он рад,
И печален невпопад.

На пути встречает свадьбу —
Тут бы спеть и поплясать бы,

Он же слезы льет рекой
И поет заупокой.

Как схватили дурака,
Стали мять ему бока,

Били, били, колотили,
Чуть живого отпустили.

«Ишь ты, — думает дурак, —
Видно, я попал впросак.

Из сочувствия к невесте
Я поплакал с нею вместе.

Ладно, в следующий раз
Я пушусь на свадьбе в пляс!»

Вот бредет он по дороге,
А навстречу едут дроги.

Следом движется народ,
Словно очередь идет.

Поглядел дурак на пеших.
«Ну-ка, — думает, — утешь их,

Чтоб шагали веселей
За телегою своей!»

Сапожком дурак притопнул,
О ладонь ладонью хлопнул

Да как пустится плясать,
Ногу об ногу чесать!

Взяли люди дурака,
Стали мять ему бока,

Били, били, колотили,
Полумертвым отпустили.

«Вишь ты, — думает дурак, —
Я опять попал впросак.

Больше я плясать не стану
Да и плакать перестану.

Ладно, с завтрашнего дня
Не узнаете меня!»

И ведь верно, с той минуты
Стал ходить дурак надутый.

То и дело он, дурак,
Говорит другим: «Не так!»

Он не плачет и не пляшет,
А на всё рукою машет.

Постороннему никак
Не узнать, что он дурак.

Дети буквы пишут в школе
Да и спросят: «Хорошо ли?»

Поглядит в тетрадь дурак
Да и вымолвит: «Не так».

Шьют портнихи на машинке,
Шьют сапожники ботинки.

Смотрит издали дурак
И бормочет: «Всё не так!

И не так селедок ловят,
И не так борщи готовят,

И не так мосты мостят,
И не так детей растят!»

Видят люди, слышат люди,
Как дурак дела их судит,

И подумывают так:
«Что за умница дурак!»

(1956)

333. ПРО ГИПОПОТАМА

Уговорились я и мама
Дождаться выходного дня
И посмотреть ги-ги-топама...
Нет, ги-попо-тото-попама...
Нет, ги-тото-попо-потама...
Пусть мама скажет за меня!

Вошли в открытые ворота
И побежали мы вдвоем
Взглянуть на ги... на бегемота!
Мы чаще так его зовем.

Он сам имен своих не знает:
Как ни зовите — всё равно
Он из воды не вылезает,
Лежит, как мокрое бревно.

Нам не везло сегодня с мамой.
Его мы ждали целый час.

А он со дна глубокой ямы
Не замечал, должно быть, нас.

Лежал он гладкий, толстокожий,
В песок уткнувшись головой,
На кожу ветчины похожий
В огромной миске суповой.

По целым дням из водоема
Он не выходит, — там свежей.
«Есть у него часы приема?» —
Спросили мы у сторожей.

«Да, есть часы приема пищи.
Его мы кормим по часам».
И вдруг, блестя, как голенище,
Поднялся сам
Гиппопотам.

Должно быть, у него промокли
Мозги от постоянных ванн,
Глаза посажены в бинокли,
А рот раскрыт, как чемодан.

Он оглядел стоявших рядом
Гостей непрошенных своих,
К решетке повернулся задом,
Слегка нагнулся — и бултых!

Я думаю, гиппопотама
Зовут так трудно для того,
Чтоб сторож из глубокой ямы
Пореже вызывал его! . .

(1956)

354. ЛЕДОХОД

Лед идет, лед идет!
Вереницей длинной
Третьи сутки напролет
Проплывают льдины.

Льдины движутся гурьбой
В страхе и в тревоге,
Будто стадо на убой
Гонят по дороге.

Синий лед, зеленый лед,
Серый, желтоватый,
К верной гибели идет —
Нет ему возврата!

Кое-где на льду навоз
И следы полозьев.
Чьи-то санки лед унес,
Крепко приморозив.

Льдина льдину гонит в путь,
Ударяет в спину.
Не давая отдохнуть,
Льдина вертит льдину.

А ведь этой глыбой льда,
Толстой, неуклюжей,
Стала вольная вода,
Скованная стужей.

Пусть же тает старый лед,
Грязный и холодный!
Пусть умрет и оживет
В шири полноводной!

(1956)

35. МОРОЖЕНОЕ

По дороге — стук да стук —
Едет крашенный сундук.
Старичок его везет,
На всю улицу орет:

«Отличное
Земляничное
Морожено! . . .»

Мы, ребята, босиком
Ходим вслед за сундуком.
Остановится сундук —
Все становятся вокруг.

Сахарно
Морожено
На блюдечки
Положено,
Густо и сладко,
Ешь без остатка!

Дали каждому из нас
Узенькую ложечку,
И едим мы целый час,
Набирая всякий раз
С краю понемножечку.

По дороге — стук да стук —
Едет крашенный сундук.

Летним утром в сундуке
Едет зимний холод —
Синий лед, что на реке
Был весной расколот.

Банки круглые во льду
Тараторят на ходу.
От стоянки до стоянки
Разговаривают банки:

«Будет пир
На весь мир.
Мы везем для вас пломбир
И клубничное,
Земляничное
Мороженое!»

К сундуку бежит толстяк,
От жары он весь размяк,

Щеки как подушки,
Шляпа на макушке.
«Эй! — кричит он. — Поскорей
Положи на пять рублей!»

Взял мороженщик лепешку,
Сполоснул большую ложку,
Ложку в банку окунул,
Мягкий шарик зачерпнул,
По краям пригладил ложкой
И накрыл другой лепешкой.

Зачерпнул десяток раз.
«Получайте свой заказ!»

Не моргнул толстяк и глазом,
Съел мороженое разом,
А потом кричит опять:
«Дай еще на двадцать пять,
Да в придачу на полтинник —
Я сегодня именинник!»

«Ради ваших именин
Получайте, гражданин,
Именинное
Апельсинное
Мороженое!»

По дороге — стук да стук —
Едет медленно сундук,
Тарахтит, почти пустой,
А толстяк хрипит: «Постой!
Дай мороженого ложку,
Только ложку на дорожку
Ради праздничного дня:
День рожденья у меня!»

«Ради вашего рожденья
Получайте угощенье —
Прекрасное
Ананасное
Мороженое!»

Не сказал толстяк ни слова,
Покупает на целковый,
А потом на целых три.
Все кричат ему: «Смотри,
У тебя затылок синий,
На бровях белеет иней,
Как на дереве в лесу,
И сосулька на носу! . . .»

А толстяк молчит — не слышит,
Ананасным паром дышит.
На спине его сугроб.
Побелел багровый лоб.
Посинели оба уха.
Борода белее пуха.
На затылке — снежный ком.
Снег на шляпе колпаком.

Он стоит и не шевелится,
А кругом шумит метелица. . .

Как у нашего двора
Нынче выросла гора,
Вся дорога загорожена.
Катит в саночках народ.
Под полозьями не лед,
    А клубничное,
    Земляничное,
    Именинное,
    Апельсинное,
    Прекрасное
    Ананасное
    Мороженое!

(1925, 1957)

356. ЦИРК

Впервые на арене
Для школьников Москвы —
Ученые тюлени,
Танцующие львы.

Жонглеры-медвежата,
Собаки-акробаты,
Канатоходец-слон,
Всемирный чемпион.

Единственные в мире
Атлеты-силачи
Подбрасывают гири,
Как детские мячи.

Летающие
Кони,
Читающие
Пони.

Выход борца
Ивана Огурца.

Веселые сцены,
Дешевые цены.
Полные сборы.
Огромный успех.

Кресло — полтинник.
Ложки —
Дороже.
Выход обратно —
Бесплатно
Для всех!

1

Начинается программа!
Два ручных гиппопотама,
Разделивших первый приз,
Исполняют вальс-каприз.

2

В четыре руки обезьяна
Играет на фортепьяно.

8

Под свист и щелканье бичей
На лошади по кругу
Хвостатый маленький жокей
Несется с перепугу.

4

По проволоке дама
Идет, как телеграмма.

5

Зайцы, соболи и белки
Бьют в литавры и тарелки.

Машет палочкой пингвин,
Гражданин полярных льдин.

В черный фрак пингвин одет,
В белый галстук и жилет.

С двух сторон ему еноты
Перелистывают ноты.

6

На зубах висит гимнаст,
До чего же он зубаст!

Вот такому бы гимнасту
Продавать зубную пасту!

7

Мамзель Фрикасе
На одном колесе.

Ухитрились люди в цирке
 Обучить медведя стирке.
 А морскую черепаху —
 Гладить мытую рубашу.

Вот слон, индийский гастролер,
 Канатоходец и жонглер!

Подбрасывает сразу
 И ловит он шутя
 Фарфоровую вазу,
 Бутылку и дитя.

Белый шут и рыжий шут
 Разговор такой ведут:

«Где купили вы, синьор,
 Этот красный помидор?»

«Вот невежливый вопрос!
 Это собственный мой нос».

Негритянка Мери Грей —
 Дрессировщица зверей.

Вот открылись в клетку двери.
 Друг за другом входят звери.

Мери щелкает хлыстом.
 Лев сердито бьет хвостом.

Мери спрашивает льва:
«Сколько будет дважды два?»

Лев несет четыре гири.
Значит, дважды два — четыре!

(1925, 1957)

857. РАДУГА-ДУГА

Солнце вешнее с дождем
Строят радугу вдвоем —
Семицветный полукруг
Из семи широких дуг.

Нет у солнца и дождя
Ни единого гвоздя,
А построили в два счета
Поднебесные ворота.

Радужная арка
Засверкала ярко,
Разукрасила траву,
Расцветила синеву.

Блещет радуга-дуга.
Сквозь нее видны луга.

А за самым дальним лугом —
Поле, вспаханное плугом.

А за полем сквозь туман —
Только море-океан,
Только море голубое
С белой пеною прибоя. . .

Вот из радужных ворот
К нам выходит хоровод,
Выбегает из-под арки,
Всей земле несет подарки.

И чего-чего здесь нет!
Первый лист и первый цвет,
Первый гриб и первый гром,
Дождь, блеснувший серебром,
Дни растущие, а ночи —
Что ни сутки, то короче.

Эй, ребята, поскорей
Выходите из дверей
На поля, в леса и парки
Получать свои подарки!

Поскорей, поскорей
Выбегай из дверей
По траве босиком,
Прямо в небо пешком.

Ладушки! Ладушки!
По радуге, по радужке,
По цветной
Дуге
На одной
Ноге.
Вниз по радуге верхом
И на землю кувырком!

(1926, 1957)

358. БАРАБАН И ТРУБА

Жил-был на свете барабан
Пустой, но очень громкий.
И говорит пустой буян
Трубе — своей знакомке:

«Тебе, голубушка труба,
Досталась легкая судьба.
В тебя трубач твой дует,
Как будто бы целует.

А мне покоя не дает
Мой барабанщик рьяный.
Он больно палочками бьет
По коже барабанной!»

«Да, — говорит ему труба, —
У нас различная судьба,
Хотя идем мы рядом
С тобой перед отрядом.

Себя ты должен, баловник,
Бранить за жребий жалкий.
Всё дело в том, что ты привык
Работать из-под палки!»

(1958)

59. КТО КОЛЕЧКО НАЙДЕТ?

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С нашего крылечка,
Покатилось
Колесом,
Притаилось
За кустом.

Кто с крылечка
Сойдет?
Кто колечко
Найдет?

«Я! — сказала кошка. —
Подожди немножко,
А сейчас я не могу:
Мышку в норке стерегу!»

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С нашего крылечка,

Покатилось
Вкривь и вкось
И на землю улеглось.

Кто найдет колечко
Около крылечка?

«Я! — сказала курица. —
Стоит мне прищуриться,
Я вам семечко найду
На дворе или в саду.
И кольцо найти я рада,
Да цыплят кормить мне надо,
А цыплята — вот беда! —
Разбежались кто куда!»

«Го-го-го! — гогочет гусь. —
Погоди, пока вернусь.
Я поплаваю в пруду,
А потом искать пойду!»

«Бе-е! — заблеяла овечка. —
Я нашла бы вам колечко,
Отыскала бы давно,
Да не знаю, где оно».

«Я найду! — сказал индюк. —
Только стал я близорук,
А для нас, для индюков,
Не придумано очков.
Укажите мне местечко,
Где запряталось колечко,
Постараюсь я найти
И хозяйке принести!»

Кто ж найдет колечко
Около крылечка?

«Я найду! — трещит сорока. —
Я, сорока, быстроока.
Нахожу я ложки,
Брошки и сережки.

Только всё, что отыщу,
Я домой к себе тащу!»

Не ищи кольца, сорока,
Не старайся, белобока!
Наша Оленька мала,
А сама искать пошла,

Потихоньку, помаленьку,
Со ступеньки на ступеньку,
По тропинке вкривь и вкось.
Тут колечко и нашлось.

Воротилась, воротилась
Оля на крылечко,
А на пальчике светилось
У нее колечко.

(1959)

360

Давай посмотрим на часы.
На белом их лице
Две стрелки — черные усы
И стрелочка в кольце.

У стрелок цифры на пути,
И всё им надо обойти.

Одна, показывая час,
Ползет невидимо для нас.

Ее минутная сестра
Гораздо более быстра.

А третья в маленьком кругу
Не отдыхает на бегу.

Секунды мерит нам она
И потому спешить должна.

Начало 1960-х годов

361. ЧТО ГОРИТ?

«Кажись, пожар?» —
Спросил Захар.

«А что горит?» —
Промолвил Тит.

«Соседний дом!» —
Сказал Пахом.

«Туши пожар!» —
Кричит Макар.

«Уж потушили!» —
Сказал Василий.

(1964)

362—367. ЗАГАДКИ

1

Под Новый год пришел он в дом
Таким румяным толстяком.

Но с каждым днем терял он вес
И наконец совсем исчез.
(Календарь)

(1941)

2

Шумит он в поле и в саду,
А в дом не попадет.
И никуда я не иду,
Покуда он идет.
(Дождь)

(1947)

8

Мы ходим ночью,
Ходим днем,
Но никуда
Мы не уйдем.

Мы бьем исправно
Каждый час.
А вы, друзья,
Не бейте нас!
(Часы)
(1948)

4

Бьют его рукой и палкой.
Никому его не жалко.
А за что беднягу бьют?
А за то, что он надут!
(Мяч)
(1950)

5

Держусь я только на ходу,
А если стану, упаду.
(Велосипед)
(1957)

6

Хоть он на миг не покидал
Тебя со дня рождения,
Его лица ты не видал,
А только отражения.
(Ты сам)
(1964)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
И САТИРИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

1938—1964

868. АКУЛА, ГИЕНА И ВОЛК

Сказка для маленьких и больших

Кургузая злая гиена,
Акула и волк-живодер
Тайком заключили
Военно-
Торгово-
Морской
Договор.

И значилось в том договоре,
Что землю и синее море
И воздух небес голубой
Поделят они меж собой,
Поделят
На равные
Трети —
И царствовать
Будут
На свете.

Акула
Жила в океане,
Гиена —
У моря, в песке,

А волк
По дорогам в тумане
Бродил, завывая в тоске.
Потомственный волк,
Чистокровный,
Последний в своей родословной.

Бывало, он по лесу рыщет
И ночи и дни напролет,
И всё ему кажется пищей,
Что движется, дышит, растет.

«Синьоры! — сказала гиена. —
Мы связаны клятвой священной.
Пусть каждый исполнит свой долг!»
— «Банзай!» — отвечала акула
И сбоку, по-рыбьи взглянула
На тощего волка, а волк
Клыками голодными — щелк!

Послушайте, дальше что было.
Гиена обед раздобыла.
Она оказалась счастливее
Собратьев зубастых своих —
В песках Абиссинии, Ливии
Наелась одна за троих.

Потом побежала в Испанию
И волка взяла за компанию,
Ему обещая права
На шкуру испанского льва,
На сердце, на мозг его львиный
И крови его половину!

Но разве возможно заранее
Делить неубитого льва?
Кровавая битва в Испании
Не месяц идет и не два.

И если пойдешь по течению
Харамы — испанской реки, —
Отыщешь ты зубы гиеньи
И острые волчьи клыки.

Запомнит гнена удары,
Которые лев ей нанес
В окрестностях Гвадалахары,
Куда она сунула нос.

Добыча нашлась для гнены
Среди разоренных могил,
И кровью распоротой Вены
Клыки свои волк обагрил.

Союзница третья — акула —
Охотой была занята:
Злодейка-акула
Дерзнула
Напасть на соседа-кита.

«Сожру половину кита я,
И буду, наверно, сыта я
Денек или два, а затем
И всё остальное доем!»

Подумав об этом, акула
Зубастый разинула рот,
Шершавое брюхо раздула
И ринулась дерзко вперед.

Но слопать живьем, как селедку,
Акула кита не могла:
Не лезет он в жадную глотку —
Для этого глотка мала! . .

Чем кончится детская сказка,
Какая у сказки развязка, —
Покамест судить мудрено,
Но только известно одно:

Всё то, что живет во вселенной,
И то, что готовится жить,
Не может добычей гиены
И волчьей добычей служить.

Пускай создают договоры
И делят разбойники власть, —
Не могут убийцы и воры
У мира свободу украсть.

Возьмите винтовки, ребята,
И дружно затворами — щелк!
Не слопают вашего брата
Акула, гиена и волк!

1938

363. НОВОГОДНЯЯ РЕЧЬ В ПАРЛАМЕНТЕ
31 ДЕКАБРЯ 1938 ГОДА

В палату общин, в сумрачный Вестминстер,
Под Новый год заходит человек
С высоким лбом, с волнистой шевелюрой,
С клочком волос на бритом подбородке,
В широком кружевном воротнике.
Свободное он занимает место.
Его соседи смотрят удивленно
На строгого таинственного гостя
И говорят вполголоса друг другу:
«Кто он такой? Его я видел где-то,
Но где, когда — ей-богу, не припомню!
Мне кажется, немного он похож
На старого писателя Шекспира,
Которого в студенческие годы
Мы нехотя зубрили наизусть!»

Но вот встает знакомый незнакомец
И глухо говорит: «Почтенный спиксер,
Из Стратфорда явился я сюда,
Из старого собора, где под камнем
Я пролежал три сотни с чем-то лет.
Сквозь землю доходили до меня
Недобрые загадочные вести. . .
Пришло в упадок наше королевство.
Я слышал, что почтенный Чемберлен
И Галифакс, не менее почтенный,
Покинув жен и замки родовые,

Скитаются по городам Европы,
То в Мюнхен держат путь, то в Годесберг,
Чтобы задобрить щедрыми дарами. . . —
Как бишь его? — мне трудно это имя
Припомнить сразу: Дудлер, Тутлер, Титлер. . .
Смиренно ниц склонившись перед ним —
Властителем страны, откуда к небу
Несутся вопли вдов и плач сирот, —
Британские вельможи вопрошают:
«На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?»¹
Я слышал, что британские суда
В чужих морях отныне беззащитны —
Любой пират на Средиземном море
Десятками пускает их ко дну,
И раки ползают и бродят крабы
По опустевшим кубрикам и трапам.
А между тем вельможи короля
Со свитой едут в Рим, как пилигримы, —
Не на поклон к святейшему отцу,
Не для того, чтоб отслужить обедню,
Молясь об отпущении грехов,
А в гости к покровителю пиратов,
К безбожному Бенито Муссолини. . .
О здравый смысл! Ты убежал к зверям,
А люди потеряли свой рассудок! . .

Я — человек отсталый. Сотни лет
Я пролежал под насыпью могильной
И многого не понимаю ныне.
С кем Англия в союзе? Кто ей друг?
Она в союз вступить готова с чертом
И прежнего союзника предать,
Забыв слова, которые лорд Пемброк
В моей старинной драме говорит
Другому лорду — графу Салисбюри:
„Скорее в бой! одушевляй французов,
Коль их побьют, и нам несдобровать! . .“² —

---

¹ Заключенные в кавычки строчки — из трагедии Шекспира «Гамлет».

² Две строчки из «Короля Джона» Шекспира.

Так говорил в Вестминстерском дворце,
В палате общин, строгий незнакомец
В полуистлевшем бархатном кафтане,
В широком кружевном воротнике. . .
Он речь свою прервал на полуслове
И вдруг исчез — растаял без следа,
Едва на старом медном циферблате
Минутная и часовая стрелки
Соединились на числе двенадцать —
И наступил тридцать девятый год.

Декабрь 1938

370. В ПОХОД!

Вместе весна и лето
Нынче гостят в Москве.
Сколько рассеяно света
В тучах и в синеве.

Мирно Москва проснулась
В этот июньский день.
Только что развернулась
В скверах ее сирень. . .

Разом, в одно мгновенье,
Всё изменилось кругом.
Юноша в майке весенней
Смотрит суровым бойцом.

Девушка стала сестрою,
Крест — на ее рукаве. . .
Сколько безвестных героев
Ходит сейчас по Москве. . .

Все на борьбу с врагами,
В грозный и дальний поход!
По небу ходит кругами
Сторож страны — самолет.

22 июня 1941

371. СУВОРОВЦЫ-ЧАПАЕВЦЫ

(Плакат)

Бьемся мы здорово,
Рубим отчаянно, —
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

Июль 1941

372. ВСЯ ЕВРОПА

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
«Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе!»

«Нас поддержит вся Европа!» —
Отвечали два холопа.
И пустились вербовать
Многочисленную рать.

Швед
Из города Берлина,
Три бельгийца
С половиной
Да подручный
Дорио
Встать готовы
Под ружье,

Опереточный
Испанец
С шайкой жуликов
И пьяниц —
Вот фашистский
Легион
Всех мастей
И всех племен.

Вызвал Гитлер
Риббентропа

И спросил,
Нахмутив лоб:
«Это что же —
Вся Европа?»
— «Вся!» — ответил Риббентроп.

Июль 1941

873. СВЕРХСКОТЫ ¹

Наши крестьяне понимали, что такое чистота расы. Если мы справедливо гордимся прусскими коровами, которые во многих отношениях выше фюнских и герефордских коров, то никто из нас не станет гордиться Гейне или ублюдком Эйнштейном.

Из немецких газет

Чистота арийской крови
Очень ценится в корове,
Чистокровный прусский скот
Выше всех других пород.

Гитлер чтит благоговейно
Не Эйнштейна
И не Гейне,
А корову и быка,
Потому что у коровы
Светлый ум и дух здоровый,
А от Гейне
И Эйнштейна
Ни телят, ни молока!

Обеспечим все условия,
Чтоб отныне по-коровьи
Наша кровь была чиста,
Чтобы жить нам
По-коровьи,

---

¹ Этот текст для плаката «Окон ТАСС» написан в сотрудничестве с А. Раскиным и М. Слободским.

Создавая поголовье
Чистокровного скота.

Чтоб отец, взглянув на сына,
Мог с достоинством сказать:
«Настоящая скотина!
Целиком в отца и мать!»

Август 1941

**374. «АРАПСКИЕ» СКАЗКИ
НЕМЕЦКОГО ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ,
ИЛИ ТЫСЯЧА И ОДНА ЛОЖЬ**

Фашистский сумрачный калиф,
Кальян душистый закурив,
Велел войти с докладом
Своим Шехерезадам.

И вот вошел Шехерезад
И прочитал ему доклад:

«Один немецкий пулемет
Разбил сто тысяч дотов
И триста тысяч девятьсот
Семнадцать самолетов!

Два «мессершмитта» на лету
Забрали в плен Алма-Ату
С воздушным заграждением,
С луной и затемнением. . .»

Калиф прервал его доклад,
Прикрыв плотнее двери:
«А каковы, Шехерезад,
Немецкие потери?»

«Калиф, ты задал мне вопрос
Весьма замысловатый,
Я на советский счет отнес
Немецкие утраты!»

Август 1941

**375. ЮНЫЙ ФРИЦ,
ИЛИ
ЭКЗАМЕН НА АТТЕСТАТ «ЗВЕРОСТИ»**

Юный Фриц, любимец мамин,
В класс явился на экзамен.
Задают ему вопрос:
«Для чего фашисту нос?»

Заорал на всю он школу:
«Чтоб вынюхивать крамолу
И строчить на всех донос,
Вот зачем фашисту нос!»

Говорят ему: «Послушай,
А на что фашистам уши?»

«Ухо держим мы востро,
Носим за ухом перо.

Всё, что ухом мы услышим,
Мы пером в тетрадку пишем —
В наш секретный «ташенбух»¹,
Вот зачем фашисту слух!»

Вопрошает жрец науки:
«Для чего фашисту руки?»
— «Чтоб держать топор и меч,
Чтобы красть, рубить и сечь».

«Для чего фашисту ноги?»
— «Чтобы топтать по дороге —
Левой, правой, раз и два!»
— «Для чего же голова?»

«Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
Чтоб не думать ничего.
(Фюрер мыслит за него!)»

Похвалил учитель Фрица:
«Этот парень пригодится.

---

¹ Записная книжка (нем.). — *Ред.*

Из такого молодца
Можно сделать подлеца!»

Рада мама, счастлив папа:
Фрица приняли в гестапо.

Август 1941

376. ПАРТИЗАНСКИЙ ПЛАКАТ

Днем барон сказал крестьянам:
«Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Сентябрь 1941

377. ДЕТСКИЙ ДОМ В ЕЛЬНЕ

На площади опустошенной
Разрушен вражеским огнем
Приветливый, многооконный,
С цветами в окнах детский дом.

Что в мире может быть печальней
Полуразрушенных печей
На месте прежней детской спальни,
Среди обломков кирпичей.

В золе я видел мячик детский,
А рядом школьную тетрадь.
Ее примял сапог немецкий,
Оставив грязную печать.

Нет преступления бесцельней,
Бессмысленней злодейства нет.
За детский дом, сожженный в Ельне, —
В Берлине, Мюнхене и Кельне
Дадут преступники ответ.

Сентябрь 1941

378. БОЕВОЕ ПРОЩАНИЕ

Свежий холмик перед низким домом.
Ветви на могиле.
Командира вместе с военкомом
Утром хоронили.

Хоронили их не на кладбище —
Перед школой деревенской,
На краю деревни Озерище,
В стороне Смоленской.

Самолет, над ними рея,
Замер на минуту.
И вступила в дело батарея
Залпами салюта.

Свет блеснул в холодной мгле осенней,
Призывая к бою.
Двое павших повели в сраженье
Цепи за собою.

И гремели залпы, как раскаты
Яростного грома:
— Вот расплата с вами за комбата!
— Вот за военкома!

*Сентябрь 1941
Ельня*

379. В НЕМЕЦКОЙ МЕРТВЕЦКОЙ

Между трупов,
Как в мертвецкой,
Гитлер с Геббельсом
Бродили.
Вдруг чуть слышно
По-немецки
Черепа заговорили:

«Мы на Гитлера
Сердиты

И за то,
Что мы убиты,
И за то,
Что он в газете'
Сократил нас на две трети!»

Ноябрь 1941

380. ДУМАТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Надо взять себя в руки
и не думать о конце войны.

Берлинское радио

Мои солдаты, вы должны
Не думать о конце войны!

Пусть ваши жены, дети, внуки
Себя возьмут покрепче в руки!

А если не возьмут — гестапо
Немедленно возьмет их в лапы!

(1942)

381. ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЛАКАТ

Лом железный соберем
Для мартена и вагранки,

Чтобы вражеские танки
Превратить в железный лом!

Апрель 1942

382. О ТОМ, КАК ГИТЛЕР ПРОШЛОГОДНИЙ УВИДЕЛ ГИТЛЕРА СЕГОДНЯ

Гордый Гитлер прошлогодний
Смотрит с пыльного холста,

Неожиданно сегодня
Он раскрыл свои уста.

Гитлер Гитлера спросил:
«Где ты обувь износил?

Где порвал ты свой мундир,
Истрепал его до дыр?

Ты сумел занять Париж —
Что ж Москву не покоришь?

Отчего не взял реванш —
Не шагнул через Ла-Манш?

Ты ж недавно говорил,
Что Европу покорил.

Вспомни, Гитлер: на трибуне
Обещал ты блиц-войну,

Бросив армию в июне
На Советскую страну!»

Поглядев на свой портрет,
Гитлер Гитлеру в ответ:

«Либер готт ¹, всего лишь год,
Как пустился я в поход.

Да погода всё не та —
То мороз, то духота.

Дождь стальной, свинцовый град —
Не война, а сущий ад.

А на псарне у меня
Целый день идет грызня:

На моих косится финн,
А на Венгрию — румын.

А Румыния венгерцу
Тоже будто не по сердцу...»

---

¹ Господи боже (нем.). — *Ред.*

Гитлер Гитлеру всерьез
Задаёт такой вопрос:

«Что же делать нам, герои,
Если будет фронт второй? . . .»

Глянул Гитлер исподлобья
На зловещий горизонт

И велел свое подобье
В тыл отправить — на ремонт.

Июнь 1942

383. МАТЬ

В такой обыкновенный день —
Июньский, голубой —
Босых людей из деревень
По тракту вел конвой.

Безмолвен был последний путь.
Но вот в одном ряду
Отстала женщина — и грудь
Достала на ходу.

Кормила мать в последний раз
Ребенка своего,
Не отрывая хмурых глаз
От личика его.

В толпе — как ветер прошуршал —
Пронесся тихий плач,
И что-то хрипло прокричал
По-своему палач.

И зашагал быстрее народ
По смертному пути.
Синел июньский небосвод,
Лен начинал цвести. . .

Июль 1942

384. «НЕ» И «НИ»

Мне рассказывал смоленский
Паренск:
«В нашей школе деревенской
Шел урок.

Проходили мы частицы
«Не» и «ни».
А в селе стояли фрицы
В эти дни.

Обобрали наши школы
И дома.
Наша школа стала голой,
Как тюрьма.

Из ворот избы соседской
Угловой
К нам в окно глядел немецкий
Часовой.

И сказал учитель: «Фразу
Дайте мне,
Чтобы в ней встречались сразу
«Ни» и «не».

Мы взглянули на солдата
У ворот
И сказали: „От расплаты
НИ один фашист проклятый
НЕ уйдет!“»

Лето 1942

385. 450-ЛЕТИЕ АМЕРИКИ

(1492—1942)

Завеса дыма с Волги, Терека
Сегодня застилает свет.
Мы в этот день тебе, Америка,
С полей кровавых шлем привет!

Четыре века с половиною
Прошло с тех пор, как сквозь туман
Тебя, неизвестную, пустынную,
В трубу увидел капитан.

Пускай, охваченный истерикой,
Пытается наш общий враг
Закрыть пути к тебе, Америка,
И Новый Свет вернуть во мрак, —

Ускорь грядущие события,
Сомкни бойцов отважных строй
И сделай новое открытие:
В Европе что-нибудь открой...

Осень 1942

386. ЗИМНИЙ ПЛАКАТ

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

Конец 1942

387. ОБЛАВА

Бежали женщины и дети
И прятались в лесу глухом...
Но их настигли на рассвете
Солдаты Гитлера верхом.

Белоголовому ребенку
Кричала мать: «Сынок! Беги!»
А убегающим вдогонку
Стреляли под ноги враги.

Но всг отбой — конец облаве,
И в кучку собранный народ
Погнали немцы к переправе —
Шагать велели прямо вброд.

На лошадях, встревожив заводь,
Спокойно двинулся конвой.
А пеших, не умевших плавать,
Вода покрыла с головой.

И стон стоял над той рекою,
Что бесконечные века
В непотревоженном покое
Текла, темна и глубока.

1942(?)

388. ЯНВАРСКИЙ ДЕНЬ

Встало солнце огневое,
И, снежком пыля,
Зимний холод тронул хвою
У стены Кремля.

Тронул инеем ступени
И гранитный свод,
Где одно лишь слово «Ленин»
Начертал народ.

Часовым пора смениться,
И звенит земля
Перед Ленинской гробницей
У стены Кремля.

Январь 1943

389. В ПЛЕН!

Попала в яму волчья стая
У сталинградских славных стен.
Над Волгой армия Шестая
В последний час сдается в плен.

Фон Дреббер, Штреккер, Шлеммер,
Кромме
Сдают оружие на бегу.

Их девяносто тысяч, кроме
Тех, что остались на снегу.

Лежат уложенные в штабель,
Напоминая о былом,
Десятки генеральских сабель
С одним фельдмаршальским жезлом.

Февраль 1943

390. К ЮГУ ОТ ОЗЕРА

«.. Летом в пыль и зной, зимой
в мороз и снег мы дрались с русскими
к югу от озера Ильмень..»

*Из песни, сочиненной немецким
ефрейтором Шредером (с от-
крытки, напечатанной в Бер-
лине)*

К югу от озера Ильменя,
В дебрях лесов и болот
Песенку «Я ль тебя, ты ль меня»
Немец продрогший поет.

Немец из «Львиной дивизии»
Голоден, тощ, нездоров.
Нет у фон Буша провизии
Для прокормления «львов».

Плохи ботинки солдатские,
Ноги в снегу до колен.
«Эх, земляки сталинградские,
С вами бы вместе — да в плен!»

Тощие фрицы измаялись,
Много загублено душ.
Кличет фельдмаршал фон Паулюс
В плен генерала фон Буш!

Слышат разбойники жадные
Вести про Волгу и Дон —
Вести для них безотрадные:
Гонят грабителей вон.

К югу от озера Ильменя,
В дебрях лесов и болот
Песенку «В плен меня, в тыл меня»
Немец продрогший поет.

Февраль 1943

391. ВОЙНА, КАК ТАКОВАЯ

Война является естественным состоянием человека.

А. Гитлер

..Никому из нас не придет в голову расхваливать войну, как таковую.

*Из фашистской газеты
«Вестдейтчер беобахтер»*

«Нет, война, как таковая,
Не легка и не сладка!» —
Говорит передовая
Из фашистского листка.

А когда-то, в дни былые,
Клялся фюрер, что война,
Как родимая стихия,
Немцам истинным нужна.

Почему же неизвестный
Журналист в передовой
Отзывается нелестно
О войне, как таковой?

Потому что на Востоке
В грозной схватке боевой
Немцам дал урок жестокий
Сталинград, как таковой.

Потому что с небосклона
Самолетов слышен вой
И летит за тонной тонна
На Берлин, как таковой.

Так в минуту роковую
Фюрер смутно разобрал,
Что войну, как таковую,
Навсегда он проиграл!

Июнь 1943

892. ПУТЬ СЛАВЫ

По большим путям Истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгорья
Далеко озарены.

Блещет Дон военной славою,
Как в былые времена.
Снова — битва под Полтавою,
Бранный гул Бородина.

От побоища Мамаева
До сражений за Донбасс,
От Олега до Чапаева
Славный тянется рассказ.

Городов названья древние
Мы в приказах узнаем,
И деревня за деревнею
В сердце входит с каждым днем.

Здравствуй, Славгород, Ивановка,
Луги, Никонцы, Басань,
Остролучье, Первозвановка,
Переяслав, Березаны!

Как дитя, в трудах рожденное, —
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

Сентябрь 1943

393. СМОТРЕТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Полицией-президент Берлина издал приказ, предоставляющий полиции право отправлять на принудительные работы всех лиц, которые будут осматривать районы, подвергшиеся разрушениям в результате воздушных налетов.

Из газет

Меж развалин Бруннен-платца
Полицейский грозный страж
Запрещает озираться
На причудливый пейзаж.

«Предъявите разрешение
Посмотреть на разрушенья!
А не то я вас возьму
На работы иль в тюрьму.

Не косить лукавым глазом!
Не глазеть по сторонам!
Верьте Геббельса рассказам,
А не собственным глазам.

Завтра в утренней газете
Вы прочтете обо всем:
Кто из вас на этом свете,
Кто из вас уже на том».

Октябрь 1943

394. ЧАСЫ НА БАШНЕ

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемет.
Но ползут по кругу стрелки, —
Время движется вперед!

Под землей лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вделанное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надежен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на Запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

Конец 1943 — начало 1944

395. ЛЕНИНГРАДСКОЕ КОЛЬЦО

(Плакат)

У кольца нет конца.

Пословица

Враги кричали: «Нет конца
У ленинградского кольца!»

Мечом рассек его боец —
И вот кольцу пришел конец.

Начало 1944

396. 16—17 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

Шел вчера на праздник физкультурный
По московской улице народ,
И сиял в глазах его лазурный,
Освеженный ливнем небосвод.

И невольно думалось при встрече:
Как возвышен, мужествен и горд,
Как прекрасен облик человеческий,
Если он не искажен, не стерт!

А сегодня улицей столицы
Мимо новых и старинных стен
Шли обезоруженные фрицы —
Шли убийцы, сдавшиеся в плен.

Только так врагов своих надменных
Мог принять наш город-исполни.
Говорил народ, встречая пленных:
«Вы в Москву идете, мы — в Берлин!»

Июль 1944

397. ТИГР И КОЗЛЕНОК

Травой поросшая полянка...
Здесь меж осколков и воронок,
Привязанный к орудью танка,
Пасется ласковый козленок.

Он кувыркается по-детски,
И понимает он едва ли,
Что этот пленный танк немецкий
Когда-то «тигром» называли.

А танк, проделавший походы,
Должно быть, рад, что на покое
Способен всё ж лишить свободы
Хоть это существо живое.

Июль 1944

398. ШНАБЕЛЬ И ЕГО СЫНОВЬЯ

В фашистской Германии объявлена новая, «сверхтотальная» мобилизация.

Из газет

Два у Шнабеля сына, как и он, два кретина.
Говорит им папаша: «Ребята,
Самолет заводите, миномет зарядите
Да возьмите-ка два автомата.

Нынче пишет газета: в обе стороны света
Отправляет наш фюрер отряды.
Посылаю я Макса разгромить англосакса,
Морнц, русских громи без пощады!

Привезите побольше из России, из Польши
Шерсти, кожи, мехов побогаче.
Я оставляю в наследство вам солидные средства
И свою пивоварню в придачу!»

Сыновья с ним простились, в путь-дорогу пустились.
Шнабель думает: «Где мои парни?»
Только вместо ответа бомба грохнула где-то
В самом сердце его пивоварни.

Одинок и печален, он стоит меж развалин.
В небе гулко гудят бомбовозы.
Вдруг письмо с Украины: фотография сына
На кресте из плакучей березы.

Снова бомба валится. Шнабель в норах тантся.
Вдруг приходит второе известье:
Крест дубовый над Максом, что грозил англосаксам,
Крест дубовый в парижском предместье.

Фронт Восточный всё ближе, англосаксы в Париже.
Над империей звон погребальный.
Старый Шнабель хлопочет, — на войну он не хочет,
Но готовится к новой «тотальной».

Сентябрь 1944

899. ДУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Сейчас неуместен разгул живот-
ных инстинктов, как за рубежом. . .

Из фашистских газет 1944 года

Из-за границ
Вернулся Фриц
К себе домой — в Германию.
И слышит он
Со всех сторон
Такие восклицания:

«Послушай, Фриц! —
Со всех страниц
Кричат ему газеты. —
Зачем ты грабишь частных лиц?
Зачем насилуешь девиц?
Очнись, подумай, где ты!

Ты не во Франции теперь,
Не в селах Украины.
Послушай, Фриц, скорей умерь
Ты свой инстинкт звериный.

Когда-то грабил ты и жег
Деревни Белоруссии,
А нынче грабишь ты, дружок,
Дома Восточной Пруссии. . .

За рубежом
Ты грабежом
Был занят непрерывно.
Но грабить свой, немецкий дом —
По меньшей мере странно!»

В ответ раздался стёкол звон
И хриплый голос Фрица:
«Я не могу, — воскликнул он, —
Уже остановиться!»

Декабрь 1944

400. НЕМЕЦКАЯ РОТА ВПОЛОБОРОТА

Как показал один из пленных
немецких фольксштурмистов, в его
роте было до двадцати одногла-
зых.

Такой ни в сказках, ни в рассказах
Картины не найдете,
Как эти двадцать одноглазых
Солдат в немецкой роте.

Статья секретная приказа
Генштаба утверждает,
Что одного солдату глаза
И за глаза хватает.

Зато ефрейтор низколобый,
Оставшийся двуглазым,
За одноглазым смотрит в оба —
Двумя глазами разом.

Декабрь 1944

401. ВОСЕМЬ СТРОК ПРО ЭЛЕКТРОТОК

1

Электролампочки-воровки,
Растратчицы-электроплитки
Крадут патроны у винтовки,
Крадут снаряды у зенитки.

2

Берегите электричество,
Чтобы каждый киловатт
Увеличивал количество
Пушек, танков и гранат!

1944

402. СТРАШНЫЙ СОН

Фашисту снился страшный сон.
Проснулся он, рыдая.
Во сне он видел, будто он —
Еврей берлинский Мейерсон,
По имени Исаяя.

Весь день фашист дрожал, как лист.
Настала ночь вторая.
Опять он видел тот же сон:
Ему приснилось, будто он —
Еврей берлинский Мейерсон,
По имени Исаяя.

На третью ночь ему невмочь.
Он разбудил жену и дочь,
От страха умирая,
Он им сказал, что он — не он,
Что он — не он, а Мейерсон,
По имени Исаяя.

Что он пред властью виноват,
Во-первых, в том, что он женат
На Берте, на германке,
А во-вторых, виновен в том,
Что стал он дочери отцом
И двух германцев взял он в дом
В швейцары и служанки.

Его жена поражена,
Ручьями слезы льет она,
А дочка просит: «Папа!
Забудь об этом поскорей,
Не говори, что ты еврей,
А то в один из лагерей
Пошлет тебя гестапо!»

А в это время телефон
Звонил не умолкая.
Фашист услышал этот звон,
И, трубку взяв, промолвил он:

«У телефона Мейерсон,
По имени Исаяя.
Да, да, Исаяя Мейерсон,
Да, Мейерсон Исаяя!»

Что было дальше? Грянул гром —
Гроза в начале мая.
От сотрясения рухнул дом,
И был фашист раздавлен в нем,
По имени Исаяя.

1944 (?)

403. БЕЗРАБОТНЫЕ ПАЛАЧИ

.. Не для торжественных речей,
Не для банкетов светских
Собралась шайка палачей,
Гаулейтеров немецких.

Один-единственный вопрос
Интересует их всерьез,
А суть вопроса вкратце:
Куда им всем деваться?

Кули таскать? Рубить дрова?
За это платят скудно.
Притом дрова — не голова.
Рубить их очень трудно!

Лудить, паять, кроить, дубить
Труднее, чем дубасить.
Носить трудней, чем доносить,
И легче красть, чем красить.

Так что же делать? Вот вопрос.
Ответа ждет гаулейтер.
Но, хвост поджав, как битый пес,
Дрожит и сам ефрейтор. . .

Март 1945

404. ОГНИ НАД МОСКВОЙ

Ракеты летят, как цветные мячи,
Взметенные смелым ударом,
И вновь исчезают в московской ночи
Уже догоревшим пожаром. . .

На миг уступает недавняя тьма
Победно летящей ракете.
Выходят деревья, столбы и дома,
От света проснувшись, как дети.

Навеки запомнится ночь торжества,
Когда, возвещая победу,
Огнями и залпами фронт и Москва
Вели меж собою беседу.

Март 1945

405. БЕРЛИНСКАЯ ЭПИГРАММА

«Год восемнадцатый не повторится ныне!» —
Кричат со стен слова фашистских лидеров.

А сверху надпись мелом: «Я в Берлине».
И подпись выразительная: «Сидоров».

Апрель 1945

406. ДА БУДЕТ СВЕТ

Да будет свет — веселый, яркий —
В наш первый вечер торжества!
Открыла площади и парки
Незатемненная Москва.

Перекликаются в беседе
Московской улицы огни.
Одни другому о победе
Сигнализируют они.

Но пусть опять над Спасской башней
Огнем наполнилась звезда, —
Вчерашней ночи, тьмы вчерашней
Мы не забудем никогда.

Да будет вечной та минута,
Когда во тьме сверкал нам свет
Двадцатикратного салюта —
Снянье залпов и ракет.

Весной, и летом, и в морозы
Взлетал фонтаном фейерверк.
В нем были ялтинские розы,
И венский парк, и Кенигсберг.

Мы будем помнить эти годы,
Когда, охваченные тьмой,
Шли осторожно пешеходы
По нашей улице немой,

Когда столица провожала
Бойцов на фронт, а семьи в тыл,
И от незримого вокзала
Неслышно поезд отходил.

Так мы работали и жили,
И этой зоркой темнотой
Мы наше право заслужили
На свет победно-золотой.

Апрель 1945

407. ПОБЕДА

И вот Победа. Столько дней —
В промозглой сырости похода,
В горячих мастерских завода,
В боях — мы думали о ней!

В ней всё, что дорого и свято, —
Судьба народа, честь страны,
В ней участь сына, память брата,
Любовь невесты и жены.

Под орудийные раскаты
Москва ликует в этот час, —
Как будто затемнение снято
С открытых лиц, счастливых глаз.

Май 1945

408. МЫСЛИ ВСЛУХ

Всемирной пользуется славой
Американец Вашингтон.
Его упорством в битве правой
Восставший край освобожден.

Мы чтим великого Линкольна,
Которому нанес удар
Работорговец недовольный,
Теряя прибыльный товар.

Нам ярко светит из тумана
Воспоминанье о втором,
О лучшем Рузвельте — Делано,
Не запятнавшем Белый Дом.

Он был силен, благоразумен,
Великодушию открыт,
Он был не то, что мистер. . .
Пусть мистер Смит меня простит.

Я не желаю инцидентов
И на уста кладу печать,
Но сто процентов президентов
Я не обязан обожать!

1947

409. НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный —
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копье.

Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы!

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережем просторный дом,
Где место есть под небосводом
Всеми, живущему трудом.

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

1947

410. НОВЫЙ ГОД

Меди гулкне раскаты
Над Москвою пронеслись.
Обе стрелки циферблата
На двенадцати слились.

В полночь год приходит новый.
Бьют часы двенадцать раз.
Словно смена часового
Происходит в этот час.

Стали рядом часовые —
Старый год и Новый год.
И задачи боевые
Году год передает.

Над стеной Кремля зубчатой,
Устремившись в вышину,
Обе стрелки циферблата
В этот миг слились в одну.

1947

411. ЗЕЛЕНАЯ ЗАСТАВА

Над морем солнечной пшеницы,
Над зыбью спелого овса,
Как часовые вдоль границы,
В тумане высятся леса.

Они стеной стоят на страже,
Качая копьями ветвей,
Чтоб не проник ордою вражьей
В поля кочевник суховей.

Покачиваясь величаво,
Стоят деревья-сторожа,
Как богатырская застава
У боевого рубежа.

(1949)

412. ЗНАМЯ

Под гранитным сводом Мавзолея
Он лежит, безмолвен, недвижим.
А над миром, как заря алея,
Плещет знамя, поднятое им.

То оно огромное без меры,
То углом простого кумача
Обнимает шею пионера,
Маленького внука Ильича.

(1949)

413. ПРО ОДНОГО КРИТИКА

Он не хотел писать о детской книжке,
Взобравшись горделиво на Парнас,
Пока не услышал из уст сынишки:
«Как жаль, что нет Белинского у нас!
Прочел ли ты — хоть ради юбилея —
Статью о сказках деда Ириней?»

1949

414. НАЧИНАЮЩЕМУ ПОЭТУ

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал, тот не начинающий!

1949

415. ЗЕЛЕНАЯ СЕМЬЯ

..Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья...

Пушкин

Он любовался рощей молодою
И верил, что растущий этот лес
Былых знакомцев заслонит собою
И широко раскинет свой навес.

Мечта сменилась былью величавой.
От лукоморья, где качалась цепь,
Зеленая дубрава, как держава,
Идет войной на выжженную степь.

1949

416. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Нырлет месяц в облаках.
Пора ложиться спать.
Дитя качая на руках,
Поет тихонько мать:

«Уснули ласточки давно,
И люди спят в домах.
Луна глядит в твоё окно,
Нашла тебя впотьмах.

В саду деревья шелестят,
И говорят они:
«Скворчата спят, галчата спят,
И ты, малыш, усни!»

Усни, не бойся, — наша дверь
Закрыта на засов.
К нам не придет косматый зверь
Из сумрака лесов.

Не залетит орел сюда
С крутой своей скалы, —
Не вылетают из гнезда
В полночный час орлы.

Не смеет вражий самолет
Нарушить твой покой:
Ночное небо стережет
Надежный часовой.

Оберегают жизнь твою
И твой укромный дом
Твои друзья в любом краю, —
Их больше с каждым днем.

Они дорогу преградят
На всей земле войне.
Друзья надежные ребят
Живут в любой стране.

Усни, — соседи спят давно.
Глядит луна в твоё окно.
Спят под луной леса, поля.
Во сне рассвета ждет земля».

1950

417. БОМБЫ И БОМБОНЬЕРКИ

В Нью-Гавре
(Америка,
Коннектикут)
Висит объявление... О чем бы?

О том, что на фабрике выпуска ждут
Игрушечной атомной бомбы!

Румяный ребенок с папашей своим
Придет в магазин, и приказчик,
Сняя улыбкой, откроет пред ним
Наполненный бомбами ящик.

«Вам бомбочку нужно? Пожалуйста, сэр.
Швырните одну для проверки.
Вот мелкий, вот средний, вот крупный размер.
А это для них — бомбоньерки!»

Выходит малыш из стеклянных дверей
Еще веселей и румянее.
Спешит он домой, чтоб начать поскорей
Учебное бомбометание.

Для практики бомбу бросает дитя
В кота, петуха и наседку,
Потом в гувернантку швыряет шутя,
И в тетку, и в бабуку, и в деду!

Всерьез ли такую игрушкой бомбят
Иль только немного калечат —
Пока неизвестно. Но души ребят
Наверно она изувечит!

Убийцы, детей превращая в калек,
Дают им игрушечный «атом».
Но мирный, здоровый, простой человек
Защитником будет ребятам!

Намного сильнее он всех королей —
Железных, стальных или пушечных.
Так пусть же он землю избавит скорей
От бомб настоящих, а малых детей —
От самых зловредных: игрушечных!

1950

418. ГОЛЛИВУД И ГАЙАВАТА

Если спросите: откуда
Изгнан старый Гайавата?
Я скажу: из Голливуда,
Я отвечу вам: из Штатов.

Те, кто любит в день погожий
Слушать древние сказанья,
Спросят, может быть: за что же
Гайавате наказание?

Я отвечу им: Поквана —
Трубка Мира — виновата
В том, что вынужден с экрана
Удалиться Гайавата.

Вы узнаете, в чем дело,
Прочитав две-три цитаты
Из описанных Лонгфелло
Похождений Гайаваты:

«...Из долины Тавазэпта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От скалистых гор далеких,
От озер страны полночной
Все народы увидали
Отдаленный дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира...»

Голливуд, читая строки
Из народного сказанья,
Обнаружил в них намеки
На Стокгольмское воззванье.

Сразу отдал он команду:
«Чтоб спасти от бунта Штаты,
Прекратите пропаганду
Коммуниста Гайаваты!..»

1950

419. ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Давненько критика молчит
О нашей детской книжке.
«О детях, — критик говорит, —
Я знаю понаслышке.
Я, — говорит, — не педагог,
Детей я изучить не мог,
А мне нужна конкретность...»
С такого критика налог
Берите за бездетность!

1952

420. О ГВОЗДЯХ

Стремясь порядку научить людей,
Директор парка не щадил гвоздей,
Он прибывал к деревьям объявленья:
«Оберегайте лесонасажденья!»,
«Не рвать цветов!», «Запрещено курить!»,
«Не мять газонов!», «В парке не сорить!».

На всех стволах, куда ни кинешь взгляд,
Таблички аккуратные висят.
Взгляните на каштан или на бук вы, —
С каким искусством выведены буквы:
«Налево — душ!», «Направо — тир и клуб»...
Когда бы говорить умел ветвистый дуб,
Столетний дуб с табличкой «Детский сектор»,
Он заявил бы: «Милый мой директор,
Порой друзья опасней, чем враги.
Ты от себя меня обереги!»

Мы с вами книги детские видали,
Пробитые насквозь гвоздем морали.

От этих дидактических гвоздей
Нередко сохнут книжки для детей. . .

Мораль нужна, но прибивать не надо
Ее гвоздем к живым деревьям сада,
К живым страницам детских повестей.
Мораль нужна. Но — никаких гвоздей!

1952

421. РАСПРОДАЖА

В Лондоне была продана с аукци-
она переписка артистки Патрик Кэмп-
белл и Бернарда Шоу. Письма при-
обретены по телеграфу дельцом из
Нью-Йорка.

Сказать по правде, хорошо
Дельцы не знают, кем был
Покойный мистер Бернард Шоу
И кто такая Кэмпбелл.

И всё ж владелец кошелька,
Отнюдь не склонный к риску,
По телеграфу с молотка
Купил их переписку.

Вот молоток стучит о стол.
Растут на письма цены.
На сотни фунтов счет пошел. . .
«Кто больше, джентльмены?!»

Пока ведет над Темзой торг
Компания скупая,
Телеграфирует Нью-Йорк:
«Бернарда покупаю».

Побили янки англичан,
Почти удвоив цену.
И вот идет за океан
Посылка к бизнесмену.

И говорит своим друзьям
Владелец переписки:
«Вот эти письма сам Вильям
Шекспир писал артистке!»

«Шекспир?» — «Нет, впрочем, Шеридан...
Не помню точно, с кем был
Когда-то в Лондоне роман
У этой самой Кэмпбелл...»

Как жаль, что Шоу Джордж Бернارد
Не написал комедии
О том, как лондонский ломбард
Сбывал его наследие!

1952

422. ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ЮМОР

На 16-м ежегодном совещании
американской Ассоциации психологов
д(окто)р Гарвардского университета
Раймонд Бауэр заявил, что научно-
исследовательская работа по изуче-
нию советского юмора ныне засекре-
чена.

Из газет

В Америке юмор
Умер.
По юмору носят
Траур.
Об этом нечаянно свету
Сказал по секрету
Бауэр.

Сказал он коллегам, что где-то
В глубокой тиши факультетской
Психологи Нового Света
Исследуют юмор советский.

Но, в сущности, юмор не в этом,
А в том, что вести это дело
Под самым строжайшим секретом
Начальство ученым велело!

Не только ракеты и бомбы
Отныне секрет сокровенный,
Но даже и юмор под пломбой
Таится в отечестве Твена.

Секретно ученая каста
Готовит начальству анализ:
Над чем, почему и как часто
Советские люди смеялись?

Опасное юмор орудье!
Его не исследуешь лупой. . .
Смеются советские люди
Над всем, что бездарно и глупо.

1952

423. ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:

«Отстоим!»

А сверху «р» добавлено:

«Отстроим!»

1952

424. МОРЕ В СТЕПИ

Среди степей плывут суда,
Идут на север с грузом хлеба.
И степь, куда пришла вода,
Впервые отразила небо.

1952

425. КАНДИДАТЫ В КАНДИДАТЫ

Гораций с Овидием —
Двое приятелей —
Явились в президиум
Союза писателей. . .

Попали к швейцарше,
Потом к секретарше.
В тот день заседали
Все те, кто постарше.

И молвил в смущенье
Почтенный Гораций,
Его заявленье
Приводим мы вкратце:

«Страницы латыни
Давно уж не в моде,
Но можно их ныне
Читать в переводе.

Сказали в Гослите —
Стара наша муза.
Однако примите
Нас в члены Союза.

А если нас в члены
Принять рановато,
Мы просим смиренно
Принять в кандидаты.

Хоть мы староваты,
Но думаем всё же,
Что есть кандидаты
Немногим моложе!»

1953

426. КАРЛ И КАРЛИК

Муниципалитет города Аахена
присудил Аденауэру Международную
премию мира имени Карла Великого.

Из газет

Удивился Карл Великий:
«Из газет я узнаю,
Что кому-то в боннской клике
Дали премию мою.

Был главой я полумира,
Рим склонился предо мной.
Но отнюдь не делом мира
Был я занят, а войной.

Многих жен одел я в траур,
Много крови пролил встарь...
Кто же этот Аденауэр?»
— «Боннский канцлер, государь!»

«Что ж, он впрямь стоит на вахте
Дела мира?» — «Нет, ничуть.
Он печется о вермахте
И к войне готовит путь».

«Почему ж он премирован?»
— «Потому, что слово «мир»
Быть должно ему покровом,
Маскирующим мундир».

«Нет, таким лукавым крысам
Я дипломов не даю.
Пусть пометит Карлом Лысым
Эту премию свою!»

1954

427. ДОМ НА СЛОМ

По сообщениям печати, дом на
5-й авеню в Нью-Йорке, в котором
с 1904 по 1908 год жил и работал
Марк Твен, будет вскоре разрушен.
На его месте намечено постронть до-
ходное здание.

Здесь — между этих старых стен —
В начале века жил Марк Твен.

Хоть в старом доме всё мертво,
Он помнит до сих пор
Жильца седого своего,
Его колючий взор.

Но вот теперь отдать на слом
Решил делец богатый
Столетний дом, где за столом
Работал Твен когда-то.

Дикарь-делец решил снести
Жилье до основания,
А на участке возвести
Рентабельное зданье.

«Но в этом доме жил Марк Твен!»
— «Ах, так? — ответил бизнесмен. —
Я справлюсь у Маккарти,
Не состоял ли мистер Твен
В одной из крайних партий. . .

Тогда не только этот дом —
Мы самого его несем!»

1954

428. НОВАЯ СКАЗОЧКА ПРО ДЕДКУ И РЕПКУ

Посадил дедка репку,
Стал дожидаться урожая,
Выросла репка большая-пребольшая!
Дедка — за репку,
Тянет-потянет,
Вытянуть не может.

Поклонился дед райисполкому.
Поклонился агроному
Областному.
Помощи ждет от них старый,
А они ему — циркуляры:

«Вся ль у вас отчетность в порядке?
Учтены ли за последний год осадки?
Из какого расчета с гектара
Есть на месте у вас «репкотара»? . .»

Начинает дед писать ответы
На запросы, циркуляры и анкеты.
Пишет-пишет, дописать не может,
Вычитает, складывает, множит.

Помогают дедке бабка, внучка,
Помогают кошка, мышка, Жучка:
Бабка с дедкой роются в отчетах,
Жучка с внучкой щелкают на счетах,

Кошка с мышкой извлекают корни,
Ну а репка с каждым днем упорней,
Не сдается, держится крепко...
Уж такая уродилась репка!

Цифры-то у деда в порядке,
Только репка до сих пор на грядке!

1954

429. КРАСНЫЕ ЧЕРНИЛА

Как сообщила таиландская газета «Лакмыэн», в Таиланде запрещено пользоваться красными чернилами.

На днях властями Таиланда
Дана чиновникам команда:
Немедля наложить запрет
Во всей стране на красный цвет.

Отныне красные чернила
Запрещены ученику.
Во всех газетах отменило
Начальство красную строку.

Запрещены, как пропаганда,
На грядках красные цветы.
Не смеют девы Таиланда
Губной помадой красить рты.

Автомобилям и вагонам
Грозит авария с тех пор,
Как стал светить огнем зеленым
Без перемены светофор.

И солнца красного сиянье
В рассветный час запрещено —
Велит начальство плотной тканью
Завесить каждое окно.

Грозят приказы карой грозной.
Но как ты солнца ни тай,
А всё же — рано или поздно —
Оно взойдет и над Тан!

1954

430. МЕРЫ ВЕСА

Писательский вес по машинкам
Они измеряли в беседе:
Гений — на «ЗИЛе» длинном,
Просто талант — на «Победе».

А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич».
Или ходит пешком. Как Чехов.

1954

431. СИМЕОНЫ БЕЗ КОРОНЫ

Гостит в Мадриде Симеон —
Без отчества, фамилии,
Но Симеона почтальон
Отыщет без усилия.

Не нужно для таких персон
Фамилии и отчества.
Ведь он — не просто Симеон,
А бывшее «высочество»!

В Мадрид приехав, Симеон
Сказал корреспондентам,
Что он себя на царский трон
Считает претендентом.

Что по рождению своему
Он бывший принц болгарский
И очень хочется ему
Присвоить титул царский.

«По Сеньке шапка», — говорят,
Но в лавках шапочных навряд
Отыщется корона
Для принца Симеона.

На свете принцев — что котят —
Несметное количество!
И все «высочества» хотят
Пробраться в «их величества».

Для этих принцев и принцесс,
Напрасно ждущих царства,
Холодный душ или компресс —
Отличное лекарство!

1955

432. СЕМЬ ЛЕТ

Семь лет. Так много для меня!
Так мало для страны!
Не тратя понапрасну дня,
Прожить их мы должны.

Как знать, увижу ль я когда
Великий сбор плодов.
Но годы моего труда
Вольются в семь годов.

1956

433. ЧЕМОДАН

Прекрасный новый чемодан
С двумя блестящими замками
Перевидал немало стран
И весь обклеен ярлыками.

А надписи на ярлыках —
На всевозможных языках.

Ну что ж, поверим чемодану,
Что он объехал целый мир,
Видал Бомбей, Багдад, Лозанну,
Париж, Венецию, Каир,
Видал Помпею, Геркуланум. . .

И всё ж остался чемоданом!

1956

434. ПЕСНЯ О ДВУХ ЛАДОНЯХ

Одной ладонью в ладоши
не ударишь.

Узбекская поговорка

В ладоши
Ладонью одной
Не ударишь.
Дорог в дороге
Друг и товарищ.

Две неразлучных струны
У дутара.
В дружбе живет
Их счастливая пара.

Строчка
В стихах
Не живет
Одиночкой.
Дружно рифмуются
Строчка со строчкой.

С другом вдвоем
Не устанешь от ноши.
В лад ударяют
Под песню
В ладоши.

В лад
Ударяет
Ладонь о ладонь.
Сталь и кремь
Высекают огонь.

1957

485. РАЗГОВОР С ВНУКОМ

Позвал я внука со двора
К открытому окну.
«Во что идет у вас игра?
— «В подводную войну!»

«В войну? К чему тебе война?
Послушай, командир:
Война народам не нужна.
Играйте лучше в мир».

Ушел он, выслушав совет.
Потом пришел опять
И тихо спрашивает: «Дед,
А как же в мир играть? . . .»

Ловя известья, что с утра
Передавал эфир,
Я думал: перестать пора
Играть с войной, чтоб детвора
Играть училась в мир!

1957

435. СПОР О МАРКЕ

По случаю юбилея Роберта Бернса шотландцы-депутаты предложили выпустить марку с его портретом. Предложение было отвергнуто министром почт на том основании, что на марках до сих пор печатались только портреты королей и королев.

Из газет

Спор идет в Палате жаркий
У шотландцев с Кабинетом.
Спор идет у них о марке
С круглой датой и портретом.

Кто же будет на портрете?
Высочайшая особа?
Нет, прославят марки эти
Бернса Роба, хлебороба.

Говорят министры в гнев:
«Вам бы помнить надлежало,
Что доньше королеве
Эта честь принадлежала!»

Но звучит ответ суровый:
«Короли у нас бывали,
Ну, а Роберта Второго
Вы отыщете едва ли!»

1958

437. ПЕРЕВОДЧНКУ

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

1958

О, наши редакторы строчек и строф,
Хоть в вашей семье многовато
Сухих контролеров и кондукторов —
Но где же вагоновожатый?

1958 (?)

439. ВОЗДУШНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Есть детская кроватка
На самолете «ТУ».
Как дома, спят в ней сладко
Ребята на лету.

И мы пробили с вами
Немало туч насквозь,
Но спать над облаками
Нам в детстве не пришлось.

1959

440

Преодолев столетий косность,
Мы покорили целину
И в целину другую — в космос —
Взметнули новую луну.

С тех пор как спутник из металла
Кругом обходит шар земной,
Никто не скажет, как бывало:
«Ничто не ново под луной!»

1959

441

На свете жил вагон моторный,
Могучий, подвижной, проворный,
Но был тянуть он принужден
Вслед за собою непокорный
И грузный прицепной вагон.

Легко вагону прицепному.
Катился он, не тратя сил,
В горах противился подъему,
На спусках тяжестью давил.

А так как был вагон моторный
Вынослив, прочен и силен,
Решили люди, что, бесспорно,
Три прицепных потянет он.

Три прицепных бежали слепо
Вперед по ровному пути,
Но неуклюжие прицепы
Боялись под гору идти.

И вот, съезжая с кручи горной,
Вагоны в озеро — бултых...
Так и погиб вагон моторный
Из-за вагонов прицепных.

Подчас подобное явление
Мы наблюдаем в учрежденье:
Моторный гибнет оттого,
Что семь прицепов у него.

Начало 1960-х годов

442

С презреньем cedите вы: «Плебс!»
Но этот плебс
Дает вам хлеб-с!

Начало 1960-х годов

443

Над страницами романа
Не задумался Толстой:
Кто тут — Вронский или Анна —
Положительный герой?

Начало 1960-х годов

407

Если бы каждый, кто чем-то заведует,
 Взял да подумал толково, как следует,
 Задал себе совершенно всерьез
 Краткий вопрос:
 — В сущности, ведаю я иль не ведаю,
 Чем я на этой планете заведую?

Скажем, заведую сотнею школ,
 Шумных, как ульи встревоженных пчел.
 Школы как школы: девчонки, мальчишки,
 Классы, уроки, тетрадки и книжки.
 Ясно как будто. Да нет, не вполне.
 Тысячи жизней доверены мне,
 Землю и небо готовых исследовать —
 Дело нелегкое ими заведовать!

Или веленьем судьбы непостижимым
 Призван я ведать издательством книжным.
 Нет, не бумагой, не шрифтом свинцовым,
 Не переплетным картоном, а Словом.
 Призван я править, как маг, чародей,
 Мыслями, чувствами зрелых людей
 И молодых, что должны нам наследовать.
 Дело нелегкое — Словом заведовать.

Или, положим, заведую банею.
 Всем ли по силам такое задание?
 Надо, чтоб радостью баня была,
 Кровь оживляла, бодрила тела,
 Надо, чтоб душем, и жаром, и паром
 Дух обновляла усталым и старым,
 Чтобы опрятность могла проповедовать.
 Дело нелегкое — баней заведовать!

Начало 1960-х годов

445. О ПОДХАЛИМАХ-ХАМЕЛЕОНАХ

1

Хамелеон неуловим:
Порхая по верхам,
Перед одним
Он — подхалим,
Перед другими —
Хам.

2

В подхалимаже подхалим
Себе не признается,
И если крикнешь: «Подхалим!» —
Никто не отзовется.

3

У любого подхалима
Ты найдешь под-подхалима,

У того под-подхалима
Встретишь под-под-подхалима,

Так они неисчислимы —
Разных рангов подхалимы!

4

Если слышишь славословье,
Наперед уверен будь,
Что оно лишь предисловье,
Предваряющее суть.

Бойся лести, словно яда,
И льстецу задай вопрос:
«Вам чего, мерзавец, надо:
Денег? Водки?
Папирос? ..»

1962

Говорила мышка мышке:
«До чего люблю я книжки!
Не могу я их прочесть,
Но зато могу их съесть».

1963

447. О СВИНСТВЕ

Свиньи, склонные к бесчинству,
На земле, конечно, есть.
Но уверен я, что свинству
Человечества не съесть.

1963

1908—1918

448. ЖАЛОБА

О, как терплю я от жестокой моды
На переводы!..

Жена
Переводит «Нана»,

Вера —
Бодлера,

Лена —
Верлена,

Маленькая Зинка —
Метерлинка,

А старая мамаша —
Шолома Аша.

1908

449. О ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Сыновья Толстого
Продают именьё, —
Не суди сурово,
Не бросай камня.
Сыновьям Толстого
Много денег надо:
Рода ведь какого,
Рода и уклада!

Ясную Поляну
Мы б у них купили,
Да не по карману,
Много запросили!
Пусть же купят янки
Нашу драгоценность,
Славные останки —
Всё же это бренность.

Мы Толстого чтили,
Не боясь эффектов.
Память мы почтили,
Не боясь префектов...
Все мы на досуге
Говорим на темы
О его супруге
И о дочке... Все мы!

Пусть же купят янки
Ясную Поляну...
Мало денег в банке,
Нам не по карману!
Нам литература
Без того расходец:
Строгая цензура —
Дорогой народец.

Январь 1911

450. К ПРИЕЗДУ ГОСТЕЙ

Кабы нынче снег да сани:
Приезжают англичане,
Их бы думский голова
Прокатил на Острова.
Кабы горы ледяные,
Кабы санки расписные, —
Было б множество затей
Для почтенных для гостей!

Всё им прочее знакомо.
Им туман наскучил дома:
Альбион — туманный край. . .
Дома есть у них трамвай,
Есть мосты и мостовые,
Телефон, городовые,
Каланчи и фонари
(Даже больше раза в три).
Бойни есть. Водоснабженье.
Городское управленье.
Но сошелся клином свет:
Стародумцев только нет.
Есть подобие управы,
Но совсем иные нравы,
И Медведевых у них
Нет в управе никаких. . .
Очень странная управа,
Удивительная, право.

Есть там в Англии лорд-мэр —
Глазунову не в пример:
Никогда не ест севрюги.
Только ростбиф жарят слуги,
И не надо никому
Из-за ростбифа — в тюрьму.
А у нас: поешь севрюги —
И пойдут потом недуги. . .
Впрочем, лондонский лорд-мэр —
Православным не пример!

Так же есть у них парламент,
Но прочней его фундамент.

И ни разу без дровец
Не был думский их дворец. . .
Депутаты не боятся
Населенью показаться,
И не держит там Совет
Их проекты тридцать лет.
В общем, жить довольно скучно.
Жизнь проходит однозвучно.
Пуришкевич их одет
Вечно в смокинг и жилет,
Выражается прилично,
Хоть не столь уж лаконично,
И не прошен на крыльцо
За отборное словцо.
Впрочем, что нам их парламент!
Что для немца медикамент,
То для русских суший яд.
Будем жить на прежний лад!

Англичанам мы покажем,
Вместе с северным пейзажем,
С гордым видом на Неву,
С общим взглядом на Москву,
То, что выдумал народный
Хитрый гений: хлеб голодный.
Не в последний недород
Изобрел его народ.
Гость его не кушал дома.
Тут кора, тут и солома. . .

Декабрь 1911

451. МАСЛЕНИЦА

1

Который раз едим блины?
И кто блинов не ест?
А всё ж обычай старины
Вовек не надоест!

Мораль менялась много раз,
Менялся быт и строй,
А блин по-прежнему у нас —
И с маслом, и с икрой.

Как совместить наш нервный дух,
Наш безнадежный сплин
С тобою, добрый, верный друг,
О масленичный блин? ..

8

В столице — трамваи, моторы,
И вейкам приходит конец. . .
И только окраин просторы
Лихой огласит бубенец.

Там царство причудливых веек,
Невинных снегов пелена. . .
И скромные «рыцать копеек» —
Любезная вейкам цена.

Сажусь в быстролетные санки,
Чухонку сгоняю с пути.
Чухонки — они не испанки!
И по снегу могут пройти!

Мой вейка — нахмуренный дедка,
Беззубый, но крепкий на вид.
Его коренастая шведка
Исправно и бодро бежит.

Звонит колокольцами бойко,
Но робко воротит назад,
Когда налетевшая тройка
Нежданно ударит в набат!

Февраль 1912

ПЕТР

Вот черный памятник Петра,
Кем древле город был основан.
Под ним едва ли не вчера
Гранитный камень отшлифован...
Решетка сделана вокруг —
Разбегу мощному граница...
Куда ты скачешь, милый друг?
Здесь не деревня, а столица!
Когда иной провинциал
Являлся в город наш, бывало, —
Он монумент обозревал
Немедля, только что с вокзала.
И строфы пушкинских поэм
Произносил «красноречиво»,
И восхищался... А затем
Ходил смотреть другие дива...
Провинциальный, жадный взор
Нева свободная пленяла,
И гордый конь — во весь опор,
И мшистый камень пьедестала!..
Но огражден со всех сторон
Теперь решеткой Всадник Медный.
И от Невы он отделен,
И от столицы... Бедный, бедный!
Зато коллежский секретарь
Или коллежский регистратор
Не подбежит, как было встарь,
К тебе вплотную, Император.
Не погрозит тебе за то,
Что залит город твой потопом...
И не поскачешь ни за что
Ты по стопам его галопом!
Вот для чего со всех боков
Замкнула памятник ограда —
Последний щедрый дар сынов
Тобой основанного града...

Февраль 1912

453. МУРАВЕЙ И СТРЕКОЗА

(Басня)

Работяга-муравей
Вечность целую трудился,
Но под старость убедился,
Что прожить нельзя скучней!

Оживилось чисто поле.
Все резвятся, все — на воле.
Попрыгунья-егоза,
Скачет-пляшет стрекоза. . .

Муравей один тоскует,
Дряхлость старческую чует,
И, печалью удручен,
К стрекозе плетется он.

«Не оставь, кума родная!
Жил я, радости не зная,
И вдали от резвых нег
Муравьиный прожил век.

Я не знал увеселений.
Ни в одно из воскресений
Не ходил я на балет. . .
И до самых дряхлых лет
Не кутил, не напивался
И любви не добивался. . .

А теперь вот — жизнь умчалась,
Прежних сил не оказалось,
В бакенбардах — серебро,
Нет зубов. А бес — в ребро!

Научи меня резвиться!
Пожалей меня, девица!
На заре печальных дней
Нежной страстью отогрей!

От труда засохло тело.
В сердце пламени — ни-ни!»
Стрекоза ему пропела:
«Ты трудился? Это дело.
Так поди же отдохни! . . .»

Март 1912

454. ЭДИИ, РАЗРЕШИ...

Кто знает, о чем думает знаменитый писатель, уплывая иногда, совершенно один, в открытое море.

Из одной книги о Л. Андрееве

Кто знает, сколько вдохновений
Кипит в великой голове,
Когда идет купаться гений
В легчайших туфлях по траве!
Что так горит в тревожном зоре
И в лихорадочном мозгу,
Когда вдали он видит море
И будок ряд на берегу?
Какие творческие мысли
Его объяли в тишине —
В тот самый миг, когда повисли
Его одежды на стене?
Какой вопрос его волнует,
Когда он, скинув сапоги,
Морскую влагу испытует
Пытливым кончиком ноги?
В каких мечтах закрыл он уши
И собирается нырнуть? . . .
Иль от поклонника-кликуши,
Быть может, вздумал улизнуть? . . .

Апрель 1912

455. БОСОНОЖКИ

Потянулись босоножки
В наш туманный Петроград.
Пятки босы, как ладошки. . .
Легкий греческий наряд. . .

Нет стеснительных застежек,
Легким ножкам — нет препон...
Черных ножек, белых ножек
К нам несется легион!

Как эстет и как художник,
Я хвалю такой прогресс...
Но клянусь, будь я сапожник,
Я на стенку бы полез!

Босоножек стало много.
Но скажите: отчего
Нет на сцене «босонога»
До сих пор ни одного?

Покорясь несчастной доле,
Без путей и без дорог —
На Горячем вольном Поле
Приютится «босоног»...

Июль 1912

456. ОСВОБОДИТЕЛИ ИСКУССТВА

Формы, линии... освобождаются от
науки, анатомии, перспективы и природы.

Новейший художественный «манифест»

Их девиз: натура — дура!
И культура — тоже дура.
Им природа не нужна.
Лишь свобода быть должна!

Анатомия — в отставку!
Перспектива — на покой.
Освещение — марш под лавку.
Формы, линии — долой!
Кисти, краски... Ну их к шуту...
Позабудем карандаш.
И в счастливую минуту
Уничтожим Эрмитаж!

Древний грек не ведал чувства
И не мыслил глубоко.
Оттого его искусство
Так прекрасно и легко!..
Как ликующее стадо,
Заживем мы без забот —
И тогда у нас Эллада
В полном блеске расцветет!

Июль 1912

457. ГОРОДСКАЯ ЕЛКА

(Идиллия)

1

Приобрели ее не сразу
В окрестностях Сенной.
Угрюмый дворник по приказу
Принес ее домой.

По черной лестнице доставил
В квартиру номер два
И в угол сумрачный поставил:
Торчи до рождества.

2

Под праздник в кухне было жарко,
Царила кутерьма.
Там гуся жарила кухарка
И жарилась сама.

Томила елка безотрадно
В забвенье и пыли,
Пока с почетом в зал парадный
Ее не понесли.

Изгнав детей немилосердно
(И двери на запор!),
Папаша вешать стал усердно
На елку разный вздор.

«Чемодано»-паденьем? Напором штыков?
Иль постройкой траншейно-блиндажных туннелей?
Иль наступ-отступленьем германских полков?
Или тем, что с французом идет англичанин
На германо-австрийца и борется серб?
Или тем, что поэзо-поэт Северянин
Озарил и прославил отечества герб?
Громче всех барабанов в авангарде германском —
Слышен в Риме... в Стокгольме... до полярных
широт —

Славит он апанасы, ананасы в шампанском,
Ананасы, бананы, бананасы поет!
Апанасы вкрутую, в мешочек и всмятку,
Ананасы в мундире, ананасы — в пюре,
Ананасы под хреном, ананасы внакладку,
Ананасы в бутылке, ананасы в ведре...
Он не ел ананасов, но видал на картинах...
Неизвестен в России этот редкостный плод.
Футурист в ананасах, как иной в апельсинах,
Разбирается туго, — уверяет народ...

Февраль 1915

459. MEMENTO! ¹

к новому году

Бой часов — как гул набата.
Указав куда-то ввысь,
Обе стрелки циферблата
Знаменательно слились.

Пейте! .. Год тяжелый прожит,
И за чашей круговой
Вновь грядущее тревожит
Нас загадкой роковой.

Всем явлениям жизни нашей
Время краткое дано...
Только миг, сверкая в чаше,
Буйно пенится вино.

---

¹ Помни! (лат.). — *Ред.*

Долго неся гром сражений,
Но и он умолк вдали.
Тот, кто был других надменной,
Пресмыкается в пыли.

Потеряв свои короны,
Перья в битвах растрепав,
Бродят мрачные вороны
Вместо прежних гордых пав.

Сколько было суеверья
И тщеславной суеты
В дни, когда чужие перья
Украшали их хвосты.

Пусть же помнят забияки,
Что — увы — *poblesse oblige*,¹
И легко при первой драке
Потерять былой престиж.

Рок дарит успех мгновенный.
Всё растает, всё пройдет.
Стрелки жизни неизменный
Совершают оборот.

И сейчас под гул набата,
Указав куда-то ввысь,
Обе стрелки циферблата
Знаменательно слились...

Декабрь 1918

---

¹ Благородство обязывает (франц.). — *Ред.*

**Ш У Т О Ч Н Ы Е
С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я**

1920—1962

460. (Н. М. ОЛЕЙНИКОВУ)

Берегись
Николая
Олейникова,
Чей девиз —
Никогда
Не жалеи никого.

1920-е годы

461. (Р. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ)

Дана расписка
В том, что Раиска,
Родионова дочь,
Провела со мной ночь.

Но чиста ее совесть:
Она правила повесть.

Ушла в семь с половиной
Совершенно невинной.

1934 (?)

462. (М. Ф. ГНЕСИНУ)

Вы дожили, Гнесин,
До этого дня
И просите песен.
Их нет у меня.¹

1945

463. ИСТОРИКУ-ПОЭТУ

(К 75-летию Е. В. Тарле)

Не только тем прославлен Тарле,
Что о Людовике и Карле
Нам рассказать умеет он,
Но объяснил его анализ,
Как от Фуше родился Даллес,
Как Талейраны вырождались —
И получился Ачесон.

Так, изучая время оно,
Бурбона и Наполеона,
Он показал и доказал,
Что всех бурбонов Вашингтона
Ждет неминуемый провал.

И если спросите вы, стар ли
Евгений Викторович Тарле,
Любой студент ответит: «Нет,
Он — сверстник нашей молодежи,
И многих юношей моложе
Живой истории поэт».

9 ноября 1950

---

¹ Вариант: «Их есть у меня».

464. (Н. М. ГАЛЬПЕРИНОЙ)

Как прежде, я Надежде верен,
Не меньше верен, чем Илья —
Илья Романович Гальперин,
Надеждой выбранный в мужья.

Ну что ж, пускай Илья Гальперин
Надеждой избран, а не я, —
Стреляться с ним я не намерен:
Священна для меня семья.

В своих надеждах я умерен.
Питать Надежду должен он —
Илья Романович Гальперин,
Как обязал его закон.

Мне никогда не льстит Надежда,
И безнадежен мой роман,
Поскольку я — профан, невежда,
А он — профессор, экс-декан.

Но всё же пламенно, как прежде,
Я обращаюсь вновь и вновь
К моей единственной Надежде,
Уж не надеясь на любовь.

(1955)

465. (И. И. ХАЛТУРИНУ)

Вам сочинения Шекспира
Дарю в залог любви моей.
Пусть непохожи Вы на Лира
За неимением дочерей,

Пусть на Отелло непохожи —
Не задушили Вы жены.
Притом Отелло — чернокожий,
А Вы нисколько не черны,

Пусть на Ромео непохожи,
Поскольку думают, что он
Стройней, прекрасней и моложе
Да и в Уланову влюблен,

Пусть Вы не принц, не Гамлет Датский
(Теперь не гамлетовский век!), —
Зато Вы мой приятель вятский
И очень милый человек!

15 апреля 1955

466. (Л. И. ТОЛСТОЙ)

(Надпись на книге переводов из Шекспира)

«Правда неразлучна с красотой», —
Скажешь, эту книжечку листая.
Не любил Шекспира Л. Толстой,
Но, быть может, любит Л. Толстая!

1955

467. (А. И. ЛЮБАРСКОЙ)

(Надпись на книжке «От А до Я»)

Что такое «От А до Я»?
Александра Любарская.

14 октября 1957

468. ПОСЛАНИЕ

**СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТНЕМУ К. И. ЧУКОВСКОМУ
ОТ СЕМИДЕСЯТИЛЕТНЕГО С. МАРШАКА**

Корней Иванович Чуковский,
Прими привет мой маршаковский!

Пять лет, шесть месяцев, три дня
Ты прожил в мире без меня,
А целых семь десятилетий
Мы вместе прожили на свете.

Я в первый раз тебя узнал,
Какой-то прочитав журнал
На берегу столицы невской.
Писал в то время Скабичевский,
Почтенный, скучный, с бородой.
И вдруг явился молодой,
Веселый, буйный, дерзкий критик, —
Не прогрессивный паралитик,
Что душит грудой цитат,
Загромождающих трактат,
Не плоских истин проповедник,
А умный, острый собеседник,
Который, книгу разобрав,
Подчас бывает и неправ,
Зато высказывает мысли,
Что не засохли, не прокисли.
Лукавый, ласковый и злой,
Одних колот ты похвалой,
Другим готовил хлесткой бранью
Дорогу к новому изданию.
Ты строго Чарскую судил.
Но вот родился «Крокодил»,
Задорный, шумный, энергичный, —
Не фрукт изнеженный, тепличный, —
И этот лютый крокодил
Всех ангелочков проглотил
В библиотеке детской нашей,
Где часто пахло манной кашей.

Привет мой дружеский прими!
Со всеми нашими детьми
Я кланяюсь тому, чья лира
Воспела звучно Мойдодыра.
С тобой справляют юбилей
И Айболит, и Бармалей,
И очень бойкая старуха
Под кличкой «Муха-Цокотуха».

Пусть пригласительный билет
Тебе начислил много лет,
Но, поздравляя с годовщиной,

Не семь десятков с половиной
Тебе я дал бы, друг старинный.
Могу я дать тебе — прости! —
От двух, примерно, до пяти. . .

Итак, будь счастлив и расти!

24 октября 1957

469. (Т. Г. ГАББЕ)

(Надпись на книге «Сказки, песни, загадки»)

«Сказки, песни и загадки»
Удивить не могут Вас.
В этой книге опечатки
Вы видали много раз.

Но смотрите — в кон веки
Ваш стареющий поэт
В «Золотой библиотеке»
Появляется на свет.

Разукрашен он по-царски,
И такой ему почет,
Будто он соперник Чарской,
Желиховской и Олькотт.

16 декабря 1957

470. (Б. Е. ГАЛАНОВУ)

*(Надпись на книге «Сказки, песни, загадки»
в издании «Золотой библиотеки»)*

Милый критик, дружбы ради,
Вы примите новый том
В пышном, праздничном наряде,
В переплете золотом.

Этим прочным, толстым томом
Вы могли бы в поздний час
Размозжить башку знакомым,
Засидевшимся у Вас.

Верьте, том тяжеловесный
Их убьет наверняка,
Но убитым будет лестно
Пасть от лиры Маршака!

1957

471. К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Я не молод, — по портрету ж
Я сошел бы за юнца.
Вот пример, как может ретушь
Изменять черты лица.

1957

472. ТЕАТРУ КУКОЛ С. В. ОБРАЗЦОВА

Театров много есть в Москве
Для взрослых и юнцов,
Но лучший — тот, где во главе
Товарищ Образцов.

Неприхотлив актерский штат.
Сундук — его приют.
Актеры эти не едят,
А главное — не пьют!

1957

473. ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Жил на свете Маршак Самунл.
Он курил, и курил, и курил.
Всё курил и курил он табак.
Так и умер писатель Маршак.

1957 (?)

474. ИЗДАТЕЛЮ

Надпись на книге переводов

Хоть есть различная расценка
На свой и переводный стих,
Стихи Шекспира и Шевченко
Порой трудней стихов своих.

Мой друг! Поэзия народов
Не терпит скучных переводов.
Платите лишних пять рублей —
Пусть переводят веселей.

Апрель 1959

475. (Е. И. ЧАРУШИНУ)

Закону времени послушен,
Он стал маститым и седым.
Но все мы знаем, что Чарушин
В душе остался молодым.

Не стал к искусству равнодушен
И сохранил свой зоркий взгляд,
И так же чуток наш Чарушин,
Как тридцать лет тому назад.

Давно уж выросли зверята —
Его «Волчишко» например.
Слепым щенком он был когда-то,
А нынче волк-пенсионер.

А тот, кто был когда-то киской,
Бенгальским тигром стал давно,
И подходить, как прежде, близко
К нему теперь запрещено.

Но нестареющий Евгений —
Счастливой юности поэт —
Рисует тигров, львов, оленей,
Тюленей новых поколений
Еще прекрасней, совершенней,
Чем были звери прежних лет.

Сегодня чествуя Евгения
Заочно — в солнечном Крыму, —
Я шлю привет и поздравления
На Север другу моему.

Я подниму бокал заздравный
За всех знакомых и друзей,
Что собрались на этот славный
И дорогой нам юбилей!

1961

476. (К. И. ЧУКОВСКОМУ)

Вижу: Чуковского мне не догнать.
Пусть небеса нас рассудят!
Было Чуковскому семьдесят пять,
Скоро мне столько же будет.
Глядь, от меня ускакал он опять,
Снова готов к юбилею...
Ежели стукнет мне тысяча пять,
Тысяча десять — Корнею!

Между 1959 и 1962

477. (К. И. ЧУКОВСКОМУ)

Мой старый, добрый друг Корней
Иванович Чуковский!
Хоть стал ты чуточку белей,
Тебя не старит юбилей:
Я ни одной черты твоей
Не знаю стариковской.

Таким же будешь ты и впредь.
Да разве может постареть
Веселый бард, чья лира
Воспела Мойдодыра.

Тебя терзали много лет
Сухой педолог-буквояд
И буквояд-некрасовед,

Считавший, что науки
Не может быть без скуки.

Кошечки эти и меня
Терзали и тревожили,
И всё ж до нынешнего дня
С тобой мы оба дожили.

Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя — дети!

1962

Улица Грановского

478—479. О ЮБИЛЕЕ

1

Нелегко человеку быть старым,
Но приятно быть юбиляром,
Потому что в твой юбилей
Ты становишься людям милей
И от критика самого злого
Не услышишь худого слова.
Только празднуйте семьдесят лет,
Когда вам тридцати еще нет.
Нужно много сил и здоровья,
Чтобы выслушать все славословья,
Чтобы выпить до капли елей,
Причитающийся в юбилей.

2

Достоин чести юбиляр,
Но, к сожаленью, слишком стар.
Едва сидит он в кресле жестком.

Он мог гораздо веселей
Авансом справить юбилей,
Покуда был еще подростком.

1962

480. ТРЕМ БОГАТЫРЯМ СО ЧЕТВЕРТЫМ

Как в большом селе — славном Парголове,
 В той ли деревне Старожиловке
 У старого боярина Володимира
 Растворились ворота тесовые
 Перед гостями, перед великими. . .
 Гой вы, гости, гости славные,
 Мы давно о вас вести слышали!
 То не бор шумит и не гром гремит
 В бурю грозную, в полночь темную.
 Это голос Федора Великого —
 Славного богатыря Ивановича.
 Горы с трепетом содрогаются,
 Темны лесушки приклоняются,
 И что есть людей, все мертвы лежат.
 Так запой же нам мощным голосом,
 Загреми, как гром, — мы слушаем,
 Задрожим, как лист в бурю по ветру,
 Припадем к земле и поклонимся
 Первому богатырю — Илье Репину,
 Еще второму — Максиму Горькому,
 Третьсму богатырю — Федору Великому.

Слава!

Уж кончали мы песню звонкую,
 Песню звонкую — богатырскую,
 Увидали: пыль, будто столб, летит,
 Быстрый конь бежит, и земля дрожит, —
 Это мчится он с гулким топотом,
 Это брат меньшей, богатырь большой
 Александр свет Константинович!

Слава!

22 августа 1904

Я пришел на мост на Крюков
 И, заплакав и захрюкав,
 Бухнул в воду головой. . .

Но, по счастью, мост был светел,
И с угла меня заметил
Постовой городской...
Но когда пришел в квартал
Околодочный суровый,
Имя Фенички Петровой
Труп несчастный прошептал.
Отзвонили, схоронили
И слезы не проронили.
Так на Крюковом канале
Человека dokonали.

(Февраль 1908)

**482. ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ
ОЛЬГЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ФЕДОРЧЕНКО**

Николаевский военный госпиталь
5-е отделение
Два часа ночи 12-го января

Бессонница...
Голова не клонится.
Пишу Ольге Владимировне Федорченко.
Спит больница,
А мне не спится.
Пишу Ольге Владимировне Федорченко.

Один в палате
В дневном халате
Пишу у окна при свете свечки.
В моей палате
Две кровати.
Пишу у окна при свете свечки.

Столик между кроватями.
Подоконник мог бы служить полатями.
Пишу моей милой приятельнице у этого самого
подоконника.
В комнате не имеется ни стула —
Другая на моем месте стоя бы заснула (!)
Пишу моей милой приятельнице у этого самого
подоконника (!)

Ничего мне ли,
Что меня не вспомнили,
Что меня не вспомнили ни разу?
Предсказанье сбывается:
Всё забывается,
И меня не вспомнили ни разу.

Чтоб немного развлечься —
Надо бы улечься,
Но лучше Вам пейзаж нарисую.
За окнами — пространство,
Снежное убранство,
Но лучше Вам пейзаж нарисую.

Фонари светят.
Если погаснут, часовые ответят.
Фонари светят очень, очень ярко.
Совсем темно направо
(На основании устава).
Фонари светят очень, очень ярко (?!)

Вы спите. Вам снится
Юг, Ницца...
Быть может, еще что-нибудь или кто-нибудь.
А в моих мыслях — Вы, спящая,
Прежняя и настоящая...
Быть может, еще что-нибудь или кто-нибудь...

Это повторенье
Вас введет в заблужденье,
Но это попросту моя новая манера...
Спит больница.
А мне не спится...
Но это попросту моя новая манера.

Вашу ручку целую,
Одну и другую,
И всё мне мало, человеку ненасытному.
В глаза Вам заглядываю,
Что-то по глазам загадываю,
И всё мне мало, человеку ненасытному.

Спрошу в заключение...
(Я попал в заключение,
И поэтому мне многое прощается!)
Какие мы знакомые?
Весомые или невесомые,
Далекие или близкие?
(Кладу поклоны низкие,
И поэтому мне многое прощается!)
1909

483. НА ВЕРБЛЮДЕ
(РЕХОГОТ—ЭКРОН)

Когда верблюд, качаясь, нес
Тебя песчаною дорогой,
И ты на скат и на откос
Смотрела издали с тревогой;

Сверкал песок и солнце жгло,
И только небо ликовало,
А неуклюжее седло
Тебя толкало и бросало.

И был в глазах твоих туман,
И ты ждала: вот-вот и сбросит, —
Казалось, яростный шайтан
В пустыню пленницу уносит.

На тощий горб ее взвалив,
Шагает он в песчаном море,
А там — стремительный прилив —
Пески несутся на просторе...

Давно ль верблюд, качаясь, нес
Тебя пустынею убогой,
А я, как опытный матрос,
Тебя удерживал дорогой?

21 августа 1912
Оллили

484. О ТОМ ЖЕ

Я был в английском легком шлеме
И в сетке, тонкой и сквозной,
А то бы мне и грудь и темя
Прожег палящий южный зной.

А ты была в легчайшей шляпке,
На бледный лоб бросавшей тень, —
На удивленье той арабке,
Что нам попалась в этот день.

Нас было много. Тут был целый
Веселый дружеский ферейн: ¹
Ханани — малый загорелый
И оголтелый Айзенштейн.

Твоя сестра Алида с мужем...
Была Алида так томна!
А на верблюде неуклюжем
Совсем измучилась она!

Но погоди. Мы о верблюде
Еще расскажем в свой черед.
Мы шли, как опытные люди
Идут в томительный поход:

Не торопясь, спокойным шагом
Мы долго шли. Но вдруг без слов
Решили всем ареопагом
Найти верблюдов иль ослов.

Ханани, шедший с карабином,
Ханани, храбрый человек,
Дорогу неким бедуинам
И их верблюдам пересек.

«Эй, мархаба! — он рек. — Кив халик?»
— «Мархабатэн!» — «Мапсуд?» —
— «Мапсуд!» ²

А тот взглянул на свой кинжалик
И на тугой, тяжелый жгут.

---

¹ Компания (нем.). — *Ред.*

² «Здравствуй! Как дела?» — «Здравствуй!» — «Неплохо?» — «Неплохо!» (араб.). — *Ред.*

«Как поживаешь и откуда?
Я друг твой! Вот тебе рука.
Дай нам до Экрона верблюда
За целых три металика».

Казалось, будет перестрелка
И не уступит бедуин,
Но совершилась эта сделка
Довольно быстро — в миг один.

Верблюда дернули за повод,
Но он колена не склонил
И некий, очень веский довод
Нам по-английски изъяснил.

Он нам сказал: «Иисусе Христе!
Конфуций! Будда! Магомет!
Зачем вы дернули за кисти? . .
Какой неслыханный привет!

И разве можно джентльмена
Заставить вдруг и без причин
Склонить во прах свои колена
Пред группой дам. . . Да и мужчин!»

Дав волю тысяче укоров,
Он наконец умерил пыл.
Потом, без лишних разговоров,
Склонил колена и застыл.

И мы, сконфуженные люди,
Полезли робко по горбу. . .
Лишь восседая на верблюде,
Его узнаешь худобу.

Да, было жестко, неудобно! . .
Но подошел другой верблюд.
Пробормотал он что-то злобно,
Но опустил — и капут.

Итак, мы сели. Боже, боже!
Какой сюрприз, какой испуг,

И сколько криков, сколько дрожи,
Когда верблюд поднялся вдруг.

О, как стремительно вознес он
Свой горб проклятый в вышину.
Он невоспитан, неотесап,
Но мы простим ему вину.

Потом мы двинулись неслышно
Вдоль по дороге — по пескам.
Как беспорядочно и пышно
Лежали платья наших дам!

Нам было весело сначала,
Хоть и качало нас чуть-чуть.
Но так потом нас закачало,
Что стал нам страшен дальний путь.

Мы на верблюде, как на дыбе,
Лежали мертвенно-бледны.
Недаром призрак мертвой зыби
Пугает утлые челны!

Но мы привыкли понемногу...
Пусть нас тошнило иногда,
Но всю дальнейшую дорогу
Мы совершили без труда.

Порой журчал нам ключ обильный,
Поя кувшины смуглых дев.
Темнел в оградах кактус пыльный,
Как запыленный барельеф.

И, ветви легкие раскинув,
Мелькали пальмы в высоте,
И в тихих рощах апельсинов
Прохладно было, как в мечте...

Вдали закат вставал, как чудо —
Пылали розы в синеве...
Когда спустились мы с верблюда,
Слегка кружилось в голове.

Потом в гостинице дорожной
Нам блюдо подали маслин,
И чай мы пили невозможный
В стране плодов и сладких вип. . .

21 августа 1912

Оллила

485. 20 ПЮНЯ—7 ПЮЛЯ

1

Простившись со Свенем Люкранцем
И Флеку промолвив «прости»,
Раскланявшись мрачно с испанцем, —
Мы вдруг очутились в пути.
Лишь немец, бараний потомок,
Нам что-то проблеял вослед.
В руках у нас — пара котомок
Да плащ, что носил Мухаммед. . .
Мы шли, окруженные свитой:
Тут был наш приятель студент,
Как денди одетый, обритый
И только по носу — Ист-Энд. . .
А впрочем, скажу я, в Ист-Энде
Не только живет мове-тон.
Там есть совершенные денди,
Каких не видал Кенсингтон.
Кто был наш другой провожатый?
Балетный. . . танцор — не танцор. . .
(Немыслим танцор бородатый, —
Так думал весь мир до сих пор.)
Но был он персона в балете.
А знаете, русский балет. . .
(Но мы рассуждения эти
Оставим для разных газет).
Кто третий? Наш друг англичанин,
Чье имя читается «Фич».
Он, правда, причудлив и странен.
Вам сразу его не постичь.
Глаза расположены косо,
И рот необъятно велик. . .
Но что за беда? . .

До Кингс-Кросса

Дошли мы в какой-нибудь миг.
Простились с друзьями сердечно
И сели в ближайший вагон
Железной дороги (конечно,
С желаньем попасть в Паддингтон).
В вагоне мы сделались близки
С каким-то попутчиком. Он
Дышал на нас запахом виски,
А званием был почтальон.
Он был бесконечно любезен,
Про Индию нам рассказал.
И был бесконечно полезен:
Провел нас на дальний вокзал.
В вагоне какне-то леди
Без радости встретили нас.
У них и напитков и снеди
Имелся изрядный запас.
Мы тихо на лавке дремали
Иль молча глядели в окно,
Где рощи, поля пролетали,
Но было, как в печке, темно.
Уныло стучали колеса,
Дрожал и баюкал вагон.
А леди, глядевшие косо,
Держали какой-то флакон.
Одна за другой, чередуясь,
Его подносила к устам —
И, больше не хмурясь, не дуясь,
Кивала приветливо нам.
Какая-то дивная жидкость
Была, вероятно, у них.
Явилась и резвость и прыткость
У наших соседок ночных!
Глоток за глотком — непрестанно...
«Какая здесь станция, сэр?» —
Спросили соседки неожиданно.
За окнами был Эксетер.

Приехали (наши потомки,
Читая, вздохнут ли о нас?).
Собрали свои мы котомки
И вышли в предутренний час.

В пустынном и сумрачном зале
С девицей какой-то — втроем —
Уныло рассвета мы ждали,
Но день не вставал за окном!
Как грустно ни будь ожиданье —
Придет оно всё же к концу!
Покинув угрюмое зданье,
Сошли мы к немому крыльцу.
Пошли неизвестной дорогой.
Увидели парки, сады.
Померкло с рассветной тревогой
Сиянье последней звезды.
И зелень окрасилась ярче,
И конный расцвел монумент. . .
Ты смотришь, воинственный старче,
На пришлый, чужой элемент!
Когда-то ты был генералом
И век свой окончил в бою. . .
Доволен небось пьедесталом
И славой в родимом краю?
Мне нравится облик твой мирный,
Хоть в жизни ты был генерал.
Какой же ты плотный и жирный. . .
Наверно, одышкой страдал? . .
Стучим у ночлега. . . Осечка!
Тут дорого стоит постель. . .
А вот и базары, и речка,
Не речка, а желтая мель.
Склонили мы головы долу —
И тихо сидим над рекой.
Торопятся школьники в школу,
Рабочий спешит к мастерской.
Открылась молочная, butcher¹,
И солнце взошло вдалеке.
Ленивый и заспанный кучер
Ведет свою лошадь к реке.
Фургон прокатился почтовый,
И бобби явился на пост,
И, будто зевая, коровы
С мычаньем прошли через мост.

---

¹ Мясная (англ.). — *Ред.*

Томила нас сонная нега,
Мы видели сны наяву.
И вот добрались до ночлега, —
Верней, очутились в хлеву.
Там было и грязно и гадко.
Грибы там водились и мох.
Но спали мы крепко и сладко!
Проснулись не ранее трех...

я

Была суббота. Тротуары
Кишели пестрою толпой,
Но часто праздничные пары
Гуляли вдоль по мостовой.
Краснели яркие мундиры,
Мелькали шляпки всех цветов.
Манили пугников трактиры,
Как в летний полдень тень дубров.
Дружной беседа за попойкой!..
Светло в трактире без огня...
Хозяйка резвая за стойкой
Хохочет, кружками звеня.
А за углом, среди движенья
И предвоскресной суеты,
На флаги Армии Спасенья
Досужий люд разинул рты.
В фуражке красной, в макинтоше
Довольно странном — до колен,
Обходит круг и бьет в ладоши
Уже «спасенный» джентльмен.
А вот — «спасительные» феи...
Их шляпки сплюснуты у щек
И крепко связаны на шее
(Как повелел им их пророк).
Зато их ленты — цвета клюквы —
Так хороши, так манят взгляд!
Зато на лентах этих буквы
Так много сердцу говорят.
Толпа растет. В открытой чашке
Я вижу сикспенс.¹ Будет сбор.

---

¹ Шесть пенсов (англ.). — *Ред.*

Мелькают красные фуражки.
Растет, растет визгливый хор.
Завыли трубы в отдаленье,
Ударил тяжкий барабан.
Запела Армия Спасенья
Псалом — игривый, как канкан.
Когда ж умолкли эти звуки,
Раздался зов: «Иди — спасай!»
Оратор вышел, поднял руки
И начал: «Был я негодяй.
Я был подлец. Я был мерзавец.
Картежный шулер, донжуан,
Кутил. . . Обманывал красавиц. . .
В воскресный день бывал я пьян.
Я крал платки. Тянул и ложки,
Когда случалось — кошельки,
Браслеты, дамские сережки,
Ларцы, шкатулки, сундуки.
Я был грабитель и разбойник,
Громил дома средь бела дня.
Один зарытый мной покойник
Поднесь преследует меня.
Отца зарезал. Мать повесил.
Я говорю: я был подлец
И был беспечен, волен, весел. . .
Но наконец, но наконец. . .
Когда казалось мне, спасенья
Уже не будет в жизни сей, —
Я вдруг услышал звуки пенья
И порешил, что я злодей.
Когда же трубы загремели,
Я содрогнулся невзначай
От страшной мысли: в самом деле
Я — негодяй. Я. . . негодяй.
Потом оратор некий вышел.
Я слушал бледный как мертвец.
Со всех сторон я будто слышал:
«Ах ты подлец! Ах ты подлец!»
Да, я подлец и грешник тяжкий. . .
Я наземь пал и весь дрожал.
Но некто в форменной фуражке
Меня, мерзавца, поддержал,

Сказав: „Я также был мерзавцем,
Но я покинул царство тьмы.
Встань и будешь ты красавцем
В такой фуражке, как и мы“».

8

Простившись с нашим хлевом,
Пошли мы бодро в путь.
Хозяйка наша гневом
Пылала; мы — ничуть. . .
Прошли две мили разом —
Могли б и три пройти,
Но трамп¹ с стеклянным глазом
Попался нам в пути. . .
Измученный, небритый,
Просил о чем-то нас
И вынул из орбиты
Ужасный синий глаз.
Другой своей зеницы
Мошенник не извлек,
А мы — быстрее птицы —
Пустились наутек.
Холодный страх, как гидра,
Всего меня объял, —
Пока хмельного сидра
Не выпил я бокал.
В пустынях Девоншира
Меж рощиц и полей
Не видел я трактира
Светлей и веселей.
Сквозь ветви пели птицы
В счастливом забытье.
Ленивые девицы
Сидели на скамье.
Ушел вздремнуть хозяин,
Послав за стойку дочь. . .
(Зато не спит «Red Lion»,²
Когда приходит ночь.

---

¹ Бродяга (англ. tramp). — *Ред.*

² «Красный лев» (англ., название гостиницы). — *Ред.*

Грохочут кружки эля,
Струится в рюмки джин,
В часы ночного хмеля
Забыт английский сплин! . .
Но летом до заката
Не манит эта сень.
Здесь так же скучновато,
Как в церкви в будний день. . .)
Довольны проволочкой,
Желая отдохнуть,
С лихой хозяйской дочкой
Болтали мы чуть-чуть:
О скуке, о пейзаже,
О сидре сей земли. . .
Но, взявши саквояжи,
Мы встали — и пошли.
Закат манил нас к неге. . .
На отдых бы пора!
Но есть ли здесь ночлеги
За шиллинг-полтора?
Тяжелые котомки
Устали мы нести. . .
Спасибо незнакомке,
Что встретилась в пути!
Попутчица, конечно,
Чуть-чуть была толста,
Зато была сердечна,
Доступна и проста.
Она смекнула ловко,
Что нам нужна постель. . .
Ура! Ее золовка
Содержит здесь отель!
Я тотчас будто ожил —
Как челн, почуяв брег,
И больше не тревожил
Души моей ночлег.
Простившись с толстой дамой,
Решившей наш удел,
Пошли мы в этот самый
Счастливый Крокернвелл.
Здесь — вой собак унылых,
Навозный дух и тишь,

И много сердцу милых
Соломой крытых крыш,
А где-то в отдаленье
(Увидел я не вдруг) —
Огромное строенье,
Как замок меж лачуг.
Алеющая краска
Сошла с его лица.
Забытая коляска
Ночует у крыльца.
На вывеске блестящей
Начертано: «отель» —
И отдых настоящий,
И ужин, и постель.

4

Хозяйка тощая со взглядом кроткой лани
Под темной лестницей приветствовала нас.
Она не ведала, что грош у нас в кармане,
Но мы в безденежье признались ей тотчас.
«Нам только комнату. Нам только отдых нужен.
Мы уж обедали, а также пили чай.
Мы завтра в Лондоне приглашены на ужин.
Нам только б выспаться. Постель нам — сущий рай».
— «А как же с завтраком?» — «Мы завтракать не будем.
Мы рано думаем покинуть ваш приют».
Хозяйка добрая дивилась странным людям.
Молчанье тяжкое царило пять минут.
Наш запыленный вид сбил с толку эту даму.
(Да, я забыл сказать, что, подходя к крыльцу,
С лукавым умыслом роскошную панаму
Я кепкой заменил. Мне кепка не к лицу).
«Так что же с комнатой?» — уныло мы спросили.
«О сэр, мы комнату отыщем без труда,
Но вам бы надо, сэр, очиститься от пыли...
Погода пыльная... Пожалуйте сюда».
Мы долго чистились на кухне и в прихожей
С усердием пламенным и не жалея сил...
Мы стали несколько на всех людей похожи.
Наш обновленный вид хозяйку умилил.
«Итак, пожалуйста». По лестнице парадной

Взошли мы с трепетом. Вот комната для нас
С кроватью убранной — огромной и нескладной;
Но в общем, комната приятная для глаз.
Четыре зеркала, буфет и три комода,
Два умывальника — всё жалось по углам.
Кровать, одна кровать! Лишь ей дана свобода.
Кровать — громадина! Кровать — гиппопотам!
Хозяйка добрая белья дала нам смену
И пожелала нам приятнейшего сна.
Когда же у нее спросили мы про цену,
Она была совсем, совсем изумлена.
«Цена обычная, цена недорогая».
— «А сколько?» — «Шиллинга четыре или три».
«Увы! — подумал я. — Простите, двери рая,
Мы в черном сумраке пробродим до зари. . .»
Хозяйка сжалилась. Она боялась бога.
Она заметила, как стали мы бледны. . .
«Ну за два шиллинга! Ужель и это много?
О, вы неслыханно, чудовищно бедны! . . .»

5

Дорога. Деревушки
И розы вокруг домов.
Нас утренние пушки
Приветствуют с холмов.
Цветет, как палисадник,
Дорога с двух сторон.
Вот всадница и всадник
Промчались под уклон.
Галоп довольно тряский!
И снова тишина.
Две детские коляски
Плывут, как два челна.
Две мамочки — две кепки
Везут их на откос.
И обе — будто репки,
И обе цвета роз.
Мужья их на работе.
Они же домом всем
Идут к какой-то тете,
Не знаю я, зачем.

Плетется напоследок,
Как дряхлый экипаж,
Семей счастливых предок —
Мамаша двух мамаш.
Мы душу разговором
Немного отвели,
Узнав — в году котором
Мамаша родили,
Как тяжки были роды,
Как добры их мужья,
Но скрылись пешеходы —
Счастливая семья.
Нежданный дождик хлынул,
Чуть солнцем озарен.
Я тотчас же накинул
Свой мрачный капюшон.
Но дождь прошел мгновенно,
Я добрый плащ сложил
(Он нам попеременно
И скатертью служил).
Сказав «прости» панаме,
Я кепку вновь извлек,
Когда вдали пред нами
Открылся городок.
Войдя в трактир почтенный
(И «постоялый двор»),
Я вел обыкновенный
С хозяйкой разговор.
Нам в добром Окгемптоне
Отлично повезло,
И на сердце у Сони
Немного отлегло.
Сказала нам хозяйка:
«Два шиллинга...» Ура!..
Но Соня-негодяйка
Рискнула: «Полтора!»

Ну ладно. Что здесь замечательно?
«Аркада» — лавок крытый ряд.
В «Аркаде» бреют очень тщательно,
Но, брея, много говорят.

Здесь также замок есть. Развалины...
Мы постояли у ворот,
Но были горько опечалены:
Три пенса — бестии — за вход.
Стена и ров... Здесь всё как следует.
Когда-то был подъемный мост...
Но тот, кто замком здесь заведует,
Большой каналья и прохвост.
Но чу! Тревога!.. В отдаленни
Неясный шум. Сильней, сильней.
Ужели приступ? Наступление
Непримирившихся теней?
Быть может, замок — заколдованный?
Я ждал, что вот, грозя врагам,
Ко рву подъедет, в сталь закованный,
С копьём нависшим, сэръ Тристрам...
Не слышно грохота сражения,
Ни зова нежного любви...
Что значит странный шум смятения
И крик: «Лови ее, лови!»?
Из-за кустов мелькнул стремительно
Во весь опор, во весь карьер,
На воздух лая уморительно,
Задорный, юный фокстерьер.
За ним мальчонка, — полный трепета,
Огня, азарта, весь в поту.
И вот что понял я из лепета:
«Здесь клыса, клыса. Фокс! Ату!»
Затем еще представьте малого
Лет тридцати нль сорока...
Струится пот с лица усталого,
И не хватает языка.
Вслед за терьером и мальчонкою
Он мчится, взрослый шалопай,
Взрывая воздух трелью звонкою:
«Ату! Лови! Держи! Хватай!»

Три дня в пути. Четвертый день
И вправду был тяжел.
Прошли мы много деревень,
И городов, и сел.

Нам школьник встретился в пути,
Но был он так суров,
Что мы три четверти пути
Прошли без лишних слов.
Затем спросил я у него
Деревьев имена —
И, подавляя торжество,
Ответил он: сосна!
Береза, лиственница, клен...
Опять сосна и дуб.
Малыш премного был учен,
Хотя на речи скуп.
За поворотом он исчез,
Восторг в груди тая
(Он ликовал, что кончен лес
И отцепился я!).
Мы разостлали наш ковер
У дома на лугу
И, вынув красный помидор
(Ах, слюнки... Не могу.),
Достав гигантский огурец
(Известно ныне мне,
Что в старой басне добрый лжец
Хоть врал, но не вполне),
Мы сели завтракать в тени
Приветливых берез.
Не долго были мы одни
Во власти сонных грез.
Сначала бог прислал нам пса.
Лизнул он всё, что мог,
И почему-то полчаса
Обнюхивал сапог.
Затем к нам фермер подошел,
И был он бородат,
Как дядя Бранс иль как козел,
Краса и гордость стад.
Глядел он долго нам вослед...
Мы милы не прошли,
А нас нагнал велосипед,
Звеня в густой пыли.
Словоохотлив Девоншир!

Но в этот знойный час,
Когда не кровь, а рыбий жир
По жилам тек у нас,
Когда пред нами вдалеке
Вставало десять миль
(Пятнадцать верст в сплошной тоске
Брести, глотая пыль!..),
В такую пору разговор
Нас мало привлекал.
Но быстрый «байк»¹ во весь опор
Нас, путников, нагнал.
«Садитесь», — молвил нам циклист,
Любезно указав
На скат холма (он был тернист
И очень, очень rough²).
Я сел на склон. Тоску мою
Поймет ли кто-нибудь?
Я дать решился интервью...
Мне был отрезан путь.
Словоохотлив Девоншир!
«Ваш город?» — «Петербург».
— «А как вам нравится Шекспир?»
— «Хороший драматург!»
— «А как Мильтон?» — «Большой талант!»
— «Талант огромный он.
А кто же лучше: он иль Дант?»
— «Я думаю, Мильтон».
— «А вы читали пьесы Шоу?»
— «Читал, а впрочем, нет».
— «А как, скажите, Бонар Лоу?»
— «Прекраснейший поэт».
Когда отъехал мой циклист,
Свалил я с сердца груз.
Он был профессией дантист,
В душе — поклонник муз.
Он с малых лет благоговел
Пред вами, о певцы...

1913

---

¹ Велоспед (англ. bike). — *Ред.*

² Неровен (англ.). — *Ред.*

II. ПЕРЕВОДЫ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

486. БАЛЛАДА О ДВУХ СЕСТРАХ

К двум сестрам в терем над водой,
Биннори, о Биннори,
Приехал рыцарь молодой,
У славных мельниц Биннори.

Колечко старшей подарил,
Биннори, о Биннори,
Но больше младшую любил,
У славных мельниц Биннори.

И зависть старшую взяла,
Биннори, о Биннори,
Что другу младшая мила,
У славных мельниц Биннори.

Вот рано-рано поутру,
Биннори, о Биннори,
Сестра гулять зовет сестру,
У славных мельниц Биннори.

«Вставай, сестрица, мой дружок,
Биннори, о Биннори,
Пойдем со мной на бережок,
У славных мельниц Биннори».

Над речкой младшая сидит,
Биннори, о Биннори,
На волны быстрые глядит,
У славных мельниц Биннори.

А старшая подкралась к ней,
Биннори, о Биннори,
И в омут сбросила с камней,
У славных мельниц Биннори.

«Сестрица, сжался надо мной,
Биннори, о Биннори,
Ты станешь рыцаря женой,
У славных мельниц Биннори.

Поддай перчатку мне свою,
Биннори, о Биннори,
Тебе я друга отдаю,
У славных мельниц Биннори».

«Ступай, сестра моя, на дно,
Биннори, о Биннори,
Тебе спастись не суждено,
У славных мельниц Биннори».

Недолго младшая плыла,
Биннори, о Биннори,
Недолго старшую звала,
У славных мельниц Биннори.

В плотине воду отвели,
Биннори, о Биннори,
И тело девушки нашли,
У славных мельниц Биннори.

Девичий стан ее кругом
Биннори, о Биннори,
Узорным стянут пояском,
У славных мельниц Биннори.

Не видно кос ее густых,
Биннори, о Биннори,
Из-за гребенок золотых,
У славных мельниц Биннори.

В тот день бродил у берегов,
Биннори, о Биннори,
Певец, желанный гость пиров,
У славных мельниц Биннори.

Он срезал прядь ее одну,
Биннори, о Биннори,
И свил упругую струну,
У славных мельниц Биннори.

Он взял две пряди золотых,
Биннори, о Биннори,
И две струны плетет из них,
У славных мельниц Биннори.

К ее отцу идет певец,
Биннори, о Биннори,
Он входит с арфой во дворец,
У славных мельниц Биннори.

Струна запела под рукой,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, отец мой дорогой!»
У славных мельниц Биннори.

Другая вторит ей струна,
Биннори, о Биннори,
«Прощай, мой друг!» — поет она,
У славных мельниц Биннори.

Все струны грянули, звеня,
Биннори, о Биннори,
«Сестра, сгубила ты меня
У славных мельниц Биннори!»

(1916, 1941)

487. ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС ВЕЛЛ

Жила старуха в Ашерс Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.

Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.

«Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбацьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!»

Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы,
Их шапки были из коры
Неведомой березы.

Такой березы не найти
В лесах родного края —
Береза белая росла
У врат святого рая.

«Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водой!
Все сыновья мои со мной,
Я нынче пир устрою!»

Постель широкую для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.

Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
«Пора нам в путь-дорогу!»

Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать — за наш уход
Терпеть мы будем муки».

«Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!

Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги».

Они повесили на гвоздь
Платок, давно знакомый.
«Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.

Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.

Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!»

(1917, 1941)

488. РУСАЛКА

Морская песня

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: следом за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.

Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.
Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.

Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
«Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.

Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждаты
При бесчисленных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горячих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!»

Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
«Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!»

По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
«Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!»

Мы работали дружно,
Топули мы врозь —
Это было судьбой суждено.

Уцелевшей доски
Под рукой не нашлось,
И пошли мы на темное дно,
на дно,
на дно,
За русалкой
На темное дно!
(1917, 1941)

489. КОРОЛЬ И ПАСТУХ

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце,
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.

Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.

Но вот за богатство
И громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.
Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его к башне
Над Темзой-рекой.

«Здорово, здорово,
Смиранный аббат,
Получше меня
Ты живешь, говорят.
Ты нашей короне
Лукавый изменник.
Тебя мы лишаем
Поместий и денег!»

Взмолнился епископ:
«Великий король,
Одно только слово
Сказать мне позволь.
Всевышнему богу
И людям известно,
Что трачу я деньги,
Добытые честно!»

«Не ври понапрасну,
Плешивый аббат,
Для всякого ясно,
Что ты виноват,
И знай: навсегда
Твоя песенка спета,
Коль на три вопроса
Не дашь мне ответа.

Вопросы такие:
Когда я на троне
Сажу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать.

Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я?

А в-третьих, сказать
Без запинки изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоём теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней, —
Авось на пятнадцатый
Станешь умней!»

8

Вот едет епископ,
Рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксенфорд.
Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов.

Проездил епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей
Стадо свиней.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил: «Что слышно,
Хозяин епископ?»

«Печальные вести,
Пастух, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовеки не видеть
Мне белого света!»

«Милорд, не печалься,
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,
И я за тебя
Перед троном предстану.

Ты — знатный епископ,
А я свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.
Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!»

«Мой верный пастух,
Я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость господня.
Но только, смотри,
Отправляйся сегодня!»

4

Вот прибыл пастух
В королевский дворец.
«Здорово, здорово,
Смиранный отец,
Тебя во дворце
Я давно поджидаю.
Садись, я загадки
Тебе загадаю.

А ну-ка послушай:
Когда я на троне

Спжу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стонт моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать!»

Пастух королю
Отвечает с поклоном:
«Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты стоишь,
Спроси свою знать,
Которой случалось
Тебя продавать!»

Король усмехнулся:
«Вот ловкий пройдоха!
На первый вопрос
Ты ответил неплохо.
Теперь догадайся:
Как скоро верхом
Могу я всю землю
Объехать кругом?»

«Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса, —
Объедешь ты в двадцать
Четыре часа!»

Король засмеялся:
«Неужто так скоро?
С тобой согласиться
Я должен без спора.
Теперь напоследок
Ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король?»

«Что ж, — молвил пастух,
Поглядев простовато, —
Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата...
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!»

(1918, 1926, 1936)

490. БАЛЛАДА О МЕЛЬНИКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

«Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня».

«Гуляет конь,
Ты говоришь?»
— «Гуляет,
Говорю!»
— «Звенит уздечкой,
Говоришь?»
— «Уздечкой,
Говорю!»

«С ума ты спятил, старый плут,
Напился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать».

«Прислала мать,
Ты говоришь?»

— «Прислала,
Говорю!»
— «Свинью прислала,
Говоришь?»
— «Прислала,
Говорю!»

«Свиной немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но шкюгда я не видал
Свиньи под чепраком!»

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

«Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?»

«Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!»

«Чепец прислала,
Говоришь?»
— «Прислала,
Говорю!»
— «И одеяло,
Говоришь?»
— «Прислала,
Говорю!»

«Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна
На них я не видал!»

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских
Начищенных сапог.

«Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!»

«Ты пьян как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать».

«Прислала мать,
Ты говоришь?»
— «Прислала,
Говорю!»
— «Прислала ведро,
Говоришь?»
— «Прислала,
Говорю!»

«Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!»

(1936)

491. КОРОЛЕВА ЭЛНОР

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец. . .
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
«О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!»

«Я клянусь тебе жизнью и тронем своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцирь надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!»

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,
И кадили вдвоем и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покон дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

«Вы из Франции оба, святые отцы?» —
Прошептала жена короля.
«Королева, — сказали в ответ чернецы, —
Мы сегодня сошли с корабля!»

«Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!»
— «Кайся, кайся!» — печально ответил монах.
«Кайся, кайся!» — ответил другой.

«Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!»
— «Кайся, кайся!» — сурово ответил монах.
А другой отозвался: «Аминь!»

«Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы всласть напоить короля.

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь! . . .»
— «Кайся, кайся!» — угрюмо ответил монах,
А другой отозвался: «Аминь!»

«Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На урода отца не похож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног! . . .»
— «Замолчи!» — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распятыя, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
«Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!»

(1938)

492. ГРАФИНЯ-ЦЫГАНКА

Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так звонко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.

Танцую, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее сглазить успели.

«Шелка дорожке снимите с меня,
Подайте мне шаль простую.
Пусть от меня отречется родня, —
С цыганами в степь ухожу я.

Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!»

«Пойдешь ли со мною, — спросил ее Джек, —
Скитаться в ненастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный — к мужу!»

«С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.
С тобою готова погибнуть в пути,
С моим кареглазым цыганом!»

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

«Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.
Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиною!»

Покинутый граф воротился домой,
Скликает он няnek и мамок.
Ему говорят: «На шатер кочевой
Она променяла твой замок».

«Седлайте живей вороного коня,
За ним не угнаться гнедому.
Пока ее нет на седле у меня,
Дорогу забуду я к дому!»

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко.
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

«Вернись, молодая графиня, домой.
Ты будешь в атласе и в шелке
До смерти сидеть за высокой стеной
В своей одинокой светелке!»

«О нет, дорогой! Не воротись домой
Меня ни мольбою, ни силой.
Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!»

(1941)

498. РОБИН ГУД И МЯСНИКИ

Спешите на улицу, добрые люди,
Послушайте песню мою.
О славном стрелке, удалом Робин Гуде,
Для вас я сегодня спою.

В лесу на рассвете гулял Робин Гуд.
Вдруг слышит он топот копыт.
Мясник молодой на лошалке гнедой
На рынок рысцою трусит.

«Скажи, молодец, — говорит Робин Гуд, —
В какой ты живешь стороне
И что за товар ты везешь на базар?
Ты больно понравился мне».

«Мне некогда, сударь, рассказывать вам,
В какой я живу стороне,
А мясо на рынок везу в Ноттингам
Продать там по сходной цене».

«Послушай-ка, парень, — сказал Робин Гуд, —
А сколько возьмешь ты с меня
За всё целиком: за мясо с мешком,
Уздечку, седло и коня?»

«Немного возьму, — отвечает мясник, —
Чтоб в город товар не везти.
За мясо с мешком и коня с ремешком
Пять марок ты мне заплати».

«Бери свои деньги, — сказал Робин Гуд, —
Бери заодно с кошельком
И пей за меня, чтобы с этого дня
Счастливым я стал мясником!»

Верхом прискакал Робин Гуд в Ноттингам,
Проехал у всех на виду,
К шерифу пошел — и деньги на стол
За место в торговом ряду.

С другими купцами он сел торговать,
Хоть с делом он не был знаком,
Не знал, как продать, обмануть, недодать.
Он был мясником-новичком.

Но шибко торговля пошла у него.
Что хочешь плати — и бери!
За пенни свинины он больше давал,
Чем все остальные за три.

Он только и знал — зазывал, продавал,
Едва успевал отпускать.
Он больше говядины продал за час,
Чем все остальные за пять.

«Дворянский сынок, — мясники говорят, —
В убыток себе продает.

Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот!»

Подходят знакомиться с ним мясники.
«Послушай, собрат и сосед,
На рынке одном мы товар продаем,
Должны разделить и обед».

«Мы все мясники, — отвечал Робин Гуд, —
Одна небольшая семья.
Сочту я за честь попить и поесть
И чокнуться с вами, друзья!»

Толпою к шерифу пришли они в дом,
Садятся обедать за стол.
«А младший наш брат, — мясники говорят, —
Молитву за нас бы прочел».

«Помилуй нас, боже, — сказал Робин Гуд, —
Дай хлеб нам насущный вкусить
И выпить винца, чтоб согрелись сердца!
Мне не о чем больше просить».

А ну-ка, хозяйка, — сказал Робин Гуд, —
Друзей угостить я хочу.
Давай нам вина, и по счету сполна
За всех я один заплачу».

Вы пейте и ешьте, — сказал Робин Гуд, —
Пируйте весь день напролет.
Не всё ли равно, что стоит вино!
Беру на себя я расчет».

«Дворянский сынок! — говорят мясники. —
Он продал именье отца
И весь свой доход за будущий год
Решил промотать до конца».

«Давно ль, — говорит Робин Гуду шериф, —
Ты в наши приехал места?
Как жив и здоров и много ль голов
Рогатого держишь скота?»

«Рогатого много держу я скота —
Две сотни голов или три, —
А впрочем, наведайся в наши места
И сам на него посмотри.

Пасется мой скот по лесам, по лугам,
Телята сейчас у коров.
И, если захочешь, тебе я продам
Задешево сотню голов!»

Садится шериф на гнедого коня,
Три сотни червонцев берет
И едет верхом за лихим мясником
В леса покупать его скот.

В Шервудскую чашу въезжают они —
Охотников славных приют.
«Спаси меня, боже, — воскликнул шериф, —
Коль встретится нам Робин Гуд!»

По узкой тропе они едут вдвоем.
И вдруг увидал Робин Гуд:
Лесные олени меж темных ветвей
От них врассыпную бегут.

«Вот здесь и живет рогатый мой скот!
Тут несколько сотен голов.
Коль можешь купить — тебе уступить
Я сотню-другую готов!»

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И разом явились на зов
С двух разных сторон и Маленький Джон,
И семеро лучших стрелков.

«Что скажешь? — спросил его Маленький
Джон. —
Каков твой приказ, Робин Гуд?»
— «Пожаловал к нам ноттингамский шериф.
Пускай ему ужин дадут!»

«Что ж, милости просим, почтенный шериф,
Тебя поджидаем давно.

Отличным жарким мы тебя угостим,
А ты нам плати за вино!»

Дрожащий шериф протянул кошелек,
Не молвив ни слова в ответ.
И так же без слов отсчитал Робин Гуд
Три сотенки звонких монет.

Потом он шерифа повел за собой,
Опять посадил на коня
И крикнул вослед: «Поклон и привет
Жене передай от меня!»

(1946)

494. РОБИН ГУД И ШЕРИФ

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году —
Веселый месяц май.

Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

«Что слышно, хозяйка, у вас в городке?» —
Старуху спросил Робин Гуд.
«Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут».

«Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину:
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?»

«Нет, сударь, они не виновны ни в чем».
— «За что же карает их суд?»
— «За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд».

«Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головой, — сказал Робин Гуд, —
Тебе я в беде помогу!»

Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетется по холмам.

«Что слышно на свете, седой пилигрим?» —
Спросил старика Робин Гуд.
«Трех братьев у нас в Ноттингамской тюрьме
На смерть в эту ночь поведут».

«Надень-ка одежду мою, пилигрим,
Отдай-ка свое мне тряпье,
А вот тебе сорок монет серебром —
И пей за здоровье мое!»

«Богат твой наряд, — отвечал пилигрим, —
Моя одежонка худа.
Над старым в беде и над нищим в нужде
Не смейся, сынок, никогда».

«Бери, старичок, мой богатый наряд,
Давай мне одежду свою,
И двадцать тяжелых монет золотых
Тебе я в придачу даю!»

Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
Не зная, где зад, где перед.
«Клянусь головой, он слетит с головы,
Чуть дело до дела дойдет!»

Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:
Прорехи в коленях, прорехи с боков,
Заплата пониже спины.

Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: «Иных узнают
По платью, а этого можно узнать,
Увидев, во что он обут!»

Надел он дырявый, заплатанный плащ,
И только осталось ему
Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.

Идет, хромя, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.

«Спаси и помилуй, — сказал Робин Гуд, —
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!»

«Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи,
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдешь в палачи!»

Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень — скок.
«Клянусь головою, — воскликнул шериф, —
Ты бодрый еще старичок!»

«Я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!

Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду».

«Труби, — засмеялся надменный шериф, —
Пугай воробьев и синиц.
Труби сколько хочешь, покуда глаза
Не вылезут вон из глазниц!»

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтораستا коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

«Что это за люди?» — воскликнул шериф.
«Мои! — отвечал Робин Гуд. —
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут».

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

(1914, 1946)

495. ПЕСНЯ НИЩИХ

Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой.
Град, и огонь, и мерцанье свечей,
И господь твою душу помилуй!

Долго во мраке будешь идти —
Вечная ночь за могилой.

Тернии будут расти на пути.
Господь твою душу помилуй!

Если ты нищему дал сапоги, —
Вечная ночь за могилой, —
Сядь, натяни их и дальше беги,
И господь твою душу помилуй!

Если ж ты лишнюю обувь берег, —
Вечная ночь за могилой, —
Ты по колючкам пойдешь без сапог,
И господь твою душу помилуй!

Долго во мраке будешь идти —
Вечная ночь за могилой.
К мосту страстей ты придешь по пути,
Господь твою душу помилуй!

Только по страшному мосту пройдешь, —
Вечная ночь за могилой, —
Прямо в чистилище ты попадешь,
Господь твою душу помилуй!

Если твоя не скудела ладонь, —
Вечная ночь за могилой, —
Ты невредимым пройдешь сквозь огонь,
И господь твою душу помилуй!

Если ж берег ты вино и харчи, —
Вечная ночь за могилой, —
Будешь гореть в раскаленной печи.
Господь твою душу помилуй!

Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой,
Град, и огонь, и мерцанье свечей,
И господь твою душу помилуй!

(1946)

1

Западный ветер, повея ты вновь
 И маленький дождь пролей.
 Ах, если б со мною была любовь,
 А я — в постели своей!

2

Сквозь снег и град
 Вернись назад,
 Вернись ко мне, вернись ко мне,
 Мой милый друг, вернись ко мне!
 В потемках лет
 Пропал твой след.
 Вернись, вернись, вернись ко мне!
 (1946)

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ**498. ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК**

Вот дом,
 Который построил Джек.

А это пшеница,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.

А это веселая птица-синица,
 Которая часто ворует пшеницу,
 Которая в темном чулане хранится
 В доме,
 Который построил Джек.

Вот кот,
 Который пугает и ловит синицу,

Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот пес без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это старушка, седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

(1923)

499. КОРАБЛИК

Плывет, плывет кораблик,
Кораблик золотой,
Везет, везет подарки,
Подарки нам с тобой.

На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат,
На палубе матросы —
Четырнадцать мышат.

Плывет, плывет кораблик
На запад, на восток.
Канаты — паутинки,
А парус — лепесток.

Соломенные весла
У маленьких гребцов.
Везет, везет кораблик
Полфунта леденцов.

Ведет кораблик утка,
Испытанный моряк.
«Земля! — сказала утка. —
Причаливайте! Кряк!»

(1923)

500. КУЗНЕЦ

«Эй, кузнец,
Молодец,
Захромал мой жеребец.
Ты подкуй его опять».
— «Отчего не подковать!

Вот гвоздь,
Вот подкова.
Раз, два —
И готово!»

(1923)

501. ДУЙТЕ, ДУЙТЕ, ВЕТРЫ!

Дуйте,
Дуйте,
Ветры,
В поле,
Чтобы мельницы
Мололи,
Чтобы завтра
Из муки
Испекли нам
Пирожки!

(1923)

502. ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,

Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

(1923)

503. СТАРУШКА

Старушка пошла продавать молоко.
Деревня от рынка была далеко.
Устала старушка и, кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа,
Старушка проснулась, от стужи дрожа.

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать,
Но, порванной юбки ошупав края,
Сказала: «О, господи, это не я!»

Пойду-ка домой. Если я — это я,
Меня не укусит собака моя!
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я, на куски разорвет!»

В окно постучала старушка чуть свет.
Залаяла громко собака в ответ.
Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: «Ну, значит, не я!»

(1923)

504. ПЕРЧАТКИ

Потеряли котятки
На дороге перчатки
И в слезах прибежали домой.

«Мама, мама, прости,
Мы не можем найти,
Мы не можем найти
Перчатки!»

«Потеряли перчатки?
Вот дурные котятки!
Я вам нынче не дам пирога.
Мяу-мяу, не дам,
Мяу-мяу, не дам,
Я вам нынче не дам пирога!»

Побежали котятки,
Отыскали перчатки
И, смеясь, прибежали домой.
«Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,
Потому что нашлись
Перчатки!»

«Отыскали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога.
Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!»

(1923)

505. ВЕРХОМ И ПЕШКОМ

Была моя лошадь как палка худа,
    Как палка худа,
    Как палка худа.
Ходить не желала она никуда.
    И-го-го!

Однажды я в город поехал верхом,
    Поехал верхом,
    Поехал верхом.
Брыкалась она и махала хвостом.
    И-го-го!

Ни вправо, ни влево, ни взад, ни вперед,
    Ни взад, ни вперед,
    Ни взад, ни вперед.
Легла на траву и с тех пор не встает.
                                И-го-го!

Седло и уздечку оставил я там,
    Оставил я там,
    Оставил я там.
Допеть эту песенку можешь ты сам.
                                И-го-го!

(1923)

506. КОТЯТА

Два маленьких котенка поссорились в углу.
Сердитая хозяйка взяла свою метлу

И вымела из кухни дерущихся котят,
Не справившись при этом, кто прав, кто виноват.

А дело было ночью, зимою, в январе.
Два маленьких котенка озябли на дворе.

Легли они, свернувшись, на камень у крыльца,
Носы уткнули в лапки и стали ждать конца.

Но сжалилась хозяйка и отворила дверь.
«Ну что? — она спросила. — Не ссоритесь теперь?»

Прошли они тихонько в свой угол на ночлег.
Со шкурки отряхнули холодный, мокрый снег.

И оба перед печкой заснули сладким сном.
А вьюга до рассвета шумела за окном.

(1923)

507. ТРИ ЗВЕРОЛОВА

Три смелых зверолова
Охотились в лесах.
Над ними полный месяц
Снял на небесах.

«Смотрите, это — месяц!» —
Зевнув, сказал один.
Другой сказал: «Тарелка!»
А третий крикнул: «Блин!»

Три смелых зверолова
Бродили целый день,
А вечером навстречу
К ним выбежал олень.

Один сказал: «Ни слова,
В кустарнике олень!»
Другой сказал: «Корова!»
А третий крикнул: «Пень!»

Три смелых зверолова
Сидели под кустом,
А кто-то на березе
Помахивал хвостом.

Один воскликнул: «Белка!
Стреляй, чего глядишь!»
Другой сказал: «Собака!»
А третий крикнул: «Мышь!»

(1923)

508. САМ ПО СЕБЕ

Шел я сам по себе,
Говорил я себе,
Говорил я себе самому:
«Ты следи за собой
Да гляди за собой,
Не нужны мы с тобой никому!»

Отвечал я себе,
И сказал я себе,
И сказал самому себе так:
«Сам следи за собой
Да гляди за собой.
Ишь, учить меня вздумал, дурак!»

1923

509. МЫШИ

Вышли мыши как-то раз
Поглядеть, который час.
Раз-два-три-четыре.
Мыши дернули за гири.
Вдруг раздался страшный звон —
Убежали мышки вон.

(1926)

510. ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя —
Подкова
Пропала.

Не было подковы —
Лошадь
Захромала.

Лошадь захромала —
Командир
Убит.

Конница разбита —
Армия
Бежит.

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

(1929)

511. ПТИЦЫ В ПИРОГЕ

Много, много птичек
Запекли в пирог:
Семьдесят синничек,
Сорок семь сорок.

Трудно непоседам
В тесте усидеть —
Птицы за обедом
Громко стали петь.

Побежали люди
В золотой чертог,
Королю на блюде
Понесли пирог.

Где король? На троше
Пишет манифест.
Королева в спальне
Хлеб с вареньем ест.

Фрейлина стирает
Ленту для волос.
У нее сорока
Отщипнула нос.

А потом синница
Принесла ей нос,
И к тому же месту
Сразу он прирос.

(1926, 1936)

512. КОРОЛЕВСКИЙ ПОХОД

По склону вверх король повел
Полки своих стрелков.

По склону вниз король сошел,
Но только без полков.

(1936)

513. МЕРИ И БАРАН

У нашей Мери есть баран.
Собаки он верней.
В грозу, и в бурю, и в туман
Баран бредет за ней.

Водила Мери на луга
Барашка с первых дней.
Он отрастил давно рога,
Но ходит вслед за ней.

Вот Мери вышла из ворот.
Баран бредет за ней.
Она по улице идет.
Баран идет за ней.

Она доходит до угла.
Баран идет за ней.
Она помчалась как стрела.
Баран бежит за ней.

Она вбегает в школьный сад.
Баран бежит за ней.
Она кричит: «Иди назад!»
Баран идет за ней.

Она кричит: «Уйди сейчас!»
Баран идет за ней.
Она вбегает в первый класс.
Баран бежит за ней.

Но Мери двери перед ним
Закрывает поскорей,
И он, печален, недвижим,
Остался у дверей.

Часы пропели девять раз
Из будочки своей.
Идет учительница в класс.
Баран идет за ней. . .

На этом кончу я рассказ.
Что может быть ясней?
Вошла учительница в класс,
Баран вбежал за ней!

(1936)

514. ПРОИСШЕСТВИЕ В КАРТОЧНОМ ДОМКЕ

Дама бубён
Варила бульон
И пудинг пекла на обед.
Десятка бубён
Украла бульон,
А пудинг украл валет.

Король бубён
Спросил про бульон
И пудинга ждал на обед.
Десятка бубён
Вернула бульон,
А пудинг вернул валет.

(1936)

515. ВЕСЕЛЫЙ КОРОЛЬ

Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
«Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да зовите моих скрипачей, трубачей,
Да зовите моих скрипачей!»

Были скрипки в руках у его скрипачей,
Были трубы у всех трубачей,
И пилили они,
И трубили они,
До утра не смыкая очей.

Старый дедушка Коль
Был веселый король.

Громко крикнул он свите своей:
«Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да гоните моих скрипачей, трубачей,
Да гоните моих скрипачей!»

(1937, 1941)

516. ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ...

Кабы реки и озёра
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,

Топоры бы все расплавить
И отлить один топор,
А из всех людей составить
Человека выше гор,

Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан, —

То-то громкий был бы треск,
То-то шумный был бы плеск!

(1941)

517. КЛЮЧ ОТ КОРОЛЕВСТВА

Вот вам ключ от королевства.

В королевстве — город,
А в городе — улица,
А на улице есть двор,
На дворе — высокий дом,
В этом доме — спальенка,
В спальне — колыбелька,

В колыбельке — ландышей
Полная корзина.
    Ландышей,
    Ландышей —
Полная корзина.

Ландыши — в корзине,
Корзина — в колыбельке,
Колыбелька — в спальне,
А спальня — в доме,
Дом стоит среди двора,
Двор глядит на улицу,
А улица — в городе,
Город — в королевстве.

Вот от королевства ключ,
Ключ от королевства!

(1942)

518. БАРАШЕК

«Ты скажи, барашек наш,
Сколько шерсти ты нам дашь?»
— «Не стриги меня пока.
Дам я шерсти три мешка:

Один мешок —
Хозяину,
Другой мешок —
Хозяйке,

А третий — детям маленьким
На теплые фуфайки».

1942

519. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Даю вам честное слово:
Вчера в половине шестого
Я встретил двух свинок
Без шляп и ботинок.
Даю вам честное слово!

1942

520. В ГОСТЯХ У КОРОЛЕВЫ

«Где ты была сегодня, киска?»
— «У королевы у английской».

«Что ты видала при дворе?»
— «Видала мышку на ковре!»

(1944)

521. ПЕСЕНКА О ШЕСТИ ПЕНСАХ

Дали мне шесть пенсов, шесть блестящих пенсов,
Шесть прекрасных пенсов нынче дали мне.
На два пенса в лавке я купил булавки,
А четыре пенса я принес жене.

Ах, четыре пенса, все четыре пенса,
Все четыре пенса сдачи дали мне.
На два у торговки я купил морковки,
Два последних пенса я принес жене.

Милые два пенса, славные два пенса,
Два последних пенса сдачи дали мне.
Дал я их старушке за пучок петрушки,
Ничего сегодня не принес жене.

Ничего мне мило, ничего мне любо,
Ничего не трачу для жены своей.
Ничего не трачу, от нее не прячу,
Никого на свете нет ее милей!

(1946)

522. ТРИ МУДРЕЦА

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.

Будь попрочнее
Старый таз,
Длиннее
Был бы мой рассказ.

(1946)

523. РАНО В КРОВАТЬ

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори
Не будете знать.

(1946)

524. МЫШИ В АМБАРЕ

Мышки в амбаре задумали прясть.
Кошка в окошко открытое — шасть!

«Можно ли мне перекусывать нити?»
— «Нет, вы съедите нас, тетушка Китти!»

(1946)

525. О МАЛЬЧИКАХ И ДЕВОЧКАХ

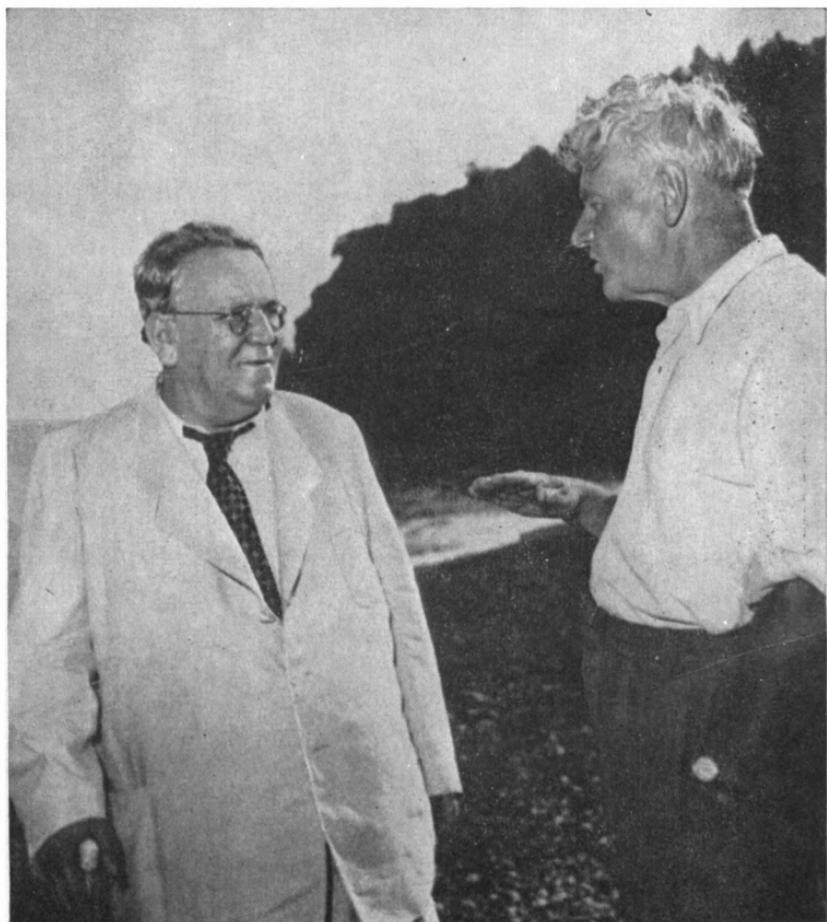
Из чего только сделаны мальчики?
Из чего только сделаны мальчики?

Из улиток, ракушек

И зеленых лягушек.

Вот из этого сделаны мальчики!

Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет и пирожных,
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!

Из чего только сделаны парни?
Из чего только сделаны парни?
Из насмешек, угроз,
Крокодиловых слез.
Вот из этого сделаны парни!

Из чего только сделаны барышни?
Из чего только сделаны барышни?
Из булавок, иголок,
Из тесемок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

(1955)

526. РАЗГОВОР

Тетя Трот и кошка
Сели у окошка,
Сели рядом вечером
Поболтать немножко.

Трот спросила: «Кис-кис-кис,
Ты ловить умеешь крыс?»
— «Мурр», — сказала кошка,
Помолчав немножко.

16 августа 1955

527. СМЕШНАЯ ПЕСЕНКА

Шагал я, не зная,
Куда я
Иду,
И песню вполголоса
Пел на ходу.

И все повторяли,
Встречаясь со мной,
Слова этой песни
Ужасно смешной.

И лошадь, что мирно
Ждала у ворот,
Оскалила зубы —
И вдруг как заржет!

1950-е годы

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

528—532. ПЕСНИ ШУТА

из трагедии «КОРОЛЬ ЛЕР»

1

Показывай
Меньше того, что имеешь.
Рассказывай
Меньше, чем сам разумеешь.

Где можно проехать,
Не странствуй пешком.
Чем деньги одалживать,
Будь должником.

Играй, но только помни меру,
Учись, а не бери на веру.

Забудь и кружку, и подружку,
Храни под спудом каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто — сотню наживешь!

2

Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам —
Он будет мне под стать.

Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один — в дурацком колпаке,
Другой — без колпака!

3

Вскормил кукушку воробей —
Бездомного птенца,
А тот возьми да и убей
Приемного отца!

4

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.

Но шут с тобой — твой верный шут!
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!

5

Когда откажется священник
Кривить душою из-за денег

И перестанет пивовар
Водою разбавлять товар,

Когда наскучит кавалерам
Учиться у портных манерам,

Когда еретиков монах
Сжигать не станет на кострах,

Когда судья грешить не будет
И без причины не осудит,

Когда умолкнет клевета,
Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,
А ростовщик сундук откроет, —

Тогда-то будет Альбион
До основания потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

(1941)

533—571. С О Н Е Т Ы

1

Ты — музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, —
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

(1947)

Когда часы мне говорят, что свет
 Потонет скоро в грозной тьме ночной,
 Когда фиалки вянет нежный цвет
 И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
 В полдневный зной хранившая стада,
 И нам кивает с погребальных дрог
 Седых снопов густая борода, —

Я думаю о красоте твоей,
 О том, что ей придется отцвести,
 Как всем цветам лесов, лугов, полей,
 Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
 Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

(1946)

Ты притупи, о время, когти льва,
 Клыки из пасти леопарда рви,
 В прах обрати земные существа
 И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
 Сменяй улыбкой слезы, плачем — смех,
 Что хочешь делай с миром и со мной, —
 Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
 Не борозди тупым своим резцом.
 Пускай черты прекрасные его
 Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
 Мой стих его прекрасным сохранит!

(1945)

Не соревнуюсь я с творцами од,
 Которые раскрашенным богиням
 В подарок преподносят небосвод
 Со всей землей и океаном синним.

Пускай они для украшения строф
 Твердят в стихах, между собою споря,
 О звездах неба, о венках цветов,
 О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон,
 И я пишу, что милая прекрасна,
 Как все, кто смертной матерью рожден,
 А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, —
 Я никому ее не продаю!

(1947)

Как тот актер, который, оробев,
 Теряет нить давно знакомой роли,
 Как тот безумец, что, впадая в гнев,
 В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
 Не оттого, что сердце охладело.
 Нет, на мои уста кладет печать
 Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
 Пускай она, безмолвный мой ходатай,
 Идет к тебе с признаньем и мольбой
 И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
 Услышишь ли глазами голос мой?

(1947)

Кто под звездой счастливою рожден —
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерял след.
Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, люблю.

(1948)

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее тыходишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути.

(1945)

Когда на суд безмолвных тайных дум
 Я вызываю голоса былого, —
 Утраты все приходят мне на ум,
 И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
 О тех, кого во тьме таит могила,
 Ищу любовь погибшую мою
 И всё, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
 И ужасаюсь вновь потере каждой,
 И вновь плачу я дорогой ценой
 За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе,
 И всё готов простить своей судьбе.

(1946)

О, если ты тот день переживешь,
 Когда меня накроет смерть доскою,
 И эти строчки бегло перечтешь,
 Написанные дружеской рукою, —

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
 Ее искусство выше будет вдвое.
 Но пусть я буду по-милу хорош
 Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
 С растущим веком мог бы я расти
 И лучшие принес бы посвященья
 Среди певцов иного поколенья.

Но так как с мертвым спор ведут они, —
 Во мне любовь, в них мастерство цены!

(1943)

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым треном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий, —
Бывают тучи на земле, как в небе.

(1946)

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

(1945)

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,
 Не ожидая дальше ничего,
 Отсчитывать уныло, сколько миль
 Отъехал я от счастья своего.

Усталый конь, забыв былую прыть,
 Едва трусит лениво подо мной, —
 Как будто знает: незачем спешить
 Тому, кто разлучен с душой родной.

Хозяйских шпор не слушается он
 И только ржаньем шлет мне свой укор.
 Меня больнее ранит этот стон,
 Чем бедного коня — удары шпор.

Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
 За мною — радость, впереди — печаль.

(1948)

Прекрасное прекрасней во сто крат,
 Увенчанное правдой драгоценной.
 Мы в нежных розах ценим аромат,
 В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
 И стебель, и шипы, и листья те же,
 И так же пурпур лепестков глубок,
 И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они цветут, не радуя сердец,
 И вянут, отравляя нам дыханье.
 А у душистых роз иной конец:
 Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
 Вся прелесть правды перельется в стих.

(1946)

Замшелый мрамор царственных могил
 Исчезнет раньше этих веских слов,
 В которых я твой образ сохранил.
 К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
 Мятеж развеет каменщиков труд,
 Но врезанные в память письма
 Бегущие столетия не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
 Ни темного забвения вражда.
 Тебе с потомством дальним суждено,
 Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
 В стихах, в сердцах, исполненных любви!

(1945)

Избави бог, меня лишивший воли,
 Чтоб я посмел твой проверять досуг,
 Считать часы и спрашивать: доколе?
 В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
 А до того я буду терпелив.
 Удел мой — ждать, пока ты не свободна,
 И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу иль забаве —
 Сама ты госпожа своей судьбе.
 И, провинившись пред собой, ты вправе
 Свою вину прощать самой себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
 Я жду тебя в тоске, без осужденья...

(1947)

Уж если нет на свете новизны,
 А есть лишь повторение былого
 И понапрасну мы страдать должны,
 Давно рожденное рождая снова, —

Пусть наша память, пробежавши вспять
 Пятьсот кругов, что солнце очертило,
 Сумеет в древней книге отыскать
 Запечатленный в слове лик твой милый.

Тогда б я знал, что думали в те дни
 Об этом чуде, сложно совершенном, —
 Ушли ли мы вперед, или они,
 Иль этот мир остался неизменным.

Но верю я, что лучшие слова
 В честь меньшего слагались божества!

(1946)

Как движется к земле морской прибор,
 Так и ряды бесчисленные минут,
 Сменяя предыдущие собой,
 Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорожденный серп
 Стремится к зрелости и, наконец,
 Кривых затмений испытав ущерб,
 Сдаст в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
 За полосой проводит полосу.
 Всё лучшее, что дышит на земле,
 Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
 Где ты пребудешь смерти вопреки!

(1945)

Уж если медь, гранит, земля и море
 Не устоят, когда придет им срок,
 Как может уцелеть, со смертью споря,
 Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
 Когда осада тяжкая времен
 Незыблемые сокрушает скалы
 И рушит бронзу статуй и колонн?

О, горькое раздумье! . . . Где, какое
 Для красоты убежище найти?
 Как, маятник остановив рукою,
 Цвет времени от времени спасти? . . .

Надежды нет. Но светлый облик милый
 Спасут, быть может, черные чернила!

(1946)

Зову я смерть. Мне видеть невтерпех
 Достоинство, что просит подаянья,
 Над простотой глумящуюся ложь,
 Ничтожество в роскошном одеянье,
 И совершенству ложный приговор,
 И девственность, поруганную грубо,
 И неуместной почести позор,
 И мощь в плену у немощи беззубой,
 И прямоту, что глупостью слывет,
 И глупость в маске мудреца, пророка,
 И вдохновения зажатый рот,
 И праведность на службе у порока.

Всё мерзостно, что вижу я вокруг. . .
 Но как тебя покинуть, милый друг!

(1944)

Ты погрусти, когда умрет поэт,
 Покуда звон ближайшей из церквей
 Не возвестит, что этот низкий свет
 Я променял на низший мир червей.

И если перечтешь ты мой сонет,
 Ты о руке остывшей не жалеи.
 Я не хочу туманить нежный цвет
 Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
 Меня напоминало вновь и вновь.
 Пускай замрут в один и тот же срок
 Мое дыханье и твоя любовь!..

Я не хочу, чтобы своей тоской
 Ты предала себя молве людской.

(1945)

Дабы не мог тебя заставить свет
 Рассказывать, что ты во мне любила, —
 Забудь меня, когда на склоне лет
 Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
 Перебирая все мои заслуги,
 Что поневоле, говоря о друге,
 Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
 Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
 Меня скорей из памяти изгладь, —

Иль дважды мне ответ придется дать:
 За то, что был при жизни столь ничтожным
 И что потом тебя заставил лгать!

(1945)

То время года видишь ты во мне,
 Когда один-другой багряный лист
 От холода трепещет в вышине —
 На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
 Когда поблек на западе закат
 И купол неба, отнятый у нас,
 Подобьем смерти — сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
 Который гаснет в пепле прошлых дней,
 И то, что жизнью было для меня,
 Могилою становится моей.

Ты видишь всё. Но близостью конца
 Теснее наши связаны сердца!

(1945)

Когда меня отправят под арест
 Без выкупа, залога и отсрочки,
 Не глыба камня, не могильный крест, —
 Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
 Всё, что во мне тебе принадлежало.
 Пускай земле достанется мой прах, —
 Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
 А смерть возьмет от жизни быстротечной
 Осадок, остающийся на дне,
 То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей — черепки разбитого ковша,
 Тебе — мое вино, моя душа.

(1948)

Увы, мой стих не блещет новизной,
 Разнообразьем перемен неожиданных.
 Не поискать ли мне тропы иной,
 Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
 В одежде старой появляюсь снова.
 И кажется, по имени назвать
 Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
 Решаю я одну свою задачу:
 Я о тебе пишу, моя любовь,
 И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
 Но и оно не блещет новизной.

(1947)

Ссдины ваши зеркало покажет,
 Часы — потерю золотых минут.
 На белую страницу строчка ляжет —
 И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
 Мы все ведем своим утратам счет.
 А в шорохе часов неторопливом
 Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
 Всё, что не в силах память удержать.
 Своих детей, давно забытых вами,
 Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
 Для нас таят бесценные уроки.

(1945)

Тебе ль меня придется хоронить
 Иль мне тебя — не знаю, друг мой милый.
 Но пусть судьбы твоей прервется нить,
 Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
 А от меня ничто не сохранится.
 На кладбище покой я обрету,
 А твой приют — открытая гробница.

Твой памятник — восторженный мой стих.
 Кто не рожден еще, его услышит.
 И мир повторит повесть дней твоих,
 Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
 Там, где живет дыханье, — на устах!

(1945)

Уж если ты разлюбишь — так теперь,
 Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
 Будь самой горькой из моих потерь,
 Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
 Не наноси удара из засады.
 Пусть бурная не разрешится ночь
 Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
 Когда от мелких бед я ослабею.
 Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
 Что это горе всех невзгод больше,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
 Твоей любви лишиться навсегда.

(1947)

Кто, злом владея, зла не причинит,
 Не пользуясь всей мощностью этой власти,
 Кто двигает других, но, как гранит,
 Неколебим и не подвержен страсти, —

Тому дарует небо благодать,
 Земля дары приносит дорогие.
 Ему дано величием обладать,
 А чтить величие призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
 Хоть сам он по себе цветет и вянет.
 Но если в нем приют нашел порок,
 Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
 Растрепанных роз, отравленных лилей.

(1948)

Мне показалось, что была зима,
 Когда тебя не видел я, мой друг.
 Какой мороз стоял, какая тьма,
 Какой пустой декабрь царил вокруг!

За это время лето протекло
 И уступило осени права.
 И осень шла, ступая тяжело, —
 Оставшаяся на сносях вдова.

Казалось мне, что все плоды земли
 С рождения удел сиротский ждет.
 Нет в мире лета, если ты вдали.
 Где нет тебя, и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,
 В предчувствии зимы бледнеет лист.

(1946)

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
 Всѣ оживил он веяньем своим.
 В ночи звезда тяжелая Сатурна
 Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
 Бесчисленных цветов не помогли
 Рождению моей весенней сказки.
 Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
 Пурпурных роз душистый первый цвет,
 Напоминая, мне не заменили
 Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
 Мне показался тенью милой тени.

(1946)

Люблю, — но реже говорю об этом,
 Люблю нежней, — но не для многих глаз.
 Торгует чувством тот, кто перед светом
 Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
 Когда любовь нова была для нас.
 Так соловей гремит в полночный час
 Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
 Когда его умолкнут излишня.
 Но музыка, звуча со всех ветвей,
 Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк подобно соловью:
 Свое пропел и больше не пою.

(1946)

Не нахожу я времени примет
 В твоих чертах. С тех пор, когда впервые
 Тебя я встретил, три зимы седые
 Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
 На сочный плод и листья огневые,
 И трижды лес был осенью раздет,
 А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
 Покинув цифру, стрелка золотая
 Чуть движется, невидимо для глаз.
 Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим,
 Он был перед рождением твоим.

(1945)

Когда читаю в свитке мертвых лет
 О пламенных устах, давно безгласных,
 О красоте, слагающей куплет
 Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетиями хранимые черты —
 Улыбка нежных уст, глаза и брови —
 Мне говорят, что только в древнем слове
 Нашлось бы всё, чем обладаешь ты.

Поэт, впиваясь в даль влюбленным взглядом,
 Мечтал неясный образ передать,
 Но красоту твою предугадать
 Не довелось ни песням, ни балладам.

А нам, кому теперь она близка, —
 Где голос взять, чтобы звучал века?

(1945)

Мешать соединенью двух сердец
 Я не намерен. Может ли измена
 Любви безмерной положить конец?
 Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
 Не меркнувший во мраке и тумане.
 Любовь — звезда, которою моряк
 Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
 У времени, стирающего розы
 На пламенных устах и на щеках,
 И не страшны ей времени угрозы.

А если я неправ и лжет мой стих, —
 То нет любви и нет стихов моих!

(1947)

Уж лучше грешным быть, чем грешным
слыть,

Напраслина страшнее обличенья.
 И гибнет радость, коль ее судить
 Должно не наше, а чужое мненье.

Как может взгляд чужих порочных глаз
 Щадить во мне игру горячей крови?
 Пусть грешен я, но не грешнее вас,
 Мои шпионы, мастера злословья.

Я — это я, а вы грехи мои
 По своему равняете примеру.
 Но, может быть, я прям, а у судьи
 Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
 Поскольку ближний на него похож!

(1945)

Не хвастай, время, властью надо мной.
 Те пирамиды, что возведены
 Тобою вновь, не блещут новизной.
 Они — перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас не мудрено
 Прельстить перелицованным старьем.
 Мы верим, будто нами рождено
 Всё то, что мы от предков узнаем.

Цсна тебе с твоим архивом грош.
 Во мне и тени удивленья нет
 Пред тем, что есть и было. Эту ложь
 Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,
 Не изменюсь тебе наперекор!

(1946)

Ее глаза на звезды не похожи,
 Нельзя уста кораллами назвать,
 Не белоснежна плеч открытых кожа,
 И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
 Нельзя сравнить оттенок этих щек.
 А тело пахнет так, как пахнет тело,
 Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
 Особенного света на челе.
 Не знаю я, как шествуют богини,
 Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
 Кого в сравненьях пышных оболгали.

(1945)

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,

И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.

Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.

Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

(1945)

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.

Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

(1947)

572. КОНЬ

ИЗ ПОЭМЫ «ВЕНЕРА И АДОНИС»

Прислушайся, — из ближнего леска
Испанская кобыла молодая,
Почуяв жеребца издалека,
Его зовет, тревожно ожидая.
И, с привязи сорвавшись наконец,
К ней скачет, шею выгнув, жеребец.

Он величаво мчится, он летит,
Как в приступе безудержного гнева,
И гулко под ударами копыт
Гудит земли разбуженное чрево.
Грызет железо он своих удил,
Тем овладев, чему подвластен был.

Он поднял уши. Нисходя к хребту,
Вздымается дорожка гривы черной,
Ноздрями воздух пьет он на лету.
Пар из ноздрей выходит, как из горна.
Недаром око темное коня
Сверкает ярким отблеском огня.

То рысью он идет, шаги считая,
Спокойно горд и скромно величав,
То скоком скачет, над землей взлетая,
Плывет, по ветру тело распластав,
Чтоб гневной красотой своей и силой
Похвастаться перед подругой милой.

Ему и дела нет до ездока,
Кричащего вослед: «Постой! Куда ты?»
Забыл он шпоры, жгущие бока,
Забыл о сбруе, яркой и богатой, —
Он слышит только собственную кровь,
Он видит пред собой свою любовь.

Как если бы, искусству дав свободу,
Писал коня художник на холсте,

Стремясь живую превзойти природу
И в живости самой, и в красоте, —
Так этот конь превосходил любого
Осанкой, статью, красотой суровой.

Крутая холка, ясный, полный глаз,
Сухие ноги, круглые копыта,
Густые щетки, кожа как атлас,
А ноздри ветру широко открыты.
Грудь широка, а голова мала, —
Таким его природа создала.

Ничто косо не избегнет взора,
Касанье перышка его вспугнет.
Приказывая ветру быть опорой,
Пускается он в бег или в полет.
Сквозь волосы хвоста его и гривы
Поет и свищет ветер шаловливый.

Он выражает радость в звонком ржанье,
Отзывный голос подает она.
Но — женщина — в ответ на обожанье
Она лукавит, гордости полна,
И отвечает страсти, столь открытой,
Упрямыми ударами копыта.

Он роет землю в гневе, ловит ртом
Слепней несчастных. Весь покрыт он мылом.
И бедра охлаждает он хвостом,
Разгоряченные любовным пылом.
Но вот гордячка, друга пожалев,
Его безмерный умеряет гнев.

А тут хозяин, подоспев, стремится
Взять под уздцы горячего коня.
В испуге к лесу скачет кобылица,
За нею — конь, уздечкою звеня.
И оба обгоняют по дороге
Ворон, летящих тучею в тревоге. . .

(1946)

573—574. ПЕСНИ ОФЕЛИИ
ИЗ ТРАГЕДИИ «ГАМЛЕТ»

1

Как в толпе его найдем —
Твоего дружка?
Шляпа странника на нем,
А в руках клюка.

Он угас и умер, леди,
Он могилой взят.
В головах — бугор зеленый,
Камень — возле пят.

Бел твой саван, друг мой милый.
Сколько белых роз
В эту раннюю могилу
Ливень слез унес.

2

В день святого Валентина,
В первом свете дня
Ты своею Валентиной
Назови меня.

Тихо ввел он на рассвете
Девушку в свой дом —
Ту, что девушкой вовеки
Не была потом.

(1946)

575. ПЕСНЯ БАЛТАЗАРА
ИЗ КОМЕДИИ «МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО»

Что толку, леди, в жалобе?
Мужчины — шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу другая.

Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

Зачем нам плакать? Лучше петь.
Весной грустить не велено.
Мужчины женщин ловят в сеть
С тех пор, как весны зелены.

Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

(1946)

576. ПЕСНЯ ШУТА

ИЗ КОМЕДИИ «ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»

Когда еще был я зелен и мал, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Любую проделку я шуткой считал,
А дождь себе льет да льет.

Я вырос, ничуть не набравшись ума, —
Лей, ливень, всю ночь напролет!
На ключ от бродяг запирают дома,
А дождь себе льет да льет.

Потом я, как все, обзавелся женой, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Ей не было сытно и сухо со мной,
А дождь себе льет да льет.

Хоть годы меня уложили в постель, —
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождик всё льет да льет.

Пусть мир существует бог весть как давно, —
Чтоб дождь его мог поливать, —
Не всё ли равно? Представленья дано,
А завтра начнется опять!

(1946)

ИЗ ДЖОНА ДОННА

577

Смерть, не гордись, когда тебя зовут
Могучей, грозной. Жалкие слова!
Кого взяла ты — в вечности живут,
И навсегда моя душа жива.

Покой и сон — измученным приют.
И ты, о смерть, надеюсь, такова.
Ты лучшие земные существа
Освободить спешишь от рабских пут.

Слуга судьбы, злодеев, королей,
С войной, чумой в соседстве ты живешь.
Но не гордись: как твой разящий нож,
Дает забвенью мак, цветок полей.

Мы будем спать во гробе до зарн
И вновь воспрянем. Ты же, смерть, умри!

Около 1945

ИЗ ДЖОНА МИЛЬТОНА

578. О СЛЕПОТЕ

Сонет

Когда подумаю, что свет погас
В моих глазах среди пути земного
И что талант, скрывающийся в нас,
Дарован мне напрасно, хоть готова

Душа служить творцу и в должный час
Отдать отчет, не утаив ни слова, —

«Как требовать труда, лишая глаз?» —
Я вопрошаю. Но в ответ сурово
Терпенье мне твердит: «Не просит бог
Людских трудов. Он властвует над всеми.
Служа ему, по тысячам дорог
Мы все спешим, влача земное бремя».

Но, может быть, не меньше служит тот
Высокой воле, кто стоит и ждет.

(1944)

579. О ШЕКСПИРЕ

Нуждается ль, покинув этот мир,
В труде каменотесов мой Шекспир,
Чтоб в пирамиде, к звездам обращенной,
Таился прах, веками освященный?

Наследник славы, для грядущих дней
Не просишь ты свидетельства камней.
Ты памятник у каждого из нас
Воздвиг в душе, которую потряс.

К позору нерадивого искусства,
Твои стихи текут, волнуя чувства.
И в памяти у нас из книг твоих
Оттиснут навсегда дельфийский стих.

Воображенье наше до конца
Пленив и в мрамор превратив сердца,
Ты в них покоишься. Все короли
Такую честь бы жизни предпочли!

(1957)

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

580. ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатю.

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах, и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

(1938)

581. СТАРАЯ ДРУЖБА

Забуть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забуть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой вы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней. . .

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

(1938)

582. РОБИН

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь.
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
«Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин».

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

(1938)

583. В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце. . . Дыныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце. . . Донуны я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

(1938)

584. ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локоп
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелен, —
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук.
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

(1938)

В полях, под снегом и дождем,
 Мой милый друг,
 Мой бедный друг,
 Тебя укрыл бы я плащом
 От зимних вьюг,
 От зимних вьюг.

А если мука суждена
 Тебе судьбой,
 Тебе судьбой,
 Готов я скорь твою до дна
 Делить с тобой,
 Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
 Где ночь кругом,
 Где тьма кругом, —
 Во тьме я солнце бы нашел
 С тобой вдвоем,
 С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
 Весь шар земной,
 Весь шар земной,
 С каким бы счастьем я владел
 Тобой одной,
 Тобой одной.

(1938)

586. ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
 Под сень его густую
 Друзья отечества спешат,
 Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
 Свободный люд толпится,
 Вчера Бастилия была,
 Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шулки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

(1939)

587. МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

«Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!»

Так весело
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

(1939)

588. ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я — Финдлей!»
— Ступай домой. Все спят у нас!
«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?
«Посмел!» — сказал Финдлей.
— Небось наделаешь ты дел. . .
«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори. . .
«А ну!» — сказал Финдлей.
— Ты спать не дашь мне до зари!
«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить. . .
«Впусти!» — сказал Финдлей.
— Всю ночь ты можешь прогостить.
«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь. . .
«Побудь!» — сказал Финдлей.
— Ко мне опять найдешь ты путь.
«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой. . .
«Со мной!» — сказал Финдлей.
— Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» — сказал Финдлей.

(1939)

589

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи! . .

(1941)

590

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.

Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил, —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джемми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джемми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джемми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джемми,
Навсегда закрою!

(1941)

591. ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Всё так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копыями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,

Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правез,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет. . .

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

(1943)

592

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва. . .

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

(1945)

593. ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть, — те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем
есть, —

Значит, нам благодарить остается небо!

(1946)

594. ПЕСНЯ

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

(1946)

595. ПОЧЛЕГ В ПУТИ

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: «Нельзя ль
Еще подушку принести?»

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
«Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!»

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель,
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.

И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
«Ах, погубили вы меня!» —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: «Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!»

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне. . .

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

(1946)

596. ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит. . .

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

(1946)

597. МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце война не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

(1946)

598—601. (ИЗ КАНТАТЫ «ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ»)

1

ПЕСНЯ ОТСТАВНОГО СОЛДАТА

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою.
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

(1943)

8

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ПОЭТА

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами выются пчелы.
И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастаньских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И всё такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И всё такое прочее! . .

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ПОЭТА

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздор!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично, где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы друг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

(1947)

602. ПОЦЕЛУЙ

Влажная печать признаний,
Обещанье гайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять? . .
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

(1949)

603. ТЭМ О'ШЕНТЕР

Повесть в стихах

Когда на город ляжет тень
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот, —

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он наливался —
Старинный Эйр, — ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэтти.
А ведь она была права. . .
Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковной служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья сставляли. . .

Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено,
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валялись оба!

Так проходил за часом час,
А в очаге огонь не гас.

Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился всё чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было всё равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегружённая пчела.

Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед.
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...

В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом —
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он несся вдаль, взметая грязь.

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему. . .

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекый хор чертей и сов.

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь, у этих вод,
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь, у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею ракитой —
Младенец найден был зарытый.

А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп. . .

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.

Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.
И не кадрили они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Всё веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало прожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины. . .

Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала. . .
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.

Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы всё быстрее,
Неслись вприпрыжку и вприскокку,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.
Будь эти пляшущие тетки
Румянощекные красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно, —
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд

Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули,
Во мне нутро перевернули!

Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)
Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений. . .

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижим, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.

Но вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не смог.

Он прохрипел, вздыхая тяжело:
«Ах ты, короткая рубашка! . . .»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас. . .

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье. . .
Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетаая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!» —

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор. . .
О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена:
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, —
Ее бока в поту и в мыле.

О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста! . .

В последний раз собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост. . .

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас
Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой, —

Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг! . .

(1950)

604. ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
    Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
    Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
    Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
    И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
    В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
    В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
    Долги, убытки. . .
Но не терпел я никогда
    Подобной пытки!

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
    (В том нет сомнений!),
Ты будешь первой в ряду
    Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
    За своеволие,
Казни врагов моей страны
    Зубною болью!

(1950)

605. ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятия —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

(1950)

606. ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей.
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.

Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как ручьи, мечты мои
К тебе стремятся, Джин.

Тебя напоминает мне
В полях цветок любой.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.

Бубенчик ландыша в росе,
Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин.

На Клайд-реке богат, хорош
У девушек наряд,
Но лучше Джинни ты найдешь
Красавицу навряд.

Девиц мы знаем городских,
Одетых в шелк, муслин.
Но всех прекрасней щеголих
В холщовом платье Джин.

Она милей и веселей
Ягненка на лугу.
И никаких грехов за ней
Признать я не могу.

Ее глаза яснее дня,
А грех ее один:
С такою щедростью меня
Дарит любовью Джин!

О ветер западный, повеи,
Зашелести листвою.
Пусть нагруженная с полей
Летит пчела домой.

Мою любовь ко мне верни
С холмов твоих, равнин.
Улыбкой пасмурные дни
Мне озаряет Джин.

Какие клятвы без числа
Соединили нас,
Как нам разлука тяжела
Была в рассветный час!

Кто знает души всех людей
До самых их глубин, —
Тот видит, что всего милей
Мне в этом мире Джин!

(1950)

807. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ

Мы к вам пришли
Не тешить взгляд
Заводом вашим местным,
А для того,
Чтоб смрадный ад
Был местом,
Нам известным.

Мы к вам стучались
Целый час.

Привратник не ответил.
И дай нам бог,
Чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

(1950)

608. КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверстишней?

(1950)

609. СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно. . .

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю. . .
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

(1950)

610. МОЕМУ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
    Боясь упрека
Или неправого суда
    Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
    Любви награда,
Хоть ты, по мнению всех церквей, —
    Исчадь ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
Молоть старухи!

И всё же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный.
В твоём рожденье виноват
Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
Как нужно людям,
Но мы с тобой делить обед
И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
Нельзя, конечно!

(1950)

611. ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать.
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом!

(1952)

612. РАССТАВАНИЕ

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною,
Окружен я тьмой ночьюю.

Не клянусь своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит,
Кто полюбит, не разлюбит.

Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!

Будь же ты благословенна,
Друг мой первый, друг бесценный.
Да сияет над тобою
Солнце счастья и покоя.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

(1952)

613. СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой,
И сухопутный и морской,
Не стоит славословья.
Готов я кровь отдать свою

В том жзнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

(1953)

614—620. ЭПИГРАММЫ

1

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, — слышал я, —
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит. . .
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

(1944)

2

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд.
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

(1945)

3

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ШКОЛЬНОГО ПЕДАГАГА

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей. . .
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

(1946)

4

ПРОПОВЕДНИКУ ЛЕМИНГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то лёдник.
А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!

(1946)

5

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе. . .
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!

(1950)

6

ЭПИТАФИЯ БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело. . .
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!

(1950)

ЭПИТАФИЯ САМОУБИЙЦЕ

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господа избавил.

(1955)

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

621. ВСТУПЛЕНИЕ К «ПЕСНЯМ НЕВИННОСТИ»

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышние
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

«Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть?»
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

«Кинь счастливый свой тростник,
Ту же песню сам пропой!» —
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

«Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня!» —
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

(1915, 1946)

622. АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Как ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
    Кто он, агнец милый?
    Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
    Агнец, агнец милый,
    Бог тебя помилуй!

(1915, 1963)

623. ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлеет огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

(1915, 1946)

624. СОН

Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу: в травах меж сетей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одинок,
Обхватил он стебелек.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

«Мураши мои одни.
Дома ждут меня они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой!»

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
«Чей, — спросил он, — тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук со мной летит в обход.
Следуй до дому за ним —
Будешь цел и невредим!»

(1915, 1944)

625. ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги-школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Непастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распутившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

(1916, 1963)

626. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

(1916, 1957)

627. МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

(1917, 1946)

628. ПЕСНЯ ДИКОГО ЦВЕТКА

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

«Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самую зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой».

(1918, 1963)

629. <ИЗ ПОЭМЫ «МИЛЬТОН»>

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышних?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копьё и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

(1918, 1963)

630. ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

(1943)

631. ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разннув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей. . .
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

(1946)

632. ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань и женский стон
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

(1946)

633. МЕЧ И СЕРП

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

(1946)

634

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я всё сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

(1946)

635. ДИТЯ-РАДОСТЬ

«Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени».

«Как же тебя назову?»
— «Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!»

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

(1946)

636. ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три --- одна в другой.
О, сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

1940-е годы

637. ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

(1957)

638. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сон, сон,
Полог свой
Свей над детской головой.
Пусть нам снится звонкий ключ,
Тихий, тонкий лунный луч.

Легким трепетом бровей
Из пушинок венчик свей.
Обступи, счастливый сон,
Колыбель со всех сторон.

Сон, сон,
В эту ночь
Улетать не думай прочь.
Материнский нежный смех,
Будь нам лучшей из утех.

Тихий вздох и томный стон,
Не тревожьте детский сон.
Пусть улыбок легкий рой
Сторожит ночной покой.

Спи, дитя, спокойным сном.
Целый мир уснул кругом,
Тихо дышит в тишине,
Улыбается во сне.

Милый мальчик, образ твой
Мне напомнил лик святой,
Лик того, кто, слаб и мал,
В яслях некогда лежал.

Тихо плакал он во сне
О тебе и обо мне.
И теперь глядит, любя,
Он с улыбкой на тебя.

Он смеется всем, кто мал.
Он для них младенцем стал.
Детский смех — небесный смех —
В царство мира манит всех.

(1957)

639. МУХА

Бедняжка-муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, —

Так пусть умру я
Или живу, —
Счастливой мухой
Себя зову.

(1957, 1963)

6Ю. О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из нас не тронет,
Если сын ваш тяжко стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнеможеть?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Он дает отраду нам,
Он младенцем был и сам,
Сам изведал он печаль,
И ему страдальцев жаль.

Разве слабый детский стон
С высоты не слышит он?
Разве каждый вздох людской
Не встречает он с тоской?

Он стремится нам помочь,
Наши скорби гонит прочь,
А пока их не прогонит,
Он и сам от скорби стонет.

(1963)

641. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий всё живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доньше не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

(1963)

642. ИЗ «ПРОРИЦАНИЙ НЕВИННОСТИ»

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гнев свод небесный.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Дому жребий безысходный
Предвещает пес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Заяц, пулей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка рашит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, бродя на вольной воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь свой долгий путь.

Дело рук — топор и плуг,
Но рукам не сделать рук.

Каждый знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Ждет возмездья плач детей
Под ударами плетей.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедняка дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую щадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разуменье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода униженье.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Ухмыляется, не зная,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Не верящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный.

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь родятся дети.

Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,

Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.

Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.

Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.

(1914, 1963)

648. ИЗ КНИГИ «ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.

С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.

Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.

Что ты считаешь райским садом,
Я назову кромешным адом.

Сократ Милетов идеал
Народным бедствием считал.

И был Кайафа убежден,
Что благодетельствует он.

Мы смотрим в Библию весь день:
Я вижу свет, ты видишь тень.

Уж так ли кроток был Христос?
В чем это видно, — вот вопрос.

Ребенком он покинул дом.
Три дня искали мать с отцом.

Когда ж нашли его, Христос
Слова такие произнес:

«Я вас не знаю. Я рожден
Отцовский выполнить закон».

Когда богатый фарисей,
Явившись втайне от людей,

С Христом советоваться стал,
Христос железом начертал

На сердце у него совет
Родиться сызнова на свет.

Христос был горд, уверен, строг,
Никто купить его не мог.

Он звал хитро, ведя беседу,
«Я духом нищ — за мною следуй!

Вот путь единственный на свете,
Чтоб не попасть корысти в сети».

Предать друзей, любя врагов, —
Нет, не таков завет Христов.

Он проповедовал учтивость,
Смиренье, кротость, но не льстивость.

Он, торжествуя, крест свой нес.
За то и был казнен Христос.

Антихрист, льстивый Иисус,
Мог угодить на всякий вкус,

Не возмущал бы синагог,
Не гнал торговцев за порог

И, кроткий, как ручной осел,
Кайафы милость бы обрел.

Бог не писал в своей скрижали,
Чтобы себя мы унижали.

Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество. . .

Ведь ты и сам — частица вечности.
Молись своей же человечности.

(1957)

1

РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА С ПРИХОЖАНИНОМ

«Мой сын, смирению учитесь у овец!..»
— «Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!»

(1955)

2

Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

(1957)

3

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

(1957)

4

«Что оратору нужно? Хороший язык?»
— «Нет, — ответил оратор. — Хороший парик!»
— «А еще?» Не смутился почтенный старик
И ответил: «Опять же хороший парик».
— «А еще?» Он задумался только на миг
И воскликнул: «Конечно, хороший парик!»

«Что, маэстро, важнее всего в портретисте?»
Он ответил: «Особые качества кисти».
— «А еще?» Он, палитру старательно чистя,
Повторил: «Разумеется, качество кисти».
— «А еще?» Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: «Высокое качество кисти!»

(1962)

К восставшей Франции мошенники Европы
 Как звери отнеслись, а после — как холопы.

(1963)

ИЗ ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

649. АГАСФЕР

Многопенные потоки,
 Пробежав скалистый путь,
 Ниспадают в дол глубокий,
 Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смирится
 Гнев грозы и гул громов,
 Шлемом сумрачным ложится
 На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
 По скалам среди высот,
 Но ее в ненастье прячет
 От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
 Крова мирного лишен,
 Спит меж волн, но их качанья
 Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
 Пляшет ворон в бурной мгле, —
 Рад он пристани родимой
 На незыблемой скале.

Робкий страус до заката
 По пескам стремится свой бег,
 Но и он спешит куда-то
 В сень родную — на ночлег...

Без конца моя дорога,
Цель всё так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в мбей груди.

(1917)

650. КУКУШКА

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты — птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
И твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты — звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь, —
Всё дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он — твой волшебный дом.

(1917, 1941)

651. ЛЮСИ

1

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведал власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал —
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомой крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит.

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас,
«Что, если Люси умерла?» —
Сказал я в первый раз.

•

Среди нехоженных дорог,
Где ключ студень бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.

•

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед английским очагом
Твой лен она прядла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

Забывшись, думал я во сне,
 Что у бегущих лет
 Над той, кто всех дороже мне,
 Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
 Вовеки суждено
 С горами, морем и травой
 Вращаться заодно.

(1941—1945)

ИЗ ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА

652

Она идет во всей красе —
 Светла, как ночь ее страны.
 Вся глубь небес и звезды все
 В ее очах заключены,
 Как солнце в утренней росе,
 Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
 И будет уж совсем не та
 Волос агатовая прядь,
 Не те глаза, не те уста
 И лоб, где помыслов печать
 Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
 И легкий смех, как всплеск морской, —
 Всё в ней о мире говорит.
 Она в душе хранит покой,
 И если счастье подарит,
 То самой щедрою рукой!

(1946)

Не бродить нам вечер целый
 Под луной вдвоем,
 Хоть любовь не оскудела
 И в полях светло, как днем.

Переживет ножны клинок,
 Душа живая — грудь.
 Самой любви приходит срок
 От счастья отдохнуть.

Пусть для радости и боли
 Ночь дана тебе и мне, —
 Не бродить нам больше в поле
 В полночь при луне.

(1946)

631. РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалась,
 Склонясь пред судьбой,
 Мы расставались
 Надолго с тобой.
 В холоде уст твоих,
 В сухости глаз
 Я уж предчувствовал
 Нынешний час.

Был этот ранний
 Холодный рассвет
 Началом страданий
 Будущих лет.
 Удел твой — бесчестье,
 Молвы приговор
 Я слышу — и вместе
 Мы делим позор.

В толпе твое имя
 Тревожит любой.

Неужто родными
Мы были с тобой?
Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я также таю.
Коль будет свиданье
Дано нам судьбой,
В слезах и в молчанье
Встречусь с тобой!

(1946)

655. СОЛНЦЕ БЕССОННЫХ

Бессонных солнце — скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь.
Ты — память счастья, что умчалось прочь.

Еще дрожит бывшего смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек! . .

(1950)

656—657. НА САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОГО МИНИСТРА КЕСТЛЕРИ

1

О Кестлери, ты — истый патриот.
Герой Катон погиб за свой народ,
А ты отчизну спас не подвигом, не битвой —
Ты злейшего ее врага зарезал бритвой!

Зарезался он бритвой, но заранее
Он перерезал глотку всей Британии.

(1951)

ИЗ ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

658. ЗИМА

Тоскует птица о любви своей
Одна в лесу седом.
Шурша, крадется ветер меж ветвей,
Ручей затянут льдом.

В полях живой травинки не найдешь,
Обнажены леса.
И тишину колеблет только дрожь
От мельничного колеса.

(1943)

659. МУЖАМ АНГЛИИ

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружие тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет — жатве рад,
Кто не ищет — делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Ткните ткань для тех, кто гол,
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!

(1946)

660. ЛЕТО И ЗИМА

1

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Плавающих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.

Всё радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

Была зима — такая, что с ветвей
 Комочком белым падал воробей.
 Закованные в ледяные глыбы,
 В речных глубинах задыхались рыбы.
 И до сих пор не замерзавший ил
 В озерах теплых, сморщившись, застыл.

В такую ночь в печах пылало пламя,
 Хозяин с домочадцами, с друзьями
 Сидел и слушал, как трещит мороз...
 Но горе было тем, кто гол и бос!

(1947)

ИЗ ДЖОНА КИТСА

661. КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Вовеки не замрет, не прекратится
 Поэзия земли. Когда в листе,
 От зноя ослабев, умолкнут птицы,
 Мы слышим голос в скошенной траве
 Кузнечика. Спешит он насладиться
 Своим участием в летнем торжестве,
 То зазвенит, то снова притаится
 И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.
 Пришла зима. В полях метет метель,
 Но вы покою мертвому не верьте.
 Трещит сверчок, забившись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек
 Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

(1943)

662. СЛАВА

Дикарка слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее, — тот честь ее порочит!

Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный! Заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простиись учтиво — и работой
Она пойдет, быть может, за тобой!

(1945)

663. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ШОТЛАНДИИ, В ДОМИКЕ РОБЕРТА БЕРНСА

Прожившему так мало бранных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою.
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И всё же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

(1945)

664. ОСЕНЬ

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бессчетных пчел, —
Пусть им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!

Твой склад — в амбаре, в житнице, в дупле,
Бродя на воле, можно увидеть
Тебя сидящей в риге на земле,
И веялка твою взвывает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы.
Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток.
Иль выжимаешь яблоч терпкий сок
За каплей каплю долгие часы. . .

Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход.
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим жнивьем небосвод,
Ты слышишь: роем комары звенят
За пвами — там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор.
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор!

(1945)

Четыре разных времени в году.
 Четыре их и у тебя, душа.
 Весной мы пьем беспечно, на ходу
 Прекрасное из полного ковша.

Смакуя летом этот вешний мед,
 Душа летает, крылья распустив.
 А осенью от бурь и непогод
 Она в укромный прячется залив.

Теперь она довольствуется тем,
 Что сквозь туман глядит на ход вещей.
 Пусть жизнь идет неслышная совсем,
 Как у порога льющийся ручей.

Потом — зима. Безлика и мертва.
 Что делать! Жизнь людская такова.

(1945)

Чему смеялся я сейчас во сне?
 Ни знаменьем небес, ни адской речью
 Никто в тиши не отозвался мне. . .
 Тогда спросил я сердце человежье:

Ты, бьющееся, мой вопрос услышь, —
 Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
 Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
 Молчат и бог и ад. И ты молчишь.

Чему смеялся я? Познал ли ночью
 Своей короткой жизни благодать?
 Но я давно готов ее отдать.
 Пусть яркий флаг изорван будет в клочья.

Сильны любовь и слава смертных дней,
 И красота сильна. Но смерть сильнеей.

(1945)

667. СОНЕТ О СОНЕТЕ

Уж если суждено словам брести
В оковах тесных — в рифмах наших дней,
И должен век свой коротать в плену
Сонет певучий, — как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Поэзии — для ног ее босых?
Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей.
Как царь Мидас ревниво в старину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.

(1945)

668. СОНЕТ

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость — видеть над собою
Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой, тихой, точно сон.

И счастлив тот, кто, сладко утомлен,
Найдет в траве убежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.

И, возвращаясь к своему крыльцу,
Услышав соловья в уснувшей чаше,
Следя за тучкой, по небу скользящей,

Он погрустит, что к скромному концу
Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

(1945)

ИЗ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА

669. У МОРЯ

Бей, бей, бей
В берега, многошумный прибой!
Я хочу говорить о печали своей,
Непокойное море, с тобой.

Счастлив мальчик, который бежит по песку
К этим скалам навстречу волне.
Хорошо и тому рыбаку,
Что поет свою песню в челне.

Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие свет.
Но как тяжело о мертвой руке тосковать,
Слышать голос, которого нет.

Бей, бей, бей
В неподвижные камни, вода!
Благодатная радость потерянных дней
Не вернется ко мне никогда.

(1943)

ИЗ РОБЕРТА БРАУНИНГА

670. В АНГЛИИ ВЕСНОЙ

Быть сегодня в Англии —
В этот день апреля!
Хорошо проснуться в Англии
И увидеть, встав с постели,
Влажные ветви на вязах и кленах
В маленьких, клейких листочках зеленых,
Слышать, как зяблик щебечет в саду
В Англии — в этом году!

А после апреля — в начале мая
Ласточки носятся не уставая.
И там, где цветет над оградой груша,
Цветом своим и росой осыпая
Поле, поросшее клевером, — слушай
Пенье дрозда. Повторяет он дважды
Песню свою, чтобы чувствовал каждый,
Что повторить он способен мгновенье
Первого, вольного вдохновенья.

И пусть еще хмурится поле седое,
В полдень проснутся от света и зноя
Лютики — вешнего солнца подарки.
Что́ перед ними юг этот яркий!

(1943)

ИЗ ЭДВАРДА ЛИРА

671. ЭДВАРД ЛИР О САМОМ СЕБЕ

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он — ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало.
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные.
Кот его называется Фосс.
Тело автора — шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: «Англичанин
в халате бежал из больницы!»

Он рыдает, бродя в одиночку
По горам, среди каменных глыб,
Покупает в аптеке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир. . .
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир!

(1946)

672. ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Щипцы для орехов сказали соседям —
Блестящим и тонким щипцам для конфет:
«Когда ж наконец мы кататься поедем,
Покинув наш тесный и душный буфет?»

Как тяжело томиться весною в темнице,
Без воздуха, света, в молчанье глухом,
Когда кавалеры и дамы в столице
Одно только знают, что скачут верхом!

И мы бы могли гарцевать по дороге,
Хоть нам не случалось еще до сих пор.
У нас так отлично устроены ноги,
Что можем мы ездить без седел и шпор.

Пора нам, — вздохнули щипцы для орехов, —
Бежать из неволи на солнечный свет.
Мы всех удивим, через город проехав!»
— «Еще бы!» — сказали щипцы для конфет.

И вот, нарушая в буфете порядок,
Сквозь щелку пролезли щипцы-беглецы,
И двух верховых, самых быстрых лошадок
Они через двор провели под уздцы.

Шарахнулась кошка к стене с перепугу,
Цепная собака метнулась за ней.
И мыши в подполье сказали друг другу:
«Они из конюшни уведут коней!»

На полках стаканы зазвякали звонко.
Откликнулись грозным бряцаньем ножи.
От страха на голову стала солонка.
Тарелки внизу зазвенели: «Держи!»

В дверях сковородка столкнулась с лоханью,
И чайник со свистом понесся вослед
За чашкой и блюдцем смотреть состязанье
Щипцов для орехов — щипцов для конфет.

И вот по дороге снокойно и смело,
Со шелканьем четким промчались верхом
Щипцы для орехов на лошади белой,
Щипцы для конфет на коне вороном.

Промчались по улице в облаке пыли,
Потом — через площадь, потом — через сад...
И только одно по пути говорили:
«Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!»

И долго еще отдаленное эхо
До нас доносило последний привет
Веселых и звонких щипцов для орехов,
Блестящих и тонких щипцов для конфет...

(1946)

673. КОТ И СОВА

Кот и Сова,
Молодая вдова,
Отправились по морю в шлюпке,
Взяв меду в дорогу
И денег немного
(Чтоб за морем делать покупки).

Сова, поглядев на луну,
На волну,

Занела под звон гитары:
«Ах, милый мой Кот, ты хорош
И пригож.
Давай обручимся — нигде не найдешь
Такой восхитительной пары,
Такой, такой,
Такой, такой,
Такой восхитительной пары».

«Голубушка! — Кот
В ответ ей поет. —
Как ваше прекрасно лицо!
На вас, моя птица,
Хочу я жениться,
Но где бы найти нам кольцо?»

И ночи и дни
Скитались они,
Покуда в прибрежном лесу,
У края земли,
Свинью не нашли
С кольцом обручальным в носу,
В носу, в носу,
В носу, в носу,
С кольцом обручальным в носу.

«Продашь ли колечко иль дашь нам без денег?»
Свинья отвечала: «Продам!»
И этим кольцом обручил их священник —
Индюк, оказавшийся там.

В тот день они ели
Бисквит, карамели,
А вечером, счастья полны,
Рука в руке,
На прибрежном песке
Плясали при свете луны,
Луны, луны,
Луны, луны,
Плясали при свете
Луны...

(1959)

ИЗ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

674. МОРСКАЯ КАДРИЛЬ

Говорит треска улитке: «Побыстрой, дружок, иди.
Мне на хвост дельфин наступит, — он плетется позади.
Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.
Нынче бал у нас на взморье, ты пойдешь ли с нами
в пляс?»

Хочешь, можешь, можешь, хочешь
ты пуститься с нами в пляс?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь
ты пуститься с нами в пляс?

Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!
— «Ох! — улитка пропищала. — Далеко забросит нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс.
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!»

«Ах, что такое далеко? — ответила треска. —
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдём со мной плясать.
Хочешь, можешь, можешь, хочешь
ты пойти со мной плясать?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь
ты пойти со мной плясать?»
(1946)

675. БАЛЛАДА О СТАРОМ ВИЛЬЯМЕ

«Папа Вильям, — сказал любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета,
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?»

«В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами».

«Ты старик, — продолжал любопытный юнец, —
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?»

«В ранней юности, — сыну ответил старик, —
Натирался я мазью особой,
По два шиллинга банка — один золотник.
Вот, не купишь ли банку на пробу?»

«Ты немолод, — сказал любознательный сын, —
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил».

«В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своею,
Что жевать научился на славу!»

«Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?»

«Нет, довольно! — сказал возмущенный отец. —
Есть границы любому терпенью.
Если новый вопрос ты задашь, наконец, —
Сосчитаешь ступень за ступенью!»

(1946)

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

676. ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Шотландская баллада

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —

Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
«Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!»

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволю!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну!» —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед!..»

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!»

(1941)

ИЗ АЛЬФРЕДА ЭДВАРДА ХАУСМЕНА

677. КТО ЭТОТ ГРЕШНИК?

Кто этот грешник юный в наручниках стальных,
И чем он так разгневал попутчиков своих?
Видно, вправду он виновен, если терпит град угроз...
Нет, ведут его в темницу за преступный цвет волос.

Человечество позорит непристойный этот цвет.
За него могли повесить поколения прежних лет.
От петли иль живодерни вряд ли ноги бы унес
Тот, кому дала природа ненавистный цвет волос.

Не жалея сил и денег, красил голову злодей
Или волосы под шляпой скрыть пытался от людей.
Но с него сорвали шляпу, и тотчас же на допрос
Был доставлен нечестивец, скрывший цвет своих волос.

Верно, ждут его в неволе невеселые деньки.
Там для рук его довольно приготовлено пеньки.
Иль долбить он будет камень в зной палящий и в мороз,
Лихом бога поминая за проклятый цвет волос.

(1957)

678. ЦАРИЦА ТЬМЫ

Не помогли ей чары.
Распались в пыль и прах
Ее твердыни страха,
И высох яд в котлах.

Царица тьмы, почуяв
На шее острый нож,
Кричит: «О мой убийца,
Ты завтра сам умрешь».

А он в ответ: «Царица,
Слова твои — не ложь.
Но пусть умру я завтра,
Сегодня ты умрешь!»

1950-е годы

ИЗ ВИЛЬЯМА БАТЛЕРА НЕЙТСА

679. СКРИПАЧ ИЗ ДУННИ

Когда я на скрипке играю,
Вся улица пляшет со мной.
Двоюродный брат мой — священник.
Священник и брат мой родной.

Но я не завидую братьям:
Им старый молитвенник мил,
А я себе песенник славный
На ярмарке сельской купил.

Когда постучимся мы трое
В день Судный у райских ворот,
Привратник нам всем улыбнется,
Но первым меня позовет.

Кто праведен сердцем, тот весел,
Коль скорбный не выдался час.
А веселые любят скрипку,
А веселые любят пляс.

(1944)

680. СТАРАЯ ПЕСНЯ, ПРОЦЕТАЯ ВНОВЬ

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.
Ее белоснежные ножки едва касались земли.
«Любите, — она говорила, — легко, как растет листва».
Но я был глуп и молод и не знал, что она права.

А в поле, где у запруды стояли мы над рекой,
Плеча моего коснулась она белоснежной рукой.
«Живите легко, мой милый, как растет меж камней
трава».
Но я был молод, и горько мне вспомнить ее слова.

(1957)

ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

681. НА ДАЛЕКОЙ АМАЗОНКЕ

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —

Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

(1923)

682. ЕСЛИ В СТЕКЛАХ КАЮТЫ

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,

А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт,
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, —

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

(1923)

683. ГОРБ ВЕРБЛЮЖИЙ

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,

Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забуть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

(1923)

684. ЕСТЬ У МЕНЯ ШЕСТЕРКА СЛУГ

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И всё, что вижу я вокруг, —
Всё знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Считай, считай, считай, считай, патроны пересчитывай.
А если зазеваешься, — тебя раздавят тысячи.
Буцы, буцы, буцы, буцы втопчут в пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Голод, боль, бессонницу — всё ты можешь вынести.
Но нельзя, нельзя, нельзя слышать, как без устали
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Днем еще туда-сюда — всё же ты в компании.
Но когда кругом ни зги, только слышишь сапоги —
Только буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

Сорок дней я был в аду и скажу по совести,
Там не жарят, не пекут, — там всё то же, что и тут:
Буцы, буцы, буцы, буцы топчут пыль дорожную.
От войны никуда не уйдешь.

(1931)

686. ТОММИ АТКИНС

Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
«Нельзя!» — трактирщик говорит, взглянув на мой
мундир.
Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:

«Солдат — туда, солдат — сюда! Солдат, крадись, как
вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» — когда играют
сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь», — когда играют
сбор».

Явился трезвого трезвей я в театральный зал.
Но пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спровадили меня — под самый небосвод.
Но если пушки загремят, меня пошлют вперед!

Солдат — туда, солдат — сюда! Гони солдата вон!
Но если надо на войну — пожалуйте в вагон.
В вагон пожалуйте, друзья, пожалуйте в вагон.
Но если надо на войну, пожалуйте в вагон!

Пушкой вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.

Солдат — такой, солдат — сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан,
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он — храбрец, когда в строю зальется барабан.

Мы — не шеренга храбрецов и не толпа бродяг.
Мы — просто холостой народ, живущий в лагерях.
И если мы подчас грешим — народ мы холостой, —
Уж извините: в лагерях не может жить святой!

Солдат — такой, солдат — сякой, но он свой помнит
долг,
И если пули засвистят — в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк,
Но если пули засвистят, в огонь уходит полк!

Сулят нам лучший рацион и школы — черт возьми! —
Но научитесь наконец нас признавать людьми.
Не в корме главная беда, а горе наше в том,
Что в этой форме человек считается скотом.

Солдат — такой, солдат — сякой, и грош ему цена.
Но он — надежда всей страны, когда идет война.
Солдат — такой, солдат — сякой! Но как бы
не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит всё насквозь!

(1941)

687. ЕСЛИ...

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова —
Без прежних сил — возобновить свой труд,

И если ты способен всё, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Всё проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» —

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля — твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты — человек!

(1945)

Макавити, Макавити, таинственный Макавити!
Законы наши соблюдать его вы не заставите.
Презрел он тяготения всемирного закон.
На месте преступления ни разу не был он.
Его преследуй по пятам, беги наперерез,
Ищи по крышам, чердакам— Макавити исчез!

Он ярко-рыж, высок и худ, угрюмый кот-бандит,
Глаза ввалились у него, но в оба он глядит.
Морщины мыслей и забот на лбу его легли,
Усы не чесаны давно, и воротник в пыли.
Он так и вьется на ходу змеей среди кустов.
Вам кажется, что он уснул, а он к прыжку готов!

Макавити, Макавити, таинственный Макавити,
Он дьявол в образе кота, его вы не исправите.
У вас на крыше, на дворе встречает он рассвет,
Но на месте преступленья никогда злодея нет!

По виду он — почтенный кот от лап до бакенбард,
И оттиска его когтей не сделал Скотланд-Ярд.
Но если ночью совершен на окорок налет,
Стекло разбито в парнике, цыплят недостает,
Ограблен сейф, иль певчий дрозд погиб во цвете лет, —
Там без него не обошлось... Но там его уж нет!

А если в министерстве исчезнет договор
Или в Адмиралтействе чертеж похитит вор,
И вы найдете чей-то след у входа в кабинет, —
Искать его — напрасный труд: злодея нет как нет!

В секретном департаменте, наверно, скажут вам:
«Да, тут не без Макавити... Но где теперь он сам?..»
Он отдыхает в тишине и лижет рыжий хвост
Иль смертности мышей и крыс учитывает рост.

Макавити, Макавити, единственный Макавити!
Его вы не отравите, его вы не удавите!
Он двадцать алиби подряд представит на суде
Как доказательство того, что не был он нигде.

Я знаю множество других разбойников-котов,
Но я уверен, убежден и присягнуть готов,
Что все коты, которых ждет и ловит Скотланд-Ярд,
На побегушках у него, а он — их Бонапарт!

(1945)

ИЗ АЛЕКСАНДРА АЛАНА МИЛНА

620. БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ БУТЕРБРОДЕ

Король,
Его величество,
Просил ее величество,
Чтобы ее величество
Спросила у молочницы:
Нельзя ль доставить масла
На завтрак королю.

Придворная молочница
Сказала: «Разумеется,
Схожу,
Скажу.
Корове,
Покуда я не сплю!»

Придворная молочница
Пошла к своей корове
И говорит корове,
Лежащей на полу:

«Велели их величества
Известное количество
Отборнейшего масла
Доставить к их столу!»

Ленивая корова
Ответила спросонья:

«Скажите их величествам,
Что нынче очень многие
Двуногие-безрогие
Предпочитают мармелад,
А также пастилу!»

Придворная молочница
Сказала: «Вы подумайте!»
И тут же королеве
Представила доклад:

«Сто раз прошу прощения
За это предложение,
Но если вы намажете
На тонкий ломтик хлеба
Фруктовый мармелад,
Король, его величество,
Наверно, будет рад!»

Тотчас же королева
Пошла к его величеству
И, будто между прочим,
Сказала невпопад:
«Ах да, мой друг, по поводу
Обещанного масла...
Хотите ли попробовать
На завтрак мармелад?»

Король ответил:
«Глупости!»
Король сказал:
«О боже мой!»
Король вздохнул: «О господи!» —
И снова лег в кровать.

«Еще никто, — сказал он, —
Никто меня на свете
Не называл капризным...
Просил я только масла
На завтрак мне подать!»

На это королева
Сказала: «Ну конечно!» —
И тут же приказала
Молочницу позвать.
Придворная молочница
Сказала: «Ну конечно!» —
И тут же побежала
В коровий хлев опять.

Придворная корова
Сказала: «В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела.
Возьмите простокваши,
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать!»

Придворная молочница
Сказала: «Благодарствуйте!» —
И масло на подносе
Послала королю.
Король воскликнул: «Масло!
Отличнейшее масло!
Прекраснейшее масло!
Я так его люблю!»

Никто, никто, — сказал он
И вылез из кровати. —
Никто, никто, — сказал он,
Спускаясь вниз в халате. —
Никто, никто, — сказал он,
Намылив руки мылом. —
Никто, никто, — сказал он,
Съезжая по перилам, —
Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд,
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд!»

(1946)

691. НЕПОСЛУШНАЯ МАМА

Джеймс, Джеймс
Моррисон, Моррисон,
А попросту —
Маленький Джим,
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше,
Чем мама за ним.

Джеймс, Джеймс
Говорил: «Дорогая,
Помни, что ездить одна
В город
До самого
Дальнего края
Ты без меня не должна!»

Но очень упряма
Была его мама.
(Так люди о ней говорят.)
Упрямая мама
Надела упрямо
Свой самый
Красивый наряд.
«Поеду, поеду, —
Подумала мама, —
И буду к обеду
Назад!»

Король
Объявление велел написать
И вывесить
Там, где надо:
«Пропала,
Ушла
Иль украдена мать,
И тем, кто сумеет
Ее отыскать,
Сто золотых награда!»

Искали-искали
Пропавшую маму,
Искали три ночи,
Три дня.
Был очень
Английский король озабочен,
И свита его,
И родня.

Английский король
Говорил королеве:
«Ну кто же из нас виноват,
Что многие мамы
Ужасно упрямы
И ездят одни, без ребят?»

Я знаю, —
Сказал он, —
Ту площадь в столице,
Где мой расположен дворец.
Но в нашей столице
Легко заблудиться,
Попав
В отдаленный конец!»

Джеймс, Джеймс
Моррисон, Моррисон,
А попросту —
Маленький Джим,
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше, чем мама за ним.

Он очень скучал
По уехавшей маме.
«Но чья, — говорил он, — вина,
Что бедная мама
Решила упрямо
Куда-то поехать одна? ..»

Но вот отыскалась
Пропавшая мама.

С дороги
Пришла от нее телеграмма,
В которой писала она:

«Целую, здорова,
И — честное слово —
Не буду я ездить
Одна!»

(1962)

692. У ОКНА

Вот две капли дождевые
На стекле. Они живые.

Кто скорей домчится вниз,
Та получит первый приз.

Каждой капле дал я имя:
Это — Джонни, это — Джимми.

Первым в путь пустился Джим.
Джон покуда недвижим.

Джим немножко тяжелее,
Но за Джона я болею.

С места сдвинулся и он.
Поторапливайся, Джон!

Джим вперед летит без страха.
Джон ползет, как черепаха.

Но и Джим застрял в пути —
Должен муху обойти.

Джон догнал в дороге Джима
И спокойно мчится мимо,

Но и Джим неутомим —
Нажимает снова Джим,

Вниз несется что есть духу,
Налетел опять на муху.

Джон его и обогнал.
Молодец! Я так и знал.

Но исчез он, словно не был...
Тут и солнце вышло в небо.

(1962)

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ РАЗНЫХ ВРЕМЕН

693. НАДШЕЬ НА КАМНЕ

Здесь я покоюсь — Джимми Хогг.
Авось грехи простит мне бог,
Как я бы сделал, будь я бог,
А он — покойный Джимми Хогг!

(1946)

694. НА ХУДОЖНИКА-ПОРТРЕТИСТА

В своих портретах, как ни бился,
Добиться сходства он не мог.

Его детьми утешил бог, —
И в них он сходства не добился!..

(1946)

695. В ЗАЩИТУ ПОЭЗИИ

«Поэзия глупа!» В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом, —
Он может быть и просто дураком!

(1946)

696. ЭПИТАФИЯ-ОБЪЯВЛЕНИЕ

Лежу под камнем я — вдова
Владельца «Золотого Льва».

Покорный воле провиденья,
Мой сын содержит заведение.

(1946)

697. ЭПИТАФИЯ СКРЯГЕ

Он умер оттого, что был он скуп:
Не полчился, — денег было жалко;
Но если б знал он цену катафалка,
Он ожил бы, чтобы нести свой труп!

(1946)

698. НА СМЕРТЬ ПОХОРОННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Оплакивал он многих — по профессии,
Но только раз себе позволил он
Лежать во время траурной процессии
И не напиться после похорон.

(1946)

699. НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ГРЕНАДЕРА ХЕМШИРСКОГО ПОЛКА

Я, гренадер, лежу в земле сырой.
Я простудился, выпив кружку пива.
Не пейте пива жаркою порой,
А пейте спирт — и будете вы живы!

(1946)

700. НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв название тома.

Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?

(1946)

701. СПОР ГОРОДОВ О РОДИНЕ ГОМЕРА

Семь спорят городов о дедушке Гомере:
В них милостыню он просил у каждой двери!

(1946)

702. ВЕТОЧКА

Пригнул я веточку весной —
Из тысячи одну.
Она не спорила со мной,
Пока была в плену.
Когда же я ее домой
Отправил — в вышину, —

Какой был шум, какой был свист!
Разрезав воздух, точно хлыст,
Она ушла к другим ветвям,
Меня послав ко всем чертям.

И долго в тишине лесной
Шептались ветки надо мной. . .

(1946)

703. О ПОЦЕЛУЕ

«Он целовал вас, кажется?»
— «Боюсь, что это так!»
— «Но как же вы позволили?»
— «Ах, он такой чудак!
Он думал, что уснула я
И всё во сне стерплю,
Иль думал, что я думала,
Что думал он: я сплю!»

(1946)

704. О ПЬЯНСТВЕ

Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство — без причин!

(1946)

705. ПРОСТАЯ ИСТИНА

Мятеж не может кончиться удачей, —
В противном случае его зовут иначе.

(1946)

706. О ВРЕМЕНИ

Мы говорим, что убиваем время.
Пустое хвастовство! Приходит час —
И время расправляется со всеми,
Всех убивает нас.

(1946)

707. НА НЬЮТОНА И ЭЙНШТЕЙНА

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.

(Эпиграмма XVIII века)

Но сатана недолго ждал реванша.
Пришел Эйнштейн — и стало всё как раньше.

(Эпиграмма XX века)

(1946)

708. ЭПИТАФИЯ

Георг Третий
Не должен был существовать на свете,
В истории английской
Он кажется ошибкой иль опиской.

Осталось от него, когда он помер,
Одно лишь имя громкое да номер!

(1946)

709. ПО ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Сегодня в полдень пущена ракета.
Она летит куда скорее света
И долетит до цели в семь утра
Вчера...

1946 (?)

710. ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Надпись в соборе Эльджин

Какая шутка — наша жизнь земная!
Так раньше думал я. Теперь я это знаю.

1946 (?)

711. ЗАВЕЩАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

Пусть на моем напишут пьедестале:
Грешил он много, но его читали.

1946 (?)

712. «НЕ ПРЕЗИРАЙ СОНЕТА»

Не презирай сонета, критик!

Вордсворт

Не будь к сонету, критик, слишком строг.
Пускай бездарен он и скучен очень часто,
Но в нем не более четырнадцати строк,
А ведь в иных стихах бывает полтора́ста!

1950

Барвиха

713. МАЛЕПЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

Под этой скромной насыпью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли. . .
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с могилой имя «Джон».

(1955)

714. ОПАСНЫЙ НОМЕР

Улыбались три смелых девицы
На спине у бенгальской тигрицы.
Теперь же все три —
У тигрицы внутри,
А улыбка на морде тигрицы.

(1956)

715. ТОСТ ЗА ДВОИХ

Да здравствует король —
Храни его, о боже.
И дерзкий претендент
Да процветает тоже!

Я пью за них двоих,
Не зная, кто ж на троне:
Законный ли король
Иль претендент в короне.

(1956)

716. ЭПИТАФИЯ ШОФЕРУ

Бедный малый в больничном бараке
Отдал душу смиренную богу:
Он смотрел на дорожные знаки
И совсем не смотрел на дорогу...

(1956)

717. НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Он видел, как пташка с куста
Слетела, заметив кота.
«Что ж, пташка была
Слаба и мала?»
— «Нет, вчетверо больше куста».

1956 (?)

718. КОРОЛЬ И КОШКА

На короля глядеть в упор
Имеет право кошка.
И я могу на всякий вздор
Глядеть в свое окошко.

1956 ?

719. ДОЖДИК

Всех мочит дождик с высоты,
Но больше мокнет люд хороший,
У нехороших есть зонты,
И макинтоши,
И калоши.

1956 ?

Адам пахал, его жена
Возилась с сыном Канном.
А кто же в эти времена
Был лордом и хозяином?

(1961)

ИЗ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

721. ЛОРЕЛЕЙ

Не знаю, о чем я тоскую.
Покоя душе моей нет.
Забуть ни на миг не могу я
Преданье далеких лет.

Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.

Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем ее золотым.

Проводит по золоту гребнем
И песню поет она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.

Пловец в челноке беззащитном
С тоскою глядит в вышину.
Несется он к скалам гранитным,
Но видит ее одну.

А скалы кругом всё отвесней,
А волны — круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.

(1951)

722

Рокочут трубы оркестра,
И барабаны бьют.
Это мою невесту
Замуж выдают.

Гремят литавры лихо,
И гулко гудит контрабас.
А в паузах ангелы тихо
Вздыхают и плачут о нас.

(1951)

723

Двое перед разлукой
Безмолвно подают
Одни другому руку,
Вздыхают и слезы льют.

А мы с тобой не рыдали,
Когда нам расстаться пришлось.
Тяжелые слезы печали
Мы пролили позже — и врозь.

(1951)

724. ГОНЕЦ

Гонец, скачи во весь опор
Через леса, поля,
Пока не въедешь ты во двор
Дункана-короля.

Спроси в конюшне у людей,
Кого король-отец
Из двух прекрасных дочерей
Готовит под венец.

Коль темный локон под фатой,
Ко мне стрелой лети.
А если локон золотой,
Не торопись в пути.

В канатной лавке раздобудь
Веревку для меня
И поезжай в обратный путь,
Не горяча коня.

(1951)

725

Когда выхожу я утром
И вижу твой тихий дом,
Я радуюсь, милая крошка,
Приметив тебя за окном.

Читаю в глазах черно-карих
И в легком движении век:
«Ах, кто ты и что тебе надо,
Чужой и больной человек?»

Дитя, я поэт немецкий,
Известный в немецкой стране.
Назвав наших лучших поэтов,
Нельзя не сказать обо мне.

И той же болезнью я болен,
Что многие в нашем краю.
Припомнив тягчайшие муки,
Нельзя не назвать и мою.

(1951)

Над пеною моря, раздумьем объят,
 Снжу на утесе скалистом.
 Сшибаются волны, и чайки кричат,
 И ветер несется со свистом.

Любил я немало друзей и подруг.
 Но где они? Кто их отыщет?
 Избегают и пенятся волны вокруг,
 И ветер протяжно свищет.

(1951)

Когда тебя женщина бросит — забудь,
 Что верил ее постоянству.
 В другую влюбись или трогайся в путь,
 Котомку на плечи — и странствуй.

Увидишь ты озеро в мирной тени
 Плакучей ивовой рощи.
 Над маленьким горем немного всплакни,
 И дело покажется проще.

Вздыхая, дойдешь до синеющих гор.
 Когда же достигнешь вершины,
 Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
 И клетот услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы.
 И, жить начиная сначала,
 Увидишь с крутой и высокой скалы,
 Что в прошлом потеряно мало!

(1951)

Материю песни, ее вещество
 Не высосет автор из пальца.
 Сам бог не сумел бы создать ничего,
 Не будь у него матерьяльца.

Из пыли и гнили древнейших миров
 Он создал мужчину — Адама.
 Потом из мужского ребра и жиров
 Была изготовлена дама.

Из праха возник у него небосвод.
 Из женщины — ангел кроткий.
 А ценность материи придает
 Искусная обработка.

(1951)

Они мои дни омрачали
 Обидой и бедой —
 Одни своей любовью,
 Другие своей враждой.

Мне в хлеб и вино подсыпали
 Отраву за каждой едой —
 Одни своей любовью,
 Другие своей враждой.

Но та, кто всех больше терзала
 Меня до последнего дня,
 Враждою ко мне не пылала,
 Любить — не любила меня.

(1957)

ИЗ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

730. ПРИВАЛ В ПУТИ

Что тут за шумное веселье?
Пирушка, свадьба, новоселье?
Нет, по пути — сквозь дождь и тьму —
Примчались всадники в корчму.

«Корчмарша, гей! Без проволочки
Налей вина из старой бочки.
Что? Деньги? Будут! Кончим бой —
И рассчитаемся с тобой.

Налей вина из старой бочки
Да не вели стесняться дочке.
Целуй, голубка! Кончим бой —
И обвенчаемся с тобой».

Так пировали, чередуя
Огонь вина и поцелуя,
Те, чью судьбу решал рассвет,
Как будто жить им сотню лет!

Где мы — на свадьбе иль на тризне?
Тут холод смерти с жаром жизни,
Любовь и смерть, вино и кровь,
Смерть и бессмертная любовь!

(1951)

731. ПЯТЫЙ СТАКАН

Да неужто это пятый
    Был стакан?
Ты сегодня рановато,
    Братец, пьян.

Вдвое больше ты стаканов
    Выпивал,
А не помнится, чтоб пьяным
    Ты бывал.

И язык во рту с похмелья
    Уж не тот.
Фермопильское ущелье,
    А не рот!

Что-то стал я выражаться
    Мудрено,
Виновато в этом, братцы,
    Не вино.

Выпить бочку я сумею
    Всю до дна
И, ей-богу, не пьянею
    От вина.

Я служил в полку когда-то,
    Да, в полку,
И носил палаш солдата
    На боку.

Тесноват мундир казенный,
    Но блестящ, —
Отвороты, кант зеленый,
    Сверху плащ.

Был солдатом я завятым,
    Боевым.
Вот те крест, я был солдатом
    Рядовым.

В первый год мне ранец новый
    Был тяжел.
Но до чина рядового
    Я дошел!

И по той простой причине
    Снял мундир,
Чтоб меня не снизил в чине
    Командир.

Где нельзя найти виновных,
    Там солдат
По уставу безусловно
    Виноват.

И поплатится тем паче
    Рядовой,
Если он рожден с горячей
    Головой.

Ваш совет — прощать обиду —
    Не приму.
Мне псалмы царя Давида
    Ни к чему.

Брать меня за кончик носа
    Я не дам.
Знает каждый, что он косит, —
    Знает сам. . .

Впрочем, много я болтаю
    Во хмелю.
Словно мельница пустая,
    Я мелю.

Но без влаги не вертятся
    Жернова.
Дайте мне стаканчик, братцы,
    Или два.

Чтоб лилось струей веселой
В рот вино
И тоску перемололо,
Как зерно.

Целый час болтал я с вами.
А про что?
Про колеса с жерновами?
Нет, не то...

Перепутала дремота
Все слова,
И кружится отчего-то
Голова.

Надо встать, а встать нет мочи.
Время спать.
Ну, друзья, спокойной ночи...
Марш в кровать!

(1951)

732

Блаженны те, кому дано
В короткой этой жизни
Любить подруг, и пить вино,
И жизнь отдать отчизне.

(1952)

ИЗ ЙОВАНА ЙОВАНОВИЧА-ЗМАЯ

733. ЧЕСТЬ

Чести золото не купит:
Честный чести не уступит,
Честь нужна ему, как свет.

Рад продать ее бесчестный. . .
Но, как всякому известно,
У бесчестных чести нет.

(1956)

734. КРАПИВА

Жжется больнее злая крапива,
Если берут ее слишком учтиво.

Если ж возьмете ее не робея,
Злая крапива жалит слабее.

Меньше терзают беды и муки,
Если вы крепко берете их в руки!

(1956)

На странный мост похожа ложь:
Туда ты по мосту пойдешь,
Но только помни, что сюда
Ты не вернешься никогда.

(1956 ?)

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

736. ХОРОВОД

Можно ль козам не бодаться,
Если рожки есть?
В пляс девчонкам не пускаться,
Если пожки есть?

За рога возьмем козленка,
Отведем на луг,
А девчонку за ручонку —
В наш веселый круг!

(1954)

737. НЕУКЛЮЖИЙ ЖУЧОК

Я, жучок,
Рубил сучок,
Рубанул один разок,
Побежал скорей к врачу,
«Полечи меня!» — кричу.

Вышел доктор-старичок:
«Что наделал ты, жучок?»

«Я, жучок,
Рубил сучок,

Рубанул один разок,
Да сучок-то был хитер —
Не попал под мой топор.
Под топор попал я сам.
Тяп — и ланка пополам!»

(1954)

738. А, БЕ, ЦЕ

Знаешь буквы А, Бе, Це?
Сидит кошка на крыльце,
Шьет штанишки мужу,
Чтоб не мерз он в стужу.

(1954)

739. ЗАЯЦ-БЕЗДЕЛЬНИК

Скачет заяц бороздой,
У него карман пустой.
Катя к зайцу подошла,
Калача ему дала,
Подарила медный грошик,
Чтоб купил еды для крошек.
А купил он табаку,
Курит, лежа на боку.
Этакий бездельник!

(1954)

740. ЛЯГУШКА НА ДОРОЖКЕ

Вот лягушка на дорожке.
У нее озябли ножки.
Значит, ей нужны
Теплые штаны,
Суконные,
Зеленые,
В крапинку!

(1954)

ИЗ ОНДРЫ ЛЫСОГОРСКОГО

711. СТРЕКОЗА ОСЕНЬЮ

Пишу я левою рукою эти строки —
На правой у меня трепещет стрекоза.
Она с тревогою глядит в мои глаза.
А в роще лист краснеет одинокий.

Откуда ты, плясунья летних дней?
Сейчас покинешь ты тепло моей ладони.
К зиме умрет последний лист на клене.
А у тебя, крылатой, нет корней.

Вспорхнула ты и вновь на палец села.
Ты не найдешь других гостеприимных рук.
Сочувствуя тебе, сквозь слезы смотрит бук
На узкое твое трепещущее тело.

(1945)

ИЗ ДЖАННИ РОДАРИ

742. ЧЕМ ПАХНУТ РЕМЕСЛА?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идешь мастерской —
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Рыхлой землю,
Полям и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

(1952)

743. КАКОГО ЦВЕТА РЕМЕСЛА?

Цвет свой особый
У каждого дела.
Вот перед вами
Булочник белый.

Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встает он
Раньше, чем птицы.

Черный у топки
Стоит кочегар.

Всеми цветами
Сверкает маляр.

В синей спецовке,
Под цвет небосвода,
Ходит рабочий
Под сводом завода.

Руки рабочих
В масле и в саже.
Руки богатых
Белее и глаже.

Нежные пальцы,
Светлые ногти.
Нет на них копоти,
Масла и дегтя.

Знаешь: пускай у них кожа бела,
Очень черны у богатых дела!

(1952)

744. ТУННЕЛЬ

Туннель — это ночь,
Но не вправду, а в шутку.
Ночь продолжается только минутку.
Поезд так быстро выходит на свет,
Что испугаться времени нет.

(1953)

745. ТОВАРНЫЙ ПОЕЗД

Видите поезд, углем нагружѐнный?
Черные-черные мчатся вагоны.

Только в последнем смотрит из щелки
Белая морда скучающей телки.

(1953)

746. ВЕНЕЦИЯ

Глядит в лагуну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встает такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звезд.
Где ж настоящая луна?
Где настоящий мост?

(1953)

ИЗ «КАЛЕВАЛЫ»

747. РОЖДЕНИЕ КАНТЕЛЕ

Старый, вещий Вейнемейнен,
Проходя опушкой леса,
Услыхал: береза плачет,
Дерево роняет слезы.

Он подходит к свилеватой,
Тихо плачущей березе
И такую речь заводит,
Говорит слова такие:

«Что ты, дерево, тоскуешь?
Что ты плачешь, белый пояс?
На войну тебя не гонят,
Воевать не заставляют».

Тихо молвила береза:
«Людам может показаться,
Будто я смеюсь на солнце,
Будто весело живу я.
Мне же, слабой, не до смеха.
Веселюсь порой от скуки,
Глупая, от горя плачу.

Как не плакать мне, бессильной,
Не томиться, бесталанной!

Кто удачею богаче,
Тот надеется на лето,
Красное, большое лето.
Я же, бедная, тревожусь,
Чтоб кору с меня не сняли,
Не срубили тонких веток.

Краткою весной к березам
Резвые приходят дети,
Режут нас пятью ножами,
Добывая сок прозрачный.

Летом пастухи-злодеи
Белый пояс мой сдирают,
Чтоб сплести кошель и ковшик
И для ягод кузовочек.

Подо мной, березой белой,
Под листвою моею кудрявой,
Девушки в кружок садятся,
Игры девичьи заводят
И зеленый веник вяжут
Из моих душистых веток.

А порою ствол березы
Подсекают для пожоги,
Разрубают на поленья.
Трижды этим жарким летом
Подо мною дровосеки
Топоры свои точили,
Чтобы стройную березу
Подрубить под самый корень.

Вот что лето мне приносит,
Таковы его подарки.
А зима не лучше лета,
Снег и стужа — не милее.

Грусть меня зимой сжимает,
Я сгибаюсь от заботы,
И лицо мое бледнеет.
Злую боль несет мне ветер,
Иней — горькую обиду.

Буря с плеч срывает шубу,
Стужа — платье золотое.
И тогда я, молодая,
Сиротливая береза,
Остаюсь под ветром голой,
Неодетой, неприкрытой.
Дрожью я дрожу от вьюги,
Слезы стынут на морозе».

И промолвил Вейнемейнен:
«Перестань грустить, береза,
Полно плакать, белый пояс!
Скоро ты дождешься доли,
Лучшей доли, жизни новой.
Ты от счастья плакать будешь
И смеяться от веселья!»

С этим словом Вейнемейнен
Взял плакучую березу.
Целый день ее строгал он,
Долгий день над ней работал.
Кантеле построил за день,
Сделал гусли из березы
На мысу среди тумана,
На пустынном побережье.

И промолвил Вейнемейнен:
«Сделан короб деревянный,
Вечной радости жилище.
Славный короб — весь в прожилках,
Весь в разводах и узорах.
Где же я колки достану,
Где достану я гвоздочки?»

Дерево росло на воле —
Дуб высокий на поляне.
Ветви дружные вздымались.
Желуди на каждой ветке
В золотых росли колечках,
И на каждом из колечек —
Голосистая кукушка.

Чуть кукушка закукует,
В пять ладов несутся звуки, —
Золото из клюва каплет,
Серебро из клюва льется.
Вот для кантеле гвоздочки!
Вот колки для звонких гусель!

Есть гвоздочки золотые
И колки для звонких гусель.
Но теперь нужны и струны.
Целых пять достать их надо,
А без струн играть не будешь.

Старый, вещий Вейнемейнен,
Он искать пустился струны,
Струны тонкие для гусель.
И дорогою в долине
Молодую видит деву.

Девушка не плачет горько
И не слишком веселится.
Просто — песню напевает,
Чтоб скорее минул вечер
И пришел ее любимый.

Старый, вещий Вейнемейнен
Сапоги свои снимает
И, подкравшись к юной деве,
Говорит слова такие:

«Пять волос твоих, девица,
Дай для кантеле на струны,
Добрым людям на утеху!»

И без ропота девица
Пять волос дала тончайших,
Пять иль шесть нежнейших прядей
Вейнемейнену на струны,
Добрым людям на утеху.

Вот и кончена работа, —
Вышло кантеле на славу.
Вещий, старый Вейнемейнен

Сел на плоский серый камень,
На гранитную ступеньку.

Взял он гусли осторожно,
В руки взял земную радость,
Выгибом поставил кверху,
А основой — на колени,
И настраивает струны,
Согласует их звучанье.

Наконец, настроив струны,
Короб кантеле кладет он
Поперек своих коленей,
Нанскось слегка поставив.

Опускает он на струны
Ногти рук своих проворных.
Пять его искусных пальцев
По струнам перебегают,
Перепархивают ловко.

Так играет Вейнемейнен,
Отогнув большие пальцы,
Струны чуть перебирая.

И откликнулась береза,
Дерево заговорило
Всей листвою своею зеленой,
Всеми гибкими ветвями,
Звонким голосом кукушки,
Нежным волосом девичьим.

Заиграл он побыстрее —
Громче струны зазвучали.
А кругом трясутся горы,
Валуны, катясь, грохочут,
В море падают утесы,
Мелкая скрежещет галька,
Пляшут сосны на вершинах,
Пни обрубленные скачут.

Девы Калевы и жены,
В хижинах шитье оставив,

Как река с горы, бежали,
Как поток весенний, мчались.

Шли, танцуя, молодежи,
Шли степенные старухи —
Вейнемейнена послушать,
Похвалить его искусство,
Рокот струн звонкоголосых.

Из мужчин кто был поближе —
Шапку снял и слушал тихо.
Женщины стояли молча,
Подперев руками щеки.
Девушки роняли слезы,
Головы склонили парни
И внимали вечным рунам,
Пенью нежному березы.

Все уста одно шептали,
Языки одно твердили:
«Никогда никто не слышал
Музыки такой приятной
С той поры, как светит солнце,
Золотится в небе месяц!»

Далеко, за шесть селений,
Пенье кантеле звучало,
И селенья опустели.
Всё, что было там живого,
Побежало слушать гусли,
Струн приятное звучанье.

Слушали не только люди, —
Звери дикие лесные
На своих когтях сидели,
Пенью кантеле внимая,
Удивляясь нежным звукам.

Опустились с неба птицы
И расселись на деревьях.
Разные морские рыбы
К берегам подплыли близко.
И бесчисленные черви

Из земли ползли наружу,
Чтобы слушать, изгибаясь,
Гусель нежное звучанье,
Радость струн звонкоголосых.

Тут уж старый Вейнемейнен
Показал себя на славу.
Он сыграл им хорошенько,
Очень чисто и красиво,
День играл, другой и третий,
Всё в один присест играл он,
Обуви не сняв ни разу,
Пояса не распуская.

Он играл в своем жилище,
Между стен своих сосновых,
И гудела крыша дома,
Сотрясались половицы,
Окна весело смеялись,
Потолки и двери пели,
Каменная печь плясала,
Притолочный столб качался.

Поднял гусли Вейнемейнен
И пошел зеленым лесом,
А потом сосновым бором.
Ели низко наклонялись,
Сосны головы сгибали.
Шишки с них валились градом,
Сыпались дождем иголки.

А пошел он через рощи,
По лесным побрел полянам, —
Рощи радовались гусям,
И поляны веселились,
А цветы медовой пылью
Усыпали путь-дорогу.

(1949)

748. АЙНО

Айно, дева молодая,
Прутья в рощице ломала,
Венки в лесу вязала:
Батюшке родному — венник,
Матушке родимой — венник.
И еще связала венник
Своему красавцу брату.

Возвращалась к дому Айно,
Шла домой через ольшаник.
Ей в дороге повстречался
Осмойнен, идущий с поля,
Кáлеванин из подсеки.
Увидал он в роще деву
В пестрой юбочке нарядной
И сказал слова такие:
«Не для всех, краса девица,
Для меня, моя невеста,
Ты носи на шее бусы,
Надевай свой крест нагрудный,
Заплетай тугне косы,
Шелком их перевивая».

И ответила девица:
«Нет того на белом свете,
Для кого ношу я бусы,
Шелком косы обвиваю!»

Крест с груди она сорвала,
Кольца с рук швырнула наземь,
Ожерелье — с белой шеи,
С головы — цветные нити —
Матери-земле в подарок,
Лесу темному на память.
А сама вернулась, плача,
В дом родной — на двор отцовский.

Был отец в то время дома,
У окна сидел на лавке,
Украшая топорище.

«Ты о чем горюешь, дочка?
Отчего, девица, плачешь?»

«Как мне, батюшка, не плакать,
Не печалиться, родимый?
Мой нагрудный крест потерял,
Кисти пояса пропали,
Крест — из серебра литого,
Кисти пояса — из меди».

Брат у изгороди частой
Дерево тесал на дуги.
«Ты о чем, сестрица, плачешь?
Что горюешь, молодая?»

«Как не плакать, милый братец,
Не печалиться, родимый?
Лучший перстень мой потерял,
Бусы лучшие пропали —
Золотой, как солнце, перстень
И серебряные бусы».

На мостках сестра сидела,
Золотой вязала пояс.
«Что горюешь ты, сестрица?
Отчего, меньшая, плачешь?»

«Как, сестрица, мне не плакать,
Не печалиться, родная?
У меня в лесу сегодня
Золото со лба скатилось,
Серебро с волос упало,
Синий шелк с лица сорвался,
Красный шелк расплелся в косах».

Мать у погреба сидела,
С молока снимала сливки.
«Ты о чем горюешь, дочка?
Отчего, бедняжка, плачешь?»

«Как мне, матушка, не плакать,
Не печалиться, родная?»

В роще я ломала прутья,
Веники в лесу вязала.
А когда я шла обратно,
Повстречался мне дорогой
Осмойнен, идущий с поля,
Калеванин из подсеки.
Он сказал такое слово:
«Не для всех, душа-девица,
Для меня ты носишь бусы,
Крест серебряный нагрудный,
Ленты шелковые в косах».
Я сорвала крест нагрудный,
С пальцев — перстни золотые,
С белой шеи — ожерелье,
Синий шелк — с лица сорвала,
Красный шелк, вплетенный в косы, —
Матери-земле в подарок,
Лесу темному на память!»

Дочке матушка сказала:
«Ты не плачь, моя дочурка,
Не тоскуй, ребенок милый,
В молодости мной рожденный.
Год кормись коровьим маслом,
Будешь статной и высокой.
Год кормись свиной белой,
Будешь резвой и веселой.
Год — лепешками на сливках,
Всех подруг нежнее будешь.
Да пойдешь на горку, Айно,
Отопри амбары наши,
В самом лучшем из амбаров
На ларце ларец увидишь,
Сундуки под сундуками.
Ты открой сундук заветный.
Под его узорной крышкой
Есть полдюжины блестящих
Поясов золототканых,
Семь хороших синих юбок.
Дочь луны сама их шила,
Солнца дочь их вышивала.

Ты повяжешь косы шелком,
Золото на лоб наденешь,
Шею бусами украсишь,
Драгоценным ожерельем.
Подбери себе рубашку
Белой ткани полотняной,
Натяни на бедра юбку
Самой лучшей синей шерсти,
Поясок надень нарядный,
На ноги — чулки из шелка,
Башмачки — из тонкой кожи,
На руки надень запястья
Да на пальцы по колечку.
А вернешься из амбара
На порог избы отцовской —
Всей семье отрадой будешь,
Роду-племени утехой!

Ты по улице пройдешься,
Как цветок благоуханный,
Словно ягода малина.
С каждым днем прекрасней будешь,
С каждым вечером милее!»

Так сказала мать родная
Дочери своей любимой.
Но не стала слушать дочка
Утешений материнских.
Плача, по двору бродила,
Шла по улице, рыдая,
И, тоскуя, говорила:

«Что за мысли у счастливых?
Что за думы у блаженных?
Верно, мысли у счастливых,
Верно, думы у блаженных
Так и плещут, точно волны,
Волны малые в корыте.

Что за мысли у несчастных,
У девчонок бесталанных?

Верно, мысли у несчастных,
У девчонок бесталанных,
Как сугробы под горою,
Как вода в колодце темном. . .»

Целый день вздыхала Айно,
Целый вечер горевала,
И спросила мать родная:
«Отчего ты, дочка, плачешь?
У тебя жених на славу,
Муж великий на примете.
У окна сидеть он будет,
Разговаривать с роднею».

Но в ответ сказала Айно:
«Ах ты, матушка родная,
Вот о том-то я и плачу —
О красе своей невинной,
О косе своей девичьей,
О волосиках коротких,
Что растут большим на смену.

Целый век я буду плакать,
Тосковать о красном солнце,
Вспоминать про ясный месяц,
Край оплакивать родимый,
Дом родительский, откуда
Ухожу еще ребенком,
Поле, где мой брат работал
Под окном избы отцовской.
Оттого я буду плакать,
Что дитя свое родное
Старику ты обещала,
Посылаешь молодую
Быть для дряхлого опорой,
Для отжившего утехой,
Для трясущегося нянькой,
Для бессильного защитой.
Лучше б ты меня послала
С берега крутого в воду

Быть сигам родной сестрою,
Рыбам вод морских подругой!»

Тут пошла она на горку,
Дверь амбара отворила
И, открыв сундук тяжелый,
Пеструю откинув крышку,
Отыскала шесть блестящих
Поясов золототканых,
Семь хороших синих юбок.

Это платье дорогое
На себя надела Айно,
Золото на лбу связала,
Серебром одела темя.
Синий шелк прикрыл ей щеки,
Красный шелк обвил ей косы.

И пошла она печально
Вдоль одной лесной поляны,
Поперек другой поляны.
Шла по рощам, перелескам,
По прогалинам, болотам,
По лесным дремучим чащам.
По пескам она бродила
И печально напевала:

«Рано мне приходит время
С белым светом распрощаться,
В Мánала уйти навеки,
В дом подземный удалиться.
Плакать батюшка не станет,
Матушка рыдать не будет,
Не прольет мой брат слезинки,
Не вздохнет по мне сестрица,
Если с берега я кинусь
В море, где гуляют рыбы,
Где больше ходят волны
Над глубоким темным илом! . . .»

День была она в дороге
И другой была в дороге,

А на третий день к закату
Ей в пути открылось море,
Камышом шумящий берег.

Плакала весь вечер Айно,
Горько жаловалась ночью
На прибрежном сером камне,
Где залив вдается в берег.

На рассвете рано-рано
Айно в море посмотрела,
Поглядела в ту сторонку,
Где конец виднелся мыса.
Там купались три девицы,
В море весело плескались.
Айно к ним пошла четвертой,
Веточка лесная — пятой.

Бросила у моря Айно
На ольху свою сорочку,
Юбку синюю — на иву,
На земле чулки остались,
Башмачки — на сером камне,
На песке — цветные бусы,
Перстни светлые — на гальке.

Высился утес над морем,
Пестрый камень золотистый.
Поплыла к утесу Айно,
На скалу она взобралась
И уселась на вершине.

Но качнулся пестрый камень,
Быстро в воду погрузился
И ушел на дно морское.
Вместе с ним исчезла Айно,
Айно — вместе со скалою!

Так в волнах погибла дева,
Тихая лесная пташка.

Кто ж теперь доставит слово,
Весть печальную доставит

Роду-племени девицы,
Знаменитому в округе?

Эту весть доставил заяц,
Быстрый заяц длинноногий.
Он принес родному дому
Весть о гибели девицы:

«Ваша дочь погибла в море
С ожерельем оловянным
И серебряною пряжкой.
Отстегнулся медный пояс,
И ушла девица в воду,
В мокрое упала море,
Чтобы стать сигам сестрою,
Рыбам вод морских — подругой!»

Услыхала мать родная,
Залилась слезами тихо,
А потом заговорила:

«Матерям скажу я слово:
Не качайте ваших дочек,
На баюкайте малюток.
А когда придет им время,
Замуж их не выдавайте
За немилых против воли,
Не губите понапрасну
Так, как я сгубила дочку,
Айно, пташечку лесную!»

Так рыдала мать родная,
И текли ручьями слезы
Из очей глубоких, синних
По страдальческим морщинам,
По щекам ее увядшим.
Вот слеза, другая, третья
По щеке ее скатилась,
Пала светлою росой
На подол ее одежды.
Вот слеза, другая, третья
На подол ее скатилась,

А с подола пала наземь —
Матери-земле на благо,
Канула в морскую воду —
Морю синему на благо.

Но еще струились слезы,
И бегущие потоки
Три реки образовали.
А на тех горючих реках —
По три огненных порога.
И у каждого порога
По три отмели песчаных.
А на отмели песчаной —
По холму по золотому.
На холмах растут березы.
И у каждой на верхушке
Три кукушки золотые.

Первая из трех кукушек
«Любит, любит!» — куковала.

А вторая из кукушек
«Милый, милый!» — напевала.

А последняя кукушка
«Радость, радость!» — повторяла.

Первая из трех кукушек
Куковала вешний месяц,
И второй, и третий месяц —
Для девицы, что лежала
Без любви в холодном море.

А вторая из кукушек
Вдвое дольше куковала
Над печальным, одиноким
Женихом девицы юной.

А последняя кукушка
Никогда не умолкала,
Матери несчастной пела,
Навсегда забывшей радость.

И сказала мать родная,
Услыхав напев кукушки:
«Мать, утратившая дочку,
Не должна кукушку слушать.

Чуть кукушка закукует —
Сердце матери забьется,
По щекам польются слезы,
Капли слез крупней гороха,
Тяжелей бобовых зерен...

Укорачивает горе
Век ее на целый локоть,
Отнимает четверть жизни,
Изнуряет скорбью тело.
Нет, не слушайте весною
Пенья звонкого кукушки!»

(1950)

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

749. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушел за медом,
Мать пошла лущить овес.
Скоро батяка будет с медом,
Мать — с овсяным кисельком.

Кто постельку-колыбельку
Для волчонка, медвежонка
Из ветвей сплетет еловых,
Из еловых, из сосновых,
Из березовых ветвей?

Кто подвесит медвежонку,
Медвежонку, олененку
Зыбку легкую на ветку,
Кто им песенку споет?
Будет пьянкой вольный ветер,
Ветер песенку споет.

Стал медведем медвежонок,
Стал оленем олененок,

Оба стали мужиками,
А никто их не лелеял,
Не лелеял, не баюкал,
Не баюкал, не качал.

(1954)

750. ПЕСНЯ ПРО БАНЮ

Спасибо, спасибо
Тому, кто строил баню,
Кто печку топит в бане
И греет воду в чане!

Еще тому спасибо,
Кто поддает нам жару,
Кто поддает нам жару
И не жалеет пару!

Спасибо, спасибо
Заботливой хозяйке,
Спасибо, спасибо
Тому, кто сделал шайки,
Гладко выстругал полук,
Вправил в печку котелок,
Кто дровишек нам припас,
Вяжет веники для нас!
Спасибо, спасибо!

(1954)

751. ХМЕЛЬ И ДЕД

Пьяный хмель и старый дед
Неразлучны с давних лет.
Хмелю дед подпорки ставит,
Деда хмель плясать заставит.

(1954)

752. ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

Черен пахарь в день рабочий —
Золото в его руках.

Пусть черны рыбачьи ночи —
Серебро в их челноках.

(1954)

753. СОВУШКА

Совушка, совушка,
Толстая головушка,
Твои детушки пригожи.
«На меня они похожи!»

А в кого твои совята
Лупоглазы и косматы?
«Все птенцы мои с лица
В черта лешего, в отца!»

(1954)

754. ЧТО ЗА ГРОХОТ?

Что за грохот, что за стук?
Сел комар в лесу на сук.

Треснул сук под комаром —
Вот откуда стук и гром!

(1954)

755. ВСЕМ ДЕРЕВЬЯМ ПО ПОДАРКУ

От зари вечерней яркой
Всем деревьям по подарку:

Дубу-дубу —
Золотую шубу,

Ясеню — сорочку,
Липам -- по платочку,

В чаше каждому кусту —
По цветному лоскуту.

(1954)

ИЗ ЛЕСИ УКРАИНКИ

756. КТО ВАМ СКАЗАЛ?

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?

А если были в нем слышны
И жалобы и пени,
То это бурный плеск весны,
Не мелкий дождь осенний.

А если осень... Не беда —
Цветет ли что иль вянет.
Увянув, ива у пруда
Златобагряной станет.

Когда же саваном зима
Накроет лес раздетый,
Взамен цветов она сама
Рассыплет самоцветы.

Что ж, буду жить я, как живет
Волна в часы покоя.
Как будто спит поверхность вод,
Но море ждет прибой.

(1952)

Упадешь, бывало, в детстве,
Руки, лоб, коленки ранишь, —
Хоть до сердца боль доходит,
А поморщишься и встанешь.

«Что, болит?» — большие спросят.
Только я не признавалась.
Я была девчонкой гордой —
Чтоб не плакать, я смеялась.

А теперь, когда сменилась
Фарсом жизненная драма
И от горечи готова
С уст сорваться эпиграмма, —

Беспощадной силе смеха
Я стараюсь не поддаться,
И, забыв былую гордость,
Плачу я, чтоб не смеяться.

(1954)

ИЗ ОВАНЕСА ТУМАЦЯНА

758. КОТ-СКОРНЯК

Армянская сказка

Скорняжным
Теплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За столом
Сидел
Скорняк усатый.
Как вдруг
К нему
Явился пес
И шкурку
Мягкую
Принес.

«Здорово, кот! —
Промолвил пес,
Протягивая
Лапку. —
Трещит
На улице мороз.
Скорее шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.

Ну, что ж,
Сошьешь?»
— «Изволь, сошью!»

«А долго ль ждать?»
— «В денек-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапку в субботу!
Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!»

Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить —
Не шубу шить.
С деньгами
Можно
Не спешить!»

В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос.
«Ну что,
Готова шапка?»

«Нет», — говорят
Ему в ответ.

— «А где хозяин?»
— «Дома нет!»

Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идет
В богатой новой шапке.

Увидев пса,
Сказал он так:
«Зачем торопишься, чудака?
С таким шитьем
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить —
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра —
Теперь кроить ее пора!»

«Мне очень жаль, —
Ответил пес, —
Что шапка не готова.
Но не сердись на мой вопрос:
Когда явиться снова?
Не в гости
Я хожу
В твой дом,
А за своим
Хожу
Добром!»

«Ну, так и быть, —
Бормочет кот, —
Приди к обеду
В среду!»
Среда настала.

Пес идет
За шапкою к соседу.

«Как поживаешь!»
— «Жив-здоров!»
— «Готов заказ?»
— «Нет, не готов!»

Тут вышел
Крупный разговор,
Потом и потасовка.
«Ты, братец, плут!»
— «Ты, братец, вор!»
— «Жена твоя плутовка!»

«Щенок!»
— «Урод!»
— «Молокосос!»
— «Паршивый кот!»
— «Плешивый пес!»

Доходит дело до суда.
Узнав про эту драку,
Судья сказал:
«Позвать сюда
И кошку и собаку!»

Лукавый кот
И честный пес
Вдвоем явились
На допрос.

Кто их судил,
Когда и как,
Отдельно
Или вместе, —
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал
Без вести...

Бежал он,
Хвост подняв трубой,

И все меха
Унес с собой.

А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, —
Семейства
Кошек
И собак
Между собой
Не ладят.

Кота увидев,
Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.

При этом кот
Плюется так
В смущенье
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папаху.

(1939)

ИЗ МУСЫ ДЖАЛИЛИ

759. СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд,
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая...

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила, —
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

(1955)

ИЗ САЛОМЕН ПЕРЯС

760. МАТЬ

Увидев каплю крови алой
На пальце у ребенка, мать
Жалела, дула, целовала.
«Пройдет! Не надо горевать».

Теперь окрашен нашей кровью
Уже не палец, а висок,
И не подушка в изголовье,
А твердый камень и песок.

Закрыв глаза нам сон глубокий
В походе — на путях войны.
Нам только ветер гладит щеки,
С родной примчавшись стороны.

И хорошо, что на чужбину
К нам не придет старуха мать...
Ах, чем теперь помочь ей сыну?
Поднять? Подуть? Поцеловать?

(1947)

**ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

761. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночью ветер с жалким воем
Рвет входную дверь.
Твой отец ушел с конвоем.
Где-то он теперь?

Мы одни с тобой на свете.
Только мы вдвоем.
Буйный ветер, будто третий,
К нам стучится в дом.

То в заботе, то в работе
Мы проводим дни.
За рекою на болоте
Мы корчем пни.

Обувь мы порвали в клочья,
А идет мороз.
Лучше спать и днем и ночью
Тем, кто гол и бос.

Ты усни скорее, крошка.
Плакать нам нельзя,
Часовой глядит в окошко,
Смертью нам грозят.

Буйный ветер гулко воет.
Спи, дитя, усни.
Пусть приснятся нам с тобою
Радостные дни!

1940-е годы

762. ДОМИК В ЛИТВЕ

Над самым Неманом, в Литве,
Избушка прячется в траве.
В окошке семеро ребят,
И все на улицу глядят.
Их головы светлее льна,
Но есть и черная одна.

Одно дитя из семерых
Так непохоже на других.
Его сюда, на край села,
На днях еврейка принесла
Украдкой, в сумерках, тайком,
Под черным шерстяным платком.

Ребенка накормила мать,
Раздела, уложила спать
И, уходя в сырую тьму,
Сказала сыну своему:

«Мой мальчик, с нынешнего дня
Расти ты будешь без меня.
Играй с детьми, послушен будь
И свой родной язык забудь».

Дитя заплакало навзрыд.
«Я не останусь! — говорит. —
Я не хочу играть с детьми.
Меня домой, домой возьми!»

На ручки сына мать взяла
И долго в угол из угла

Ходила по чужой избе,
А ветер выл в печной трубе.

Глубокой ночью из села
Чужая женщина ушла,
И провожал ее во мрак
Дремучий хриплый лай собак.

Вдали от города, в Литве,
Домишко прячется в траве.
Под ним, от ветра чуть рябой,
Струится Неман голубой.

В Египте тоже есть река,
Она длинна и глубока.
Ее зовут рекою Нил.
По Нилу вниз когда-то плыл
В плетенке, свитой из ветвей,
Еврейский мальчик Моисей.

И, глядя сверху на поток,
Шептала мать: «Прощай, сынок!»

1940-е годы

763

Настали сумрачные годы,
Без перемены дни идут.
У нас ни солнца, ни свободы,
А только труд, тяжелый труд.

Еврейские бригады —
Дырявые наряды,
Босые пятки, марш вперед,
Вперед под бременем невзгод!

Отгородили нас от света
Тройной стеной со всех сторон.
Любой из нас, живущих в гетто,
На смерть и пытку осужден.

Еврейские бригады —
Дырявые наряды,
Босые пятки, марш вперед,
Вперед под бременем невзгод! . .

1940-е годы

ИЗ САМУИЛА ГАЛКИЦА

764. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Всю ночь полыхала, гремела гроза,
И капелька влаги, светла, как слеза,
Дрожит на былинке поникшей травы,
Стараясь побольше вместить синевы,
Чтоб золотом летней зари пламенеть,
Слегка серебриться, чуть-чуть зеленеть.
Быть может, для этой минуты одной
Ее породили вода с тишиной.
И разве сияет она для себя?
Нет, в ясном хрусталике солнце дробя,
Горит она, лес украшая собой,
И пусть он роняет листок свой любой,
Но только пускай не потушит звезды —
Мерцающей капельки чистой воды.

(1960)

ИЗ ЛЬВА КВИТКО

765. ПИСЬМО ВОРОШИЛОВУ

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!

В Красную Армию
Нынешний год,

В Красную Армию
Брат мой идет.

Товарищ Ворошилов,
Я его люблю.
Товарищ Ворошилов,
Верь ему в бою!

На работе первым
Был он кузнецом,
Будет он примерным
В армии бойцом.

Товарищ Ворошилов,
Поверь, ты будешь рад,
Когда к тебе на службу
Придет мой старший брат!

Слышал я: фашисты
Задумали войну,
Хотят они разграбить
Советскую страну.

Товарищ Ворошилов,
Когда начнется бой,
Пускай назначат брата
В отряд передовой.

Мой брат стреляет метко —
Увидишь это сам,
Когда стрелять прикажешь
На фронте по врагам.

Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.

Товарищ Ворошилов,
Я быстро подрасту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту».

(1936)

766. ЛОШАДКА

Не слышали ночью
За дверью колес,
Не знали, что папа
Лошадку привез —

Коня вороного
Под красным седлом,
Четыре подковы
Блестят серебром.

Неслышно по комнатам
Папа прошел,
Коня вороного
Поставил на стол.

Горит на столе
Одинокый огонь,
И смотрит в кроватку
Оседланный конь.

Но вот за окошками
Стало светлей,
И мальчик проснулся
В кроватке своей.

Проснулся, присел,
Опершись на ладонь,
И видит: стоит
Замечательный конь.

Нарядный и новый,
Под красным седлом,
Четыре подковы
Блестят серебром.

Когда и откуда
Сюда он пришел?
И как ухитрился
Взобраться на стол?

На цыпочках мальчик
Подходит к столу,
И вот уже лошадь
Стоит на полу.

Он гладит ей гриву,
И спину, и грудь
И на пол садится —
На ножки взглянуть.

Берет под уздцы —
И лошадка бежит.
Кладет ее на бок —
Лошадка лежит.

Глядит на лошадку
И думает он:
«Заснул я, должно быть,
И снится мне сон.

Откуда лошадка
Явилась ко мне?
Наверно, лошадку
Я вижу во сне. . .

Пойду я и маму
Свою разбужу.
И если проснется,
Коня покажу».

Подходит он к маме,
Толкает кровать,
Но мама устала —
Ей хочется спать.

«Пойду я к соседу,
Петру Кузьмичу,
Пойду я к соседу
И в дверь постучу!»

«Откройте мне двери,
Впустите меня!
Я вам покажу
Вороного коня!»

Сосед отвечает:
«Я видел его,
Давно уже видел
Коня твоего!»

«Должно быть, ты видел
Другого коня.
Ты не был у нас
Со вчерашнего дня!»

Сосед отвечает:
«Я видел его:
Четыре ноги
У коня твоего».

«Но ты же не видел,
Сосед, его ног,
Но ты же не видел
И видеть не мог!»

Сосед отвечает:
«Я видел его:
Два глаза и хвост
У коня твоего».

«Но ты же не видел
Ни глаз, ни хвоста —
Стоит он за дверью,
А дверь заперта! . . .»

Зевает лениво
За дверью сосед —
И больше ни слова,
Ни звука в ответ.

(1936)

767. ЖУЧОК

На улице ливень
Всю ночь напролет.
Разлился бурливый
Ручей у ворот.

Оконные стекла
Дрожат под дождем.
Собака промокла
И просится в дом.

Вот в лужу из лужи,
Вертась, как волчок,
Ползет неуклюжий
Рогатый жучок.

Упал вверх ногами,
Пытается встать.
Подвигал рогами —
И встал он опять.

До места сухого
Спешит доползти,
Но снова и снова
Река на пути...

Плывет он по луже,
Не зная куда.
Несет его, кружит
И гонит вода.

По панцирю капли
Стучат во всю мочь,
А ножки ослабли —
Грести им невмочь.

Вот-вот захлебнется —
Гуль-гуль! — и конец!
Но нет, не сдается
Отважный пловец.

Измучен борьбою,
Пропал бы жучок,

Как вдруг пред собою
Увидел сучок.

Из чащи дубовой
Приплыл он сюда.
Его из дубровы
Примчала вода.

И, сделав у дома
Крутой поворот,
К жучку удалому
Он быстро идет.

Спешит ухватиться
Жучок за него.
Теперь не боится
Пловец ничего.

По воле потока
В своем челноке
Плывет по широкой,
Глубокой реке.

Но близок дощатый
Дырявый забор.
И путник рогатый
Пробрался во двор.

Пробрался — и прямо
Направился в дом,
Где мы с моей мамой
И папой живем.

Попал он на суше
Ко мне в коробок.
И долго я слушал,
Как трется жучок.

Но вот понемножку
Ушли облака,
И в сад на дорожку
Отнес я жучка.

(1936)

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

Вместо стр. Для нас Невы береговой гранит
3—5 Строфу поэта бережно хранит,
СтСкП И в ясном блеске пушкинских двустпший
1952 Игла над Невским кажется нам выше.

А там еще живет петровский век —
В углу между Фонтанкой и Невою...
Всё то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

На площади перед дворцом царя
Нет часовых и убрана решетка,
Но память о Девятом января
На каждом камне вырезана четко.

Сегодня старый, маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

. . . . .
Над парпетом невских берегов
Маячат трубы серые «Авроры».
И звук знакомых кировских шагов
В старинном зданье слышат коридоры.

. . . . .
Здесь в будущее смотрит каждый дом,
Здесь новое живет с прошедшим рядом,
Военный подвиг — с доблестным трудом.
И это всё зовется Ленинградом.

4

*После
стр. 2
Черн.
автограф* [Но все мы часам благодарны, как другу,
Когда, пробудившись от сна,
Мы видим, как движется стрелка по кругу,
Служебному долгу верна.]

*После
стр. 3
Бел.
автограф* Но даже и стрелка, по бегу которой
Мы видим, как время идет,
Угнаться не может за поступью скорой
Прославивших время работ.

10

*После
стр. 3
Авториз.
машинопись* [Синеет небо, отражаясь в луже,
Дрожат от ветра голые кусты,
И, как предвестье близкой зимней стужи,
Огнем горят последние цветы.]

13

*Бел.
автограф* Ни в чем заметной перемены:
День изо дня, из года в год
Передо мной слепые стены
И надо мной безмолвный свод.

Но в неподвижной, тесной раме
Всегда закрытого окна
Сверкают звезды вечерами,
Как золотые письма.

Душе, потерянной во мраке
И онемевшей в тишине,
Отрадны символы и знаки,
К ней приходящие извне.

В оконном синем полукруге,
Припоминая, узнаешь
Многоугольники и дуги —
Вселенной огненный чертеж.

Душа знакомой внемлет речи
И видит трепет вечных сил
И расхождения и встречи
Недосягаемых светил.

Июнь 1921

16

*После
стр. 1
Автограф* [Иной из нас скорбит о быстротечности,
О краткости отпущенных нам лет.
Но время смертное счастливей вечности,
Оно летит и оставляет след.]

17

Автограф Я знаю, что огромное число
Людей и мне и всем необходимо,
Чтобы вокруг рождалось и цвело
И хлопотливо проходило мимо.

[Чтоб каждому из нас друзей найти,
Найти нам по руке другую руку
И радоваться общему пути,
И горевать, перенося разлуку.]

Как омывает море в тот же час
И берег Севера, и берег Юга,
Так, если много, много, много нас,
Весь мир мы видим в сердце друг у друга.

20

*Незачеркнутый
вариант стр. 6
Автограф* Я [лягу], мальчик мой, с тобою,
Я заберусь к тебе в кровать.
И если ты не знаешь, мальчик,
Откуда мне про это знать?

24

*После
стр. 7
Автограф* Ты знаешь ли, что из-под низких сводов
На свет и волю вышел твой народ,
Что он в семье строителей-народов
Не ищет счастья — счастье создает?

*Ранний
набросок
начала
Автограф* Мудрым он был — оттого и веселым.
Мир он любил и людьми был любим.
«Шолом-Алейхем» — «Алейхем-Шолом», —
Друга приветствуя, мы говорим.
Именем стало приветствие это.
Тот, кто носил это имя, угас.
Но несмолкающий голос поэта
Именем этим приветствует нас.

После стр. 2
Автограф

[Под деревом сижу на склоне дня
И вспоминаю дальние кочевья.
И в шуме этих листьев для меня
Шумят давно забытые деревья.

Мне восемь лет, и я лежу в траве,
Укрывшись от томительного зноя. . .]

ПУТНИК

Автограф

Светлеют полосы по шпалам.
За лесом слышны поезда.
И кто-то близится сюда —
Один на небосклоне алом.

В пути от звезд до новых звезд
Идет он — сумрачный, изрытый,
И много дней, и много верст
Его терпенню открыты.

Пронесся поезд — дымный шквал,
На рельсах выжег след мгновенный
И в буйном лете раздвигал
Пред кем-то сдвинутые стены.

Звенит встревоженная тишь.
Гудит смятенная дорога.
Но он спокоен: не намного
Опредишь.

(1908)

Вместо стр. 3
Из 1947

И уносящийся вперед
Ребенок, глядя из окошка,
Сказал: «Счастливый пешеход!
Куда ведет его дорожка? . . .»

После стр. 8
Из 1947

Они, как финки в день воскресный,
Сидели хмурые, пока
Не заиграл стариной песни
Смычок цыгана-старика.

И грянул хор низкоголосый,
Тревожа и лаская нас,
И равнодушные колеса
Цыганам в лад пустились в пляс.

*Вместо
строфы 5
ИзСт 1949*

И в памяти навеки сохранится
Истрепанный и пожелтевший том,
Где занимает целую страницу
Усатый всадник с поднятым копьем.

Он занимает славную страницу
И странствует по свету сотни лет.
Его придумал ввергнутый в темницу
Старик Сервантес — воин и поэт.

*Перед стр. 1
Черн. автограф*

Я давно не грущу ни о ком.
Но вовек позабыть не могу
Ту сосну, что стоит маяком
На песчаном родном берегу.

*После стр. 3
ЛГ*

У самой границы
Столицы
И первой опушки лесной
Зовет нас кукушка, зегзица,
С порога дубравы родной.

К У К У Ш К А

СПЗ 1955

В лесу над росистой поляной
Кукушка встречает рассвет.
В тиши ее голос стеклянный
Звучит, как вопрос и ответ.

И память о летнем рассвете
Я в город с собой унесу.
Пускай мне зимою о лете
Напомнит кукушка в лесу.

Припомню я лагерь, палатки
На самой опушке лесной
И птицу, игравшую в прятки
В рассветном тумане со мной.

*После стр. 3
Бел.
автограф*

Здесь на подмостках люди умирали
И выходили к зрителям опять.
А он лежит недвижно в этом зале,
И на призыв друзей ему не встать.

Надгробные здесь раздаются речи,
А он для нас по-прежнему живой, —
Передовой боец широкоплечий
С открытым взглядом, с гордой головой.

*Вместо
стр. 6
Черн.
автограф* И всем казалось: не умолк твой голос,
Огонь в глазах глубоких не погас. . .
И мы благодарим тебя, Михозлс,
За то, что жил ты с нами и для нас!

85

*После стр. 8
Автограф* И кажется, что не умрут они,
А только жить внезапно перестанут.
Прожив на свете считанные дни,
Сначала опадут, потом увянут.

86

*После стр. 1
Ог* Растревоженные бегом,
Бубенцы гремят вразброд,
А кругом под синим снегом
Елки водят хоровод.

87

Автограф «Намного мы твой век переживем, —
Мне говорят за окнами дерева. —
Нам этот сад — родной, обжитый дом,
А для тебя — привал среди кочевья».

40

*Стр. 3
Зн* А он всё тот же. Только год от года
Фигура с наклоненной головой
Роднее и дороже для народа,
Шумящего вокруг на мостовой.

41

*Стр. 1
Автограф* По-русски говорим мы с детства,
Но только Пушкина строка
Передает нам как наследство
Живую прелесть языка.

После стр. 2
Ст 48—51

Все колеса он проверит, —
Пусть минуту за другой
Не спеша пружина мерит
В нашей жизни дорогой.

После стр. 2
«Пионер»

Я в окно гляжу впервые,
Вижу искры из трубы
И считаю верстовые
Полосатые столбы.

Вместо
стр. 1—3
Первая
редакция
Автограф

У ОКНА ВАГОНА

Мать следит за мной в тревоге,
Не дает мне отойти,
Но как весело в дороге
Пассажиру лет шести!

Он покинул дом знакомый,
Едет в дальние края,
А на свете вместо дома
У него одна скамья.

После стр. 4

Раскрываясь, точно складень,
Предо мной встает страна.
Сколько лиц я вижу за день
В раме узкого окна!

Вместо стр. 8

Мост с бегущими столбами
Над равниной сизых вод,
И за спелыми хлебами
Вдалеке дымит завод.

В поздний час я засыпаю,
Но бежит своим путем
Длинный поезд, рассыпая
Искры легкие дождем.

После стр. 3
Вторая
редакция
Автограф

Мне пошло седьмое лето,
На год старше стал мой брат.
И по четверти билета
Мать купила для ребят.

Хоть билет у нас короче,
Дети заняли скамью,
А большие дремлют ночью,
Примостившись на краю.

БОИ ЧАСОВ

*Перед стр. 1
Черн.
автограф* В ночной тиши слышнее бой часов,
Ночная переключка голосов
Так непохожа на другие звуки...
Зевает вечность нараспев от скуки.
А может быть, ей снится смутный сон,
Мечтательный и медленный, как звон.

После ст. 8 Пустынное, несчитанное время
Живет у нас в расчисленной системе.

*Стр. 3
СтСкП 1952* И счастлив я, что жребий выпал мне
В такое время жить в моей стране,
Когда, как стрелки в полдень, слиты вместе
Веленья нашей совести и чести.

*После стр. 2
Черн.
автограф* [В кругу часов живет оно давно
И никуда за круг уйти не может.
Мы наблюдаем, чем оно полно
И как любой отрезок нами прожит.]

*После стр. 5
СтСкП 1952* Сердца друг с другом бьются в лад.
Дела людей заключены в их сетке.
На Спасской башне строгий циферблат
Считает все минуты пятилетки.

*Ранняя
редакция
Черн.
автограф* На стебельке их меньше дюжины,
Но так силен их аромат.
На ветках-ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

На верхних ветках, как бубенчики,
Они закрыты и плотны.
А ниже распустились венчики
У колокольчиков весны.

Скрываясь меж большими листьями,
Они живут короткий срок.
Но нет в лесу цветов душистее,
Чем этот маленький цветок.

Ты их искала утро целое
И отыскала в майский день,
И на твою тетрадку белую
Узорная ложится тень.

Забот не знаешь ты, работая
В тиши за столпком своим.
А мы тебя своей заботою,
Как листья ландыш, защитим.

52

*Вместо
стр. 3
Ст. 48—51
Автограф
расширенной
редакции
После стр. 1*

Великое именем нежным зови —
Его не унизишь словами любви.

Каким животворным должно оно быть
При этом объеме внушительном,
Как нежно должны его люди любить,
Чтоб именем звать уменьшительным!

И если поэт потрясает сердца
Как автор «Франчески да Римини» —
Не в титуле громком награда певца.
Скорей — в уменьшительном имени.

Ты солнышком солнце большое зови —
Его не унизишь словами любви.

54

Г Р О М

*Вариант
переработки
для Соч. 2
Автограф*

Целый день он с нами прожил,
Частый гром, бродячий гром.
Он в садах детей тревожил
Басовитым говорком.

И закрытые коляски
С перепугу мчались вскачь,
И на блянье от тряски
Был похож ребячий плач.

Как шальные, мчались птицы
Низко-низко над Москвой,
Чтобы где-нибудь укрыться
В душный полдень грозовой.

А когда темнсе стало,
Грянул гром на весь базар,
И торговцы чем попало
Прикрывали свой товар.

К ночи гром поднялся выше
И во всю ударил мощь,
И по улицам, по крышам
Поскакал весенний дождь.

55

*После
стр. 3
Авториз.
машинопись*

[Глядеть на всё с такой улыбкой детской
И знать, что только в правде красота,
Умеет он — поэт страны Советской,
Страны, где совесть у людей чиста.]

59

Т Ю Л Ь П А Н Ы

*Ранняя
редакция
Бел.
автограф*

Сегодня гости в комнате моей —
Стоят в кувшинах пестрые тюльпаны,
Напоминая солнечные страны,
Сады Востока, жар его степей.

Одни цветы, как чаши, широки.
Встают другие огненным бокалом.
А третьи ниц зонтом поникли алым
И уж роняют на пол лепестки.

Упругий, белый, будто бы атласный
Сверкающий тюльпан висит вверх дном.
А рядом с ним блестящий, темно-красный
Просвечивает огненным вином.

Вот розовый с каемкою узорной,
Вот золотой — шесть языков огня.
Его сосед — густо-лиловый, черный,
Лоснится, будто кожа у коня.

Они бы дольше прожили на грядке,
Чем у меня на письменном столе.
Но и в плену кончая век свой краткий,
Цветы живут не даром на земле.

64

*Гл. 1,
после стр. 1
Бел. автограф*

Парк Шуваловский, Удельная
Остаются позади.
Дальше скука беспредельная —
Хоть в окошко не гляди.

- После стр. 3*   Здесь не может ничего расти,
Кроме слок и берез.
Понемногу больше скорости
Набирает паровоз.
- Гл. 2, стр. 4*   Или за ноты усадив
Студента-паниста,
Знакомый слушает мотив
Из Шуберта и Листа.
- Вместо стр. 5*   Здесь в наши дни Шаляпин пел
У этого рояля,
И повелительно гремел
Веселый голос в зале.
- Был этот голос в те года
Известен всей России.
Ей были по сердцу тогда
Раскаты громовые.
- Народу нужен был певец
Могучий, величавый.
И вот пришел он наконец,
И был увенчан славой.
- Восторги потрясали зал,
И, полный молодежи,
Певцу раек рукоплескал,
Потом — партер и ложн.
- Он выходил из-за кулис
Всегда другой и новый —
То умирающий Борис,
То Досифей суровый.
- То — Мефистофель, гений зла, —
Он пел о божестве злата,
То пел он, как блоха жила
При короле когда-то.
- Ха-ха-ха-ха,
Блоха!
- Дополнения
к гл. 2
После стр. 15
Автограф*   Он был рожден в тот самый год,
Когда угас неожиданно,
Борясь за греческий народ,
Создатель «Дон-Жуана»,
- Когда в пустынный сельский дом
Приехал Пушкин с юга
И ждал печально под окном
Товарища и друга.

Проходят дни. Везут царя
На черной колеснице.
И блещут залпы Декабря
На площади в столице,

И царь — вчера великий князь —
Взошел на трон, благословясь,
В тугой мундир одетый.

В такое время началась
Дорога жизни этой.

*Гл. 3
Вместо
стр. 3—4*

Здесь император в тех же латах,
С венчанной лавром головой,
Что и на площади Сената
Над величавою Невой.

*Вместо
стр. 9—10*

Потом достал он толстый том
И, приобщив к другому тому,
Выводит на холсте пером
Почтовый адрес: Льву Толстому.

По буквам видно, как он рад,
Что подвиг совершил немалый,
Достав Толстому матерьялы
Для повести «Хаджи-Мурат».

Помочь друзьям всегда готовый,
Давал он книгу не одну
Мусоргскому — для «Годунова»,
Для «Игоря» — Бородину.

Вокруг стола стоит ограда —
Щиты с портретами Петра.
Но за ограду без доклада
Народ является с утра.

Профессор, автор с толстой драмой,
Сенатский обер-секретарь.
И, наконец, приносит дама
В подарок женский календарь.

Здесь встретишь строгого вельможу
С цилиндром, с тросточкой в руках,
И кучку шумной молодежи
В косоворотках и в очках.

Среди вихрастой молодежи,
Готовой к спору каждый миг,
Всех неумней, всех моложе
Седой хранитель старых книг.

65

Перед стр. 1
Бел. автограф

Был детства моего конец
Столетия началом.
На площадь взял меня отец.
Мы ждем перед вокзалом.

После стр. 9
Черн. автограф

На свете песни нет мертвей,
Припева нет казенней,
Чем этот бравый «Соловей»
В солдатском эшелоне.

66

Стр. 4
НМ

Таким в дверях веранды он стоял,
Поглядывал застенчиво-сурово
И на привет хозяина седого
Басил смущенно: «Я провинциал!»

После стр. 6
Бел. автограф

Российской революции ровесник,
Он появился на ее волне.
И сразу прокатились по стране
Его полурассказы-полупесни.

И даже в песнях — «Сокол», «Буревестник» —
Нам не стихи звучали, а рассказ
Размеренный, — и тем они для нас
Свежее были, ближе, интересней.

Как некогда стихи «На смерть поэта»
И строфы из некрасовских поэм,
Они в три дня известны стали всем —
Передавались, точно эстафета.

Вместо ст. 54
Бел. автограф

Так было сорок восемь лет назад
Без малого. В то лето умер Чехов...

67

После стр. 1
НМ

На сцены Питера, Москвы
Являлся он природным
Артистом с ног до головы,
Беспечным и свободным.

Бел. автограф

А так недавно стал певцом
Волжанин белокурый
С открытым молодым лицом
И статною фигурой.

НМ   Всего себя он подчинил
Суровой строгой школе,
Но в каждом звуке сохранил
Дыханье волжской воли.

После стр. 4
НМ   Как Волга, вольная река,
Катилась песня бурлака.
И, сотрясая зданье,
В ответ с балконов, из райка
Неслись рукоплесканья.

Ранний бел.
автограф   Когда же поднял на господ
Бесправный люд дубину —
Певец, покинув свой народ,
Уехал на чужбину.

После стр. 6
НМ   Несли венки из римских лож,
Шумел партер в Нью-Йорке,
Но не гремела молодежь
Ладонями с галерки...

68

Стр. 7
НМ   Забыты имена дельцов,
Искавших славы и успехов.
Прочнее мраморных дворцов
Дом, где с балкона смотрит Чехов.

После стр. 10
НМ   Пусть море грохает сердито
И город обдает дождем, —
Из Севастополя мы ждем
Эскадру под командой Шмидта.

Она в ту осень не придет...
Двенадцать лет мы ожидали,
Пока на рейде увидели
Восставший Черноморский флот.

После стр. 3
Черн. автограф   Мне всё мерещится: в саду
Под гром оркестра духового
Я под каштанами найду
Мачтета, Дембо, Щербакова.

Но где товарищи мои,
Подростки лет девяностых?
Какие вынесли бои?
В каких состарились работах?

Где гимназистки этих лет
В коричневых и синих платьях?
В живых, должно быть, многих нет,
Да и не мог бы я узнать их!

И всё же в городском саду
Меж тополей и лип высоких,
Мне кажется, я их найду, —
Как прежде, юных, краснощеких.

75

*Перед стр. 1
Черн.
автограф*

Столько раз за много долгих лет, —
Но всегда как будто бы впервые
В дом ко мне влетает беглый свет,
А за ним — удары громовые.

78

*После стр. 2
Черн.
автограф*

А лес в снегу расцвел, как сад.
Лишился он листвы зеленой,
Но легкий кружевной наряд
Украшил вязы, липы, клены.

Лес, поседев, помолодел.
Стволы и ветви стали четче.
С какой заботою одел
Деревья в снег искусный зодчий.

Накрыл он шапками столбы,
Узором очертил строенья,
И оснеженные дубы
Похожи на рога оленьи.

80

*Незачеркну-
тый вариант
стр. 2
Автограф*

И в этот свежий, нежный вечер мая
Большой Париж казался мне иным.
Пусть подо мной земля была чужая,
Но этот дождь весенний был родным.

89

*Вариант
начала
Черн.
автограф*

В июне на закате алом
Шел в Ленинград морским каналом,
Как по проспекту, теплоход.
Едва дрожа, он шел к причалам
Свинцово-синних невских вод. . .

*Черн.
автограф*

В стекле хрустальном — только зелень
листьев

Да зелень длинных тонких стебельков.
На стебельке немного колпачков,
И в колпачке немного лепестков,
Но ничего на свете нет душистей.
Прохладой дышит каждый лепесток,
И ландышем зовется весь цветок.

*«Лит. Москва»
ст. 5—12*

И серую солому крыши,
И в крайней комнате кровать
У стенки справа, в тесной нише,
Где родила когда-то мать
Того, кто сделал знаменитым
Покрытый вереском простор,
Кто на поляне вел с подбитым,
Хромавшим зайцем разговор.

21—29

Квадрат, крестом пересеченный...
Впервые в нем увидел свет —
И глубь небес и мир зеленый —
Влюбленный в родину поэт.
Недолго жил он в этом мире.
То плугом землю бороздил,
То с милой по полю бродил,
То на стекле окна в тракторе
Алмазом строчки выводил.

33—34

И больше окон было в нем,
Да и кровать была пошире.
Но за решетчатым окном...

*После ст. 42
Автограф*

С подушки, глядя на окно,
Он, верно, думал: было шире
Окошко тесное одно
Отцовской хижины в Эйршире.

У ПОЛОТНА ДОРОГИ

*Ранняя
редакция
Автограф*

В сумерки весенние
За листвой берез
Где-то в отдалении
Свистнул паровоз.

Хлопьями над чащею
Он развесил дым.
И бегут блестящие
Окна вслед за ним.

Смутно отраженные,
Чуть светясь во мгле,
Очерки оконные
Мчатся по земле.

За лесной опушкою
Умолкает гул.
Детскою игрушкою
Поезд промелькнул.

Эти клетки тесные,
Убегая вдаль,
Мчат в края безвестные
Радость и печаль.

Каждая вагонная
Жесткая скамья —
Ждущая, бессонная,
Шумная семья,

И тревожным голосом
Плачет паровоз,
Оставляя полосы
Дыма среди берез.

98

*Сокращенная
редакция
Автограф*

Расквакалась лягушечья семья
Весенней ночью меж болотных кочек,
Как вдруг раздался звонкий молоточек,
Работающий в горле соловья.
И думал я: какой он молодец, —
Ночной певец.
Как может петь он на лесной опушке
На свой особый соловьиный лад,
Когда кругом болтают и галдят
Бессчетные болотные лягушки.

100

*Перед стр. 1
Черн. автограф*

Три дня, не ведая покоя,
Вода с землей ведет войну
И падает волна прибою
На отходящую волну.

*После стр. 2
Бел. автограф*

Так девушке голубоглазой
На праздник разрешает мать
Одни лишь мелкие алмазы,
А не большие надевать.

ВЕСНА

*Ранний вариант
Черн. автограф*

На прутьях молодой березы
Сегодня в ранние часы
Дрожали огненные слезы —
Следы предутренней росы.

Еще листвою не одета,
Хранила бережно красу
И вся стояла в каплях света
Береза стройная в лесу.

*Ранний вариант
Автограф*

Всё, чем жил я с малолетства,
Вспоминается с трудом,
И стоит в минувшем детство,
Как пустой, забытый дом.

К этой дали стародавней
Навсегда потерян путь,
И давно забыты ставни,
Чтобы в дом не заглянуть.

ДЕТСТВО

*Ранний вариант
Бел. автограф*

Неужели я тот же самый,
Кто две трети столетия назад,
Вверх взлетая с ладоней мамы,
Был до слез перепуган и рад.

И не то ли самое чувство
Я испытывал столько раз
На крутых подъемах искусства
Или в полный опасности час.

Неужели я тот же самый,
Кто, в постель не ложась упрямо,
Слышал первый свой звонкий смех
И не знал, что он меньше всех.

До сих пор я борюсь с дремотой
И ложусь до сих пор с неохотой,
И не думаю, веря в успех,
Что, быть может, я меньше всех.

106

После стр. 10
Автограф

Везем в телеге на вокзал
Через поля, леса.
Конечно, поезд опоздал
На целых три часа.

Но вот примчался паровоз.
Звонок, свисток, гудок.
И грузный поезд нас повез
В кирпичный городок.

После стр. 11
Соч. 2

Пускай растет он здесь, в тиши,
Среди холмов, озер,
И постепенно из глуши
Выходит на простор.

Через леса густой травы,
Озера синих луж
Он доберется до Москвы,
Покинув нашу глушь.

107

Черн. набросок

Не знаю я, с которых пор
Я понял звуковой узор,
Что вечным праздником встает
Среди трудов, среди забот,
И говорит нам языком,
Который всем краям знаком.
И тот, кто в юности был юн,
На голос труб и говор струн,
Как на давно желанный зов,
Душой откликнуться готов...

После стр. 5
НМ

Как хорошо, что с давних пор
Узнал я звуковой узор,
Живущий в пении органа,
Где дышат трубы и меха,
И в скрипке старого цыгана,
И в нежной дудке пастуха.

Он и в печали дорог людям,
И жизнь, которая течет
Так суетливо в царстве буден,
В нем обретает лад и счет.

Стр. 5
Автограф

Но, смертные, вы прожили недаром.
Пускай во тьме пропал ваш смутный след,
Вы обогрели мир сердечным жаром
Сильней, чем солнце в миллионы лет.

112

После стр. 2
Черн. автограф

И разве же это не странно,
Что ткань мозговой коры
Таит в себе целые страны
И больше, чем страны, — миры.

114

После стр. 3
Автограф

Но ведь мы и сами на колесах —
Не боимся времени дорог.
Время на крутых своих откосах
Никогда нас не сбивает с ног.

120

После стр. 2
Авториз.
машинопись

Пятеркой мерится успех,
Но лучшая отметка —
Всего лишь яблочко для тех,
Кто в цель стреляет метко.

Ценой упорства и труда
Рука становится тверда
И верен глаз твой зоркий,
И так заслуженно тогда
Приходят к нам пятерки.

За новый труд, за Новый год,
За счастье всех на свете,
За новый взлет в небесный свод,
За мир на всей планете.

121

Первонач.
вариант
Черн. автограф

Тебе сегодня двести лет,
Мой Роберт, Робин милый.
Свой день рождения, поэт,
Ты встретишь за могилой.

Подумать только: двести лет!
Увы, над нами всеми,
Когда уж нас на свете нет,
Подтрунивает время.

Но не подвластен ты ему.
К двухсотой годовщине
Ты не ушел в ночную тьму,
А светишь и доныне.

Ты всё понятней, всё родней
Чужим, далеким странам.
«Забывать ли дружбу прежних дней?» —
Поют за океаном.

Близка и нам, твоим друзьям,
Твоя босая муза.
Она прошла по всем краям
Советского Союза.

Идет полями без межи
С колхозницей рядом,
Тяжелые колосья ржи
Оценивая взглядом.

Ты видишь, как украсил труд
Одну шестую света.
Всё это сделал честный люд,
Не раз тобой воспетый.

Иные вспомнят о тебе
Среди хмельного пира.
А нам нужнее ты в борьбе
За мир и счастье мира!

127

*Вместо стр. 3—4
Автограф*

И солнце даже не заметит,
Что в глубине каких-то глаз
На этой маленькой планете
Навеки свет его погас.

134

*После стр. 2
Автограф*

Не так от звезд мы далеки,
Неуловимых взглядом,
Как друг от друга мотыльки,
Кружащиеся рядом.

Дано живому отражать
Миры, и есть в нем сила
По-своему преображать
Всё то, что отразило.

После стр. 3
НМ

Оно проникло в глубь небес,
В пространство мировое.
Какое чудо из чудес —
Живущее, живое!

135

После стр. 2
Бел. автограф

Юные годы прошли беззаботно, —
Смерть забывают порою веселней.
Был защищен я оградой плотной
Будущих лет и часов и мгновений.

145

Первонач.
вариант
Черн.
автограф

Две книги предо мной прошли.
Хоть неполны они и кратки,
Но мы их заново прочли
И разгадали их загадки.

Одна — бушует, как прибой.
В ней смесь цветной славянской вязи
С цыганской страстной ворожкой
В интеллигентском пересказе.

Но за присловьями видна
И не поддастся увяданью
Душа, открытая до дна
Страстям, тождественным — страданью.

154

После стр. 3
Автограф

Вернулись в прежнюю семью
И принесли с собою
Всю радость юную свою
С ее большой судьбою.

160

Черн.
автограф

Этот взор глядит в пространство,
Улыбаясь блеску дня.
А с каким он постоянством
Столько лет встречал меня.

Но и в ту былую пору
Кротких встреч твоих со мной
Твоему живому взору
Открывался мир иной.

Был уютен дом твой скромный,
Скатерть с лампою на ней...
А уж ты была бездомной
В тихой комнатке своей.

Пред тобою путь был дальний,
И не наш, не этот свет.
И ему такой печальный
Посылала ты привет.

167

*После стр. 1
Автограф*

И не копал лопатой
Я землю наугад
В мечтах найти богатый
Завещанный мне клад.

178

*После стр. 1
Автограф*

Летит, летает, существует,
Легка, свободна и резка,
И, рея в небе, торжествует
Победу жизни.
— Я жива!

180

Автограф

Должны учиться у природы
И вы, властители земли,
Чтоб власть державную народы
Почти не чувствовать могли.

188

Автограф

Человек, каким ни будь он гением,
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдись же этого родства.
Мы должны завидовать растениям
С их упорством, силой и терпением.
Видишь: травы, выйдя из земли,
Сквозь кору асфальта проросли.

206

Автограф

О том, что жизнь — комедия и драма,
От мудрецов Востока слышал мир.
Но с часовой стрелкою Хайяма
Минутную соединил Шекспир.

Стр. 2
Автограф

Согласная матерю дает,
Дает разнообразие звучаний,
Но каждая труба у вас в органе
Пускай свободно дышит и поет.

216, 217

Автограф

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

1

Хоть мир гораздо больше нас
С коротким нашим веком,
Он умирает каждый раз
С умершим человеком.

2

С тобою будет лучшее во мне.

Шекспир

И всё же ты, смотря вперед,
Не кутай мир в потемки,
Твое бессмертье живет
В делах или в потомке.

225

Пространный
вариант
Черн.
автограф

Ведерко, полное росы,
Я из лесу принес,
Где листья в ранние часы
Роняли капли слез.

Копил я капельки росы
В долине, где в цветок
Шмеля, пчелы или осы
Впивался хоботок.

Не видел большей я красы,
Чем горный перевал,
Где первой утренней росы
Ведерко я набрал.

232

Перед стр. 1
Бел. автограф

Клонишь светлую головку
По движенью челнока,
Держит крепкую веревку
Загорелая рука.

*Перера-
ботка
1950-х
годов
Астрограф*

Дождь до заката, капли на закате,
А ночью — ветер, буря, дождь и град.
Не знала ты, что утром в белом платье,
От солнца жмурысь, выбежишь ты в сад.

Как будто совершилось волшебство —
Вернулось лето. Капли были редки.
И только края платья твоего
Касались плачущие ветки.

О С Е Н Н Е Е . II

*Вместо стр. 1
Ранний
автограф*

Прекрасна Осень . . . Желтизна,
Берез безлиственных качаешь.
В лесу — под солнцем — тишина,
В лесных глубинах — завываешь.

Но, как волшебница, мила
Ты, осень лунная, ночная . . .
Природа глухо замерла,
Предчувствуя, припоминая.

*Редакция
1915 г.*

Мы жили лагерем — в палатке,
Кольцом холмов окружены.
Кусты сухие, в беспорядке,
Курились, зноем сожжены.

В прибытья час мой спутник старый
Мне указал на ближний склон
С селом арабским. Это — Цара.
Здесь жил в младенчестве Самсон.

Теперь там нужен труд Самсонов!
С утра до поздней темноты
Там гонят змей и скорпионов,
Сдвигают камни, жгут кусты.

Колодезь роют терпеливо,
Чтоб оживить заглохший дол . . .
И в тишине ревет тоскливо,
Весь день работая, осел.

Но веет вечера прохлада . . .
Горят венки закатных роз.
Легко бежит по склонам стадо
Прохладой оживленных коз.

Луна встает в молочном блеске,
Созвездья светлые зажглись,
Мы раздвигаем занавески
И, отдыхая, смотрим в высь.

Как тихий ключ, струится пенье:
В порыве сладостном застыв,
Араб, наш сторож, в отдаленье
Поет молитвенный мотив.

Стоит он, белый, озаренный. . .
И в царстве сонной тишины
Напев простой и монотонный
Растет, как ясный блеск луны.

Душа светла и благодарна,
А ночь таинственно-нема. . .
И ждешь, что ангел светозарный
Слетит с небес на край холма.

Там он стоял во время оно,
Когда он землю посетил
И скромной матери Самсона
Рождение сына возвестил. . .

271

*Гл. 2
Черн. автограф*

Побежала мышка-мать
Дядю Петю в няньки звать.
«Приходи к нам, дядя Петя,
Нашу детку покачать!»

Стал качать петух мышонка,
Закричал он звонко-звонко:
«Спи, мышонок, на боку,
Ко-ко-ко, кукареку».

Дерзкий маленький мышонок
Говорит ему спросонок:
«Нет, твой голос не хорош,
Слишком звонко ты поешь».

272

После стр. 8 а) В бронзовом подсвечнике старинном
Плакала забытая свеча.
Капала горячим стеарином,
Жаловалась, тихо бормоча:

«Что же это, что же это будет?
Всё пошло на свете кувырком!
Выдумали, выдумали люди
Свечку со стеклянным колпаком.

Жги ее с утра до поздней ночи,
С вечера до завтрашнего дня:
Свечка не становится короче,
Свечка не чернеет от огня.

б)   Свеча-
              Каланча
Отвечала, бормоча:

Лампа дорогая!
Мне не веселей,
Завелась другая
Свечка у людей.

Вделана в коробку
Маленькая плошка.
Нажимаешь кнопку —
Светится окошко.

Можно свечку спрятать
Запросто в карман.
Ходят с ней, проклятой,
В погреб и в чулан.

Отд. изд. 1925   А теперь иной невежа
Захотел водицы свежей,
Шевельнул одной рукой —
И вода бежит рекой.

274

*Гл. 1 после
стр. 2
Ранний
автограф*   Из Парижа, из Нью-Йорка,
Из села Крутая Горка,
С берегов Фернандо-По
И одно из Лимпопо.

Гл. 4   В Берлине утром все спешат,
Машины шинами шуршат,
Как мухи на атласе,
На гладкой Фридрихштрассе.
Идет берлинский почтальон,
Последней почтой нагружен.
Одет таким он франтом:
Фуражка с красным кантом.
Под мышкой держит он портфель.
Спеша, заходит он в отель.

«Письмо для герр Житкова
Из номера второго». —
«Сегодня в десять пятьдесят
Уехал в Лондон», — говорят.
Догнать, догнать Житкова,
Пока не скрылся он.
Письмо относит снова
На почту почтальон.
До берега морского
Везет его вагон.

Гл. 5

Горит в тумане желтый газ,
Как солнце на закате.
Не разобрать, который час
На ближнем циферблате.
Не видят собственной руки
Во мраке англичане.
И только слышатся гудки
На улицах в тумане.
Бежит, подбрасывая груз,
Вприпрыжку толстый автобус,
И стонут, проплывая,
Огромные трамваи.
Но кто бежит, но кто спешит
По тротуару Риджент-стрит?

275

*После стр. 4
Отд. изд. 1927*

Старуха к соседке
Пошла за картошкой,
А пудель мохнатый
Погнался за кошкой.
Попал по дороге
Он в кадку с водой,
И выскочил гладкий
И очень худой.

Бродили по рынку
Старушка и пес.
В зубах он корзинку
С телятиной нес.
Нашел он на рынке
Дырявый сапог
И вместо корзинки
Домой приволок.

После стр. 6

Стирала старушка
В корыте белье,
А пудель сидел
И глядел на нее.
Устала старушка,

*Дополнения
Отд. изд. 1934*

Легла на кровать,
А пудель подумал
И начал стирать.

Однажды к старушке
Знакомый пришел
И пуделя к пуделю
В гости привел.
Обедают тихо
Старушка и гость,
А пудель
И пудель
Дерутся за кость.

Гостил у старушки
Двоюродный внук,
Известный
Профессор
Собачьих наук.
Учил он собаку
Стоять
На часах
С портфелем под мышкой,
С линейкой в зубах.

Старушка и пудель
Гуляли зимой.
Старушка и пудель
Вернулись домой.
Снимает старушка
Платок и пальто,
А пуделю шубы
Не спясть ни за что.

Полгода не стригся
Простуженный пес,
Не стригся полгода
И шерстью оброс.
Такою мохнатую
Шерстью оброс,
Что еле
Блестели
Два глаза и нос.

Старушка с тарелкой
Подходит к мешку,
А кто-то мохнатый
Забрался в муку.
И вдруг облаками
Взлетела мука —
И выскочил пудель
Стрелой из мешка.

Набросок
ок. 1923

Был рассеян мой сосед,
Натворил он много бед.
[Клал он кошку на кровать,
Сам под стол ложился спать.
Ставил горлом вниз бутылку,
Уносил с обеда вилку,
В суп ронял свое пенсне
И сморкался он в кашне.]
Раз набил он перцем трубку,
А табак насыпал в ступку,
И до вечера толок
Вместо перца табачок.
А однажды...

Отд. изд.
1926

ЛЕВ ПЕТРОВИЧ

Лев Петрович Пирожков
Был немножко бестолков.

Вместо собственной постели
Ночевал он на панели,
Удивляясь лишь тому,
Что проходят по нему.

Если можно верить слуху,
Он, со службы приходя,
Вешал часики на муху
Недалёко от гвоздя.

Уносил с обеда ложку
И в передней каждый день
Надевал живую кошку
Вместо шапки набекрень.

По ночам, когда, бывало,
За окном луна вставала,
Он со свечкой шел к окну
Любоваться на луну.

Лев Петрович Пирожков
Был довольно бестолков.

Человек он был хороший,
Но всегда менял калоши:
Купит пару шегольских,
А гуляет — вот в таких!

За дровами у сарая
На дворе он ждал трамвая
И сердился — просто страсть, —
Что на службу не попасть.

С очень длинною удою
Он на озеро ходил,
Сам скрывался под водою,
А карась его удил.

Очень часто к телефону
Вызывал свою персону:
«Два пятнадцать двадцать пять,
Льва Петровича позвать!»

Лев Петрович Пирожков
Был ужасно бестолков.

Он пошел на именины
Воробьевой Антонины,
А попал в соседний пруд.
Тут
И был ему капут.

281

*После стр. 12
Отд. изд. 1930*

Как поживаешь,
Мой маленький
Друг?
Слушай
Поменьше,
Что мелют
Вокруг.

Если
В далекий
Пускаешься
Путь —
Следует
Уши
Канатом
Заткнуть!

282

*После стр. 13
«Еж»*

Радиомачты —
Ловить
Голоса,

Балки
Сажаем
И шпалы
Растим,
Строим
Дороги

И топи
Мостим.
Что
Мы сажаем,
Сажая леса?
Легкие крылья
Чертить небеса,
Дом
И качели,
Челнок
И скамью,
Бочку,
Газету
И книгу твою.

Что
Мы сажаем,
Сажая леса?
Окна,
И двери
И ось колеса

*После ст. 21
ИзСт 1949*

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Там, где лесная
Пройдет полоса,
Станет
Полнее и глубже
Река,
Будет пшеница
В полях
Высока.

284

«Радуга», 1926

Мой веселый звонкий мяч,
Ты куда пустился вскачь?
Красный, желтый, голубой —
Не успеть мне за тобой:

Поросенка — хлоп,
Собачонку — в лоб!
Гонишь по двору утят —
Перья по ветру летят.

Я и сам с тобой в беду,
Глупый мячик, попаду:
Разобьешь стекло в окне,
А влетит за это мне!

728

*Автограф
1950-х годов*

Вы пойдите, лодыри,
На урок.
В школе вашей только что
Был звонок.

Кто учиться смолоду
Не хотел,
Тот потом останется
Не у дел».

«Колька, а ведь правильно
Молвил кот:
Кто не знает грамоты —
Пропадет.

Отдых без учения
Нам не впрок.
Побежим немедленно
На урок!»

Замяукал весело
Серый кот,
И довел он школьников
До ворот.

Проводил он школьников,
А потом
Помахал им лапкою
И хвостом.

286—302

2

Автограф

Высоко голову задрал
И растопырив ноги,
Большой раскрашенный жираф
Стоял среди дороги.

И говорил себе жираф:
«Как я высок и величав!»

Но вот нашел он между трав
Цветочек у дороги.
Хотел сорвать его жираф,
Да помешали ноги!

И с грустью глядя на цветок,
Он думал: «Слишком я высок!»

ДвК 1923

Бедный маленький верблюд!
Посмотрите, как он худ.

Он сегодня съел с утра
Только два таких ведра!

Бедный маленький верблюд!
У него тяжелый труд, —

Возит по саду детей,
Наших маленьких гостей.

Ах, какой тяжелый груз —
Пятилетний карапуз!

ДвК 1923

Для нас, медведей-северян,
Устроен в клетке океан.

Он не глубокий и очень мал,
Зато в нем нет подводных скал.

Вода прохладна и свежа.
Ее меняют сторожа.

Мы с братом плаваем вдвоем
И говорим о том, о сем.

Мы от стены плывем к стене,
То на боку, то на спине.

Держись правее, дорогой!
Не задевай меня ногой!

А жалко, брат, что сторожа
К нам не хотят пустить моржа.

Хоть с ним я лично не знаком,
Но рад подраться с земляком!

*Вм. строф
1—2
ДвК 1923*

Из дальней солнечной земли
К нам обезьянку привезли.

Весь день, печальна и больна,
Сидит на корточках она

И про себя поет в тоске
На обезьяньем языке.

Вя. стр. 2—4
Отд. изд. 1947

Мартышка вспоминает
Страну свою — Алжир
И утром принимает
Невкусный рыбий жир.

9

КОРОЛЕВСКИЙ ПИНГВИН

ДвК 1923

Правда, дети, я хорош?
На большой мешок похож.

Я дремать умею стоя.
Понимаете вы, кто я?

Королевский я пингвин!
Очень важный господин!

Старый, жирный мой отец —
Замечательный пловец.

На морях в былые годы
Обгонял он пароходы.

А теперь он здесь в саду
Тихо плавает в пруду.

Утки плавают с ним вместе.
Слишком много уткам чести!

У отца высокий чин:
Королевский он пингвин!

10

ДвК 1923

Убирайтесь! Я сердит!
Мне не нужен ваш бисквит.

Что хорошего в бисквите?
Вы мне мяса принесите.

Я — тигренок, хищный зверь!
Понимаете теперь?

Я с ума сойду от злости!
Каждый день приходят гости,

Беспокоят, пристают,
В клетку зонтики суют.

Эй, не стойте слишком близко,
Я — тигренок, а не киска!

*Перед стр. 1
ДвК 1923*

Я — замечательный птенец
Породы очень редкой.
Какой хорошенький чепец
Нашел я перед клеткой!

Он очень мил, красив и прост!
Не нравятся мне шляпы
С большими перьями, как хвост
У мамы и у папы!

ДвК 1923

Очень хитрый брат мой Том:
Мы играли с ним вдвоем,

Я хотел его поймать,
Вдруг явилась наша мать.

Он и спрятался в мешке
У мамыши на брюшке.

И кричит оттуда Том:
«Чур! Не трогай! Это — дом!»

*Стр. 5
ДвК 1923*

Теперь у всех я на виду
В зоологическом саду
Сижу один и кости жду,
Несчастный, жалкий динго!

*После стр. 5
ДвК 1935*

Зато живу я не один —
На смену мне растет мой сын,
Он — ленинградский гражданин,
А я — заморский динго!

Автограф

Жеребенок полосат.
Вся спина как палисад.
Полосат он для того,
Чтоб не видели его.

З Е Б Р А

ДвК 1923

Я — зебра полосатая.
Не здесь я родилась.
На родине когда-то я
Под пальмами паслась.

Помахивая гривой,
Учусь я танцевать.
За мной идет сварливая
Моя старуха мать.

Конечно, ей не нравится
Мой танец на лугу.
Пора бы мне исправиться, —
Да только не могу!

814

*После стр. 7
СПЗ 1939*

«Как, лиса, твои дела?»
— «На базаре я была».

«Что ты так устала?»
— «Уток я считала».

«Сколько было?»
— «Семь с восьмой».
— «Сколько стало?»
— «Ни одной».

«Где же эти утки?»
— «У меня в желудке».

829

*«Февраль», стр. 2
КомПр*

Над Кремлевской стеной —
Самолетов звенья.
Слава армии родной
В день ее рожденья!

833

*Желтая
страница
После стр. 7
СПЗ 1948*

Степная черепаха
Ползет, как грузовик,
И голову от страха
Вбирает в воротник.

*После стр. 8
СтСкП 1952*

Но люди остановят
Зыбучие пески.
Они канал готовят
Для синих вод реки, —

Чтобы в степях пшеница
Высокая росла,
Чтоб желтая страница
Зеленою была!

*Белая
страница
Вместо стр. 5
СПЗ 1948*

Видишь, след идет за следом.
Внук торопится за дедом.
Первый след в лесу пропал.

След второй приводит к яме.
Это кто-то вверх ногами
На бегу в сугроб упал.

*Вместо строф
1—5
Автограф*

Полотном страница стелется,
Точно снег, бела.
Видно, всю ее метелица
За ночь замела.

Сыплет, сыплет снег охапками
На поля зима.
До бровей накрылись шапками
Во дворах дома.

Ночью вьюга куролесила,
Снег стучал в стекло.
А сейчас — гляди, как весело
И белым-бело!

Лыжи сами так и просятся
Мчатся под уклон.
В роще празднично разносится
Карканье ворон.

Как хмельной, идет-шатается
По мосткам ходок.
А в ведре гремит, болтается
Молодой ледок.

*Красная
страница
СПЗ 1948*

Это — красная страница,
Площадь Красная на ней.
Красный шелк на ней струится
Ярче праздничных огней.

Эту площадь знали деда
Лет пятьсот тому назад.
А сегодня в честь победы
Был на площади парад.

Вот идет за ротой рота,
Полк проходит за полком, —
Сколько стран прошла пехота
На колесах и пешком!

Вот проходят тесным строем
Моряки, за взводом взвод,
А вослед большим героям
Полк суворовцев идет.

Как в бою, в лихой погоне
Раздается дробь копыт.
Это — кони,
Кони,
Кони,
Наша конница летит!

Мчатся дружные тачанки
На парад с полей войны,
И грохочущие танки
Показались, как слоны.

Сотрясая мостовые,
Артиллерия прошла,
А за нею боевые
Блещут в небо зеркала.

. . . . .
А вверху — над всей страницей —
В небе утреннем плывет,
Как серебряные птицы,
Боевой воздушный флот.

*Ночная
страница
После стр. 2
Автограф*

На улицах, скверах, бульварах
Всю ночь до рассветной зари
Цепочками в черных футлярах,
Мерцают, горят фонари.

Черн. автограф   З В Е Р И Н А Я   С Т Р А Н И Ц А

Вот звериная страница.
Это лев. А это львица.
А напротив них живет
В теплой ванне бегемот.
Рядом с толстым бегемотом
В клетке бархатный енот.
Рядом с бархатным енотом
Мышка серая и крот.
Вот орел [глядит на сетку].
За решеткой — черный дрозд.
И павлин, [заполнив] клетку,
Распустил свой пестрый хвост.

335

*После стр. 21
Автограф*

«Но почему же ордена,
Что при царе носили,
Имели только имена
И никаких фамилий?»

«Они в то время по святым
Старинным назывались.
Но доставались не святым,
А к аксельбантам золотым
В придачу раздавались.

Ну, ежели была война,
Тогда помельче ордена,
А более — медали
Перепадали рядовым.

А в мирный год городовым
Или старшинам цеховым
И сельским их давали».

После стр. 28
Зн

«Какие средства?» — «Капитал
Своей он дочке завещал,
Два миллиона ровно.
На эти деньги лет пятьсот
Прожить без горя и забот
Могла Адель Петровна».

Вместо
стр. 31—34

«Дома кормили наших бар,
Как говорят, заочно!» —
Сказал насмешливо маляр,
Другой ответил: «Точно!»

«Дом приносил большой доход,
В нем жило множество господ,
Кто победней — повыше.

А под землю жил народ
Беднее, чем под крышей».

336

После стр. 5
«Мурзилка»

Дети нашего двора,
Чкаловы, Чапаевы,
Молодые мастера,
Юные хозяева!

Вы — разведчики земли.
На дворе играя,
Нефть недавно вы нашли
Около сарая.

С полным нефти котелком
Юная бригада
Собиралась в исполком
Ехать для доклада.

Нефть отличная была, —
Но ее, наверно,
В это утро пролила
На дворе цистерна.

Ничего! Не обойти
Трудностей в работе.
Нефть успеете найти, —
Вы ли не найдете?..

337

Стр. 28 Яков с малолетства стал языковедом.
Отд. изд. Яков в нашем доме очень знаменит.
1940 Яков по-японски говорит с соседом.
Я не понимаю, что он говорит.

Автографы а) Яков с малолетства стал языковедом,
Яков в нашем доме очень знаменит.
Яков по-французски говорит с соседом,
Яков по-кошачьи с кошкой говорит.

б) Яков с малолетства стал языковедом,
Яков изучает много языков.
Яков пионерам — немцам или шведам —
Ясно отвечает:
«Я всегда готов!»

в) Яков с малолетства стал языковедом,
Яков научился многим языкам.
Языки с горошком ест он за обедом,
Языки с картошкой ест по вечерам.

338

«Раз, два,
три, четыре»
Стр. 2 Рано утром на подушку
Ставит он стальную пушку
И стреляет в корабли,
Проходящие вдали.

После стр. 3 Без особенных усилий
Автограф Этот славный великан
Нынче шесть автомобилей
Положил к себе в карман.

Сосчитайте, сколько весить
Могут шесть автомашин:
Две машины ЗИС — сто десять
И четыре — Эм-один!

Силача такого в мире,
Верно, не было и нет.
Он вчера во всей квартире
Потушил рукою свет.

А вчера луну над домом
Увидал в окне силач
И сказал своим знакомым:
«Я достану этот мяч!»

Говорит он громким басом,
И — поверите ли вы? —
С Ленинградом и Донбассом
Говорит он из Москвы.

841. ПОЖАР

Отд. изд. 1923

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Стоит солдат у будки.
Смотрит вокруг —
На север,
На юг,
На запад,
На восток:
Не виден ли дымок?

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
«Печку, Леночка, не тронь.
Жжется, Леночка, огонь!»

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В шелку красную глядит,
А огонь поет-гудит:

«Нынче в печке места мало,
Разгуляться негде стало!
Маме, Леночка, не верь.
Приоткрой немножко дверь!»

Приоткрыла дверцу Лена,
Соскочил огонь с полена,
Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,
Побежал по стульям с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Стало страшно бедной Лене.
Лена выбежала в сени,
Дверь закрыла за собой,
А огонь ревет: «Открой!»
В щелку двери дымом дунул,
Руку в скважину просунул.
Лена бросилась во двор,
Со двора — через забор...
А огонь всё выше, выше.
Кошка мечется на крыше.

Из соседних ворот
Выбегает народ —
Кто с кувшином, кто с ведром —
Заливать горящий дом.
Пожар! Пожар!
Из окна на тротуар
В лужу падает перина,
Кресло, примус и картина,
Граммфон и самовар...
Караул! Пожар! Пожар!

На площади базарной,
На каланче пожарной —
Динь-дон, динь-дон —
Раздается громкий звон.
Начинается работа,
Отпираются ворота,
Собирается обоз,
Тянут лестницу, насос.
Из ворот без проволочки
Выезжают с треском бочки.
Вот уж первый верховой
Поскакал по мостовой.
А за ним отряд пожарных
В медных касках лучезарных
Пролетел через базар
По дороге на пожар...
А огонь всё выше, выше,
Вылезает из-под крыши,
Озирается кругом,
Машет красным рукавом.
«Чья взяла! — кричит народу. —
Бейте стекла! Лейте воду!
Я по крышам побегу,
Целый город подожгу!»

Но уж близко по дороге
Вереницей мчатся дроги.
Впереди несется вскачь
Запыхавшийся трубач.
Перед домом в клубах пыли
Лошадей остановили.

Вверх направили рукав,
Медный рот ему зажав.
Зашипел рукав упругий,
Весь затрясся от натуги
И, когда открыли кран,
Высоко пустил фонтан.
Эй, бригада, не зевай!
Качай, качай!

Злой огонь ревет и пышет,
Двух пожарных сбросил с крыши,
А топорника Кузьму
Задушить хотел в дыму.
Но Кузьма — пожарный старый,
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Падал с крыши десять раз.
Ничего он не боится,
Бьет огонь он рукавицей,
Смело лезет по стене.
Каска светится в огне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий,
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.
Сунул голову в окошко.
Поглядел. . . Да это кошка!
«Пропадешь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне!»

Широко бушует пламя.
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома. . .
Отбивается Кузьма.
Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Десять бравых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Черным облаком густым
Вслед за ними вьется дым. . .
Пламя мечется и злится,
Убегая, как лисица.
А пожарная кишка
Гонит зверя с чердака.

Вот уж бревна почернели. . .
Злой огонь шипит из щели:
«Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!»

«Замолчи, огонь коварный! —
Говорит ему пожарный. —
Будешь помнить ты Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!
Будешь жить ты только в печке,
Только в лампе и на свечке! ..»
Тут огонь в последний раз
Рассердился — и погас.

На панели у ворот
Ждет спасителей народ.
Лишь увидели Кузьму,
С криком бросились к нему —
Обнимают, в гости просят,
Пирог ему выносят.
«Ах, Кузьма ты наш, Кузьма,
Спас ты нынче нам дома!
Дорогой ты наш пожарный,
Мы навеки благодарны!»

На скамейке у ворот
Лена горько слезы льет.
Дом сгорел у бедной Лены —
Потолки, полы и стены,
Кошка, кукла и кровать.
Ночью негде будет спать.
А вдобавок ей за шалость
От родителей досталось.

Плачет девочка навзрыд.
А Кузьма ей говорит:
«Плакать, барышня, не стоит,
Новый дом для вас построят.
Ваша кошка спасена.
Полюбуйтесь, — вот она!»

Лена крепко сжала кошку
И утихла понемножку.
От ворот по мостовой
Отъезжает верховой.
А за ним отряд пожарных
В медных касках лучезарных
Едет медленно назад.
Бочки, прыгая, гремят.
Вот Кузьма сидит на дрогах,
У него лицо в ожогах,
Лоб в крови, подбитый глаз, —
Да ему не в первый раз!
Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром.

После гл. 4
Отд. изд. 1924

Несчастные калеки
Пришли к библиотеке.
Шлеп-шлеп
На порог.
Там их встретил Каталог.
Важная книжка,
Толстая крышка,
Медные застёжки,
Тоненькие ножки.

«Эй, — сказал он, — что за хлам
Привалил сегодня к нам?
Что за куча всякой рвани
Без обложек, без названий?»

Отвечали братья Grimm:
«За привет благодарим.
Но ошиблись вы немножко.
И у нас была обложка.
Мы клочки ее храним.
Наше имя — Братья Grimm!»

Книжка в толстом переплете
Закричала: «Нет, вы врете!»
— «Нет, мы правду говорим!» —
Отвечали братья Grimm.
Каталог отставил ножку,
Отомкнул свою застёжку
И, откинув переплет,
Заглянул к себе в живот
(В животе у Каталога
Было чисел очень много).

«Вот, — сказал он, — пятый ряд,
Номер триста шестьдесят».

Вдруг из отпертого шкапа
Толстый том свалился на пол
И воскликнул: «Вас ист дас?
Кто тут спрашивал про нас?
Честь имеем мы явиться —
Братья Grimm из-за границы!»

«Дорогие братья Grimm!
Сколько лет и сколько зим!»
Тут растрепанные братья
К целым бросились в объятья...

Толстый важный Каталог
Больше хмуриться не мог
И сказал без всякой злости:

«Отдохнуть пора вам, гости,
Да и мне соснуть пора.
Спите сладко до утра!»

Утром книжки оглядели
С восхищеньем свой уют:
Неужели в самом деле
Только книжки здесь живут?

В переплетах темной кожи,
Разместившись у стены,
Словно зрители из ложи,
Книжки смотрят с вышины.

Корешки и переплеты
Изумительной работы,
И у всех, как на гербе,
Серебром и позолотой
Блещут буквы: Р. П. Б.

313

М А С Т Е Р

Отд. изд. 1927

Это седенький
Дед.
Деду семьдесят
Лет.

А прицелится он глазом —
В доску гвоздь вколотит разом.

Молотком стучит,
На меня ворчит:
«Делай дело, непоседа,
Поглядел бы ты на деда:
Деду семьдесят лет,
А сработал табурет!»

Не гуди ты, дед, на внука.
Молотком стучать не штука.
Что за диво — табурет.
Вот я сделаю буфет.
Вытешу из елки
Новенькие полки.

Наверху — сервиз,
Для тарелок — низ.
Посередке — ящики.
Подходи, заказчики!

Вот и стал я столяром,
Заработал топором.
Я по этой части
Знаменитый мастер.

Раз! Два!
По полену.
Три! Четыре!
По колену.
Не дается мне буфет,
Сколочу я табурет.
Я по этой части
Знаменитый мастер.

Размахнулся молотком —
Гвоздь согнулся червяком.
Стал вколачивать другой —
Изогнулся он дугой.
Хватай клещи,
Назад тащи!
Брошу это дело.
Что-то надоело.
Не идет проклятый гвоздь —
Лезет в сторону насквозь.
Обойдусь без табурета.
Лучше — рамка для портрета.
Молоток теперь долой,
Поработаем пилой.
Я по этой части
Знаменитый мастер.

Завизжала
Пила,
Зажужжала,
Как пчела,
Пропилила
Вершок,
Наскочила
На сучок.
Треснула и стала.
Начинай сначала!
Я гоню ее вперед,
А злодейка не идет.
Я тяну ее назад —
Зубья в дереве трещат.
Брошу это дело.
Что-то надоело.
И топор
Не остер,
И пила
Подвела.
Только нож остер и крепок —
Наколю себе я щепок!
Щепочки колючие,
Тонкие, горючие
Затрещат, как на пожаре,
В нашем новом самоваре.

Иди,
Столяр,
Разводи
Самовар.
Ты по этой части
Знаменитый мастер!

844

Гл. 2
Вместо строф 2—4
Отд. изд. 1936

Решил
Прокатить
Жену и дочь.
Согласна жена,
И дочь не прочь.

Гл. 8
Вместо строфы 2

Бдруг
Иностранцы
Разинули
Рот.
Мистера
Твистера
Кинуло
В пот.

Вместо строфы 8

«Если в гостинице
Негры живут, —
Мы ни за что
Не останемся тут!»

Вместо строф
10—13

Быстро и молча
Садятся в машину,
Зонтиком тычут
В шоферову спину.
Строгий швейцар
Отдает им поклон,
В будку бежит
И кричит в телефон:

«Два
Сорок два
Сорок восемь,
«Астория»!
Можно ли
Вызвать
Швейцара
Григория?»

Слушай, Григорий,
Наверно, сейчас
К вам на моторе

Приедут от нас
Трое
Туристов,
По имени
Твистер, —
Это отчаянные
Скандалисты.
Ты говори им,
Что нет номеров.
Понял, Григорий?
Так будь же здоров!
Двадцать один
Восемнадцать,
«Сицилия»!
Можно ли
Вызвать
Швейцара
Василия?
Слушай, Василий:
Наверно, сейчас
В автомобиле
Приедут от нас
Трое
Туристов,
По имени Твистер, —
Это отчаянные
Скандалисты.
Ты отвечай им,
Что нет номеров.
Слышал, Василий?
Так будь же здоров!

Пять
Тридцать пять
Тридцать девять,
«Италия»!
Можно ли
Вызвать
Швейцара
Виталия?
Здравствуй, Виталий,
Сейчас...» — И так далее...

349

После стр. 7
«Еж»

Восклицательный знак
Заявил, подняв кулак:
«Убедились мы воочию,
Что не место многоточию
В этом доме на собрании
Честных знаков препинания.

746

Мы должны его прогнать,
Как прогнали букву ять!

Нам ли

Нужны мягкотелые мямли?

Все, кто — против,

И все, кто — за,

Отвечайте нам

Прямо в глаза!»

Отвечало многоточие,

Еле глазками ворочая:

«Про себя скажу я так.

Я величественный знак.

А девицы запятые —

Знаки самые простые,

Да и точка с запятой —

Знак ненужный и пустой.

Восклицательные знаки —

Крикуны и забияки,

Вопросительные знаки —

Ротозен и зеваки. . .»

Вопросительный знак

Удивился:

«То есть как?»

Восклицательный знак

Возмутился:

«То есть как!»

И сказала решительно точка:

«В этом деле вредна проволочка.

С государственной точки зрения

Я стою за его исключение».

Две девицы запятые,

Секретарши занятые,

Сели рядышком за стол,

Написали:

«Протокол

Общего собрания

Знаков препинания.

Восклицательный знак,

Вопросительный знак

И прочие

После строгого суда

Исключили навсегда

Многоточие».

После стр. 8
Кр

Из-за нас карают строго

Грамотеев молодых —

Тех, кто ставит слишком много

Или мало запятых.

«Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий.
Мутно небо, ночь мутна».

Ученик, стихи читая,
Должен помнить ты одно:
После тучи — запятая,
После неба — запятая,
Остальное — всё равно!

353

*Набросок начала
Черн. автограф*

Есть в зоопарке лань и лама,
Верблюд, тушканчик и медведь.
Но я хотел гиппототама,
Гитопотама посмотреть.

Ах, я ошибся. Знаю сам,
Что говорят: гиппопотам!

[Как мне рассказывала мама,
Я был в ту пору очень мал
И потому гипототама
Гитопотамом называл.

Я, кажется, ошибся снова.
Мне не дается это слово.
Гораздо легче слово «слон»,
Хоть сам куда крупнее он.

Я думаю, гиппопотама
Зовут так трудно для того,
Чтоб сторож на берег из ямы
Пореже вызывал его.

В воде сидит он дни и ночи.
На суше только ест и пьет.
Есть имя у него короче
И много проще: бегемот.

354

*После стр. 4
Автограф*

Мне всего двенадцать лет,
Но гляжу я с грустью,
Как одна другой вослед
Льдины мчатся к устью.

После стр. 7
Отд. изд. 1925

По дороге стук да стук,
Едет прочь пустой сундук.
Старичок его везет
И приятелей зовет:

«Эй, друзья мои приятели!
Что у вас за покупатель?
Мой толстяк в один присест
Всё мороженое съест!»

Вот приятели веселые
Сундуки везут тяжелые,
Собираются толпой
И кричат наперебой:

«Прекрасное
Ананасное
Именинное
Апельсинное
Мороженое!»

А толстяк не унимается,
За работу принимается,
Форму целую берет,
Опрокидывает в рот
И рукою отмороженной
Достает бумажник кожаный.
На спине его сугроб,
Побелел багровый лоб,
На очках узоры льдистые. . .
В серебре усы пушистые.
Он стоит и не шевелится,
А кругом шумит метелица!

Как у нашего двора
Нынче выросла гора
В два аршина
С половиной.
Полюбуйся, детвора!

Надевай скорей коньки
Да салазки волоки!
Всюду лето,
Снегу нету,
А у нас игра в снежки!

РАДУГА

«Радуга»

В небе гром, гроза.
Закрывай глаза!

Дождь прошел. Трава блестит,
В небе радуга стоит.

Поскорей, поскорей
Выбегай из дверей,
По траве
Босиком,
Прямо в небо
Прыжком.

Ладушки, ладушки!
По радуге, по радужке,
По цветной
Дуге
На одной
Ноге.
Вниз по радуге верхом
И на землю кувырком!

КОЛЕЧКО

*Бел. автограф
1920-х годов*

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С белого крылечка.

Кто с крылечка
Сойдет,
Кто колечко
Найдет —

Тому сладкий леденец,
А на шапку бубенец!

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С белого крылечка,
Покатилось в огород,
Докатилось до ворот,
Подкатилось под ворота,
Закатилось на болото.
Между кочек, между пней
Пролежало сорок дней.
Там нашла его сорока,
Унесла его высоко,

Унесла его во рту,
Завевалась на лету,
А была она над речкой —
В воду кануло колечко.

Кто на речку
Пойдет,
Кто колечко
Найдет —
Тому сладкий леденец,
А на шапку бубенец,
Или меду
Корец,
Или денег
Ларец!

Вышла Оля из ворот,
Оля по воду идет,
По лугам и по пригоркам,
На ходу звенит ведром.
Наклонилась над водой,
Зачерпнула — и домой.
Оступилась о колоду —
На крыльцо плеснула воду.

Воротилось, воротилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С белого крылечка.

Кто с крылечка
Сойдет,
Кто колечко
Найдет —
Тому сладкий леденец,
А за шапку бубенец,
Или меду
Корец,
Или денег
Ларец,
Три копейки, сто рублей,
А за шиворот репей!

362—367

5

Автографы а) Я конем рогатым правлю.
Если слезу я с коня
И к забору не приставлю —
Упадет он без меня.

б) Держусь я только на ходу,
Покуда мной ты правишь.
А без тебя я упаду,
Коль к стенке не приставишь.

в) По узкому и длинному,
Как будто бы змеинному
Узорчатому следу
Поймешь, куда я еду.

Держусь я только на ходу,
А если стану, упаду.

370

Пр

Вместе весна и лето
Нынче гостят в Москве.
Сколько рассеяно света
В тучах и в синеве!

Мирно Москва проснулась
В этот июньский день.
Только что развернулась
В скверах ее сирень.

Мчались мотоциклетки,
Была их частая дрожь.
В сетках мячи и ракетки
В парки несла молодежь.

. . . . .

. . . . .

Недруг лихой, вероломный
Встал у советских ворот.
Тучей угрюмой и темной
К нашему солнцу плывет.

Разом, в одно мгновенье
Всё изменилось кругом.
Юноша в майке весенней
Смотрит суровым бойцом.

Девушка стала сестрою,
Крест — на ее рукаве.

Сколько безвестных героев
Ходит сейчас по Москве. . .

Сколько их в шахтах, в колхозах,
Сколько на школьной скамье,
В кузницах, на паровозах,
В каждой советской семье.

Все на борьбу с врагами,
В грозный и дальний поход!
По небу ходит кругами
Сторож страны — самолет.

. . . . .

371

Изв

Наш дед — солдат Суворова,
Отец — боец Чапаева.
С врагом дерутся здорово
Своей страны хозяева.

374

*После стр. 4
Пр*

Мы разбомбили Гулькин Нос,
Тетюшам угрожаем.
Забрали клюквенный колхоз
С богатым уржаем.

378

Стихи о войне

БРАТЬЯ - ГЕРОИ

Здесь похоронены герои Великой Отечественной войны, павшие смертью храбрых в борьбе с германским фашизмом 30 августа 1941 года, военком 275 арполка батальонный комиссар Орлов Михаил Васильевич и командир батареи Аронсон Рафаил Шлемович.

Надпись на могиле близ Ельни

Братская могила, убранный хвост.
Под венком словым
Спят в одной могиле славные герои
Аронсон с Орловым.

Схоронили их не на кладбище —
На поляне голой,
У большой деревни Озернице,
Возле сельской школы.

Их обоих, русского с евреем,
Схоронили рядом,
И огонь открыла батарея
По фашистским гадам!

Свет блеснул в холодной мгле осенней,
Призывая к бою.
Наши роты повели в сраженье
Спящие герои.

Есть ли у обоих матери и жены,
Где они, — не знаем.
Если отзовутся, низкие поклоны
Мы им посылаем.

Мы клянемся с каждым днем сильнее
Пулей и снарядом
Бить врагов, как била батарея
По фашистским гадам!

383

Стр. 1
Пр В такой обыкновенный день —
Июньский, голубой —
Вели толпу из деревень
Фашисты на убой.

Стр. 5 И зашагал народ быстрее
По смертному пути.
За кровь детей и матерей
Убийцам отомсти!

388

После стр. 3
Пр Эту поступь слушай, Ленин,
И уверен будь:
Неуклонен, неизменен
Наш победный путь.

Слушай весть освобождения
С Дона и Донца.
Ленинград ломает звенья
Вражьего кольца.

В день священной годовщины
Отступает враг.
В первых селах Украины
Вьется красный флаг.

У бурливых вод кавказских
И в степи родной
Палачей в немецких касках
Мы тесним стеной.

Пред могилой полководца
Клятву мы даем:
Будем яростней бороться
За тебя с врагом.

.....

394

*После стр. 5
Пр*

Наш отпор надменной силе
Был решителен и крут.
Мы врагов остановили,
А часы идут, идут.

Справедлив и неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Затаив свою досаду,
Ошалев перед концом,
Бьют враги по Ленинграду
И железом и свинцом.

Но, как ночь, минуют беды,
И часов подземный ход
К нам приблизит час победы,
Как приблизил Новый год!

403

*После стр. 2
Пр*

Они, гаулейтеры, вчера
От Минска до Версаля
И от Ламанша до Диспра
Европой управляли.

Теперь у них переполох,
Им тесно в душной банке.

Сидит в котле гаулейтер Кох,
В котле — гаулейтер Ганке.

Иных уж нет, а те — в пути,
Готовятся к отлету. . .
Но где бездомному найти
Гаулейтеру работу?

406

*После стр. 3
Пр*

Мы не забудем, как сирены
Сливали свой надрывный вой,
Когда Москва была ареной
Великой схватки боевой.

После стр. 8

Опять над башнями седыми
Кремлевских звезд горит рубин.
А где-то в темноте и дыме
Лежит поверженный Берлин.

410

ПионПр

В полночь год приходит новый,
Бьют часы двенадцать раз,
Словно смена часового
Происходит в этот час.

Встали рядом часовые —
Старый год и Новый год,
И задачи трудовые
Году год передает.

Слава тем, кто вечер года
Раньше срока проводил,
Кто у нас в цехах завода
Новый год опередил.

Меди гулкне раскаты
Над Кремлем плывут седым.
С Новым годом вас, ребята, —
С девятьсот сорок восьмым!

411

*Стр. 1
СПЗ 1955*

Над гранитным сводом Мавзолея,
Осеняя земли и моря,
Как заря рассветная, алая,
Полыхает знамя Октября.

После ст. 26
ЛГ

Вы скажете: дяденька, взявший патент
На эту игрушку, безумен. . .
Но бомбой играет и сам президент,
Смиренный и набожный Трумен.

В пятнадцатом веке Колумб — иль Колумб —
Не думал, волну рассекая,
Что им открывается фабрика бомб,
Бесчетных смертей мастерская.

421

После стр. 6
Автограф

«Но ведь Шекспира нет давно
В живых!» — студент заметил.
«Шекспир иль Шоу — всё равно! —
Делец ему ответил. —

Я помню, оба с буквы Ш,
Писали оба драмы,
И я не дал бы ни гроша,
Не будь еще и дамы.

Я не профессор, а банкир,
И секретарь мой в банке
Вам скажет, Шоу иль Шекспир
Был другом англичанки».

423

Автограф

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям,
Где памятная надпись:

«Отстоим!»

Сменилась новой надписью —

«Отстроим!»

На величавом волжском берегу
Сдержал ты обе клятвы, город-воин:
Свободу отстояв, нанес удар врагу
И так же доблестно отстроен.

Из дома, где гремел когда-то бой
И рушились бетонные площадки, —
Держа под мышкой книжки и тетрадки,
Выходят утром школьники гурьбой.

И молчаливо камни говорят,
Покоясь на гранитном пьедестале,
Что люди на смерть под огнем стояли
За счастье этих стриженных ребят.

*После стр. 4
Автограф*

Был сперва дипломом Нобеля
Награжден его патрон,
А теперь его сподобили:
Ваш диплом получит он.

*Черновой
набросок
начала*

Приказал разрушить дом
Жадный бизнесмен.
Предназначил он на слом
Дом, где жил Марк Твен.

Телеграмму от Марк Твена
Получает бизнесмен:
«Опишу вас непременно
В новой повести.
Марк Твен».

Говорит по телефону
Секретарше бизнесмен:
«Вы не знаете персону,
Именуемую „Твен“?»

Автограф

Мой друг увидел столько стран,
Но незнаком с их языками,
Как тот дорожный чемодан,
Что весь облеплен ярлыками.

И надписи на ярлыках —
На всевозможных языках.
Мой друг объехал с чемоданом
Немало стран за океаном,
Он кочуют много дней,
Не разбираясь в том, что слышат...
Но чемодан — куда честней:
В пути он очерков не пишет!

*«Говорит
Москва»*

Ж У Р Н А Л И С Т У

Если ты, поступив в иностранный отдел,
Языком иностранным вполне овладел,

Постарайся в обзорах пространных
Обходиться без слов иностранных.

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

443

Автограф

О ГЕРОЯХ

Два часа твердил писатель нам
О герое отрицательном.
О герое положительном
Что-то мямлил сочинитель нам.

Но не думал Лев Толстой:
Левин или Анна —
Положительный герой
Данного романа?

496

Стр. 2
СЗ

Принес для старшей перстень злат
(Биннори, о Биннори!),
А младшей — нежный, нежный взгляд
У славных мельниц Биннори.

Вместо
стр. 8—11
СЗ

Сестра! Дай руку мне, молю!
(Биннори, о Биннори!)
С тобой наследство разделю,
У славных мельниц Биннори.

О, кинь мне пояс свой цветной
(Биннори, о Биннори!),
Ничьей не буду я женой
У славных мельниц Биннори.

Она боролась тяжело
(Биннори, о Биннори!),
Ее к плотинам отнесло
У славных мельниц Биннори.

Увидел мельника сынок
(Биннори, о Биннори!),
Как быстрый мчал ее поток
У славных мельниц Биннори.

Отца к плотине он зовёт
(Биннори, о Биннори!):
«Гляди: русалочка плывёт!
У славных мельниц Биннори».

Вместо стр. 14 На белом мраморе чела
(Биннори, о Биннори!)
Жемчужин чистых нить была
У славных мельниц Биннори.

После стр. 15 На деву молча он взглянул
(Биннори, о Биннори!)
И тяжко, горестно вздохнул
У славных мельниц Биннори.

488

Ог На рассвете мы стали крепить паруса,
Оставляя маяк вдалеке. . .
Тихо выплыла в море русалка-краса,
С круглым зеркальцем, с гребнем в руке.

Солнце в тучах взошло над пучиною вод.
Капитан наш стоял у руля.
Увидал он, что следом русалка плывёт
За высокой кормой корабля. . .

Грянул с севера ветер, и вздулась волна,
И сказал капитан удалой:
«Будет плакать моя молодая жена,
В этот день она станет вдовой!»

В полдень стали мы с палубы лодки снимать.
Приуныл наш матрос молодой:
«Я оставил на родине старую мать, —
Пусть не ждёт она Вилли домой!»

Наши мачты скрипели, рвались паруса,
Буйный ветер трепал полотно. . .
И за первую жертвой русалка-краса
Опустилась на темное дно.

489

КОРОЛЬ ДЖОН И ЕПИСКОП
(Английская народная баллада)

«Утро
Юга» Послушайте повесть минувших времён
Про славного принца по имени Джон.
Он Англией правил с высокого трона,
Не ведая правды, не зная закона.

И жил в Кентерберри в то время аббат.
Был славен в народе, несметно богат.
Но вот за богатство и громкую славу
Был вызван он в Лондон на суд и расправу.

«Здорово, здорово, отец мой — аббат!
Богаче меня ты живешь, говорят.
И этим в народе ты сеешь крамолу
И дерзостный вызов бросаешь престолу!»

«Чистейшую правду сказать мне позволь:
Я трачу немало, великий король,
Но милости вашей да будет известно,
Что трачу я деньги, добытые честно».

«Нет, — молвил король, — ты кругом виноват.
Ты казни достоин, коварный аббат.
И знай: не видать тебе белого света,
Коль на три вопроса не дашь мне ответа.

Вопросы такие. Когда я на троне
Сажу в золотой королевской короне
И справа и слева стоит моя знать, —
Какая цена мне, ты должен сказать.

Затем у тебя попрошу я ответа:
Как скоро могу я объехать вокруг света?
А в-третьих, сказать без запинки изволь,
Что думает твой повелитель — король?»

Аббат растерялся. «Спаси и помилуй!
Задачи твои мудрецам не под силу.
Ума же немного в моей голове. . .
Хоть дай на раздумье недели мне две!»

«Согласен, отец мой! Даю две недели —
И столько же будет душа в твоём теле!
Коль мне не ответишь ты в пару недель,
Лишишься ты жизни, добра и земель».

Прочь едет аббат наш, рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж, потом в Оксенфорд. . .
Увы, из среды докторов и ученых
Никто не решил трех вопросов мудреных.

Домой к себе едет аббат наконец.
Навстречу пастух его гонит овец.
«Здорово, отец мой! — он молвил с поклоном. —
Как принят ты был королем твоим Джоном?»

«Сурово, сурово он принял меня.
И жить мне на свете осталось два дня.
Коль на три вопроса не дам я ответа,
Вовеки не видеть мне белого света».

«Мой лорд, не печалься. Бывает и так,
Что мудрым в беде помогает дурак.
Дай слуг мне и платье, присущее сану,
И я за тебя перед Джоном предстану».

«Людей сколько хочешь тебе я даю,
И лучших коней, и одежду мою,
Высокую митру и жезл драгоценный, —
Хоть в Рим отправляйся к особе священной!»

Вот прибыл пастух в королевский дворец.
«Здорово, здорово, почтенный отец.
Коль на три вопроса ответишь мне сряду,
Тебе с наслажденьем дарю я пощаду.

Вопросы такие. Когда я на троне
Сижу в золотой королевской короне,
А справа и слева стоит моя знать, —
Какая цена мне, ты должен сказать.

«Изволь, я скажу, государь-повелитель:
За тридцать лишь пенсов был продан Спаситель.
За милость твою двадцать девять я дам,
На пенс ты дешевле, — ты знаешь и сам».

Король улыбнулся: «Клянусь Пресвятою,
Никак я не думал, что мало так стою.
Теперь ты подумай и дай мне ответ:
Как скоро могу я объехать весь свет?»

«Лишь солнце взойдет, поезжай понемногу
И с солнышком вместе скачи всю дорогу,
Доколь оно вновь озарит небеса:
Объедешь ты в двадцать четыре часа!»

«Смотрите, как скоро! Клянусь вам Сент-Джоном! —
Заметил король, обратясь к приближенным. —
А ныне, отец мой, сказать мне изволь:
Что думает твой повелитель — король?»

«Что ж! — молвил пастух, поглядев простовато. —
Ты думаешь, сударь, что видишь аббата.
Меж тем пред тобой его бедный пастух...
Прости заодно и помилуй нас двух!»

Король рассмеялся: «Клянусь тебе мессой!
Отныне аббатом ты будешь, повеса».
— «Прости, государь, но позволь мне сказать,
Что я отродясь не учился читать!»

«За то, что задачи решил ты занятно,
С моим кошельком поезжай ты обратно.
За шутку твою и аббат твой прощен...
Пусть ведают люди, как милостив Джон!»

490

*Часть 4
Автограф*

Вернулся мельник вечером
На мельницу к себе
И вдруг увидел молодца
За пологом в избе.

«Хозяйка, что за чудеса!
Что вижу я сейчас?
Лежит мужчина молодой
За пологом у нас!»

«Лежит мужчина, говоришь?»
— «Мужчина, говорю!»
— «Зачем лежит он, говоришь?»
— «Зачем, я говорю!»

«Да что ты мелешь, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Ко мне на праздники сестру
Вчера прислала мать!»

«Прислала мать, ты говоришь?»
— «Прислала, говорю!»
— «Сестру прислала, говоришь?»
— «Прислала, говорю!»

«Сестер немало я видал,
Но, право, до сих пор
Завитых кольцами усов
Не видел у сестер!»

498

*Стр. 9
ДкпД 1923*

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с молочницей строгою,
Которая доит корову безрогую,

Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,
Поймавшего крыс,
Забравшихся в рис
В доме, который построил Джек.

499

Стр. 4
ДкпД Глазастый лягушонок
Поставлен у руля,
И бегают мышонок
По вантам корабля.

Стр. 4
Автограф (1) На вахте
У штурвала
Усатый
Рулевой —
На вахте
У штурвала
Мышонок
Цирковой.

После стр. 4
Автограф (2) Обед готовит муха
В бумажном колпаке,
Сердитая стряпуха
С кастрюлькою в руке.

Стр. 5
Автограф (1) Пятнадцатая —
Утка,
Испытанный
Моряк.
«Антракт! —
Сказала утка. —
Причаливайте,
Кряк!»

507

После стр. 2
Автограф Три смелых зверолова
Подъехали к реке.
Рыбачий белый парус
Скользил невдалеке.

Один сказал: «Вот — парус!
Как быстро он скользит!»
Другой сказал: «Калоша!»
А третий крикнул: «Кит!»

*После стр. 6
Отд. изд. 1927*

Три смелых зверолова
Барахтались в реке,
Испуганная утка
Забилась в тростнике.

Один воскликнул: «Утка!»,
Другой сказал: «Змся!»,
А третий засмеялся
И крикнул: «Это я!»

512

ТУДА И НАЗАД

*Автограф
ок. 1945 г.*

Собрал великий герцог Йорк
Три тысячи солдат.
Он всех повел по склону вверх,
Потом привел назад.

Еще среда была, когда
Солдат повел он вверх.
Когда ж солдат он вел назад,
То был уже четверг.

514

*Автограф
1930-х годов*

Дама бубен
Варила бульон
И жарила десять котлет.
Десятка бубен
Украла бульон,
Котлеты украл
Валет.

Король бубен
Спросил про бульон
И десять
Горячих котлет.
Десятка бубен
Вернула бульон,
И отдал котлеты
Валет.

Король бубен
Был так удивлен,
Что есть отказался обед.
Достался бульон
Десятке бубен,
Валету —
Десять
Котлет.

«Пионер»

СКРИПАЧИ И ТРУБАЧИ

Старый дедушка Коль
 Был капустный король,
 Громко крикнул он свите своей:
 «Эй, налейте нам кубки,
 Да набейте нам трубки,
 Да зовите моих скрипачей,
 Ти-ли-ли,
 Да зовите моих трубачей,
 Ту-ру-ру,
 Да зовите моих трубачей.

А за то, что сыграют они королю,
 Им на шею капусту повесить велю,
 Да морковки
 Пучок,
 Да гороху
 Стручок
 Всем на шею повесить велю».

«Ти-ли-ли», — заиграли в траве скрипачи,
 Восемнадцать кузнечиков, две саранчи.
 «Ту-ру-ру», — затрубили вороны в саду,
 «Буль-буль-буль», — зазвенели лягушки в пруду.
 «Буль-буль-буль,
 Ква-ква-ква,
 Буль-буль-буль,
 Ква-ква-ква», —
 Зазвенели лягушки в пруду.

523

После ст. 2
 Автографы

- а) Добра наживать
 И ума наживать.
- б) Сил и ума и добра
 Наживать!
- в) Будешь силен,
 Будешь смышлен,
 Будешь умом и добром наделен.
- г) Будешь умен и учен и здоров,
 И обойдешься без докторов.

«Неделя»

ПОМОЩНИЦА

Шесть мышей в подвале
Сели пряжу прясть,
А плутовка кошка
К ним в окошко — шасты!

«Что вы тут прядете,
Маленькие пряхи?»
— «Лен прядем, хозяйка,
Детям на рубахи».

«Дорогие мышки,
Я вам помогу:
Нити перекусывать
Я для вас могу!»

«Нет, спасибо, тетя,
Нас вы извините.
Вы нам перекусите
Горло вместо нити!»

528—532

1

БиПАН
Ст. 1—10

Звени поменьше кошельком,
Мели поменьше языком,
И лучше сам будь должником,
Чем другу денежным мешком.
К богатым не ходи пешком,
Будь осторожным игроком,
Не верь тому, с кем незнаком.

533—571

2

Ст. 5—8
ИзП 1946

Когда деревья по краям дорог
Роняют наземь блекнувший наряд,
И нам кивает с погребальных дрозд
Последний сноп, взъерошен и усат.

Ст. 1—4
Автограф

Ты притупи, о время, когти льва,
Клык за клыком из десен тигра рви,
Пусть жрет земля всех, в ком душа жива,
И феникс пусть горит в своей крови.

Ст. 9
Автограф
17/XII—1957

Не прегради мне смерть конца пути
Не будь я остановлен на пути
Не будь я смертью встречен на пути
Не будь застигнут смертью я в пути
Не будь я смертью встречен на пути
Не будь я смертью устранен с пути
Не будь застигнут смертью на пути
Не будь мне смерть преградою в пути
Не укажи мне смерть конца пути
Когда б не стала смерть мне на пути
Не будь я скошен рано на пути
Не будь я смертью скошен на пути

Ст. 13—14
Черн.
автограф

Так ты, мой друг, увянешь, но в стихах
Останешься, как души роз в духах.

Ст. 1—4
Автографы

- а) Плачь обо мне, пока не отпоют
Меня в одной из сумрачных церквей,
Когда, покинув жалкий свой приют,
Сойду в обитель жалкую червей.
- б) Поплачь о том, что друга больше нет,
Лишь до тех пор, куда звон церквей
Не возвестит, что я, покинув свет,
Добычей стал презреннейших червей.
- в) Поплачь о том, что друга больше нет,
Пока в одной из сумрачных церквей
Под гулкий звон не буду я отпет,
Чтоб стать добычей жалкою червей.
- г) Поплачь о том, что умер твой поэт,
Пока одна из сумрачных церквей
Не возвестит, что я, покинув свет,
Переселился в логово червей.

Ст. 13 Гниющих роз милей чертополох.

Ст. 14 а) Теряет прелесть тот, кто делом плох
Автограф б) Теряет честь тот, кто на деле плох.

Ст. 1—2 Ты не меняешься с течением лет.
НМ, СШ 1948 Такой же ты была, когда впервые

Ст. 5—12 Столетиями хранимые черты —
НМ, СШ Глаза, улыбка, волосы и брови
1947 Мне говорят, что только в древнем слове
Могла всецело отразиться ты.

В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.

После стр. 20 Пускай не правятся скотам
ЛГ Плоды земли французской,
Я обувь лучшую отдам,
Чтоб съесть их на закуску.

Итак, помолимся вдвоем,
Чтобы они росли, брат,
И были слаще с каждым днем
В садах родной земли, брат.

Стр. 1—3 Дул я в звонкий свой тростник
СЗ В дикой, вольной стороне.
Вижу: светлый детский лик
С облаков смеется мне.

«Стой! — раздался голосок. —
Про ягненка спой мне ты!»
Я сыграл. «Еще разок!» —
Крикнул мальчик с высоты.

«Кинь веселый свой тростник.
Песни счастья сам пропой!»
Светлым личиком поник
И заплакал мальчик мой.

*Стр. 1
Черн.
автограф
1940 г.*

- а) Я наигрывал шутя
На свирели в тишине,
Вижу: милое дитя
С облаков смеется мне.
- б) Дул я в скважистый тростник.
Вдруг на тучке в вышине
Мальчик маленький возник,
И, смеясь, сказал он мне.
- в) Шел я, весело свистя,
По неведомой стране.
Вижу: резвое дитя
С облаков смеется мне.
- г) Дул я в скважистый камыш
В дикой, вольной стороне.
Вижу: радостный малыш
С облаков смеется мне.
- д) Дул я в дудочку свою
Меж доли и диких скал.
Вдруг на тучке, на краю
Я младенца увидал.

626

*Стр. 1
Черн.
автограф*

Святой Четверг. А чем он свят
Там, где богатый край такой
Не кормит досыта ребят
Скупой и жадною рукой?

*Автограф
в письме к
Е. П. Пешковой
от 28 июля
1915 г.*

Не грешно ли нам вдвоем
Видеть в день святых страстей
В изобильной стороне
Голодающих детей?

627

*Ст. 11—12
«Аргус»*

И наша соседка, что в церкви весь век,
Постом не загубит детишек-калек.

Ст. 15—16

Уж верно, простит он тебя, Сатана,
И даст тебе полную бочку вина.

Стр. 4
Черн.
автограф

Коль наша мысль
Есть бытие,
А смерть лишь там,
Где нет ее, —

Автограф
1914 г.

Безмерность взвесить на ладони,
В мгновенье чувствовать века,
В песчинке — мир многосторонний
И небо — в чашечке цветка!

Вм. стр. 3—4
«Аргус»

Ты с нашим долом говоришь
Про солнце, про цветы.
А мне нечаянно даришь
Виденья и мечты. . .

О здравствуй, радость вешних дней!
Как прежде, для меня
Ты — голос смутный и ничей,
Загадка, тайна дня.

Твоим я зовам с детских лет
Внимал. Они неслись,
А я глядел тебе вослед
В кусты и в даль и в высь.

Вм. стр. 6

Люблю досель тебе внимать.
Ложусь в траву. И вот
То время светлос опять
В душе моей встает.

Черн.
автограф
ок. 1936 г.

Всегда жива поэзия земли.
В полдневный зной, когда молчат в листве
Певуны-птицы, — где-то невдали
Раздастся голос в скошенной траве.

То хоровую песню завели
Кузнечики на летнем торжестве,
Подняв свои колени к голове
И прячась в стерне в золотой пыли.

Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. Гудит мороз в ночи.
Но вы покою мертвому не верьте.
Вы слышите — сверчок трещит в печи.

И кажется сквозь сон, в тепле уютном,
Что из травы кузнечики поют нам.

693

Автограф Я — божий раб, а ты — мой бог.
К моим грехам не будь же строг,
Как я бы не был слишком строг,
Будь ты мой раб, а я — твой бог.

707

Автограф Была в науке тьма. И молвил бог:
«Да будет Ньютон!» Ньютон свет зажег.

Но дьявол по-немецки крикнул: «Нейн!»
И status quo восстановил Эйнштейн.

709

Автограф Быстрее, чем со скоростью света,
Вчера до рассвета ракета
Примчалась в Багдад,
А вернулась назад
В начале прошедшего лета.

714

Ог Улыбаясь, три смелые леди
Разъезжали верхом на медведе.
Теперь же все три
У медведя внутри,
А улыбка на морде медведя...

Автограф С улыбкой красавица Нила
Сидит на спине крокодила.
Теперь посмотри:
Девушка — внутри,
Улыбка — у крокодила.

- Автографы*
- а) На королей смотреть в упор
Коты имеют право.
Так я гляжу на всякий вздор
Налево и направо.
- б) Смотреть на короля
Коту дана свобода.
Вот так могу смотреть и я
На всякого уroda.
- в) На короля глядит в упор
Порою кошка праздная.
И я подчас бросаю взор
На вещи безобразные.

- Автограф*
- Адам работал в поле,
Пряла его жена.
А кто же господином
Был в эти времена?

- Стр. 1
Автографы*
- а) Не знаю, какая причина,
Что сердце полно тоской.
Отрывок из сказки старинной
Тревожит весь день мой покой.
- б) Не знаю, о чем я тоскую,
Когда и чем огорчен.
Забыть ни на миг не могу я
Преданья далеких времен.
- в) О чем я тоскую — не знаю,
Но полон я грустных дум.
Старинная сказка простая
Весь день мне приходит на ум.
- г) Не знаю, какая причина
Того, что в душе моей грусть.
Слова этой сказки старинной
Весь день я твержу наизусть.
- д) Не знаю, о чем я тоскую,
Но в сердце такая грусть.
Старинную сказку простую
Весь день я твержу наизусть.

- е) Не знаю, о чем я тоскую.
Преданье старых веков —
Забытую сказку простую
Весь день повторять я готов.
- ж) О чем я так смутно тоскую,
Я сам не могу понять.
Старинную сказку простую
Твержу я опять и опять.
- з) Не знаю, какая причина
Тоски, что в груди я таю.
Видения сказки старинной
Преследуют душу мою.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собою свод избранных произведений С. Я. Маршака во всех стихотворных жанрах. Раздел «Лирические стихотворения» составлен с наибольшей полнотой: лирика 1945—1964 гг. представлена здесь почти исчерпывающим образом. Разделы «Публицистические и сатирические стихотворения», «Стихотворения для детей», «Шуточные стихотворения» и «Переводы» представлены более ограниченным отбором образцов. Далек от полноты и подборки ранних стихотворений Маршака, приложенные к первым двум разделам. Тем не менее настоящее издание содержит 60 произведений, не вошедших в наиболее полное восьмитомное «Собрание сочинений» Маршака (М., 1968—1972), причем 39 из них (отмеченные в содержании звездочкой) печатаются впервые.

Распределение материала по разделам достаточно условно и не могло обойтись, конечно, без спорных случаев (лишь условно, например, можно разделить балладу «Король и пастух», которую Маршак печатал среди переводов, и балладу «Старуха, дверь закрой», которую он помещал среди детских стихов в разделе «Сказки разных народов»; а такое стихотворение, как «Говорила мышка мышке...», ему случалось печатать и среди сатирических, и среди «лирических эпиграмм», и среди детских). Однако в целом жанровые границы в творчестве Маршака ощущаются весьма четко, и подобных спорных случаев немного.

Внутри разделов произведения по мере возможности расположены в хронологическом порядке; исключения составляют «Детки в клетке» 1923—1935 гг. и загадки 1924—1935 и 1941—1964 гг., выделенные в отдельные циклы, а также «Лирические эпиграммы» 1962—1964 гг. Точно так же и среди переводов преимущественно выдерживается порядок работы Маршака над ними (кроме тех случаев, когда расположение задано планом оригинала — например, в сонетах Шекспира). К сожалению, хронология написания стихотворений Маршака почти не поддается установлению: поэт почти никогда не датировал стихов ни в печати, ни в автографах, лишь немногие имеют авторские или секретарские даты (оговоренные в примечаниях). Поэтому большинство дат — это даты первых публикаций; они печатаются в угловых скобках. Стихи, не печатавшиеся при жизни, обычно приходится лишь приблизительно датировать по положению в рукописях.

Тексты произведений печатаются, как правило, по последней авторской редакции (при этом учитываются и те посмертные издания, которые готовились к печати еще при жизни автора и при его участии). Если стихотворение сильно перерабатывалось, указываются даты обеих редакций через запятую. Маршак по многу раз переделывал свои же опубликованные стихи; последние редакции таких стихотворений, как «Пожар», «Мастер-ломастер», «Мистер Твистер», настолько отличаются от первых, что их приходится помещать среди стихотворений 1950-х годов, а не 1920—1930-х годов, к которым относятся их возникновение. Не учитывается поздняя правка только там, где она явно не завершена автором (например, в большинстве ранних стихотворений, которые Маршак пересматривал в 1950—1960-х годах). В последние годы жизни Маршак иногда возвращался к первоначальным редакциям, последовательно убирая некоторые изменения, возникшие при разновременных переизданиях. Это возвращение каждый раз оговаривается в примечаниях. Стихотворения, при жизни не печатавшиеся, часто имеют у Маршака вид нескольких беловых автографов с различающимся текстом или чернового автографа с незачеркнутыми вариантами; выбор текста в таком случае всегда до некоторой степени произволен, что и оговаривается в примечаниях (как правило, воспроизводится последний слой вариантов). Наиболее существенные варианты печатных и рукописных текстов вынесены в особый раздел «Другие редакции и варианты». Ссылка на этот раздел дается в примечаниях звездочкой при номере стихотворения.

В примечаниях указывается первая публикация каждого стихотворения, затем — перепечатки, сопровождавшиеся изменениями текста или заглавия, и наконец — публикация, в которой словесный текст стихотворения устанавливается окончательно и по которой печатается произведение. Перемена заглавия, если она не сопровождалась другими изменениями текста, отмечается особо, в конце библиографической справки. Пунктуация и расположение строк (здесь Маршак иногда вносил изменения уже после окончательного установления словесного текста) воспроизводятся по последним прижизненным публикациям без особых оговорок в примечаниях. При ссылках на журналы указываются год и номер, при ссылках на газеты — год и число. Специально оговаривается отсутствие прижизненных перепечаток.

Все публикации стихотворений были сверены с автографами, хранящимися (за немногими оговоренными исключениями) в архиве поэта. Рукописный архив Маршака очень обширен: в нем находятся черновые и беловые автографы и машинописи почти всех его произведений 1920—1960-х годов, причем каждое обычно представлено несколькими автографами. Поэтому наличие автографов, имеющих в архиве, в примечаниях каждый раз не отмечается. Здесь же находятся: фотокопии многих источников текста, хранящихся в других местах (ранние автографы в ИД, тетрадь с вырезками ранних печатных публикаций в ГПБ); так называемый «5-й том» — авторизованная машинопись ранних и шуточных стихов Маршака, цитируемые в примечаниях тексты писем Маршака и воспоминаний о нем.

Критическая и научная литература об отдельных стихотворениях в примечаниях, как правило, не приводится; полезная библио-

графия этой литературы содержится в справочниках: «Самуил Яковлевич Маршак: библиография критической литературы на русском языке за 1923—1967 гг.», М., 1970.

Большим подспорьем при подготовке этого издания были примечания, имеющиеся в «Собрании сочинений» в 8-ми томах (СС), особенно — библиографические справки Е. А. Яновской (хотя при проверке для настоящего издания некоторые из них удалось уточнить и дополнить).

Условные сокращения

- АБП 1941, 1944а, 1944б — С. Маршак, Английские баллады и песни, М., 1941; М., «Сов. писатель», 1944; М., Гослитиздат, 1944.
Арх. — Архив С. Я. Маршака (Москва).
БВ — «Биржевые ведомости».
БнПАН — «Баллады и песни английского народа», М., 1942.
ЕВ — «Вильям Блейк в переводах С. Маршака», М., 1965.
Восп. — «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о С. Я. Маршаке, М., 1971.
ДвК 1923, 1924, 1928, 1935 и т. д. — С. Маршак, Детки в клетке, разные изд.
ДкпД 1923, 1936 — С. Маршак, Дом, который построил Джек, разные изд.
Др. ред. — раздел «Другие редакции и варианты» (в настоящем издании).
Зн — «Знамя».
Из 1947 — С. Маршак, Избранное, М., 1947.
Из 1964 — С. Маршак, Избранное, М., 1964.
Изв — «Известия».
ИзЛ — С. Маршак, Избранная лирика, М., 1962 (перепечатка — 1964).
ИзП 1946, 1959 — С. Маршак, Избранные переводы; М., Гослитиздат, 1946 (на переплете — 1947); Детгиз, 1959.
ИзСт 1949 — С. Маршак, Избранные стихи, М., 1949.
ИнЛ — «Иностранная литература».
«Капут!» — С. Маршак, Капут!, М., 1945.
КомсПр — «Комсомольская правда».
Кр — «Крокодил».
ЛГ — «Литературная газета».
«Лирика» — С. Маршак, Лирика, М., 1968.
ЛЭ — С. Маршак, Лирические эпиграммы, М., 1965.
НЖДВ — «Новый журнал для всех».
НМ — «Новый мир».
Ог — «Огонек».
Окт — «Октябрь».
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
ПионПр — «Пионерская правда».
ПлПлК 1956, 1963 — С. Маршак, Плывет, плывет кораблик, М., 1956, 1963.
Пр — «Правда».
«5-й том» — «Пятый том», авторизованная машинопись ранних и шуточных стихов, не вошедших в Соч. 1—4 (Арх.).

- «Радуга» 1926, 1967, 1968, 1971 — С. Маршак, Радуга. Стихотворения, М., разные изд.
- РБ 1947, 1950, 1957 и т. д. — «Роберт Бернс в переводах С. Маршака», М., разные изд.
- РМ — «Русская мысль».
- СатСт — С. Маршак, Сатирические стихи, М., 1964.
- СатСЭП — С. Маршак, Сатирические стихи, эпиграммы, плакаты, М., 1959.
- СЗ — «Северные записки».
- СПЗ 1935, 1939, 1942, 1945, 1948, 1953а, 1953б, 1955, 1957, 1960, 1962, 1966 — С. Маршак, Сказки, песни, загадки, М., разные изд. (1953а — подп. к печати 4 апреля, 1953б — подп. к печати 26 октября 1953).
- Соч. 1—4 — С. Маршак, Сочинения в 4-х томах, М., 1957—1960.
- СР — «Солнце России».
- СС, тт. 1—8 — С. Маршак, Собрание сочинений в 8-ми томах, М., 1968—1972.
- Ст 1940, 1946 — С. Маршак, Стихи, М., 1940; М., 1946 (Б-чка «Огонек»).
- Ст 41—46 — С. Маршак, Стихи 1941—1946, М., 1946.
- Ст 48—51 — С. Маршак, Стихи 1948—1951, М., 1951.
- СтСкП 1952, 1955 — С. Маршак, Стихи, сказки, переводы, в 2-х книгах, М., 1952 и 1955 (в 1-м томе каждого издания — стихи и сказки, во 2-м томе — переводы).
- СШ 1948, 1964 — «Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака», М., разн. изд.
- УИ — С. Маршак, Урок истории, М., 1942.
- ЧнБ — С. Маршак, Часы на башне, М., 1948.
- ЧпоБ — С. Маршак, Черным по белому, М., 1945.

І

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1945—1964

* 1. Ст 41—46, с. 53; СтСкП 1952 (др. ред.). Печ. по СтСкП 1955, с. 105, где автор вернулся к первоначальной редакции. Датируется по одному из черновых вариантов, где о событиях 1917 г. говорится: «Вот двадцать восемь лет тому назад...» В Ст 41—46 этим стихотворением открывался раздел «Из лирической тетради» — первая в послереволюционное время публикация лирики Маршака. *Между Фонтанкой и Невой*. «Деловитую прелесть петровской архитектуры... в маленьком двухэтажном дворце, примостившемся в углу Летнего сада между Фонтанкой и Невой», упоминает Маршак в воспоминаниях (СС, т. 6, с. 163).

2. Ст 41—46, с. 56 (строфы 1, 2, 4). Печ. по СтСкП 1955, с. 115. Первоначально объединялось в цикл со следующим стих. (в Ст 41—

46 под загл. «Деревья за окном», в Ст 1946 под загл. «Стихи о деревьях»). В ИзСт 1949 под загл. «Деревья в саду». Тема деревьев стала традиционной в стихах Маршака (ср. его позднее письмо к В. М. Копашевичу от 26 мая 1961: «Очень хорошо, что Вы живете в Зеленогорске и что в окна к Вам смотрят деревья. Это очень милые существа — терпеливые, кроткие и мудрые». — СС, т. 8, с. 394).

3. Ст 41—46, с. 57. После Из 1947 не перепечатывалось при жизни. См. также примеч. 2.

* 4. Ст 41—46, с. 58.

5. Ст 41—46, с. 59, без загл. Загл. впервые в СтСкП 1955.

6. Ст 41—46, с. 60; Из 1947; ИзСт 1949, под загл. «Гроза днем» (следующим шло стих. «Гроза ночью», см. № 38); СтСкП 1955. Печ. по Соч. 2, с. 37. Об изменениях эпитетов в последнем стихе см. вступ. статью, с. 20.

7. Ст 41—46, с. 61.

8. Ст 41—46, с. 62, под загл. «Декабрь»; Из 1947, под загл. «В декабре»; Соч. 2, под загл. «Декабрь». Печ. по ИзЛ, с. 104.

9. Ст 41—46, с. 63; ИзСт 1949, под загл. «Первая книга», вместо строфы 3 — строфа 5 из стих. «Дон-Кихот» (см. № 28). Печ. по СтСкП 1955, с. 104.

* 10. Ст 41—46, с. 64. Печ. по Соч. 2, с. 48. С этим стих. переключается четверостишие в черновом автографе ок. 1945 г.:

Несутся листья, как волна,
Но на земле их песня спета.
В ших и минувшая весна
И умирающее лето.

11. Ст 41—46, с. 65. Печ. по ИзСт 1949, с. 93. В СтСкП 1952 и 1955 и в Соч. 2 перепечатывалось вместе со следующим стих. под общим загл. «Две надписи на часах».

12. Ст 41—46, с. 115, под загл. «Надпись на солнечных часах», в разд. «Из другого времени» (как заключительное стих. всей книги); НМ, 1946, № 4—5, в цикле «Эпиграммы, эпитафии и памфлеты английских поэтов»; ИзСт 1949 под загл. «Старинная надпись на солнечных часах», вне цикла, как оригинальное стих.; СтСкП 1952 вместе со стих. «Часы за шумом не слышны...» (№ 11) под общим загл. «Две надписи на часах». Печ. по ИзЛ, с. 126. По-видимому, является не переводным, а оригинальным (ср. стих. «Бремя любви тяжело...», № 18, также обрамлявшее в Ст 41—46 раздел переводов); во всяком случае, оригинал его не обнаружен.

* 13. Ст 41—46, с. 66. Перепечатывалось при жизни только в Из 1947 и в Соч. 2. Переработка раннего стих. «Ни в чем заметной перемены...» (см. Др. ред.).

14. Ст 41—46, с. 67. Печ. по Соч. 2, с. 20. В ИзЛ этим стих. открывается сборник. Автограф — под загл. «Век». С темой этого стих. перекликается высказывание Маршака в статье «Мысли о словах»: «Словарь отражает все изменения, происходящие в мире. Он запечатлел опыт и мудрость веков и, не отставая, сопутствует жизни... Более того, в нем таится чудесная возможность обращаться к нашей памяти, воображению, к самым разным ощущениям и чувствам, вызывая в нашем представлении живую реальность» (СС, т. 7, с. 93).

15. Ст 41—46, с. 68. Для ЛЭ заглавие снято.

* 16. Ст 41—46, с. 69: Из 1947, под загл. «О времени». Печ. по СтСкП 1955, с. 95. В одном из первых автографов стих. имело эпиграф: «Вечность влюблена в произведения времени. — В. Блейк» (афоризм из цикла «Пословицы ада», впоследствии переведенного Маршаком).

* 17. Ст 41—46, с. 70, как заключительное стих. раздела «Из лирической тетради». В ИзСт 1949 входило в цикл «Надписи на книгах» (вместе со стих. «1616—1949», см. № 42). После Соч. 2 не перепечатывалось при жизни. Расширенный вариант (конец 1940-х годов) — см. Др. ред.

18. Ст 41—46, с. 73, как вступительное стих. раздела «Из другого времени», под загл. «Из греческой антологии». Перепечатано в Соч. 4 среди стихотворений, посвященных Т. Г. Габбе (см. о ней примеч. 123, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 141, 142, 160), в разд. «Из лирической тетради»; в ИзЛ также вошло как оригинальное стихотворение. В «Греческой антологин» («Палатинской антологин») оригинала этого стихотворения нет: оно представляет собой не перевод, а стилизацию. Ср. сообщение в письме М. С. Петровскому 28 декабря 1962 г. «Древних поэтов я почти не переводил. Только в юности перевел оду Горация «In quo salus est». Есть у меня и одно лирическое стихотворение «в античном роде». Вот и все». «Греческую антологию» (в классическом переводе Л. Блуменау) Маршак знал и ценил; эти переводы упоминаются как «сами по себе замечательные произведения искусства» в его статье «Служба связи» (СС, т. 7, с. 212; ср. СС, т. 6, с. 322).

19. НМ, 1964, № 9, с. 45. Печ. по автографу в черновом блокноте конца 1944 — начала 1945 гг. В это время С. Маршак начинал работу над полным переводом сонетов Шекспира, написанных пятистопным ямбом.

* 20. СС, т. 5, с. 274. Печ. по автографу в черновом блокноте (см. примеч. 19). Текст не получил окончательной обработки, многие строки остались в нескольких незачеркнутых редакциях, предлагае-

мое восстановление несколько отличается от текста, напечатанного в СС. Содержание стих. не совсем ясно; действие его предполагается происходящим в середине XVI века (см.: *С этой ночи Четыре века протекло*) в Англии. По-видимому, стихотворение связано с работой Маршака над переводами английских баллад и сонетов Шекспира. *Старый Ник* — прозвище дьявола в английском фольклоре.

21. СС, т. 5, с. 192. Печ. по автографу. Это и два следующих стих., при жизни не печатавшиеся (сохранились в автографах), посвящены младшему сыну Маршака Якову (1925—1946), скончавшемуся от туберкулеза 10 февраля 1946 г. Ему был посвящен когда-то «Усатый-полосатый»; его памяти Маршак посвятил ИзП 1946.

22. СС, т. 5, с. 193. Печ. по автографу (черновому, с незачеркнутыми вариантами). См. примеч. 21. *Пески степей*. В годы войны Я. С. Маршак жил с матерью в Алма-Ате, где его навещал отец. *Печальный вечер именин* — 27 января 1946 г., за две недели до смерти Я. С. Маршака.

23. НМ, 1966, № 7, с. 39. Печ. по автографу. См. примеч. 21.

* 24. «Литературная Москва», т. 2, 1956, с. 373, с датой «1946». Черновые автографы датированы 1945—1946 гг. Стих. было написано к 30-летию со дня смерти классика еврейской литературы *Шолом-Алейхема* (Ш. Н. Рабиновича, 1859—1916), напечатано к 40-летию со дня смерти, более при жизни не перепечатывалось. «*Шолом-алеихем!*» — еврейское приветствие, которое писатель сделал своим псевдонимом.

* 25. НМ, 1966, № 7, с. 41. Печ. по автографу. Незаконченный стих. в черновой тетради 1946—1947 гг. среди переводов «Сонетов» Шекспира.

* 26. Из 1947, с. 95; ИзСт 1949 под загл. «Путник». Печ. по СтСкП 1955, с. 131. Ранние автографы (под загл. «Путник») относятся к 1908 г.; для Из 1947 Маршак заменил последнюю строфу (см. Др. ред.), но в СтСкП 1955 восстановил ее в редакции 1908 г.

* 27. Из 1947, с. 83. Печ. по СтСкП 1955, с. 117. Строфы 6 и 8 между 1947 г. и 1955 г. были переработаны в самостоятельное стих. под загл. «Ночь на севере» (автографы). В ИзЛ помещено в разделе 3 среди стихов о детстве. Стихотворение передает воспоминания о Финляндии, где семья Маршака проводила лето в предреволюционные годы.

* 28. «Пионер», 1947, № 7, с. 35; Из 1947, без загл.; ИзСт 1949; СтСкП 1955. Печ. по ИзЛ, с. 38. Стих. написано к 400-летию со дня рождения Сервантеса (1547—1616). Около 1949 г. Маршак перерабатывал его (см. автографы), связывая с современной судьбой Испании («Те маленькие быстрые испанцы, Которых знал я в летних лагерях...»), но в 1955 г. вернулся к первоначальной редакции.

29. Из 1947, с. 92; ИзСт 1949, под загл. «Две елки». Печ. по Соч. 2, с. 94. В сборниках СПЗ перепечатывалось под загл. «Две елки».

* 30. Из 1947, с. 80, без загл. Печ. по СтСкП 1952, с. 31.

31. ЛГ, 1948, 13 ноября, под загл. «Зимой», в цикле «Из лесной книги». Печ. по ИзЛ, с. 125.

* 32. ЛГ, 1948, 13 ноября, под загл. «На опушке», в цикле «Из лесной книги»; «Лесная книга», М., 1950, под загл. «На пороге»; вариант с концовкой для детей (см. др. ред.) — СПЗ 1953, под загл. «В лесу»; СПЗ 1955, под загл. «Кукушка». Печ. по Соч. 2, с. 33.

33. Зн, 1949, № 2, с. 7. При жизни не перепечатывалось.

* 34. СС, т. 5, с. 196. Печ. по автографу. *Михоэлс* (настоящая фамилия Вовси) С. М. (1890—1948) — народный артист СССР, художественный руководитель Еврейского театра в Москве, общественный деятель, друг Маршака. Стихотворение написано вскоре после его смерти и сохранилось в нескольких вариантах.

* 35. Ог, 1949, № 43, с. 27, под загл. «Абхазские розы»; Ст 48—51. Печ. по ИзЛ, с. 93. В СтСкП 1952 входило в цикл «Сад шестнадцати республик», в СПЗ 1953 — в разд. «Лесная книга».

* 36. Ог, 1949, № 43, с. 27, под загл. «Березовая роща»; СтСкП 1952. Печ. по ИзЛ, с. 101.

* 37. Ог, 1949, № 43, с. 27, под загл. «За окном». Печ. по Соч. 2, с. 35. В СПЗ 1953 входило в разд. «Лесная книга». В 1963 г. Маршак переработал первую строфу в «лирическую эпиграмму» (см. Др. ред.), напечатанную посмертно в НМ, 1964, № 8, с. 6.

38. ИзСт 1949, с. 92. Дата в автографе. При жизни не перепечатывалось. См. примеч. 6.

39. ЛГ, 1949, 4 июня. Печ. по Соч. 4, с. 706. Это и два следующих стих. написаны к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, широко отмечавшемуся в 1949 г. В стихотворении идет речь о трех пушкинских соснах в Михайловском, упоминаемых в стих. «...Вновь я посетил...».

* 40. Зн, 1949, № 6, с. 4, под загл. «У памятника», в цикле новых стихотворений поэтов разных народов СССР, посвященных Пушкину; Ст 48—51 под загл. «У памятника Пушкину»; СтСкП 1952. Печ. по Соч. 2, с. 58. См. примеч. 39.

* 41. Печ. впервые по беловому автографу; один из черновых вариантов под загл. «Надпись на книге» был напечатан в НМ (1966,

№ 7, с. 41) и затем в СС (т. 5, с. 276). См. примеч. 39. *Его страницы открывая... Из трех ключей в степи мирской.* Имеются в виду стих. «К морю» и «Три ключа». *И наш потомок в милых звуках Себя и родину найдет* — намек на стих. «Памятник».

42. ИзСт 1949, с. 98, в цикле «Надписи на книгах»; СтСкП 1952, под загл. «Надпись на книге». Печ. по СтСкП 1955, с. 101. Написано в форме шекспировского сонета.

43. НМ, 1966, № 7, с. 39. Автограф конца 1940-х годов. По теме и форме связано с предыдущим стих.

* 44. ИзСт 1949, с. 160, в разд. «Стихи для детей»; Ст 48—51, в цикле «Часы и минуты», вслед за стих. «На всех часах вы можете прочесть...» и «Мы знаем: время растяжимо...» (см. № 48 и 49). Печ. по СтСкП 1952, с. 116. Отброшенное начало первопечатного текста — «Часовщик, прищуриль глаз, Чинит часики для нас» — указывает, что стихотворение выросло из детской «азбуки в стихах и картинках» — «Про все на свете» («Чиж», 1939, № 11—12).

45. НМ, 1950, № 4, с. 147, с надзагол. «Из книги „В дороге“; одновременно в газете «Гудок», 1950, 16 апреля. Впоследствии включено как первая часть в кантату на музыку С. С. Прокофьева «Костер на снегу» (окончательное загл. «Зимний костер») — «Пионер», 1950, № 11.

* 46. «Пионер», 1950, № 1, с. 29; Печ. по СтСкП 1952, с. 124. Входило в циклы стихов о детстве («Памяти детства», «Начало века» и др.). Ср. набросок автобиографической прозы ок. 1930 г.: «Жесткая скамья вагона, еще пахнувшая краской, вместо кровати... Соседи-пассажиры становятся нам дядями и тетями, они угощают нас чаем со своими домашними, из разных городов и деревень, пирогами, освобождают нам места у окна...» О дальних переездах семьи в годы своего детства Маршак пишет и в автобиографической повести «В начале жизни» (СС, т. 6, с. 27—29).

* 47. НМ, 1966, № 7, с. 41. Печ. по беловому автографу, где это стих. записано как первая часть цикла, второй частью которого является следующее стих.

* 48. НМ, 1950, № 4, с. 148, в цикле «Стихи о времени». Печ. по Соч. 2, с. 70. См. примеч. 47.

49. НМ, 1950, № 4, с. 149, в цикле «Стихи о времени». Печ. по СтСкП 1952, с. 115.

* 50. НМ, 1950, № 4, с. 149, в цикле «Стихи о времени»; Ст 48—51. Печ. по ИзЛ, с. 19.

* 51. Ст 48—51, с. 73; под загл. «Ландыши»; СтСкП 1952, без загл., в цикле «В саду шестнадцати республик»; СтСкП 1955. Печ. по ИзЛ, с. 88.

* 52. Ст 48—51, с. 64. Печ. по Соч. 2, с. 26. В автографе — более пространный вариант (см. Др. ред.) с намеком на то, что Данте (автор «Франчески да Римини») — уменьшительное имя от Дуранте Алигьери. В ИзЛ открывает раздел, посвященный С. М. (Софии Михайловне Маршак, жене поэта).

53. Ст 48—51, с. 62 (как первое стих. в цикле «Гроза»).

* 54. Ст 48—51, с. 63 (как второе стих. в цикле «Гроза»). Печ. по Соч. 2, с. 77.

* 55. ЛГ, 1967, 4 января. Датируется предположительно годом 75-летнего юбилея народного художника РСФСР П. П. Кончаловского (1876—1955). В этом году Кончаловский писал портрет Маршака (хранится в Львовской картинной галерее).

56. Печ. впервые по автографу. Написано до 1953 г. — года смерти С. М. Маршак. Посвящено памяти сына (см. примеч. 21, 126). Ср. письмо к Л. К. Чуковской от 27 октября 1961 г.: «Памятник — не утешение близким. Но нам, живым, дорого вещественное воплощение нашей памяти. Мне дорог барельеф на памятнике моего сына Яши, сделанный Саррой и Владимиром Лебедевymi. Даже и ушедшим нужен какой-то дом. Нужен их близким» (СС, т. 8, с. 405).

57. «Лирика», с. 74. Печ. по черновому автографу с незачеркнутыми вариантами.

58. «Лирика», с. 116. Печ. по черновому автографу с незачеркнутыми вариантами. Вероятнее всего, относится к пребыванию Маршака в Крыму поздней осенью 1952 г., после поездки в Сталинград и на Волго-Дон.

* 59. СтСкП 1952, с. 105, в составе цикла «В саду шестнадцати республик»; СтСкП 1955, под загл. «Гости с Востока». Печ. по ИзЛ, с. 95.

60. СтСкП 1952, с. 121, под загл. «Начало жизни». Печ. по СтСкП 1955, с. 71. Входило в цикл «Память детства».

61. НМ, 1952, № 12, с. 141, в цикле «Стихи о слове». При жизни автора не перепечатывалось.

62. НМ, 1952, № 12, с. 141, в цикле «Стихи о слове». Печ. по СтСкП 1955, с. 99. Автографы — под загл. «Рифма», «О рифме».

63. НМ, 1952, № 12, с. 140, под загл. «В пути»; Соч. 2, под загл. «По дороге в Москву». Печ. по ИзЛ, с. 102.

* 64. НМ, 1954, № 12, с. 87. Печ. по Соч. 2, с. 105. Это и следующие четыре стихотворения были напечатаны в НМ под общим загл. «Времена и люди. Из книги „Начало века“». В том же составе цикл

перепечатывался в СтСкП 1955 и Соч. 2. О своем знакомстве с В. В. Стасовым (1824—1906) Маршак подробно пишет в автобиографической повести «В начале жизни». Некоторые страницы повести очень близко повторяют стихотворение. «У Стасова не было своего отдельного служебного кабинета. Перед большим окном, выходящим на улицу, стоял его тяжеловесный письменный стол, огороженный щитами. Это были стенды с гравированными в разные времена портретами Петра Первого...» (СС, т. 6, с. 142—143) — и далее характеристика посетителей Стасова (там же, с. 167—168). *Год двадцать пятый на Неве*. Имеется в виду восстание декабристов 1825 г.

* 65. ИМ, 1954, № 12, с. 92. Печ. по Соч. 2, с. 116. Судя по автографам, начало работы над стих. относится к 1950—1951 гг. Время действия описываемой сцены — август 1904 г., когда русско-японской войне «исполнилось полгода». См. примеч. 64.

* 66. НМ, 1954, № 12, с. 93. Печ. по Соч. 2, с. 120. Встреча Маршака с М. Горьким произошла на даче Стасова 22 августа 1904 г. и подробно описана в повести «В начале жизни» (СС, т. 6, с. 190—191). См. примеч. 64.

* 67. НМ, 1954, № 12, с. 94; Соч. 2. Печ. по ИзЛ, с. 142. Как видно из автографов (см. Др. ред.), стихотворение первоначально входило в состав стих. «Владимир Стасов» (см. № 64). С Ф. И. Шаляпиным (1873—1938) Маршак познакомился на даче у В. В. Стасова 22 августа 1904 г. (см. примеч. 64 и 66; см. также СС, т. 6, с. 173—178). Из всего цикла «Времена и люди» это стихотворение одно было включено Маршаком в последний разд. ИзЛ, где, сильно сокращенное, заняло место рядом со стихами о других художниках с трагической судьбой (см. № 93 и 145). См. примеч. 64.

* 68. НМ, 1954, № 12, с. 95. Печ. по ИзЛ, с. 40. Ср. воспоминания «Издали и вблизи» (СС, т. 6, с. 192).

69. «Лирика», с. 60. Печ. по автографу. Датируется предположительно по времени работы Маршака над автобиографическим циклом лирики. Ср. в повести «В начале жизни»: «А еще — где-то в самой глубине памяти — осталась у меня первая дальняя поездка на лошадах. Гулкие, размеренные удары копыт по длинному-длинному деревянному мосту. Мама говорит, что под нами река Дон. «Дон, дон», — звонко стучат копыта. Мы едем гостить в деревню. Въезжаем на крестьянский двор, когда тонкий серп месяца уже высоко стоит в светлом вечерующем небе. Смутно помню запах сена, горьковатого дыма и кислого хлеба. Сонного меня снимают с телеги, треплют, целуют и поят топленым молоком с коричневой пенкой из широкой глиняной крышки, шершавой снаружи и блестящей внутри...» (СС, т. 6, с. 20).

70, 71. СС, т. 5, с. 281—285. Печ. по черновым автографам. Стихотворения не завершены. Датируются предположительно по близости к автобиографическому циклу лирики. *Городок* — Острогжск, подробно описанный в повести «В начале жизни» (СС, т. 6, с. 27—76).

72. Печ. впервые по черновому автографу. Датируется предположительно по близости к автобиографическому циклу лирики.

73. СС, т. 5, с. 201. Печ. по автографу. Жена поэта, София Михайловна Маршак (рожд. Мильвидская), скончалась 24 сентября 1953 г. См. о ней примеч. 108, 126, 144, 253.

74. НМ, 1955, № 2, с. 105. Печ. по Из 1964, с. 62. В ИзЛ напечатано в цикле, посвященном памяти С. М. Маршак (см. примеч. 73). В СтСкII 1955 заключает разд. «Из лирической тетради». В автографе — под загл. «Время».

* 75. НМ, 1955, № 2, с. 104.

76. НМ, 1955, № 2, с. 104.

77. НМ, 1955, № 2, с. 104.

* 78. НМ, 1955, № 2, с. 105.

79. НМ, 1955, № 2, с. 105. Печ. по ИзЛ, с. 63. Стихотворение, возможно, подсказано строчкой из вступления к «Песне о Гайавате» Лонгфелло, одного из любимых произведений Маршака («By the black line in the winter. . .»).

* 80. «Лирика», с. 114. Черновой незавершенный автограф на одном листе со стих. «Сколько раз пытался я ускорить. . .» (№ 74), опубликованным в 1955 г. Отразило впечатления от Парижа, где Маршак был в 1933 г. проездом из Италии от М. Горького и в 1955 г. проездом из Англии (см. Др. ред.).

81. НМ, 1955, № 2, с. 106, без загл.; Соч. 2. Печ. по ИзЛ, с. 21. Для ЛЭ заглавие снято. В автографах — вместе со следующим стих. под загл. «Надписи на книге „Времени и люди“». Над этой незавершенной книгой Маршак работал в начале 1950-х годов; в нее, судя по публикациям, должны были войти стихи о времени и автобиографические стихотворения.

82. Печ. впервые по автографу. См. примеч. 81.

83. НМ, 1966, № 7, с. 40. Печ. по автографу.

84. Пр, 1965, 7 февраля. Печ. по автографу.

85. ЛГ, 1967, 4 января. Печ. по автографу. По свидетельству И. С. Маршака, стих. описывает пейзаж подмосковного санатория Барвиха, где неоднократно бывал поэт.

86. НМ, 1966, № 7, с. 39. Печ. по автографу.

87. «Лирика», с. 115. Печ. по черновому автографу.

88. «Лирика», с. 113. В списке стихотворений, предназначенных к публикации в НМ, 1955, № 2, это стих. обозначено первым. Перекликается с одним из дополнений к стих. «Хороший день» (см. № 325), сделанных для СтСкП 1955.

* 89. ЛГ, 1967, 4 января. Датируется по автографу; время действия описываемой сцены неясно (возможно, это воспоминание о возвращении морем из Германии в 1925 г.). *Морской канал* — искусственное углубление Финского залива между Кронштадтом и Ленинградом.

* 90. Печ. впервые по автографу. Перекликается со стих. «Ландыш» (№ 51), особенно в его черновых вариантах. Интересно как одна из первых проб того жанра, который затем получит название «лирических эпиграмм».

91. НМ, 1966, № 7, с. 40. Беловой автограф; печатается второй из двух вариантов на одном листе. Другой вариант — под загл. «Драматургу».

* 92. «Литературная Москва», 1956, т. 1, с. 55, под загл. «Из путевого дневника». Печ. по Соч. 2, с. 61. Стихотворение написано после поездки в Шотландию на фестиваль памяти Р. Бернса в январе 1955 г. Один из автографов датирован 1 января 1956 г. Э. Хьюз, сопровождавший Маршака на поездке по Шотландии, вспоминает, как они «побывали в коттедже в Аллоуэй, где родился Бернс, и в домике в Дамфризе, где он умер. С каким благоговением и любовью рассматривал там Маршак хранящиеся под стеклом строчки — выцветшие слова на клочках бумаги... для него полные жизни и значения» (Восп., с. 493). *Кто горевал, разрушив плугом...* — намек на стих. Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом». *Алмазом строчки выводил* — намек на стих. «Надпись алмазом на оконном стекле в таверне». Оба стихотворения были переведены Маршаком.

* 93. Ст 1946, с. 20. Печ. по Пр, 1956, 30 сентября; одновременно — в сб. «День поэзии», 1956, с. 25.

94. «Литературная Москва», 1956, т. 1, с. 54, под загл. «Из стихов о времени». Печ. по Соч. 2, с. 23.

95. «Литературная Москва», 1956, т. 2, с. 371.

96. «Литературная Москва», 1956, т. 2, с. 372.

97. ЛГ, 1967, 4 января (по другому варианту). Печ. по автографу. Это и следующее стих. примыкают в рукописях к № 96.

* 98. ЛГ, 1967, 4 января (др. ред.). Данный вариант печ. впервые по одному из черновых автографов как, по-видимому, наиболее поздний (окончательного варианта нет). См. также примеч. 97.

99. «День поэзии», 1956, с. 25. В Соч. 2 это -стих. открывало раздел «Из лирической тетради».

* 100. Соч. 2, с. 57. В автографе дата «20.X», в машинописи — «1956».

101. ЛГ, 1967, 4 января. Печ. по беловому автографу. Дата — в черновом автографе.

102. Ог, 1957, № 44, с. 25, в цикле «Из лирической тетради» (публикация к 70-летию С. Я. Маршака).

* 103. Ог, 1957, № 44, с. 25, в цикле «Из лирической тетради». Печ. по Соч. 4, с. 701.

* 104. ЛГ, 1957, 2 ноября, в цикле «Память детства». Печ. по ИзЛ, с. 27.

* 105. ЛГ, 1957, 2 ноября, в цикле «Память детства». Печ. по ИзЛ, с. 28.

* 106. Соч. 2, с. 101. Печ. по ИзЛ, с. 32. Эта игра подробно описывается в повести «В начале жизни»: «Судьба моего героя складывалась каждый раз по-иному. Он становился то путешественником, то великим полководцем, то капитаном корабля, то знаменитым дрессировщиком львов, тигров, пантер, мустангов и орангутангов. Но во всех этих разнообразных вариантах игры было и нечто общее. Преодолевая препятствия, герой выходил из дремучей глуши, из нужды и безвестности на широкую дорогу жизни. Очевидно, и мне самому мерещился в это время где-то за тесными пределами нашей слободы — Майдана — еще неизвестный мир: большие города, полная приключений жизнь, в которой человек перестает чувствовать себя существом незаметным и затерянным» (СС, т. 6, с. 35—36).

* 107. НМ, 1958, № 12, с. 148, в цикле «Из лирической тетради»; ИзЛ. Ср. «В начале жизни»: «В другой раз нас повезли в городской сад, где в круглой беседке играли военные музыканты. У меня дух захватило, когда я впервые услышал медные и серебряные голоса оркестра. Весь мир преобразился от этих мерных и властных звуков, которые вылетали из блестящих широкогорлых витых и гнутых труб. Ноги мои не стояли на месте, руки рубили воздух. Мне казалось, что эта музыка никогда не оборвется... Но вдруг оркестр умолк, и сад опять наполнился обычным, будничным шумом. Все вокруг потускнело, будто солнце зашло за облака» (СС, т. 6, с. 14).

108. Соч. 2, с. 79, с посвящением С. М. В ИзЛ вошло в разд., посвященный памяти С. М. Маршак (см. о ней примеч. 73, 126, 144, 253).

* 109. Соч. 2, с. 68. В ИзЛ — в разд. 2, среди стихов о времени. При жизни Маршака это стих. вместе со стих. «Не знает вечность ни родства, ни племени...» было перепечатано в журнале «Наука и религия», 1963, № 2, под общим загл. «Стихи о смысле жизни».

110. Соч. 2, с. 80. В первоначальном варианте (автограф) под загл. «Начало дня».

111. Соч. 2, с. 64. Черновые наброски — в тетради, которой Маршак пользовался во время поездки в Англию на шекспировскую конференцию в сентябре 1957 г., когда он жил в лондонской гостинице с окнами на Гайд-парк. О внимании Маршака к картинам художника Дж. Констебля (1776—1837), обновителя европейской пейзажной живописи, упоминается в воспоминаниях Э. Хьюза (Восп., с. 495).

* 112. Изв, 1958, 6 ноября, под загл. «Я слышу, как думают люди». Печ. по Зи, 1959, № 12, с. 108.

113. Изв, 1958, 6 ноября, под загл. «Часы и дни (Из «Стихов о времени»)». Печ. по Зи, 1959, № 12, с. 108.

* 114, 115. НМ, 1958, № 12, с. 149, под общим загл. «Стихи о времени». Печ. по ИзЛ, с. 18, 16.

116. НМ, 1958, № 12, с. 149. Печ. по Соч. 4, с. 689, где это стих. открывало цикл «Из лирической тетради». В ИзЛ открывало разд. 4. «В этом стихотворении идет речь не только о том, что мы часто смотрим, но не видим (потому что смотрим рассеянными и равнодушными глазами в минуты озабоченности или спешки), но и о том, что в жизни мы теряем очень многое: упускаем возможность встречи с любимыми людьми, так как нам кажется, что у нас «в запасе вечность», и т. д.» (письмо к Н. И. Борисовой от 31 декабря 1963 г. — СС, т. 8, с. 513—514).

117. НМ, 1958, № 12, с. 150, под загл. «Невидимое море». Печ. по Соч. 4, с. 694.

118. НМ, 1958, № 12, с. 150. См. примеч. 119.

119. НМ, 1964, № 9, с. 48. Первоначально входило в состав стих. 118 (после строфы 1) и было выброшено при корректуре.

* 120. КомсПр, 1958, 1 января. Печ. по НМ, 1958, № 12, с. 150. В КомсПр имело примечание: «Множество моих читателей — пионеров и школьников — обратилось ко мне с просьбой прислать для их праздничных стенных газет новогодние пожелания. К сожалению, я не могу сотрудничать одновременно в стольких газетах. Поэтому я написал стихи, в которых ответил по мере сил моим корреспондентам». Печаталось обыкновенно как концовка цикла (в НМ, в Соч. 4, в ИзЛ, разд. 8; в сб. «Старше моря, выше леса» (1962), напечатанное

как факсимиле, открывало книгу; в сб. «Карусель» (1962) было оформлено как поздравление к 40-летию пионерской организации). Многократно цитировалось Маршаком в ответах на письма с добрыми пожеланиями (в том числе, в одном из последних писем С. Я. Маршака от 23 июня 1964 г. — к участникам семинара по детской литературе Нижнетагильского педучилища. — СС, т. 8, с. 521).

* 121. НМ, 1959, № 1, с. 139. При жизни не перепечатывалось. 200-летие со дня рождения Р. Бернса отмечалось мировой общественностью 25 января 1959 г. Тэм *О'Шентер* — герой поэмы Бернса, переведенной Маршаком (см. № 603). «Забывать ли дружбу прежних дней?» — цитата из песни «Старая дружба» (см. № 581).

122. Зн, 1959, № 12, с. 108.

123. Зн, 1959, № 12, с. 109. В ИзЛ вошло в разд. 7, посвященный Т. Г. — Тамаре Григорьевне Габбе (1903—1960); о ней см. вступ. статью, с. 41, и примеч. 18, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 141, 142, 160. Это стих, высеченно на надгробной плите Т. Г. Габбе на Новодевичьем кладбище в Москве.

124. Зн, 1959, № 12, с. 109. При жизни не перепечатывалось.

125. Печ. впервые по автографу. Посвящено памяти А. А. Фадеева (1901—1956), с которым Маршак был связан многолетней дружбой. Накануне своего самоубийства Фадеев был в гостях у Маршака (см. письмо К. И. Чуковскому от 10 мая 1960 г. — СС, т. 8, с. 356).

126. НМ, 1964, № 9, с. 46. Написано после 1957 г., когда на могиле С. М. Маршак (см. о ней примеч. 73, 108, 144, 253) был поставлен памятник (*камень щербатый*). Сын — Я. С. Маршак (см. примеч. 21, 56); брат — И. Я. Маршак (писавший под псевдонимом М. Ильин, 1895—1953).

* 127. Пр, 1965, 7 февраля.

128. Пр, 1965, 7 февраля. Автографы ранних редакций восходят к 1940-м годам.

129. «Лирика», с. 43. Печ. по автографу. Стих. (по-видимому, незаконченное) говорит о приезде 16-летнего Маршака в Ялту к Е. П. Пешковой осенью 1904 г. Подробным описанием этого события заканчивается повесть «В начале жизни» (СС, т. 6, с. 179—180).

130. Соч. 4, с. 702, с посвящением Т. Г. В ИзЛ открывало разд. 7, посвященный памяти Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 131, 132, 133, 139, 140, 141, 142). Сонет первоначально был вписан или вклеен С. Маршаком на последней странице «Сонетов Шекспира в перево-

дах С. Маршака», подаренных Т. Г. Габбе (экземпляр не сохранился); отсюда заглавие. Об адресате сонета С. Маршак писал К. И. Чуковскому 10 мая 1960 года: «Она прошла жизнь легкой поступью, сохраняя изящество до самых последних минут сознания. В ней не было и тени ханжества. Она была человеком светским и свободным, снисходительным к слабостям других, а сама подчинялась какому-то строгому и непреложному внутреннему уставу. А сколько терпения, стойкости, мужества в ней было, — это по-настоящему знают только те, кто был с ней в ее последние недели и дни... Главным ее талантом, превосходящим все другие человеческие таланты, была любовь. Любовь добрая и строгая, без всякой примеси корысти, ревности, зависимости от другого человека. Ей было чуждо преклонение перед громким именем или высоким положением в обществе. Да и сама она никогда не искала популярности и мало думала о своих материальных делах. Ей были по душе и по характеру стихи Мильтона (сонет «О слепоте»): «...Но, может быть, не меньше слухит тот Высокой воле, кто стоит и ждет». Она была внешне неподвижна и внутренне деятельна...» (СС, т. 8, с. 354).

131. Соч. 4, с. 705. В ИзЛ — в цикле, посвященном памяти Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 132, 133, 139, 140, 141, 142, 160).

132. НМ, 1964, № 9, с. 97. Стихотворение написано на смерть Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 131, 133, 139, 140, 141, 142, 160).

133. СС, т. 5, с. 221, по записи Л. К. Чуковской, которой Маршак прочитал это четверостишие через несколько дней после похорон Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 131, 132, 139, 140, 141, 142, 160). «Она терпеливо переносила болезнь, приковывавшую ее к постели, не жаловалась, не проявляла страха и отчаянья. За несколько дней до смерти она сказала, что надо правильно жить и правильно умирать» (письмо к Г. И. Зинченко от 29 марта 1960 г. — Арх.).

* 134. НМ, 1960, № 12, с. 104, под загл. «Чудо». Печ. по ИзЛ, с. 116.

* 135. НМ, 1960, № 12, с. 104. Для ЛЭ загл. снято.

136. НМ, 1960, № 12, с. 105. В ИзЛ открывает заключительный раздел — стихи об искусстве и его творцах. В одном из автографов эпитафия: «Прекрасное должно быть величаво. А. Пушкин».

137. НМ, 1960, № 12, с. 105. Печ. по ИзЛ, с. 146. В своем последнем интервью — беседе с С. Рассадным Маршак говорил: «Простота белого стиха должна быть вещом сложности, а не той простотой, что хуже воровства. Белый стих требует не меньшей, а, может быть, большей организованности, чем стихи рифмованные. Свободный стих, верлибр не должен вести к потере формы, к упрощению, к хаосу» — далее процитировано это стих. (СС, т. 6, с. 611).

138. ЛГ, 1967, 1 ноября. Автограф на обороте стих. «Бессмертие» (№ 135).

139. СС, т. 5, с. 219. Печ. по автографу. Посвящено Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 131, 132, 133, 140, 141, 142, 160).

140. Печ. впервые по автографу. Посвящено памяти Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 131, 132, 133, 139, 141, 142, 160).

141, 142. ИзЛ, с. 111—112. В разд., посвященном памяти Т. Г. Габбе (см. примеч. 18, 123, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 160).

143. ИзЛ, с. 46. В автографе ок. 1962 г. это стих. переписано вместе со стих. «Ялта» («Утро. Море греет склоны. . .») и «В городе» (1. «Тесной улицей столицы. . .»; 2. «Озарилась стена. . .») под общим загл. «Ранние стихи». Однако ранних автографов и печатных текстов не обнаружено. В Финляндии Маршак жил в молодости; в ИзЛ это стих. непосредственно предшествует стих. «Летняя ночь на севере».

144. ИзЛ, с. 78. В разделе, посвященном памяти С. М. Маршак (см. примеч. 73, 108, 126, 253).

* 145. ИзЛ, с. 144. С М. И. Цветаевой (1892—1941) Маршак виделся в июле 1941 г.; «вечно живой для меня» называет он ее в письме к А. С. Эфрон (19 января 1963), к которому приложено это стих. (см. СС, т. 8, с. 459). Ср. воспоминания Н. Матвеевой (Восп., с. 474).

146. ЛГ, 1967, 1 ноября, с датой «1963». Автограф на обороте статьи «О молодых поэтах», писавшейся в 1962 г.

147. «Неделя», 1962, 3 ноября, в подборке «Лирические эпиграммы» (вместе со стих. «Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром. . .», «О том, что жизнь — борьба людей и рока. . .», «Четыре строчки источают яд. . .» — №№ 169—225 (39, 40, 45)). В ЛЭ не вошло.

148. Пр, 1962, 3 ноября. В ЛЭ не вошло.

149. Пр, 1962, 3 ноября, с датой. Печ. по «Избранное», М., 1964, с. 87. В Тессели Маршак жил в июне — июле 1962 г. В одном из автографов входит в цикл «Крымские стихи» (вместе со стих. «Песня» — № 157, «Из путевой тетради» — № 218—220).

150. СС, т. 5, с. 237. Печ. по автографу.

151. «Лирика», с. 117. Печ. по автографу.

152. ЛГ, 1967, 4 января. Печ. по автографу.

* 153. «Юность», 1963, № 3, с. 3.

154. «Юность», 1963, № 3, с. 3. Ранние наброски восходят еще к началу 1950-х годов.

155. «Юность», 1963, № 3, с. 3.

156. «Юность», 1963, № 3, с. 4. Для ЛЭ заглавие снято. См. примеч. 149.

157. «Юность», 1963, № 3, с. 4.

158. Пр, 1963, 19 мая.

159. ЛЭ, с. 64. Автор «Василия Теркина», *А. Т. Твардовский* (1910—1970) был другом Маршака и одним из самых близких ему советских поэтов. Еще в 1940 г. во время финской войны Маршак сам участвовал в создании литературного образа Теркина (тогда еще комического), написал в сотрудничестве с Твардовским очерк «Герой и его мать» (Зн, 1940, № 6—7); в сентябре 1963 г. он посвятил поэзии Твардовского не опубликованную статью, в которой писал: «Солдат пехотного полка Василий Теркин так и остался рядовым. Повысить его в чине невозможно, ибо он — рядовой по всему своему облику и характеру. Рядовой, хоть и не заурядный солдат Советской армии, рядовой русский человек, единственное полученное им на войне повышение в чине автор поэмы определяет так: «Признан был героем Теркин Как бы общевоинским». А в сущности не только общевоинским, но и общенародным» (Арх.). Стихотворение написано, по-видимому, одновременно с этим очерком.

* 160. НМ, 1966, № 7, с. 40 (др. ред.). Печ. по беловому автографу. Посвящено Т. Г. Габбе (см. о ней примеч. 18, 123, 130, 131, 132, 133, 139, 140, 141, 142).

161. Пр, 1965, 7 февраля. Черновой автограф — на обороте стих. «Ученикам ялтинской школы № 7», датированного 4 октября 1963 г.

162. НМ, 1964, № 9, с. 45.

163. «Лирика», с. 72. Печ. по автографу (среди черновики пьесы «Умные вещи», законченной в конце 1963 г.).

164. Пр, 1965, 7 февраля. Печ. по автографу.

165. ЛЭ, с. 69. Печ. по автографу.

166. Изв, 1965, 20 февраля. Печ. по автографу.

* 167. НМ, 1964, № 9, с. 45. Печ. по автографу.

168. НМ, 1964, № 9, с. 46. Печ. по автографу. По свидетельству И. С. Маршака, это стих. Маршак впервые прочитал родным за несколько дней до смерти (Восп., с. 80).

Лирические эпиграммы

Цикл «Лирические эпиграммы» стал складываться у Маршака с 1962 г. «Почему-то в последнее время я пристрастился к отдельным четверостишиям. То ли это свойственное возрасту стремление к наибольшей лаконичности, то ли четверостишия мои — последние капли пересыхающего потока. Будущее покажет» (письмо к Г. И. Зинченко от 11 июля 1962 г. — СС, т. 8, с. 435). В первых публикациях стихи этого цикла озаглавливались «Десять четверостиший» (НМ, 1962, № 11, с. 75), «Из лирической тетради» (НМ, 1964, № 1, с. 98); загл. «Лирические эпиграммы» появляется в НМ, 1964, № 3, с. 132; наконец, за несколько недель до смерти С. Маршак сдает в издательство сборник ЛЭ, вышедший в свет уже посмертно. Основное содержание сборника составили короткие стихотворения 1962—1964 гг.; к ним были добавлены сходные по жанру стихотворения прежних лет. В настоящем издании цикл перепечатывается в последовательности, установленной автором для ЛЭ, с пропуском лишь стихотворений, написанных до 1962 г. и в наст. изд. помещенных в хронологическом порядке, а также некоторых эпиграмм, самим Маршаком печатавшихся в сб. «Сатирические стихи». Пропущенные стих. занимали в цикле следующие места: после № 172 — № 12; после № 176 — № 95; после № 182 — № 18 и 131; после № 183 — № 135; после № 184 — № 31, 15, 270, 324; после № 190 — № 81; после № 195 — № 348; после № 202 — № 331, 315; после № 203 — № 347; после № 206 — № 338; после № 220 — № 77 и 157. Кроме того, уже после смерти Маршака в корректуре были добавлены стих. № 119, 150, 165 и 166.

169. НМ, 1964, № 1, с. 98.

170, 171. НМ, 1962, № 11, с. 75.

172. НМ, 1964, № 8, с. 3.

* 173. «Юность», 1963, № 3, с. 4, под загл. «Ласточка» (снято для ЛЭ).

174. НМ, 1962, № 11, с. 76.

175. НМ, 1962, № 11, с. 75. Печ. по ЛЭ, с. 14.

176. НМ, 1962, № 11, с. 75.

177. Изв, 1964, 7 июля.

178. НМ, 1964, № 8, с. 3.

179. Пр, 1962, 3 ноября; «Юность», 1963, № 3, под загл. «Равновесье». Печ. по ЛЭ, с. 19.

* 180. НМ, 1964, № 1, с. 98.

181. НМ, 1964, № 3, с. 132.

182—185. НМ, 1964, № 1, с. 98—99.

186. ЛГ, 1964, 9 июля.

187. НМ, 1964, № 8, с. 4. См. примеч. 188.

* 188. Изв, 1964, 7 июля. В автографе соединено с предыдущим стих. (см. Др. ред.).

189. ЛГ, 1964, 9 июля. Печ. по ЛЭ, с. 39.

190. Изв, 1964, 7 июля.

191. «Пионер», 1964, № 12, с. 36.

192. ЛГ, 1964, 9 июля.

193—195. НМ, 1964, № 8, с. 3—5.

196. ЛГ, 1964, 9 июля.

197. ЛЭ, с. 49.

198. Изв, 1964, 7 июля.

199. НМ, 1964, № 8, с. 5. Мысль этой эпиграммы неоднократно повторялась в статьях и беседах Маршака. «Нарочитая музыкальность, как и нарочитая образность, чаще всего бывает признаком распада искусства. Музыка и образы выступают здесь наружу, подобно сахару в засахарившемся варенье. Подлинная музыка лежит не на поверхности. Она — в таинственном совпадении чувства и ритма, в каждом оттенке живой и гибкой интонации» (СС, т. 7, с. 123). Ср. беседу с С. Рассадным (СС, т. 6, с. 60), где цитируется эта эпиграмма.

200. НМ, 1962, № 11, с. 76.

201, 202. НМ, 1964, № 3, с. 132. В статье «Свободный стих и свобода от стиха» Маршак, между прочим, говорил: «Рифма — это до сих пор действующая сила, которую нет расчета и основания упразднить...» (СС, т. 7, с. 114). Ср. примеч. 137.

203. НМ, 1964, № 1, с. 98.

204. ЛЭ, с. 61. По воспоминаниям М. Митурича, образ, легший в основу этого стихотворения, Маршак в разговорах применял к творчеству В. Хлебникова (Восп., с. 291).

205. НМ, 1964, № 1, с. 99. На эту тему Маршак писал: «В искусстве, как на монетном дворе, ничто не должно прилипать к рукам. Нельзя без ущерба своему искусству шеголять внешними данными, голосом, стихом, хоть заботиться о своем голосе и о качестве своего стиха надо постоянно...» («О молодых поэтах» — СС, т. 6, с. 569).

206. НМ, 1964, № 8, с. 3. На эти же сцены из «Бориса Годунова» и «Каменного гостя» Маршак указывает в статье «О молодых поэтах», требуя искренности от поэта: «Таковы и настоящие поэты. Они предстают перед читателем не ряжеными, а со всей своей подлинной биографией, своим характером и мировоззрением. И если читатели полюбят его именно таким — без румян и маскарадного костюма, — он радуется своему успеху» (СС, т. 6, с. 560).

207, * 208. «Неделя», 1962, 3 ноября. В одном из автографов — под общим загл. «О Шекспире».

209. ЛГ, 1964, 9 июля.

210. НМ, 1962, № 11, с. 76. Печ. по ЛЭ, с. 70. «У поэта, как у всякого художника, два источника питания. Один из них — жизнь, другой — само искусство. Без первого нет второго. Недаром... во время падения культуры стиха поэзия теряет не только стиль и многообразие своих форм и средств, но и способность видеть, слышать и чувствовать окружающую жизнь. С другой стороны, поэзия становится бескровной, формальной и книжной, если она оторвана от жизни и варится в собственном поэтическом соку» («О молодых поэтах», — СС, т. 6, с. 67; ср. сходный образ в статье «Выбор дороги», — СС, т. 7, с. 129).

211. НМ, 1962, № 11, с. 76. «Традиции — то есть культура — создают общий язык понятий, представлений, чувств. Потеря этого общего языка изолирует поэта, лишает его живой связи с другими людьми, доступа к их умам и сердцам. Лучшие традиции — это и есть те горы, над которыми должно возвышаться, как вершина, подлинное новаторство нашего времени. Иначе оно окажется маленьким, незначительным холмиком» (СС, т. 7, с. 118, статья «Свободный стих и свобода от стиха»).

* 212. НМ, 1964, № 8, с. 5. По воспоминаниям Ц. Кин, Маршак «придавал особое значение» этому стихотворению (Восп., с. 257).

213. «Неделя», 1962, 3 ноября. Омар Хайям (1048—1122) — автор «Рубайат» — сборника четверостиший-рубаи, классик персидско-таджикской поэзии, один из самых популярных на Западе восточных поэтов; еще в 1912—1914 гг. С. Маршак пробовал переводить его стихи на русский язык (с знаменитого английского перевода Э. Фицджеральда), а незадолго до смерти просил сделать для него подстрочник персидского подлинника (см. воспоминания И. Оранского. — Арх.). Художественная форма четверостиший Хайяма (наряду с античными эпиграммами) оказала влияние на формирование жанра «лирических эпиграмм» у Маршака.

214, 215. НМ, 1964, № 8, с. 4.

* 216, 217. НМ, 1964, № 8, с. 5. В автографе объединены в цикл под общим загл. «О жизни и смерти» (см. Др. ред.).

218—220. См. примеч. 149.

1, 2. НМ, 1962, № 11, с. 75. Печ. по автографу для ЛЭ.

3. НМ, 1964, № 9, с. 47.

221. Изв, 1964, 7 июля.

222—224. НМ, 1964, № 8, с. 6.

* 225. Изв, 1964, 7 июля.

1902—1925

226. «Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова», СПб., 1905, с. LVII. Кантата была исполнена на вечере памяти скульптора М. М. Антокольского (1843—1902) в Обществе поощрения художеств 22 декабря 1902. В сообщении о вечере, написанном В. В. Стасовым, говорилось: «В заключение хор синагоги под управлением М. И. Шнейдера исполнил высокоталантливую кантату в память Антокольского (речитатив и хор), музыка для которой, с аккомпанементом ф(орте)-п(иано) и валторны, была сочинена А. К. Глазуновым и А. К. Лядовым. Текст для этой кантаты был сочинен Сам. Яковл. Маршаком». Это — одно из первых опубликованных стихотворений Маршака. Мотивы его были использованы в стих. «Над могилой» («Еврейская жизнь», 1904, № 8, с. 28—29) — первом стихотворении, напечатанном за подписью С. Я. Маршака. Судьба Антокольского живо волновала Маршака: в его тетрадах гимназического времени сохранилась заметка «На смерть Антокольского (написано под впечатлением виденных похорон)» с датой «СПб., 1902 года 5 июля».

227. Печ. впервые по беловому автографу в школьной тетради («Тетрадь четвертая»).

228. Печ. впервые по беловому автографу в «Тетради четвертой» (см. примеч. 227). В 1950-х годах Маршак пересматривал это стих., начинал его правку, но не печатал его.

229. Печ. впервые по машинописной копии. Стихотворение представляет собой вольную вариацию на темы библейской «Песни песней» (гл. 2, ст. 8 и гл. 8, ст. 1). Кроме печатасмых, Маршак переложил в стихи еще один отрывок.

230. «Киевская искра», 1910, 5 августа, вместе со стих. «В долинах ночь еще темнеет...» (№ 231) под общим загл. «В Крыму»; «Всеобщий ежемесячник», 1911, № 6, подп.: С. Кучумов. Печ. по автографу позднейшей авторской переработки (ок. 1962) с авторской датой «1906». В стих. описана дача М. Горького в Ялте.

231. «Киевская искра», 1910, 5 августа, вместе со стих. «Утро. Море греет склоны...» (№ 230) под общим загл. «В Крыму». В стих. описана пешая прогулка из Ялты в Севастополь.

* 232. Альм. «Проталина», СПб., 1907, с. 84. *Я. В. Годин* (1887—1954) — поэт, друг молодости Маршака, спутник его в поездке 1911 г. по Востоку. Его первый сборник стихов «Северные дни» (П., 1913) вышел с посвящением первого раздела «Самуилу Маршаку».

233. Альм. «Проталина», СПб., 1907, с. 85.

234. СС, т. 5, с. 256. Печ. по автографу в белой тетради начала 1920-х годов, с авторской ретроспективной датой.

235. Печ. впервые по автографу ПД, в составе 16 стихотворений, посланных С. А. Венгеру в январе 1909 г. (см. СС, т. 8, с. 45).

236. «Лирика», с. 18. Печ. по автографу ПД.

237. Печ. впервые по автографу ПД.

238. СС, т. 5, с. 257. Печ. по автографу ПД.

* 239. «Лирика», с. 20. Печ. по автографу ПД. Перерабатывалось Маршаком в 1950-х годах (см. Др. ред.); в «Лирике» и СС, т. 5 напечатана контаминация поздних вариантов этого и следующего стихотворения.

240. «Лирика», с. 20. Печ. по автографу ПД. Перерабатывалось в 1950-х годах, но правка не была завершена. См. примеч. 239.

241. Печ. впервые по автографу ПД.

242. «Неделя современного слова», 1912, 12 ноября, под загл. «Осеннее». Автограф в ПД. Печ. по переработке в английской белой тетради ок. 1914. После 1957 г. Маршак еще раз правил это стихотворение (по тексту, перепечатанному в «5-м томе» с ошибочной перестановкой строф); по этой черновой правке оно было напечатано в «Лирике» и в СС, т. 5.

* 243. «Лирика» с. 22. Печ. по автографу в белой тетради начала 1920-х годов, с ретроспективной датой.

244. СС, т. 5, с. 269 (по позднейшей черновой переработке). Печ. по белой тетради начала 1920-х годов с авторской ретроспективной датой.

245. «Киевская искра», 1910, 12 августа.

246. «Скэтинг-ринк», 1910, № 2 с. 13.

247. «Всеобщая иллюстрация», 1910, № 52, с. 3. Печ. по «Неделе современного слова», 1913, 4 февраля. В СС, т. 5, с. 248 напечатано по тексту с черновой правкой 1950-х годов.

248. НЖДВ, 1912, № 2, с. 1. Дата и место написания — в черновом автографе, в тетради восточной поездки 1911 г. По черновой правке 1950-х годов напеч. в «Лирике», с. 25 и в СС, т. 5.

249. БВ, 1913, 14 июля, с исправлением ст. 10 по автографу. Черновик — в тетради восточной поездки 1911 г.; рядом — прозаическая запись: «Холм остроконечный, волнистая линия холмов. Остров, едва возвышающийся над горизонтом. Полный, с едва заметным ущербом, диск луны — прозрачный и бледный. Светлые облака, как вьющиеся пряди, кой-где пронизанные лучами, чуть золотые. Ветер все усиливается. 12 часов ночи».

* 250. «Лирика», с. 26. Печ. по автографу в белой тетради начала 1920-х годов с авторской датой. В более ранней редакции (см. Др. ред.) входило в состав стих. «Палестина», напечатанного в сб. «У стен Вавилонских» (М., 1917).

251. СС, т. 5, с. 262. Печ. по автографу в тетради 1911 г. В публикации СС учтена черновая правка 1950-х годов.

252. «Всеобщая газета», 1911, 25 декабря, подп.: С. М.

253. СС, т. 5, с. 263. Печ. по автографу конца 1911 г. Маршак познакомился со своей будущей женой Софией Михайловной Мильвидской (см. о ней также примеч. 73, 108, 126, 144) во время поездки по Востоку в 1911 г.; из этой поездки София Михайловна вернулась раньше, Маршак — позднее.

254. Печ. впервые по машинописной копии.

255. «Всеобщая иллюстрация», 1911, № 52, подп.: С. Кучумов.

256. НЖДВ, 1912, № 5, с. 28. Печ. по автографу с ретроспективной датой — в тетради начала 1920-х годов.

257. Печ. впервые по автографу. Продолжение стихотворения оборвано. На обороте сохранились строчки: «Я помню ночь в Эгейском бурном море. Я покидал счастливый, светлый юг...» Из них явствует, что стихотворение написано после восточной поездки 1911 г. Однако воспоминания Ю. Я. Маршак-Файнберг (см. Восп., с. 28) относят это стихотворение к 1908 г., когда семья жила в Петербурге за Невской заставой и Маршак жил и писал в заброшенной конторе небольшого завода. Датировка остается спорной.

258. Печ. впервые по автографу ПД. Черновик строф 3 и 6 — в английской тетради 1914 г. с пометкой: «К рисунку: Дары года». Публикация рисунка с таким стихотворением не обнаружена.

259. «Жемчужина», 1914, № 9, с. 15.

260. ЛГ, 1967, 1 ноября. Печ. по автографу в тетради начала 1920-х годов, с ошибочной ретроспективной датой «1913 (исправлено из «1912». — *Ред.*), Тинтерн». Первоначальный автограф — в дневнике, который вел Маршак в «Школе простой жизни» в Тинтерне, под 30 марта 1914. В ЛГ и СС, т. 5 напечатано с учетом черновой авторской правки 1950-х годов.

261. СС, т. 5, с. 266. Печ. по автографу в тинтернском дневнике под 8 апреля 1914 г. При стих. запись: «Сейчас была ясная лунная ночь. Я, глядя в окно, начал описывать ее стихами и не заметил, как стемнело и хлынул дождь, барабания в стекло и заглушая ручей. Через мгновение небо опять стало проясняться. Очень хороши деревья за домами на холме — причудливые стволы. Тис менее спокоен, чем вчера. В бурю он шумит. Кажется, что ветры свили свои гнезда в складках его хвои» (СС, т. 8, с. 526).

262. СС, т. 5, с. 267. Печ. по черновому автографу. Стихотворение написано зимой 1914—1915 гг.: речь идет о дочери Маршака Натанели, которая родилась 29 мая 1914 г. и погибла от несчастного случая 16 ноября 1915 г.

263. Печ впервые по автографу в острогожской тетради 1915 г. Принадлежит к циклу стихотворений на смерть Натанели, дочери поэта (см. примеч. 262).

264. «Лирика», с. 19, с ошибочной датой по черновику незавершенной переработки этого стихотворения ок. 1945 г. Печ. по беловому автографу в краснодарской тетради 1921—1922 гг.

265, 266. Печ. впервые по автографу в краснодарской тетради.

267. ЛГ, 1967, 1 ноября, по черновику незавершенной переработки этого стих. ок. 1945 г. Печ по автографу в краснодарской тетради. Связано с переездом из Краснодара в Петроград.

268. Печ. впервые по автографу. Зачеркнутый набросок, вписанный в старый блокнот с переводами английских баллад (1914—1915 гг.).

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

269. ДкпД 1923, с. 28. Печ. по АБП 1944а, с. 147. Положение этого стих. между оригинальными и переводными произведениями С. Я. Маршака неясно: хотя сборник ДкпД и носил подзаголовок «Английские детские песенки», английский оригинал этого стих. не обнаружен, и можно думать, что оно представляет собой не перевод, а стилизацию, как и другие ранние стихи Маршака для детей. В Соч. 1, в СПЗ 1945, 1957, 1960 это стих. печаталось среди переводов английских детских песенок; в СтСкП 1955 и СПЗ 1955 — в разделе стихотворных пересказов «Сказки разных народов» (как заключительное стихотворение); в СПЗ 1962 и сб. «Карусель», 1962 — среди оригинальных стихотворений (в «Карусели» — с надписью «Посвящается моему маленькому внуку»).

270. Отд. изд. 1924, под псевдонимом «С. Яковлев». Не перепечатывалось. Ссылка в подзаголовке на Г. Дж. Уэллса (1866—1945) служит для условной мотивировки «авиационной» темы: у Уэллса аналогичных сказочных произведений нет.

* 271. Отд. изд. 1923, под загл. «О глупом мышонке»; отд. изд. 1925; отд. изд. 1934 (далее этот текст перепечатывался в отд. изд. до 1948); СПЗ 1935; СПЗ 1939 (под окончательным заглавием), СПЗ 1953а; СтСкП 1955 (далее этот текст перепечатывался в Соч. 1 и в «Избранном» 1964); СПЗ 1960. Печ. по сб. «Детям», М., 1956, с. 8 (этот текст как окончательный был предназначен автором для СПЗ 1966). «Основной сюжет «Сказки о глупом мышонке» был задуман и продуман мною задолго до того, как я написал эту сказку. Одного мне не хватало: музыкальной темы, той счастливо найденной формы, которая дает возможность весело, с удовольствием развивать сюжет, а не излагать задуманное. Форма этой сказки со всеми повторениями, с ее ритмом пришла мне в голову во время вечерней прогулки по улицам Ленинграда, и я сочинил эту сказку до конца устно. Записал я ее почти сразу начисто, возвратившись домой» (письмо к В. Д. Разовой от 20 апреля 1962 г. — СС, т. 8, с. 418). Ср. воспоминания И. С. Маршака: «Летом 1923 года, по настоятельному совету врача, меня повезли в Евпаторию. Денег на дорогу у отца не было, и он, считая, что поездка во что бы то ни было должна состояться, усилием воли и полный вдохновения заставил себя за ночь написать новую стихотворную книжку. Это была „Сказка о глупом мышонке“» (Восп., с. 44). В качестве продолжения, чтобы не печалить детей трагической концовкой, впоследствии Маршак написал «Сказку об умном мышонке» (1955), во всех последующих изданиях СПЗ печатавшуюся вслед за «Сказкой о глупом мышонке».

* 272. Отд. изд. 1925; отд. изд. 1935; СПЗ 1942; СПЗ 1948; Печ. по Из 1964, с. 73. Двустихия «Огонек в стекле запаян...» и «Речка спятила с ума...» печатались отдельно в качестве загадок («Загадки», М., 1930). Об этом стих. Маршак вспоминал, рассказывая о встрече с Горьким в 1936 г., когда шла речь о столкновении поэта с педологами. «Ну, что, позволили наконец разговаривать чернышнице со свечкой? — спрашивал Алексей Максимович. — Сошлитесь на меня. Я сам слышал, как они разговаривали. Ей-богу!» (СС, т. 7, с. 245).

273. «Советские ребята», сб. 1, М.—Л., 1926; отд. изд. 1926; отд. изд. 1927; отд. изд. 1934. Печ. по СПЗ 1945, с. 77. Говоря о своем стремлении к законченности формы, Маршак писал: «Часто это получается само собой, то есть без заранее обдуманного намерения. Только в самом конце стихотворения «Багаж» пришло мне в голову последнее четверостишие: „Однако За время пути Собака Могла подрасти!“» (письмо к В. Д. Разовой от 20 апреля 1962 г. — СС, т. 8, с. 419).

* 274. Отд. изд. 1927; отд. изд. 1928; отд. изд. 1930; отд. изд. 1931; отд. изд. 1932; отд. изд. 1937; СПЗ 1942; ИзСт 1949. Печ. по Из 1964, с. 152. Главным изменением в истории текста было исключение эпизода с берлинским почтальоном (в 1942 году, во время войны с Германией), восстановленного только в 1964 для отд. изд. и для «Избранного». В 1949—1963 гг. строка «Шагает дон Базилио» печаталась «Бредет седой Базилио»; в ответ на замечание читателя Д. Балашова, что это вносит ноту сентиментального сочувствия, не гармонирующую с общим тоном стихотворения, Маршак писал (21 января

1963 г.): «„Дон Базилио“ был заменен „седым Базилио“ не из сентиментальности и отнюдь не из „ханжества“, а только потому, что при переиздании книги я узнал, что в Бразилии (единственной из стран Латинской Америки) говорят не по-испански, а по-португальски, и поэтому там нет приставки „дон“» (СС, т. 8, с. 460. Любопытно, что, несмотря на это, Маршак в том же году восстановил «допа Базилио» для Из 1964. Тема почты и почтальона была нередкой в детских стихах этого времени (Л. Остроумов, «Почта», А. Барто «Почтальон стучится в дверь»); у самого Маршака она появляется еще в 1923 г. в одном из стихотворений ДкпД («Утром снится сладкий сон...»). «Идею и сюжет моей «Почты» мне подсказал один конверт, целиком облепленный марками разных стран. Я себе представил множество почтальонов, через руки которых прошло это письмо, путешествуя и по воде, и по суше, и по воздуху. Героем книги я сделал... писателя Бориса Житкова, который мне много рассказывал о своих путешествиях. Так возник сюжет, суть которого заключается в том, что письмо совершает кругосветное путешествие, догоняя адресата. Но одного сюжета недостаточно. Нужно было еще найти ритм, соответствовавший теме, который передает движение поезда, парохода, самолета. Ритм, музыкальная тема — все это не менее важно, чем фабула» (письмо к Н. Т. Ковачевой от 20 декабря 1958 г. — СС, т. 8, с. 335). В черновой тетради к «Почте» находится целый ряд беглых выписок о средствах передвижения в разных странах, до Сиамы и Камеруна; в окончательную редакцию этот познавательный материал не вошел.

* 275. Отд. изд. 1927; отд. изд. 1934; СПЗ 1935. Печ. по СПЗ 1948, с. 149. Сокращенные варианты печатались в сб. «Веселый час», 1929, СПЗ 1942, «Детям», 1956, Соч. 1. Стихотворение представляет собой вольный перевод английской детской песенки «Old Mother Hubbard»; в русской дореволюционной литературе эта песенка существовала в переводе Р. Кудашевой под загл. «Бабушка-Забавушка и собачка Бум».

276. Отд. изд. 1927. После 1931 г. при жизни не перепечатывалось. В воспоминаниях Ю. Я. Файнберг-Маршак это стихотворение связывается со столярным опытом самого Маршака в пору его пребывания в тинтерской «Школе простой жизни», где ручной труд занимал много места (см. Восп., с. 41).

277. «Еж», 1928, № 1, с. 14; отд. изд. 1928; сб. «Веселый час», Л., 1929 (в сокращении); отд. изд. 1930. Печ. по СПЗ 1935. Далее при жизни не перепечатывалось.

278. «Еж», 1929, № 6, с. 26; под загл. «Про котенка»; отд. изд. 1930; «Литературный современник», 1933, № 12; СПЗ 1935; отд. изд. 1937; отд. изд. 1938; СПЗ 1939; СПЗ 1957. Печ. по сб. «Детям», М., 1956, с. 22 (этот текст предназначался автором для СПЗ 1966). В отд. изд. 1930 с посвящением «Маленькому Якову», сыну Маршака (см. о нем примеч. 21, 56, 126). «Помню, мой маленький сын просил меня прочитать вслух книжку, когда ему еще двух лет не было. Я стал ему читать, но ни одна из стихотворных книжек не остановила его внимания. Тогда я начал рассказывать сказку. При-

ступил я к ней в прозе, а потом незаметно перешел на стихи. Вступление, непосредственно обращенное к моему маленькому слушателю, сразу же заинтересовало его. Так возникла книжка „Усатый-полосатый“» (письмо к В. Д. Разовой от 26 апреля 1962 г. — СС, т. 8, с. 421. Ср. Восп., с. 54—55). Редкая форма произведения — сочетание стихов и прозы — использована также Маршаком в сатирическом стихотворении 1940 г. «Разговорчивая семья», (Кр, 1940, № 13); ср. также сказку П. Тычины «Ивасик-Телесик», переведенную Маршаком.

* 279. Отрывок под загл. «Случай в трамвае» — «Пионер», 1928, № 21, с. 33; полностью — отд. изд. 1930; СПЗ 1935; отд. изд. 1937; СПЗ 1939; СПЗ 1945. Печ. по СПЗ 1948, с. 130. Одно из самых популярных стихотворений Маршака; автору не раз приходилось отвечать маленьким читателям на вопросы, что стало с героем и где он теперь «Рассеянный с улицы Бассейной так рассеян, что прислал мне свой адрес, по которому я никак не могу понять, где он живет. Адрес такой: Кавказ, первый перепереулок, дом Кошкина, квартира 200 000. Конечно, по этому адресу найти его невозможно. Если я узнаю, где он находится, я непременно тебе сообщу. А пока можешь писать ему по моему адресу» (письмо Ире Царевой, 23 декабря 1960 г. — СС, т. 8, с. 380). Первые наброски стих. (см. Др. ред.) находятся в рукописи рядом с черновиками большого стих. «Дураки» (отд. изд. 1924, под псевд. «С. Яковлев», перепечатано в СС, т. 1, с. 346), с которыми связаны и по ритму стиха и по содержанию. Любопытным этапом работы было стих., изданное в кн.: В. А. Пяст, Лев Петрович, Л., 1926 (см. Др. ред.). О нем И. С. Маршак сообщает: «...Пясту, выручая его из нужды, (отец) оказал необыкновенную помощь: выхлопотал ...аванс под будущую детскую книжку, а потом написал за него эту книжку, которая так и вышла под именем Пяста» (Восп., с. 69). Прототипом «человека рассеянного» был известный русский химик И. А. Каблуков (1857—1942), рассеянность которого была легендарной; на полях чернового наброска 1928 г. записано:

В Ленинграде проживает
Иван Каблуков.
Сам себя он называет
Каблук Иванов.

Ср. письмо к А. И. Кузнецову от 23 марта 1960 г.: «Очень многие читатели спрашивали меня, не изобразил ли я в своем «Рассеянном» профессора И. А. Каблукова. Тот же вопрос задал моему брату — писателю М. Ильину — и сам И. А. Каблуков. Когда же брат ответил ему, что мой «Рассеянный» представляет собой собирательный образ, профессор лукаво погрозил ему пальцем и сказал: «Э, нет, батенька. Ваш брат, конечно, метил в меня!» В этом была доля правды. Когда я писал свою шутивную поэму, я отчасти имел в виду обаятельного и — неподражаемого в своей рассеянности — замечательного ученого и превосходного человека — И. А. Каблукова». Впрочем, в образе «рассеянного» есть и автобиографические черты. Е. И. Привалова вспоминала: «Много веселого было связано у нас с пресловутой рассеянностью С. Я. Маршака. Недаром мы склонны были причислять «Человека рассеянного» к жанру автобиографиче-

ского произведения» («Детская литература», 1969, № 4, с. 29). Ср. письмо Маршака к А. В. Богдановой и Д. Н. Орлову от 6 декабря 1928 г. — СС, т. 8, с. 110.

280. Отрывок — в книжке-анонсе «„Еж“ в 1930 году», Л., 1929; полностью — «Чиж», 1930, № 1, с. 10, с посвящением «Посвящается 6-му ленинградскому детдому»; СПЗ 1935. Печ. по отд. изд. 1948. Написано в соавторстве с Д. И. Хармсом (Ювачевым, 1905—1942), талантливым детским поэтом, сотрудником Маршака по ленинградской редакции Детиздата. Маршак высоко ценил его поэзию, считая его «человеком с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то — может быть, подсознательной — классической основой» (письмо к А. В. Македону от 20 декабря 1963 г. — СС, т. 8, с. 509). Когда в 1963 г. посмертный сборник стихов Хармса подвергся несправедливой критике, Маршак выступил совместно с К. Чуковским и С. Михалковым в защиту Хармса («Этот талантливый поэт... обладал редкостным даром понимать ребенка и быть участником его веселой игры». — СС, т. 8, с. 531). По-видимому, участие Хармса в создании этого стих. было небольшим: в СПЗ 1935, так же как и в изд. 1948, оно вошло без упоминания имени Хармса; имя Хармса восстановлено при перепечатке в СПЗ 1962.

* 281. «Еж», 1930, № 3, с. 22, под загл. «Прогулка на осле (Немецкая сказка)»; отд. изд. 1930; СПЗ 1935; СПЗ 1939. Печ. по отд. изд. 1948. Это стих. особенно — моралистическая концовка первоначально текста, вызывало особенно резкие нападки критики. Автору приходилось давать разъяснения читателям: «Вы спрашиваете, какое нравоучение должны вывести из народной сказки «Мельник, мальчик и осел»... Нравоучение простое: не всякому слову, не всякому замечанию верь. Если ты будешь принимать на веру противоречивые мнения всех встречных-поперечных, то далеко не уедешь. Таков смысл этой сказки, бытующей у многих народов и впервые рассказанной в стихотворной форме еще Михаилом Васильевичем Ломоносовым. У человека должна быть голова на плечах, а тех, кого легко сбить с толку, и осудила народная мудрость. Значит, у старого мельника нет основания обижаться ни на народ, ни на меня» (письмо к Г. Горбенко, от 4 декабря 1948 г. — СС, т. 8, с. 221; упоминаемое стихотворение Ломоносова — «Послушайте, прошу, что старому случилось...», перевод из басен Лафонтена, III, 1). Перемену подзаголовка Маршак объясняет так: «Впервые я нашел сюжет «Мельник, мальчик и осел» в немецком фольклоре, но вскоре обнаружил тот же сюжет в восточных сказках» (письмо к А. Н. Аваковой от 2 апреля 1958 г. — СС, т. 8, с. 324). От моралистической концовки поэт отказался неохотно, и еще в рукописях 1963—1964 гг. намечал новый ее вариант (см. СС, т. 2, с. 567).

* 282. «Еж», 1930, № 9, с. 1, под загл. «Посадка леса»; отд. изд. 1931 под загл. «Мачты и крылья»; «Литературный современник», 1933, № 12 (под окончательным загл.); СПЗ 1935 («Посадка леса»); СПЗ 1942 (под загл. «День леса»); ЧнБ; Из 1947 («День посадки леса»); ИзСт 1949 («Посадка леса»); СтСкП 1952; СПЗ 1953а («День посадки леса»). Печ. по СтСкП 1955, с. 59. В СПЗ 1935, СПЗ 1939,

Из 1947 печаталось с эпиграфом: «Мы сажаем корабль, который будет пересекать море. — Генри Абби».

283. «Еж», 1931, № 1, с. 1; отд. изд. 1931; Из 1947; ЧнБ. Печ. по СтСкП 1952, с. 244. Стихотворение написано по личным впечатлениям: Маршак посетил строительство Днепрогэса весной 1930 г., его письмо к жене и детям от 5 мая 1930 г. содержит многие мотивы, вошедшие в стихотворение (см. СС, т. 8, с. 117—118). «Моя книжка «Война с Днепром» — ровесница нашего Днепростроя. Когда я уезжал на эту стройку, я еще не знал, смогу ли я что-то написать о ней, тем более для детей. Но стройность хорошо согласованного труда мне подсказала ритм этой маленькой поэмы. Отчетливая перекличка между соревнующимися берегами как бы диктовала мне звонко рифмующиеся двустушия» (письмо к Н. Т. Ковачевой от 20 декабря 1958 г. — СС, т. 8, с. 336). Впоследствии Маршак посвятил восстановлению Днепрогэса после Великой Отечественной войны стихотворение «Возродим Днепрогэс» («„Правда“ на Днепрострое», 4 апреля 1945).

* 284. «Радуга», 1926, с. (7) (др. ред.); «Чиж», 1933, № 5; «Литературный современник», 1933, № 12. Печ. по СПЗ 1935, с. 8. Почти весь сборник «Радуга» состоял из детских стихотворений, вольно переведенных с английского; однако оригинал «Мяча» не обнаружен. При переработке 1933 г. были использованы строки из ранней редакции стих. «Кто колючку найдет?» (№ 359).

* 285. «Литературный современник», 1933, № 12, с. 151, под загл. «Лодыри и кот». Печ. по СПЗ 1935, с. 112. Весь этот номер «Литературного современника» был посвящен детской литературе и подготовлен ленинградской редакцией Детиздата; здесь были, в частности, напечатаны и перепечатаны 7 стихотворений Маршака и его статья «О наследстве и наследственности в детской литературе».

286—302. Сборник «Детки в клетке» впервые вышел в 1923 г. в виде подписей под рисунками, взятыми из английской детской книжки С. Олдина; соответственно, подбор и содержание текстов Маршака определялись составом готовых рисунков. В таком виде сборник до 1931 г. переиздавался девять раз, с постепенным совершенствованием текста. В 1935 г. вышло новое издание с новыми рисунками Е. Чарушина; здесь уже не поэт шел за иллюстратором, а иллюстратор за поэтом; соответственно было несколько изменен состав сборника, были дописаны новые стихотворения. В таком виде до 1964 г. сборник переиздавался девять раз, не считая двух сокращенных переизданий под заглавием «Мой зоосад». Кроме того, в 1948—1956 гг. три раза было выпущено сокращенное издание «Деток в клетке» с рисунками В. Лебедева; текст для него не перерабатывался.

1. ДвК 1923, с. 16. Тема задана рисунком С. Олдина.

* 2. ДвК 1923, с. 11.

3. ДвК 1923, с. 24 под загл. «Ибис» (загл. задано рисунком С. Олдина); в изд. 1935 и последующих изданиях с рис. Чарушина — под загл. «Гусенок»; в изд. 1956 и последующих изданиях с рис. Лебедева (в том числе в СПЗ) под загл. «Лебеденок».

4. ДвК 1923, с. 23. С 1928 г. не перепечатывалось.
- * 5. ДвК 1923, с. 3; ДвК 1924. Печ. по ДвК 1935, с. 22.
6. ДвК 1923, с. 15. Печ. по ДвК 1928, с. 18.
- * 7. ДвК 1923, с. 5; ДвК 1928. Печ. по ДвК 1935, с. 14.
- * 8. ДвК 1923, с. 6, под загл. «Шимпанзе»; ДвК 1928; ДвК 1935 под загл. «Мартышка Маго»; ДвК 1947; ДвК 1952; ДвК 1960. Печ. по Соч. 1, с. 119. Обилие переработок и замен было вызвано требованиями редакции. «Мне и самому было в свое время очень жалко выбрасывать из книги «Детки в клетке» стихи про обезьянку. Настояли на этом педагоги, уверявшие редакцию и меня, будто содержание и самый ритм этих стихов проникнуты такой грустью, что почти все ребята при чтении их не могут удержаться от слез... Теперь бы я, пожалуй, не послушался этих критиков. Но когда я был моложе, мне трудно было спорить с редакцией и с педагогами, претендовавшими на абсолютное знание детской психологии» (письмо к З. Н. Гомоюновой от 16 декабря 1961 г. — СС, т. 8, с. 413). Точно так же под влиянием редакторских требований в варианте «Мартышка Маго» (Др. ред.) эпитет «невкусный рыбий жир» почти во всех изданиях был снят (и заменен «холодный рыбий жир», «по ложке рыбий жир»).
- * 9. ДвК 1923, с. 9 под загл. «Королевский пингвин»; ДвК 1928. Печ. по ДвК 1935, с. 18.
- * 10. ДвК 1923, с. 19. Печ. по ДвК 1935, с. 9.
- * 11. ДвК 1923, с. 14, под загл. «Страус». Печ. по ДвК 1935, с. 10.
- * 12. ДвК 1923, с. 13. Печ. по ДвК 1935, с. 15.
- * 13. ДвК 1923, с. 20; ДвК 1935. Печ. по ДвК 1956, с. 13.
14. ДвК 1928, с. 9. Печ. по ДвК 1935, с. 21.
- * 15. ДвК 1935, с. 11. Заменяло в ДвК стихотворение «Зебра» (см. Др. ред.).
16. ДвК 1935, с. 8.
17. «Чиж», 1934, 12, с. 19, под загл. «Воробей в зоопарке»; СПЗ 1942; СПЗ 1945; отд. изд. 1947; СПЗ 1948; Печ. по СПЗ 1953.

- 303—310. 1. «Воробей», 1924, № 7, с. 40. Печ. по СПЗ 1942, с. 61.
2. «Загадки», 1925, с. 5; «Ящик-рассказчик», 1928; СПЗ 1935. Печ. по «Что это такое?», М., 1946 (книжка-игрушка).
3. «Загадки», 1925, с. 4. Печ. по «Загадки», 1930, с. 8.
4. «Загадки», 1925, с. 8. Печ. по «Загадки», 1950, с. 16.
5. «Загадки», 1925, с. 9; «Загадки», 1926; «Синие загадки — красные разгадки», 1930. Печ. по «Загадки», 1935, с. 6.
6. «Чудеса», 1925, с. 11; «Семь чудес», 1926; «Загадки», 1935. Печ. по СПЗ 1939, с. 23.
7. «Еж», 1928, № 2, с. 36.
8. «Загадки», 1935, с. 7.

311. Изв. 1935, 6 октября, под загл. «Песня о первом сентября»; СПЗ 1939, под загл. «Песня о первом дне сентября»; Ст 1940, под загл. «Первый школьный день»; Из 1947, под загл. «Школьный новый год»; ИзСт 1949, под загл. «Первое сентября». Печ. по СПЗ 1962, с. 63, с восстановлением ст. 8 в строфе 3 и ст. 8 в строфе 4 по СПЗ 1939.

312. ПионерПр, 1935, 24 октября, под загл. «Твой день», с посвящением «Пионерам в день 10-летия нашей газеты». Печ. по «Школьные товарищи», М., 1937, с. 16. Начальные строки взяты из английской детской песенки, которую Маршак впоследствии перевел полностью (см. стих. «Рано в кровать...», № 523).

313. Изв, 1935, 18 ноября, под загл. «Школьному товарищу»; СПЗ 1939, под загл. «Школьные товарищи»; «Веселый день», М., 1939, под загл. «Веселый день». Печ. по Из 1947, с. 210.

* 314. Изв, 1935, 18 ноября, под загл. «Про волка и лису»; «Чиж», 1936, № 8 (расширенный вариант). Печ. по СПЗ 1957, с. 71. Переключается по содержанию с пьесой-сказкой «Теремок», над которой Маршак работал позднее, в конце 1930-х годов.

315. Изв, 1935, 6 октября, под загл. «Японская сказка»; «Чиж», 1935, № 12; СПЗ 1939; СПЗ 1948, с подзаг. «Восточная сказка»; СтСкП 1952, без подзаг. Печ. по СПЗ 1953а, с. 423. В Изв, «Чиже», СПЗ 1939 — посвящение Н. И. Фельдман, филологу-японоведу, готовившей для ленинградской редакции Детиздата сборник японских сказок под ред. Маршака.

316. Изв, 1935, 29 ноября, под загл. «Норвежская народная сказка»; «Ленинские искры», 1936, 1 января. Печ. по Соч. 1, с. 331.

317. Изв, 1935, 10 декабря. Печ. по СПЗ 1939, с. 78. Написано по мотивам английской детской песенки «Wee Willie Winkie».

318. «Сверчок», 1937, № 2, с. 2. Печ. по СПЗ 1939, с. 12.

319. Пр, 1937, 24 июня; «Костер», 1937, № 6; СПЗ 1942. Печ. по ЧНБ, с. 53. Первоначальное загл. — «Стихи о полюсе»; в СПЗ 1942 — «21 мая 1937 года». Посвящено первой советской экспедиции на Северный полюс; М. В. *Водольянов* — летчик, Герой Советского Союза, который вел головной самолет. Ср. отзыв С. Маршака о книге И. Д. Папанина «На полюсе» (Пр, 1939, 22 мая).

320. Пр, 1937, 9 октября, под загл. «Двадцатилетний. Современная баллада»; СПЗ 1939; СПЗ 1945. Печ. по СПЗ 1953а, с. 342. Стих. написано на тему газетного сообщения (Пр, 1936, 13 и 14 июля 1936, перепечатано в сб. «Патриоты», М., 1937, с. 248—250): «Вчера днем в одной из квартир четвертого этажа дома № 20 по Рождественскому бульвару в Москве взорвалась керосинка. Пламя сразу охватило комнату, в которой гладила белье 24-летняя М. П. Анисеева... Анисеева закричала о помощи. Неожиданно для всех из проходившего мимо вагона трамвая выскочил на мостовую какой-то гражданин... Он подбежал к водосточной трубе и стал по ней взбираться... Гражданин с ловкостью акробата добрался по трубе до четвертого этажа и ногами стал на карниз. Одной рукой держась за трубу, он другой обхватил испуганную Анисееву. Затем сильным ударом ноги он выбил в окне соседней комнаты раму и на глазах притихшей тысячной толпы стал пробираться с Анисеевой по кар-

низу к выбитому окну. Это заняло несколько минут. Передав Ани-кееву работникам пожарной команды, гражданин незаметно вышел из дома и остался неизвестным». Это оказался студент рабфака В. М. Бурнацкий, 27 лет, кандидат в члены ВКП(б), бывший красноармеец, в армии научившийся «не теряться в минуту опасности». На ту же тему Б. Житковым был написан рассказ «Пожар» (в сборнике «Помощь идет»); Маршак (в письме к В. Д. Разовой от 26 апреля 1962 г. — СС, т. 8, с. 421) подтвердил, что «родилась эта баллада от газетного сообщения», но отрицал свое знакомство с рассказом Житкова. Ср. заявление в статье «Путь к детской литературе» («Детская литература», 1937, № 21, с. 66): «В этом году я написал новый «Пожар» («Рассказ о неизвестном герое»). Я думаю, что, сравнив эти два «Пожара», читатель увидит путь, который я прошел за это время. В первом «Пожаре» моей задачей было дать детям веселую и героическую игру в пожарных. Но время и место действия не были определены. В новой своей балладе я рассказал о том юноше, который в прошлом году совершил героический подвиг во время пожара в Москве и бесследно скрылся. Но и в этой своей работе я стремился к тому, чтобы стихи для детей выполняли свою прямую задачу — были искусством, которое может войти в обиход детей, в их игры».

321. СПЗ 1939, с. 50, под загл. «Карусель»; «Раз, два, три, четыре», 1941. Печ. по Из 1947, с. 192.

322. Изв, 1939, 31 декабря, под загл. «Елка»; «Раз, два, три, четыре», 1941; СПЗ 1942; СПЗ 1948. Печ. по СПЗ 1955, с. 100.

323. СС, т. 1, с. 397. Печ. по автографу.

324. Печ. впервые по автографу.

325. Ст 1940, с. 3; СПЗ 1942; СПЗ 1945; СПЗ 1948; СПЗ 1955; СПЗ 1957. Печ. по автографу для СПЗ 1966.

326. Кр, 1941, № 1, с. 12, под загл. «Баллада о короле и солдате»; СПЗ 1942, под загл. «Кто важней?». Печ. по СтСкП 1952, с. 282.

327. Кр, 1941, № 3, с. 8, под загл. «Сон лентяя»; СПЗ 1942 под загл. «Про одного ученика»; СПЗ 1948; отд. изд. 1955 под загл. «Шесть единиц (про одного ученика)». Печ. по Соч. 1, с. 206.

328. «Мурзилка», 1941, № 8—9, с. 17; СПЗ 1942; СПЗ 1948. Печ. по СПЗ 1957, с. 338.

* 329. КомсПр, 1945, 1 января. Печ. по СПЗ 1957. Стихотворения «Февраль» и «Март» использованы в переработанном виде в драматической сказке «Двенадцать месяцев», над которой Маршак работал одновременно.

330. СПЗ 1945, с. 177. Другое стих. со сходным началом включено в «Двенадцать месяцев».

331. СПЗ 1945, с. 45; СПЗ 1948. Печ. по СтСкП 1952, с. 193.

332. Кр, 1946, № 1, с. 5, с подзаг. «Английская народная баллада»; ИзП 1946, под загл. «Кому дверь закрывать»; СтСкП 1952, без подзаг. Печ. по СПЗ 1953а. «Сюжет «Старуха, дверь закрой!» я встречал и в английском фольклоре, и в латышском, и в украинском. Вероятно, все это очень древние сюжеты, переходившие из страны в страну» (письмо Маршака к А. Н. Аваковой от 2 апреля 1958 г. — СС, т. 8, с. 324). Перевод английской шуточной баллады «Get up and bar the door» (в подлиннике хозяева — не старики, и развязка наступает, когда гости собираются отрезать хозяйину бороду и поцеловать его хозяйку). Маршак никогда не печатал его среди переводов.

* 333. Ст 1946, с. 23; СПЗ 1948; СтСкП 1952; СтСкП 1955; СПЗ 1962. Печ. по Из 1964, с. 197. В отд. изд. 1947, 1960, 1964 вместо «Красной страницы» под этим загл. печаталось стих. «Ноябрь» из «Круглого года» (№ 329). В ранней редакции «Красной страницы» (см. Др. ред.) использовано стих. «Победители» («Пионер», 1945, № 8). Во всех автографах вместо загл. «Ночная страница» было: «Черная страница». Заключительная строфа «Ночной страницы» и всего цикла взята из неоконченного стих. 1945 г. «Запад и Восток». Сохранился первоначальный набросок плана: «Морская страница. Летняя страница. Звериная страница. Военная страница (победа). Городская страница (поливают улицы; автомобильчик со щетками, как у жука, — метут). Деревенская страница (с горы)». «Военной страницей» еще в рукописи назывался первый вариант «Красной страницы» («Победители»); набросок «Зверинной страницы» см. в Др. ред.

334. Из 1947, с. 197.

* 335. КомсПр, 1947, 1 мая (сокращенный текст); полностью — Зн, 1947, № 5, с. 110; Из 1947; СПЗ 1953а. Печ. по СПЗ 1957. В Зн имело эпиграф: «Внуки наши, как диковнику, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом... — Л е н и н». (цитируется «Речь на Красной площади 1 мая 1919 г.» — см.: В. И. Ленин, Полн. Собр. соч., т. 38, с. 325). «Почему мой второй маляр так немногословен? Он и должен быть таким по моему замыслу. Беседу ведет старик с пионерами, а добродушные, но не слишком разговорчивые маляры только изредка подкрепляют слова старика своими замечаниями. Я представлял себе второго маляра человеком рассудительным, но зря слов не теряющим. Впрочем, у обоих маляров роль в поэме небольшая. Это, так сказать, „аккомпанемент“» (письмо к Л. Л. Нейксу от 29 марта 1950 г. — СС, т. 8, с. 245).

* 336. «Мурзилка», 1947, № 4, с. 6 (частично); ПионПр, 1948, 19 октября (полностью). Печ. по СПЗ 1953а, с. 23. В перепечатках для взрослого читателя (ЧнБ, СтСкП 1952 и 1955, Соч. 1) — под загл. «Детям нашего двора». Речь идет о доме № 14/16 на улице Чкалова

в Москве, где с 1938 г. жил Маршак; в этом доме жил Герой Советского Союза летчик В. П. Чкалов с сыном Игорем (которому Маршак посвятил впоследствии стих. «Сын героя» — КомСПр, 1941, 3 сентября). *Есть Чапаев на дворе*. Речь идет о внуке героя гражданской войны.

* 337. Отд. изд. 1940; СПЗ 1945; СПЗ 1948; СПЗ 1957. Печ. по СПЗ 1960, с. 255. Образцом для такого рода «азбук в стихах» Маршаку служили английские детские стихи под традиционным заглавием «Tom Thumb's Alphabet»; в ранних набросках (1920-е годы) Маршак еще ближе к этому прототипу: «А купил аэроплан, Б ударил в барабан...», потом: «А был авиатор, водил аэроплан. Б был барабанщик, стучал он в барабан. В был винокуром, выделявал вино...» Почти одновременно Маршак написал другую «азбуку в стихах и картинках» — «Про все на свете» («Чиж», 1939, № 11—12); впоследствии, в годы войны — антифашистскую «Азбуку» («Красноармеец», 1943, № 1—2; ср. раннее стих. в той же форме, «Алфавит 1914 года» — «Петроградский курьер», 1914, 29 декабря); завершением работы в этом жанре было «Веселое путешествие от А до Я» (1952). Ср. также «Автобус № 26» (1945).

* 338. «Раз, два, три, четыре», 1941, с. 1; СПЗ 1948. Печ. по ИзСт 1949, с. 124. Посвящено внуку поэта Алеше Сперанскому (ср. обращенные к нему стихи в СС, т. 5, с. 577). *Сто тринадцатая* — номер квартиры Маршака в доме № 14/16 на улице Чкалова в Москве.

339. ПионПр, 1948, 31 декабря, под загл. «1949»; СтСкП 1952 (как 2-е стих. в цикле «Новый год»; 1-е — стих. 311 нашего издания). Печ. по СПЗ 1955, с. 95. Впоследствии вошло в состав поэмы «Веселое путешествие от А до Я».

340. Ог, 1949, № 10, с. 12, под загл. «Бронзовый коробок», с подзаг. «Из „Лесной книги“», с датой. Печ. по ИзСт 1949, с. 9.

* 341. Отд. изд. 1924 (др. ред.); отд. изд. 1926; отд. изд. 1928; отд. изд. 1930; отд. изд. 1934; отд. изд. 1935; отд. изд. 1937; Из 1947; СтСкП 1952. Печ. по СПЗ 1953а, с. 122. Переработка, сделанная Маршаком в 1950-х годах, близко следует замечаниям критики, делавшимся еще в 1930-х годах («Техника пожарного дела, данная автором, не характерна для нашего времени... О пожаре в крупных городах извещают пожарное отделение большей частью по телефону, а не звоном с каланчи... Большинство ребят этот старый способ извещения о пожаре неизвестен и непонятен». — «Детская литература», 1932, № 10, с. 3). С. Маршак писал: «Книжку «Пожар» я почти целиком сочинил устно, гуляя по улице и бормоча первые пришедшие на ум стихи то в одном ритме, то в другом. Вы знаете, как любят дети пожарных, как им нравятся стремительные пожарные машины, которым все уступают дорогу, какими сказочными им кажутся лестницы, в один миг вырастающие до самого верхнего этажа, шланги, дрожащие от напора воды и заливающие пламя сильной струей. Недаром почти все мальчики в определенном возрасте мечтают стать пожарными. Однако меня к этой теме привлекли не только воспоминания детства. В ней я увидел то сочетание

реального и фантастического, которое является основой настоящей сказки. Кроме того, стиху свойственно передавать ритм труда, ритм движения... Движение и труд — главные герои моих детских книжек, будь то «Рассказ о неизвестном герое», «Ледяной остров», «Почта» и даже «Сказка об умном мышонке...» (письмо к Н. Т. Ковачевой от 20 декабря 1958 г. — СС, т. 8, с. 335). Ср. в автобиографии 1940-х годов: «Первое воспоминание детства — пожар на дворе. Раннее утро, мать торопливо одевает меня. Занавески на окнах краснеют от полыхающего зарева. Должно быть, это впечатление первых лет моей жизни и было причиной того, что в моих сказках для детей так много места уделено огню» (Арх.).

* 342. Отд. изд. 1924 (одновременно начальный отрывок — в журнале «Воробей», 1924, № 3, под загл. «Про одного читателя»); отд. изд. 1925 (см. Др. ред.); отд. изд. 1929; отд. изд. 1935. Печ. по СтСкП 1952, с. 223. Тема разговаривающих книг, нередкая в детской поэзии, возникает у Маршака впервые в одном из самых ранних его стихотворений — ок. 1901 г. в его школьной записной книжке записана довольно длинная поэма, где в подражание прологу «Кому на Руси жить хорошо» школьные учебники спорят до драки, кто из учителей важнее в Острогужской гимназии (Арх.).

* 343. «Искорка», 1927, № 2, с. 1, др. ред., под загл. «Мастер»; отд. изд. 1927; отд. изд. 1930; СПЗ 1935. Печ. по «Мурзилке», 1952, № 1, с. 2.

* 344. Первоначальная ред. — «Еж», 1933, № 5, с. 1; отд. изд. 1933; отд. изд. 1935; отд. изд. 1939; Из 1947. Окончательная ред. — отд. изд. 1948; СПЗ 1948. Печ. по СтСкП 1952, с. 67. В раннем автографе (ГПБ) стихотворение называлось «Мистер Блистер» (окончательная фамилия героя, по-видимому, подсказана английской народной скороговоркой), эпизода сна и концовки не было; при переработке 1948 г. были использованы отдельные фразы из этой редакции. В письме к Д. Балашову от 21 января 1963 г. Маршак рассказывает о переработке поэмы: «В начале 30-х годов, когда была выпущена эта книга, издать ее было очень нелегко. Только вмешательство Горького помогло мне выпустить ее в свет. Несмотря на то, что она была направлена против расизма, ее выход в свет считали несвоевременным. Затруднения были и при каждом переиздании книги. Редакции убеждали меня, будто бы интуристы перестанут ездить к нам, если несколько швейцаров могут объявить мистеру Твистеру бойкот. Помню, я очень неохотно согласился на изменения, но спорить тогда было трудно, а книга казалась мне нужной и своевременной. Основная же идея ее при этом сохранялась. — Вы правы: «В рожии проходим бензином дыша» было лучше, чем «в лица проходим». Лучше и по смыслу и по звучанию. Но тут тоже пришлось уступить лжепедагогическим соображениям людей, боявшихся в детской книге «грубого слова». — Вообще-то я не из уступчивых. Но книга для детей была в то время под такой строгой опекой, что не всегда удавалось настоять на своем — особенно в деталях» (СС, т. 8, с. 461). Кроме постороннего давления, направление переделки определялось и эволюцией собственной манеры Маршака. «Автор с

трудом расстается со своим сюжетом и героями. Книга напечатана, а начатая игра чувств и воображения еще не закончена. И в результате книга растет и изменяется, включая новые мысли, новые ситуации, новые персонажи. Так было и с моим «Мистером Твистером», когда постепенно создавалась роль дочери Твистера, увеличивалась роль чистильщика сапог и на последних страницах появились два негритенка» (письмо к Н. Т. Ковачевой от 20 декабря 1958 г. — СС, т. 8, с. 336). Сюжет стихотворения заимствован из жизни: «В 29 или 30 году (точно не помню) ныне покойный академик Мушкетов рассказал мне о том, как один из американских туристов остался в Ленинграде без ночлега после того, как отказался поселиться в одной гостинице с негром. Так возник замысел «Мистера Твистера». Текст этой книги много раз менялся... Нелегко писать детям на политические темы, а мне хотелось добиться и в этих книгах той же конкретности, какая есть в „Сказке о глупом мышонке“ или в „Почте“» (письмо к В. Д. Разовой от 20 апреля 1962 г. — СС, т. 8, с. 418). Стихотворение получило очень широкую популярность, имя мистера Твистера было использовано Маршаком в послевоенные годы в сатирическом стих. «Как мистер Твистер развлекается» и в одном из последних стихотворений поэта — «Африканский визит мистера Твистера» (сентябрь 1963). По последней редакции стихотворения Маршак сделал две инсценировки, в которых политический элемент еще более усилен.

345. ЛГ, 1953, 28 февраля, под загл. «Песенка о вежливости. Из стихов для детей». Печ. по СПЗ 1957, с. 289.

346—347. Ог, 1953, № 20, с. 23. В Соч. 1, с. 404 — примечание: «„Песню Чиполлино (Мальчика-Луковки)“ как и следующую за ней „Песню Старого Помидора“, автор написал для Центрального детского театра, где шел спектакль по итальянской сказке Джанни Родари „Приключения Чиполлино“». Кроме этих двух песен была написана третья, «Песня Сапожника» (в кн.: Джанни Родари, Приключения Чиполлино, М., 1955), но в свои сборники Маршак ее не включал.

348. Ог, 1954, № 11, с. 28, под загл. «Про Сережу и Петю»; СПЗ 1955. Печ. по СПЗ 1957, с. 27. С теми же героями написано и стихотворение «Случай в дороге (Из книги «Приключения Пети и Сережи»)» — Ог, 1955, № 18 (впоследствии перепечатывалось под загл. «Приключение в дороге»).

* 349. «Еж», 1928, № 11, с. 26 (др. ред); «Веселый день», 1939; Кр, 1940, № 11, с. 2, под загл. «Мчатся тучи, выются тучи»; «Стихи», 1940. Печ. по СтСкП 1955, с. 300.

350. Ог, 1955, № 30, с. 28, под загл. «Басня о куриной слепоте»; СПЗ 1957, под загл. «Сказка о куриной слепоте»; отд. изд. 1962, под загл. «О чем говорили лошади...». Печ. по СПЗ 1962, с. 275. Ср. письмо к В. В. Лебедеву от 8 мая 1961 г.: «Как вам понравится такое название: «О чем разговаривали (или «говорили») лошади, хомяки и куры?» Немного длинновато, но лучшего я не придумал.

«Куриный полет» — слишком символично. А это название живое и сказочное» (СС, т. 8, с. 390).

351. «Юность», 1956, № 1, с. 111. Печ. по СПЗ 1957, с. 65.

352. «День поэзии», 1956, с. 26, с подзаг. «Сказка про дурака битого-набитого»; СПЗ 1957. Печ. по СатСЭП, с. 142. «В сказке «Не так» сюжет самостоятелен, хотя в сказку и вошла, как деталь, традиционная история дурака, который плачет на свадьбе и пляшет на похоронах» (письмо к А. Н. Аваковой от 2 апреля 1958 г. — см. СС, т. 8, с. 324).

* 353. Ог, 1956, № 19, с. 31.

* 354. Ог, 1957, № 18, с. 20.

* 355. Отд. изд. 1925 (др. ред.); отд. изд. 1926; СПЗ 1935; отд. изд. 1941; СПЗ 1957; СПЗ 1960. Печ. по СПЗ 1962, с. 165. Песня мороженщика использована в пьесе «Петрушка-иностранец» (1927).

356. Отд. изд. 1925, как подписи к рисункам В. В. Лебедева; СПЗ 1935; СПЗ 1939; СПЗ 1945; Соч. 1; СПЗ 1957. Печ. по СПЗ 1962, с. 53. К теме цирка см. открытое письмо Маршака под загл. «Юным зрителям цирка» (август 1960): «Я полюбил цирк с юных лет. Пусть это был довольно убогий бродячий цирк, но приезд его в наш маленький провинциальный город казался выдающимся событием нам, ребятам, не избалованным зрелищами. До сих пор я помню яркие афиши, возвещавшие прибытие в город цирковой труппы. Только впоследствии довелось мне познакомиться с настоящим искусством цирка. Признаюсь, цирковое представление удивляло и пленяло меня в годы юности гораздо больше, чем театральное. Мне казалось тогда, что я и сам бы мог проделать все, что делают актеры в театре. А вот цирковые артисты представлялись мне настоящими волшебниками. На память о своих ранних впечатлениях я написал для детей книжку в стихах с коротким заглавием «Цирк». Стихи были как бы подписями к замечательным рисункам художника В. В. Лебедева» (Арх.). В очень сходных выражениях Маршак говорит о том же в написанном одновременно стихотворении «Юным зрителям цирка». Впоследствии Маршак вновь возвращался к теме цирка в цикле подписей к фотооткрыткам «Цирк Дурова» (1954) и в стих. «Цирк Шапито» (1962) — см. СС, т. 1, с. 385 и 392.

* 357. «Радуга», отд. изд. 1926, с. 1 (др. ред. под загл. «Радуга»); СПЗ 1945; СПЗ 1955. Печ. по СПЗ 1957, с. 36. В СПЗ 1962, с. 137 восстановлена прежняя редакция.

358. «Юность», 1953, № 8, с. 3 обложки.

* 359. Ог, 1959, № 47, с. 27; СПЗ 1960. Печ. по переработке для СПЗ 1966. Первоначальный вариант (автограф) написан еще во второй половине 1920-х годов (см. Др. ред.).

360. Печатается впервые по автографу.

361. «Неделя», 1964, 23 мая.

- 362—367. 1. Сб. «Елка», М., 1941, с. 63; СПЗ 1945; СПЗ 1948. Печ. по «Загадки», 1950, с. 3.
 2. Сб. «Елка», М., 1941, с. 63; СПЗ 1948. Печ. по «Загадки», 1950, с. 5. Другая ред. — в «Мурзилке», 1947, № 3, с. 9.
 3. «Мурзилка», 1947, № 3, с. 9. Печ. по «Загадки», 1950, с. 3.
 4. «Ящик-рассказчик», 1928, с. 1; СПЗ 1939; «Загадки», 1950, с. 14. Печ. по СПЗ 1955, с. 649.
 * 5. СПЗ 1957, с. 202.
 6. «Неделя», 1964, 23 мая.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1938—1964

368. ПионПр, 1938, 20 октября, и «Пионер», 1938, № 10, с. 27. Печ. по отд. изд. 1938. Сокращенный вариант под загл. «Сказка» — Пр, 1938, 1 мая; СатСт (под загл. «Акула»). Несколько иное сокращение — в кн. «Коротко, но ясно», М., 1948. Стихотворение обличает действия фашистской реакции («треугольник Берлин — Рим — Токио») по развязыванию мировой войны: имеются в виду итало-эфиопская война (1935—1936), мятеж и интервенция в Испании (1936—1938), победа республиканских войск над мятежниками при *Гвадалахаре* (март 1937 г.), оккупация Австрии фашистской Германией (март 1938), японо-китайская война (с июля 1937 г.).

369. Кр, 1938, № 36, с. 2, под загл. «Гость»; «Коротко, но ясно», М., 1948, под загл. «Речь в парламенте 31 декабря 1938 г.»; Соч. 2 под загл. «Новогодняя речь в парламенте». Печ. по СатСЭП. Стихотворение обличает политику соглашения с фашистской Германией, проводившуюся английским правительством Н. Чемберлена (премьер-министр в 1937—1939 гг.), министром иностранных дел в котором был Э. Галифакс, на конференциях в *Годесберге* (22 сентября 1938 г.) и в *Мюнхене* (29—30 сентября 1938 г.).

* 370. Пр, 1941, 24 июня; ЧнБ, под загл. «В первый день войны». Печ. по автографу переработки конца 1950-х годов.

* 371. Изв 1941, 13 июля; плакат, изд. «Искусство», 1941; СПЗ 1945, под загл. «За Родину». Печ. по Ст 41—46, с. 12.

372. Изв 1941, 29 июля. *Риббентрон* И. (1893—1946) — министр иностранных дел в фашистском правительстве Гитлера. *Гейбельс* И. П. (1897—1945) руководил аппаратом фашистской пропаганды. *Дорио* Ж. (1893—1945) — французский политический деятель, участник «Легиона французских добровольцев против большевиков» (об этой организации написано стихотворение Маршака «Поголовно-уголовный легион» — Пр. 1942, 6 августа).

373. Изв, 1941, 6 августа. Печ. по УИ, с. 36.

* 374. Пр, 1941, 9 августа, под загл. «„Арапские“ сказки немецкого верховного командования». Печ. по УИ, с. 15.

375. КомсПр, 1941, 2 сентября, под загл. «Аттестат зверости»; Зн 1942, № 7, под окончательным загл. Печ. по СтСкП 1952, с. 145. Под загл. «Юный Фриц, или Сентиментальное воспитание» С. Маршак в 1942 г. был написан киносценарий (напечатан в журнале «Костер», 1943, № 1), по которому Г. А. Козинцевым был снят одноименный фильм.

376. Пр, 1941, 9 сентября, под загл. «Долг платежом красен»; Ст41—46, под загл. «Партизанский поклон». Печ. по СтСкП 1952, с. 144.

377. Изв, 1941, 28 сентября. Написано по личным впечатлениям: в 20-х числах сентября 1941 г. Маршак приезжал в 7-ю Бауманскую дивизию народного ополчения, действовавшую в районе Дорогобужа, и был во временно освобожденной Ельце (см. Восп., с. 208—212).

* 378. Пр, 1941, 6 октября под загл. «Памяти героев»; «Стихи о войне», М., 1941, др. ред., под загл. «Братья-герои»; Ст41—46, под загл. «Могила под Ельней»; Из 1947. Печ. по СтСкП 1955, с. 138.

379. «Казахстанская правда», 1941, 30 ноября. Печ. по УИ, с. 29.

380. Зн, 1942, № 7, с. 128, под загл. «Думать воспрещено». Печ. по УИ, с. 55. Все другие стих. напечатанной в Зн подборки перепечатаны из газет; может быть, и это стих. имело несобранную газетную публикацию.

381. Пр, 1942, 9 апреля, без загл., как шапка над фотографиейми «Лом — мартенам» (на фотографиях — молодежный воскресник по сбору металлолома); УИ, под загл. «Ломом по врагу». Печ. по Ст41—46, с. 14.

382. Пр, 1942, 22 июня. Печ. по УИ, с. 60. Написано к первой годовщине Великой Отечественной войны.

* 383. Пр, 1942, 31 июля. Печ. по Ст41—46, с. 41. В Пр эпиграф: «...Еще мы видели, что даже невозможно передать словами: среди этих шагающих смертников шла мать с грудным восьмимесячным ребенком... (П. Сойнов, действующая армия, полевая почта № 802)».

384. «Учительская газета», 1942, 27 августа, под загл. «„Ни“ и „не“»; «Пионер», 1942, № 10. Печ. по Ст41—46, с. 43. В первой публикации — эпиграф: «В одном из оккупированных районов Смоленской области гитлеровцы под страхом расправы заставили учителей проводить в школах занятия по фашистским программам. Учителя-патриоты, игнорируя приказ гитлеровцев, продолжали вести занятия по программам советской школы. (Из письма учительницы Нины Л.)».

385. Печ. впервые по автографу. 450-летие открытия Америки Колумбом отмечалось 12 октября 1942 г. В стих. идёт речь об открытии второго фронта в Европе.

386. Сб. «Новый год», 1943, с. 67, под загл. «Помни»; Ст41—46 под загл. «Военная зима»; ИзСт 1949; ИзЛ, под загл. «Плакат 1941-го года». Печ. по СатСт, с. 12, где восстановлено загл. ИзСт 1949.

387. СС, т. 5, с. 357. Печ. по автографу.

* 388. Пр, 1943, 21 января, под загл. «21 января 1943 года». Печ. по Ст41—46, с. 55. В ИзСт 1949 и СтСкП 1952 открывало разд. «Из лирической тетради». Далее не перепечатывалось.

389. Пр, 1943, 4 февраля. Не перепечатывалось. Посвящено капитуляции Сталинградской группировки фашистских войск.

390. «Литература и искусство», 1943, 23 февраля. Печ. по ЧпоБ, с. 13. Э. фон Буш был командующим германскими войсками группы «Центр», Ф. фон Паулюс — командующим капитулировавшей Сталинградской группировкой германских войск.

391. Пр, 1943, 11 июня; ЧпоБ. Печ. по СатСЭП, с. 41.

392. «Красная звезда», 1943, 25 сентября. Написано после освобождения Полтавы от фашистских оккупантов; рядом в газете находится корреспонденция «Что увидели наши бойцы в освобожденной Полтаве». При жизни не перепечатывалось.

393. Пр, 1943, 9 октября. При жизни не перепечатывалось.

* 394. Пр, 1944, 2 января; Ст41—46 под загл. «Ленинградские часы»; Из 1947; ЧпБ, под загл. «Пулковские часы»; СтСкП 1952, под загл. «Время за нас». Печ. по СтСкП 1955, с. 141, где восстановлено заглавие Из 1947.

395. ЧпоБ, с. 51. Более ранняя публикация не разыскана. Посвящено ликвидации блокады Ленинграда 27 января 1944 г.

396. КомсПр, 1944, 19 июля. 16 июля этого года через Москву (по Садовому кольцу, где жил Маршак) были проведены колонны военнопленных солдат фашистской армии; 17 июля отмечался Всесоюзный день физкультурника. Не перепечатывалось.

397. «Красноармеец», 1944, № 20, с. 13: подпись под фотозюдом. При жизни не перепечатывалось.

398. Пр, 1944, 10 сентября. Печ. по «Капут!», с. 25. Представляет собой «перепев» баллады Пушкина «Будрыс и его сыновья» (перевод из Мицкевича); к этой форме Маршак уже обращался в сходных по теме стихах 1914 г. «Современный Будрыс» (БВ 1914, 28 ноября).

399. Пр, 1944, 7 декабря, под загл. «Невольное признание». Печ. по «Капут!», с. 31.

400. Пр, 1944, 8 декабря. Не перепечатывалось.

401. Из 1947, с. 64. Не перепечатывалось. Представляет собой начальную и заключительную строфы большого произведения, в автографе озаглавленного «Стихи об электрическом токе».

402. Печ. впервые по автографу. Датируется предположительно.

* 403. Пр, 1945, 17 марта, под загл. «Гаулейтеры без работы»; «Капут!». Печ. по СтСкП, с. 26. В Пр с эпиграфом: «В одном из городов Баварии состоялось совещание гаулейтеров восточных областей Германии. На совещании обсуждался вопрос о дальнейшем использовании освобожденных гаулейтеров и других нацистских деятелей. (Из газет)».

404. Пр, 1945, 31 марта; ЧпБ, под загл. «Ночной разговор». Печ. по СтСкП 1952, с. 129, где восстановлено первоначальное загл.

405. Пр, 1945, 27 апреля. Печ. по «Капут!», с. 57. В Пр. с эпиграфом: «На одном из берлинских домов масляной краской написан фашистский лозунг «1918 год не повторится». Надпись зачеркнута, и мелом сверху начертано: «Я в Берлине. Сидоров» («Правда», 26 апреля)».

* 406. Пр, 1945, 30 апреля; Ст41—46. Печ. по СтСкП 1955, с. 143.

407. Пр, 1945, 10 мая, под загл. «Вечная слава». Во всех автографах загл. — «Победа». Печ. по автографу переработки конца 1950-х годов.

408. ЛГ, 1947, 4 октября. Сохранились наброски переработки ок. 1950 г. под загл. «Об американских президентах»; на полях одного из них эпиграф: «Посол США заявил протест по поводу того, что один из советских журналистов отозвался недостаточно лестно о мистере Трумэне». Речь идет о президенте США (имя которого пропущено в рифме в ст. 15) в 1945—1952 гг., проводившем политику «холодной войны»; А. Смит — посол США в СССР.

409. КомсПр, 1947, 7 ноября. Печ. по Соч. 2, с. 239. Неднократно печаталось в сборниках Маршака как вступительное стихотворение (СПЗ 1953, СтСкП 1952); в Соч. 2 замыкает разд. «Из стихов о войне и мире».

* 410. ПионПр, 1947, 31 декабря (др. ред.). Печ. по СтСкП 1952, с. 111.

411. Зн, 1949, № 2, с. 7, под загл. «Богатырская застава»; Ст48—51 (расширенный вариант). Печ. по СтСкП 1955, с. 61.

* 412. Пр, 1949, 21 января, под загл. «Наше знамя»; ИзСт 1949, под загл. «Ленин»; СПЗ 1955. Печ. по «Старше моря, выше леса», 1962, с. 5 (где напечатано как вступительное стихотворение к сборнику). На ту же тему (красный галстук — красное знамя) Маршаком написана поэма «Рассказ о красном знамени» (ПионПр, 1952, 22 апреля); стих. «Знамя» в некоторых автографах служит вступлением к ней.

413. ЛГ, 1949, 11 мая, в цикле «Литературные эпиграммы». Юбилей В. Г. Белинского (столетие со дня смерти) торжественно отмечался в 1948 г. Стихотворение имеет в виду статью Белинского «Две детские книжки» (1840). В одном из своих выступлений Маршак говорил: «Пожалуй, статья Белинского о «Сказках дедушки Иринея» дороже и ценнее для нашей литературы, чем самые сказки, о которых идет речь в статье. Сказки-то к нашему времени несколько устарели, а статья о них до сих пор горит живой мыслью и вдохновляет нас на работу сегодняшнего дня» (СС, т. 6, с. 412).

414. ЛГ, 1949, 11 мая, в цикле «Литературные эпиграммы». К этой теме Маршак возвращается в статье «Молодым поэтам»: «Человек, выступающий в печати, да не с отдельным стихотворением, а с целым сборником стихов, не может и не должен ждать скидки на молодость» — и далее цитируется эта эпиграмма (СС, т. 6, с. 580).

415. КомсПр, 1949, 5 июня. Печ. по ИзСт 1949, с. 19. Эпиграф — из стих. Пушкина «Вновь я посетил...». Перекликается с написанным одновременно стих. «Пушкинская дубрава».

416. ИМ, 1950, № 3, с. 4, как 8-я часть кантаты «На страже мира» (музыка кантаты была написана С. С. Прокофьевым); СтСкП 1952 как отдельное стихотворение. Печ. по автографу переработки 1963 г.

* 417. ЛГ, 1950, 3 июня, под загл. «В защиту детей»; СтСкП 1955; Соч. 2, под загл. «Игрушечка». Печ. по СатСЭП, с. 82. В СтСкП и в Соч. 2 стихотворение открывало раздел произведений на международные темы 1946—1956 гг.

418. Изв, 1950, 15 сентября, с эпиграфом: «Голливудская «Монограм фильм компани» решила прекратить съемку фильма по поэме классика американской литературы Лонгфелло „Песнь о Гайавате“». Печ. по СтСкП 1955. «... Из долины Тавиззента...» и т. д. — цитата из «Песни о Гайавате» в пер. И. Бунина.

419. Кр, 1952, № 4, с. 4, в составе интервью «Крокодил в гостях у писателя С. Я. Маршака»; СтСкП 1955 (отдельно). Печ. по Кр, 1957, № 30, с. 15.

420. Кр, 1952, № 11, с. 12, под загл. «Никаких гвоздей»; СтСкП 1955. Печ. по СатСт, с. 61. Две последние строфы печатались отдельно под тем же загл. в Кр, 1957, № 30 и в «Учительской газете», 1957, 24 октября. В первой публикации был эпиграф: «В центре гор. Черновцы (УССР) расположен живописный парк. Здесь много цен-

ных и редких пород деревьев. Но, как видно по снимкам, дирекция парка не очень заботится о сохранности древесного массива: многочисленные таблички и объявления прибиты к деревьям большими гвоздями». Это стихотворение Маршак цитирует в заключение своей статьи «Литература — школе» (СС, т. 7, с. 510).

* 421. ЛГ, 1952, 1 июля; Зн, 1953, 10; Соч. 2. Печ. по СатСт, с. 42.

422. ЛГ, 1952, 9 сентября. Печ. по СатСЭП, с. 8.

* 423. ЛГ, 1952, 4 ноября, под загл. «Сталинграду»; СтСкП 1955; Соч. 2. Печ. по ИзЛ, с. 129. Для ЛЭ заглавие снято. Это и следующее стихотворения написаны по впечатлениям поездки осенью 1952 г. на только что открытый Волго-Донской канал (Сталинград — Калач — Сталинград — Волгодон — Ростов — Симферополь — Ялта).

424. ЛГ, 1952, 4 ноября. Печ. по Соч. 2, с. 230. См. примеч. 324. Как и предыдущее, это начало большого стихотворения, оставшегося в рукописи незаконченным и необработанным.

425. Зн, 1953, № 10, с. 159. Печ. по Соч. 2, с. 339.

* 426. Пр, 1954, 8 января. Печ. по СатСт, с. 40. К. Аденауэр — канцлер ФРГ (1949—1963). Незадолго до присуждения ему премии Карла Великого была присуждена Нобелевская премия мира бывшему американскому государственному секретарю Дж. Маршаллу (см. Др. ред.). *Карл Великий* — франкский король (768—814), римский император (с 800 г.), правитель почти всей христианской Европы своего времени; *Карл Лысый* — его внук, западнофранкский король (840—877), римский император (с 875 г.), не сумевший, однако, воссоединить раздробившуюся империю деда.

* 427. «Труд», 1954, 23 января. Не перепечатывалось. *Маккарти* Дж. Р. (1909—1957) — политический деятель США, председатель сенатской подкомиссии по расследованиям.

428. Кр, 1954, № 23, под загл. «Еще о репке (сказка для малышей)»; Соч. 2. Печ. по СатСт, с. 72.

429. Пр, 1954, 7 августа, под загл. «Красные чернила» и 14 октября, под загл. «Запрет на красный цвет». Печ. по СтСкП 1955, с. 180. Этот окончательный текст представляет собой переработку двух продолжающих друг друга стихотворений, напечатанных в Пр; в большей степени использовано второе.

430. ЛГ, 1954, 4 ноября; Соч. 2. Печ. по ИзЛ, с. 147. В СтСкП 1955 это стихотворение завершало раздел «Сор из избы» (сатира на внутренние темы), а в ИзЛ — весь сборник.

431. Ог, 1955, № 30, с. 28, под загл. «Симеоны и короны». Печ. по Соч. 2, с. 292.

432. Печ. впервые по автографу. Написано в 1956 г. как отклик на утверждение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

- * 433. Фг, 1956, № 45, с. 25. Печ. по СатСт, с. 59.
- 434. Ог, 1957, № 32, с. 19. Печ. по Соч. 2, с. 235.
- 435. ЛГ, 1957, 19 октября. Печ. по Соч. 2, с. 228.
- 436. ЛГ, 1958, 7 января. Печ. по СатСЭП, с. 75. По инициативе Маршака марка с портретом Р. Бернса была выпущена в СССР.
- * 437. «Говорит Москва», газета Радиокomiteта, 1958, 22 марта, под загл. «Журналисту». Печ. по СатСт, с. 84. Злоупотребление иностранными словами в литературе Маршак отмечал и в статье «О молодых поэтах»: «Встречаются... строфы, чуть ли не наполовину состоящие из слов иностранного происхождения... Поневоле вспоминаешь чеховскую героиню с ее пристрастием к иностранным словам вроде „атмосферы...“» (СС, т. 6, с. 582).
- 438. Печ. впервые по автографу.
- 439. Изв, 1959, 6 ноября.
- 440. Зн, 1959, № 12, с. 109, вместе с перепечаткой предыдущего стих. Стих. выросло из строфы незаконченных стихов о семилетке «Сказка-быль».
- 441. СС, т. 5, с. 544. Печ. по автографу.
- 442. Печ. впервые. Автограф на одном листе с «лирической эпиграммой» № 182, опубликованной в 1964 г.
- * 443. Изв, 1965, 20 февраля. Печ. по автографу. «Проблема положительного героя» была одной из самых частых в литературных дискуссиях 1950-х годов.
- 444. СС, т. 5, с. 216. Печ. по автографу.
- 445. Кр, 1962, № 1, с. 7; одновременно «Вечерний Ленинград», 1962, 10 января.
- 446. Пр, 1963, 19 мая. Включено в ЛЭ.
- 447. Пр, 1963, 19 мая. Для ЛЭ загл. снято.

1908—1918

448. «Сатирикон», 1908, № 15, с. 5, подпись — «Д-р Фрикен». Это — единственное из дореволюционных стихотворений, которое Маршак перепечатал в «Избранном», 1964, сославшись на него во вступительной заметке «О себе»: «Одно из первых моих стихотворений, помещенных в «Сатирикон» («Жалоба»), было эпиграммой на переводчиков того времени, когда у нас печаталось много переводов

из французской, бельгийской, скандинавской, мексиканской, перуанской и всяческой другой поэзии. Тяга ко всему заграничному была тогда так велика, что многие стихотворцы щеголяли в своих стихах иностранными именами и словечками... А большинство стихотворных переводов было делом рук литературных ремесленников, часто искажавших и оригинал, с которого переводили, и родной язык» (СР, т. 1, с. 9—10). Подбор имен в стихотворении не случаен: в 1908 г. на русском языке появились и «Цветы зла» Ш. Бодлера в пер. Эллиса, и «Стихотворения» П. Верлена в пер. Ф. Сологуба, начали выходить «Рассказы и пьесы» Ш. Аша, выходило собрание сочинений М. Метерлинка. Псевдоним «Д-р Фрикен», которым С. Маршак пользовался в «Сатириконе», «Биржевых ведомостях», «Солнце России» и «Утре Юга», заимствован из стихов Пушкина, известных под условным заглавием «Наброски к замыслу о Фаусте» (отрывок «Кто там? — Здорово, господа!..»): в них есть стих «Вот доктор Ф., наш приятель», в котором имя, расшифровываемое теперь как «Фауст», в дореволюционных изданиях расшифровывалось, по предположению П. Анненкова, как «Фрикен», по фамилии кишиневского врача, знакомого Пушкина. Любопытная стихотворная полемика по поводу этого псевдонима против антисемитского выпада газеты «Новое время» — в стих. Маршака «В ответ», — БВ, 1912, 15 июня.

449. «Всеобщая газета», 1911, 23 января, подпись — «Уэллер». (Этим псевдонимом, заимствованным из «Записок Пиквикского клуба» Диккенса, Маршак пользовался в фельетонах «Всеобщей газеты» и «Петроградского курьера».) Сыновья Л. Н. Толстого предложили правительству купить Ясную Поляну за 2 миллиона; вопрос этот обсуждался в течение всего 1911 г., цена была снижена, но в конце концов правительство ответило отказом.

450. «Всеобщая газета», 1911, 16 декабря, подпись — «Уэллер». Написано к приезду английской парламентской делегации. Насмешки над деятельностью петербургской городской управы (во главе с И. Г. Глазуновым) и крайних правых в государственной думе (во главе с В. М. Пуришкевичем, хулиганские выходки которого во время заседаний Думы вызывали многочисленные отклики печати) повторяются во многих стихотворных фельетонах Маршака этого времени; холод в помещении Думы (Таврическом дворце) — тема его прозаического фельетона во «Всеобщей газете», 21 января 1911 г.

451. СР, 1912, № 6, с. 11, подпись — «Д-р Фрикен». *Вейки* — финские извозчики, приезжавшие в Петербург к масленичным катаниям.

452. СР, 1912, № 8, с. 15, подпись — «Д-р Фрикен».

453. СР, 1912, № 11, с. 11, подпись — «Д-р Фрикен». «Перепев» басни Крылова «Стрекоза и Муравей».

454. БВ, 1914, 14 апреля. Подпись — «Д-р Фрикен». Заглавие — цитата из стихотворения Пушкина «Кто на сизгах возрастил Феокритовы нежные розы?..».

455. БВ, 1912, 23 июля, подпись — «Д-р Фрикен». Отклик на гастроль в России Айседоры Дункан в 1912 г. *Горячее Поле* — свалка под Петербургом, принят городских босяков.

456. БВ, 1912, 1 августа, подпись — «Д-р Фрикен». Отклик на первые выступления русских футуристов.

457. Печ. впервые по черновому автографу в английской тетради 1913—1914 гг. По-видимому, писалось к рождеству 1913 г.

458. «Петроградский курьер», 1915, 4 февраля, подпись — «Уэллер». Пародия на стихотворение И. Северянина «Анапасы в шампанском», открывавшее одноименный сборник стихотворений, изданный в 1915 г. *Геродот* (V в. до н. э.) — древнегреческий историк, «отец истории». «*Чемодан*» — просторечное название снаряда немецкого крупнокалиберного орудия.

459. «Утро Юга», 1919, 1 января, подпись — «Д-р Фрикен». Печ. по кн.: Д-р Фрикен, Сатиры и эпиграммы», Екатеринодар, 1919, с. 61 (заключительное стихотворение сборника). Последняя строфа в переработанном виде использована впоследствии в стихотворении «1947» («По часам Кремлевской башни...»), — Ог, 1946, № 51—52.

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1920—1962

460. СС, т. 5, с. 570. Печ. по «5-му тому». Н. М. Олейников (1898—1942) — поэт, сотрудник Маршака по ленинградской редакции Детиздата, редактор журнала «Еж», автор едких иронических стихотворений, по большей части опубликованных лишь посмертно.

461. Печ. впервые по «5-му тому», где озаглавлено: «Оправдательный документ Р. Р. Васильевой для передачи ревнивому мужу». Р. Р. Васильева — писательница-комсомолка, первая книга которой редактировалась Маршаком (см. «Вернуть ее имя литературе» — открытое письмо Маршака и других писателей в ЛГ, 1964, 28 марта).

462. Печ. впервые по «5-му тому», где озаглавлено: «Е. Ф. Гнесиной, просившей С. Я. написать каптату по случаю юбилея музыкальной школы Гнесиных». 50-летие музыкальной школы М. Ф. и Е. Ф. Гнесиных отмечалось в 1945 г.

463. «Прометей», 1966, с. 241 (сокр. вариант), в статье К. И. Чуковского «Что вспомнилось». Печ. по автографу. Написано к 75-летию юбилею акад. Е. В. Тарле (1875—1955).

464. «Прометей», 1966, с. 242. Обращено к жене И. Р. Гальперина, доктора филологических наук, лингвиста, близкого знакомого Маршака. На ту же тему Маршаком было написано еще несколько шуточных стихотворений, относящихся к тому же времени.

465. «Кировская правда», 1964, 10 июля. Посвящено *И. И. Халтурину* (1902—1969), детскому писателю и редактору, знакомому Маршака со времен работы в журнале «Новый Робинзон» (1924—1925). *И. И. Халтурин* был родом из Вятки (ныне Киров).

466. «Прометей», 1966, с. 241. Дарственная надпись *Л. И. Толстой*, вдове писателя *А. Н. Толстого*.

467. Печ. впервые по автографу на книжке-энциклопедии в стихах «Веселое путешествие от А до Я» (М., 1952). *А. И. Любарская* — сотрудница Маршака по ленинградской редакции Детиздата, писательница и редактор, адресат нескольких шуточных посланий Маршака.

468. «Учительская газета», 1957, 24 октября, в цикле «Дружеские энграммы» (сокр. вариант); СС, т. 5, с. 560 (полностью). Печ. по беловому автографу. «*Крокодил*» — стихотворная сказка *К. Чуковского* для детей (1917), появление которой было важным событием в истории русской детской поэзии.

469. ЛГ, 1972, 12 июля. Надпись на СПЗ 1957, выпущенных в серии «Золотая библиотека» толстым томом в пышном и безвкусном переплете; под таким же названием в 1900-х годах выходила в изд. *М. О. Вольфа* серия детских книг, преимущественно рассчитанных на мещанские вкусы; в качестве образцов их Маршак и упоминает здесь сочинения *Л. А. Чарской*, *В. П. Желиховской* и *Л. Олькотт*.

470. ЛГ, 1968, 24 июня. *Б. Е. Галанов* — литературовед, автор монографии о творчестве *С. Я. Маршака*, выдержавшей несколько изданий. Надпись на той же книге, к которой относится предыдущее стихотворение.

471. Кр, 1957, № 30, с. 15, в цикле «Из сатирической тетради». Печ. по СатСт, с. 89. Экспромт по поводу фотопортрета для Соч. 1, сделанного *А. Лессом* (см. воспоминания *А. Лесса*. — Арх.).

472. Кр, 1957, № 30, с. 15, в цикле «Из сатирической тетради». Черновой автограф относится еще к 1953 г. С народным артистом СССР *С. В. Образцовым* и его театром Маршак был связан долгой дружбой (ср. его статью «Образцов и его театр» — Пр, 1939, 13 июня).

473. Зп, 1966, № 10, с. 241, в воспоминаниях *Н. Абалкина* «На добрую память». Печ. по машинописи.

474. СатСт, с. 85. Отклик на дискуссию начала 1959 г. о том, могут ли переводчики считаться полноправными литераторами (ср. стих. «Куда девать нам переводчиков?..» — СС, т. 5, с. 548). В Арх. сохранился недатированный черновик письма *С. Я. Маршака* в ЦК КПСС, посвященного тому же вопросу: «Мне сообщили из Союза писателей о предполагаемом в Комиссии Совета Министров изменении оплаты труда переводчиков стихов и прозы. Боюсь, это может

оказывать пагубное влияние на дело художественного перевода, требующего не меньшей затраты труда, сил, нервов, чем всякое другое творчество. Оплата тиражей и переизданий компенсирует в какой-то мере этот тяжелый труд. . .»

475. Печатается впервые по автографу, с пометкой: «К 11/XI 1961, из Ялты». Стихотворение написано к юбилею Е. И. Чарушина (1901—1965), писателя и художника, иллюстратора «Деток в клетке» С. Я. Маршака, Маршаком и привлеченного к литературе.

476. «Прометей», 1966, с. 243, в воспоминаниях К. И. Чуковского. Печ. по автографу.

477. СС, т. 5, с. 584. Печ. по автографу. *Улица Грановского* в Москве — там Маршак в это время лежал в больнице.

478—479. Написаны по поводу 75-летия, отмечавшегося Маршаком в 1962 г. В рукописи образуют цикл.

1. Печ. впервые по автографу. Написано одновременно со следующим стих.

2. «Литература и жизнь», 1962, 4 ноября. Шуточный ответ на поздравление Маршаку от Правления Союза писателей РСФСР с 75-летием со дня рождения; текст поздравления напечатан в газете непосредственно перед этим стих.

1901—1918

480. СС, т. 8, с. 28, в письме к М. Я. Маршаку от 23 августа 1904 г. Печ. по машинописной копии. По сравнению с подлинным текстом 1904 г. в текст внесены некоторые изменения, утвержденные в письме к О. Голубевой от 20 марта 1964 г. «Среди старых рукописей я нашел у себя текст этого «величания», очевидно представляющий собою последнюю его редакцию. . .» Об обстоятельствах исполнения этого «величания» Маршак в названном письме к брату пишет так: «Вчера Владимир Васильевич сказал мне, что вечером у него будет обед, на который придет много гостей, между прочим Репин, Максим Горький, Федор Шаляпин, Глазунов, Гинцбург, Blumenфельд (композитор) и многие другие. Мы составили шуточный адрес (я написал стихи, а Гинцбург разрисовал), и вот, когда стали кричать «едут, едут!», заиграли блестящий марш, а я с «адресом» на подушке вышел вперед и прочитал его. . . Шаляпин обнял меня и поцеловал, а Горький угрюмо грошел и сел в углу комнаты, низко свесив голову. . . После обеда Стасов предложил мне прочесть что-нибудь. Я прочел: «Рече господь», «Франческу да Римини» и «Из Исайи». Горький взял меня крепко за руки, усадил около себя, стал гладить мою руку и сказал: «Будем переписываться». О том же самом Маршак впоследствии подробно пишет в повести «В начале жизни» (СС, т. 6, с. 175—178).

481. «Сатирикон», 1908, № 4, с. 9, подпись — «Д-р Фрикен». Это — первое стихотворение Маршака, напечатанное в «Сатириконе».

482. Печ. впервые по беловому автографу. *О. В. Федорченко* — петербургская знакомая Маршака, к ней же обращены еще три послания Маршака, шуточного содержания, написанные в 1908—1910 гг.

483. Печ. впервые по автографу в белой тетради 1912 г. Воспоминание о поездке на Восток в 1911 г.; обращено к жене поэта. *Рехавот, Экрон* — города в Палестине на пути от моря к Иерусалиму.

484. Печ. впервые. Заглавие отсылает к предыдущему стих., записанному в той же тетради. *Алида* — сестра С. М. Мильвидской, жены Маршака. *Металик* — медная монета.

485. Печ. впервые по автографу. Отрывок (гл. 2 в сокращении) был напечатан отдельно под загл. «Армия Спасения (Из путевой тетради «По Англии. Юмореска д-ра Фрикена)» в журнале «Аргус», 1917, № 4, с. 95. Отрывки (из глав 1, 2, 5) — *Восп.*, с. 34—36. В стих. описывается летнее путешествие Маршака с женой по юго-западной Англии (от Лондона до Корнуола) в 1913 г. (ср. путевые очерки «Отдых моряка», «Лифт», «Рыбаки Полперро» в *СС*, т. 6, с. 474—491). *Ист-Энд* — рабочая окраина Лондона, *Кенсингтон* — буржуазные кварталы. *Бобби* — прозвище полицейских. *Армия Спасения* — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 г. «*Иди — спасай!*» — реминисценция из стих. Пушкина «Перед гробницею святой...» *Дядя Бранс* (Брансбург) — фотограф балетной труппы А. Павловой, гастролировавшей в Англии (он же имеется в виду в гл. 1, ст. 17—22). *Бонар Лоу* — английский парламентский деятель, впоследствии — премьер-министр.

II. ПЕРЕВОДЫ

С АНГЛИЙСКОГО

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

«Английские народные песни я начал изучать еще в университете (я учился в Лондоне, на литературном факультете)... Главным моим увлечением были народные баллады. Изучение баллад, сюжетной поэзии было для меня, в сущности, той школой, которая открыла мне впоследствии путь к детской поэзии» (С. Маршак. Путь к детской поэзии. — «Детская литература», 1937, № 21, с. 66). В. Лакшин в воспоминаниях о Маршаке приводит его слова: «Я понял, что такое баллада, когда начал переводить англичан. Это не аристократический жанр, как можно подумать, читая Жуковского, а разговор, короткий рассказ при встрече на улице или среди друзей в таверне, за кружкой эля. Английская народная баллада проста, естественна, как и английский детский фольклор, который я очень люблю» (*Восп.*, с. 397).

Маршак перевел 20 английских баллад (считая «Русалку», которую он предпочитал называть «песней»). Большинство этих пере-

водов относятся к 1913—1916 гг. и были начаты во время пребывания в Англии. Первая подборка их была напечатана в СЗ, 1916, № 10 с содержательной вступительной статьей В. М. Жирмунского, советами которого Маршак пользовался при работе над переводами. Затем после большого перерыва Маршак вернулся к балладам во второй половине 1930-х годов; в это время были переведены «Мельник», «Королева Элинор» и «Графиня-цыганка» и переработаны некоторые прежние переводы. Работа второй половины 1930-х годов была подытожена сборником АБП 1941, продолжение этой работы — сборниками АБП 1944 и ИзП 1946. В третий раз он вернулся к этим переводам в 1957—1958 гг., переработав еще две баллады, переведенные в революционные годы.

* 486. СЗ, 1916, № 10, с. 100, др. ред., под загл. «Две сестры из Биннори»; АБП 1941. Печ. по АБП 1944а, с. 21. Пер. баллады «The Twa Sisters».

487. РМ, 1917, № 9—10, с. 17, с подзаг. «Старинная английская баллада»; АБП 1941; СтСкП 1955 (с подзаг. «Крестьянская баллада»). Печ. по ИзП 1959. Перевод баллады «The Wife of Usher's Well».

* 488. Ог, 1917, № 31, с. 1, с подзаг. «Из песен английских моряков»; АБП 1941. Печ. по АБП 1944а, с. 26. Вольный перевод баллады «The Mermaid», скомбинированный из нескольких вариантов баллады.

* 489. «Утро Юга», конец 1918 — начало 1919 (номер не установлен, др. ред.); отд. изд. 1926; «Костер», 1936, № 1; СПЗ 1939; Печ. по СПЗ 1957, с. 769. Перевод баллады «The Prince John and the Abbot of Canterbury» («Принц Джон и аббат Кентерберийский»). *Принц Джон* — английский король Иоанн Безземельный (1199—1216), правивший страной еще в сане принца во время отлучек своего брата Ричарда Львиное Сердце (1189—1199). В СПЗ 1939 было примечание Маршака: «Оксенфорд — старинное название Оксфорда».

* 490. Пр, 1937, 8 февраля, под загл. «Шотландская баллада»; АБП 1941, под загл. «Мельник». Печ. по ИзП 1959, с. 43. В Пр напечатано в номере, посвященном 100-летию со дня смерти Пушкина, и сопровождается заметкой В. М. Жирмунского: «Шотландская баллада С. Я. Маршака является обработкой старинной шотландской народной песни, которая представляет для нас сейчас особый интерес, потому что в свое время она послужила источником для известного стихотворения Пушкина «Воротился ночью мельник». В шотландской балладе — 6 строф. «Муженек», вернувшись домой, находит у себя оседланную лошадь (в первой строфе), сапоги со шпорами (во второй), далее — саблю, парик, кафтан и, наконец, своего соперника. Пушкин ограничился свободной переработкой второй строфы — „сапоги“». Перевод баллады «Our Goodman».

491. «Молодая гвардия», 1938, № 6, с. 72; АБП 1941. Печ. по Соч. 3, с. 650. Перевод баллады «Queen Eleanor's Confession»; в пере-

воде баллада сокращена за счет подробностей, требовавших исторического комментария («я отравила прекрасную Розамунду...»). *Королева Элинор* — Элеонора Аквитанская (ок. 1122—1204), с 1152 г. жена английского короля Генриха II (1154—1189); баллада смешивает Генриха II с ее первым мужем, французским королем Людовиком VII.

492. «Красная повесть», 1941, № 2, с. 45, под загл. «Беглянка»; АБП 1941. Печ. по Соч. 3, с. 645. В СтСкП 1952 и 1955 печаталась др. ред. перевода, написанная ямбом. Перевод баллады «The Gypsy Laddie», конец баллады (расправа графа Кассилиса с похитителями) сокращен.

493. «Пионер», 1946, № 2—3, с. 14; ИзП 1946. Печ. по ИзП 1959, с. 35. Перевод баллады «Robin Hood and the Butcher». *Робин Гуд* — легендарный разбойничий вождь, по преданию живший в Шервудском лесу со своими друзьями и со своим помощником — исполнителем по прозвищу Маленький Джон (XII век). См. также примеч. 494.

494. «Пионер», 1946, № 4, с. 7; ИзП 1946; СтСкП 1952. Печ. по Соч. 3, с. 626. Сохранилось начало раннего варианта перевода этой баллады. Перевод баллады «Robin Hood Rescuing Three Squires». Кроме этих двух, Маршак перевел и третью балладу о Робине Гуде, «Рождение Робина Гуда» (ИзП 1946).

495. ИзП 1946, с. 22, под загл. «Похоронная песня». Печ. по Соч. 3, с. 657. Перевод стих. «A Lykewake Dirge».

496—497. Ст41—46, с. 74, под общим загл. «Из неизвестных авторов XVI века». Печ. по Соч. 3, с. 664. Первая из песен — перевод четверостишия «O Western wind, when wilt thou blow...»; оригинал второй не установлен.

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Интерес Маршака к английской детской поэзии начинается во время его первой поездки в Англию, особенно же со времени жизни в тинтерской «Школе простой жизни», где народные детские песенки широко использовались в занятиях и в играх. «Здесь я впервые познакомился с народными балладами, рыцарскими и крестьянскими, и с великой россыпью детского фольклора — с песенками, считалками, прибаутками (Nursery rhymes), из которых родилась богатая английская поэзия для детей. Эти веселые и затейливые детские песенки почти непереводимы. И если мне удалось впоследствии воспроизвести многие из них на русском языке, то только благодаря тому, что я с детства знал и любил русский детский фольклор — все эти «Гори, гори ясно», «Дождик, дождик, перестань», «Бим-бом, тилл-бом, загорелся кошачий дом» и т. д.» (НМ, 1968, № 9, с. 160). Ср. письмо к А. Н. Аваковой от 2 апреля 1958 г., о том, что среди его переводов «есть переводы в точном смысле этого слова, но есть также свободные поэтические пересказы... К пересказам относятся

мои стихи из английской народной детской поэзии. Причудливое создание фольклора требует от поэта-переводчика еще большей свободы. Только в этом случае его пересказы могут передавать дух подлинника, причудливую словесную игру» (СС, т. 8, с. 324). Переводы английских детских песенок были одной из первых книг Маршака для детей («Дом, который построил Джек», 1923); затем он работал над ними особенно интенсивно в середине 1930-х годов (для ДкпД 1936 и журнальных публикаций), в первой половине 1940-х годов (для АБП и ИзП 1946) и со второй половины 1950-х годов. В общей сложности им переведено около 120 английских детских песенок.

* 498. ДкпД 1923, с. 1 (др. ред.). Печ. по ДкпД 1936, с. 39. Перевод стих. «This is the house that Jack. . .».

* 499. ДкпД 1923, с. 12; ДкпД 1936 (см. Др. ред.). Печ. по СПЗ 1939, с. 22. В ДкпД 1923 и далее загл. «Золотой кораблик»; окончательное загл. — в ДкпД 1936. В ПлГЛК вошло в сокращенной редакции. Перевод стих. «I saw a ship a-sailing. . .».

500. ДкпД 1923, с. 6. Печ. по Соч. 1, с. 346. Перевод стих. «Shoe the colt. . .».

501. ДкпД 1923, с. 14, без загл.; ДкпД 1925 под загл. «Мельницы»; ДкпД 1936; Соч. 1 под загл. «Дуйте, ветры». Печ. по автографу для СПЗ 1966. Перевод стих. «Blow, wind, blow! and go, mill, go! . . .».

502. ДкпД 1923, с. 23. Печ. по ДкпД 1936, с. 6. Перевод стих. «Humpty-Dumpty sat on a wall. . .». Ср. письмо Маршака В. К. Васенцовичу от 27 апреля 1959 г.: «Вы не напрасно искали какой-то смысл в этих стихах. Задолго до меня их перевел Фридрих Энгельс в своем письме Карлу Марксу. Перевел он эту шутливую песенку на латинский язык («Humptius-Dumptius»), чтобы доставить удовольствие своему другу. В песенке нет прямого указания на то, кто подразумевается под именем «Шалтая-Болтая» (Humpty-Dumpty), но есть основания предполагать, что она сочинена под влиянием французской революции и говорит о том, что разбитую вдребезги королевскую власть нельзя вновь собрать и склеить. . . Может быть, именно этот скрытый смысл и привлек внимание Энгельса». Маршак имеет в виду письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 4 декабря 1893 г. по поводу бесповоротности избирательной реформы в Австро-Венгрии (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 39, с. 153).

503. ДкпД 1923, с. 22; ДкпД 1936 под загл. «Сказка о старушке». Печ. по ПлГЛК с восстановлением ст. 12 по ДкпД 1923. Перевод стих. «There was an old woman as have heard till. . .».

504. ДкпД 1923, с. 16. Печ. по ДкпД 1936, с. 8. Перевод стих. «Three little kittens they lost their mittens. . .».

505. ДкпД 1923, с. 10, под загл. «Лошадь»; СПЗ 1935 под загл. «Прогулка верхом». Печ. по ИзП 1959. Перевод стих. «John Cook had a little grey mare: he, haw, hum! . . .».

506. ДкпД 1923, с. 26; СПЗ 1945, под загл. «Два котенка»; ИзП 1959, под загл. «А дело было ночью». Печ. по ПлПлК 1956, с. 20. Перевод стих. «Two little kittens one stormy night...».

* 507. ДкпД 1923, с. 20 (строфы 1—4), под загл. «Звероловы»; отд. изд. 1927 (др. ред.); ДкпД 1936. Печ. по СПЗ 1939, с. 157. Перевод стих. «The three jolly welshmen...».

508. СС, т. 2, с. 195. Автограф — среди первых переводов Маршака для ДкпД 1923. Перевод стих. «As I walked by myself...», считающегося сатирой на короля Вильгельма III (1688—1702).

509. «Радуга», М.—Л., 1926, с. 5; ДкпД 1936 под загл. «Раз, два, три, четыре». Печ. по «Для маленьких», М., 1964, с. 6. Перевод песенки «Hickory, dickory, dock, the mouse ran up the clock...».

510. «Еж», 1929, № 2, с. 19. Перевод стих. «For want of the nail the shoe was lost...».

511. «Радуга» 1926, с. 6; ДкпД 1936, под загл. «Семьдесят синичек, сорок семь сорок»; ПлПлК — сокращенный вариант, под загл. «Пирог». Печ. по Соч. 1, с. 358. Перевод стих. «Sing a song of sixpence...».

* 512. «Пионер», 1936, № 1, с. 17. Перевод стих. «The king of France went up the hill...».

513. «Пионер», 1936, № 1, с. 16; ДкпД 1936. Печ. по Соч. 1, с. 354. Перевод стих. С. Дж. Хейл (1788—1879) «Mary had a little lamb...».

* 514. ДкпД 1936, с. 32 (ср. Др. ред.), под загл. «Приключения в карточном домике». Печ. по Соч. 1, с. 345. Перевод стих. «The queen of hearts she made some tarts...».

* 515. «Пионер», 1937, № 7, с. 28, под загл. «Скрипачи и трубачи» (др. ред.); «Мурзилка», 1941, № 6. Печ. по ПлПлК, с. 18. В Соч., т. 1, и СПЗ 1957 и далее печатался другой вариант рефрена. Перевод стих. «Old king Cole was a merry old soul...» — традиционного начала многих английских детских песенников.

516. АБП 1941, с. 102, без загл.; загл. — с СПЗ 1945. Перевод стих. «If all the seas were one sea...».

517. БиПАН, с. 61. Перевод стих. «This is the key of the kingdom...».

518. «Мурзилка», 1943, № 7, с. 11. Перевод стих. «Bah, bah, black sheep, have you any wool...».

519. «Английские песенки», М., 1944, с. 12. В ИзП 1959 — под загл. «Честное слово». Перевод стих. «As I went to Bonner, I met

а pig...». В письме к Т. Г. Габбе от 28 октября 1942 г. Маршак называет это и предыдущее стихотворения в числе недавно написанных (см. СС, т. 8, с. 187).

520. АБП 1944а, с. 106. Перевод стих. «Pussy Cat, Pussy Cat, where have you been? ...».

521. ИзП 1946, с. 226. Печ. по ИзП 1959. Перевод стих. «I love sixpence, pretty little sixpence...».

522. ИзП 1946, с. 214. Перевод стих. «Three wise men of Gotham went to sea in a bowl...».

* 523. ИзП 1946, с. 216. Перевод стих. «Early to bed, early to rise...» (более точные варианты перевода см. в Др. ред.). Ср. стих. «Рано вставать, рано в кровать...» (№ 312).

* 524. ИзП 1946, с. 224. Перевод стих. «Ten little mice sat in a barn to spin...». Впоследствии Маршак напечатал две другие редакции этого стих.: «Пряхи» (ЛГ, 1963, 16 февраля) и «Помощница» («Неделя», 1964, № 21).

525. Ог, 1955, № 38, с. 21 (строфы 1—2). Печ. по Ог, 1961, № 48, с. 25. В большинстве изданий для детей (СПЗ, ИзП 1959) перепечатывалась редакция Ог, 1955. Перевод стих. «What are little boys made of...».

526. Ог, 1955, № 38, с. 20; Соч. I под загл. «Вечерний разговор». Печ. по СПЗ 1960, с. 752. Дата — в автографе. Перевод стих. «Dame Trot and her cat».

527. СС, т. 2, с. 189. Печ. по автографу. Оригинал не установлен.

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Вильям Шекспир (1564—1616) вошел в английскую литературу не только как величайший драматург, но и как лирик — автор сборника сонетов (издан в 1609 г.) и многочисленных песен, входящих в состав пьес. В одной из последних своих статей (незаконченной) Маршак писал: «Мне лично выпало на долю счастье и большая ответственность — перевести на русский язык лирику Шекспира, его сонеты... Шекспира часто трактовали как психолога, глубокого знатока человеческой природы. Сонеты помогли многим понять, что он прежде всего поэт и в своих трагедиях». И далее: «Нам легче понять Шекспира, чем нашим отцам и дедам. Нам довелось увидеть собственными глазами и ощутить всем своим существом крутые повороты истории. В такую эпоху, полную действия, в котором одни принимают участие добровольно и по убеждению, а другие — поневоле, нам кажутся убедительными шекспировские контрасты...» (СС, т. 6, с. 601, 599). До Маршака сонеты Шекспира неоднократно переводились на русский язык (полностью — Н. Гербелем и М. Чайковским), но ни один из этих переводов не стал «фактом русской

поэзии» (по выражению А. А. Фадеева о переводах Маршака — Восп., с. 7). Маршак впервые начал переводить два сонета Шекспира (32 и 66) во второй половине 1930-х годов, перевел большой цикл в 1945 г., а с 1946 г. приступил к полному их переводу, впервые изданному отдельной книгой в 1948 г. О принципах перевода сонетов Маршак писал так: «Фотографировать или копировать стихи, написанные на другом языке, нельзя и не стоит. Можно создать новые — русские — стихи, сохраняющие мысли, чувства, мелодию оригинала. Только тогда строки поэтического перевода могут войти в русскую поэзию». «Я адресую сонеты читателю XX века, и мне очень важно, чтобы до него дошел весь внутренний жар, таинский в оригинале, и то удивительное сочетание глубокой мысли и простодушия, которое заключено во многих строчках Шекспира... *Не в передаче стилистических архаизмов я видел свою задачу, а в сохранении того живого, что уцелело в сонетах до наших дней, что, конечно, переживет нас, наших детей и внуков*» (курсив Маршака). «Сознательно ли я стремился раскрыть смысл труднопонимаемых сонетов, или такое «комментирование» текста было актом бессознательным, стихийным? — Работая над поэтическим переводом сонетов, я не ставил перед собой тех задач, которые стоят перед комментатором. Но для того, чтобы перевести любую фразу, надо прежде всего ее понять. Нельзя перевести на чужой язык то, чего сам не понимаешь. А уж для того, чтобы перевести текст поэтически, надо не только понять его, но — гораздо больше того — надо прочувствовать, пережить, сделать своим. Разумеется, для этого поэт-переводчик должен раскрыть для себя — а заодно и для читателя — смысл каждой фразы. Но раскрыть не рассудочно, как это делает большинство комментаторов, а проникнув в то, что говорят уму и сердцу не только слова, но и мелодия стихотворного текста, и ритм его, и аллитерация — весь комплекс поэтических средств автора» (письмо к В. С. Рудину от 23 февраля 1952 г. — СС, т. 8, с. 256—261; ср. т. 6, с. 602—603). «Когда я переводил Шекспира, я думал, воображал вместе с ним и даже порой независимо от него. Часто я поступал так: переводя первую строчку, закрывал ладонью следующие, чтобы, следуя воображением за Шекспиром, не спугнуть вольный ход своих мыслей, и только потом сверял и корректировал» (Восп., с. 401).

528—532. Цикл двенадцати песен шута из трагедии «Король Лир» был переведен Маршаком ок. 1940 г. по просьбе Г. А. Козинцева (см. письмо к нему от 6 апреля 1963 г.) и предназначался для постановок трагедии в Малом театре в Москве и в Большом драматическом в Ленинграде. В написанной одновременно заметке «Шут короля Лира» Маршак писал: «Для того, чтобы перевести его стихотворные реплики, нужно сначала раскрыть, расшифровать подчас загадочный смысл подлинника, а потом вновь замаскировать его, облечь в уклончивую, игривую форму прибаутки. Пословица, поговорка трудно поддается переводу. Они своеобразны и сопротивляются пересадке на чужую почву. Буквальный перевод — слово за слово — может их убить. Для каждой шутки, для каждой половицы, для каждой присказки нужно найти в своем языке равноценную шутку, половицу, присказку. Только тогда перевод будет точен не в школьном, а в поэтическом смысле этого слова. Только тогда в нем можно будет

узнать подлинник. В этом-то и заключается сложность перевода песенок шута. Мне хотелось сохранить в переводе и предельную лаконичность подлинника, и его свободную непринужденность, которая заставляет верить в то, что каждая реплика шута рождается тут же на сцене, как острое словцо, сказанное вовремя и к месту, как счастливая импровизация...» (СС, т. 6, с. 402—403).

* 1. БиПАН, с. 49. Печ. по Соч. 3, с. 173. Эта и две следующие песни — из действ. 1, сц. 4 (шут сопровождает Лира, посещающего Гонерилью, которая его отвергает). Перевод песни «Have more than thou showest...».

2. БиПАН, с. 49. Перевод песни «The lord that counsel'd thee...».

3. БиПАН, с. 50. Перевод песни «The hedge-sparrow fed the cuckoo so long...».

4. БиПАН, с. 50. Перевод песни из действ. 2, сц. 4 (Лир и шут перед встречей с Реганой): «That sir which serves and seeks for gain...».

5. БиПАН, с. 50. Перевод «пророчества Мерлина», провозглашаемого шутом в бурную ночь на пустыре (действ. 3, сц. 2): «When priests are more in word than matter...».

533—571. 1. Зн, 1948, № 1, с. 111. Перевод сонета 8, «Music to hear, why hear'st thou music sadly?..»

* 2. ИзП 1946, с. 64 (одновременно Зн, 1947, № 1). Печ. по СШ 1948, с. 19. Перевод сонета 12, «When I do count the clock that tells the time...».

* 3. НМ, 1945, № 11—12, с. 193. Перевод сонета 19, «Devouring Time, blunt thou the lion's paws...».

4. Зн, 1948, № 1, с. 113. Перевод сонета 21, «So is it not with me as with that Muse...».

5. Зн, 1947, № 10, с. 144. Печ. по СШ 1948, с. 31. Перевод сонета 23, «As an imperfect actor on the stage...».

6. СШ 1948, с. 33. Перевод сонета 25, «Let those who are in favour with their stars...».

7. НМ, 1945, № 11—12, с. 194. Перевод сонета 27, «Weary with toil, I haste me to my bed...».

8. ИзП 1946, с. 72. Перевод сонета 30, «When to the sessions of sweet silent thought...».

* 9. Зн, 1943, № 4, с. 133. Печ. по Зн, 1947, № 1, с. 73. Перевод thou promise such a beatious day...».

10. ИзП 1946, с. 55 (одновременно Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 33, «Full many a glorious morning have I seen...».

11. НМ, 1945, № 11—12, с. 195. Перевод сонета 34, «Why didst thou promise such a beatious day...».

12. СШ 1948, с. 61. Перевод сонета 50, «How heavy do I journey on the way...».

* 13. ИзП 1946, с. 71. Печ. по Соч. 3, с. 62. Перевод сонета 54, «O how much more doth beauty beauteous seem...».

14. НМ, 1945, № 11—12, с. 197. Перевод сонета 55, «Nor marble, nor the gilded monuments...».

15. ИзП 1946, с. 68 (одновременно Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 58, «That God forbid that made me first your slave...».

16. ИзП 1946, с. 65 (одновременно Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 59, «If there be nothing new, but that which is...».

17. НМ, 1945, № 11—12, с. 196. Перевод сонета 60, «Like as the waves make towards the pebbled shore...».

18. ИзП 1946, с. 73 (одновременно Зн, 1947, № 1). Печ. по СШ 1948, с. 77. Перевод сонета 65, «Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea...».

19. АБП 1944а, с. 32. Печ. по Соч. 3, с. 74. Первый набросок перевода — в черновой тетради ок. 1938 г. Перевод сонета 66, «Tired with all these, for restful death I cry...».

* 20. НМ, 1945, № 11—12, с. 195. Печ. по СШ 1948, с. 83. Перевод сонета 71, «No longer mourn for me, when I am dead...».

21. НМ, 1945, № 11—12, с. 194. Печ. по СШ 1964, с. 84. Перевод сонета 72, «O lest the world should task you to recite...».

22. НМ, 1945, № 11—12, с. 196. Перевод сонета 73, «That time of year thou mayst in me behold...».

23. СШ 1948, с. 87. Перевод сонета 74, «But be contented: when that fell arrest...».

24. Зн, 1947, № 10, с. 145. Перевод сонета 76, «Why is my verse so barren of new pride...». Этот сонет Маршак цитирует в статье «О хороших и плохих рифмах» (СС, т. 7, с. 103) в осуждение погони поэтов за ложной оригинальностью.

25. НМ, 1945, № 11—12, с. 192. Перевод сонета 77, «Thy glass will show thee how thy beauties wear...».

26. НМ, 1945, № 11—12, с. 192. Перевод сонета 81, «Or I shall live your epitaph to make...».

27. Зн, 1947, № 6, с. 39. Печ. по СШ 1948, с. 105. Перевод сонета 90, «Then hate me when thou wilt; if ever, now...».

* 28. СШ 1948, с. 109. Перевод сонета 94, «They that have power to hurt and will do none...».

29. ИзП 1946, с. 63 (одновременно — Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 97, «How like a winter hath my absence been...».

30. ИзП 1946, с. 61 (одновременно — Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 93, «From you have I been absent in the spring...».

31. ИзП 1946, с. 69 (одновременно — Зн, 1947, № 1). Перевод сонета 102, «My love is strength'nd, though more weak in seeming...».

* 32. НМ, 1945, № 11—12, с. 193 (др. ред.). Печ. по СШ 1964, с. 119. Перевод сонета 104, «To me, fair friend, you never can be old...». О мотивах переработки для СШ 1964 Маршак писал К. И. Чуковскому (31 октября 1963 г.): «Никак не могу решить, стоит ли переадресовать два-три любовных сонета, которые Рауз считает явно относящимися к Саутгемптону. Ведь в английском языке родовых окончаний нет, а по-русски определенность в обозначении пола может придать сонетам ложный — уайльдовский — оттенок» (СС, т. 8, с. 506). Дело в том, что часть сонетов Шекспира обращена к другу, часть — к даме, а часть — из-за отсутствия в английском тексте родовых окончаний — может относиться и к тому и к другой. Маршак предпочитал относить такие сонеты к даме; но готовя изд. 1964, он все же восстановил в нескольких сонетах неясность обращения к адресату.

* 33. НМ, 1945, № 11—12, с. 196. Печ. по СШ 1964, с. 121. См. примеч. к предыдущему стиху. Перевод сонета 106, «When in the chronicle of wasted time...».

34. ЗН, 1948, № 1, с. 116. Перевод сонета 116, «Let me not to the marriage of true minds...».

35. НМ, 1945, № 11—12, с. 197. Перевод сонета 121, «T'is better to be vile than vile esteem'd...».

36. ИзП 1946, с. 62. Печ. по СШ 1948, с. 140. Перевод сонета 123, «No, Time, thou shalt not boast that I do change...».

37. НМ, 1945, № 11—12, с. 193. Печ. по ИзП 1946, с. 41. Перевод сонета 130, «My mistress' eyes are nothing like the sun...».

38. НМ, 1945, № 11—12, с. 195. Печ. по СШ 1948, с. 161. Перевод сонета 143, «Lo, as a careful housewife runs to catch...».

39. Зп, 1947, № 10, с. 148. Перевод сонета 146, «Poor soul, the centre of my sinful earth...».

572. ИзП 1946, с. 75. Перевод строф 44—54 из поэмы Шекспира «Венера и Адонис»; речь идет о коне красавца Адониса, героя поэмы, охотника, в которого влюблена Венера.

573—574. ИзП 1946, с. 81. Печ. по Соч. 3, с. 71—72. Перевод песен безумной Офелии из трагедии «Гамлет» (действ. 4, сц. 5): «How should I your true-love know...» и «To-morrow is Saint-Valentine's day...». Маршак перевел все три песни из этой сцены.

575. ИзП 1946, с. 79. Перевод песни из комедии «Много шума из ничего» (действ. 2, сц. 3) «Sigh no more, ladies...».

576. ИзП 1946, с. 83. Перевод заключительной песни из комедии «Двенадцатая ночь».

ИЗ ДЖОНА ДОННА

Джон Донн (1573—1631) — младший современник Шекспира, поэт и проповедник, один из величайших поэтов европейского барокко.

577. СС, т. 3, с. 181. Печ. по автографу ок. 1945. Это одно из самых известных произведений Дж. Донна — «Death, be not proud, thou some have called thee...» (из цикла «Священные сонеты»).

ИЗ ДЖОНА МИЛЬТОНА

Джон Мильтон (1608—1676) — классик английской поэзии, участник английской буржуазной революции, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Произведения, переведенные Маршаком (второе из них — первое печатное выступление Мильтона), принадлежат к самым популярным в его лирике.

578. АБП 19446, с. 43. Перевод сонета «On his Blindness».

579. Ог, 1957, № 25, с. 24. Перевод стих. «On Shakespeare».

Роберт Бернс (1759—1796) — великий шотландский поэт, национальная гордость шотландского народа. «Сегодня вы не найдете шотландца, который не знал бы наизусть стихов Бернса. Их читают и поют шахтеры и рыбаки, старики и школьники. Он стал как бы символом единства нации, его революционные стихи («Дерево свободы», «Честная бедность» и др.) сделались любимыми песнями и гимнами трудового народа. . . Мне лично довелось побывать в Шотландии, в тех местах, где жил и работал Бернс, только недавно. Возлагая на его могилу цветы от делегации советских писателей, я всем сердцем чувствовал, что это венок от всего нашего народа. . .» (С. Маршак, «Поэзия труда и мира». — «Народное образование», 1959, № 1, с. 82—83). «О Бернсе долгое время существовало ложное представление как о поэте-крестьянине, который кое-как, самоучкой одолел грамоту и овладел стихотворным искусством. Верно в этом только то, что Бернс и в самом деле был земледельцем и самоучкой. Как и Горький, он не окончил ни одной школы, но, судя по его стихам и свидетельству современников, он был по-настоящему образованным человеком, знал латинскую поэзию, читал французских поэтов, был настоящим знатоком английской классической поэзии, шотландского и английского фольклора» (там же). Именно такого Бернса — поэта высокой культуры — стремился передать в своих переводах Маршак. Он начал работать над Бернсом во второй половине 1930-х годов, опубликовал первые переводы в 1938—1939 гг., циклом переводов из Бернса открывается сборник АБП 1941; в 1947 г. они впервые были изданы отдельной книгой, и это собрание несколько раз переиздавалось, все более пополняясь. Хотя Бернс неоднократно переводился на русский язык и до Маршака (удачнее всего — М. Л. Михайловым), но именно переводы Маршака доставили ему самую широкую популярность в России. Заслуги Маршака-переводчика были отмечены соотечественниками Бернса — в 1959 г. он был избран почетным президентом Федерации Бернса.

580. ЛГ, 1938, 15 августа. Печ. по АБП 1944а, с. 46. Перевод песни «Is there for honest poverty. . .», написанной Бернсом в 1792 г. под впечатлением книги революционного публициста Т. Пейна «Права человека». Песня сложена на мотив народной шотландской песни с тем же припевом; среди песен Бернса многие являются такими «песнями на голос».

581. ЛГ, 1938, 15 августа, под загл. «Застольная». Печ. по РБ 1963, т. 1, с. 77. Перевод стих. «Auld Lang-Syne».

582. ЛГ, 1938, 15 августа. Перевод стих. «Robin». По преданию, такое предсказание младенцу было дано при рождении самого Бернса.

583. ЛГ, 1938, 15 августа. Перевод стихотворения «My heart's in the Highlands. . .». Речь идет о горной Шотландии, которая считалась оплотом старинной шотландской вольности и старинных шотландских прав.

584. ЛГ, 1938, 15 августа; РБ 1947; Соч. 3. Печ. по ИзП 1959, с. 122. Перевод песни «John Anderson, my jo, John...». В подлиннике песня представляет собой обращение старой жены к старому мужу; «я сознательно придал ему характер стихотворения о мужской дружбе» (письмо к Е. Мусяковой от 25 февраля 1959 г.). В варианте, печатавшемся между 1947 и 1959 г., Маршак смягчает резкость этой переработки, но потом возвращается к первоначальному тексту.

585. ЛГ, 1938, 15 августа, под загл. «Тебе одной»; заглавие снято для АБП 1941. Перевод стих. «O wert thou in the cauld blast...».

* 586. ЛГ, 1939, 20 июля (к 150-летию годовщины французской революции). Печ. по АБП 1941. Перевод стих. «The Tree of Liberty», которое представляет собой отклик Бернса на французскую революцию с ее праздничным обычаем сажать «деревья свободы».

587. «Молодая гвардия», 1939, № 4, с. 110. Перевод стих. «Macpherson's Farewell» — переработки народной песни о пирате Макферсоне, казненном в 1700 г.: по преданию, он играл эту песню на скрипке перед виселицей, предложил свою скрипку тому из его клана, кто сыграет эту песню над ним после смерти; никто не вызвался, он разбил скрипку о голову палача и сам прыгнул с помоста.

588. Кр, 1939, № 18, с. 4; «Молодая гвардия», 1939, № 8, под загл. «Кто к нам стучится?». АБП 1941. Печ. по АБП 1944а, с. 27. Перевод стих. «Wha is that at my bower door?..» *Финдлей* — имя акцизного инспектора, начальника Бернса по службе.

589. АБП 1941, с. 24, под загл. «Дженни». Печ. по РБ 1950, с. 72. Пер. стих. «Coming through the gye...».

590. «Красная новь», 1941, № 4, с. 110, под загл. «Песня». Печ. по АБП 1941. Перевод стих. «Thou hast left me ever, Jamie...».

591. Зн, 1943, № 4, с. 132. Печ. по РБ 1950, с. 32. Первый набросок перевода — в черновой тетради ок. 1936 г. Перевод баллады «John Barleycorn», «частично написанной по плану одноименной старинной песни» (по словам Р. Бернса),

592. НМ, 1946, № 6, с. 85. Печ. по ИзП 1946, с. 91. Перевод стих. «The Winter of Life».

593. НМ, 1946, № 6, с. 88, без загл.; ИзП 1946 под загл. «Застольная»; РБ 1947 под загл. «Молитва перед обедом». Печ. по РБ 1957, с. 155. Автограф второй половины 1930-х годов. Перевод «The Selkirk Grace» («Some ha'e meat and sappa eat...») — экспромта, произнесенного Бернсом вместо предобеденной молитвы на званом обеде у лорда Селькирка.

594. НМ, 1946, № 6, с. 84; Ст 1946 под загл. «Уговор». Печ. по РБ 1957, с. 126. Перевод песни «O, whistle, and I'll come to you...». Песня имеет двухстрофный вариант, также переведенный Маршаком.

595. НМ, 1946, № 6, с. 89. Перевод стих. «The lass that made the bed to me. . .». Примеч. Бернса: «„Та, что постлала мне постель“ — эта песня сложена о любовном походе Карла II в ту пору, когда он скрывался на севере, близ Эбердина, в годы узурпации» (имеется в виду Карл II, будущий английский король (1660—1685), в годы английской революции скрывавшийся в Шотландии).

596. ИзП 1946, с. 97. Перевод стих. «O my love is a red, red rose. . .».

597. Ог, 1946, № 29, с. 8. Перевод незаконченного наброска Бернса «There was a bonnie lass. . .».

598—601. Песни из кантаты «Веселые нищие» («Jolly Beggars»), переведенной Маршаком полностью.

1. Ст 1946, с. 38. *Абрамов курган* — место битвы англичан с французами близ Квебека в 1759 г. *Элиот* — генерал, защищавший Гибралтар от испанцев в 1782 г. Некоторые другие исторические реалии исключены Маршаком при переводе.

2. Зп, 1943, № 4, с. 133. Печ. по РБ 1947, с. 73.

3—4. РБ 1947, с. 75. *Кастальские воды* — источник на Парнасе, посвященный Аполлону и музам.

602. НМ, 1950, № 1, с. 247. Перевод стих. «To a Kiss».

603. НМ, 1950, № 1, с. 252; СтСкП 1955. Печ. по РБ 1957, с. 411. Перевод поэмы «Tam O'Shanter». Место действия поэмы — заброшенная Аллоуэйская церковь, где был погребен отец Бернса; Бернс посоветовал известному антиквару Ф. Гроузу описать эту церковь, записал для него три легенды о ней и на сюжет одной из них сочинил свою поэму — одно из самых знаменитых своих произведений. *Старый Ник* — см. примеч. 20. *Джиг* — название танца.

604. РБ 1950, с. 134. Перевод стих. «Address to a Toothache».

605. РБ 1950, с. 139. Перевод стих. «Green grow the rushes, o!»

606. РБ 1950, с. 80 (строфы 1—4, без заглавия); НМ, 1952, № 11 (полностью). Печ. по РБ 1959, с. 106. Перевод стих. «Of a' the airts the wind can blaw. . .». «Эту песню я написал для миссис Бернс в наш медовый месяц» (примеч. Бернса).

607. РБ 1950, с. 172. Перевод стих. «Verses Written on a Window of the Inn at Carron».

608. Зп, 1950, № 8, с. 115. Перевод стих. «To John Taylor», обращенного к кузнецу из местечка Венлокхед, не желавшему подковать лошадь Бернса.

609. Зп, 1950, № 8, с. 115. Перевод стих. «The Joyful Widower».

610. Зп, 1950, № 8, с. 114 (под загл. «Незаконнорожденному ребенку»); РБ 1950. Печ. по СтСкП 1952, с. 196. Перевод стих. «The Poel's Welcome to His Illegitimate Child».

611. НМ, 1952, № 4, с. 121 (строфы 1, 2, 4, 6, под загл. «Гост»). Печ. по СтСкП 1955, с. 251. Перевод стих. «Here's a health to them that's awa!» — подражания старой якобитской песне. Посвящено борцам за независимость Шотландии, сочувствовавшим идеям французской революции; *Чарли, Тэмми* — Чарльз Фокс, Томас Эрскин, вожди парламентской оппозиции. Конец стихотворения с упоминанием других современных деятелей пропущен в переводе.

612. НМ, 1952, № 11, с. 192 под загл. «Прощание». Печ. по РБ 1957, с. 247. Перевод стих. «Ae fond kiss, and then we sewer...», обращенного к «Кларинде» — А. Мак-Лноз, эдинбургской возлюбленной Бернса. Отрывок этого стихотворения известен в переводе М. Ю. Лермонтова («Если б мы не дети были...»).

613. НМ, 1953, № 9, с. 127. Перевод стих. «The War I murder hate, by field or flood...». Маршак цитировал это стихотворение в 1959 г. в своей речи на берисовском фестивале в Эйре.

614—620.

1. АБП 19446, с. 71, под загл. «Эпитафия на могиле сельского волокиты»; Кр, 1945, № 40; Соч. 3 — «Эпитафия сельскому волокиту». Печ. по РБ 1957, с. 347. Перевод эпитафмы «Epitaph on a Wag in Mauchline».

2. Кр, 1945, № 40, с. 10, без загл.; ИзП 1946 под загл. «Эпиграмма»; Из 1947 под загл. «К портрету аббата». Печ. по СтСкП 1955, стр. 370. Перевод эпитафмы «The Parson's Look».

3. НМ, 1946, № 4—5, с. 110, под загл. «Надпись на могиле школьного наставника». Печ. по СтСкП 1955, с. 371. Перевод эпитафмы «On a Schoolmaster».

4. НМ, 1946, № 4—5, с. 113, под загл. «В Лемингтонской церкви»; РБ 1947 под окончат. загл. Печ. по РБ 1957, с. 365. Перевод эпитафмы «On the Kirk of Lemington in Clydesdale», написанной Бернсом на своей церковной скамейке.

5. РБ 1950, с. 177. Перевод эпитафмы «Epitaph of John Bushby», на юриста и банкира в Дамфрисе.

6. НМ, 1950, № 1, с. 256, под загл. «Надпись на могильном камне»; Ст 48—51 — «Надгробная надпись»; РБ 1950 — «Надпись на камне»; Соч. 3 — «Прижизненная эпитафия издателю». Печ. по РБ 1957, с. 338. Перевод эпитафмы «On Wee Johnpu» — на Дж. Вильсона, издателя первого сборника его стихов.

7. Ог, 1956, № 1, с. 25. Перевод эпитафмы «On a Suicide».

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

Вильям Блейк (1757—1827) — английский поэт и художник предромантического поколения, мистик и визионер, близкий к идеям христианского социализма. Во вступительной заметке к первой публикации своих переводов «Из Вильяма Блэка» (СЗ, 1915, № 10) Маршак характеризует его так: «Поэт, живописец и гравер, Блэк дождался своего полного признания на родине только в наши дни, хотя писал во времена французской революции, до Вордсворта и Озерной школы. Вторая, вполне зрелая и оригинальная книга Блэка,

«Songs of Innocence» — «Песни невинности», появилась в 1789 году, то есть за 4 года до первого скромного дебюта Вордсворта, за 3 года до рождения Шелли и спустя год после рождения Байрона. Живое, необычное до того времени чувство природы, простота и ясность формы, глубина мистицизма и смелость воображения — все это оказалось выше понимания современников Блэка. Не только позднейшие «пророчества» и философские его поэмы не удостились типографского станка, но и детские ясные «Песни невинности» увидели свет исключительно благодаря тому, что поэт был гравером и оказался в состоянии собственноручно выгравировать их и отпечатать. Сын ремесленника, Блэк всю свою долгую, семидесятилетнюю жизнь провел в труде и бедности. Но жизнь эта была необыкновенно богата духовным содержанием. Блэк зарисовывал свои удивительные видения, являвшие ему образы демонической силы и ангельской нежности, беседовал с патриархами и пророками и терпеливо переносил нужду рука об руку со своей верной подругой — женой, одухотворенной Мэри Блэк» (обмолвка: жену Блэйка звали Катериной. — *Ред.*). Маршак «открыл» для себя Блэйка в Англии в 1912—1914 гг., тогда же начал его переводить (до него Блэйка переводил в России только Бальмонт), в 1915—1916 гг. напечатал в журналах первые свои переводы, готовил их к изданию отдельной книжкой (28 июля 1915 г. он писал Е. П. Пешковой: «Если мне удастся теперь как следует поработать, я постараюсь издать книжку зимой»; 31 января 1917 г. писал И. И. Горбунову-Посадову: «Небольшую книжку Блэка я понемногу готовлю, а также статью о нем и его отношении к ребенку»). Издание не состоялось. Маршак вернулся к Блэйку в 1940-х годах, напечатал несколько переводов в АБП и ИзП 1946; новый толчок публикациям переводов из Блэйка дал 200-летний юбилей Блэйка в 1957 г.; наконец, в 1962—1963 гг. он берется за составление сборника переводов из Блэйка, перерабатывает старые переводы, делает очень много новых, — однако сборник этот (ВБ) вышел уже после смерти поэта. В настоящем издании стихи Блэйка расположены в последовательности обращения к ним Маршака.

* 621. СЗ, 1916, № 3, с. 16 (др. ред.). Печ. по ИзП 1946, с. 116. Перевод стих. «Introduction» из сб. «Songs of Innocence». Ранний вариант перевода ближе к подлиннику, чем окончательный (как и во многих других переводах из Блэйка).

622. СЗ, 1915, № 10, с. 77. Печ. по автографу для ВБ. Перевод стих. «The Lamb» из того же сборника.

623. СЗ, 1915, № 10, с. 76. Печ. по ИзП 1946, с. 43. Перевод стих. «The Tiger» из сб. «Songs of Experience».

624. СЗ, 1915, № 10, с. 75. Печ. по АБП 1944а, с. 85. Перевод стих. «A Dream» из сб. «Songs of Innocence».

625. СЗ, 1916, № 3, с. 18. Печ. по автографу для ВБ. Перевод стих. «The schoolboy» из сб. «Songs of Experience».

* 626. СЗ, 1916, № 3, с. 21; АБП 1944а, под загл. «Весенний праздник в Лондоне (Святой четверг)»; ИнЛ, 1957, № 10. Печ. по авто-

графу для ВБ. Перевод стих. «Holy Thursday» из сб. «Songs of Experience». У Блейка есть еще одно стихотворение под таким заглавием (в сб. «Songs of Innocence»), также переведенное Маршаком.

* 627. «Аргус», 1917, № 3, с. 89 (др. ред.), под загл. «Маленький бродяга»; ИзП 1946, под загл. «Бродяжка». Печ. по ИнЛ, 1957, № 10, с. 201. В «Аргусе» — с примечанием: «Вильям Блэк, замечательный английский поэт второй половины XVIII и начала XIX в., не был ни атеистом, ни проповедником пьянства, как можно было бы судить по его стихотворению «Маленький бродяга», но, будучи истинно религиозным человеком, он ненавидел ханжество и лицемерие извращенных людьми религий, сделавших церковь темпой и холодной тюрьмой. Это он и выразил в своем стихотворении. — С. М.» Перевод стих. «The little vagabond» из сб. «Songs of Experience».

628. РМ, 1918, № 3—6, с. 135, под загл. «Песня цветка»; ИзП 1946, без загл. Печ. по ИнЛ, 1957, № 10, с. 198. Перевод стих. «The Wild Flower's Song».

629. РМ, 1918, № 3—6, с. 136. Печ по автографу для ВБ. Перевод одного из вступлений к «пророческой книге» «Мильтон» (всего Маршак перевел три отрывка из этой книги), получившего самостоятельную известность как хрестоматийное стихотворение и как религиозный и политический гимн. *И был ли здесь Ерусалим.* «Иерусалим называют Свободой среди детей Альбиона», — пояснял Блейк в книге «Иерусалим».

630. «Красноармеец», 1943, № 11, с. 16. Перевод стих. «A Poison Tree» из сб. «Songs of Experience».

631. ИзП 1946, с. 118. Перевод стих. «The Defiled Sanctuary» из сб. «Songs of Experience».

632. ИзП 1946, с. 115. Печ. по автографу для ВБ. Перевод стих. «London» из сб. «Songs of Experience».

633. ИзП 1946, с. 110, под загл. «Жизнь и смерть». Печ. по СтСкП 1955, с. 306. Перевод четверостишия «The sword sang on the barren heath. . .».

634. ИзП 1946, с. 109. Перевод стих. «Love's Secret».

635. ИзП 1946, с. 111. Перевод стих. «Infant Joy» из сб. «Songs of Innocence».

636. ИнЛ, 1957, № 10, с. 203. Автограф относится к 1940-м годам. Перевод стих. «The Crystal Cabinet».

637. Ог, 1957, № 50, с. 31, в разд. «Эпиграммы»; много рукописных вариантов (см. СС, т. 3, с. 797). Перевод стих. «Eternity» из цикла «Several Questions Answered».

638. ЛГ, 1957, 28 ноября (строфы 1—5); СС, т. 3, с. 792 (строфы 6—8). Перевод стих. «A cradle song» из сб. «Songs of Innocence».

* 639. ИнЛ, 1957, № 10, с. 193. Печ. по автографу для ВБ. Перевод стих. «The fly» из сб. «Songs of Experience».

640. НМ, 1965, № 6, с. 160 (строфы 1—6); СС, т. 3, с. 793 (строфы 7—9). Перевод стих. «On another's sorrow» из сб. «Songs of Innocence».

641. НМ, 1965, № 6, с. 161. Перевод стих. «The Human Abstraction». Маршак сильно изменил размер стиха (в подлиннике дольник) и стиль (подлинник суше, «абстрактнее»), приблизив их к манере, в которой он переводил сонеты Шекспира.

* 642. Вступительное четверостишие — Зн, 1943, № 11—12, с. 146 (ранний вариант, в автографе с датой 4 марта 1914 — см. Др. ред.). Двустихия публиковались частично в ИнЛ, 1957, № 10 с. 202; «Неделя», 1962, 3 ноября; НМ, 1965, № 6, с. 165. Печ. по автографу для ВБ. Примечание С. Маршака: «Мною переведена большая часть двустихий Вильяма Блейка, озаглавленных «Прорицания невинности». Точный порядок их не установлен. В разных английских изданиях они печатаются в различной последовательности. Это дает и мне право расположить их в том порядке, который представляется мне наиболее естественным и разумным». Перевод цикла «Auguries of Innocence». Вступительное четверостишие («To see the world in a grain of sand...») — одно из самых знаменитых стихотворений Блейка.

643. Частично — ИнЛ, 1957, № 10, с. 203. Печ. по автографу для ВБ, с. 175. Перевод избранных сентенций из пачала и конца цикла «Everlasting Gospel». *Милет* (Мелет) — обвинитель Сократа перед афинским судом; *Кайафа* — первосвященник, согласно Евангелию, осудивший Христа на казнь. *Ребенком он покинул дом* — см. Евангелие от Луки, 2, 43—50. «*Я духом нищ...*» — см. Евангелие от Матфея, 5, 3. *Не возмущал бы синагог...* — см. Евангелие от Луки, 4, 16—30; от Матфея, 21, 12—13.

644—648.

1. СтСкП 1955, с. 374. Печ. по ИзП 1959, с. 317. В Соч. 3 под загл. «Духовная беседа». Автограф ок. 1945 г. Перевод эпиграммы В. Блейка «An Answer to the Parson».

2. Ог, 1957, № 50, с. 31, под загл. «Отдых от любви». Печ. по ВБ, с. 130. Перевод эпиграммы В. Блейка «Grown old in love...».

3. Ог, 1957, № 50, с. 31. Перевод эпиграммы «Her whole life is an epigram...».

4. НМ, 1962, № 11, с. 76. Перевод эпиграммы «I asked my dear friend, orator Prig...». *Качества кисти*. Имеется в виду «широкий мазок» академической живописи, неавантжной Блейку; смысл эпиграммы: как нелеп ответ «оратора», так нелепы и притязания академических живописцев.

5. НМ, 1965, № 6, с. 163. Перевод эпиграммы «When France got free, Europe, 'twixt fools and knaves...», представляющей собой парафраз двустишия А. Попа.

ПЗ ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

Вильям Вордсворт (1770—1850) — поэт-романтик старшего поколения, один из самых почитаемых в Англии классиков. Одно из известнейших его стихотворений называется «Строки, написанные невдалеке от Тинтернского аббатства» — в местах, где жил Маршак во время первой поездки в Англию.

649. Сб. «У стен вавилонских», М, 1917, с. 35, под загл. «Вечный жид». Печ. по «Красная новь», 1941, № 4, с. 110. *Агасфер* — по еврейской и христианской легенде, человек, который оттолкнул от своей двери Христа, желавшего остановиться по пути на Голгофу, и за это был наказан бессмертием и вечным скитанием. Перевод стих. «Song for the Wandering Jew».

* 650. «Аргус», 1917, № 3, с. 81 (см. Др. ред.) Печ. по Ог, 1941, № 15, с. 8. Перевод стих. «To the Cuckoo».

651. Ог, 1941, № 15, с. 8 (часть 2); Зн, 1943, № 4, с. 134 (части 3—4). Печ. по Ст 41—46, с. 90. Перевод стихотворений 1, 4, 2 и 5 из цикла «Лису», написанного Вордсвортом в поездке по Германии и посвященного памяти его подруги детства; это одно из известнейших его произведений.

ПЗ ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА

Джордж Гордон Байрон (1788—1824) — поэт-романтик младшего поколения, из всех английских романтиков оказавший больше всего влияния на европейскую литературу. «Байрона я очень люблю, но переводил его мало», — писал Маршак (письмо школе-интернату слепых в Киеве, 19 января 1963 г.). Он перевел 8 лирических стихотворений Байрона и 10 сатирических эпиграмм; почти все эти переводы относятся к 1940-м годам.

652. ИзП 1946, с. 133, под загл. «Еврейская мелодия»; заглавие снято в Соч. 3. Перевод стих. «She walks in beauty...», открывающего цикл «Еврейские мелодии». Последние две строки внесены в перевод Маршаком.

653. ИзП 1946, с. 134. Перевод стих. «We'll go no more a-roving...».

654. ИзП 1946, с. 131. Перевод стих. «When we two parted...».

655. Зн, 1950, № 8, с. 113. Перевод стих. «Sun of the sleepless! melancholy star!...», известного также в переводе А. К. Толстого («Неспящих солнце!...»).

656, 657. Дж. Байрон, Избранное, М., 1951, с. 74. Перевод эпиграмм «On the Suicide of Castlereagh». *Кестльри Р.* — английский министр внутренних дел, один из вдохновителей европейской реакции, покончил самоубийством в 1822 г. *Катон* Марк Порций Младший (ок. 96—46) — политический деятель Древнего Рима, последователь республиканских порядков. Покончил с собой, потерпев поражение в гражданской войне 49—45 гг. до н. э.

ИЗ ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

Перси Биши Шелли (1792—1822) — друг Байрона, поэт английского революционного романтизма. В русской поэзии стал известен благодаря переводам К. Бальмонта, в годы молодости Маршака. Маршак перевел четыре стихотворения Шелли.

658. Зн, 1943, № 11—12, с. 146 (одновременно — «Британский союзник», 1943, № 36). Иная редакция — в кн. «Вересковый мед», М., 1947. Перевод стих. «The Winter».

659. Ст. 1946, с. 33. Перевод стих. «Song to the Men of England».

660. «Вересковый мед», М., 1947, с. 116. Перевод стих. «Summer and Winter».

ИЗ ДЖОНА КИТСА

Джон Китс (1795—1821) — английский поэт-романтик младшего поколения, безвременно умерший (эпиграмму Байрона на критиков, затравивших Китса, перевел Маршак). Маршак был одним из первых русских переводчиков Китса; цикл его переводов (преимущественно — сонеты), выполненных в годы войны, приводится здесь почти целиком.

* **661.** Зн, 1943, № 4, с. 134; «Пионер», 1943, № 5—6, под загл. «Сверчок и кузнечик». Печ. по Окт, 1945, № 10, с. 57. Первый набросок перевода — в черновой тетради ок. 1936 г. (см. Др. ред.). Перевод сонета «On the Grasshopper and Cricket».

662. ЛГ, 1945, 27 октября; одновременно — Окт, 1945, № 10, с. 57; Из 1947 под загл. «Сонет о славе»; ИзСт 1949 под загл. «О славе». Перевод сонета «Fame, like the wayward girl, will still be соy...».

663. Окт, 1945, № 10, с. 57. Перевод стих. «Sonnet Written in the Cottage Where Burns Was Born».

664. Окт, 1945, № 10, с. 58. Печ. по ИзП 1946, с. 140. Перевод стих. «Ode to Autumn».

665. Окт, 1945, № 10, с. 59. Перевод сонета «The Human Seasons».

666. Окт, 1945, № 10, с. 59. Перевод сонета «Why did I laugh tonight?..».

667. ЛГ, 1945, 27 октября; одновременно — Окт, 1945, № 10, с. 60. Перевод стих. «Sonnet on the Sonnet». *Царь Мидас* (греч. миф.) — фригийский царь, славился своим богатством; за спор с Аполлоном был наказан ослиными ушами, и скрывал эту тайну от всех.

668. Окт, 1945, № 10, с. 59; ИзП 1946. Печ. по Соч. 3, с. 468. Перевод сонета «To one who has been long in city pent...».

ИЗ АЛЬФРЕТА ТЕННИСОНА

Альфред Теннисон (1809—1892) — эпигон английского романтизма, поэт-лауреат при королеве Виктории. Маршак перевел три его стихотворения.

669. «Литература и искусство», 1943, 22 мая, без загл. Печ. по АБП 1944б. Перевод стих. «Break, break, break...», одного из известнейших произведений Теннисона.

ИЗ РОБЕРТА БРАУНИНГА

Роберт Браунинг (1812—1889) — поэт, продолжавший традиции английского романтизма в викторианскую эпоху. Маршак перевел два стихотворения Браунинга: «В Англии весной» и балладу «Флейтист из Гаммельна».

670. «Литература и искусство», 1943, 22 мая; АБП 1944б. Печ. по Соч. 3, с. 474. Перевод стих. «Home-thoughts from Abroad» («Заморские мысли о родине»), написанного в Италии.

ИЗ ЭДВАРДА ЛИРА

«Эдвард Лир (1812—1888) — один из классиков английской поэзии для детей. По профессии он был художник. Долгое время рисовал зверей и птиц для зоологического музея. Последние восемнадцать лет жизни болезнь заставила его провести вдали от родины, в Италии. Стихи для детей Эдвард Лир писал сначала как подписи под собственными рисунками. Так возникли его книги небывших и веселых чепух, ставших впоследствии знаменитыми во всем мире. Великолепный мастер стиха, он сочетает в своих книгах для детей неиссякающий юмор с мягкой лиричностью. Рассказывают, что Лир сам от души смеялся как ребенок, придумывая свои затейливые истории. Он оставил детям несколько веселых азбук в рисунках и стихах и много смешных историй, героями которых являются либо придуманные им веселые и милые чудачки, либо говорящие звери, птицы и вещи. Переводить Эдварда Лира очень трудно. Нелегко передать его разнообразный, гибкий ритм и мелодичность его стихов, воспроизвести на другом языке причудливую вереницу его образов. И все же я работал над переводами из Лира с живейшим интересом и удовольствием. Мне хотелось донести до моих читателей ту веселую игру, которая составляет сущность поэзии Эдварда Лира» (предисловие С. Маршака к публикации своих переводов в «Пионер», 1963, № 10). Маршак перевел 9 стих. Лира.

671. ИзП 1946, с. 208. Печ. по Or, 1961, № 46, с. 26. Перевод пролога к первой книге Лира «Book of Nonsense» (1846).

672. «Костер», 1946, № 4, с. 22. Печ. по Соч. 3, с. 535. Перевод стих. «The Nutcrakers and the Sugar-tongs».

673. ИзП 1959, с. 305, под загл. «Сова и кот». Печ. по кн.: Э. Лир, Прогулка верхом и другие стихи, М., 1962, с. 27. Перевод стих. «The Owl and the Pussy-Cat».

ИЗ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА

Льюис Кэрролл — псевдоним Ч. Л. Доджсона (1832—1898), профессора математики, священника и литератора-дилетанта, написавшего детскую сказочную повесть «Алиса в стране чудес» (1865), ставшую классическим произведением мировой детской литературы. Оба стихотворения, переведенные Маршаком, помещены в этой книге. Сохранились наброски его прозаического перевода «Алисы в стране чудес» (Арх.).

674. «Костер», 1946, № 7, с. 5. Перевод стих. «Will you walk a little faster? — said a whiting to a snail. . .».

675. ИзП 1946, с. 203. Печ. по Соч. 3, с. 538. Перевод стих. «You are old, father William. . .» — пародия на правоучительное стихотворение Р. Саути.

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) привлекал внимание Маршака еще в 1910-х годах, когда он собирался переводить его стихи для детей, пользующиеся в Англии широкой популярностью (см. письмо к И. Горбунову-Посадову от 31 января 1917 г.); но стихотворение «Вересковый мед» осталось единственным, переведенным Маршаком (наброски его — еще в черновиках 1920-х годов).

676. «Красная новь», 1941, № 2, с. 114; АБП 1941; СтСкП 1952. Печ. по Соч. 3, с. 495. Перевод баллады «Heather Ale». *Пикты* — древнейшие обитатели Шотландии, в позднейших народных преданиях — колдуны.

ИЗ АЛЬФРЕДА ЭДВАРДА ХАУСМЕНА

Альфред Эдвард Хаусмен (1859—1936) — поэт и ученый-филолог, один из последних представителей классической традиционной манеры в английской поэзии.

677. Or, 1957, № 25, с. 24. Печ. по Соч. 3, с. 528. Перевод стих. «Oh who is that young sinner. . .», считающегося откликом на процесс Оскара Уайльда в 1896 г.

678. Печатается впервые по черновому автографу 1950-х годов. Перевод стих. «Her strong enchantments failing. . .».

ИЗ ВИЛЬЯМА БАТЛЕРА ЙЕЙТСА

Вильям Батлер Йейтс (1865—1939) — английский поэт-символист, лауреат Нобелевской премии, много писавший на темы ирландского фольклора; в Ирландии он считается национальным поэтом. Маршаку он был близок еще с 1910-х годов как издатель и популяризатор В. Блейка.

679. АБП 1944б, с. 133. Печ. по Соч. 3, с. 525. Перевод стих. «The Fiddler of Dunny».

680. Ог, 1957, № 25, с. 24. Перевод стих. «An Old Song Resung».

ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

Редьярд Киплинг (1865—1936), популярный английский поэт и прозаик, привлек внимание Маршака прежде всего своими стихотворениями для детей из «Сказок» («Just So Stories»); для издания «Сказок» в переводе К. Чуковского (1923 и ряд переизданий) он перевел восемь стихотворений, примыкающих к этим сказкам. В сборнике «40 норд — 50 вест» (1931) к детским стихам уже было присоединено два стихотворения из числа «взрослых», а в 1940-х годах Маршак перевел еще шесть таких стихотворений.

681. Р. Киплинг, Сказки, 1923, с. 54; «Сказки», 1929; «40 норд — 50 вест». Печ. по «Сказки», 1933, с. 29. Перевод стих. «I've never sailed the Amazon...» (при сказке «Откуда взялись броненосцы»).

682. Р. Киплинг, Сказки, 1923, с. 9; «Откуда у кита такая глотка», 1926; «40 норд — 50 вест», 1931; «Сказки», 1933. Печ. по АБП 1944а, с. 88. Перевод стих. «When the cabin port-holes are dark and green...» (при сказке «Откуда у кита такая глотка»).

683. Р. Киплинг, Сказки, 1923, с. 33; «Отчего у верблюда горб», 1927; «40 норд — 50 вест», 1931; «Сказки», 1933. Печ. по АБП 1944а, с. 90. Перевод стих. «The Camel's hump is an ugly lump...» (при сказке «Откуда у верблюда горб»).

684. Р. Киплинг, Сказки, 1923, с. 26; «Сказки», 1929; «40 норд — 50 вест», 1931. Печ. по АБП 1944а, с. 89. Перевод стих. «I keep six honest serving-men...» (при сказке «Слоненок»).

685. Р. Киплинг, 40 норд — 50 вест, М.—Л., 1931; при жизни не перепечатывалось. Перевод стих. «Boots».

686. «Красная новь», 1911, № 4, с. 110. Публикация этого стихотворения — отклик Маршака на события начала второй мировой войны. Перевод стихотворения «Tommy Atkins». Томми Аткинс — прозвище английских солдат.

687. Ст 41—46, с. 112, под загл. «Сыну»; Соч. 3. Печ. по ИзП 1959, где восстановлен первоначальный текст. Перевод стих. «If», одного из самых «хрестоматийных» стихотворений Киплинга.

ИЗ ДЖОНА МЕЙСФИЛДА

Джон Мейсфилд (1878—1967) — английский поэт и драматург, продолжатель традиций реализма в английской поэзии XX в., в молодости был моряком.

688. Ог, 1957, № 25, с. 24. Перевод стих. «Sea-fever».

ИЗ ТОМАСА СТЕРНСА ЭЛИОТА

Томас Стернс Элиот (1888—1968) — крупнейший английский поэт XX века, нобелевский лауреат; сборник шуточных стихов в традиционной манере английской иронической поэзии «Old Possum's Book for Practical Cats», откуда переведено Маршаком это стихотворение, стоит в его творчестве особняком.

689. НМ, 1945, № 4—5, с. 114. Перевод стих. «Macavity: the Mystery Cat».

ИЗ АЛЕКСАНДРА АЛАНА МИЛНА

Александр Алан Милн (1882—1956) — английский детский писатель, «последний... прямой наследник традиций Эдварда Лира» (по выражению С. Маршака в письме к Г. И. Зинченко от 11 июля 1962 г.). Маршак перевел одно его стихотворение в 1945—1946 гг. и затем шесть других в 1962 г.

690. ИзП 1946, с. 210. Перевод стих. «The King's Breakfast».

691. Ог, 1962, № 34, с. 9. Перевод стих. «Disobedience». «Одно из переведенных мною стихотворений называется «Непослушная мама». В таких стихах меня пленяет радостное ощущение жизни, которого мне иной раз очень не хватает» (письмо к Г. И. Зинченко от 11 июля 1962 г.).

692. Ог, 1962, № 34, с. 9. Перевод стих. «At the Window». «Своим любимым» называет это стихотворение Милна Маршак в письме к Е. П. Пешковой от 29 августа 1962 г. (см. СС, т. 8, с. 441).

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ РАЗНЫХ ВРЕМЕН

«Англичане — любители и мастера юмора. Ни один тост, ни одна политическая речь или даже проповедь не обходится в Англии без острой приправы шутки или каламбура. Английская классическая эпиграмма славится изяществом и лаконичностью. Мы даем здесь и старые эпиграммы... и новые, большей частью безымянные — из тех, что рождаются чуть ли не каждый день в колледжах, лабораториях, редакциях. А рядом мы помещаем несколько прихотливых и причудливых народных песенок-прибауток, давно уже вошедших в антологию английской юмористической поэзии. Остроту, шутку, игру слов нельзя перевести с одного языка на другой буквально. Мы даем здесь эпиграммы и шутливые песенки в вольном переводе, пытаюсь, однако, сохранить в неприкосновенности их национальный

стиль и характер» (предисловие С. Маршака к публикации переводов английских эпиграмм в Ог, 1956, № 18, с. 25).

* 693. НМ, 1946, № 4—5, с. 110, под загл. «Эпитафия в Эльгинском соборе»; СтСкП 1952 под загл. «Надгробная надпись». Печ. по СатСЭП, с. 219. Перевод анонимной эпитафии из Эльджинского собора в северной Шотландии: «Here lie I, Martin Elginbrodde...».

694. НМ, 1946, № 4—5, с. 110. Печ. по СтСкП 1952, с. 264. Перевод эпиграммы Дж. Р. Гампльтона (род. 1888) на сюжет, восходящий к Лукиллию (I в.), «Good Mr. Fortune, A. R. A. ...».

695. НМ, 1946, № 4—5, с. 110, под загл. «Критику». Перевод эпиграммы М. Прайора (1664—1721) «Sir, I admit your general rule...».

696. НМ, 1946, № 4—5, с. 111. После Из 1947 при жизни не перепечатывалось. Перевод анонимной эпиграммы «Beneath this stone, in hope of Zion, doth lie the Landlord of the Lion...».

697. НМ, 1946, № 4—5, с. 111; ИзП 1946, под загл. «Надпись на могиле скряги»; СтСкП 1952 под загл. «На смерть скряги». Печ. по СатСЭП, с. 236. Оригинал не установлен.

698. НМ, 1946, № 4—5, с. 111, под загл. «Надпись на могиле факсельщика». Печ. по СтСкП 1952, с. 265. Оригинал не установлен.

699. НМ, 1946, № 4—5, с. 111. Перевод анонимной эпиграммы «Here sleeps in peace a Hampshire Grenadier...».

700. НМ, 1946, № 4—5, с. 111, под загл. «Эпиграмма». Печ. по Соч. 3, с. 577. Перевод двустушия, приписываемого А. Полу (1688—1744) «You beat your pate, and fancy wit will come...».

701. НМ, 1946, № 4—5, с. 112. Печ. по ИзП 1946, с. 179. Перевод эпиграммы Т. Сьюарда (1708—1790) на мотив Дж Хейвуда (XVI в.) «Seven wealthy towns contend for Homer dead...». Это — пародия популярной античной эпиграммы «Семь городов соревнуют за мудрого корень Гомера» — запись этой эпиграммы по-гречески сохранилась в архиве Маршака.

702. НМ, 1946, № 4—5, с. 112. Перевод стих. Т. Брауна (1830—1897) «I bended unto me a bough of May...». Маршак писал (к Г. И. Зинченко, 3 августа 1959 г.): «Я и сам люблю эти стихи и жалею о том, что включил их в раздел эпиграмм, не слишком подходящий для них». Однако он по-прежнему включал эту эпиграмму и в СатСЭП и в СатСт.

703. НМ, 1946, № 4—5, с. 112. Перевод стих. Ковентри Патмора (1823—1896) «I saw you take his kiss! — T'is true...».

704. НМ, 1946, № 4—5, с. 113. Перевод эпиграммы Г. Олдрича (1647—1710) «The Five Reasons for Drinking». Вольной вариацией

этой эпиграммы является восьмистишие «Ему, чтобы напиться пьяным...» (ЛГ, 24 апреля 1968).

705. ИзП 1946, с. 178. Перевод эпиграммы Дж. Харрингтона (1561—1612) «Treason doth never prosper; what's the reason?..».

706. ИзП 1946, с. 184. При жизни не перепечатывалось. Перевод анонимной английской эпиграммы, пересказывающей афоризм Вольтера «There's scarce a point whereon mankind agree...».

* 707. ИзП 1946, с. 185. Печ. по Соч. 3, с. 601. Перевод эпиграммы А. Попа (1688—1744) «Nature and Nature's laws lay hid in night...» и эпиграммы Дж. Сквайра (1884—1958) «It did not last: the Devil howling «Ho!»...».

708. ИзП 1946, с. 191; при жизни не перепечатывалось. Перевод эпиграммы Э. К. Бентли (1875—1956) «Georg the Third ought never to have occurred...» (из серии «Рифм на великих людей»); последние две строки прибавлены Маршаком. *Георг Третий* — английский король (1760—1820), душевнобольной, с 1811 г. официально отстраненный от правления.

* 709. Ог, 1956, № 18, с. 25. Автограф — ок. 1946 г. (переработка анонимной песенки «There was a young woman named Bright...»). В 1961 г. доцент А. И. Буткевич, используя эту эпиграмму в лекции по теории относительности, попросил С. Маршак изменить вторую строку, так как по теории относительности скорость больше скорости света невозможна. Маршак ответил: «Эпиграмма о ракете переведена мною точно. Очевидно, автор ее, говоря о том, что ракета «летит куда быстрее света», сознательно допустил такое преувеличение. Но для того, чтобы не вводить в заблуждение студентов, следует исправить эту строку таким образом: «Она летит чуть медленнее света». Это тоже будет преувеличением, но зато сохранит смысл остроты» (письмо 15 мая 1961 г.). Публикация этого исправления вызвала возражения читателей; в одном из них (доктора физико-математических наук Я. А. Смородинского) говорилось: «...Если изменить строку на «Она летит чуть медленнее света», то надо изменить «вчера» на «завтра». Но тогда от эпиграммы останется одна физика». С. Маршак отвечал на это: «Я получил много писем в защиту первого варианта эпиграммы «Сегодня в полдень пущена ракета» и очень пожалел, что слишком поспешно согласился с замечанием доцента А. Буткевича. Вы лучше, яснее и короче других разъяснили, в чем заключается неправильность и опасность педагогической критики эпиграмм» («Наука и жизнь», 1963, № 4, с. 63).

710. СС, т. 4, с. 141. Автограф ок. 1945 г. Перевод эпиграммы Дж. Гей (1685—1732), автора «Оперы нищих», «Life is jest, and all things show it...».

711. СС, т. 4, с. 143. Печ. по автографу ок. 1946 г. Перевод эпиграммы Х. Беллока (1870—1953) «When I am dead, I hope it may be said...».

712. Ог, 1956, № 18, с. 25, без эпиграфа. Печ. по СатСЭП, с. 209. Дата — по автографу. Перевод эпиграммы Р. Х. Лойнса «Scorn not the sonnet, though its strength be sapped...»; эпиграф — из сонета Вордсворта, использованный, между прочим, Пушкиным для стих. «Суровый Дант не презирав сонета».

713. Ог, 1955, № 38, с. 20, под загл. «Эпитафия». Печ. по Соч. 3, с. 612. Перевод анонимной эпиграммы.

* 714. Ог, 1956, № 18, с. 25. Печ. по СатСЭП, с. 215. Перевод анонимной песенки «There was a young lady of Riga...».

715. Ог, 1956, № 18, с. 25. Перевод эпиграммы Дж. Байрома (1692—1763) «God bless the king! I mean the faith's defender...» (в СС ошибочно приписано Дж. Байрону). *Претендент* — Карл-Эдуард Стюарт, внук Карла II, в 1745—1746 гг. поднявший в Шотландии безуспешное восстание против английской Ганноверской династии.

716. Ог, 1956, № 18, с. 25. Перевод эпиграммы О. Нэша (род. 1902) «Lather as you go (Beneath this slab...».

717. СС, т. 4, с. 156. Автограф ок. 1956. Перевод стих. Э. Лира (1812—1888) «There was an old man who said: «Hush!»...».

* 718. СС, т. 4, с. 150 (др. ред.). Печ. по автографу. Перевод анонимной эпиграммы «A cat may look at a king...».

719. СС, т. 4, с. 151. Печ. по автографу. Перевод анонимной эпиграммы «The rain it raineth every day...».

* 720. СС, т. 4, с. 163. Печ. по автографу (ср. Др. ред.). Перевод средневековой поговорки, популярной во время крестьянских волнений XIV века.

С НЕМЕЦКОГО

ИЗ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Стихи Генриха Гейне (1797—1856) Маршак переводил еще в гимназические годы (см. письмо к В. В. Стасову от 13 июня 1903 г.); перевод стихотворения «Психея» вошел в его лирический цикл, написанный в 1921—1922 гг. «Гейне очень близок к народной песне, к лирической балладе»; «Гейне в своих сложных лирических стихах чудесно сохраняет характер безыскусной, непосредственной, даже наивной народной песенки», — писал Маршак (письмо к В. Хорват от 20 апреля 1948 г.). Всего Маршак перевел тридцать шесть стихотворений Гейне, преимущественно лирических (из «Книги песен»); основная работа над ними приходится на 1950-е годы, основные публикации — в НМ, 1951, № 10 и 1957, № 6.

* 721. НМ, 1951, № 10, с. 133. Перевод стих. «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten...» из «Книги песен» (цикл «Возвращение на родину») — одного из самых знаменитых произведений Гейне, много-

кратно переведившегося на русский язык. Маршак работал над этим переводом особенно усердно, перевод имеет множество черновых вариантов (см. Др. ред.).

722. НМ, 1951, № 10, с. 133. Перевод стих. «Das ist ein Flöten und Geigen...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»).

723. НМ, 1951, № 10, с. 133. Перевод стих. «Wenn zwei von einander scheiden...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»).

724. НМ, 1951, № 10, с. 134. Перевод стих. «Die Botschaft» из «Книги песен» (цикл «Романсы»).

725. НМ, 1951, № 10 с. 131. Перевод стих. «Wenn ich an deinem Hause...» из «Книги песен» (цикл «Опять на родине»).

726. НМ, 1951, № 10, с. 133. Перевод стих. «Es ragt ins Meer der Runenstein...» из книги «Новые стихотворения» (цикл «Серафима»).

727. НМ, 1951, № 10, с. 132. Перевод стих. «Wandere!» из книги «Новые стихотворения» (цикл «Ollea»).

728. НМ, 1951, № 10, с. 136. Перевод стих. «Der Stoff, das Material des Gedichts...» из книги «Новые стихотворения» (цикл «Песни творения»). Первое четверостишие этого стих. Маршак взял эпиграфом к своей статье «О стихе работающем и праздном» (СС, т. 7, с. 63).

729. НМ, 1957, № 6, с. 120. Перевод стих. «Sie haben mich gequälet...» из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»).

С ВЕНГЕРСКОГО

ИЗ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

Из Шандора Петефи (1823—1849), великого венгерского поэта-романтика, героя революции 1848 г., Маршак в 1951—1952 гг. перевел четырнадцать стихотворений для «Собрания сочинений» Ш. Петефи, тт. 1—2, М., 1952.

730. НМ, 1951, № 8, с. 162, под загл. «Что тут за шумное веселье?». Печ. по СтСкП 1952, с. 321. Перевод стих. «Milyen lárma, milyen vígodalom...», написанного осенью 1848 г., в разгар венгерской революции.

731. НМ, 1951, № 8, с. 163, под загл. «Который стакан?». Печ. по СтСкП 1952, с. 329. Перевод стих. «Ivás közbén...». Давид — полуслегендарный царь Израильско-иудейского государства (кон. XI в. — ок. 950 до н. э.), ему приписывают составление псалмов. Фермопильское ущелье — узкий проход в Этейской возвышенности в Средней Гре-

нии, был местом важнейших военных событий в истории Древней Греции.

732. Ш. Петефи, Собр. соч., т. 1, М., 1952, с. 219, под загл. «Жизнь и смерть». Печ. по СтСкП 1952, с. 326. Перевод стих. «Élet, halál...».

С СЕРБСКОХОРВАТСКОГО

ИЗ ЙОВАНА ЙОВАНОВИЧА-ЗМАЯ

Йован Йованович (псевдоним — Змай) (1833—1904) — сербский поэт, автор лирических, общественно-публицистических, сатирических и детских стихов. Маршак перевел большой цикл детских стихов Змая в 1956 г. (пятнадцать стихотворений).

733. ЛГ, 1956, 26 июля. Перевод стих. «Поштенье».

734. ЛГ, 1956, 26 июля. Перевод стих. «У споменицу» («Коприва жеже — сви ми то знамо...»).

735. СС, т. 4, с. 475. Перевод стих «Лаж».

С ЧЕШСКОГО

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Маршак перевел двадцать восемь чешских народных песенок из сборника «Do kola», составленного П. Денком под редакцией Ст. К. Неймана. На русском языке они были изданы отдельной книгой («Хоровод») в 1955 г.

736. Ог, 1954, № 19, с. 20, под загл. «В хоровод!». Перевод стих. «Do kola!».

737. Ог, 1954, № 19, с. 20. В сборнике Денка оригинала нет.

738. Ог, 1954, № 19, с. 20. Перевод стих. «A bé cé dé en, předla kočka lep...».

739. Ог, 1954, № 19, с. 20. Перевод стих. «Lajdak zajiček».

740. «Пионер», 1954, № 6, с. 44. Перевод стих. «Na gatě».

ИЗ ОНДРЫ ЛЫСОГОРСКОГО

Ондра Лысогорский (псевд. Э. Гоя, род. 1905) — чешский поэт, пишущий на ляхском диалекте, антифашист, в годы второй мировой войны находился в эмиграции в СССР, где и было написано переведенное Маршаком стихотворение (1943).

741. О. Лысогорский, Песни о Солнце и Земле, М., 1945, с. 78. Пер. стих. «Sideľko na rodžim». Стихотворение посвящено Маршаку.

С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИЗ ДЖАННИ РОДАРИ

Джанни Родари (род. 1919) — итальянский поэт-коммунист, редактор детского отдела в газете «Уинита», автор сказочной повести «Приключения Чиполлино» (см. примеч. 438—439). Маршак перевел более восьмидесяти стихотворений Родари (преимущественно в 1952—1955 гг.). В предисловии к первой публикации своих переводов он писал: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя... Лаконичные, действенные, полные огня и задора строчки прославляют честный труд, свободу, мир. Серьезная и значительная тема сочетается в этих стихах с живым и своеобразным юмором. Они как нельзя более соответствуют детскому восприятию, детскому голосу. В них есть та причудливая игра, без которой немислимы стихи, входящие в детский обиход. Почти каждое из стихотворений затейливо задумано, полно неожиданностей... В некоторых своих переводах я отошел от буквальной точности, стремясь передать самую сущность свежих и непосредственных стихов итальянского поэта. Но иначе, я думаю, и нельзя перевести свободные и причудливые, часто основанные на забавной рифме стихи для детей» (ЛГ, 1952, 22 ноября).

742. ЛГ, 1952, 22 ноября. Печ. по СтСкП 1955, с. 538. Перевод стих. «Gli odori dei mestieri».

743. ЛГ, 1952, 22 ноября. Печ. по СтСкП 1955, с. 540. Перевод стих. «Gli colori dei mestieri».

744. ЛГ, 1953, 22 августа. Перевод стих. «La galleria».

745. ЛГ, 1953, 22 августа. Перевод стих. «Il treno merci».

746. Ог, 1953, № 20, с. 23. Перевод стих. «Venezia».

С ФИНСКОГО

ИЗ «КАЛЕВАЛЫ»

«Калевала» — карело-финский народный эпос, записанный в XIX в. и впервые изданный полностью Э. Лёнротом в 1849 г. Переводы трех отрывков из эпоса, сделанные Маршаком, были приурочены к празднованию 100-летия первого полного издания «Калевалы». Интерес к финской жизни и финской литературе Маршак проявлял еще в 1910-х годах, когда он подолгу жил в Финляндии; он перевел стихотворение финского поэта Л. Сойми, написал несколько

рассказов и очерков из финского быта. Впоследствии Маршак рассказывал Л. К. Чуковский: «Когда я прикоснулся к «Калевале», я был ошеломлен... Все в «Калевале» весомо, зримо — и люди, и звери, и вещи, и чувства, — это не стертая монета. Ее создал тот народ, который занимал когда-то пол-России. Это произведение великого народа». Особенно он отмечал плач матери над дочерью в руне «Айно»: «Кругом все такое узорное в стихе — река, три березы, кукушка. Узорные, причудливые строчки — но это не мешает открытой потрясающей скорби...» (СС, т. 7, с. 589).

747. «Молодой большевик» (Петрозаводск), 1949, 25 февраля; НМ, 1949, № 3; ИзСт 1949; ИзП 1959. Печ. по Соч. 4, с. 753, где восстановлен текст ИзСт 1949. Перевод второй половины руны 44. *Кантеле* — национальный музыкальный инструмент, род гуслей.

748. «На рубеже», 1950, № 12, с. 90. Печ. по ИзП 1959, с. 494. Перевод руны 4. *Манала* (финск. миф.) — царство мертвых.

С ЛАТЫШСКОГО

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Переводы двадцати двух латышских народных песен были сделаны Маршаком для «Антологии латышской поэзии» (Рига, 1955); с его работой над этими переводами связано стихотворение «Латвийским друзьям» (1961).

749. НМ, 1954, № 7, с. 193. В «Антологиях латышской поэзии» (Рига, 1955, с. 11 и М.—Л., 1959, с. 40) — вариант, более Маршаком не перепечатававшийся.

750. НМ, 1954, № 7, с. 194. Печ. по ИзП 1959, с. 472.

751. НМ, 1954, № 7, с. 194, без загл.; Соч. 1 под загл. «Дед и хмель». Печ. по СПЗ 1960, с. 779.

752. НМ, 1954, № 7, с. 194, без загл. Печ. по Соч. 1.

753, 754. НМ, 1954, № 7, с. 196.

755. НМ, 1954, № 7, с. 197.

С УКРАИНСКОГО

ИЗ ЛЕСИ УКРАИНКИ

Из Леси Украинки (псевдоним Л. П. Косач-Квитки, 1871—1913), великой украинской поэтессы, Маршак перевел девять стихотворений; работа над ними относится преимущественно к 1951 г.

756. СтСкП 1952, с. 346; СтСкП 1955. Печ. по автографу ок. 1957 г. Перевод стих. «Хто вам сказав, що я слабка...» (1911), не дописанного поэтессой; последняя строфа добавлена Маршаком.

757. Леся Украинка, Избранное, М., 1954, с. 78. Перевод стих. «Як дитиною, бувало...» (1897).

С АРМЯНСКОГО

ИЗ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Ованес Туманян (1869—1923) — классик армянской поэзии. «Пожалуй, никому из певцов конца XIX и первых десятилетий XX века так не подходит звание народного поэта, как Ованесу Туманяну. У него есть все, чем богат народ: тонкое чувство природы, глубокая мудрость, а главное — великая любовь к жизни и к человеку... Я рад, что мне удалось внести свою — правда, небольшую — долю в ответственное дело перевода чудесной поэзии Ованеса Туманяна на русский язык. Я перевел всего только две его стихотворные сказки, а также отдельные стихи, и могу сказать, что при всей трудности, с которой связана передача этих своеобразных, крепко связанных с национальной почвой стихов, работа над переводами была для меня истинной радостью. В каждой строчке я чувствовал ясную, добрую, по-детски чистую душу великого армянского поэта» (письмо Маршака к А. О. Туманяну от 10 июня 1962 г.).

758. «Чиж», 1939, № 4, с. 4 под загл. «Собака и кот»; Ованес Туманян, Избранное, 1945. Печ. по Из 1947, с. 277. Перевод стих. «Шун у катуи».

С ТАТАРСКОГО

ИЗ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Муса Джалиль (1906—1944) — татарский советский поэт, погибший в фашистском плену, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза и Ленинской премии. Всего Маршаком переведены три его стихотворения из «Моабитских тетрадей».

759. ЛГ, 1955, 9 июня.

С ЛИТОВСКОГО

ИЗ САЛОМЕН НЕРИС

Саломея Нерис (Бачинскайте-Бучене, 1904—1945) — литовская советская поэтесса, классик литовской поэзии.

760. «Смена», 1947, № 15, с. 14, без загл.; в альм. «Дружба народов», 1947, № 13, — под загл. «Мать и сын». Печ. по СтСкП 1952, с. 371. Перевод стих. «Ką pasakytu motinele», написанного в 1944 г.

С ЕВРЕЙСКОГО

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

761. СС, т. 4, с. 206. Печ. по автографу. Перевод песни «Хер, майн кинд, ви винти брумен...» неизвестного автора, написанной в Ошмянском гетто в Литве во время фашистской оккупации. Эта и следующая песни переведены Маршаком из сборника «Песни гетто» (Нью-Йорк, 1948).

762. Печатается впервые по автографу. Перевод песни «Ин а литвиш дерфл, вайт...» из того же сборника; автор — Х. Хитни, написано в Шяуляйском гетто после массовых умерщвлений детей в литовских гетто фашистскими оккупантами в марте 1943 г. См. примеч. 761.

763. СС, т. 4, с. 207. Печ. по автографу. Источник перевода не установлен.

ИЗ САМУИЛА ГАЛКИНА

Из Самуила Галкина, еврейского советского поэта и драматурга (1897—1960), Маршак перевел три стихотворения.

764. НМ, 1960, № 2, с. 78.

ИЗ ЛЬВА КВИТКО

Лев Моисеевич Квитко (1890—1952) — еврейский советский поэт, один из лучших мастеров советской детской лирики. Маршак высоко ценил его поэзию; Льву Квитко посвящены два его дружеских стихотворения-шутки.

765. Изв, 1936, 18 февраля (одновременно «Чиж», 1936, № 2, с. 1). Печ. по СПЗ 1939, с. 96. Перевод стих. «А брив Ворошилов!». В СПЗ 1942 — сокращенный вариант.

766. Изв, 1936, 10 мая. Перевод стих. «Дос фердл фун банахт».

767. Изв, 1936, 18 февраля. Печ. по ИзП 1959, с. 406. Перевод стих. «Дос жукл».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- А, Бс, Це («Знаешь буквы А, Бе, Це. . .») 649
Агасфер («Многочисленные потоки. . .») 588
Агнец («Агнец, агнец белый. . .») 568
«Агнец, агнец белый. . .» (Агнец) 568
«Адам пахал, его жена. . .» 636
Айно («Айно, дева молодая. . .») 662
«Айно, дева молодая. . .» (Айно) 662
Акула, гнена и волк («Кургузая злая гнена. . .») 355
«Алик — авиатор (это значит летчик). . .» (Живые буквы) 285
Ананасы всмятку («Я люблю ананасы, анчоусы, антракты. . .») 420
«Англичане, почему. . .» (Мужам Англии) 595
Антилопа-куду («Я — веселая малютка. . .», Детки в клетке, 4) 226
«Апрельский дождь прошел впервые. . .» 111
«Арапские» сказки немецкого верховного командования («Фашистский сумрачный калиф. . .») 363
«Африканец молодой. . .» (Слон, Детки в клетке, 14) 230
«Ах, маменька, в церкви и холод и мрак. . .» (Маленький бродяжка) 571
Аэроплан («Пошел Антоша в Летний сад. . .») 179
- Багаж («Дама сдавала в багаж. . .») 188
Баллада о двух сестрах («К двум сестрам в терем над водой. . .») 455
Баллада о королевском бутерброде («Король, его величество. . .») 623
Баллада о мельнике и его жене («Вернулся мельник вечером. . .») 466
Баллада о старом Вильяме («Папа Вильям, — сказал любопытный малыш. . .») 607
Барабан и труба («Жил-был на свете барабан. . .») 349
Барашек («Ты скажи, барашек наш. . .») 494
«Башня есть под Ленинградом. . .» (Часы на башне) 376
«Бедный маленький верблюд. . .» (Верблюд, Детки в клетке, 5) 227
«Бедный малый в больничном бараке. . .» (Эпитафия шоферу) 635
«Бедняжка-муха. . .» (Муха) 578
«Без музыки не может жить Парнас. . .» 148

- Безработные палачи («Не для торжественных речей...») 383
 «Бей, бей, бей...» (У моря) 602
 Белая почь («Это не дома, а корабли...») 160
 Белье медведи («У нас просторный водоем...», Детки в клетке, 7) 227
 «Берегись Николая Олейникова...» (Н. М. Олейникову) 423
 «Березка тонкая, подросток меж берез...» 154
 «Берете книгу и тетрадь...» (Откуда стол пришел) 260
 Берлинская эпиграмма («Год восемнадцатый не повторится ныне!...») 384
 Бессмертие («Года четыре был я бессмертен...») 128
 Бессмертие («По-русски говорим мы с детства...») 67
 «Бессонница...» (Третье послание Ольге Владимировне Федорченко) 434
 «Бессонных солнце — скорбная звезда...» (Солнце бессонных) 594
 «Блаженны те, кому дано...» 645
 «Блистательный мне был обещан день...» (Сонеты, 11) 505
 Боевое прощанье («Свежий холмик перед низким домом...») 366
 «Бой часов — как гул набата...» (Memento!) 421
 Бомбы и бомбоньерки («В Нью-Гавре (Америка, Коннектикут)...») 391
 Бор («Всех, кто утром выйдет на простор...») 106
 Босоножки («Потянулись босоножки...») 417
 «Время любви тяжело, если даже несут его двое...» 54
 «Бродили по дороге Дремота и Зевота...» (Дремота и Зевота) 243
 «Бывало, в детстве под окном...» 48
 «Бывало, полк стихов маршировал...» 129
 «Бывают и часы календарем...» 135
 «Был ослепительный июньский день...» (Лето и зима) 596
 «Был этот мир глубокой тьмой окутан...» (На Ньютона и Эйпштейна) 632
 «Была бы жалость на земле едва ли...» (Человеческая абстракция) 580
 «Была моя лошадь, как палка, худа...» (Верхом и пешком) 486
 Быль-небылица («Шли пионеры четвером...») 274
 «Быстро дни недели пролетели...» 118
 «Быть сегодня в Англии...» (В Англии весной) 602
 «Бьемся мы здорово...» (Суворовцы-чапаевцы) 361
 «Бьют вразброд часы стенные...» 69
 «Бьют его рукой и палкой...» (Загадки, 4) 354
- В Англии весной («Быть сегодня в Англии...») 602
 «В Америке юмор умер...» (Засекреченный юмор) 395
 В Архипелаге («Ты вся полна ночным виденьем...») 167
 В горах мое сердце («В горах мое сердце... Доныне я там...») 529
 «В горах мое сердце... Доныне я там...» (В горах мое сердце) 529
 В гостях у королевы («Где ты была сегодня, киска?...») 495
 «В день святого Валентина...» (Песни Офелии, 2) 522
 «В деревне парень был рожден...» (Робин) 528
 «В долинах ночь еще темнест...» 158
 В дороге («В сумерки весенние...») 105

- В защиту поэзии («Поэзия глупа! В суждении таком...») 629
- «В избе — изба...» (Загадки, 5) 233
- «В искусстве с незапамятных времен...» 134
- «В крошечный ад сегодня взят...» (Надпись на могиле школьного педагога) 566
- «В ладоши ладонью одной не ударишь...» (Песня о двух ладонях) 403
- В лондонском парке («Гайд-парк листвою сочною одет...») 117
- «В начале ночи озарилась...» (Зимняя луна) 166
- «В недобрый час я взял жену...» (Счастливый вдовец) 560
- В немецкой мертвецкой («Между трупов, как в мертвецкой...») 366
- «В ногу, в ногу, в ногу...» (Пехота в Африке) 617
- «В Нью-Гавре (Америка, Коннектикут)...» (Бомбы и бомбоньерки) 391
- «В одно и то же время океан...» (Надпись на книге переводов) 54
- «В одном мгновенье видеть вечность...» (Из «Прорицаний невинности») 581
- «В палату общин, в сумрачный Вестминстер...» (Новогодняя речь в парламенте 31 декабря 1938 года) 358
- В плен! («Попала в яму волчья стая...») 372
- В поезде («Где-то мы застигнули...») 159
- В поезде («Очень весело в дороге...») 70
- «В Полотняной стране...» (Загадки, 3) 233
- «В полутьме я увидел: стояла...» 111
- «В полях, под снегом и дождем...» 531
- В поход! («Вместе весна и лето...») 360
- «В пути с утра до первых звезд...» (Пешеход) 58
- «В своих портретах, как ни бился...» (На художника-портретиста) 629
- «В столице — трамваи, моторы...» (Масленица, 2) 414
- «В столичном немолкнущем гуде...» 117
- «В сумерки весенние...» (В дороге) 105
- «В такой обыкновенный день...» (Мать) 369
- «В тот зимний день Шаляпин пел...» (Шаляпин) 89
- «В туман одиноко я вышел...» 170
- «В эту ночь сердца и кружки...» (Вторая песня поэта, «Из каптаты «Веселые нищие», 4) 547
- «В эту пятницу утром...» (Русалка) 459
- «В ярость друг меня привел...» (Древо яда) 573
- «Вам сочинения Шекспира...» (И. И. Халтурину) 425
- Ванька-Встанька («Уснули телята, уснули цыплята...») 243
- (Р. Р. Васильевой) («Дача расписка...») 423
- «Вдали от Лондона синеющий туман...» (Из путевого альбома. Англия) 173
- «Ведро, полное росы...» 154
- Великан («Раз, два, три, четыре...») 288
- Великий немой («Давненько критика молчит...») 393
- Венеция («Глядит в лагуну старый мост...») 653
- Верблюд («Бедный маленький верблюд!...», Детки в клетке, 5) 227
- Вересковый мед («Из вереска напиток...») 608
- «Вернулся мельник вечером...» (Баллада о мельнике и его жене) 466

- Верхом и пшком («Была моя лошадь, как палка, худа...») 486
 Веселые чижи («Жили в квартире...») 213
 Веселый король («Старый дедушка Коль...») 492
 «Весной поросята ходили гулять...» (Поросята) 178
 «Ветер жизни тебя не тревожит...» 130
 «Ветерок бежит по саду...» (Дождь) 252
 Веточка («Пригнул я веточку весной...») 631
 «Ветром тучи нанесло...» 252
 «Вечерний лес еще не спит...» 97
 «Взгляни на маленьких совят...» (Совята, Детки в клетке, 16) 231
 «Видите поезд, углем нагруженный?...» (Товарный поезд) 653
 «Вижу: Чуковского мне не догнать...» (К. И. Чуковскому) 431
 «Владеет морем полная луна...» 138
 Владимир Стасов («Пыль над Питером стояла...») 79
 «Влажная печать признаний...» (Поцелуй) 548
 «Власть безграничная природы...» 144
 «Вместе весна и лето...» (В поход!) 360
 «Вовек не замрет, не прекратится...» (Кузнечик и сверчок) 597
 «Воды обыкновенной...» (Мыльные пузыри) 272
 Воздушная колыбельная («Есть детская кроватка...») 406
 «Возраст один у меня и у лета...» 123
 Война как таковая («Нет, война как таковая...») 374
 Война с Днепром («Человек сказал Днепру...») 219
 Вокзал («Нам открывается страна...») 69
 Волк и лиса («Серый волк в густом лесу...») 239
 Восемь строк про электроток («Электрорампочки-воровки...») 381
 «Вот вам ключ от королевства...» (Ключ от королевства) 493
 «Вот две капли дождевые...» (У окна) 628
 «Вот дом, который построил Джек...» (Дом, который построил Джек) 481
 Вот какой рассеянный («Жил человек рассеянный...») 210
 «Вот лягушка на дорожке...» (Лягушка на дорожке) 649
 «Вот набережной полукруг...» (Ялта) 90
 «Вот однокрылая сосна...» 48
 «Вот портфель, пальто и шляпа...» (Хороший день) 253
 «Вот так ночь! Ночь из ночей!...» (Песня нищих) 479
 «Вот черный памятник Петра...» (Современный Петербург, Петр) 415
 «Вошли с тобою мы на Садовой...» 102
 «Впервые на арене...» (Цирк) 344
 «Враги кричали: „Нет конца...“» (Ленинградское кольцо) 377
 «Все здесь давит. Как в могиле...» (Из цикла «Городские») 160
 «Все лучшее ты отдавала даром...» 129
 «Все мне детство дарило...» 139
 «Все те, кто дышат на земле...» 140
 «Все то, чего коснется человек...» 47
 «Все умирает на земле и в море...» 146
 «Все цветет по дороге. Весна...» (Встреча в пути) 49
 «Все это было мне знакомо...» (На родине Бернса) 104
 «Всегда шагаем мы вдвоем...» (Загадки, 8) 234
 Всем деревьям по подарку («От зарп вечерней яркой...») 674
 «Всем, чем судьба моя богата...» 130

- «Всемирной пользуется славой...» (Мысли вслух) 386
 «Всех, кто утром выйдет на простор...» (Бор) 106
 «Всех мочит дождик с высоты...» (Дождик) 635
 «Вскормил кукушку воробей...» (Песни шута, 3) 499
 «Вспоминаю этот вечер давний...» 94
 «Встало солнце огневое...» (Январский день) 372
 Встреча в пути («Все цветет по дороге. Весна...») 49
 Вступление к «Песням невинности» («Дул я в звонкую свирель...») 567
 «Всю жизнь любовью пламенной сгорая...» 587
 «Всю ночь полыхала, гремела гроза...» (После грозы) 688
 Вся Европа («Кличет Гитлер Риббентропа...») 361
 «Вся ее жизнь эпиграммой была...» (Искательнице успеха) 587
 «Вся жизнь твоя пошла обратным ходом...» 56
 Вторая песня поэта («В эту ночь сердца и кружки...», Из кантаты «Веселые нищие», 4) 547
 Вчера и сегодня («Лампа керосиновая...») 184
 Вчера я видел («Шумят деревья за моим окном...») 65
 «Вы дожили, Гнесин...» (М. Ф. Гнесину) 424
 «Вышли мыши как-то раз...» (Мыши) 489
 Вьюга («Вьюга снежная, пурга...») 266
 «Вьюга снежная, пурга...» (Вьюга) 266

- (Т. Г. Габбе) («Сказки, песни и загадки...») 428
 «Гайд-парк листвою сочною одет...» (В лондонском парке) 117
 (Б. Е. Галанову) («Милый критик, дружбы ради...») 428
 Галерея («Светлые рамы картин касались холодного пола...») 161
 (Н. М. Гальперниной) («Как прежде, я Надежде всреп...») 425
 Гвоздь и подкова («Не было гвоздя...») 489
 «Где вплотную, высок и суров...» (Дом в лесу) 53
 Где обедал, воробей? 231
 «Где-то девушка жила...» (Маленькая баллада) 544
 «Где-то мы застигнули...» (В поезде) 159
 Где тут Петя, где Сережа? («Друг на друга так похожи...») 327
 «Где ты была сегодня, киска?...» (В гостях у королевы) 495
 «Георг Третий...» (Эпитафия) 633
 «Глядит в лагуну старый мост...» (Венеция) 653
 (М. Ф. Гнесину) («Вы дожили, Гнесин...») 424
 «Говорила мышка мышке...» 410
 «Говорило яблоко...» 138
 «Говорит треска улитке...» (Морская кадрили) 607
 «Год восемнадцатый не повторится ныне!...» (Берлинская эпиграмма) 384
 «Года четыре был я бессмертен...» (Бессмертне) 128
 Голливуд и Гайавата («Если спросите: откуда...») 392
 Голос в лесу («Едва остановится дачный...») 62
 Гонец («Гонец, скачи во весь опор...») 638
 «Гонец, скачи во весь опор...» (Гонец) 638
 «Гораций с Овидием...» (Кандидаты в кандидаты) 396
 «Горб верблюжий...» 615
 «Гордый Гитлер прошлогодний...» (О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гитлера сегодня) 367

- «Горел костер под небом Крыма...» (Ночной костер) 136
 Городская елка («Приобрели ее не сразу...») 419
 Городу-герою («Я прохожу по улицам твоим...») 396
 «Гостит в Мадриде Симеон...» (Симеоны без короны) 401
 Графинья-цыганка («Цыгане явились на графский двор...») 471
 Гроза ночью («Грянул ночью гром весенний...») 65
 Гроза ночью («Мгновенный свет и гром впотьмах...») 74
 Гром в городе («Целый день он с нами прожил...») 74
 «Грушу о севере, о вьюге...» 169
 «Грянул гром неожиданно, наобум...» 97
 «Грянул ночью гром весенний...» (Гроза ночью) 65
- «Да будет мягким сердце, твердой воля...» 151
 Да будет свет («Да будет свет — веселый, яркий...») 384
 «Да будет свет — веселый, яркий...» (Да будет свет) 384
 «Да здравствует король...» (Тост за двоих) 634
 «Да неужто это пятый...» (Пятый стакан) 643
 «Дабы не мог тебя заставить свет...» (Сонеты, 21) 510
 «Давай посмотрим на часы...» 352
 «Давненько критика молчит...» (Великий немой) 393
 «Давно ли цвел зеленый дол...» 539
 «Давно скитаюсь — в пылкой радости...» 168
 «Даже по делу спеша, не забудь...» 106
 «Дали мне шесть пенсов...» (Песенка о шести пенсах) 495
 «Дали тувельки слону...» (Слон, «Детки в клетке», 1) 226
 «Дама бубен...» (Происшествие в карточном домике) 492
 «Дама сдавала в багаж...» (Багаж) 188
 «Дана лишь минута любому из нас...» (Минута) 99
 «Дана расписка...» (Р. Р. Васильевой) 423
 «Даю вам честное слово...» (Не может быть) 495
 «Два маленьких котенка...» (Котятка) 487
 «Два у Шнабеля сына, как и он, два кретина...» (Шнабель и его сыновья) 379
 20 июня — 7 июля («Простившись со Свеном Люкрапцем...») 440
 «Двадцать первого мая...» (Флаг над полюсом) 244
 Две песни из спектакля «Приключения Чиполлино» (1—2) 324
 «Двенадцать месяцев в году...» (Робин Гуд и шериф) 476
 «Двое перед разлукой...» 638
 «Декабрьский день в моей оконной раме...» 50
 «День стоял веселый...» (Друзья-товарищи) 238
 Дерево свободы («Есть дерево в Париже, брат...») 531
 «Держусь я только на ходу...» (Загадки, 5) 354
 Дети нашего двора 282
 «Дети спать пораньше лягут...» (Новый год) 289
 Детки в клетке (1—17) 226
 Детский дом в Ельне («На площади опустошенной...») 365
 «Джеймс, Джеймс Моррисон Моррисон...» (Непослушная мама) 626
 Лжон Андерсон («Джон Андерсон, мой старый друг...») 530
 «Джон Андерсон, мой старый друг...» (Джон Андерсон) 530
 Джон Ячменное Зерно («Грех королей разгневал он...») 537
 «Дикарка-слава избегает тех...» (Слава) 598

- Дня-радость («Мне только два дня...») 575
 «Длиннохвостый кенгуру...» (Кенгуру, Детки в клетке, 12) 229
 «Для пьянства есть такие поводы...» (О пьянстве) 632
 «Днем барон сказал крестьянам...» (Партизанский плакат) 365
 Доброе имя («Потомков ты приветствуешь веселым...») 57
 Дождик («Всех мочит дождик с высоты...») 635
 «Дождись, поэт, душевного затишья...» 141
 Дождь («Ветерок бежит по саду...») 252
 Дождь («По небу голубому...») 49
 «Дождь до заката. Капли на закате...» 162
 «Должно быть, ветер понемпожку...» (Из путевой тетради, 2) 153
 Дом в лесу («Где вплотную, высок и суров...») 53
 Дом, который построил Джек («Вот дом, который построил Джек...») 481
 Дом на слом («Здесь — между этих старых стен...») 398
 Домик в Литве («Над самым Неманом, в Литве...») 686
 Дон («Четыре года было мне...») 92
 Дон-Кихот («Пора в постель, но спать нам неохота...») 60
 «Дорого вовремя время...» (Надпись на часах) 52
 «Достойн чести юбиляр...» (О юбилее, 2) 432
 «Дочурка, пусть со мной беда...» (Моему незаконнорожденному ребенку) 561
 Древо яда («В ярость друг меня привел...») 573
 Дремота и Зевота («Бродили по дороге Дремота и Зевота...») 243
 «Друг на друга так похожи...» (Где тут Петя, где Сережа?) 327
 Друзья-товарищи («День стоял веселый...») 238
 Дуйте, дуйте, ветры! («Дуйте, дуйте, ветры...») 484
 «Дул я в звонкую свирель...» (Вступление к «Песням невинности») 567
 Думать воспрещается («Мои солдаты, вы должны...») 367
 Дурное воспитание («Из-за границ вернулся Фриц...») 380
 «Дыхание свободно в каждой гласной...» 151

 «Едва остановится дачный...» (Голос в лесу) 62
 «Ее глаза на звезды не похожи...» (Сонеты, 37) 518
 Ежели вы вежливы 322
 «Ему и ей посвящены сонеты...» (Надпись на книге сонетов) 68
 Если... («О, если ты покоен, не растерян...») 620
 Если бы да кабы («Кабы реки и озера...») 493
 «Если бы каждый, кто чем-то заведует...» 408
 «Если в стеклах каюты...» 614
 «Если спросите: откуда...» (Голливуд и Гайавата) 392
 «Есть дерево в Париже, брат...» (Дерево свободы) 531
 «Есть детская кроватка...» (Воздушная колыбельная) 406
 «Есть за границей контора Кука...» (Мистер Твистер) 304
 «Есть такой небольшой городок...» 92
 «Есть у меня шестерка слуг...» 616
 «Есть хотячая важность...» (Юность) 134

 Жаворонок («Так беззаботно, на лету...») 136
 Жалоба («О, как терплю я от жестокой моды...») 410
 «Желаю вам цвести, расти...» (Пожелания друзьям) 121

Железный плакат («Лом железный соберем...») 367
Женщина из Ашерс Велл («Жила старуха в Ашерс Велл...») 458
«Жжется более злая крапива...» (Крапива) 646
Живые буквы («Алик — авiator (это значит летчик)...») 285
«Жил-был на свете барабан...» (Барабан и труба) 349
«Жил на свете Маршак Самуил...» (Эпитафия самому себе) 429
«Жил человек рассеянный...» (Вот какой рассеянный) 210
«Жила-была девочка...» (Усатый-полосатый) 207
«Жила старуха в Ашерс Велл...» (Женщина из Ашерс Велл) 458
«Жили в квартире...» (Веселые чижы) 213
Жираф («Рвать цветы легко и просто...», Детки в клетке, 2) 226
Жучок («На улице ливень...») 693

«За деревней была трясна...» (Сундук) 241
«За лесом целый небосклон...» 161
«За несколько шагов до водопада...» 142
«За окнами сумрак ранний...» (Начало дня) 109
За тех, кто далёко («За тех, кто далёко, мы пьем...») 563
«За тех, кто далёко, мы пьем...» (За тех, кто далёко) 563
«Забыть ли старую любовь...» (Старая дружба) 527
«Завеса дыма с Волги, с Терска...» (450-летие Америки) 370
Загадки (1—8) 232
Загадки (1—6) 353
Завещание писателя («Пусть на моем напишут пьедестале...») 633
Заздравный гост («У которых есть, что есть...») 539
«Закатные храмы осенних садов...» 163
«Закону времени послушен...» (Е. И. Чарушину) 430
«Замерзший бор шумит среди лазури...» 61
«Замшелый мрамор царственных могил...» (Сонеты, 14) 507
Западный ветер («Из всех ветров, какие есть...») 558
«Западный ветер, повеи ты вьювь...» (Из позабытых песен, 1) 481
«Запахло вагонной печкой...» 175
«Зарезался он бритвой, но заранее...» (На самоубийство британского министра Кестльри, 2) 595
Засекреченный юмор («В Америке юмор умер...») 395
«Зачем вспахали этот луг...» (О чем разговаривали лошади, хомяки и куры) 333
Заяц-бездельник («Скачет заяц бороздой...») 649
Звезды в окне («Так много звезд теснится в раме...») 52
«Зверь в укротителе не должен чують мясо...» 146
«Здесь Джон покоится в тиши...» (Эпитафия бездушному дельцу) 566
«Здесь — между этих старых стен...» (Дом на слом) 398
«Здесь мой приют. Здесь Пушкин пятитомный...» (13 мая) 172
«Здесь я покоюсь — Джимми Хогг...» (Надпись на камне) 629
«Здравствуй, зимнее ненастье...» (На север) 169
Збры («Полосатые лошадки...», Детки в клетке, 15) 231
Зеленая застава («Над морем солнечной пшеницы...») 388
Зеленая семья («Он любовался рошей молодю...») 389
«Зеленый, топкий, длинный стебелек...» 103
Зима («Тоскует птица о любви своей...») 595
Зимний плакат («Ты каждый раз, ложась в постель...») 371

- Зимняя луна («В начале ночи озарилась...») 166
 Зимой в Москве («Когда столицу выбелит зима...») 101
 «Знаешь буквы А, Бе, Це...» (А, Бе, Це) 649
 Знаки препинания («У последней точки...») 331
 Знамя («Под графитным сводом Мавзолея...») 388
 «Зову я смерть. Мне видеть неветерпеж...» (Сонеты, 19) 509
 Золотая часовня («Перед часовней, у ворот...») 573
 Золото и серебро («Через пахарь в день рабочий...») 674
- «И были вы — в краях зимы...» (Первым борцам) 155
 «И вот Победа. Столько дней...» (Победа) 385
 «И поступь и голос у времени тише...» 49
 «И час настал. И смерть пришла, как дело...» 144
 Игра («Прошло полвека с этих пор...») 113
 «Из вереска напиток...» (Вересковый мед) 608
 «Из всех ветров, какие есть...» (Западный ветер) 558
 «Из-за границ вернулся Фриц...» (Дурное воспитание) 380
 Из кантаты «Веселые пиццы» (1—4) 544
 Из книги «Вечносущее Евангелие» («Христос, которого я чту...») 585
 Из «Песни песней» («Луч струится с небосклона...») 157
 Из позабытых песен (1—2) 481
 Из поэмы «Мильтон» («На этот горный склон крутой...») 572
 Из «Прорицаний невинности» («В одном мгновенье видеть вечность...») 581
 Из путевого альбома. Англия («Вдали от Лондона спускающий туман...») 173
 Из путевой тетради (1—3) 153
 Из цикла «Городские» 160
 «Из чего только сделаны мальчишки...» (О мальчишках и девочках) 496
 «Избави бог, меня лишивший воли...» (Сонеты, 15) 507
 Издателью («Хоть есть различная расценка...») 430
 «Инкогнито к нам едет ревизор...» 140
 Искательнице успеха («Вся ее жизнь эпиграммой была...») 587
 «Искусство строго, как монетный двор...» 150
 Исторiku-поэту («Не только тем прославлен Тарле...») 424
 «Исчезнет мир в тот самый час...» 137
 «Их девиз: натура — дура!...» (Освободители искусства) 418
 «Ищут пожарные, ищет милиция...» (Рассказ о неизвестном герое) 245
- «К восставшей Франции мошенники Европы...» 588
 «К двум сестрам в терем над водой...» (Баллада о двух сестрах) 455
 «К искусству нет готового пути...» 148
 К моему портрету («Я не молод — по портрету ж...») 429
 К портрету («У твоей постели скромной...») 137
 К портрету духовного лица («Нет, у него не лживый взгляд...») 565
 К приезду гостей («Кабы пыше снег да сани...») 412

- К югу от озера («К югу от озера Ильменя...») 373
 «К югу от озера Ильменя...» (К югу от озера) 373
 «Кабы нынче снег да сани...» (К приезде гостей) 412
 «Кабы реки и озера...» (Если бы да кабы) 493
 «Кажись, пожар?...» (Что горит?) 353
 «Как будто поезд перенес...» 165
 «Как быстро палящее солнце зашло...» (Из путевой тетради, 1) 153
 «Как в большом селе — славном Парголове...» (Трем богатырям со четвертым) 433
 «Как в толпе его найдем...» (Песни Офелли, 1) 522
 «Как вежлив ты в покое и в тепле...» 147
 «Как движется к земле морской прибой...» (Сонеты, 17) 508
 «Как зритель, не видевший первого акта...» 148
 «Как и сама ты предсказала...» (Марине Цветаевой) 132
 «Как лишний вес мешает кораблю...» 103
 «Как ни цветиста ваша речь...» 144
 «Как обнажаются судов тяжелых днища...» 145
 «Как поработала зима...» 98
 «Как празднично сад расцветила сирень...» (Счастье) 120
 «Как прежде, я Надежде верен...» (Н. М. Гальперинной) 425
 «Как прозрачно мое существованье!...» 115
 «Как птицы, скачут, и бегут, как мыши...» 51
 Как рубанок сделал рубанок («Старый рубанок...») 199
 «Как тот актер, который, оробев...» (Сонеты, 5) 502
 «Как тяжело мне, в пути взметая пыль...» (Сонеты, 12) 506
 «Как хорошо проснуться утром дома...» 154
 «Какая шутка — наша жизнь земная...» (Эпитафия самому себе) 633
 «Какие гости в комнате моей!...» 77
 «Какие тайны знает страсть...» (Люси) 590
 Какого цвета ремесла? («Цвет свой особый...») 652
 «Калитка в чаще. Белые березы...» (На рассвете) 162
 Кандидаты в кандидаты («Гораций с Овидием...») 396
 Кантата в память Антокольского («Рече господь: „Да будет муж великий...“») 155
 Карл и карлик («Удивился Карл Великий...») 397
 «Картавая лягушечья семья...» 109
 Карусель («Под шатром широким кругом...») 266
 Качели («На закате недвижимо...») 159
 Кенгуру («Длиннохвостый кенгуру...», Детки в клетке, 12) 229
 «Климу Ворошилову...» (Письмо Ворошилову) 688
 «Кличет Гитлер Риббентропа...» (Вся Европа) 361
 Ключ от королевства («Вот вам ключ от королевства...») 493
 Книжка про книжки («У Скворцова Гришки...») 295
 «Когда был черным этот лес...» (Чудо из чудес) 135
 «Когда верблюд, качаясь, нес...» (На верблюде) 436
 «Когда вы долго слушаете споры...» 78
 «Когда выхожу я утром...» 639
 «Когда еще был я зелен и мал...» (Песня шута) 523
 «Когда забрезживший рассвет...» 116
 «Когда, изведав трудности ученья...» 51

- «Когда, как темная вода...» 123
 «Когда меня отправят под арест...» (Сонеты, 23) 511
 «Когда мы попадаем в тесный круг...» 78
 «Когда на город ляжет тень...» (Тэм О'Шентер) 548
 «Когда на суд безмолвных тайных дум...» (Сонеты, 8) 504
 «Когда-нибудь, с течением веков...» 125
 «Когда откажется священник...» (Песни шута, 5) 499
 «Когда подумаю, что свет погас...» (О слепоте) 524
 «Когда столицу выбелит зима...» (Зимой в Москве) 101
 «Когда тебя женщина бросит — забудь...» 640
 «Когда холмы, поля, луга...» 76
 «Когда часы мне говорят, что свет...» (Сонеты, 2) 501
 «Когда читаю в свитке мертвых лет...» (Сонеты, 33) 516
 «Когда я на скрипке играю...» (Скрипач из Дуини) 612
 Колыбельная («Ночью ветер с жалким воем...») 685
 Колыбельная («Ныряет месяц в облаках...») 389
 Колыбельная («Спи, усни, мой медвежонок...») 672
 Колыбельная песня («Сон, сон, полог свой...») 577
 «Кольшутся тихо цветы на могиле...» 115
 П. П. Кончаловскому («Поэт, — ни в чем он не находит прозы...») 75
 Конь («Прислушайся, — из ближнего леса...») 520
 Корабельные сосны («Собираясь на север, домой...») 61
 Кораблик («Плывет, плывет кораблик...») 483
 Корней Иванович Чуковский...» (Послание семидесятипятилетнему К. И. Чуковскому от семидесятилетнего С. Маршака) 426
 Королева Британии тяжело больна...» (Королева Элипор) 468
 Королева Элипор («Королева Британии тяжело больна...») 468
 Королевский поход («По склону вверх король повел...») 490
 «Король, его величество...» (Баллада о королевском бутерброде) 623
 Король и кошка («На короля глядеть в упор...») 635
 Король и пастух («Послушайте повесть...») 461
 Кот и лодыри («Собирались лодыри...») 224
 Кот и сова («Кот и сова...») 605
 Кот-скорняк («Скорняжным теплым ремеслом...») 678
 «Который раз едим блины?..» (Масленица, 1) 413
 Котят («Два маленьких котенка поссорились в углу...») 487
 Крапива («Жжется больнее злая крапива...») 646
 «Красиво пишет первый ученик...» 148
 Красные чернила («На днях властями Таиланда...») 400
 Круглый год («Открываем календарь...») 262
 Кто вам сказал? («Кто вам сказал, что я хрупка...») 676
 «Кто вам сказал, что я хрупка...» (Кто вам сказал?) 676
 «Кто, злом владея, зла не причинит...» (Сонеты, 28) 514
 «Кто знает, сколько вдохновений...» (Эдип, разрешен...) 417
 «Кто там стучится в поздний час?..» (Финдлей) 535
 Кто колечко найдет? («Покатилось, покатилось...») 350
 «Кто морю возвратил тепло и свет?..» 76
 «Кто под звездой счастливою рожден...» (Сонеты, 6) 503
 «Кто служил только для того...» (Песни шута, 4) 499
 «Кто создает, тот мыслит щедро...» 129

«Кто стучится в дверь ко мне...» (Почта) 191
«Кто удержит радость силою...» (Летучая радость) 577
«Кто честной бедности своей...» (Честная бедность) 526
Кто этот грешник? («Кто этот грешник юный...») 611
«Кто этот грешник юный...» (Кто этот грешник?) 611
Кузнец («Эй, кузнец, молодец...») 484
Кузнецу («Устал в полете конь Пегас...») 560
Кузнечик и сверчок («Вовеки не замрет, не прекратится...») 597
Кукушка («Я слышу издали сквозь сон...») 589
«Кургузая злая гнена...» (Акула, гнена и волк) 355

«Лампа керосиновая...» (Вчера и сегодня) 184
Ландыш («Чернеет лес, теплом разбуженный...») 73
«Ласкают дыханье и радуют глаз...» 120
Лебеденок («Отчего течет вода...», Детки в клетке, 3) 226
«Лед идет, лед идет...» (Ледоход) 340
Ледоход («Лед идет, лед идет...») 340
«Лежу под камнем я — вдова...» (Эпитафия-объявление) 630
Ленинградское кольцо («Враги кричали: „Нет конца...“») 377
Лес («Многоэтажный этот дом...») 62
Летняя ночь на севере («На неизвестном полустанке...») 59
Лето и зима («Был ослепительный июньский день...») 596
Летучая радость («Кто удержит радость силою...») 577
«Литература, скажем, это — ванна...» 149
«Лом железный соберем...» (Железный плакат) 367
Лондон («По вольным улицам брожу...») 574
Лорелей («Не знаю, о чем я тоскую...») 637
Лошадка («Не слышали ночью...») 690
«Луна осенняя светла...» 164
«Луна ушла. Ее кочевья...» 174
«Луч струится с небосклона...» (Из Песни песней) 157
(А. И. Любарской) («Что такое «От А до Я»?...») 426
«Люблю, — но реже говорю об этом...» (Сонеты, 31) 515
«Люблю я летний час рассвета...» (Школьник) 570
Любовь («Любовь, как роза, роза красная...») 543
«Любовь, как роза, роза красная...» (Любовь) 543
«Люди пишут, а время стирает...» 127
Люси («Какие тайны знает страсть...») 590
Лягушка на дорожке («Вот лягушка на дорожке...») 649

Макавити («Макавити — волшебный кот...») 621
«Макавити — волшебный кот...» (Макавити) 621
Макферсон перед казнью («Так весело, отчаянно...») 534
Маленькая баллада («Где-то девушка жила...») 544
Маленькая неточность («Под этой скромной насыпью в могиле...») 634
Маленький бродяжка («Ах, маменька, в церкви и холод и мрак...») 571
Марише Цветаевой («Как и сама ты предсказала...») 132
Масленица (1, 2) 413
Мастер-ломастер («Я учиться не хочу...») 301
«Матерню песни, ее вещество...» 641

- Мать («В такой обыкновенный день...») 369
 Мать («Увидев каплю крови алой...») 684
 «Мгновенный свет и гром впотьмах...» (Гроза ночью) 74
 «Меди гулкие раскаты...» (Новый год) 387
 «Меж листьев зеленых...» (Песня дикого цветка) 572
 «Меж развалин Бруннен-платца...» (Смотреть запрещается) 376
 «Между трупов, как в мертвецкой...» (В немецкой мертвецкой) 366
 «Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья...» 140
 Мельник, мальчик и осел («Мельник на ослике...») 215
 «Мельник на ослике...» (Мельник, мальчик и осел) 215
 Memento! («Бой часов — как гул набата...») 421
 «Меня в горах застигла тьма...» (Ночлег в пути) 540
 «Меня волнует оклик этот вещный...» 71
 Мери и баран («У нашей Мери есть баран...») 491
 Меры веса («Писательский вес по машинам...») 401
 Меч и серп («Меч — о смерти в ратном поле...») 575
 «Меч — о смерти в ратном поле...» (Меч и серп) 575
 «Мешать соединенью двух сердец...» (Сонеты, 34) 517
 «Милый критик, дружбы ради...» (Б. Е. Галапову) 428
 Минута («Дана лишь минута любому из нас...») 99
 Мистер Твистер («Есть за границей коптора Кука...») 304
 «Мне был известен каждый пень...» 101
 «Мне показалось, что была зима...» (Сонеты, 29) 514
 «Мне прислал мой отец непонятный рецепт...» 95
 «Мне рассказывал смоленский...» («Не» и «ни») 370
 «Мне только два дня...» (Дитя-радость) 575
 «Много, много птичек...» (Птицы в пироге) 490
 «Многопенные потоки...» (Агасфер) 588
 «Многоэтажный этот дом...» (Лес) 62
 Моему незаконнорожденному ребенку («Дочурка, пусть со мной бе-
 да...») 561
 «Можно ль козам не бодаться...» (Хоровод) 648
 «Мои солдаты, вы должны...» (Думать воспрещается) 367
 «Мой веселый звонкий мяч...» (Мяч) 222
 «Мой друг, зачем о молодости лет...» (Начинающему поэту) 389
 «Мой старый, добрый друг Корней...» (К. И. Чуковскому) 431
 «Мой сын, смиренню учитесь у овец...» (Разговор духовного отца
 с прихожанином) 587
 Молодой Горький («Он сухощав, и строен, и высок...») 88
 «Молодой, седой и статный...» 124
 Море в степи («Среди степей плывут суда...») 396
 Мороженое («По дороге стук да стук...») 341
 Морская кадриль («Говорит треска улитке...») 607
 Морская лихорадка («Опять меня тянет в море...») 621
 «Морская ширь полна движенья...» 110
 «Моя душа, ядро земли греховной...» (Сонеты, 39) 519
 Мужам Англии («Англичане, почему...») 595
 «Музыкант, певец, рассказчик...» (Загадки, 1) 232
 Муравей и стрекоза («Работяга-муравей...») 416
 Муха («Бедняжка-муха...») 578
 «Мы в восторге от мистера Лира...» (Эдвард Лир о самом себе)

- «Мы видим движенье секунд и минут...» 99
 «Мы говорим, что убиваем время...» (О времени) 632
 «Мы жили лагерем в палатке...» 167
 «Мы знаем: время растяжимо...» 72
 «Мы к вам пришли...» (Стихи, написанные алмазом на окле гостиницы) 559
 «Мы любим в детстве получать подарки...» 152
 «Мы помним плач и шорох похоронный...» (Памяти Михоэlsa) 63
 «Мы принимаем все, что получаем...» 142
 «Мы солнца в дороге не видели днем...» («Солнышко») 73
 «Мы ходим ночью...» (Загадки, 3) 354
 Мыльные пузыри («Воды обыкновенной...») 272
 Мысли вслух («Всемирной пользуется славой...») 386
 Мыши («Вышли мыши как-то раз...») 489
 Мыши в амбаре («Мышки в амбаре задумали прясть...») 496
 «Мышки в амбаре задумали прясть...» (Мыши в амбаре) 496
 «Мятеж не может кончиться удачей...» (Простая истина) 632
 Мяч («Мой веселый звонкий мяч...») 222
- На верблюде («Когда верблюд, качаясь, нес...») 436
 «На вольной воле я блуждал...» (Хрустальный чертог) 576
 «На всех часах вы можете прочесть...» 71
 На далекой Амазонке 613
 «На днях властями Таиланда...» (Красные чернила) 400
 «На закате недвижимо...» (Качели) 159
 «На закате в тихой роще...» (Ожидание) 165
 «На земле так редко голубое...» 176
 «На короля глядеть в упор...» (Король и кошка) 635
 «На кровлях тихих дач и в поле на земле...» 163
 «На неизвестном полуостанке...» (Летняя ночь на севере) 59
 На Ньютона и Эйнштейна («Был этот мир глубокой тьмой окутан...») 632
 «На площади базарной...» (Пожар) 291
 «На площади опустошенной...» (Детский дом в Ельне) 365
 «На прутике записка...» (Эскимосская собака, Детки в клетке, 6) 227
 На рассвете («Калитка в чаще. Белые березы...») 162
 На родине Бернса («Всё это было мне знакомо...») 104
 На самоубийство британского министра Кестльри (1—2) 594
 «На свете жил вагон моторный...» 406
 «На свете старушка...» (Пудель) 197
 На север («Здравствуй, зимнее ненастье...») 169
 На смерть похоронных дел мастера («Оплакивал он многих — по профессии...») 630
 «На странный мост похожа ложь...» 647
 «На улице ливень...» (Жучок) 693
 На художника-портретиста («В своих портретах, как ни бился...») 629
 «На этот горный склон крутой...» (Из поэмы «Мильтон») 572
 «Над городом осенний мрак навис...» (Из путевой тетради, 3) 153
 «Над морем солнечной пшеницы...» (Зеленая застава) 388
 «Над пеною моря, раздумьем объят...» 640

- «Над прошлым, как над горною грядой. . .» 151
 «Над самым Неманом, в Литве. . .» (Домик в Литве) 686
 «Над страницами романа. . .» 407
 Надгробная надпись («Прошел Джон Бушби честный путь. . .») 566
 Надпись на камне («Здесь я покоюсь — Джимми Хогг. . .») 629
 Надпись на камне («Не жди, что весть подаст тебе в ответ. . .») 127
 Надпись на книге переводов («В одно и то же время океан. . .») 54
 Надпись на книге сонетов («Ему и ей посвящены сонеты. . .») 68
 Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка («Я, гренадер, лежу в земле сырой. . .») 630
 Надпись на могиле сельского волокиты («Рыдайте, скорбные мужья. . .») 565
 Надпись на могиле школьного педанта («В крошечный ад сегодня взят. . .») 566
 Надпись на урне («С тобою вместе враг твой был сожжен. . .») 131
 Надпись на часах («Дорого вовремя время. . .») 52
 «Нам открывается страна. . .» (Вокзал) 69
 «Нам с тобой не по дороге. . .» 156
 Напрасные усилия («Он долго в лоб стучал перстом. . .») 630
 «Нас петухи будили каждый день. . .» 72
 «Нас разлучил апрель цветущий, бурный. . .» (Сонеты, 30) 515
 «Насвистывая песню, почтальон. . .» 133
 «Настали сумрачные годы. . .» 687
 «Нахмурилась елка, и стало темно. . .» (После праздника) 60
 Начало века («Шумит-бурлит людской поток. . .») 86
 Начало дня («За окнами сумрак ранний. . .») 109
 Начинающему поэту («Мой друг, зачем о молодости лет. . .») 389
 Наш герб («Различным образом державы. . .») 386
 «Не бродить нам вечер целый. . .» 593
 «Не будь к сонету, критик, слишком строг. . .» (Не презирай сонета) 634
 «Не было гвоздя. . .» (Гвоздь и подкова) 489
 «Не для того, чтоб жить, он ест и пьет. . .» 147
 «Не для торжественных речей. . .» (Безработные палачи) 383
 «Не жди, что весть подаст тебе в ответ. . .» (Надпись на камне) 127
 «Не знает вечность ни родства, ни племени. . .» 53
 «Не знаю, когда прилетел соловей. . .» 107
 «Не знаю, о чем я тоскую. . .» (Лорелей) 637
 «Не» и «ни» («Мне рассказывал смоленский. . .») 370
 «Не маленький ребенок умер, плача. . .» 56
 Не может быть («Даю вам честное слово. . .») 495
 «Не надо мне ни слез, ни бледных роз. . .» (Эпитафия) 124
 «Не нахожу я времени примет. . .» (Сонеты, 32) 516
 «Не погрузится мир без нас. . .» 152
 «Не помогли ей чары. . .» (Царица тьмы) 612
 Не презирай сонета («Не будь к сонету, критик, слишком строг. . .») 634
 «Не слышали ночью. . .» (Лошадка) 690
 «Не соревнуюсь я с творцами од. . .» (Сонеты, 4) 502
 Не так («Что ни делает дурак. . .») 336
 «Не только тем прославлен Тарле. . .» (Исторнику-поэту) 424

- «Не хвастай, время, властью надо мной...» (Сонеты, 36) 518
 «Небо. Море...» (Песня) 136
 Невероятный случай («Он видел, как пташка с куста...») 635
 «Незнакомый полустанок...» 64
 «Нелегко человеку быть старым...» (О юбилее, 1) 432
 «Немало книжек выпущено мной...» 141
 Немецкая рота вполоборота («Такой ни в сказках, ни в рассказах...») 381
 Непослушная мама («Джеймс, Джеймс Моррисон, Мёррисон...») 626
 «Нередко для того, чтобы поймать...» (Сонеты, 38) 519
 «Нет, война как таковая...» (Война как таковая) 374
 «Нет злее ветра этих дней...» (Проповеднику Лемингтонской церкви) 566
 «Нет, нелегко в порядок привести...» 118
 «Нет, у него не лживый взгляд...» (К портрету духовного лица) 565
 «Нет, я не волк и не лиса...» (Собака динго, Детки в клетке, 13) 229
 «Неужели я тот же самый...» 112
 Неуклюжий жучок («Я, жучок, рубил сучок...») 648
 «Ни сил, ни чувств для ближних не щади...» 152
 «Но однажды он почув...» (Из Мидраша)
 Новая сказочка про дедку и репку («Посадил дедка репку...») 399
 Новогодняя речь в парламенте 31 декабря 1938 года («В палату общин, в сумрачный Вестминстер...») 358
 Новый год («Дети спать пораньше лягут...») 289
 Новый год («Меди гулкие раскаты...») 387
 Ночлег в пути («Меня в горах застигла тьма...») 540
 Ночной костер («Горел костер под небом Крыма...») 136
 «Ночью ветер с жалким воем...» (Колыбельная) 685
 «Нуждается ль, покинув этот мир...» (О Шекспире) 525
 «Нужна ли рифма, например...» (О рифме и прочем) 149
 «Нужна нам отвага...» 146
 «Нырнет месяц в облаках...» (Колыбельная) 389
- О времени («Мы говорим, что убиваем время...») 632
 О гвоздях («Стремясь к порядку приучить людей...») 393
 «О, если ты покоен, не растерян...» (Если...) 620
 «О, если ты тот день переживешь...» (Сонеты, 9) 504
 «О, как терплю я от жестокой моды...» (Жалоба) 410
 «О Кестльри, ты — истый патриот...» (На самоубийство британского министра Кестльри, 1) 534
 О мальчиках и девочках («Из чего только сделаны мальчики...») 496
 О моде («Ты старомоден. Вот расплата...») 149
 О, наши редакторы строчек и строф...» 406
 «О ней поют поэты всех веков...» 63
 О подхалимах-хамелеонах («Хамелеон неуловим...») 409
 О поцелуе («Он целовал вас, кажется?...») 631
 О пьянстве («Для пьянства есть такие поводы...») 632
 О рифме и прочем («Нужна ли рифма, например?...») 149
 О свинстве («Свиньи, склонные к бесчинству...») 410
 О скорби ближнего («Разве ближних вам не жаль...») 579

- О слепоте («Когда подумаю, что свет погас. . .») 524
 О том же («Я был в английском легком шлеме. . .») 437
 О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гитлера сегодня («Гордый Гитлер прошлогодний. . .») 367
 «О том, как хороша природа. . .» 97
 «О том, что жизнь — борьба людей и рока. . .» 150
 О чем разговаривали лошади, хомяки и куры («Зачем вспахали этот луг? . .») 333
 «„О чем твои стихи?“ — Не знаю, брат. . .» 142
 О Шекспире («Нуждается ль, покинув этот мир. . .») 525
 О юбилее (1, 2) 432
 О Ясной Поляне («Сыновья Толстого. . .») 411
 Обезьяна («Приплыл по океану. . .») 228
 Облава («Бежали женщины и дети. . .») 371
 Огни над Москвой («Ракеты летят, как цветные мячи. . .») 384
 «Огонь в ночи, огонь небесный. . .» 176
 Ода к зубной боли («Ты, завладев моей скулой. . .») 556
 Ожидание («На закате в тихой роще. . .») 165
 (Н. М. Олейникову) («Берегись Николая Олейникова. . .») 423
 «Он взрослых изводил вопросом „Почему? . .“» 143
 «Он видел, как пташка с куста. . .» (Невероятный случай) 635
 «Он долго в лоб стучал перстом. . .» (Напрасные усилия) 630
 «Он любовался рощей молодою. . .» (Зеленая семья) 389
 «Он не хотел писать о детской книжке. . .» (Про одного критика) 389
 «Он сухошав, и строен, и высок. . .» (Молодой Горький) 88
 «Он умер оттого, что был он скуп. . .» (Эпитафия скряге) 630
 «Он целовал вас, кажется? . .» (О поцелуе) 631
 «Она идет во всей красе. . .» 592
 «Она сидит у колыбелки. . .» 175
 «Они мои дни омрачали. . .» 641
 Опасный номер («Улыбались три смелых девицы. . .») 634
 «Оплакивал он многих — по профессии. . .» (На смерть похоронных дел мастера) 630
 «Определять вещам и людям цену. . .» 147
 «Опять меня тянет в море. . .» (Морская лихорадка) 621
 Освободители искусства («Их девиз: натура — дура! . .») 418
 Осень («Пора туманов, зрелости полей. . .») 599
 «От зари вечерней яркой. . .» (Всем деревьям по подарку) 674
 «Открываем календарь. . .» (Круглый год) 262
 Откуда стол пришел? («Берете книгу и тетрадь. . .») 260
 Отряд («Что там за прохожий. . .») 203
 Отчего кошку назвали кошкой («У старика и старухи. . .») 240
 «Отчего течет вода. . .» (Лебеденок, Детки в клетке, 3) 226
 «Очень весело в дороге. . .» (В поезде) 70

 Памяти Михоэлса («Мы помним плач и шорох похоронный. . .») 63
 Памятник («С твоей печальной матерью вдвоем. . .») 75
 «Папа Вильям, — сказал любопытный малыш. . .» (Баллада о старом Вильяме) 607
 «Пароход компании «Россия». . .» 126
 Партизанский плакат («Днем барон сказал крестьянам. . .») 365
 «Пела ночью мышка в норке. . .» (Сказка о глупом мышонке) 181

- Первая песня поэта («Я — лишь поэт. Не ценит свет. . .», Из кантаты «Веселые нищие», 3) 546
- «Первое сентября! . . .» (Первый день календаря) 234
- Первый день календаря («Первое сентября! . . .») 234
- Первый час сна («Почти до глаз — румянец щек. . .») 161
- Первым борцам («И были вы — в краях зимы. . .») 155
- Переводчику («Хорошо, что с чужим языком ты знаком. . .») 405
- «Перед часовой, у ворот. . .» (Золотая часовня) 573
- Перчатки («Потеряли котятки. . .») 485
- Песенка о шести пенсах («Дали мне шесть пенсов. . .») 495
- Песни шута из трагедии «Король Лир» (1—5) 498
- Песни Офелии (1—2) 522
- Песня («Небо. Море. . .») 136
- Песня («Растет камыш среди реки. . .») 557
- Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать. . .») 540
- Песня Балтазара («Что толку, леди, в жалобе. . .») 522
- Песня бродячего лудильщика («Я, ваша честь. . .», Из кантаты «Веселые нищие», 2) 545
- Песня дикого цветка («Меж листьев зеленых. . .») 572
- Песня нищих («Вот так ночь! Ночь из ночей! . . .») 479
- Песня о двух ладонях («В ладоши ладошкой одной не ударишь. . .») 403
- Песня о елке («Что растет на елке? . . .») 251
- Песня о желуде («С колпачком на голове. . .») 290
- Песня отставного солдата («Я воспитан был в строю, а испытан я в бою. . .» Из кантаты «Веселые нищие», 1) 544
- Песня Офелии («Как в толпе его найдем. . .») 522
- Песня Офелии («В день святого Валентина. . .») 522
- Песня про баню («Спасибо, спасибо. . .») 673
- Песня синьора Помидора («Я — синьор Помидор. . .», Две песни для спектакля «Приключения Чиполлино», 2) 325
- Песня Чиполлино («Я — веселый Чиполлино. . .», Две песни для спектакля «Приключения Чиполлино», 1) 324
- Песня шута из комедии «Двенадцатая ночь» («Когда еще был я зелен и мал. . .») 523
- Пехота в Африке («В ногу, в ногу, в ногу, в ногу. . .») 617
- Пешеход («В пути с утра до первых звезд. . .») 58
- Пингвин («Правда, дети, я хорош? . . .», Детки в клетке, 9) 228
- «Писательский вес по машинам. . .» (Меры веса) 401
- Письмо Ворошилову («Климу Ворошилову. . .») 688
- «Питает жизнь ключом своим искусство. . .» 151
- «Пишу я левою рукою эти строки. . .» (Стрекоза осенью) 650
- «Плоды в верхушках темных утопают. . .» 172
- «Плывет, плывет кораблик. . .» (Кораблик) 483
- «По большим путям Истории. . .» (Путь славы) 375
- «По вольным улицам брожу. . .» (Лондон) 574
- «По дороге стук да стук. . .» (Мороженое) 341
- «По небу голубому. . .» (Дождь) 49
- «По склону вверх король повел. . .» (Королевский поход) 490
- «По скользкому асфальту проходя. . .» (После дождя) 99
- По теории относительности («Сегодня в полдень пушна ракета. . .») 633

- Победа («И вот Победа. Столько дней...») 385
 «Под гранитным сводом Мавзолея...» (Знамя) 388
 «Под деревом — какая благодать!...» 58
 «Под Новый год пришел он в дом...» (Загадки, 1) 353
 «Под праздник, под воскресный день...» (Старуха, дверь закрой!) 267
 «Под шатром, широким кругом...» (Карусель) 266
 «Под этой скромной насыпью в могиле...» (Маленькая неточность) 634
 «Подними чуть заметный зеленый огонь...» 164
 «Подоткни мне одеяло...» 55
 Пожар («На площади базарной...») 291
 Пожелания друзьям («Желаю вам цвести, расти...») 121
 «Позвал я внука со двора...» (Разговор с внуком) 404
 «Покатилось, покатилось...» (Кто колечко найдет?) 350
 «Показывай меньше того, что имеешь...» (Песни шута, 1) 498
 «Полные жаркого чувства...» 128
 «Полосатые лошадки...» (Зебры, Детки в клетке, 15) 231
 «Помнит соловей, что северное лето...» 108
 «Помнишь, печалась...» (Расставание) 593
 «Попала в яму волчья стая...» (В плен!) 372
 «Пора в постель, но спать нам неохота...» (Дон-Кихот) 60
 «Пора туманов, зрелости полей...» (Осень) 599
 «Порой душа бывает так тверда...» (Случается порой) 683
 «Порой часы обманывают нас...» 117
 Поросята («Весной поросята ходили гулять...») 178
 «По-русски говорим мы с детства...» (Бессмертные) 67
 «Посадил дедка репку...» (Новая сказочка про дедку и репку) 399
 Послание семидесятипятилетнему К. И. Чуковскому от семидесяти-летнего С. Маршака («Корней Иванович Чуковский...») 426
 После грозы («Всю ночь поыхала, гремела гроза...») 688
 После дождя («По скользкому асфальту прохода...») 99
 После праздника («Нахмурилась елка, и стало темно...») 60
 «После яркого вокзала...» 177
 Последний сонет («У вдохновенья есть своя отвага...») 126
 Последний фонарь за оградой («Я еду в машине. Бензинная гарь...») 124
 «Послушайте повесть...» (Король и пастух) 461
 «Потеряли котятки...» (Перчатки) 485
 «Потомков ты приветствуешь веселым...» (Доброе имя) 57
 «Потянулись босоножки...» (Босоножки) 417
 Поцелуй («Влажная печать признаний...») 548
 «Поцелуй — и до могилы...» (Расставание) 564
 Почта («Кто стучится в дверь ко мне...») 191
 «Почти до глаз — румянец щек...» (Первый час сна) 161
 «Пошел Антоша в Летний сад...» (Аэроплан) 179
 «Поэзия глупа! В суждении таком...» (В защиту поэзии) 629
 «Поэт не стал далекой тенью...» (Бессмертные)
 «Поэт, — ни в чем он не находит прозы...» (П. П. Кончаловскому) 75
 «Правда, дети, я хорош?..» (Пингвин, Детки в клетке, 9) 228
 «Правда неразлучна с красотой...» (Л. И. Толстой) 426
 Праздник леса («Что мы сажаем, сажая леса?..») 217

- «Прекрасное прекрасней во сто крат. . .» (Сонеты, 13) 506
 «Прекрасный новый чемодан. . .» (Чемодан) 403
 «Преодолев столетий косность. . .» 406
 Привал в пути («Что тут за шумное веселье. . .») 642
 «Пригнул я веточку весной. . .» (Веточка) 631
 «Прикрытый лаврами разбой. . .» (Строчки о войне и любви) 564
 «Принялась она за дело. . .» (Загадки, 4) 233
 «Приобрели ее не сразу. . .» (Городская елка) 419
 «Приплыл по океану. . .» (Обезьяна) 228
 «Прислушайся, — из ближнего леска. . .» (Конь) 520
 «Пришел апрель. Звенит капель. . .» (Семь кругов) 251
 «Пришел из школы ученик. . .» (Про одного ученика и шесть единиц) 258
 Про гиппопотама («Уговорились я и мама. . .») 339
 Про одного критика («Он не хотел писать о детской книжке. . .») 339
 Про одного ученика и шесть единиц («Пришел из школы ученик. . .») 258
 «Пробираясь до калитки. . .» 536
 Прогулка верхом («Щипцы для орехов сказали соседям. . .») 604
 «Прожившему так мало бренных лет. . .» (Стихи, написанные в Шотландии в домике Роберта Бернса) 598
 Происшествие в карточном домике («Дама бубён. . .») 492
 Проповеднику Лемингтонской церкви («Нет злее ветра этих дней. . .») 566
 «Прославленный Василий Теркин твой. . .» 134
 Простая истина («Мятеж не может кончиться удачей. . .») 632
 «Простившись со Свеном Люкранцем. . .» (20 июня — 7 июля) 440
 «Проходя морским каналом. . .» 103
 «Прошел Джон Бушби честный путь. . .» (Надгробная надпись) 566
 «Прошло полвека с этих пор. . .» (Игра) 113
 Птицы в пироге («Много, много птичек. . .») 490
 Пудель («На свете старушка. . .») 197
 «Пускай бегут и после нас. . .» 152
 «Пускай стихи, прочитанные просто. . .» 149
 «Пустынный двор, разрезанный врагом. . .» 77
 «Пусть будет небом верхняя строка. . .» 142
 «Пусть на моем напишут пьедестале. . .» (Завещание писателя) 633
 Путник («Темно. И снег неслышно реет. . .») 171
 Путь славы («По большим путям Истории. . .») 375
 Пушкин («У памятника на закате летом. . .») 66
 Пушкинская дубрава («Три вековых сосны стоят на взгорье. . .») 66
 «Пыль над Питером стояла. . .» (Владимир Стасов) 79
 «Пьяный хмель и старый дед. . .» (Хмель и дед) 673
 Пятый стакан («Да неужто это пятый. . .») 643

 «Работяга-муравей. . .» (Муравей и стрекоза) 416
 Радуга-дуга («Солнце вешнее с дождем. . .») 348
 «Раз, два, три, четыре. . .» (Великан) 288
 «Разве ближних вам не жаль. . .» (О скорби ближнего) 579
 Разговор («Тетя Трот и кошка. . .») 497
 Разговор духовного отца с прихожанином («Мой сын, смиренню учитесь у овец. . .») 587

- Разговор с внуком («Позвал я внука со двора. . .») 404
 Разговор с малиновкой («Ты думал, мир не тот, не тот. . .») 135
 «Различным образом державы. . .» (Наш герб) 386
 Разноцветная книга («Эта страница зеленого цвета. . .») 269
 «Ракеты летят, как цветные мячи. . .» (Огни над Москвой) 384
 Рано в кровать 496
 Рано вставать, рано в кровать 236
 Распродажа («Сказать по правде, хорошо. . .») 394
 Рассвет («Рассвет — за окнами — неожиданный. . .») 171
 Рассвет в Финляндии («Скамья под обрывом намокла. . .») 131
 «Рассвет — за окнами — неожиданный. . .» (Рассвет) 171
 Рассказ о неизвестном герое («Ищут пожарные, ищет милиция. . .») 245
 Расставание («Помнишь, печалась. . .») 593
 Расставание («Поцелуй — и до могилы. . .») 664
 «Растет камыш среди реки. . .» (Песня) 557
 «Расти, дружок, и крепни понемножку. . .» 147
 «Рвать цветы легко и просто. . .» (Жираф, Детки в клетке, 2) 226
 «Рече господь: да будет муж великий. . .» (Кантата в память Антокольского) 155
 Роберту Бернсу («Тебе сегодня двести лет. . .») 121
 Робин («В деревне парень был рожден. . .») 528
 Робин Гуд и мясники («Спешите на улицу, добрые люди. . .») 472
 Робин Гуд и шериф («Двенадцать месяцев в году. . .») 476
 Рождение кантеле («Старый, вещий Вейнемейнен. . .») 655
 «Рокочит трубы оркестра. . .» 638
 Русалка («В эту пятницу утром. . .») 459
 «Рыдайте, добрые мужья. . .» (Надпись на могиле сельского волонки) 565
- «С колпачком на голове. . .» (Песня о желуде) 290
 «С малюткой я пережил снова. . .» 175
 «С презрением cedите вы: «Плебс!». . .» 407
 «С твоей печальной матерью вдвоем. . .» (Памятник) 75
 «С тобою вместе враг твой был сожжен. . .» (Надпись на урне) 131
 Сам по себе («Шел я сам по себе. . .») 488
 «Самый бойкий я рабочий. . .» (Загадки, 2) 232
 «Свежий холмик перед низким домом. . .» (Боевое прощанье) 366
 Сверхскоты («Чистота арийской крови. . .») 362
 «Светлые рамы картин касались холодного пола. . .» (Галереи) 161
 «Свиньи, склонные к бесчинству. . .» (О свинстве) 410
 «Свои стихи, как зелье. . .» 140
 Святой четверг («Чем этот день весенний свят. . .») 571
 «Себя, как плевел, вырвал тот. . .» (Эпитафия самоубийце) 567
 «Сегодня в полдень пущена ракета. . .» (По теории относительно-сти) 633
 «Сегодня старый ясень сам не свой. . .» 119
 «Седины ваши зеркало покажет. . .» (Сонеты, 25) 512
 Семь кругов («Пришел апрель. Звенит капель. . .») 251
 Семь лет («Семь лет. Так много для меня! . .») 402
 «Семь лет. Так много для меня! . .» (Семь лет) 402

- «Семь спорят городов о дедушке Гомере...» (Спор городов о родине Гомера) 631
- «Серый волк в густом лесу...» (Волк и лиса) 239
- Симеоны без короны («Гостит в Мадриде Симеон...») 401
- «Синий домик у ворот...» (Загадки, 6) 234
- «Сказать по правде, хорошо...» (Распродажа) 394
- Сказка о глупом мышонке («Пела ночью мышка в норке...») 181
- Сказка про короля и солдата («Солдат заспорил с королем...») 257
- «Сказки, песни и загадки...» (Т. Г. Габбе) 428
- «Скамья под обрывом намокла...» (Рассвет в Финляндии) 131
- «Скачет заяц бороздой...» (Заяц-бездельник) 649
- «Сквозь снег и град...» (Из позабытых песен, 2) 481
- «Сколько раз пытался я ускорить...» 96
- «Скорняжным теплым ремеслом...» (Кот-скорняк) 678
- Скрипач из Дунни («Когда я на скрипке играю...») 612
- «Скрипели везы по дорогам...» 79
- Слава («Дикарка-слава избегает тех...») 598
- Словарь («Усердней с каждым днем гляжу в словарь...») 52
- «Словом высказать нельзя...» 575
- Слон («Африканец молодой...», Детки в клетке, 14) 230
- Слон («Дали туфельки слону...», Детки в клетке, 1) 226
- Случается порой... («Порой душа бывает так тверда...») 683
- «Сменялись в детстве радугой дожди...» 144
- «Смерть, не гордись, когда тебя зовут...» 524
- Смешная песенка («Шагал я, не зная...») 497
- Смотреть запрещается («Меж развалин Бруннен-платца...») 376
- Собака динго («Нет, я не волк и не лиса...», Детки в клетке, 13) 229
- «Собирались лодыри...» (Кот и лодыри) 224
- «Собираясь на север, домой...» (Корабельные сосны) 61
- Современный Петербург. Петр («Вот черный памятник Петра...») 415
- Совушка («Совушка, совушка...») 674
- «Совушка, совушка...» (Совушка) 674
- Свята («Взгляни на маленьких свят...», Детки в клетке, 16) 231
- «Солдат заспорил с королем...» (Сказка про короля и солдата) 257
- Солнце бессонных («Бессонных солнце — скорбная звезда...») 594
- «Солнце вешнее с дождем...» (Радуга-дуга) 348
- «Солнышко» («Мы солнца в дороге не видели днем...») 73
- Сон («Сон узор сплетает свой...») 569
- «Сон, сон, полог свой...» (Колыбельная песня) 577
- «Сон сочиняет лица, имена...» 153
- «Сон узор сплетает свой...» (Сон) 569
- Сонет («Тому, кто в городе был заточен...») 601
- Сонет о сонете («Уж если суждено словам брести...») 601
- Сонеты (1—39) 500
- «Спасибо, спасибо...» (Песня про баню) 673
- «Спешите на улицу, добрые люди...» (Робин Гуд и мясники) 472
- «Спи, усни, мой медвежонок...» (Колыбельная) 672
- Спор городов о родине Гомера («Семь спорят городов о дедушке Гомере...») 631
- «Спор идет в Палате жаркий...» (Спор о марке) 405

- Спор о марке («Спор идет в Палате жаркий...») 405
 «Среди степей плывут суда...» (Море в степи) 396
 «Старайтесь сохранить тепло стыда...» 144
 Старая дружба («Забыть ли старую любовь...») 527
 Старая песня, пропетая вновь («Я ждал в саду под ивой...») 613
 Старуха, дверь закрой! («Под праздник, под воскресный день...») 267
 «Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром...» 150
 Старушка («Старушка пошла продавать молоко...») 485
 «Старушка пошла продавать молоко...» (Старушка) 485
 «Старый, вещий Вейнемейнен...» (Рождение кантеле) 655
 «Старый дедушка Коль...» (Веселый король) 492
 «Старый рубанок...» (Как рубанок сделал рубанок) 199
 «Стебли трав, пробившись из земли...» 145
 Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы («Мы к вам пришли не тешить взгляд...») 559
 Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса («Прожившему так мало бранных лет...») 598
 «Столько дней прошло с малолетства...» 112
 «Стояло море над балконом...» 133
 Страусенок («Я — страусенок молодой...», Детки в клетке, 11) 229
 Страшный сон («Фашисту снился страшный сон...») 382
 Стрекоза осенью («Пишу я левою рукою эти строки...») 650
 «Стремясь порядку научить людей...» (О гвоздях) 393
 Строчки о войне и любви («Прикрытый лаврами разбой...») 564
 Суворовы-чапаевцы («Бьемся мы здорово...») 361
 Сундук («За деревней была трясина...») 241
 «Существовала некогда пословица...» 143
 Счастливый вдовец («В недобрый час я взял жену...») 560
 Счастье («Как празднично сад расцветила сирень...») 120
 «Сынья Толстого...» (О Ясной Поляне) 411
- «Так беззаботно, на лету...» (Жаворонок) 136
 «Так весело, отчаянно...» (Макферсон перед казнью) 534
 «Так много звезд теснится в раме...» (Звезды в окне) 52
 «Так много ласточек летало...» 142
 «Такой ни в сказках, ни в рассказах...» (Немецкая рота вполборота) 381
 «Театров много есть в Москве...» (Театру кукол С. В. Образцова) 429
 Театру кукол С. В. Образцова («Театров много есть в Москве...») 429
 «Тебе пишу я этот дифирамб...» 54
 «Тебе ль меня придется хоронить...» (Сонеты, 26) 513
 «Тебе сегодня двести лет...» (Роберту Бернсу) 121
 «Текла, извивалась, блестела...» 98
 «Темно. И снег неслышно реет...» (Путник) 171
 «Теть Трот и кошка...» (Разговор) 497
 Тигр («Тигр, о тигр, светло горящий...») 568
 Тигр и козленок («Травой поросшая полянка...») 378
 «Тигр, о тигр, светло горящий...» (Тигр) 568

- Тигренок («Эй, не стойте слишком близко...», Детки в клетке, 10)
229
- Тихая сказка («Эту сказку ты прочтешь...») 334
- «То время года видишь ты во мне...» (Сонеты, 22) 511
- Товарный поезд («Видите поезд, углем нагруженный?») 653
- (Л. И. Толстой) («Правда неразлучна с красотой...») 426
- «Только ночью видишь ты вселенную...» 143
- Томми Аткинс («Хлебнуть пивца я захотел...») 618
- «Тому, кто в городе был заточен...» (Сонет) 601
- «Тоскует птица о любви своей...» (Зима) 595
- Тост за двоих («Да здравствует король...») 634
- «Тот, кто решился по кускам...» (Песни шута, 2) 499
- «Травой поросшая полянка...» (Тигр и козленок) 378
- Трем богатырям со четвертым («Как в большом селе — славном
Парголове...») 433
- «Трепал сегодня ветер календарь...» 131
- Третье послание Ольге Владимировне Федорченко («Бессонница...»)
434
- «Трех королей разгневал он...» (Джон Ячменное Зерно) 537
- «Три вековых сосны стоят на взгорье...» (Пушкинская дубрава) 66
- Три зверолова («Три смелых зверолова...») 488
- Три мудреца («Три мудреца в одном тазу...») 496
- «Три мудреца в одном тазу...» (Три мудреца) 496
- «Три смелых зверолова...» (Три зверолова) 488
- 13 мая («Здесь мой приют. Здесь Пушкин пятимомный...») 172
- «Трудами изнурен, хочу уснуть...» (Сонеты, 7) 503
- «Туманный полдень. Тень печали...» (Чайки) 166
- Туннель («Туннель — это ночь...») 653
- «Туннель — это ночь...» (Туннель) 653
- «Ты бойся долгих дней, когда пустой и мелкой...» 132
- «Ты вся полна ночным виденьем...» (В Архипелаге) 167
- «Ты думал, мир не тот, не тот...» (Разговор с малинковой) 135
- «Ты, завладев моей скулой...» (Ода к зубной боли) 556
- «Ты каждый раз, ложась в постель...» (Зимний плакат) 371
- «Ты — музыка, но звукам музыкальным...» (Сонеты, 1) 500
- «Ты меня оставил, Джеми...» 536
- «Ты мершишь лестницу числом ее ступеней...» 147
- «Ты много ли видел на свете берез...» 119
- «Ты погрузи, когда умрет поэт...» (Сонеты, 20) 510
- «Ты притупи, о время, когти льва...» (Сонеты, 3) 501
- «Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...» (Песня) 540
- «Ты скажи, барашек наш...» (Барашек) 494
- «Ты старомоден. Вот расплата...» (О моде) 149
- «Ты уже там, на другой стороне...» 127
- 1616—1949 («Я перевел Шекспировы сонеты...») 68
- Тэм О'Шентер («Когда на город ляжет тень...») 548
- «У ближних фонарей такой бездумный взгляд...» 153
- «У вдохновенья есть своя отвага...» (Последний сонет) 126
- «У каждого дела...» (Чем пахнут ремесла?) 651
- «У которых есть, что есть...» (Заздравный тост) 539
- У моря («Бей, бей, бей...») 602

- «У нас просторный водоем. . .» (Белые медведи, Детки в клетке, 7) 227
 «У нашей Мери есть баран. . .» (Мери и баран) 491
 «У одного советского министра. . .» 145
 У окна («Вот две капли дождевые. . .») 628
 «У памятника на закате летом. . .» (Пушкин) 66
 «У последней точки. . .» (Знаки препинания) 331
 «У Пушкина влюбленный самозванец. . .» 150
 «У Скворцова Гришки. . .» (Книжка про книжки) 295
 «У старика и старухи. . .» (Отчего кошку назвали кошкой) 240
 «У твоей постели скромной. . .» (К портрету) 137
 «Увидев каплю крови алой. . .» (Мать) 684
 «Увы, мой стих не блещет новизной. . .» (Сонеты, 24) 512
 «Уговорились я и мама. . .» (Про гиппопотама) 339
 «Удивился Карл Великий. . .» (Карл и карлик) 397
 «Уж если медь, гранит, земля и море. . .» (Сонеты, 18) 509
 «Уж если нет на свете новизны. . .» (Сонеты, 16) 508
 «Уж если суждено словам брести. . .» (Сонет о сонете) 601
 «Уж если ты разлюбишь — так теперь. . .» (Сонеты, 27) 513
 «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть. . .» (Сонеты, 35) 517
 «Уже недолго ждать весны. . .» 102
 «Улыбались три смелых девицы. . .» (Опасный номер) 634
 «Упадешь, бывало, в детстве. . .» 677
 Усатый-полосатый («Жила-была девочка. . .») 207
 «Усердней с каждым днем гляжу в словарь. . .» (Словарь) 52
 «Устал телятя, уснули цыплята. . .» (Ванька-Встанька) 243
 «Устал в полете конь Пегас. . .» (Кузнецу) 560
 «Утро. Море греет склоны. . .» 158
- «Фашистский сумрачный калиф. . .» («Арапские» сказки немецкого
 верховного командования) 363
 «Фашисту снился страшный сон. . .» (Страшный сон) 382
 Финдлей («Кто там стучится в поздний час? . .») 535
 Флаг над полюсом («Двадцать первого мая. . .») 244
- (И. И. Халтурину) («Вам сочинения Шекспира. . .») 425
 «Хамелеон неуловим. . .» (О подхалимах-хамелеонах) 409
 «Хлебнуть пивца я захотел. . .» (Томми Аткинс) 618
 Хмель и дед («Пьяный хмель и старый дед. . .») 673
 Хоровод («Можно ль козам не бодаться. . .») 648
 Хороший день («Вот портфель, пальто и шляпа. . .») 253
 «Хорошо, что с чужим языком ты знаком. . .» (Переводчику) 405
 «Хоть есть различная расценка. . .» (Издателю) 430
 «Хоть он на миг не покидал. . .» (Загадки, 6) 354
 «Христос, которого я чту. . .» (Из книги «Вечносущее Евангелие») 585
- Хрустальный чертог («На вольной воле я блуждал. . .») 576
- Царица тьмы («Не помогли ей чары. . .») 612
 «Цвет свой особый. . .» (Какого цвета ремесла?) 652
 «Цветная осень — вечер года. . .» 50
 «Целый день он с нами прожил. . .» (Гром в городе) 74
 «Цените слух, цените зренье. . .» 125

- Цирк («Впервые на арене. . .») 344
 «Цыгане явились на графский двор. . .» (Графиня-цыганка) 471
- Чайки («Гуманный полдень. Тень печали. . .») 166
 Е. И. Чарушину («Закону времени послушен. . .») 430
 Часы («Часы бывают разные у нас. . .») 100
 Часы («Часы за шумом не слышны. . .») 52
 «Часы бывают разные у нас. . .» (Часы) 100
 «Часы за шумом не слышны. . .» (Часы) 52
 Часы на башне («Башня есть под Ленинградом. . .») 376
 «Человек сказал Днепру. . .» (Война с Днепром) 219
 «Человек ходил на четырех. . .» 143
 «Человек — хоть будь он трижды геннем. . .» 145
 Человеческая абстракция («Была бы жалость на земле едва ли. . .») 580
- Чем пахнут ремесла? («У каждого дела. . .») 651
 «Чем этот день весенний свят. . .» (Святой четверг) 571
 Чемодан («Прекрасный новый чемодан. . .») 403
 «Чему смеялся я сейчас во сне. . .» 600
 «Черен пахарь в день рабочий. . .» (Золото и серебро) 674
 «Чернеет лес, теплом разбуженный. . .» (Ландыш) 73
 «Чести золото не купит. . .» (Честь) 646
 Честная бедность («Кто честной бедности своей. . .») 526
 Честь («Чести золото не купит. . .») 646
 «Четыре года было мне. . .» (Дон) 92
 «Четыре разных времени в году. . .» 600
 «Четыре строчки источают яд. . .» 152
 450-лстие Америки («Завеса дыма с Волги, Терека. . .») 370
 «Чистой и ясной свечи не гаси. . .» 56
 «Чистота арийской крови. . .» (Сверхскоты) 362
 «Читатель мой особенного рода. . .» 133
 Что горит? («Кажись, пожар? . .») 353
 Что за грохот? («Что за грохот, что за стук? . .») 674
 «Что за грохот, что за стук? . .» (Что за грохот?) 674
 «Что мы сажаем, сажая леса? . .» (Праздник леса) 217
 «Что ни делает дурак. . .» (Не так) 336
 «Что оратору нужно? Хороший язык? . .» 587
 «Что растет на елке? . .» (Песня о елке) 251
 «Что такое «От А до Я»? . .» (А. И. Любарской) 426
 «Что такое перед нами. . .» (Загадки, 7) 234
 «Что там за прохожий. . .» (Отряд) 203
 «Что толку, леди, в жалобе. . .» (Песня Балтазара) 522
 «Что тут за шумное веселье? . .» (Привал в пути) 642
 «Чудес, хоть я живу давно. . .» 128
 Чудо из чудес («Когда был черный этот лес. . .») 135
 (К. И. Чуковскому) («Вижу: Чуковского мне не догнать. . .») 431
 (К. И. Чуковскому) («Мой старый, добрый друг Корнэй. . .») 431
- «Шагал я, не зная. . .» (Смешная песенка) 497
 Шалтай-Болтай («Шалтай-Болтай сидел на стене. . .») 484
 «Шалтай-Болтай сидел на стене. . .» (Шалтай-Болтай) 484
 Шаляпин («В тот зимний день Шаляпин пел. . .») 89

- «Шел вчера на праздник физкультурный...» (16—17 июля 1944) 378
 «Шел я сам по себс...» (Сам по себе) 488
 16—17 июля 1944 («Шел вчера на праздник физкультурный...») 378
 Школьник («Люблю я летний час рассвета...») 570
 «Шли пионеры вчетвером...» (Быль-небылица) 274
 Шнабель и его сыновья («Два у Шнабеля сына, как и он, два крестина...») 379
 «Шумит-бурлит людской поток...» (Начало века) 86
 «Шумит он в поле и в саду...» (Загадки, 2) 353
 «Шумят деревья за моим окном...» (Вчера я видел) 65
 «Шурша узорчатою шиной...» 110
- «Щипцы для орехов сказали соседям...» (Прогулка верхом) 604
- Эдвард Лир о самом себе («Мы в восторге от мистера Лира...») 603
 Эдип, разреши... («Кто знает, сколько вдохновенный...») 417
 «Эй, кузнец, молодец...» (Кузнец) 484
 «Эй, не стойте слишком близко...» (Тигренок, Детки в клетке, 10) 229
 «Электролампочки-воровки...» (Восемь строк про электроток) 381
 Эпиграммы (Из Роберта Бернса, 1—7) 565
 Эпиграммы (Из Вильяма Блейка, 1—5) 587
 Эпитафия («Георг Третий...») 633
 Эпитафия («Не надо мне ни слез, ни бледных роз...») 124
 Эпитафия бездушному дельцу («Здесь Джон покоится в тиши...») 566
 Эпитафия-объявление («Лежу под камнем я — вдова...») 630
 Эпитафия самому себе («Жил на свете Маршак Самуил...») 429
 Эпитафия самому себе («Какая шутка — наша жизнь земная...») 633
 Эпитафия самоубийце («Себя, как плевел, вырвал тот...») 567
 Эпитафия скряге («Он умер оттого, что был он скуп...») 630
 Эпитафия шоферу («Бедный малый в больничном бараке...») 635
 Эскимосская собака («На прутике записка...», Детки в клетке, 6) 227
 «Эта страница зеленого цвета...» (Разноцветная книга) 269
 «Это не дома, а корабль...» (Белая ночь) 160
 «Эту сказку ты прочтешь...» (Тихая сказка) 334
- Юность («Есть холячая важность...») 134
 Юный Фриц, или Экзамен на аттестат «зверости» («Юный Фриц, любимец мамни...») 364
 «Юный Фриц, любимец мамни...» (Юный Фриц, или Экзамен на аттестат «зверости») 364
- «Я был в английском легком племе...» (О том же) 437
 «Я, ваша честь...» (Песня бродячего лудильника, Из кантаты «Веселые нищие», 2) 545
 «Я — веселая малютка...» («Антилопа-Куду, Детки в клетке, 4) 226
 «Я — веселый Чиполлино...» (Песня Чиполлино, Две песни для спектакля «Приключения Чиполлино», 1) 324
 «Я воспитан был в строю...» (Песня отставного солдата, Из кантаты «Веселые нищие», 1) 544

- «Я вышел в ночь. Ни звездочки единой...» 174
- «Я гордая, я упрямая...» 96
- «Я, гренадер, лежу в земле сырой...» (Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка) 630
- «Я еду в машине. Бензиновая гарь...» (Последний фонарь за оградой) 124
- «Я ждал в саду под ивой...» (Старая песня, пропетая вновь) 613
- «Я, жучок, рубил сучок...» (Неуклюжий жучок) 648
- «Я — лишь поэт. Не ценит свет...» (Первая песня поэта, Из кантаты «Веселые нищие», 3) 546
- «Я люблю ананасы, анчоусы, антракты...» (Ананасы всмятку) 420
- «Я наблюдал, как солнечный восход...» (Сонеты, 10) 505
- «Я не молод — по портрету ж...» (К моему портрету) 429
- «Я не смыкал часами ночью глаз...» 100
- «Я перевел Шекспировы сонеты...» (1616—1949) 68
- «Я помню день, когда впервые...» 114
- «Я пришел на мост на Крюков...» 433
- «Я прохожу по улицам твоим...» (Городу-герою) 396
- «Я сижу на скамье у обрыва...» 134
- «Я — синьор Помидор...» (Песня синьора Помидора, Две песни для спектакля «Приключения Чиполлино», 2) 325
- «Я слышу издали сквозь сон...» (Кукушка) 589
- «Я странствовал довольно по земле...» 177
- «Я — страусенок молодой...» (Страусенок, Детки в клетке, 11) 229
- «Я учиться не хочу...» (Мастер-ломастер) 301
- Ялта («Вот набережной полукруг...») 90
- Январский день («Встало солнце огневое...») 372

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. С. Я. Маршак. 1955 г.
2. *С. 193*. Автограф стих. «Почта».
3. *Между с. 272 и 273*. С. Я. Маршак — ученик С.-Петербургской Третьей гимназии. Фотография. 1904 г.
4. *На обороте*. В. В. Стасов, С. Я. Маршак и скульптор Г. Герцовский. Ок 1904 г.
5. *Между с. 304 и 305*. Маршак в редакции детской литературы Ленинградского отделения Госиздата. Слева направо: Н. М. Олейников, В. В. Лебедев, З. И. Лилина, С. Я. Маршак, Е. Л. Шварц, Б. С. Житков. Конец 20-х годов.
6. *На обороте*. С. Я. Маршак. 1949 г.
7. *Между с. 496 и 497*. С. Я. Маршак со своими читателями. Фотография. Конец 1940-х годов.
8. *На обороте*. С. Я. Маршак и Э. Хьюз. 1955 г.
9. *Между с. 528 и 529*. С. Я. Маршак на праздновании его 75-летнего юбилея в Ленинграде. 1962 г.
10. *На обороте*. С. Я. Маршак в санатории «Барвиха». 1955 г.
11. *С. 541*. Автограф перевода стихотворения Р. Бернса «Ночлег в пути».

СОДЕРЖАНИЕ¹

Самуил Яковлевич Маршак. <i>Вступительная статья В. В. Смирновой</i>	5

I

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1945—1964

1. «Всё то, чего коснется человек...»	47
2. «Бывало, в детстве под окном...»	48
3. «Вот однокрылая сосна...»	48
4. «И поступь и голос у времени тише...»	49
5. Встреча в пути	49
6. Дождь («По небу голубому...»)	49
7. «Цветная осень — вечер года...»	50
8. «Декабрьский день в моей оконной раме...»	50
9. «Когда, изведав трудности ученья...»	51
10. «Как птицы, скачут, и бегут, как мыши...»	51
11. Часы («Часы за шумом не слышны...»)	52
12. Надпись на часах	52
13. Звезды в окне	52
14. Словарь	52
15. Дом в лесу	53
16. «Не знает вечность ни родства, ни племени...»	53
17. Надпись на книге переводов	54
18. «Бремя любви тяжело, если даже несут его двое...»	54
19. «Тебе пишу я этот дифирамб...»	54

¹ Звездочками помечены стихотворения, публикуемые впервые.

20.	«Подоткни мне одеяло...»	55
21.	«Чистой и ясной свечи не гаси...»	56
22.	«Вся жизнь твоя пошла обратным ходом...»	56
23.	«Не маленький ребенок умер, плача...»	56
24.	Доброе имя	57
25.	«Под деревом — какая благодать!...»	58
26.	Пешеход	58
27.	Летняя ночь на севере	59
28.	Дон-Кихот	60
29.	После праздника	60
30.	Корабельные сосны	61
31.	«Замерзший бор шумит среди лазурн...»	61
32.	Голос в лесу	62
33.	Лес («Многоэтажный этот дом...»)	62
34.	Памяти Михоэlsa	63
35.	«О ней поют поэты всех веков...»	63
36.	«Незнакомый полустанок...»	64
37.	Вчера я видел	65
38.	Гроза ночью («Грянул ночью гром весенний...»)	65
39.	Пушкинская дубрава	66
40.	Пушкин	66
* 41.	Бессмертные («По-русски говорим мы с детства...»)	67
42.	1616—1949	68
43.	Надпись на книге сонетов	68
44.	«Бьют вразброд часы стенные...»	69
45.	Вокзал	69
46.	В поезде («Очень весело в дороге...»)	70
47.	«Меня волнует оклик этот вещий...»	71
48.	«На всех часах вы можете прочесть...»	71
49.	«Мы знаем: время растяжимо...»	72
50.	«Нас петухи будили каждый день...»	72
51.	Ландыш	73
52.	«Солнышко»	73
53.	Гроза ночью («Мгновенный свет и гром впотьмах...»)	74
54.	Гром в городе	74
55.	П. П. Кончаловскому	75
* 56.	Памятник	75
57.	«Когда холмы, поля, луга...»	76
58.	«Кто морю возвратил тепло и свет?...»	76
59.	«Какие гости в комнате моей!...»	77
60.	«Пустынный двор, разрезанный оврагом...»	77
61.	«Когда мы попадаем в тесный круг...»	78
62.	«Когда вы долго слушаете споры...»	78
63.	«Скрипели возы по дорогам...»	79
64.	Владимир Стасов	79
65.	Начало века	86
66.	Молодой Горький	88
67.	Шаляпин	89
68.	Ялта	90
69.	Дон	92
70.	«Есть такой небольшой городок...»	92
71.	«Вспоминаю этот вечер давний...»	94

* 72.	«Мне прислал мой отец непонятный рецепт...»	95
73.	«Я гордая, я упрямая...»	96
74.	«Сколько раз пытался я ускорить...»	96
75.	«Грянул гром неожиданно, наобум...»	97
76.	«О том, как хороша природа...»	97
77.	«Вечерний лес еще не спит...»	97
78.	«Как поработала зима!...»	98
79.	«Текла, извивалась, блестела...»	98
80.	После дождя	99
81.	Минута	99
* 82.	«Мы видим движение секунд и минут...»	99
83.	«Я не смыкал часами ночью глаз...»	100
84.	Часы («Часы бывают разные у нас...»)	100
85.	«Мне был известен каждый пенс...»	101
86.	Зимой в Москве	101
87.	«Уже недолго ждать весны...»	102
88.	«Вошли с тобою мы на Садовой...»	102
89.	«Проходя Морским каналом...»	103
* 90.	«Зеленый, тонкий, длинный стебелек...»	103
91.	«Как лишний вес мешает кораблю...»	103
92.	На родине Бернса	104
93.	В дороге	105
94.	«Даже по делу спеша, не забудь...»	106
95.	Бор	106
96.	«Не знаю, когда прилетел соловей...»	107
97.	«Помнит соловей, что северное лето...»	108
98.	«Картавая лягушечья семья...»	109
99.	Начало дня	109
100.	«Морская ширь полна движенья...»	110
101.	«Шурша узорчатою шиной...»	110
102.	«В полутьме я увидел: стояла...»	111
103.	«Апрельский дождь прошел впервые...»	111
104.	«Столько дней прошло с малолетства...»	112
105.	«Неужели я тот же самый...»	112
106.	Игра	113
107.	«Я помню день, когда впервые...»	114
108.	«Колышутся тихо цветы на могиле...»	115
109.	«Как призрачно мое существование!...»	115
110.	«Когда забрезживший рассвет...»	116
111.	В лондонском парке	117
112.	«В столичном немолкнушем гуде...»	117
113.	«Порой часы обманывают нас...»	117
114.	«Быстро дни недели пролетели...»	118
115.	«Нет, нелегко в порядок привести...»	118
116.	«Ты много ли видел на свете берез?..»	119
117.	«Сегодня старый ясен сам не свой...»	119
118.	Счастье	120
119.	«Ласкают дыханье и радуют глаз...»	120
120.	Пожелания друзьям	121
121.	Роберту Бернсу	121
122.	Возраст один у меня и у лета...»	123
123.	«Когда, как темная вода...»	123

124.	Эпитафия («Не надо мне ни слез, ни бледных роз...»)	124
* 125.	«Молодой, седой и статный...»	124
126.	Последний фонарь за оградой	124
127.	«Цените слух, цените зренья...»	125
128.	«Когда-нибудь, с течением веков...»	125
129.	«Пароход компании «Россия»...»	126
130.	Последний сонет	126
131.	«Люди пишут, а время стирает...»	127
132.	Надпись на камне («Не жди, что весть подаст тебе в ответ...»)	127
133.	«Ты уже там, на другой стороне...»	127
134.	«Чудес, хоть я живу давно...»	128
135.	Бессмертие («Года четыре был я бессмертен...»)	128
136.	«Полные жаркого чувства...»	128
137.	«Бывало, полк стихов маршировал...»	129
138.	«Кто создает, тот мыслит щедро...»	129
139.	«Всё лучшее ты отдавала даром...»	129
* 140.	«Всем, чем судьба моя богата...»	130
141.	«Ветер жизни тебя не тревожит...»	130
142.	Надпись на урне	131
143.	Рассвет в Финляндии	131
144.	«Трепал сегодня ветер календарь...»	131
145.	Марине Цветаевой	132
146.	«Ты бойся долгих дней, когда пустой и мелкой...»	132
147.	«Насвистывая песню, почтальон...»	133
148.	«Читатель мой особенного рода...»	133
149.	«Стояло море над балконом...»	133
150.	«В искусстве с незапамятных времен...»	134
151.	«Я сижу на скамье у обрыва...»	134
152.	Юность	134
153.	Чудо из чудес	135
154.	«Бывают и часы календарем...»	135
155.	Разговор с малинкой	135
156.	Песня («Небо. Море...»)	136
157.	Ночной костер	136
158.	Жаворонок	136
159.	«Прославленный Василий Теркин твой...»	137
160.	К портрету («У твоей постели скромной...»)	137
161.	«Исчезнет мир в тот самый час...»	137
162.	«Владеет морем полная луна...»	138
163.	«Говорило яблоко...»	138
164.	«Всё мне детство дарило...»	139
165.	«Инкогнито к нам едет ревизор...»	140
166.	«Мелькнув, уходит в прошлое мгновенья...»	140
167.	«Свои стихи, как зелье...»	140
168.	«Все те, кто дышит на земле...»	140
<i>Лирические эпиграммы</i>		
169.	«Немало книжек выпущено мной...»	141
170.	«Дождись, поэт, душевного затишья...»	141
171.	«Пусть будет небом верхняя строка...»	142

172.	«О чем твои стихи?» — «Не знаю, брат...»	142
173.	«Так много ласточек летало...»	142
174.	«Мы принимаем всё, что получаем...»	142
175.	«За несколько шагов до водопада...»	142
176.	«Только ночью видишь ты вселенную...»	143
177.	«Существовала некогда поговорка...»	143
178.	«Он взрослых изводил вопросом «Почему?»...»	143
179.	«Человек ходил на четырех...»	143
180.	«Власть безграничная природы...»	144
181.	«Как ни цветиста ваша речь...»	144
182.	«Старайтесь сохранить тепло стыда...»	144
183.	«И час настал. И смерть пришла, как дело...»	144
184.	«Сменялись в детстве радугой дожди...»	144
185.	«У одного советского министра...»	145
186.	«Как обнажаются судов тяжелых днища...»	145
187.	«Стебли трав, пробившись из земли...»	145
188.	«Человек — хоть будь он трижды гением...»	145
189.	«Зверь в укротителе не должен чують мясо...»	146
190.	«Всё умирает на земле и в море...»	146
191.	«Нужна нам отвага...»	146
192.	«Расти, дружок, и крепни понемножку...»	147
193.	«Как вежлив ты в покое и в тепле...»	147
194.	«Определять вещам и людям цену...»	147
195.	«Ты меряешь лестницу числом ее ступеней...»	147
196.	«Не для того, чтоб жить, он ест и пьет...»	147
197.	«Как зритель, не видевший первого акта...»	148
198.	«К искусству нет готового пути...»	148
199.	«Без музыки не может жить Парнас...»	148
200.	«Красиво пишет первый ученик...»	148
201.	О моде	149
202.	О рифме и прочем	149
203.	«Пускай стихи, прочитанные просто...»	149
204.	«Литература, скажем, это — ванна...»	149
205.	«Искусство строго, как монетный двор...»	150
206.	«У Пушкина влюбленный самозванец...»	150
207.	«Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром...»	150
208.	«О том, что жизнь — борьба людей и рока...»	150
209.	«Да будет мягким сердце, твердой — воля!...»	151
210.	«Питает жизнь ключом своим искусство...»	151
211.	«Над прошлым, как над горною грядой...»	151
212.	«Дыхание свободно в каждой гласной...»	151
213.	«Четыре строчки источают яд...»	152
214.	«Мы любим в детстве получать подарки...»	152
215.	«Ни сил, ни чувств для ближних не щади...»	152
216.	«Пускай бегут и после нас...»	152
217.	«Не погрузится мир без нас...»	152
218—220.	Из путевой тетради	
	1. «Как быстро палящее солнце зашло...»	153
	2. «Должно быть, ветер понемножку...»	153
	3. «Над городом осенний мрак навис...»	153
221.	«У ближних фонарей такой бездумный взгляд...»	153
222.	«Сон сочиняет лица, имена...»	153

223. «Как хорошо проснуться утром дома...»	154
224. «Березка тонкая, подросток меж берез...»	154
225. «Ведерко, полное росы...»	154

1902—1926

226. Кантата в память Антокольского. Из Библии	155
* 227. Первым борцам	155
* 228. «Нам с тобой не по дороге!...»	156
* 229. Из «Песни Песней»	157
230. «Утро. Море греет склоны...»	158
231. «В долинах ночь еще темнеет...»	158
232. Качели	159
233. В поезде («Где-то мы застигнули...»)	159
234. Белая ночь	160
* 235. Из цикла «Городские»	160
236. Галереи	161
* 237. Первый час сна	161
238. «За лесом целый небосклон...»	161
239. «Дождь до заката. Капли на закате...»	162
240. На рассвете	162
* 241. «Закатные храмы осенних садов...»	163
242. «На кровлях тихих дач и в поле на земле...»	163
243. «Луна осенняя светла...»	164
244. «Подними чуть заметный зеленый огонь...»	164
245. Ожидание	165
246. «Как будто поезд перенес...»	165
247. Зимняя луна	166
248. Чайки	166
249. В архипелаге	167
250. «Мы жили лагерем в палатке...»	167
251. «Давно скитзюсь, в пылкой радости...»	168
252. «Грущу о севере, о вьюге...»	169
253. На север	169
* 254. «В туман одиноко я вышел...»	170
255. Путник	171
256. Рассвет	171
* 257. 13 мая	172
* 258. «Плоды в верхушках темных утопают...»	172
259. Из путевого альбома. Англия	173
260. «Я вышел в ночь. Ни звездочки единой...»	174
261. «Луна ушла. Ее кочевья...»	174
262. «Она сидит у колыбели...»	175
* 263. «С малюткой я пережил снова...»	175
264. «Запахло вагонной печкой...»	175
* 265. «На земле так редко голубое...»	176
* 266. «Огонь в ночи, огонь небесный...»	176
267. «После яркого вокзала...»	177
* 268. «Я странствовал довольно по земле...»	177

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

269. Поросята	178
270. Аэроплан	179
271. Сказка о глупом мышонке	181
272. Вчера и сегодня	184
273. Багаж	188
274. Почта	191
275. Пудель	197
276. Как рубанок сделал рубанок	199
277. Отряд	203
278. Усатый-полосатый	207
279. Вот какой рассеянный	210
280. Веселые чижки	213
281. Мельник, мальчик и осел	215
282. Праздник леса	217
283. Война с Днепром	219
284. Мяч	222
285. Кот и лодыри	224
286—302. Детки в клетке	
1. Слон («Дали туфельки слону...»)	226
2. Жираф	226
3. Лебеденок	226
4. Антилопа-куду	226
5. Верблюд	227
6. Эскимосская собака	227
7. Белые медведи	227
8. Обезьяна	228
9. Пингвин	228
10. Тигренок	229
11. Страусенок	229
12. Кенгуру	229
13. Собака Динго	229
14. Слон («Африканец молодой...»)	230
15. Зебры	231
16. Совята	231
17. Где обедал, воробей?	231
303—310. Загадки	
1. «Музыкант, певец, рассказчик...»	232
2. «Самый бойкий я рабочий...»	232
3. «В Полотняной стране...»	233
4. «Принялась она за дело...»	233
5. «В избе — изба...»	233
6. «Синий домик у ворот...»	234
7. «Что такое перед нами...»	234
8. «Всегда шагаем мы вдвоем...»	234
311. Первый день календаря	234
312. Рано вставать, рано в кровать...	236
313. Друзья-товарищи	238
314. Волк и лиса	239
315. Отчего кошку назвали кошкой?	240
316. Сундук	241
317. Дремота и Зевота	243

318.	Ванька-Встанька	243
319.	Флаг над полюсом	244
320.	Рассказ о неизвестном герое	245
321.	Семь кругов	251
322.	Песня о елке	251
323.	Дождь («Ветерок бежит по саду...»)	252
* 324.	«Ветром тучи нанесло...»	252
325.	Хороший день	253
326.	Сказка про короля и солдата	257
327.	Про одного ученика и шесть единиц	258
328.	Откуда стол пришел?	260
329.	Круглый год	262
330.	Вьюга	266
331.	Карусель	266
332.	Старуха, дверь закрой!	267
333.	Разноцветная книга	269
334.	Мыльные пузыри	272
335.	Быль-небылица	274
336.	Дети нашего двора	282
337.	Живые буквы	285
338.	Великан	288
339.	Новый год («Дети спать пораньше лягут...»)	289
340.	Песня о желуде	290
341.	Пожар	291
342.	Книжка про книжки	295
343.	Мастер-ломастер	301
344.	Мистер Твистер	304
345.	Ежели вы вежливы	322
346—347.	Две песни для спектакля «Приключе- ния Чиполлино»	
	1. Песня Чиполлино	324
	2. Песня синьора Помидора	325
348.	Где тут Петя, где Сергея?	327
349.	Знаки препинания	331
350.	О чем разговаривали лошади, хомяки и куры	333
351.	Тихая сказка	334
352.	Не так	336
353.	Про гиппопотама	339
354.	Ледоход	340
355.	Мороженое	341
356.	Цирк	344
357.	Радуга-дуга	348
358.	Барaban и труба	349
359.	Кто колечко найдет?	350
* 360.	«Давай посмотрим на часы...»	352
361.	Что горит?	353
362—367.	Загадки	
	1. «Под Новый год пришел он в дом...»	353
	2. «Шумит он в поле и в саду...»	353
	3. «Мы ходим ночью...»	354
	4. «Бьют его рукой и палкой...»	354
	5. «Держусь я только на ходу...»	354
	6. «Хоть он на миг не покидал...»	354

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1938—1964

368.	Акула, гиена и волк	355
369.	Новогодняя речь в парламенте 31 декабря 1938 года . . .	358
370.	В поход!	360
371.	Суворовцы-чапаевцы	361
372.	Вся Европа	361
373.	Сверхкоты	362
374.	«Арапские» сказки немецкого верховного командования, или Тысяча и одна ложь	363
375.	Юный Фриц, или Экзамен на аттестат «зверости»	364
376.	Партизанский плакат	365
377.	Детский дом в Ельне	365
378.	Боевое прощанье	366
379.	В немецкой мертвецкой	366
380.	Думать воспрещается	367
381.	Железный плакат	367
382.	О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гитлера сегодня . . .	367
383.	Мать («В такой обыкновенный день...»)	369
384.	«Не» и «ни»	370
* 385.	450-летие Америки	370
386.	Зимний плакат	371
387.	Облава	371
388.	Январский день	372
389.	В плен!	372
390.	К югу от озера	373
391.	Война, как таковая	374
392.	Путь славы	375
393.	Смотреть запрещается	376
394.	Часы на башне	376
395.	Ленинградское кольцо	377
396.	16—17 июля 1944 года	378
397.	Тигр и козленок	378
398.	Шнабель и его сыновья	379
399.	Дурное воспитание	380
400.	Немецкая рота влодборота	381
401.	Восемь строк про электроток	381
* 402.	Страшный сон	382
403.	Безработные палачи	383
404.	Огни над Москвой	384
405.	Берлинская эпиграмма	384
406.	Да будет свет	384
407.	Победа	385
408.	Мысли вслух	386
409.	Наш герб	386
410.	Новый год («Меди гулкие раскаты...»)	387
411.	Зеленая застава	388
412.	Знамя	388
413.	Про одного критика	389

414. Начинающему поэту	389
415. Зеленая семья	389
416. Колыбельная («Ныряет месяц в облаках...»)	389
417. Бомбы и бомбоньерки	391
418. Голливуд и Гайавата	392
419. Великий немой	393
420. О гвоздях	393
421. Распродажа	394
422. Засекреченный юмор	395
423. Городу-герою	396
424. Море в степи	396
425. Кандидаты в кандидаты	396
426. Карл и карлик	397
427. Дом на слом	398
428. Новая сказочка про дедку и репку	399
429. Красные чернила	400
430. Меры веса	401
431. Симеоны без короны	401
* 432. Семь лет	402
433. Чемодан	403
434. Песня о двух ладонях	403
435. Разговор с внуком	404
436. Спор о марке	405
437. Переводчику	405
* 438. «О наши редакторы строчек и строф...»	406
439. Воздушная колыбельная	406
440. «Преодолев столетний косность...»	406
441. «На свете жил вагон моторный...»	406
* 442. «С презреньем цедите вы: «Плебс!»...»	407
443. «Над страницами романа...»	407
444. «Если бы каждый, кто чем-то заведует...»	408
445. О подхалимах-хамелеонах	409
446. «Говорила мышка мышке...»	410
447. О свинстве	410

1908—1918

448. Жалоба	410
449. О Ясной Поляне	411
450. К приезду гостей	412
451. Масленица	413
452. Современный Петербург. Петр	415
453. Муравей и стрекоза	416
454. Эдип, разреши...	417
455. Босоножки	417
456. Освободители искусства	418
* 457. Городская елка	419
458. Ананасы всмятку	420
459. Memento!	421

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1920—1962

460. (Н. М. Олейникову)	423
* 461. (Р. Р. Васильевой)	423
* 462. (М. Ф. Гнесину)	424
463. Исторнику-поэту	424
464. (Н. М. Гальперинной)	425
465. (И. И. Халтурину)	425
466. (Л. И. Толстой)	426
* 467. (А. И. Любарской)	426
468. Послание семидесятипятилетнему К. И. Чуковскому от семидесятилетнего С. Маршака	426
469. (Т. Г. Габбе)	428
470. (Б. Е. Галанову)	428
471. К моему портрету	429
472. Театру кукол С. В. Образцова	429
473. Эпитафия самому себе («Жил на свете Маршак Самуил. . .»)	429
474. Издателю	430
* 475. (Е. И. Чарушину)	430
476. (К. И. Чуковскому) («Вижу: Чуковского мне не догнать. . .»)	431
477. (К. И. Чуковскому) («Мой старый, добрый друг Корней. . .»)	431
478—479. О ю б и л е е	
* 1. «Нелегко человеку быть старым. . .»	432
2. «Достойн чести юбиляр . . .»	432

1961—1913

480. Трех богатырям со четвертым	433
481. «Я пришел на мост на Крюков. . .»	433
* 482. Третье послание Ольге Владимировне Федорченко	434
* 483. На верблюде	436
* 484. О том же	437
* 485. 20 июня — 7 июля	440

II. ПЕРЕВОДЫ

С АНГЛИЙСКОГО

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

486. Баллада о двух сестрах	455
487. Женщина из Ашерс Велл	458
488. Русалка	459
489. Король и пастух	461
490. Баллада о мельнике и его жене	466
491. Королева Элинор	468
492. Графиня-цыганка	471

493. Робин Гуд и мясники	472
494. Робин Гуд и шериф	476
495. Песня нищих	479
496—497. Из позабытых песен	
1. «Западный ветер, повея ты вновь...»	481
2. «Сквозь снег и град...»	481

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

498. Дом, который построил Джек	481
499. Кораблик	483
500. Кузнец	484
501. Дуйте, дуйте, ветры!	484
502. Шалтай-Болтай	484
503. Старушка	485
504. Перчатки	485
505. Верхом и пешком	486
506. Котята	487
507. Три зверолова	488
508. Сам по себе	488
509. Мыши	489
510. Гвоздь и подкова	489
511. Птицы в пироге	490
512. Королевский поход	490
513. Мери и баран	491
514. Происшествие в карточном домике	492
515. Веселый король	492
516. Если бы да кабы...	493
517. Ключ от королевства	493
518. Барашек	494
519. Не может быть	495
520. В гостях у королевы	495
521. Песенка о шести пенсах	495
522. Три мудреца	496
523. Рано в кровать	496
524. Мыши в амбаре	496
525. О мальчиках и девочках	496
526. Разговор	497
527. Смешная песенка	497

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

528—532. Песни шута (из трагедии «Король Лир»)	
1. «Показывай меньше того, что имеешь...»	498
2. «Тот, кто решился по кускам...»	499
3. «Вскормил кукушку воробей...»	499
4. «Кто служит только для того...»	499
5. «Когда откажется священник...»	499
533—571. Сопеты	
1. «Ты — музыка, но звукам музыкальным...»	500
2. «Когда часы мне говорят, что свет...»	501
3. «Ты притупи, о время, когти льва...»	501
4. «Не соревнуюсь я с творцами од...»	502

5.	«Как тот актер, который, оробев...»	502
6.	«Кто под звездой счастливою рожден...»	503
7.	«Трудами изнурен, хочу уснуть...»	503
8.	«Когда на суд безмолвных тайных дум...»	504
9.	«О, если ты тот день переживешь...»	504
10.	«Я наблюдал, как солнечный восход...»	505
11.	«Блистательный мне был обещан день...»	505
12.	«Как тязюка мне, в пути взметая пыль...»	506
13.	«Прекрасное прекрасней во сто краг...»	506
14.	«Замшелый мрамор царственных могил...»	507
15.	«Избави бог, меня лишивший волн...»	507
16.	«Уж если нет на свете новизны...»	508
17.	«Как движется к земле морской прибой...»	508
18.	«Уж если медь, гранит, земля и море...»	509
19.	«Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж...»	509
20.	«Ты погрусти, когда умрет поэт...»	510
21.	«Дабы не мог тебя заставить свет...»	510
22.	«То время года видишь ты во мне...»	511
23.	«Когда меня отправят под арест...»	511
24.	«Увы, мой стих не блещет новизной...»	512
25.	«Седины ваши зеркало покажет...»	512
26.	«Тебе ль меня придется хоронить...»	513
27.	«Уж если ты разлюбишь — так теперь...»	513
28.	«Кто, злом владея, зла не причинит...»	514
29.	«Мне показалось, что была зима...»	514
30.	«Нас различил апрель цветущий, бурный...»	515
31.	«Люблю, — но реже говорю об этом...»	515
32.	«Не нахожу я времени примст...»	516
33.	«Когда читаю в свитке мертвых лст...»	516
34.	«Мешать соединенью двух сердец...»	517
35.	«Уж лучше грешным быть, чем грешным слить...»	517
36.	«Не хвастай, время, властью надо мной...»	518
37.	«Ее глаза на звезды не похожи...»	518
38.	«Нередко для того, чтобы поймать...»	519
39.	«Моя душа, ядро земли греховой...»	519
572.	Конь. Из поэмы «Венера и Адонис»	520
573—574.	Песни О ф е л и и. Из трагедии «Гамлет»	
1.	«Как в толпе его найдем...»	522
2.	«В день святого Валентина...»	522
575.	Песня Балгазара. Из комедии «Много шуму из ничего»	522
576.	Песня шута. Из комедии «Двенадцатая ночь»	523

ИЗ ДЖОНА ДОННА

577.	«Смерть, не гордись, когда тебя зовут...»	524

ИЗ ДЖОНА МИЛЬТОНА

578.	О слепоте	524
579.	О Шекспире	525

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

580. Честная бедность	526
581. Старая дружба	527
582. Робин	528
583. В горах мое сердце	529
584. Джон Андерсон	530
585. «В полях, под снегом и дождем...»	531
586. Дерево свободы	531
587. Макферсон перед казнью	534
588. Финдлей	535
589. «Пробираясь до калитки...»	536
590. «Ты меня оставил, Джеми...»	536
591. Джон Ячменное Зерно	537
592. «Давно ли цвел зеленый дол...»	539
593. Заздравный тост	539
594. Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...»)	540
595. Ночлег в пути	540
596. Любовь	543
597. Маленькая баллада	544
598—601. (Из кантаты «Веселые нищие»)	
1. Песня отставного солдата	544
2. Песня бродячего лудильщика	545
3. Первая песня поэта	546
4. Вторая песня поэта	547
602. Поцелуй	548
603. Тэм О'Шентер	548
604. Ода к зубной боли	556
605. Песня («Растет камыш среди реки...»)	557
606. Западный ветер	558
607. Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы	559
608. Кузнецу	560
609. Счастливый вдовец	560
610. Моему незаконнорожденному ребенку	561
611. За тех, кто далёко	563
612. Расставание («Поцелуй — и до могилы...»)	564
613. Строчки о войне и любви	564
614—620. Эпиграммы	
1. Надпись на могиле сельского волокиты	565
2. К портрету духовного лица	565
3. Надпись на могиле школьного педанта	566
4. Проповеднику Лемингтонской церкви	566
5. Надгробная надпись («Прошел Джон Бушби чест- ный путь...»)	566
6. Эпитафия бездушному дельцу	566
7. Эпитафия самоубийце	567

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

621. Вступление к «Песням невинности»	567
622. Агнец	568
623. Тигр	568
624. Сон («Сон узор сплетает свой...»)	569

625.	Школьник	570
626.	Святой четверг	571
627.	Маленький бродяжка	571
628.	Песня дликого цветка	572
629.	(Из поэмы «Мильтон»)	572
630.	Древо яда	573
631.	Золотая часовня	573
632.	Лондон	574
633.	Меч и серп	575
634.	«Словом высказать нельзя...»	575
635.	Дитя-радость	575
636.	Хрустальный чертог	576
637.	Летучая радость	577
638.	Колыбельная песня («Сон, сон, полог свой...»)	577
639.	Муха	578
640.	О скорби ближнего	579
641.	Человеческая абстракция	580
642.	Из «Прорицаний невинности»	581
643.	Из книги «Вечносущее Евангелие»	585
644—648.	Э п и г р а м м ы	
	1. Разговор духовного отца с прихожанином	587
	2. «Всю жизнь любовью пламенной сгорая...»	587
	3. Искательнице успеха	587
	4. «Что оратору нужно? Хороший язык?..»	587
	5. «К восставшей Франции мошенники Европы...»	588

ИЗ ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА

649.	Агасфер	588
650.	Кукушка	589
651.	Люси	590

ИЗ ДЖОРДЖА ГОРДОНА БАЙРОНА

652.	«Она идет во всей красе...»	592
653.	«Не бродить нам вечер целый...»	593
654.	Расставание («Помнишь, печалась...»)	593
655.	Солнце бессонных	594
656—657.	На самоубийство британского министра Кестльри	
	1. «О Кестльри, ты — истый патриот...»	594
	2. «Зарезался он бритвой, но заранее...»	595

ИЗ ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

658.	Зима («Тоскует птица о любви своей...»)	595
659.	Мужам Англии	595
660.	Лето и зима	596

ИЗ ДЖОНА КИТСА

661.	Кузнечик и сверчок	597
662.	Слава	598

663. Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бернса	598
664. Осень	: 599
665. «Четыре разных времени в году...»	600
666. «Чему смеялся я сейчас во сне?»	600
667. Сонет о сонете	601
668. Сонет («Тому, кто в городе был заточен...»)	601

ИЗ АЛЬФРЕДА ТЕННИСОПА

669. У моря	: 602

ИЗ РОБЕРТА БРАУНИНГА

670. В Англии весной	602

ИЗ ЭДВАРДА ЛИРА

671. Эдвард Лир о самом себе	603
672. Прогулка верхом	604
673. Кот и Сова	605

ИЗ ЛЬЮНСА КЭРРОЛЛА

674. Морская кадрили	607
675. Баллада о старом Вильяме	607

ИЗ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

676. Вересковый мед	608

ИЗ АЛЬФРЕДА ЭДВАРДА ХАУСМЕНА

677. Кто этот грешник?	611
678. Царница тьмы	612

ИЗ ВИЛЬЯМА БАТЛЕРА ВЕЙТСА

679. Скрипач из Дунни	612
680. Старая песня, пропетая вновь	613

ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

681. На далекой Амазонке	613
682. Если в стеклах каюты	614
683. Горб верблюжий	615
684. Есть у меня шестерка слуг	616
685. Пехота в Африке	617
686. Томми Аткинс	618
687. Если...	620

ИЗ ДЖОНА МЕЙСФИЛДА

688. Морская лихорадка	621

ИЗ ТОМАСА СТЕРНСА ЭЛНОТА

689. Макавити 621

ИЗ АЛЕКСАНДРА АЛАНА МПЛА

690. Баллада о королевском бутерброде 623
691. Непослушная мама 626
692. У окна 628

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ РАЗНЫХ ВРЕМЕН

693. Надпись на камне («Здесь я покоюсь — Джимми Хогг...») 629
694. На художника-портретиста 629
695. В защиту поэзии 629
696. Эпитафия-объявление 630
697. Эпитафия скряге 630
698. На смерть похоронных дел мастера 630
699. Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка 630
700. Напрасные усилия 630
701. Спор городов о родине Гомера 631
702. Веточка 631
703. О поцелуе 631
704. О пьянстве 632
705. Простая истина 632
706. О времени 632
707. На Ньютона и Эйнштейна 632
708. Эпитафия («Георг Третий...») 633
709. По теории относительности 633
710. Эпитафия самому себе («Какая шутка — наша жизнь земная!...») 633
711. Завещание писателя 633
712. Не презирай сонета 634
713. Маленькая неточность 634
714. Опасный номер 634
715. Тост за двоих 634
716. Эпитафия шоферу 635
717. Невероятный случай 635
718. Король и кошка 635
719. Дождик («Всех мочит дождик с высоты...») 635
720. «Адам пахал, его жена...» 636

С НЕМЕЦКОГО

ИЗ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

721. Лорелей 637
722. «Рокочит трубы оркестра...» 638
723. «Двое перед разлукой...» 638
724. Гонец 638
725. «Когда выхожу я утром...» 639

726. «Над пеною моря, раздумьем объят...»	640
727. «Когда тебя женщина бросит, — забудь...»	640
728. «Материю песни, ес вещество...»	641
729. «Они мои дни омрачали...»	641

С ВЕНГЕРСКОГО

ИЗ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

730. Привал в пути	642
731. Пятый стакан	643
732. «Блаженны те, кому дано...»	645

С СЕРБСКОХОРВАТСКОГО

ИЗ ЙОВАНА ЙОВАНОВИЧА-ЗМАЯ

733. Честь	646
734. Крапива	646
735. «На страшный мост похожа ложь...»	647

С ЧЕШСКОГО

НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

736. Хоровод	648
737. Неуклюжий жучок	648
738. А, Бе, Це	649
739. Заяц-бездельник	649
740. Лягушка на дорожке	649

ИЗ ОНДРЫ ЛЫСОГОРСКОГО

741. Стрекоза осенью	650

С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИЗ ДЖАННИ РОДАРИ

742. Чем пахнут ремесла?	651
743. Какого цвета ремесла?	652
744. Туннель	653
745. Товарный поезд	653
746. Венеция	653

С ФИНСКОГО

ИЗ «КАЛЕВАЛЫ»

747. Рождение кантеле 655
748. Айно , ... 662

С ЛАТЫШСКОГО

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

749. Колыбельная («Спи, усни, мой медвежонок...») 672
750. Песня про баню 673
751. Хмель и дед 673
752. Золото и серебро 674
753. Совушка 674
754. Что за грохот? 674
755. Всем деревьям по подарку 674

С УКРАИНСКОГО

ИЗ ЛЕСИ УКРАИНИКИ

756. Кто вам сказал? 676
757. «Упадешь, бывало, в детстве...» 677

С АРМЯНСКОГО

ИЗ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

758. Кот-скорняк 678

С ТАТАРСКОГО

ИЗ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

759. Случается порой 683

С ЛИТОВСКОГО

ИЗ САЛОЖЕН ПЕРИС

760. Мать 684

С ЕВРЕЙСКОГО

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ БОЙНЫ

761. Колыбельная («Ночью ветер с жалким воем...»)	685
* 762. Домик в Литве	686
763. «Настали сумрачные годы...»	687

ИЗ САМУИЛА ГАЛКИНА

764. После грозы	688

ИЗ ЛЬБА КВИТКО

765. Письмо Ворошилову	688
766. Лошадка	690
767. Жучок	693
Другие редакции и варианты	695
Примечания	775
Алфавитный указатель произведений	859
К иллюстрациям	887

Маршак Самуил Яковлевич
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1973,
912 стр. План выпуска 1973 г. № 354.

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Ссров*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 22/V 1973 г. Подписано в печать 18/IX 1973 г. М 34475. Бумага 84×103¹/₃₂, типогр. № 1. Печ. л. 28¹/₂+5 вкл. (48,4). Уч.-изд. л. 43,87. Тираж 40 000 экз. Заказ № 720.
Цена 3 р. 80 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я

Второе издание

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

(2 тома)

ПОЭТЫ 1820 — 1830-х ГОДОВ

(2 тома)

ПОЭТЫ 1840 — 1850-х ГОДОВ

ПОЭТЫ 1880 — 1890-х ГОДОВ

Л. А. МЕЙ

МУКМИ. ФУРКАТ

АРМЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИРИКА

И. ДЖАНСУГУРОВ. С. СЕИФУЛЛИН

В. КАПНИСТ

Е. ЧАРЕНЦ

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я

Второе издание

Я. КУПАЛА

Дм. ГУЛНА

М а л а я с е р и я

Третье издание

ПОЭТЫ ЛАТВИИ

„Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

М а л а л а с е р и я

Третье издание

ПОЭТЫ ТАДЖИКИСТАНА
